Книга издана
при финансовой поддержке
Международного Фонда
«Культурная инициатива»

ISBN 5—86007—004—7

И

Иаков (2-я пол. XVII в.) — священник из Великого Устюга, автор Повести о Соломонии бесноватой (в рукописях (с небольшими вариациями): «Чюдо пресвятыя владычицы нашея Богородицы и приснодевы Марии и святых, праведных и блаженных иже Христа ради юродивых Прокопия и Иоанна, Устюжских чюдотворцов, о жене бснованней имянем Соломонии»). Согласно некоторым спискам Повести (ГБЛ, собр. Ундольского, № 645; ИРЛИ, собр. Перетца, № 224 и др.), И. являлся попом Спасо-Преображенского женского монастыря Великого Устюга. По-видимому, И. служил здесь не дольше чем до 1676 г., поскольку с этого времени документы упоминают уже другого спасо-преображенского попа (РИБ. СПб., 1890. Т. 12, ч. 1. Стб. 624). Следовательно, Повесть была написана между 8 июля 1671 г. (дата исцеления Соломонии) и 1676 г. Известно также, что в 1669 г. И. являлся выборным поповским старостой Великого Устюга (ЦГАДА, ф. 1187, оп. 1, ч. 1, д. 1088 — автограф И.). Другие биографические сведения об И. отсутствуют. Как полагает А. Н. Власов, И. — последний редактор Иоанно-Прокопьевского цикла (*Жития Прокопия* и *Иоанна Устюжских*), в состав которого изначально входила Повесть в качестве одного из чудес святых. Вслед за Н. Коноплевым А. Н. Власов атрибутирует И. и другие чудеса Прокопия и Иоанна, приуроченные к 50—70-м гг. XVII в.

В настоящее время известно более 100 списков Повести XVII—XX вв., которые представляют пять ее редакций: Житийную (Пространную), Краткую, Ярославскую (названа по месту хранения основных списков), 1-ю Особую и 2-ю Особую. Наибольшее распространение в рукописной традиции получили Житийная и Краткая редакции, существующие во множестве вариантов. Житийная редакция создана самим И. и является первоначальной. В рукописях она встречается как в составе Иоанно-Прокопьевского цикла, так и вне его — как правило, в сборниках религиозно-нравственного характера. В отдельных списках (ГБЛ, собр. Ундольского, № 600 и др.) текст этой

редакции дополнен выписками из книги *Иннокентия Гизеля* «Мир с Богом человеку» (Киев, 1669. Л. 92) и из Номоканона (см.: Номоканон. Киев, 1629. Л. 96).

Краткая редакция создана не позднее 1682 г. (см. владельческую запись в рукописи ГПБ, собр. Титова, № 3620. Л. 47 об.) и восходит к первичному тексту Житийной редакции. Цель произведенных редактором изменений заключается прежде всего в активизации собственно фабульной, событийной основы Повести и достигается путем полного или частичного сокращения риторических мест, выдержки из Евангелия, двух пространных авторских дидактических отступлений, различных фрагментов, не связанных непосредственно с самим действием. Известен лишь один список Краткой редакции (Тобольский филиал ГАТО, № 262), примыкающий в рукописи к Житию Прокопия Устюжского, — все другие списки этой редакции, как и трех остальных, утратили связь с Житием.

Ярославская редакция создана в посл. четв. XVII в. на основе текста Житийной редакции, распространенного выпиской из Иннокентия Гизеля и Номоканона. В этой редакции усилено «душеспасительное», сакральное звучание Повести, редуцирована «бытовая» основа первоначального текста. Художественное своеобразие Ярославской редакции заключается в использовании ее автором рифмы, в обильном цитировании Священного Писания, в сочетании «душеполезности» со смеховым началом. Все три известных в настоящее время списка этой редакции (Ярославский музей-заповедник, № 531/146; 550/271; БАН, 21.2.12 — отрывок) сопровождаются в рукописях «прикладами» из *Великого Зерцала.*

1-я Особая редакция (ГПБ, Q.XVII.192, кон. XVII—нач. XVIII в.) восходит к Краткой редакции и распространяет ее текст некоторыми новыми фрагментами, большинство из которых характеризуются повышенной экспрессивностью и являются традиционными «приметами» житийной литературы. 2-я Особая редакция (ГПБ, собр. Михайловского, Q.523, 1-я пол. XVIII в.) также создана на основе Краткой и представляет собой по существу лишь сжатый пересказ самого сюжета.

На протяжении всей своей литературной истории Повесть достаточно устойчиво примыкала в рукописях к кругу памятников житийного и религиозно-нравственного характера. Читателями Повести являлись преимущественно духовенство (им же были созданы и все основные ее редакции и варианты) и крестьяне Русского Севера.

В основе Повести лежат народно-мифологические представления, хорошо известные христианской литературе (см., например, *Житие Василия Нового*, персонаж которого, Феодора, упоминается в Повести), о сожительстве женщин с бесами. Повесть состоит из двух частей: описание мучений Соломонии от бесов и рассказ героини перед «освященным собором» о своем исцелении.

В процессе изучения Повести предлагались крайне противоречивые интерпретации ее идейного содержания и художественной природы. С. С. Шашков причислял Повесть к произведениям, обличающим «женскую злобу». А. В. Амфитеатров пришел к выводу, что мучения Соломонии от бесов не что иное, как галлюцинации и припадки нервнобольной, в мельчайших деталях совпадающие с симптомами истерии, описанными в психиатрической литературе. Некоторые исследователи принимали мифологическую основу Повести за иносказание. Так, И. С. Некрасов полагал, что Повесть изображает любовные похождения юной поповны-блудницы и «ватаги бурсаков» — бесов. М. О. Скрипиль трактовал Повесть как антистарообрядческое произведение, усматривая в ней вслед за Ф. И. Буслаевым намеки на вопрос об отличии трехперстного крестосложения от двуперстного и полагая, что в образе бесов изображены старообрядцы.

Изучение литературной истории Повести (см.: Пигин. Демократическая повесть...) показало, что читателями XVII—XVIII вв. Повесть не осознавалась как антистарообрядческое произведение. Ее активно переписывали в тех регионах Русского Севера, где старообрядческая идеология была очень популярна, иногда включали в состав старообрядческих сборников (Ярославский музей-заповедник, № 586/594 и др.; см. также: Плигузов А. И. Древнейшие книги дьяконовского согласия // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 66). Не знает рукописная традиция Повести и намеков на историю блудницы и вообще каких-либо признаков иносказания. Лежащие в основе Повести мифологические представления еще не утратили в народной среде XVII—XVIII вв. своей религиозно-мировоззренческой функции, а потому воспринимались читателями как реальность. Эта специфика мифологической природы памятника не позволяет, по-видимому, безоговорочно причислять его и к литературе барокко (как это делал, например, А. А. Морозов), где миф «формален», выполняет главным образом эстетическую функцию (ср. со стихотворением *Симеона Полоцкого* «Казнь хулы», обыгрывающим те же мифологические представления).

Многие особенности Повести (упоминание ряда священников из Великого Устюга второй половины XVII в., отражение характерных для Великого Устюга исторических реалий и др.) свидетельствуют о том, что в ее основе лежит какой-то реальный эпизод религиозной жизни Великого Устюга 60—70-х гг. XVII в. Вместе с тем роль автора Повести не может быть сведена, вопреки мнению А. В. Амфитеатрова, к простой фиксации болезненных видений кликуши. Признаки художественного творчества в Повести обнаруживаются в «рационалистическом подходе автора к композиции» (Н. С. Демкова), в очевидной ориентации И. как на традиционные агиографические жанры посмертного чуда, богородичной легенды, мартирия, так и на поэтику фоль-

:лорных жанров — прежде всего, народного суеверного рассказа (былички, бывальщины).

По предположению Л. М. Лотман, Повесть оказала влияние на роман Ф. М. Достоевского «Бесы» (Лотман Л. М. Реализм русской литературы 60-х годов XIX века: (Истоки и эстетическое своеобразие). Л., 1974. С. 308—310). В XX в. Повесть была пересказана А. М. Ремизовым.

Изд.: ПЛ. 1860. Вып. 1. С. 153—168; Житие преподобного Прокопия Устюжского. СПб., 1893. С. 143—195. (Изд. ОЛДП. Вып. 103); Московские высшие женские курсы. Семинарий по древнерусской литературе. Повесть о бесноватой жене Соломонии. Сергиев Посад, [б. г.] (см.: Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы XVIII века. М., 1963. С. 235); Волкова Т. Ф., Демкова Н. С. К изучению репертуара севернорусской книжности XVII века. «Повесть о Соломонии бесноватой» по Забелинскому списку XVII века // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 149—167; Пигин А. В. Повесть о Соломонии // Древлехранилище Пушкинского Дома: Мат. и исслед. Л., 1990. С. 147—165; Библиотека русской фантастики: В 20 т. М., 1990. Т. 2: Звездочтец. Русская фантастика XVII века. С. 187—200 (пер. и коммент. Т. Л. Мироновой); Русская бытовая повесть XV—XVII вв. / Сост. и коммент. А. Н. Ужанкова. М., 1991. С. 177—198.

Лит.: Пыпин А. Н. 1) [Рец. на кн.: Памятники старинной русской литературы / Издание графа Г. Кушелева-Безбородко, под редакцией Н. Костомарова. СПб., 1860] // Современник. 1860. Т. 84. Отд. Современное обозрение. С. 49—53; 2) История русской литературы. СПб., 1898. Т. 2. С. 544—545; Некрасов И. С. Женский литературный тип Древней Руси // Филологические записки. 1864. Вып. 3. С. 131—134; Веселовский А. Н. 1) Данте и символическая поэзия католичества // ВЕ. 1866. Декабрь. С. 173, 199; 2) Памятники литературы повествовательной // Галахов А. История русской словесности, древней и новой. 3-е изд. М., 1894. Т. 1. Отд. 1. С. 483—485; Прыжов И. Русские кликуши // ВЕ. 1868. Октябрь. С. 647—648; Ключевский. Древнерусские жития. С. 343; Шашков С. С. Очерк истории русской женщины. СПб., 1871. С. 70—71; Ровинский Д. Русские народные картинки // СОРЯС. СПб., 1881. Т. 26. С. 537—543; Т. 27. С. 208—210; Буслаев Ф. И. Мои досуги. М., 1886. Ч. 2. С. 11—12; Роте А. И. История психиатрии в России и Польше. Харьков, 1893. С. 17—31; Коноплев Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР. 1895. Кн. 4. Отд. 4. С. 21—23, 101—102; Щапов А. П. Исторические очерки народного миросозерцания и суеверия // Щапов А. П. Сочинения. СПб., 1906. Т. 1. С. 74—75; Лахтин М. Бесоодержимость в современной деревне // Вопросы философии и психологии. М., 1910. Кн. 102. С. 146, 174; Келтуяла В. А. Курс истории русской литературы: Пособие для самообразования. СПб., 1911. Ч. 1. Кн. 2. С. 908—909; Амфитеатров А. 1) Соломония бесноватая // Амфитеатров А. И черти, и цветы. СПб., 1913. С. 1—59; 2) Одержимая Русь: Демонические повести XVII в. Берлин, 1929; Сперанский М. История древней русской литературы: Пособие к лекциям в университете и на высших женских курсах в Москве. 2-е изд. М., 1914. С. 553—554; Рязановский Ф. А. Демонология в древнерусской литературе. М., 1915. С. 45—46, 71—73, 104, 113; Mansikka V. J. Die Religion der Ostslaven. Helsinki, 1922. S. 308—309; Гудзий Н. К. История древней русской литературы. М., 1938. С. 399—400; Скрипиль М. О. 1) Повесть о Соломонии // Старинная русская повесть: Статьи и исслед. М.; Л., 1941. С. 197—215; 2) Повесть о Соломонии бесноватой // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2: Литература 1590—1690 гг. С. 292—294; Воробьев В. П. 1) Из наблюдений над синтаксисом русских повестей XVII века // Учен. зап. Саратовского гос. пед. ин-та. 1948. Т. 20, вып. филол. С. 253—268; 2) Сложносочиненное предложение в русских оригинальных бытовых повестях второй половины XVII века // Учен. зап. Саратовского пед. ин-та. 1948. Вып. 12: Кафедра русской литературы, русского языка,

психологии. С. 163—191; 3) Дательный самостоятельный в русских оригинальных повестях XVII века // Учен. зап. Саратовского пед. ин-та. 1958. Вып. 30: Кафедра русского, немецкого, английского и французского языков. С. 230—243; Ремизов А. Бесноватые: Савва Грудцын и Соломония. Париж, 1951. С. 7—9, 64—93; Морозов А. А. Проблема барокко в русской литературе XVII—начала XVIII века: Состояние вопроса и задачи изучения // РЛ. 1962. № 3. С. 25; Демкова Н. С., Дмитриева Р. П., Салмина М. А. Основные пробелы в текстологическом изучении оригинальных древнерусских повестей // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 153—154; Schmücker A. Gestalt und Wirken des Teufels in der russischen Literatur von ihren Anfängen bis ins 17. Jahrhundert. Hamburg, 1964; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 513, 519—524; Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века: Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977. С. 48, 66, 116; Власов А. Н. 1) Идейно-стилистическое своеобразие устюжских и сольвычегодских житий XVII века // Стиль и время: Развитие реалистического повествования. Сыктывкар, 1985. С. 26—27; 2) К вопросу о происхождении цикла сказаний о Прокопии и Иоанне Устюжских // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 144—159; Döring-Smirnov J.-R. Dämonologische Vorstellungen in zwei anonymen russischen Erzählungen des XVII. Jahrhunderts // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. 1986 (на обл. 1985). Vol. 31—32. P. 101—112; Демкова Н. С. К изучению жанровых истоков севернорусской повести XVII века: «Повесть о Соломонии бесноватой» // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. С. 12—21; Пигин А. В. 1) Повесть А. М. Ремизова «Соломония» и ее древнерусский источник // РЛ. 1989. № 2. С. 114—118; 2) Бесноватые, «обмершие» и «обоюдные»: (К истолкованию образа Соломонии бесноватой) // Устные и письменные традиции в духовной культуре народа: Тезисы докладов всесоюз. конф. Сыктывкар, 1990. Ч. 2: Археография и книжность. Лингвистическое изучение европейского Севера. С. 72—73; 3) Демократическая повесть XVII в.: (Повесть о Соломонии) / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990; Медведев Ю. «Между чудес и чудовищ...» // Библиотека русской фантастики. Т. 2. С. 470—471.

А. В. Пигин

Иван Андроников Невежин (XVI—нач. XVII в.) — русский типограф, мастер печатного дела. Впервые имя И. А. упомянуто в послесловии к Часовнику (27.VII.1598), изданному его отцом *Андроником Тимофеевым Невежей*. Видимо, уже в конце 90-х гг. XVI в. И. А. является активным помощником отца, а затем, после 1602 г., становится во главе типографии. В 1603—1611 гг. он выпустил в Москве семь изданий: Триодь цветную (30.VIII.1604), Апостол (18.III.1606), Триодь постную (28.II.1607), минеи на сентябрь (31.XII.1607), октябрь (23.IX.1609), ноябрь (17.IX.1610) и декабрь (1610/1611) (издание неоконченное).

Положение руководителя обязывало И. А. заботиться не только об административной стороне книгоиздательского процесса, но и о технической: принимать деятельное участие в самой подготовке текста к изданию, заниматься редакционно-эдиторскими вопросами, созданием прообраза (макета) будущей книги, изготовлением шрифтов, заставок, концовок и других орнаментальных материалов. Можно с достаточной определенностью утверждать, что он является автором или одним из авторов послесловий и предисловий к своим изданиям, отдельные из которых, например послесловие к сентябрьской минее,

могут рассматриваться и как своеобразные трактаты эстетико-философского плана, раскрывающие перед читателями позицию автора, вводящие их в мастерскую «творцов красоты слова». Известно 6 послесловий и одно предисловие, автором которых мог быть И. А. Не исключена возможность, что он принимал участие в составлении и редактировании годового круга служебных миней, из которых им были напечатаны только книги первой четверти года и частично минея на декабрь. Судя по размаху работы, подготовка к печати этого объемного, многотомного издания — первого в истории не только русской, но и всей кирилловской книжности — явилась значительным культурным предприятием своего времени. Тексты миней не только сверялись и правились по многим спискам, но в их корпус вводились и новые литературные памятники — русские по своему происхождению (например, Служба Сергию Радонежскому и др.).

Учитывая все это, а также интернациональное значение русской книжности, в том числе и печатной, широко расходившейся по славянским землям и на Балканах, И. А. имел право вполне осознанно рассматривать свою миссию русского типографа как проводника «луча света всемирного просвещения» (см.: Минея на сентябрь. М., 1607. Л. 327). Работа по изданию миней приостановилась в 1610/1611 г. В дальнейшем к их выпуску обратились уже на Московском печатном дворе, спустя почти 10 лет, однако и тогда полный годовой круг миней напечатан не был. Последний раз имя И. А. встречается в послесловии к ноябрьской минее 1610 г., где сообщалось, что она «напечатана мастерством и труды многогрешного Ивана Андроникова сына Невежина и прочих сработников». О дальнейшей судьбе мастера ничего не известно.

Изд.: Строев П. 1) Обстоятельное описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстого. М., 1829. С. 96—104, 104—106, 113—120; 2) Описание старопечатных книг славянских, находящихся в библиотеке... Ивана Никитича Царского. М., 1836. С. 41—42, 44—47.

Лит.: Зернова А. С. 1) Орнаментика книг московской печати XVI—XVII веков. М., 1952. С. 16—17; 2) Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVIII веках: Сводный каталог. М., 1958. С. 21—24.

Ю. А. Лабынцев

Иван Иванов Плешков (2-я пол. XVII в.) — предполагаемый автор повести о Нило-Сорском ските, писец рукописи ГИМ, собр. Щукина, № 212, 1674 г., в состав которой входит Повесть. Содержание книги разнородно. В первой ее части значительное место занимают сочинения *Нила Сорского* (Предание, Устав, три послания и Завещание), статьи о жизни и правилах Нило-Сорской пустыни, а также типичные для келейного чтения монахов-созерцателей произведения Илариона Великого, Григория Синаита и др. Вторая же часть рукописи целиком

посвящена хозяйственной жизни Кирилло-Белозерского монастыря: здесь находятся «Книги кормовые Кириллова манастыря», где подробнейшим образом расписано, чем и когда надо кормить и поить иноков; здесь находится также «Книга келарская росходная: поколко по службам дают запасу», где указано, сколько, кому, в каких случаях и какого следует выдавать и посылать продовольствия; сюда включены и записи некоторых соборных монастырских решений, касающихся хозяйства. Что это именно оригинал, а не копия книги монастырского хозяйственника, показывает и внешний вид рукописи: она заключена не в доски с застежками, как это свойственно предназначенным для книжных полок манускриптам, а в мягкий кожаный переплет с клапаном, как у конверта, с опоясывающей кожаной же завязкой.

В конце рукописи писец назвал себя «грешным в человецех тотмянином дьячком Ивашкой Ивановым сыном Плешковым». Допущение, что он и является автором Повести о Нило-Сорском ските, единственный список которой находится в его рукописи, может объяснить многое в самой Повести: в ней говорится исключительно об организационной стороне жизни скита (нет даже намека на «духовно-портретные» зарисовки подвижников, какие бывают, например, в патериках) — о расстановке келий, о снабжении продовольствием, о лесе, ягодах, о том, где можно и где нельзя рубить деревья, о порядке приема новичков, уходе за больными, особенностях распорядка церковной службы, топке печей, о том, что в ските живет одно светское лицо, которое заботится об иноках. По-видимому, дьячок И. И. родом из Тотьмы, до того как стать келарем Кирилло-Белозерского монастыря (каковым он был, судя по второй части книги), находился на службе у монахов Нило-Сорской пустыни.

Изд.: Прохоров Г. М. Повесть о Нило-Сорском ските // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1976 г. М., 1977. С. 12—20.

Г. М. Прохоров

Иван Иевлевич Молодой (нач. XVIII в.) (иначе Ионг, т. е. Юнг Вуттер Ян) — амстердамский книгоиздатель, сотрудник И. Ф. Копиевского. Происходил из семьи амстердамских купцов, представители которой жили в Архангельске и Вологде в нач. XVIII в. И. И. сотрудничал с И. Ф. Копиевским при издании «Книги учащей морского плавания...» (Амстердам, 1701); его имя в русской транскрипции приведено (наряду с именем Копиевского) под посвящением боярину Ф. А. Головину. И. И. отправлял в Россию Петру I из Амстердама ящики с насекомыми и диковинными предметами из Индии. К 1703 г. И. И. порвал сотрудничество с И. Ф. Копиевским.

Лит.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 15—17, 23, 53, 521, 527—528; Т. 2. С. 47; Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. М.; Л., 1958. С. 280, 291, 292, 326, 327, 328, 332, 333, 337, 338.

О. А. Белоброва

Иван Слободской (2-я пол. XVII—1-я пол. XVIII в.) — певчий и чтец вологодского архиепископа, затем унженский земский комиссар, автор краткого Вологодского летописца и службы Галактиону Вологодскому. Биографические сведения о И. С. немногочисленны. Вологжанин родом, И. С. в 1696—1697 гг., будучи «во услужении» при вологодском и белозерском архиепископе Гаврииле, являлся очевидцем освидетельствования мощей Галактиона Вологодского (как он сообщает в предисловии к службе этому святому). В январе 1701 г. написал от имени крестьянина И. Силуянова «запись» с обещанием содержать жену после ее пострижения в монастыре. В марте 1707 г. «справил» отписку о принятии «на Вологде» в Казенный приказ оброчных денег с Обнорской волости (см.: Описание собрания свитков, находящихся в Вологодском епархиальном древлехранилище. Вологда, 1899. Вып. 1. С. 39; 1901. Вып. 4. С. 63). В начале XVIII в. был послан в Монастырский приказ хлопотать «о келейных (вологодского «владыки». — *Я. С.*) и о иных зборных денгах» (см.: Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. М., 1897. Ч. 3. С. 128). Являясь земским комиссаром в г. Унже, И. С. «приложил» к гробу святого Макария золотой крест «с чернами» (до октября 1727) и передал органы игумену Макарьевского Унженского монастыря Александру, настоятельство которого относится к октябрю 1727—середине января 1728 г. (см.: Херсонский И. К. Летопись Макариева Унженского монастыря Костромской епархии. Кострома, 1892. Вып. 2. С. 93, 94).

В 1716 г. И. С. составлен краткий Летописец, сохранившийся в единственном списке третьей четверти XVIII в. (БАН, 45.4.13, л. 74—77 об.). Этот Летописец, который автор адресовал будущим «рачителям» изучения вологодской старины, за исключением известий о смерти *Василия III*, *Ивана Грозного*, его сына Федора, *Михаила Феодоровича* и *Алексея Михайловича*, содержит сведения о прошлом Вологодского края. В первой статье Летописца сообщается об основании выходцем из Глушицкого монастыря Герасимом Троицкой обители (1146—1147 гг.), в заключительной читаем о кончине в 1676 г. царя Алексея. Наиболее позднее событие из упомянутых в Летописце — смерть бывшего вологодского архиепископа *Симона* на его «обещании» в Спасо-Прилуцком монастыре 29 апреля 1685 г. И. С. сообщает о сооружении и освящении храмов в Вологде и ее окрестностях, эпидемиях и налогах, поставлениях и кончинах местных архиеписко-

пов. Наиболее подробно он рассказывает о строительстве в Вологде при Иване IV (об этом говорится в 5 из 27 статей Летописца).

В предисловии к Летописцу, из которого узнаем о времени возникновения памятника и его авторе, указаны источники: летописи, хронографы, «сенадишные записки» (по Н. А. Казаковой — синодики, но, скорее, это материалы церковного делопроизводства). В Летописце использованы Сказание о Каменном монастыре *Паисия Ярославова* и дополнения к летописному своду 1497 г. Из последнего источника (вологодского происхождения) в сочинение И. С. попали известия о возведении в Вологде Софийского собора. По-видимому, его автор обращался к житиям «вологоцких чудотворцев» и местным летописцам. Так, об основании Герасимом Троицкой пустыни у Кайсарова ручья И. С. мог узнать из *Жития Герасима Вологодского* и «вологодских старинных летописцев» (см.: ГПБ, собр. ПДА, № 270, т. 2, л. 346). В Летописце И. С. отразились и народные предания об Иване Грозном, в частности — о его намерении уехать в «Поморские страны» (судя по сообщениям современников-иностранцев, речь шла об Англии).

Вероятно, в середине XVIII в. появился второй вид, а затем (на рубеже XVIII—XIX столетий, не ранее 1782 г.) новая редакция памятника. В них опущен ряд известий Летописца И. С. и включены дополнительные свидетельства о прошлом Вологодского края (см.: Новая историческая летопись // Вологодские губернские ведомости. 1857. № 6. Часть неофиц. С. 28—30; ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 195—199). Летописец И. С. лег в основу и других краеведческих трудов второй половины XVIII—XIX вв.

В 1717 г. (по данным И. Верюжского, в Унже) по поручению вологодского епископа Павла И. С. написал службу Галактиону Вологодскому. Н. Коноплев, ссылаясь на список из библиотеки Спасо-Прилуцкого монастыря (№ 37/36, л. 282—301), атрибутировал И. С. *Житие Галактиона Вологодского.* Эта атрибуция ошибочна, т. к. Житие написано раньше.

Из челобитной И. С. (1700 г.) известно, что ему принадлежали «певчие нотные 8 книг», которые он дал «на список» в Вологде *Игнатию Римскому-Корсакову* (см.: Оглоблин Н. Н. Библиотека Сибирского митрополита Игнатия. 1700 г. // Библиограф. 1892. № 8—9. С. 288).

Изд.: ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 194—195.

Лит.: [Суворов Н. И.] Вологодский летописец. Вологда, 1874. С. 1, 2; [Верюжский И.] Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковию и местно чтимых. Вологда, 1880. С. 624—625; Коноплев Н. Святые Вологодского края. М., 1895. С. 106—108; Иконников. Опыт по историографии. Т. 2, кн. 2. С. 1441; Казакова Н. А. 1) Летописные известия и предания о пребывании Ивана IV в Вологде // ВИД. Л., 1978. Т. 10. С. 202—204; 2) Вологодское летописание XVII—XVIII вв. // Там же. 1981. Т. 12

С. 86—90; Васильев Ю. С. Летописное наследие Поморья // Там же. 1979. Т. 11. С. 39, 40; Севастьянова А. А. Историография русской провинции второй половины XVIII века (К постановке проблемы) // История СССР. 1991. № 1. С. 141. Примеч. 12.

Я. Г. Солодкин

Иван Спиридонов Соболев Могилевец (1-я пол. XVII в.) — толмач, в 1630—1640 гг. пересказал со слов приезжих греков историю о греческом иерее-вероотступнике. Устный рассказ И. С. сохранился в записи его неизвестного современника (ГБЛ, собр. Большакова, № 320, XVII в., л. 20—26 об.). В этой записи названа дата — 1634 г. и приведены две ссылки на источник рассказа: «Слышах повесть сию от грек чрез толмача Ивана Спиридонова сына Соболева Могилевца», «Имян же им невозможно ми было уведать, слышах бо повесть сию от толмачев греческих, а писания о сем не ведах, но памяти ради краткостию написал, еже слышах. А сие дело учинилося во 142 (1634) году». Толмач И. С. был сыном Спиридона Соболя, печатника в Киеве, Могилеве, Буйничах в 1630-е гг. Его брат Евтихий Соболь в 1632 г. был студентом Киевской лаврской школы, участвовал в декламации перед киевским митрополитом Петром Могилой панегирика «Евхаристирион» (Запаско Я., Исаевич Я. Пам'ятки книжкового мистецтва. Каталог стародруків, виданих на Україні. Львів, 1981. Кн. 1 (1574—1700). С. 53, № 228).

Рассказ И. С. посвящен событиям, происшедшим в покоренном турками Константинополе. Греческий иерей влюбился в дочь турецкого паши и, чтобы жениться на ней, принял магометанство и стал знатным человеком у султана — «ездя пред царя на коне во множестве раб». Юный причетник христианской церкви, встретив потурченца, проклял его, за что иерей-отступник проклял причетника. Его проклятие подействовало: юноша стал тяжко болеть, «чая себе, яко внутренняя его изтлевает, а ни смерти, ни живота приемлет». Со своей бедой он обратился к константинопольскому патриарху, и тот велел юноше попросить у бывшего иерея «разрешения» (отпущения грехов). Потурчившийся был очень удивлен этой просьбой — «ты от бусурмана разрешения ищеши, или ругаешися мне?», но тайком в конюшне сотворил все же молитву разрешения по греческому обряду, после чего юноша выздоровел. Патриарх объяснил ему, что «простецу» не полагается клясть иерея, хотя и отступника, ибо Дух Святой еще не отступил от него. Узнав все это, потурчившийся иерей понял, что он не магометанин, а истинный христианин. Сбросив чалму, он отказался от султанской службы и стал хулить магометанство, за что по повелению султана был брошен в темницу, где его морили голодом, били, посадили на кол и три дня возили «по граду и торжищу», а иерей «не умре, но и главою преклоняяся на страны, прося у всех прощения» за свое отступничество; затем, полумертвого его бросили в море. Греки пошли ночью к морю,

увидели среди моря свет, нашли тело страдальца, принесенное волнами, и похоронили его «не в коем месте честно».

Повесть возникла в греческой среде в Турции, а пересказана была, скорее всего, в Посольском приказе в Москве, где ходило много устных занимательных историй, принесенных из заграничных путешествий русскими дипломатами. Автор записи воспринимал повесть как достоверное событие, чему свидетельством и сетование его о неизвестности имен героев, и указание точной даты. В рассказе можно уловить некоторые черты жизни Константинополя XVII в.: устоявшееся сосуществование султанского двора и православной патриархии, христиан и мусульман, связанную с этим проблему потурчения; в иерее-отступнике, служившем султану «на коне», можно усмотреть намек на янычарские войска, формировавшиеся в основном из христианских детей, обращенных в мусульманство. Время рассказа приходится на правление Мурада IV (1623—1640 гг.), известного своей жестокостью, казнившего до 25 тысяч человек, среди них много богатых людей, чье имущество конфисковывалось. Вид мучений — сажание на кол, потопление в море — также характерен для турецкой юстиции. На греческую среду указывает некоторая зависимость списка от греческой лексики и топонимии: священник именуется иереем; Царьград — Константинополем.

Но в произведении много черт, привлекавших внимание русского читателя. Любовный мотив не играет в Повести решающей роли, он служит только завязкой, а на первый план выдвигаются конфессиональные темы — отступничество, мученичество, сила христианской веры и иерейского проклятия. Светское начало сменяется повествованием в традиционных древнерусских жанрах — чуда и мучения. Упомянутая в Повести дата — 1634 г. — позволяет предположить, что произведение появилось позже этой даты, а краткий пересказ записан был еще позже. Это подводит нас к 1650-м гг., к кануну реформы патриарха *Никона*, когда в кругах русского духовенства решался вопрос об отношении к греческому православию. Если ряд церковных деятелей считал, что греки, находившиеся с 1453 г. под владычеством турок, утратили чистоту православия, то Никон и его приверженцы, стремясь выйти из церковной и политической изоляции, приветствуя присоединение Украины к России, ратуя за освобождение балканских славян и желая возглавить вселенское православие, ориентировались на греческое богослужение и вводили греческие обряды. Вновь записанная Повесть как нельзя лучше поддерживала их взгляды, иллюстрируя чистоту и силу греческой веры.

Изд.: Перетц В. Н. Рассказ о потурчившемся и раскаявшемся иерее // Библиографическая летопись. Пг., 1917. Ч. 3. С. 161—167. (Изд. ОЛДП).

Лит.: Георгиевский Г. П. Рукописи Т. Ф. Большакова, хранящиеся в имп. Московском и Румянцевском музеях. Пг., 1915. С. 285—286.

О. А. Белоброва, М. Д. Каган

Иван Тимофеев сын Семенов (по прозвищу Кол) (ок. 1555—III. 1631) — дьяк, политический деятель и публицист. По В. И. Корецкому, происходил из среды подмосковных служилых людей. В источниках упоминается с 1584/1585 г., когда приобрел вотчину в Верейском уезде. Службу начал подьячим, по-видимому, Пушкарского приказа. В 1591 г. И. Т. участвовал в отражении крымского набега на Москву. В качестве дьяка впервые значится в 1598 г. Являлся свидетелем многократных «умолений» *Бориса Годунова* о вступлении на престол, участвовал в его серпуховском походе, подписался на «*Грамоте Утвержденной*» 1598 г., окончательно оформившей воцарение Бориса. Возможно, И. Т. был тогда близок к Годунову.

В боярском списке 1598/1599 г. назван на 17-м месте среди приказных дьяков; по размерам своего землевладения тоже занимал среднее место в своем кругу. В 1604 г. как дьяк приказа Большого прихода взыскивает недоимки с помещиков и снабжает «кормом» прибывших в Москву посланников. В поход против *Григория Отрепьева* выставил трех всадников (см.: Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 2. С. 47). Сам И. Т. был послан против Самозванца в Брянск с «нарядом». Возможно, во время перехода царской армии под Кромами на сторону «расстриги» бежал к Москве. При Лжедмитрии I составлял в Туле Епифанскую десятню. В 1606 г. пережил осаду столицы болотниковцами, затем участвовал в походе против восставших к Калуге, откуда был направлен на службу в Новгород. Эта служба на короткое время прервалась из-за участия И. Т. в тульском походе 1607 г. Мнение ряда исследователей (И. С. Шепелева, Н. П. Долинина, Л. В. Черепнина, В. И. Корецкого), будто посылка дьяка в Новгород носила характер опалы, еще нуждается в обосновании. В 1608—1609 гг. сблизился с князем М. В. Скопиным-Шуйским, собиравшим в Новгороде войска для борьбы с «Тушинским вором». Однако нет оснований полагать, что уже тогда дьяк видел в Скопине кандидата на престол, а в период похода царского племянника к Москве поддерживал с ним связь (мнение Л. В. Черепнина).

Новгородская служба И. Т. кончилась в марте 1610 г., но, видимо, из-за противодействия царя, опасавшегося усиления партии Скопина в Москве, дьяку не удалось вернуться в столицу. По боярскому списку 1610/1611 г., И. Т. вновь на службе в Новгороде (см.: Сторожев В. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 85). Возможно, он был назначен на прежнюю должность «Семибоярщиной» вскоре по низложении Шуйского. Свою должность И. Т. сохранил во время шведской оккупации Новгорода (1611—1617 гг.). По официальному поручению он составил проект присяги шведскому королевичу, исходящий из новгородско-шведского договора. Проект, однако, был отвергнут двумя служившими оккупантам «властолюбцами» (по Л. В. Черепнину, дьяками П. Григорьевым и С. Лу-

тохиным). И. Т. занимал тогда позицию вынужденного признания «иноверных». Его материальное положение при шведском господстве было нелегким. В 1615 г. русское правительство пыталось вызволить И. Т. из новгородского «плена», но безуспешно. Накануне и сразу после освобождения Новгорода от шведов он занимался переписью «всяких» приказных дел (Опись Новгорода 1611 года. М., 1984. Ч. 1. С. 26, 153).

После освобождения Новгорода дьяк вернулся в Москву, в 1618—1620 гг. служил в Астрахани, в 1621 г. — в Приказе приказных дел (Приходно-расходные книги московских приказов 1619—1621 гг. М., 1983. С. 384), в 1622—1628 гг. — в Ярославле и Нижнем Новгороде, возглавлял Печатный приказ (см.: Описание актов собрания графа А. С. Уварова. М., 1905. С. 164—165; Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 327, 339—340, 345, 383 и др.). В 1628 г. разбирал елецкое судебное дело, причем вопреки очевидным фактам оправдал И. Н. Романова. С этой услугой царской семье связываются щедрые земельные пожалования И. Т. в 1629 г. (В. И. Корецкий). После елецкого разбирательства дьяк вернулся в Москву, был у «иконного дела». Умер И. Т. в начале марта 1631 г. По распоряжению патриарха *Филарета* поместья И. Т. были сохранены за его вдовой. Помимо «Утвержденной грамоты» 1598 г. автографы И. Т. имеются в Епифанской десятне, новгородских документах 1607—1608 гг., елецком деле и других документальных материалах.

И. Т. — автор «Временника» («Временник по седмой тысящи от сотворения света во осмой в первые лета»), одного из крупнейших памятников отечественной публицистики начала XVII в. Сочинение дьяка известно в единственном списке (ГБЛ, Муз. собр., № 10692), который был сделан с дефектного оригинала несколькими писцами и подвергся редакторской правке в 30-х гг. XVII в. (видимо, после смерти И. Т.), а спустя два-три десятилетия пополнен недостающими листами и тетрадями, еще раз отредактирован и переплетен. Вероятно, это произошло в связи с организацией Записного приказа (1657 г.), где заинтересовались «Временником» как источником для продолжения «Степенной книги» (см. *Афанасий, митрополит*). «Временник» состоит из оглавления, составленного по готовому тексту и не вполне совпадающего с его делением, и 6 очерков, 5 из которых посвящены царствованиям *Ивана IV Грозного,* Федора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I и Василия Шуйского, а последний — «Летописец вкратце» — сложился из разрозненных заметок, в своем большинстве тематически относящихся к предшествующим частям произведения (его, однако, нельзя считать резюме предыдущего текста). Очерки «Временника» делятся на главы. Возможно, структурная разбивка памятника и заглавия его отдельных рубрик принадлежат редактору рукописи, не всегда вникавшему в смысл прочитанного (так, в главе «О крестном целовании королевичю Владиславу» речь идет о присяге

шведскому принцу). «Временник» первоначально писался в виде отдельных набросков и статей, которые сравнительно легко выделяются в произведении (И. И. Полосин насчитывает в тексте 64 таких фрагмента). Ряд отрывков «Временника», на которые ссылается автор, утрачен (например, об обстоятельствах убийства Лжедмитрия I, о торжественной встрече им Марфы Нагой).

Несмотря на структурную мозаичность, «Временник» производит впечатление цельного произведения, хотя работа над ним не была завершена. Отдельные фрагменты памятника разновременны. И. И. Полосин находит в сочинении И. Т. 53 хронологические реалии, но их значительно больше. Работа дьяка над произведением началась еще в конце XVI в. Ряд фрагментов «Временника» появился в разгар Смуты, еще до захвата Новгорода шведами. В условиях оккупации творческая работа И. Т. оживляется, хотя он должен был писать украдкой, таить записи от шведов и русских изменников. Около 1615 г. новгородский митрополит *Исидор*, кстати, сам занимавшийся литературным трудом, вероятно зная о занятиях И. Т., «принуди» близкого к нему дьяка описать бедствия, постигшие Русскую землю, хотя бы на основании виденного и слышанного в шведском «плену». В Новгороде была написана значительная часть «Временника», но работа над ним продолжалась вплоть до смерти публициста.

Во время розысков «Временника» для Записного приказа его начальник дьяк Т. Кудрявцев узнал от «гостя» М. Васильева, что И. Т. был «книгочтец и временных книг писец, а жаловал-де ево за то боярин Иван Михайлович Воротынской» (Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. С. 62). Сочинение И. Т. вполне подтверждает этот отзыв. «Временник» свидетельствует о широкой начитанности его автора в Священном писании, церковно-учительной и исторической литературе. И. Т. знал летописи и хронографы (в частности, возможно его знакомство с псковскими и новгородскими летописями). Он пользовался сказанием о новейших чудесах Никиты Переяславского — дополнением к *Житию Никиты Переяславского*, читал *«Троянскую историю» Гвидо де Колумна, Александрию, «Историю Иудейской войны» Иосифа Флавия, Повесть о Варлааме и Иоасафе,* хорошо знал «Степенную книгу». Не исключено его знакомство с «Молением» или «Словом» *Даниила Заточника, Повестью 1606 г.* в первой либо второй редакциях. Он обращался, кроме того, к *Азбуковникам, Житиям* Бориса и Глеба, *Николая Мирликийского,* Феодосия Печерского, *митрополита Петра, Михаила Клопского,* а также, по-видимому, к *Сказанию о битве новгородцев с суздальцами,* Домострою, *Повести о разгроме Новгорода Иваном Грозным, Космографии.* Возможно, И. Т. были известны грамоты правительства Шуйского, посвященные разоблачению «расстриги», а также грамоты патриарха *Гермогена.* По предположению В. С. Иконникова и Н. П. Долинина, И. Т. пользовался «Историей» *Авраамия Палицына.* Сопоставление двух

памятников не подтверждает этого мнения. Нет сведений и о личном знакомстве двух замечательных публицистов. Не подкрепляется источниками и мысль О. А. Державиной о близости И. Т. к литературному кружку Троице-Сергиева монастыря. Сомнительно и предположение И. И. Полосина о знакомстве И. Т. с *Летописцем Новым*. В. И. Корецкий стремится показать, что главным источником «Временника» в описании событий конца XVI—начала XVII в. явилась утраченная «История о разорении русском» патриарха *Иова* и его келейника *Иосифа*. Эту попытку нужно признать несостоятельной. Недоказанной является и точка зрения Н. П. Долинина о влиянии на тимофеевскую концепцию Смуты *Грамоты Утвержденной* 1613 г. Вопреки мнению В. Д. Назарова, текст «Временника» не свидетельствует о знакомстве И. Т. с греческим и латинским языками; проникшие в сочинение дьяка иностранные выражения бытовали на русской почве. Многие отрывки «Временника» автобиографичны, но произведение И. Т. нельзя (вслед за В. О. Ключевским и Л. В. Черепниным) квалифицировать как мемуары. Помимо собственных воспоминаний дьяк пользовался и свидетельствами очевидцев, например бывших тушинцев. Во «Временнике» в какой-то мере отразились взгляды И. М. Воротынского и его круга (см. статью В. И. Корецкого). О многом И. Т. знал понаслышке, ряд событий воспринял через народную молву, слухи, подчас сплетни. Дьяк не раз сетует на свою неосведомленность и отсутствие обобщающего произведения о Смуте, верит, что в будущем возникнет труд, превосходящий по достоинствам его «Временник».

Произведение И. Т. поражает напряженным интересом к причинно-следственной связи событий. Считая правомерной хронологическую последовательность изложения, дьяк не задумывается нарушать ее на каждом шагу, оправдываясь своей недостаточной осведомленностью. И. Т. «больше размышляет, чем рассказывает о случившемся» (Ключевский В. О. Соч. М., 1959. Т. 7. С. 443—444). Наряду с этим во «Временнике» налицо многочисленные признаки летописной традиции. По словам дьяка, неодолимое стремление найти истоки переживаемых бед побудило его взяться за перо. По существу «Временник» представляет собой размышления автора над причинами всероссийского «разорения»; описание самой Смуты занимает И. Т. куда меньше. Выступая идеологом самодержавия и боярской аристократии (Н. П. Долинин), дьяк нередко превращается в глубокого и страстного обличителя правящих кругов. «Грехи» своих современников, породившие Смуту, дьяк по традиции рассматривал сквозь призму религиозной морали, но некоторые из них понимал и в социально-политическом аспекте. Это прежде всего «бессловесное молчание» общества, в первую очередь феодальных «верхов», т. е. непротивление преступлениям власти, политическое безразличие. «Бессловесное молчание», явившееся в глазах И. Т. первопричиной лихолетья, сделало возможными посягательства самодержцев на исконные начала общественной жизни, позволило «рабам» вроде

Бориса Годунова и самозванцев домогаться престола. Отсутствие же законного царя пробудило стремление «черни» к освобождению, которое привело к многолетнему «самобезначалию в земли». Важное место во «Временнике» занимают характеристики исторических деятелей, а также самоанализ. В сочинении дьяка находим целую серию очерков о первых русских царях, а также о М. В. Скопине-Шуйском. И. Т. стремится раскрыть противоречивость своих героев, считая изображение и положительных и отрицательных качеств свидетельством объективности писателя. Вместе с тем во «Временнике» находим резко отрицательные оценки Лжедмитрия I и панегирик Романовым. И. Т. не считает доброе и злое начала в человеке неизменными, выясняет причины зарождения и развития в характере тех или иных качеств, влияние одного исторического деятеля на другого (см.: Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970. С. 17). Он вводит в изложение притчи, содержание которых ассоциируется в его сознании с переживаемыми событиями. И. Т. часто выступает в роли полемиста, прибегает к рифмованной речи. Язык И. Т. очень труден: ему не хватало слов для обозначения социально-политических отношений, вскрывшихся в канун Смуты и в само лихолетье (см.: Яковлев А. «Безумное молчание»: (Причины Смуты по взглядам русских современников ее) // Сборник статей, посвященных В. О. Ключевскому. М., 1909. С. 663).

Вопреки утверждению И. И. Полосина, «Временник» не дает оснований говорить о причастности И. Т. к летописанию в конце XVI в. Не обоснован и его вывод о том, что дьяк был одним из составителей *Хронографа Русского* второй редакции. По В. И. Корецкому, рука И. Т. чувствуется в отписке астраханских властей ногаям (1619 г.). Сравнение отписки с «Временником» заставляет признать это заключение поспешным. О. А. Державина и Е. В. Колосова высказали мнение об использовании «Временника» в палицынской «книге», что, однако, не подтверждается сопоставлением двух произведений. Есть предположения, что сочинение И. Т. было известно автору «*Повести книги сея от прежних лет*», приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому или *С. И. Шаховскому* (В. С. Иконников, В. И. Корецкий), составителю Нового летописца (В. Д. Назаров), а также *Ф. А. Грибоедову* (О. А. Державина), но они маловероятны.

Изд.: РИБ. СПб., 1891. Т. 13. С. 261—472; 2-е изд. СПб., 1909. С. 261—472; 3-е изд. Л., 1925. С. 261—472; Временник Ивана Тимофеева / Подгот. к печ., пер. и коммент. О. А. Державиной. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1951; ПЛДР. Конец XVI—начало XVII веков. М., 1987. С. 282—317, 579—584 (отрывок).

Лит.: Платонов С. Ф. 1) Обзор источников русской истории летописного типа: Лекции, читанные в имп. Археологическом институте в 1904—1905 акад. году. СПб., 1905. С. 73—75; 2) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913; Васенко П. Г. Дьяк Иван Тимофеев, автор «Временника»: (К истории перелома в развитии древнерусской исторической мысли) // ЖМНП. 1908. Март. Отд. 2. С. 88—121; Полосин И. И. 1) Иван Тимо-

феев — русский мыслитель, историк и дьяк XVII века // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. 1949. Т. 60, вып. 2. С. 135—192; 2) [Рец. на кн.: Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951] // ИОЛЯ. 1952. Т. 11, вып. 1. С. 85—89; 3) Социально-политическая история России XVI—начала XVII в.: Сб. статей. М., 1963. С. 263—352; Державина О. А. 1) Временник дьяка Ивана Тимофеева // Записки ОР ГБЛ. М., 1950. Вып. 11. С. 55—77; 2) К вопросу о художественном методе и поэтическом стиле русской исторической повести начала XVII века // Учен. зап. МГПИ им. В. П. Потемкина. 1957. Т. 67, вып. 6. С. 77—91; 3) Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 672—688; 4) К проблеме поэтического стиля исторической повести начала XVII в. // Там же. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 299—302; 5) Эпитет в исторической повести XVII века // Русская речь. 1973. № 5. С. 10—13; 6) Древняя Русь в русской литературе XIX века: (Сюжеты и образы древнерусской литературы в творчестве писателей XIX века) // Пролог. Избранные тексты. М., 1990. С. 107—109, 143, 144, 159, 164; Долинин Н. П. Общественно-политические взгляды Ивана Тимофеева: (К вопросу об истории русской общественной мысли в начале XVII века) // Науч. зап. Днепропетровского ун-та. Киев, 1954. Т. 42, вып. 2. С. 135—164; Черепнин Л. В. 1) Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве — авторе «Временника» // ИА. 1960. № 4. С. 162—177; 2) Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 454—481; Rehder P. Zum Vremennik des Djaken Ivan Timofeev // Die Welt der Slaven. 1965. Jhrg. 10. S. 123—143; Keipert H. Beiträge zur Textgeschichte und Nominalmorphologie des «Vremennik Ivana Timofeeva». Diss. Bonn, 1968; Корецкий В. И. 1) Новые материалы о дьяке Иване Тимофееве, историке и публицисте XVII в. // АЕ за 1974 г. М., 1975. С. 145—167; 2) Об основном летописном источнике Временника Ивана Тимофеева // Летописи и хроники: Сб. статей. 1976 г. М., 1976. С. 113—141; 3) История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 33—55, 57, 176—230; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 514—515; Зимин А. А. и Киреева Р. А. Из рукописного наследия В. О. Ключевского: (Новые материалы к курсу по русской историографии) // История и историки. 1972. М., 1973. С. 322, 326—331; Лукичев М. П. 1) Новые данные о русском мыслителе и историке XVII в. Иване Тимофееве // Советские архивы. 1982. № 3. С. 22—25; 2) Два документа к биографии дьяка Ивана Тимофеева — автора «Временника» // Реализм исторического мышления: Проблемы отечественной истории периода феодализма. Чтения, посвященные памяти А. Л. Станиславского. Тезисы докладов и сообщений. М., 1991. С. 156; Солодкин Я. Г. 1) Иван Тимофеев как историк Смутного времени // Историографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 12. С. 117—134; 2) «Временник» Ивана Тимофеева и «История» Авраамия Палицына: (К вопросу об источниках произведений) // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 12—23; 3) О структуре и композиции «Временника» Ивана Тимофеева // Жанр и композиция литературного произведения. Петрозаводск, 1986. С. 55—60; 4) К биографии Ивана Тимофеева // РЛ. 1986. № 4. С. 218—220; 5) «Временник» Ивана Тимофеева // Русская речь. 1987. № 4. С. 128—133; 6) Иван Тимофеев в Новгороде: (Из истории русской публицистики начала XVII в.) // Новгородский исторический сборник. Л., 1988. Вып. 3 (13). С. 110—123; 7) К изучению новгородского периода публицистической деятельности Ивана Тимофеева // Вопросы истории Европейского Севера: (Социально-экономические проблемы). Петрозаводск, 1988. С. 134—144; 8) К изучению биографии Ивана Тимофеева, публициста начала XVII в. // Советские архивы. 1989. № 2. С. 35—37; 9) К вопросу об источниках «Временника» Ивана Тимофеева // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 115—127; 10) К реконструкции состава и композиции «Временника» Ивана Тимофеева // Жанр и композиция литературного произведения: Историко-литературные и теоретические исследования. Петрозаводск, 1989. С. 15—21; 11) О круге чтения Ивана Тимофеева // Книга в России XVI—середины XIX в.: Материалы и исследования. Л., 1990. С. 44—52; 12) Русская публицистика начала XVII века. Проблемы происхождения крупнейших летописных памятников и «Временника» Ивана Тимофеева. Автореф. дисс... докт. ист. наук. М., 1991. С. 7—10,

35—43; 13) О судьбе рукописи «Временника» Ивана Тимофеева // Археография и источниковедение истории России периода феодализма. Тезисы докладов научной конференции. Свердловск, 1991. С. 11—13; Золотухина Н. М. 1) Развитие русской средневековой политико-правовой мысли. М., 1985; 2) Формы организации верховной власти по «Временнику» Ивана Тимофеева — публициста XVII в. // Развитие права и политико-правовой мысли в Московском государстве. М., 1985. С. 22—50; История политических и правовых учений: Средние века и Возрождение. М., 1986. С. 246—253; Русская политическая и правовая мысль XI—XIX вв. М., 1987. С. 47—49; Кобрин В. Б. Иван Грозный и опричнина в общественной мысли XVII—середины XVIII в. // Генезис и развитие феодализма в России: Проблемы идеологии и культуры. Л., 1987. С. 206—207, 209; Ключевский В. О. Соч. М., 1989. Т. 7. С. 126, 161, 166—173, 391—392; Древнерусская литература. Изображение общества. М., 1991. С. 42—44, 77.

Я. Г. Солодкин

Иван Филиппов (1661—1744) — третий после *Андрея* и *Семена Денисовых* настоятель Выго-Лексинского старообрядческого общежительства и его историк. Е. В. Барсов, обладавший Житием И. и сказанием об И., местонахождение которых теперь неизвестно, сообщил в своей статье, что И. был родом из Шуйского погоста, расположенного вблизи г. Олонца, что первые 30 лет своей жизни он прожил вне старообрядчества, имел жену и детей, что в старообрядчество он перешел под влиянием выговского уставщика *Петра Прокопьева*, который вместе с иноком Павлом совершил над И. обряд перекрещивания, что после этого И. вместе с семьей, которую он также обратил в старую веру, жил некоторое время в скиту близ Выговского общежительства и затем переселился в самое общежительство вместе с женой и дочерью. Судя по тому, что перекрещивание И. совершал Петр Прокопьев, умерший в 1719 г., обращение И. к старообрядчеству произошло до 1719 г. При жизни братьев Денисовых И. исправлял должность выговского стряпчего в г. Олонце; он принадлежал к правительственной верхушке монастыря и ставил свою подпись на соборных постановлениях общежительской братии (см.: Дружинин В. Г. Несколько автографов писателей старообрядцев. СПб., 1915. С. 10).

Настоятелем Выговского общежительства И. был назначен умирающим Семеном Денисовым после того, как отпали кандидатуры Никифора Семенова, находившегося тогда в отлучке, и *Даниила Матвеева* и *Трифона Петрова* (очевидно, убоявшихся принять управление монастырем в сложной обстановке правительственного следствия, ведшегося в те годы на Выгу). Четырехлетнее правление И. в монастыре (1740—1744 гг.) совпало по времени с антистарообрядческим правительственным следствием, учиненным в общежительстве комиссией Квашнина-Самарина и начавшимся еще при жизни Семена Денисова, в 1739 г. После Квашнина-Самарина наезды в монастырь разных духовных лиц не прекращались до самой смерти И. Последний был нерешительным настоятелем, что отчасти объясняется его преклонным

возрастом. Он никогда не именовал себя настоятелем, а только «выборным». Став во главе общежительства, И. до конца жизни продолжал писать главный свой труд — Историю Выговской пустыни («История о зачале Выговския пустыни, како зачася, и в коих летех, и от каковых жителей населися, и в ней о начале двою обителей и различных скитов»).

В рукописной традиции существуют два варианта Истории — пространный и сокращенный. В сокращенном отсутствуют 18 начальных глав (он начинается с главы «О зачале всей Выговской пустыни, о общежительствах и скитах, по благословению от коих отец зачася», являющейся 19-й главой пространного варианта). Н. Ф. Нильским было высказано мнение, поддержанное впоследствии В. Г. Дружининым (см.: Нильский. Заметки...; Дружинин В. Г. Словесные науки в Выговской поморской пустыни. СПб., 1911. С. 3), что 18 начальных глав пространного варианта Истории не принадлежат И.; Н. Ф. Нильский считал их самостоятельным произведением, которое приписывал, ничем не аргументируя, только «по витиеватому до напыщенности слогу», Семену Денисову. Действительно, содержание первой начальной главы (названной «О стоянии благочестивыя христианския веры в Российской земли») по большей части заимствовано из «Винограда Российского» Семена Денисова. Но компилятивный метод был свойствен И. Это видно из текста другой главы Истории, начинающей сокращенный ее вариант. Здесь И. воспользовался текстом надгробного Слова Андрея Денисова, посвященного Петру Прокопьеву, заимствовав из него панегирик основателям Выговского общежительства. Поэтому и заимствования из сочинения Семена Денисова в главе «О стоянии благочестивыя христианския веры в Российской земли» не опровергают авторства И. по отношению к первоначальным главам пространного варианта Истории. Отстаивая свое мнение, В. Г. Дружинин и Н. Ф. Нильский ссылались на то, что пространный вариант был известен им как менее распространенный; В. Г. Дружинин, например, привел в своем справочнике только один список пространного и три списка сокращенного вариантов. Сейчас к одному списку пространного варианта, известному Дружинину, есть возможность добавить следующие: ГБЛ, собр. Егорова, № 1047, 1704, 1383, 1760, 1235; собр. Ундольского, № 1130; БАН, собр. Строганова, № 47, не считая тех двух списков, по одному из которых было сделано издание Д. Е. Кожанчикова, а по другому — старообрядческое издание 1913 г. Два варианта Истории, очевидно, ведут свое начало от сокращений, сделанных на Выгу еще в 40-е гг. XVIII в. Бывший выговец, обратившийся впоследствии к официальной церкви, *Григорий Яковлев* в своем доносе Синоду называл «летописец саморучный Ивана Филиппова... и другой с того писанный пократче Кононом Евтиховым» (см.: Бывшего беспоповца Григория Яковлева Извещение праведное о расколе беспоповщины / Изд. Н. Субботиным. М., 1888. С. 87). Под

влиянием одной из глав Истории — «О отце старце Филиппе, с прочими за благочестие скончавшимися огнем от создания мира 7151 году, во октябре месяце» — возникло самостоятельное сочинение — «Известие о Филиппе старце, от которого и согласие Филипово именуется» (второе название — «Повесть о отце и старце Филиппе»).

Отдельные главы Истории существуют самостоятельно в рукописной традиции; до сих пор не выяснен вопрос, были ли они написаны как отдельные произведения, а потом включены в Историю, или, наоборот, отделились впоследствии от Истории. Такова Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в 1743—1744 гг., рассказывающая о «гари» в Великопоженском скиту под предводительством Ивана Акиндинова. Такова история о Поморским ответах («История краткая о ответах сих. Чего ради и како ответи сии и разглагольство о сих. И когда, и где, и с ким сия содеяшася и по каким указом»). В. И. Малышев обнаружил Повесть о самосожжении в Мезенском уезде в усть-цилемском сборнике и атрибутировал ее И. (см. его книгу). Впоследствии Н. С. Демкова и Л. В. Ярошенко обнаружили такой список Истории Выговской пустыни, куда эта Повесть была включена (Демкова, Ярошенко. Малоизвестное старообрядческое сочинение... С. 180). История о Поморских ответах, которая также самостоятельно обращается в рукописной традиции, снабженная особым вступлением, или предваряет полные списки Поморских ответов (см.: Поморские ответы / Изд. Старообрядческого братства креста Господня. М., 1911. С. IV—XV), представляет собой отрывок из Истории Выговской пустыни.

Кроме сочинений, тяготеющих к Истории Выговской пустыни, И. является автором торжественных слов: Слова об Андрее Денисове (на текст «Сего ради аз плачу и очи мои излияста воду, яко удалися от мене утешаяй мя») и Слова, посвященного наставникам Выговской пустыни (ИРЛИ, Древлехранилище, колл. Перетца, № 474, л. 150—264). Он был также одним из редакторов Кирилло-Епифаниевского житийного цикла, созданного на Выгу около 1733 г. И торжественные слова, и жития проникнуты духом риторичности, излюбленным в выговской литературной школе. Подобный же стиль свойствен и отдельным главам Истории Выговской пустыни, но все же в большинстве своем История написана в ином стиле, гораздо менее украшенном и более повествовательном. В. И. Малышев атрибутировал И. Исповедь, приписывавшуюся ранее Ивану Акиндинову. Исповедь написана 3 декабря 1744 г., за день до смерти И.

Изд.: История Выговской старообрядческой пустыни / Изд. по рукописи Ивана Филиппова. Изд. Д. Е. Кожанчикова. СПб., 1862; История о зачале Выговской пустыни и о стоянии благочестивыя христианские веры в Российской земле Ивана Филиппова. Саратов, 1913; Малышев В. И. 1) Усть-цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 167—195; 2) The Confession of Ivan Filippov, 1744 // Oxford Slavonic Papers. 1964. Vol. 11. P. 17—27.

Лит.: Нильский Н. Ф. Заметки по поводу изданных Д. Е. Кожанчиковым сочинений о расколе // Христ. чт. 1862. Ч. 2, июль. С. 94—99; Барсов Е. В. Иван Филиппов: Выговский историк и настоятель // Памятная книжка Олонецкой губернии на 1867 г. Петрозаводск, 1867. С. 54—100; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 260—262, 323—324; Малышев В. И. Кто был автором «Исповеди», приписываемой Ивану Акиндинову // РЛ. 1960. № 3. С. 192—194; Демкова Н. С., Ярошенко Л. В. Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVII в. «История пострадавших отец Филиппа и Терентия» // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 174—184; Понырко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в Выговской старообрядческой литературе // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 154—169.

Н. В. Понырко

Иван Философ (1-я четв. XVIII в.) — старообрядец, автор «грамотки» о способе каждения за богослужением (1711 г.). Вопрос о способе каждения был актуален для внутренней борьбы в старообрядчестве в первой половине XVIII в. Представители толка дьяконовцев отстаивали способ каждения, с которым боролись ветковские старообрядцы. Судя по тому, что ветковский старец Сергий обращался к И. Ф. с просьбой разрешить сомнения по поводу правильного способа каждения (ответом на этот вопрос и была «грамотка»), И. Ф. был авторитетным лицом в старообрядчестве. Об этом свидетельствует и то, что в полемике между собой и дьяконовцы и ветковцы (как явствует из «Предувещания», памятника, направленного ветковцами против дьяконовцев) одинаково пытались опереться на его мнение. В ответе Сергию И. Ф. поддерживал дьяконовский способ каждения, но ветковцы в «Предувещании» пытались объяснить, что его слова следует толковать в пользу их способа. Сочинение не опубликовано. Оно дошло в рукописи ЦНБ АН УССР, собр. КДА, № 273 (0.8.41) («Книжица о кажении»), л. 8—8 об.

Лит.: Смирнов П. С. 1) Из истории раскола первой половины XVIII в. СПб., 1908. С. 190—191; 2) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 273.

Н. В. Понырко

Иван Фомин (сер. XVII в.) — дьяк, предполагаемый автор статейных списков. Служил в московских приказах: Пушкарском (1646 г. — РИБ. СПб., 1888. Т. 10. Стб. 391), Поместном (подьячим в 1652 г. — ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. № 61, с. 94; дьяком с 1655 по 1659 г. — Федотов-Чеховский А. А. Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1863. Т. 2. Стб. 367) и в Посольском. В 1640-ые гг. И. Ф. был переписчиком в Рязанском уезде и в Зарайске. В 1652/1653 и в 1656/1657 гг. И. Ф. трижды направлялся к Богдану Хмельницкому (сохранились статейные списки), в том числе дважды совместно с *А. С. Матвеевым* (РИБ. СПб., 1907. Т. 21. Стб. 648);

в 1653/1654 г. И. Ф. был послан в Крым с Т. Хотунским. И. Ф. сопровождал также *Василия Богдановича Лихачева* в посольстве во Флоренцию в 1658/1659 г. Известна челобитная И. Ф. от 9 сентября 1660 г. (Акты Московского государства. СПб., 1901. Т. 3. № 167, с. 150), в которой указывается, что за время службы И. Ф. обеднел и надеется на вознаграждение (с пометой об удовлетворении просьбы челобитчика). Сведения о дальнейшей службе И. Ф. дьяком в Галицкой чети, в Астрахани и Свияжске имеются вплоть до 1667 г. Мера участия И. Ф. в составлении статейных списков никем не определена. В текстах статейных списков И. Ф. упоминается в третьем лице. Статейный список посольства во Флоренцию издавался неоднократно (перечень изданий см. при статье Василий Богданович Лихачев); ниже указываются статейные списки посольств с участием И. Ф. к гетману Богдану Хмельницкому.

Изд.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1861. Т. 3. С. 496—507; Воссоединение Украины с Россией. М., 1953. Т. 3. № 166, с. 287—317; № 181, с. 350—363.

Лит.: Веселовский С. Г. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 549.

О. А. Белоброва

Игнатий (ум. 4.III.1687) — черный дьякон Соловецкого монастыря, писатель и идеолог старообрядческого движения. И. впервые упоминается в источниках начиная с 1666 г., когда он принял активное участие в спорах об исправлении богослужебных книг и обрядов и в идеологической борьбе, развернувшейся в стенах Соловецкого монастыря накануне Соловецкого восстания 1667—1676 гг. Уже в это время И. выступил проповедником особого учения о «правильном» написании титла на кресте Христовом «IХЦС» («Исус Христос Царь Славы») вместо еретического и глумливого, по его мнению, написания «IНЦI» («Иисус Назарянин Царь Иудейский»). Учение это нашло последователей среди соловецких монахов и было вкратце изложено И. в его челобитной, адресованной царю *Алексею Михайловичу* (изд. П. С. Смирновым).

В конце 1666-го или в начале 1667 г., накануне «запора» подвергшегося осаде царскими войсками мятежного Соловецкого монастыря, И., следуя пророчеству местного юродивого Гурия, с группой монахов покинул монастырь. С этого момента главным его занятием становится пропаганда идей старообрядчества и собственного учения о титле на кресте. Хорошо знавший И. инок *Евфросин*, примирившийся впоследствии с церковью, писал о нем в 1691 г.: «Книгам был читатель, и охочь, и досуж, а мудрованейце иное имел, и Бог знает какое: титлу на кресте не принимал и велику книгу на то собрал» (Евфросин. Отразительное писание... С. 25—26). Инок Евфросин рассказывает типичный случай, происшедший с И., который некогда в

Пошехонье «к дворянину Федору... на двор взошел и на крыльце увидел распятие с титлою (еретическою. — *Н. Б.*). Верняся назадь и не поклоняся кресту, пошел и „недостоить, — рекл, — с сими человеки молитися и ясти“» (там же. С. 26). Около двадцати лет И. спасался от преследований, ведя жизнь странствующего проповедника, укрываясь сначала в Спасском монастыре возле Каргополя, затем в Курженской обители и других местах. В эти годы он встречался и вел переписку с игуменом Досифеем, иноком Корнилием и другими руководителями старообрядческого движения, являясь фактическим главой старообрядцев в Поморье.

Самым крупным догматическим сочинением И. является, повидимому, «Книга о титле на кресте», которая, по свидетельству инока Евфросина, «широко обносилась во христианех». Книга эта дошла до нас, вероятнее всего, лишь в отрывках, как, например, в рукописи ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 19, где она имеет заголовок «О титле». Небольшой фрагмент из нее издан П. С. Смирновым.

Наряду с учением о титле на кресте дьякон И. был проповедником широко распространившегося в эти годы старообрядческого учения о последнем времени и пришествии антихриста применительно к переживаемому страной острому периоду церковной реформы. Жестокое преследование сторонников «старой веры» духовными и светскими властями привело И. к убеждению, что с 1666 г. «на Москве царствует Титин», т. е. преисподний бес, и единственным спасением от его пут является самосожжение. Начавшись в Поволжье еще в начале 70-х гг. как реакция на преследования старообрядцев, коллективные самосожжения вскоре перекинулись в Поморье. Активно участвуя в пропаганде среди местных крестьян этой крайней формы социально-религиозного протеста, И. стал организатором самого крупного самосожжения, происшедшего 4 марта 1687 г. в Палеостровском монастыре, специально захваченном старообрядцами для этой цели. Палеостровский монастырь был избран старообрядцами не случайно. Именно здесь, согласно распространенной легенде, был убит и сожжен по приказанию патриарха *Никона* первый мученик за «старую веру» епископ Павел Коломенский. В организованной И. гари, забравшей 2700 жертв, погиб и он сам, заслужив в среде своих последователей славу мученика палеостровского.

Из литературного наследия, относящегося к последним годам жизни И., наибольший интерес представляет челобитная — плач о погубленном монастыре, обращенная к царю *Феодору Алексеевичу* от имени «последнего остальца соловецкого» (1676 г.). В челобитной образно, с приведением малоизвестных подробностей описано взятие Соловецкого монастыря воеводой Иваном Мещериновым и последовавшие за этим казни его защитников (изд. Н. Ю. Бубновым). Последним по времени написания сочинением И. является его «Исповедание» (1682 г.), представляющее собой своеобразную «„прокламацию“

социального отчаяния низов России... решившихся в своей оппозиции к феодальному государству на крайнюю меру — на самосожжение» (Демкова. «Исповедание»... С. 319).

Старообрядческие писатели XVIII в. (*Семен Денисов* и др.) знали и широко использовали в своих сочинениях рукописное наследие И.

Изд.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. XXXI; Приложение. С. 016—018, 045—047; Бубнов Н. Ю. Неизвестная челобитная дьякона Игнатия Соловецкого царю Федору Алексеевичу // Рукописное наследие Древней Руси. Л., 1972. С. 92—114; Демкова Н. С. Из истории ранней старообрядческой литературы: IV. «Исповедание» Игнатия Соловецкого (1682 г.) и отклики современников на разгром Соловецкого монастыря царскими войсками в 1676 г. // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 318—324.

Лит.: Евфросин. Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей / Сообщ. Х. Лопарева. СПб., 1895. С. 25—28. (ПДП. Т. 108); Дружинин. Писания старообрядцев. С. 175—176; Зеньковский С. Русское старообрядчество: Духовные движения семнадцатого века. Мюнхен, 1970.

Н. Ю. Бубнов

Игнатий (2-я пол. XVII в.) — переводчик, скрывший свое имя в тайнописи типа описательной цифровой системы в тексте перевода «Годовых деяний, церковных... Цесаря Барония», выполненного с краковского издания XVII в.: «Преведена сия книга с польскаго языка на словенский со друкованныя книги в Кракове, по благословению преосвященнейшаго Иосифа митрополита рязанского и муромского в лето... 7187-го ... 1678-го года. Переводившаго сию книгу имя его седмеролитерно, троесложно, в нем же убо четыре гласных и три согласных, начало приемлет от перваго гласного, число же его суть 8» (ГПБ, F.I.273, конец XVII—начало XVIII в., л. 754—764 об.). Из записи явствует, что заказчиком перевода был Иосиф, митрополит рязанский и муромский, который в 1677 г. принимал участие в «досмотре» мощей Анны Кашинской и в обсуждении «подлинности» *Жития Анны Кашинской*. Перевод И. не издан.

Лит.: Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... Ф. А. Толстова. М., 1825. С. 147; Соболевский А. И. Славяно-российская палеография. 2-е изд. СПб., 1908. С. 113; Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма. Л., 1929. С. 121.

О. А. Белоброва

Игнатий (в миру Иван Степанович Римский-Корсаков) (ок. 1639—13.V.1701) — митрополит Тобольский и Сибирский, писатель и публицист. Карьера И. была обеспечена его принадлежностью к знатному дворянскому роду, ведущему свое происхождение (XIV в.) от

общего родоначальника с Милославскими. Будучи уже стольником, И., как и многие его родственники, избрал духовное поприще и принял постриг в Соловецком монастыре, где к 1677 г. занял должность уставщика. В 1680 г. он вступил в управление Моргуловской пустынью монастыря и переехал на Соловецкое подворье в Москве. В 1683—1684 гг. И. был архимандритом Спасского монастыря в Ярославле, а с 1685 г. принял под начало привилегированный Новоспасский монастырь в Москве.

Литературная деятельность И. началась на Соловках, где он, еще будучи «черноризцем», написал синодик. В 1682 г. И. вместе с известным писателем *Тихоном Макарьевским* составил описание одной из московских церквей. В должности архимандрита новоспасского И. сблизился с патриархом *Иоакимом* и принял активное участие в религиозных и политических коллизиях периода регентства *Софии Алексеевны* (1682—1689 гг.). С позиций патриарха И. написал обширное «Возобличение на лютеранский (Несвижский) катехизис» (1684 г.) и «Слово на латин и лютеров» (между 22 мая 1684 и 28 января 1686 г.), в котором пытался «увещевать» всемогущего «канцлера» *В. В. Голицына* и выступил против его политики привлечения в Россию европейских «иноверцев» (возможно, в тексте отражена действительно состоявшаяся беседа с первым министром). Подобные идеи (обращенные уже и в адрес царевны Софьи) звучат и в *Житии Иоакима патриарха*, к написанию которого, возможно, был причастен И. Полемизируя с ведущими «западниками», И. выступал не только с религиозных, но и с политических и даже с экономических позиций, пропагандируя, в частности, идеи торгового меркантилизма.

Однако эта полемика и даже близкие отношения с патриархом (часто приезжавшим к И. и завещавшим похоронить себя в Новоспасском монастыре) не мешали И. отстаивать собственное мнение по ряду важнейших проблем. Так, он является ведущим идеологом внешнеполитического курса правительства регентства Софьи, направленного на расширение южных границ. В 1687 г. И. выступил перед войсками, отправлявшимися в 1-й Крымский поход, с двумя обширными проповедями — «Слово благочестивому и христолюбивому воинству» и «Слово к православному воинству о помощи пресвятой Богородицы», которые содержат глубокое идейное обоснование теории «Москва — третий Рим» в новых исторических условиях, доказывают правильность политической программы выхода России к Средиземному морю. Любопытно, что в обоих сочинениях звучат и панегирические мотивы по адресу Софьи и В. В. Голицына, тогда как Слова оппозиционного к правительству патриарха по поводу похода отражают неприязненное отношение Иоакима к самой идее военных действий против Османской империи и Крымского ханства.

Глубокая убежденность И. в правильности занятой им позиции проявилась в «Слове избранне... о Российском царствии» — панегирике

царям Ивану и Петру, написанном уже после падения правительства Софьи (1690 г.). Историческое обоснование южного курса внешней политики И. дал в летописной компиляции из *Хронографа Русского*, Синопсиса *Иннокентия Гизеля*, Степенной книги, *Летописца Нового* и оригинальных источников с древнейших времен до 1682 г., составленной в Москве и продолжавшейся под его руководством писцами Софийского дома в Тобольске (погодно, с 1683 по 1698 г.), после назначения его митрополитом Сибирским и Тобольским (хиротонисан 3 апреля 1692 г., взят в Москве под стражу 23 мая 1700 г.). В своде И. постарался выделить и обобщить летописные известия о борьбе России против монголо-татарских и османских завоевателей, развивая взгляды, изложенные им в Словах 1687 г.; повествование завершается обширным рассказом о взятии Азова Петром I и рядом более поздних статей, близких к «южным» сюжетам.

В период регентства идейная близость И. к правительству Софьи проявилась и в создании им специального панегирика царевне. «Свидетельство ко образу св. неизреченныя Софии Премудрости слова Божия о Российском благословенном царствии» («Сказание истолковано, что есть София Премудрость Божия», помещенное в рукописях перед текстом «Свидетельства», которое часто принимают за сочинение И., является распространенным в книжности еще с XVI в. толкованием софийской иконы киевской редакции), предназначенное для публичного произнесения в день св. Софии 15 августа 1689 г. (как раз накануне падения Софьи), было написано в форме толкования (вопросы и ответы) сюжета иконы Софии Премудрости в новгородской редакции. И. рассматривает икону в качестве своеобразного «пророчества» о могуществе и процветании «Российского царствия» под властью царевны. В отличие от «Слова благочестивому и христолюбивому воинству», в котором И. рассматривал сюжет известного «видения» Кирилла Новоезерского как «пророчество» благоденствия и расширения империи под властью двух царей (не забывая попутно похвалить Софью и В. В. Голицына), в «Свидетельстве» Софья Алексеевна занимает центральное место, выступая земным аналогом Премудрости слова Божия (Иисуса Христа, по новгородскому канону).

Пророчествуя царевне «самодержавство», И. пошел дальше всех других панегиристов регентства (использовавших, как правило, южнорусскую иконографическую традицию Софии Премудрости Божией). Каждому элементу образа Софии и всем окружающим ее предметам И. нашел соответствия в реальной политической ситуации, причем оба царя, Иван и Петр, были обозначены им лишь в числе «предстоящих» царевне Софье.

В своих религиозно-полемических сочинениях и даже публицистических «словах» И. выступает идеологом «грекофилии», являясь одним из немногих образованных представителей духовенства, сознательно поддерживавших официальный курс патриарха. Этим объясняется до-

верие, которое Иоаким питал к И., поручая ему составление сводного чиновника патриарших выходов и служб за 1667—1679 гг., кодифицировавшего ряд важных обрядов (между летом 1684 г. и сентябрем 1686 г.), проведение (совместно с *Карионом Истоминым*) следствия по делу смоленского владыки Симеона, претендовавшего на равную с патриархом власть (1685 г.), допрос дьякона Иакова и «увещание» *Сильвестра Медведева* (1689 г.), расследование «ереси» псковского владыки *Маркелла* (1690 г.), установление канонизации Анны Кашинской (см. *Житие Анны Кашинской*) и проч. Об их идейной близости свидетельствует и попытка И. канонизировать самого Иоакима.

В Сибири И. продолжал свою деятельность по обличению старообрядчества, начатую в 1687 г. совместно с Карионом Истоминым (ими было составлено объемистое «Известие о увещании раскольников в уездах Костромском и Кинешемском»). И. является автором книги из трех «Посланий на арменов и полуарменов» (к 12 апреля 1696 г.), в которой доказывается происхождение «заблуждений» раскольников (в частности, двоеперстия) от армян, якобы появившихся в России при *Иване Грозном* (предшествующие посланиям стихи ему не принадлежат).

Официальная правительственная позиция выражена И. в Послании в Красноярск (18 апреля 1697 г.), «обличающем» руководителей городского восстания и призывающем красноярцев вновь подчиниться властям. Весьма вероятно, что И. принимал участие в развитии провинциального летописания в Тобольске в конце XVII в., в частности в редактировании *Летописного свода Сибирского* (который переписывался в тобольском Софийском доме и включает в ряде редакций текст Послания в Красноярск). И. обращался и к агиографическому жанру. Помимо «Жития и завещания патриарха Иоакима» он принимал участие в составлении Жития Анны Кашинской и *Жития Симеона Верхотурского* (с тропарем на обретение мощей и описанием чудес от них, 1695 г.). Им написано также несколько грамот, в том числе в Соловецкий монастырь и даже в Китай (опубликованы).

Сочинения И. не отличаются особой оригинальностью, они следуют традиционным жанровым нормам прений, проповеди, панегирика, послания, летописи и жития. Однако они примечательны живым, эмоциональным языком, яркими и убедительными образами, публицистической остротой, склонностью автора к сильным выразительным средствам в ущерб орнаментальности классического барокко. И. был хорошо начитан в Священном писании и предании, в учительной литературе, часто приводил цитаты в греческом оригинале (обнаруживая свое отличное знакомство с этим языком). Менее основательны, но все же глубоки для его круга были познания И. в исторической литературе, хронографах и русских летописях. Он хорошо разбирался в современной политике, интересовался экономическими (главным образом фискальными) проблемами (и даже

пытался провести в Сибири реформу десятинного обложения). Свои знания И. активно использовал в литературных трудах. В его личной библиотеке насчитывалось более 70 книг, а также географические карты (он пользовался, разумеется, книжными собраниями Новоспасского и Чудовского монастырей, тобольского Софийского дома и т. п.). Сочинения И., в том числе ораторские, периодически переделывались им, переписывались и распространялись при его жизни (в частности, для библиотеки *Афанасия*, архиепископа холмогорского и важского, и собрания Флорищевой пустыни).

Значительная часть сочинений И. сохранилась в автографах или выправленных его рукой беловых списках. Автографами представлены соловецкий синодик (БАН, 16.13.32, 80 л.), сводный чиновник патриарших выходов и служб и 1-й вариант «Свидетельства... о Российском благословенном царствии» (ЦГАДА, ф. 257, № 237, л. 151—228 и 244—248); 2-й (окончательный) вариант последнего сочинения был скопирован в 1689 г. вместе со «Словом благочестивому и христолюбивому воинству» (БАН, Арх. собр., С. 201, л. 73—86 и 1—68) для архиепископа Афанасия (копию с этого списка, снятую П. М. Строевым в 1829 г., см.: ГПБ, собр. Погодина, № 1549, л. 35—39; ср. список 1-й половины XVIII в.: ГПБ, Соф. собр., № 1504, л. 81—96). В подносных авторских беловиках дошли «Слово к православному воинству о помощи пресвятой Богородицы» (Объединенный Владимиро-Суздальский музей-заповедник, В-5635/107), «Известие о увещании раскольников» (БАН, П. I. А. 80/16.16.7), «Слово благочестивому и христолюбивому воинству» (ГБЛ, ф. 205, № 241), «Слово избранно... о Российском царствии» (БАН, П. I. А. 10/16.6.8), Житие и служба Анне Кашинской (БАН, П. I. А. 48/17.12.14). «Слово на латин и лютеров» (БАН, Арх. собр., С. 202) имеется в беловом списке, сделанном в августе 1689 г. в Новоспасском монастыре по просьбе архиепископа Афанасия. В авторских беловиках (тобольского Софийского дома) сохранились также «Послания на арменов и полуарменов» (ГПБ, собр. ПДА, № 164, 120 л.; ГПБ, Соф. собр., № 1406, л. 127—265 (ср. Соф. собр., № 1231, 77 л.); БАН, Арх. собр., С. 220, 79 л.; ГПБ, собр. Погодина, № 1549, л. 66 и сл. — копия П. М. Строева с предыдущей рукописи; ГБЛ, ф. 310, № 499, 136 л., список 1756 г.). Различные части службы Симеону Верхотурскому см. в ркп. ГИМ, собр. Барсова, № 222; ГБЛ, ф. 310, № 375 и 376. Послание в Красноярск дошло лишь в составе Сибирского летописного свода (6 списков) и одной рукописи 1-й половины XVIII в. (ИРЛИ, Древлехранилище, собр. В. Н. Перетца, № 107). Летописный свод И. представлен подлинником (ГИМ, собр. Забелина, № 263, 446 л.).

Изд.: Послания блаж. Игнатия митрополита сибирского и тобольского. Казань, 1855; Барсуков Н. П. Житие и завещание патриарха Иоакима. СПб., 1879; По-

лемические сочинения XVII века против лютеран / С предисл. А. С. Лебедева // ЧОИДР. 1884. Кн. 3. С. I—VI, 1—32; Вишняков В. Повесть известная и свидетельствованная о проявлении святых мощей и отчасти сказание о чудесах святаго и праведнаго Симеона Верхотурскаго новаго чудотворца. Пг., 1916; Дворецкая Н. А. Послание митрополита Игнатия в Красноярск 1697 // Археография и источниковедение Сибири. Новосибирск, 1975. С. 167—176; «Слово благочестивому и христолюбивому российскому воинству» // Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Подгот. текста, предисл. и коммент. А. П. Богданова. Под ред. В. И. Буганова. М., 1983. Ч. 1. С. 135—173; «Слово к православному воинству о помощи пресвятой Богородицы» // Там же. С. 174—182; «Свидетельство... о Российском благословенном царствии» // Там же. Ч. 2. С. 233—241.

Лит.: Абрамов Н. А. Игнатий Римский-Корсаков, митрополит сибирский и тобольский // Странник. 1862. Т. 2, № 4. Отд. I. С. 157—167; Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 338, 317; 2) Словарь. С. 112—113; Филарет. Обзор. № 243; Покровский Н. В. 1) Об иконе Софии Премудрости Божией. СПб., 1885. С. 33—34 (ПДП, т. 57); 2) Толкование образа Софии Премудрости Божией // Христ. чт. 1891. Ч. 1, январь—июнь. С. 523—526; Цветаев Д. Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С. 231—236; Савелов Л. М. Список лиц рода Корсаковых, Римских-Корсаковых и князей Дондуковых-Корсаковых с краткими биографическими сведениями. СПб., [б. г.]; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 гг.). СПб., 1891. С. 168—170; Оглоблин Н. Н. Библиотека сибирского митрополита Игнатия, 1700 г. // Библиограф. 1892. № 8/9. Отд. 1. С. 286—291; РБС. СПб., 1897. [Т. 8]. С. 47—48; Успенский А. И. Переводы с древних икон, собранные и исполненные иконописцем и реставратором В. П. Гурьяновым. М., 1902. С. 40—41; Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1910. Т. 2. С. 473; Лихачев Н. П. «Генеалогия» дворян Корсаковых // Сборник статей в честь Д. Ф. Кобеко. СПб., 1913. С. 91—115; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 138—139, 150; Воронова Л. Игнатий Римский-Корсаков как писатель // Тезисы докладов молодых специалистов. Новосибирск, 1979; Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М., 1988. С. 86—102; Богданов А. П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И. Е. Забелина // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 183—209.

О. А. Белоброва, А. П. Богданов

Игнатий Жигимонтов (2-я пол. XVII в.) — игумен Полоцкого Богоявленского монастыря, автор послания. По данным П. М. Строева, И. не мог стать игуменом раньше 1681 г., а в 1692 г. этот пост занимал уже его преемник. Известно одно послание, написанное И. (от 18 января 1686 г.) и адресованное патриарху *Иоакиму*. В письме высказана просьба прислать антиминсы для построенных в монастыре четырех церквей и дать монастырю право обращаться по всем церковным вопросам непосредственно к патриарху. В ответной жалованной грамоте от 27 марта 1686 г. патриарх Иоаким позволил И. освящать все церкви в Белоруссии — впрочем, только «с посвященными в Москве антиминсы». В РБС (СПб., 1897. Ибак—Ключарев. С. 46) и в ПБЭ (Пг., 1904. Т. 5. С. 793) эта переписка ошибочно отнесена к деятельности *Игнатия Иевлевича*.

Изд.: Архив Юго-Западной России. Киев, 1873. Т. 5. Ч. 1. С. 229—231.

Лит.: Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 500; Будовниц. Словарь. С. 50, 112.

Е. Н. Матвеева

Игнатий Иевлевич (26.IX.1619 – после 1667) — игумен Полоцкого Богоявленского монастыря, автор «Голоса» по делу патриарха *Никона* и приветственных речей. Согласно его автобиографической записке, И. И. родился в Могилеве, отец его был могилевским протопопом. Учился И. И. сначала в Шклове, затем последовательно в Могилевской и Киевской братских школах, с 1632 г. — в Киево-Могилянской коллегии. Разъезжая по многим западноукраинским и белорусским городам, И. И. брал уроки у частных лиц, а завершил образование в польской Замойской академии. 31 августа 1647 г. в Киеве И. И. принял монашество. В 1656 г. он упоминается уже как игумен Богоявленского монастыря в Полоцке, которому в 1659 г. полоцкий епископ Каллист дал полномочия «генерального наместника». 10 декабря 1659 г. по царской грамоте возведен в архимандриты Борисоглебского монастыря (с оставлением за ним и Богоявленского игуменства). В 1660 г. был вызван в Москву для участия в Соборе по делу патриарха Никона. Там подал царю «Голос или мнение» (10 мая 1660 г.), в котором доказывал, что нельзя приступать к избранию нового патриарха, не разобравшись досконально в деле Никона. В Москве И. И. жил в Чудове монастыре и уехал домой осенью 1660 г., получив 27 сентября царскую грамоту на управление двумя монастырями — Борисоглебским и Богоявленским. В 1667 г. И. И. еще упоминается как игумен, а в 1681 г., по данным П. Строева, Богоявленский монастырь возглавлял уже его преемник. За то время, пока И. И. управлял обителью, она округлила свои владения (челобитные, подаваемые И. И., как правило, удовлетворялись), неоднократно получала преимущества перед другими монастырями, как, например, в 1658 г. получила «ставропигию» — право самостоятельно вершить собственные монастырские дела и, минуя епархиальное начальство, подчиняться одному патриарху.

Благодаря своему красноречию И. И. считался человеком ученым, пользовался симпатиями государя и патриархов Никона, а затем *Иоакима*. Он неоднократно произносил торжественные и хвалебные речи. Нам известны тексты десяти его публичных выступлений. Например, он приветствовал царя *Алексея Михайловича*, проезжавшего через Полоцк (5 июля и 12 октября 1656 г.), «здравствовал» государя перед молебном в храме по случаю подписания мира с Польшей и избрания русского царя наследником королевства Польского и Великого Княжества Литовского (30 октября 1656 г.), произносил поздравления в день Пасхи, обращенные к Ф. М. Ртищеву (6 апреля 1660 г.),

архимандриту Чудовского монастыря Павлу, полоцкому воеводе Д. С. Великому-Гагину (1661 г.). В собрании рукописей Московской Синодальной типографской библиотеки находятся два сборника, возможно принадлежавшие И. И. Сборник № 442 содержит копии с разных грамот XVII в., а сборник № 441, на первых страницах которого и находится автобиографическая записка И. И., включает стихи и тексты поздравительных речей на разные случаи (на польском и русском языках).

В РБС и в ПБЭ И. И. ошибочно приписано послание патриарху 1686 г., принадлежащее *Игнатию Жигимонтову*. «Голос», речи и челобитные о нуждах монастыря, подписанные И. И., опубликованы полностью в ДРВ и частично в «Витебской старине», автобиографическая записка — в кн. С. Голубева.

Изд.: ДРВ. М., 1788. Т. 3. С. 309—392; Витебская старина. Витебск, 1885. Т. 4. Ч. 2. № 23, 28, 29, 37; Голубев С. История Киевской духовной Академии. Киев, 1886. Вып. 1. С. 218—220, 226, прил. 6, с. 74—79.

Лит.: Амвросий (Орнатский). История российской иерархии. М. 1811. Ч. 3. С. 441—456; М., 1813. Ч. 5. С. 590—597, 627; Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 194; Без-Корнилович М. О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии. СПб., 1855. С. 788—790; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 500; Филарет. Обзор. С. 230; Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1894. Т. 12а. С. 783; РБС. СПб., 1897. Ибак—Ключарев. С. 46; Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1898. Т. 2. С. 494, 497; ПБЭ. Пг., 1904. Т. 5. С. 793; Будовниц. Словарь. С. 112, 237; История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. М., 1976. Т. 1: XV—XVIII века. С. 78.

Е. Н. Матвеева

Игнатий Трофимов (1674—1761) — старообрядец-федосеевец, известный своим участием в спорах с представителями поморского старообрядческого согласия из-за надписи на кресте Христовом и полемикой с поповцами Керженца, автор послания и сочинения о поклонах и каждении. В 1715 г. И. Т. жил в селе Лыбовке Псковского уезда — федосеевском центре, основанном *Феодосием Васильевым*. По-видимому, это было его постоянное местопребывание, так как в 1726 г. он, судя по упоминанию в источниках, находился в том же селе. Когда возникла полемика федосеевцев со старообрядцами-поповцами по поводу священства в старообрядчестве и в Лыбовке появился поповский проповедник *Матвей Андреев*, то главным его оппонентом со стороны федосеевцев стал И. Т. В трех известных «беседах» (1722 и 1733 гг.) Матвея Андреева он фигурирует как основное лицо, с кем ведется спор. В 1733 г., опровергая антипоповское учение федосеевцев, Матвей Андреев написал специальное послание И. Т., в котором среди прочего говорилось, что последний ездил «по градам и всем странам»,

уча людей. Поморское сочинение «О начале раздора федосеевых с выгорецким общежительством и о причине того, чего ради оный бысть» (опубликовано: Попов Н. Материалы для истории беспоповщинских согласий в Москве // ЧОИДР. 1869. Кн. 2. Смесь. С. 100—106), описывая споры о надписи на иконе распятия, определяет его как федосеевского «учителя». В ходе этих споров И. Т. дважды побывал на Выгу: в 1719 г. и в 1736 г. В 1744 г. И. Т., находясь в Москве, участвовал в полемике на ту же тему с московскими поморцами и бывшими там выговцами, в частности с *Даниилом Матвеевым*. Сохранилось послание И. Т. на Выг, писанное в 1745 г. (БАН, собр. Дружинина, № 127 (стар. № 160), л. 300—301 об.; см. также: Петров Н. Описание рукописей Церковно-археологического музея при Киевской духовной академии. Киев, 1875. С. 274), где он, доказывая правоту начертания на иконе распятия Христова букв ІНЦІ, утверждал, что неприятие такого начертания пошло среди поморцев от их «отца» *Игнатия Палеостровского*. Ответ на это послание был написан Даниилом Матвеевым. Кроме того, дошло еще одно сочинение И. Т. — о поклонах и каждении, оно сохранилось в списке ГПБ, О.I.358, л. 1. об.—4 об. Сочинения И. Т. не изданы.

Лит.: Дружинин В. Г. 1) «Священноиерей» Матвей Андреев, его беседы с беспоповцами и послания к ним. СПб., 1908. С. 1—2; 2) Писания старообрядцев. С. 202, 257.

Н. В. Понырко

Иевлев Алексей Иванович (сер. XVII в.) — дьяк, автор статейного списка. Совместно со стольником *Никифором Толочановым* И. в 1650—1652 гг. участвовал в посольстве к имеретинскому царю Александру III. Составил литературную обработку статейного списка посольства. По определению М. А. Полиевктова, это редакция С, дошедшая в ряде списков и опубликованная по списку ГИМ, Синод. собр., № 541 Н. И. Новиковым в ДРВ и М. А. Полиевктовым. Остальные списки (XVII в. — ГИМ, Чуд. собр., № 363 и БАН, Тек. пост., № 92; XVIII в. — БАН, 16.2.9; ЛОИИ, ф. 36, колл. Воронцовых, оп. 1, № 181; собр. Шодуара (местонахождение неизвестно); начало XIX в. — ГПБ, Q.IV.32) при публикации текста не учитывались.

Изд.: ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 5. С. 135—252; Полиевктов М. А. Посольство стольника Толочанова и дьяка Иевлева в Имеретию. Тифлис, 1926. С. 114—192; Статейный список посольства в Имеретию в 1650—1652 г., составленный Алексеем Иевлевым / Рус. текст с груз. пер., обозрение рукописей подгот. к изд. И. З. Цинцадзе. Тбилиси, 1969 (текст на рус. и груз. яз.).

Лит.: Полиевктов М. А. К вопросу об авторе «статейного списка С» посольства Толочанова и Иевлева // *Сообщения Груз. филиала АН СССР.* 1940. Т. 1, № 1. С. 81—85; Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 215;

Белоброва О. А. О ленинградских списках древнерусских хождений в Грузию // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 171—173.

О. А. Белоброва

Иерофей Андреев (нач. XVIII в.) — старообрядец-поповец, автор сочинения в защиту спорных писаний протопопа *Аввакума*. В старообрядческой рукописи, где излагаются перипетии споров из-за догматических рассуждений протопопа Аввакума, И. А. назван бельцом. «Денежного двора купчиной» назвал И. А. старообрядческий поп Яков Семенов, когда давал в 1719 г. показания в Приказе церковных дел о совершавшихся им требах в среде московских старообрядцев. И. Т. Посошков в написанном около 1710 г. «Зеркале очевидном», перечисляя старообрядческих «лжеучителей на Москве», дважды упомянул И. А. как «вновововозникнувшего», сообщив при этом, что имел с ним прения.

Сохранившиеся документы о И. А. касаются событий 1706—1710 гг. и характеризуют его как яростного защитника догматических рассуждений Аввакума. Известно, что распри о спорных письмах Аввакума возникли в старообрядчестве в два последних десятилетия XVII в. Часть старообрядцев во главе со старцем Онуфрием признавала рассуждения Аввакума, касавшиеся учения о Троице, о воплощении Иисуса Христа, о сошествии его в ад (те, против которых выступал в свое время диакон *Феодор*), за догматически непогрешимые и даже воздавала им почести, часть же хулила эти сочинения как еретические и добивалась того же от онуфриевцев. В XVII в. споры из-за Аввакумовых писем происходили на Керженце, где находился скит старца Онуфрия. Около 1706 г. они вспыхнули с новой силой в самой Москве. Здесь в это время И. А. учил: «. . . светлея солнца писма Аввакумовы и вси добры». И. А. выступил с поддержкой Аввакумова рассуждения о Троице, соглашаясь с выражением Аввакума и повторяя, что «три цари небесныя особно сидят», он высказывался также о том, что четвероконечный крест есть только ветхозаветная «сень». «Аще крест Христов се называешь, — писал он о четвероконечном кресте, — то я блядью римскою без сомнения называю. . . Хотя и было древле на церквах сим образом, и то было неведением: дураков-то и тогда немало было», — эти положения И. А. проповедовал «в домах и на торгу, и паче привлачая к себе торговых людей и иных». Распространял он свою проповедь не только устным путем, но и письменным: «. . . своею рукою писал те речи». Противники И. А. собрали воедино его писания и устные выступления, и полученные из них тезисы из 25 «статей» были предъявлены ему на соборе, созванном в Москве 19 января 1706 г. специально для этого случая. Соборные прения кончились безрезультатно; и противники И. А., и его сторонники «разыдошася вси кождо восвояси». Второе собрание состоялось 21 мая

1706 г. На нем противники онуфриевцев требовали, чтобы были «отложены» «спорныя нецерковныя письма Аввакумовы и Иерофеевы». Сторонники же И. А. говорили, что не подобает этого делать, «страдалец бо велик писал те писма». Дело кончилось тем, что И. А. написал своею рукою «письмо мировое», в котором соглашался «отложить» Аввакумовы письма, но все же «хулы на них никаковы не положил», вопреки требованию своих оппонентов. После этого собора И. А. специально ходил совещаться к своему единомышленнику старцу Онуфрию на Керженец. Подробности об этом совещании неизвестны. Известно только, что в промежутке между 1706 и 1708 гг. Онуфрий читал по многим скитам на Керженце «письма» самого И. А. (в чем впоследствии каялся). Во время прений 1708 г. в Онуфриевом ските, когда против И. А. и Онуфрия выступил *Тимофей Лысенин*, в скором будущем основоположник толка дьяконовщины, Онуфрий, от которого добивались осуждения И. А., так аттестовал своего единомышленника: «Аз Иерофея знаю, он доброй человек и мудрой, от юности своея пошел за Писанием».

Весь 1708 г. на Керженце при активном руководстве Тимофея Лысенина происходили собрания старообрядцев, на которых читали «письма» Аввакума и И. А. и обличали их. Некто Иван Ильин на одном из таких собраний разорвал писания И. А. Многолетние споры с Онуфрием кончились победой его противников: Онуфрий не только отверг письма Аввакума как неприемлемые, но и проклял их как еретические. Как поступил И. А. неизвестно. О дальнейшей его судьбе сведений нет.

Сочинения И. А. в оригинальном виде не сохранились. В рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1256 (стб. 1338—1341) дошли только те 25 «статей», названные здесь «Исповеданием Иерофеевым» («Сие исповедание Иерофеево, еже он таковая 25 глав, истину со лжею и ложь со истиною вкупе поставляя, прочитал. . .»), которые, как явствует из дальнейших пояснений этой рукописи, были собраны воедино из писаний и устных выступлений И. А. его противниками. «Главы» эти имеют конспективный, или тезисный, характер. Вообще, данная рукопись, содержащая в стб. 1256—1677 обширный рассказ о распрях в старообрядчестве из-за догматических рассуждений протопопа Аввакума, является единственным источником сведений как о И. А., так и о его сочинении. Но сведения эти изложены с точки зрения противников его учения и потому односторонни. «Исповедание Иерофеево» опубликовано по рукописи Погодинского собрания.

Изд.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под. ред. Н. Субботина. М., 1887. Т. 8. С. 247—249.

Лит.: Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1861. Т. 1. С. 233; Зеркало очевидное И. Т. Посошкова / Изд. А. Царевского. Казань, 1898. Вып. 1. С. 110, 242; Смирнов П. С. 1) Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. 216—237; 2) Из истории раскола первой половины XVIII в. СПб., 1908. С. 100—102;

3) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 262—263, 311—329, О126.

Н. В. Понырко

«Известие о рождении и воспитании и о житии святейшаго Никона патриарха» см. *Иоанн Корнильев Шушерин.*

«Икона, или изображение великие соборные церкве всероссийскаго и всех северных стран патриарша престола приключшихся дел в разные времена и лета» — сборник 1700 г., содержащий копии грамот, рассылавшихся от имени двух последних московских патриархов, *Иоакима* и *Адриана*, властям крупных монастырей, главам автокефальных церквей, митрополий, московским царям, воеводам и полководцам с ответными посланиями, с выписками из документов Посольского приказа и др. Среди адресатов имеретинский царь Арчил, *Афанасий Холмогорский*, *Варлаам Ясинский*, александрийский патриарх Герасим, боярин *В. В. Голицын*, иерусалимский патриарх Досифей, константинопольский патриарх Дионисий, сучавский митрополит *Досифей*, цари Иван и Петр Алексеевичи, Лазарь Баранович, *Митрофан Воронежский*, И. С. Мазепа, *Феодосий Углицкий* и др. Ряд грамот касается событий в Москве во время стрелецкого восстания 1682 г., имеются обращения к полкам во время Крымских походов, немало внимания уделяется рассылке и исправлению старопечатных и рукописных книг, преимущественно богослужебных. Сборник И. известен в нескольких списках, не опубликован и недостаточно оценен как источник по истории культуры. Известны следующие списки: 1) ЦГИА, ф. 834, оп. 2, № 1734, нач. XVIII в.; 2) ГПБ, собр. Погодина, № 1115, нач. XVIII в.; 3) БАН, 34.6.66, сер. XVIII в.; 4) ГБЛ, собр. Ундольского, № 210, XIX в. и др.

Лит.: Викторов А. Е. Собрание славяно-русских рукописей В. М. Ундольского. М., 1870. С. 13; Ключевский В. Рукописная библиотека В. М. Ундольского // ПО. 1870. № 5. Стб. 887; Никольский А. И. Описание рукописей, хранящихся в Архиве св. правительствующего Синода. СПб., 1906. Т. 2, вып. 1. С. 485; Описание рукописного отдела БАН СССР. Т. 3, вып. 3: Исторические сборники XVIII—XIX вв. Л., 1971. С. 174—180; Белоброва О. А. О библиотеке патриарха Адриана // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 413.

О. А. Белоброва

Иларион (1-я пол. XVII в.) — автор Жития и чудес Иринарха Соловецкого. В период составления Жития и чудес, после 1645 г., И. был монахом на Соловках, в 1640—1642 гг. — игуменом Макариева Троицкого в Колязине монастыря.

В рукописях Житие названо Сказанием («Сказание истинно от поведающих и достоверно же повествующих о преподобном отце

Иринархе, прежде бывшем игумене Соловецкого монастыря, о явлении и чудесех его»). В 1614—1626 гг. Иринарх был игуменом Соловецкого монастыря, после ухода с этого поста прожил два года на покое, умер 17 июля 1628 г. Память его отмечалась 17 июля. Памятник повествует только о последних днях игуменства Иринарха; он еще при жизни обладал даром провидения — говорил, что служит в Анзерском скиту последнюю литургию и что после него игуменом будет инок Макарий, игуменство которого продлится четыре года «с великою нуждею, при его же игуменстве во обители меж братии будет некое смятение». В дальнейшем рассказано только о посмертных чудесах Иринарха. Первые явления Иринарха инокам Виталию и Вениамину, горевавшим по нему, произошли сразу после смерти игумена в 1628 г.; последнее чудо датировано 1644 г. После него помечено: «Списание старца Илариона Соловецкого же монастыря, прежде бывшаго игумена Колязина монастыря». Можно предположить, что рассказы о чудесах записывались постепенно «от поведающих» и вскоре после 1645 г. были собраны и систематизированы И. Отсутствие в Житии нумерации чудес делает его цельным повествованием; диалоги, прямая речь, множество бытовых подробностей — все это ставит Житие на особое место среди севернорусских житий.

Списков Жития мало. Самый ранний — ГПБ, собр. Богданова, O.I.304, 2-я пол. XVII в. — писан двумя почерками и содержит позднюю приписку, третьим почерком, «новейшего чуда», рассказанного иеромонахом Иннокентием в 1687 г. Рукопись ГПБ, Соф. собр., № 452, конец XVII в., является Соловецким патериком, содержащим службы соловецким святым и их жития. Перед Житием и чудесами Иринарха помещены тропарь и молитва ему. Имя И. включено в заголовок. Рукопись ГИМ, собр. Уварова, № 1937 (886) (774), XVIII в., начинается с канона преподобному отцу Иринарху (л. 31). Рукопись ГПБ, Солов. собр., № 575 (238) (238/238), XIX в. содержит только Житие и чудеса Иринарха. В. О. Ключевский ошибочно датировал ее XVII в. и полагал, что ссылка на И. в конце чудес написана другим почерком; это тоже неверно. В рукописи XIX в. ГПБ, Солов. собр., № 1195/1366, содержащей Повести о пустынножителях Соловецкого острова, среди подвижников назван и Иринарх (л. 42 об. — 43). Статья о нем написана на основании Соловецкого патерика, упомянуто его пророчество, чудеса и свет, воссиявший над его гробом. Все пять рукописей — соловецкого происхождения.

Основной свод чудес Иринарха состоит из тринадцати новелл. Четыре из них типичны для севернорусских житий. Это рассказы о спасении промышленников—охотников, добывающих в «ледовитых морях» «морского зверя» — тюленей. Иринарх спасает их, затертых льдами, отнесенных далеко от берега, будит заснувших охотников, которые «вскочивше во единых срачицах и в чюлках и начаша бити зверей, и избиша зело много, колико им надобно». В рассказах фигурируют

ссылки на местные острова и селения — Анзерский остров, Варзуга, Двинская земля, Сумская волость. Названы имена рассказчиков — иноков Виталия и Вениамина, игумена Маркелла, ставшего в 1639 г. Вологодским архиепископом, инока Самуила. Шесть рассказов связаны с именем монастырского кузнеца Ивана Емельянова, трижды исцеленного Иринархом, дважды избавленного им от бесовского наваждения (в одном из них в чулан к Ивану просился черный кот, обернувшийся вдруг псом и исчезнувший после произнесения молитвы, — почти «фаустовский» сюжет). Несколько раз Иринарх, явившись Ивану, просил его передать упреки старцам за их «неподобное» житие; однажды монастырь был даже наказан морозом, грянувшим в мае, в 7-ю неделю по Пасхе. Иринарх просил Ивана Емельянова сказать И., чтобы тот «умом своим не кичился». Возможно, это поручение как-то связано с составлением чудес Иринарха. Еще одно свидетельство Ивана, увидевшего столб света, поднимавшегося выше церквей над гробом Иринарха, вероятно, послужило источником рассказа иеромонаха Иннокентия, который в 1678 г., еще будучи мирянином, увидел свет над гробом Иринарха, после чего убедился в его святости. Для сомнений Иннокентия, по-видимому, были основания, т. к. Иринарх не был официально канонизован. Составление свода чудес И. было, возможно, первым шагом к причислению соловецкого игумена к местночтимым святым.

В упреках Иринарха братии отразились монастырские проблемы, заботившие игумена при жизни. Соловецкая обитель на северной окраине Русского государства принимала непосредственное участие в военном противостоянии сначала шведам, с которыми при Иринархе в 1614 г. было заключено перемирие, а затем датчанам, нападения которых заставили Иринарха укреплять монастырскую ограду и строить новые башни. Из Москвы в монастырь было прислано до 1040 воинских людей. Присутствие в монастыре воинского люда и мирян расшатало монастырский быт, о чем говорят грамота царя *Михаила Феодоровича* от 9 февраля 1621 г. и обширная грамота царицы-инокини *Марфы*, посланная Иринарху примерно в это же время (между 1619 и 1624 гг.); текст ее известен по рукописи конца XVII в. ГПБ, F.IV.147, л. 263—267 об.

Сочинение И. не изучено и не издано.

Лит.: Летописец Соловецкий или Краткое летописание о начальном житии на Соловецком острове. . . 2-е изд. М., 1821. С. 32—34; Д о с и ф е й. 1) Топографическое и историческое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М., 1834. С. 114—119; 2) Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. 2-е изд. М., 1853, Ч. 1. С. 116—131; Ч. 2. С. 91—114; [М у р а в ь е в А. Н.]. Подвиги соловецкой обители. 3-е изд. СПб., 1871. С. 23—24; К л ю ч е в с к и й. Древнерусские жития. С. 325—326, 377; С т р о е в П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 834; Я х о н т о в Ив. Жития святых северорусских подвижников Поморского края как исторический источник. Казань, 1881. С. 182—183; Б а р с у к о в.

Источники агиографии. Стб. 225; Филарет. 1) Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882. Май, июнь, июль, август. С. 394—396; 2) Обзор. С. 223, № 205; Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Казань, 1885. Ч. 2. С. 303; Бычков И. А. Каталог собрания славяно-русских рукописей П. Д. Богданова. СПб., 1891. Вып. 1. С. 149—153, № 88; Леонид (Кавелин). 1) Святая Русь. СПб., 1891. С. 110—111, № 455. (Изд. ОЛДП. № 97); 2) Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания гр. А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 4. С. 327; История первоклассного ставропигиального Соловецкого монастыря. СПб., 1899. С. 71—78, 207; Краткая история ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. СПб., 1899. С. 36—38; Белов М. И. Северорусские жития святых как источник по истории древнего поморского мореплавания // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 238—239; Будовниц. Монастыри на Руси. С. 34.

М. Д. Каган, С. К. Севастьянова

Иларион (ум. 4.VI.1673) — митрополит Рязанский и Муромский, автор грамоты, приветственного слова и духовного завещания. И. был священником в селе Лыскове под Нижним Новгородом (см. свидетельства протопопа *Аввакума* и дьякона *Феодора*), овдовев, принял пострижение в монастыре Макария Желтоводского, до 1656 г. был архимандритом этого монастыря (см.: Добротворский. Описание... С. 81). В 1656—1657 гг. И. игуменствовал в нижегородском Печерском монастыре, а в 1657 г. поставлен в архиепископы Рязанские патриархом *Никоном*. В 1667 г. (по другим сведениям — в 1669 г.) И. наречен митрополитом Рязанским и Муромским. И. известен как один из главных поборников церковной реформы патриарха Никона. Современники считали его вместе с митрополитом Павлом Крутицким столпами собора 1666—1667 гг. против старообрядцев. В сочинениях вождей старообрядчества — протопопа Аввакума, дьякона Федора, инока *Авраамия* — имя И. как лютого их врага встречается часто. Нижегородское село Лысково, где И. священничествовал в свое время, свело его с теми, против кого ему пришлось подвизаться в Москве. Протопоп Аввакум вспоминал о своей «древней любви» с И. и, обращаясь к нему в «Книге бесед», писал: «Иларион, мой друг, архиепископ Рязанский. . . на Павла митрополита что глядишь, тот не живал духовно. . . А ты, милая голова, нарочит бывал, и бесов молитвою прогонял. Помнишь, камением-тем в тебя бросали на Лыскове-том у мужикатово, как я к тебе приезжал. . .» Очевидно, лысковские знакомства (а с этим селом были кроме Аввакума связаны еще *Иоанн Неронов*, Павел Коломенский и Никон) ввели И. в круг ревнителей благочестия, на нижегородское происхождение большинства членов которого первым обратил внимание еще Н. Ф. Каптерев.

Будучи одним из самых деятельных участников собора 1666—1667 гг., И. на этом же соборе (вместе с Павлом Крутицким) отказался подписать приговор о низложении патриарха Никона по причине несогласия с формулировкой этого документа о превосходстве царской власти над патриаршей. И. и Павел Крутицкий требовали исправления

этого места в приговоре. В скором времени, правда, обоим архиереям пришлось просить прощения у собора и царя за выказанную смелость и поставить свою подпись под актом о никоновом низложении, но в результате их выступления формулировка в приговоре была изменена в том смысле, что царь имеет преимущества в делах политических, а патриарх — в церковных.

«Ради тщания, трудов и потов», которые И. положил на соборе против старообрядцев, он (а вместе с ним все его преемники по рязанской кафедре) был удостоен права служить в саккосе и носить белый клобук, о чем свидетельствует грамота 1667 г. за подписью вселенских патриархов Паисия Александрийского, Макария Антиохийского и *Иоасафа II* Московского и всея Руси. Стало быть, инцидент с отказом подписать акт о Никоне не имел для И. серьезных последствий.

Об И. известно, что, будучи уже архиепископом, он учился греческому языку у прибывшего в Москву грека, архимандрита *Дионисия*, деятельнейшего участника собора 1666—1667 гг. (об этом греке среди старообрядцев ходила дурная слава). Приверженность И. к новой образованности проглядывает в его словах, сказанных во время допроса старцу Авраамию: «А вы, брате Авраамей, конечно за неведение погибаете. Не учася риторства, ни философства, ниже граматического здравого разума стяжали есте, а начнете говорить выше ума своего». Надо полагать, что с приверженностью к образованности связаны и близкие отношения И. с *Симеоном Полоцким*. После отъезда И. в Рязань отношения его с Симеоном Полоцким поддерживались путем переписки и отличались такой близостью, что Симеон позволял себе оказывать покровительство лицам, искавшим благосклонного внимания рязанского митрополита.

28 мая 1673 г. после повторных просьб к царю и патриарху И. был отпущен с митрополичьей кафедры на покой в Макариев Желтоводский монастырь. Для почетных проводов царь предоставил ему военный конвой. По пути в монастырь И. скончался. Он погребен в рязанском соборе архангела Михаила.

Кроме короткой грамоты 1664 г. о том, можно ли священносхимонаха поставить архиереем (в связи с делом патриарха Никона), писанной в ответ на запрос царя (издано в «Деле о патриархе Никоне»), от И. дошли приветственное слово, сказанное при встрече под Москвой прибывших на Русь восточных патриархов Макария Антиохийского и Паисия Александрийского, и духовное завещание. Приветственное слово написано пышным, украшенным стилем Симеона Полоцкого (издано Н. Субботиным). Духовное завещание, составленное в привычных традициях этого жанра, несколько отличается от завещаний большинства духовных русских церковных иерархов короткой концовкой, представляющей собой как бы пастырскую проповедь на тему: «Братия мои возлюбленнии, помните выну последняя (т. е. кончину) и вовеки не согрешите» (издано Т. Воздвиженским).

Изд.: Воздвиженский Т. Историческое обозрение рязанской иерархии. М., 1820. С. 136—140; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1876. Т. 2. С. 153—155; Дело о патриархе Никоне / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897. С. 120.

Лит.: Добротворский С. Описание нижегородского Печерского первоклассного мужского монастыря: Отд. оттиск из «Нижегородских губернских ведомостей». 1849. № 28—43. С. 81—82; Материалы для истории раскола... М., 1881. Т. 6. С. 195, 200—201; 1885. Т. 7. С. 391—394; Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 754—760; Татарский И. Симеон Полоцкий. М., 1886. С. 101—102; Каптерев Н. Ф. 1) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. Т. 2. С. 7—27, 88—93, 227—250, 369—372; 2) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов: Время патриаршества Иосифа. Сергиев Посад, 1913. С. 119; Памятники истории старообрядчества XVII в. Л., 1927. Стб. 336, 751. (РИБ. Т. 39); Понырко Н. В. Житие протопопа Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 379—387.

Н. В. Понырко

Иларион (Смирного) (ум. 1698) — старец Антониево-Сийского монастыря, впоследствии архимандрит Соловецкого монастыря (1680—1687 гг.), архимандрит Спасо-Ярославского монастыря (1687—1691 гг.), митрополит Псковский (1691—1698 гг.), один из редакторов *Жития Антония Сийского.* Житие И. «исправлял» в 1665 г. вместе с игуменом Антониево-Сийского монастыря *Феодосием*, о чем сообщает следующая запись в рукописи ГБЛ, собр. Пискарева, № 110: «7174 (1666 г.) положил сию книгу в казну игумен Феодосий, а писал он сие Житие своею рукою будучи в Кожеозерском монастыре во 7166 (1658 г.). Исправил он же с своим послушником, со старцем Илларионом, в Сийском, в 7173 (1665 г.), в Филиппов пост. И держать сие Житие в казне и в монастыре, а в военные службы не отдавать для переводу». Текст Жития Антония Сийского в данной рукописи, являющейся сборником-конволютом 1658—1664 и 1670-х гг., представляет собой начальный этап оформления редакции Жития XVII в.; сочинение переписано характерным почерком игумена Феодосия, правка (зачеркивание в тексте, небольшие приписки на полях) сделана полууставом другой манеры, принадлежавшим, скорее всего, И. Редакция Жития XVII в. не издана. В 1682 г. были сделаны многочисленные приписки по истории Соловецкого монастыря в рукописи ГПБ, Солов. собр., № 685/878, которые, как считает В. И. Буганов, «исходят от Соловецкого келаря, затем архимандрита Илариона».

Лит.: Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 338, 380, 817; Буганов В. И. Повесть о Московском восстании 1682 г. // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967. С. 319; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977. С. 116, 159, 168.

Е. А. Рыжова

Илья Федоров (2-я. пол. XVII в.) — арзамасский дьякон, составитель и писец рукописного сборника «о разных составех» (1669 г.), статьи которого посвящены книгописному делу и содержат указы-рецепты для приготовления чернил, киновари, красок, перьев, бумаги и, в частности, «Учение застовничного письма» — своеобразный трактат об украшении рукописи заставками. Из текста «Учения» следует, что в распоряжении мастера должны были находиться инструменты, обычные как для древнерусского писца («правило» (линейка), лощильный зуб, «железо» для чистки бумаги от клея, краски), так и для орнаменталиста-золотописца («кружало» (циркуль), кисть, раковина, графья или свайка). Ряд терминов в «Учении» обычен для древнерусской иконописи: белила, левкас, золото, вохра, бакан, синь, лазорь, сурик, комедь и др. Сообщаются рекомендации для композиционного размещения «заставицы» и особо «великой заставицы» на листе бумаги: с помощью кружала и с разметкой «накрест и вдоль и поперек»; указываются допустимые сочетания красок для рамок («окольного узора», «опушки»), для растительного орнамента («корень и ветвь и стебель и круги»); рекомендуется пробелка как стилистический прием, сообщены некоторые технические правила для придания прочности письму заставок.

Изд.: Симони П. К. Старинный трактат о письме заставок // Сборник статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 81—86. (СОРЯС. Т. 101, № 3).

Лит.: Белоброва О. А. Из истории нижегородской художественной культуры XVII века // В памяти Отечества: Материалы научных чтений. Горький, 1989. С. 145—158.

О. А. Белоброва

Иннокентий Гизель (ок. 1600—18.XI.1683) — архимандрит Киево-Печерской лавры, духовный писатель и историк. Родился в Пруссии в протестантской семье, юношей принял православие. В 1642 г. после окончания Киево-Могилянского коллегиума уехал учиться за границу, а в 1648—1650 гг. был ректором этого коллегиума, читал курс философии. В 1654 г. И. Г. приезжал в Москву обсуждать вопрос о правах малороссийского духовенства. С 1656 г. и до конца жизни был архимандритом Киево-Печерской лавры. Печерский архимандрит являлся активным сторонником воссоединения Украины с Россией. В день похорон над могилой И. Г. произнес речь *Димитрий Ростовский*.

Перу И. Г. принадлежит несколько богословских полемических произведений: «Мир с Богом человеку, или Покаяние святое, примиряющее Богови человека. . .» и «Об истинной вере», или «Ответ иезуиту Бойме о власти папы» (последнее на польском языке). «Мир с Богом человеку» является наиболее значительным произведением в литературном наследии И. Г. (оно дважды издавалось при его жизни). В этом трактате, посвященном вопросам морали, автор подробно

систематизирует и анализирует грехи людей всех социальных слоев (от князя до писца и воина) и возрастов. В. Н. Перетц, тщательно изучив это произведение, назвал его «кодексом морали мещанства». Другие исследователи считают, что в этой работе нашли отражение идеи раннего гуманизма. Сохранились письма И. Г. Он, например, находился в личной переписке с царем *Алексеем Михайловичем*. И. Г. принимал участие в издании *Патерика Киево-Печерского*, вышедшего в 1661 г., и других изданий Киево-Печерской лавры. Для русской истории и литературы наиболее значительным является участие И. Г. в составлении «Синопсиса» — первого печатного отечественного исторического произведения (в издании 1680 г. сочинение озаглавлено: «Синопсис, или Краткое собрание от различных летописцев, о начале славяноросийскаго народа, и первоначалных князих богоспасаемаго града Киева. . . до пресветлаго и благочестиваго государя нашего царя и великаго князя Феодора Алексеевича. . .»). Степень участия И. Г. в работе над текстом «Синопсиса» является спорным вопросом в отечественной историографии: долгое время Печерского архимандрита считали автором этого произведения (С. М. Соловьев и др.), потом появились работы, полностью отрицающие его авторство (А. С. Лаппо-Данилевский и др.); наиболее распространенной является точка зрения об активной составительской и редакторской работе И. Г. над текстом этого произведения (И. П. Еремин, С. Л. Пештич). Спорность вопроса о степени участия И. Г. в работе над «Синопсисом» основана прежде всего на слабой изученности истории его текста, например считается, что первое издание появилось в 1674 г., но существуют указания на издания 1670 и 1672 гг.; недостаточно полно изучен вопрос о дополнениях, которые делались почти в каждом издании XVII в. Издание 1680 г., представленное тремя разновидностями, легло в основу почти всех последующих перепечаток, оно по сравнению с первым изданием расширено почти вдвое (в него в числе других дополнений было включено популярное древнерусское произведение *Сказание о Мамаевом побоище*). Основными источниками «Синопсиса» были *«Хроника» Мацея Стрыйковского*, Густынская летопись и другие летописи. В тексте «Синопсиса» много различного рода поздних «баснословий», особенно в ранней истории славян: само название «славяне» производится здесь от слова «слава», Александр Македонский, по мнению автора, не только знал о славянах, но и оказывал им помощь. Все внимание составителя обращено к событиям Киевской Руси, об истории Северной России говорится мало и неполно. Популярность «Синопсиса» была огромной: в течение XVII—XIX вв. он выдержал около 30 изданий (перечень их дан в кн.: Библиография русского летописания / Сост. Р. П. Дмитриева. М.; Л., 1962. С. 5—6). Более ста лет он служил учебной книгой по истории России, пока на смену ему не пришел «Краткий Российский летописец» М. В. Ломоносова. Уже в XVII в. «Синопсис» был переведен на греческий и

латинский языки. Секрет успеха «Синопсиса» заключался в том, что текст его был проникнут идеей исторической необходимости воссоединения Малой России с Великой (И. П. Еремин). Профессиональные историки по-разному оценивали значение «Синопсиса» как исторического произведения: одни считали его чтением для мещан (Н. И. Новиков), другие — «первым младенческим несвязным лепетом русской историографии у нас на севере и юге» (С. М. Соловьев), третьи — произведением, способствовавшим превращению исторических знаний в науку (С. Л. Пештич). Влияние «Синопсиса» на русскую литературу бесспорно: почти все русские поэты и писатели XVIII в. черпали из него историческую канву своих произведений. В XVIII в. «Синопсис» оказал воздействие на развитие болгарской и сербской историографии, послужив одним из источников «Истории славяно-болгарской» (1762 г.) Паисия Хиландарского (Паисий Хилендарски. История славяно-болгарская: Първи Софрониев препис от 1765 година / Увод, новобългарски текст и коментар Б. Райков. София, 1972. С. 137) и «Истории разных славянских народов» (1768 г.) архимандрита Йована Раича (Самарџић Р. Писци српске историје. Београд, 1976. С. 29—76).

В научной литературе и описаниях рукописей за выписку из Синопсиса нередко ошибочно принимается (см., например: Богданов А. П. Работа А. И. Лызлова над русскими и иностранными источниками // Андрей Лызлов. Скифская история. М., 1990. С. 396) широко распространенный в списках XVII—XIX вв. текст под заглавием «[Выписано] из история (иногда: летописца) печ[атного] Киевского» («В лето от сотворения света 2244, по потопе во 2-е лето...»). В действительности это легендарное «Сказание (повесть) о Словене и Русе» («о Великом Словенске»), памятник 1-й пол. XVII в. (старший известный список — ГБЛ, собр. Андронова, № 2 — ок. 1638 г.), входящий уже в *Летописный свод патриарший 1652 г.* и с сочинением И. Г. ничего общего не имеющий. Причиной ошибки служит указание на «печатный» характер «история Киевского» в поздних (не ранее 2-й. пол. XVII в.) списках текста (старшие списки дают сокращенное написание «печ.», что, вероятно, должно расшифровываться как «Печерского»), т. к. единственным киевским печатным историческим сочинением XVII в. является Синопсис.

Изд.: Мир с Богом человеку. Киев: тип. Лавры, 1669; 1671; *Синопсис*. Киев: тип. Лавры, 1674; Письма Иннокентия Гизеля // Труды КДА. 1865. № 7. С. 354—364; «Лист» печерского архимандрита Иннокентия Гизеля на сбор милостыни для выкупа у татар пленников // Киевская старина. 1895. Т. 48. Февраль (документы, известия, заметки). С. 53—54.

Лит.: Сумцов Н. Ф. Иннокентий Гизель: (К истории южнорусской литературы XVII века) // Киевская старина. 1884. Октябрь. С. 183—226; РБС. СПб., 1897. Ибак—Ключарев. С. 116; Маслов С. И. К истории изданий киевского «Синопсиса» // Статьи по славянской филологии и русской словесности: Сб. ст. в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 341—346. (СОРЯС. Т. 101. № 3); Еремин И. П. К истории

общественной мысли на Украине второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 212—222; Пештич С. Л. «Синопсис» как историческое произведение // Там же. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 284—298. Українські письменники. С. 288—290; Перетц В. Н. Исследования и материалы по истории старинной украинской литературы XVI—XVIII веков. М.; Л., 1962. С. 183—205; История философии в СССР. М., 1968. Т. 1. С. 393—395; Моисеева Г. Н. Древнерусская литература в художественном сознании и исторической мысли России XVIII века. Л., 1980. С. 9, 42, 144, 182—184, 219.

В. К. Зиборов

«Иное видение» — памятник Смутного времени, известный по рукописи ГПБ, Q.IV.17. Здесь он помещен непосредственно за «Повестью о видении некоему мужу духовну» протопопа *Терентия*, чем и объясняется его название. С незначительными изменениями текст И. в. вошел также в состав *Летописца Пискаревского*. Это «иное видение» якобы имело место 27 февраля 1607 г. в ночь с пятницы на субботу (в Пискаревском летописце — 20 февраля). Шесть человек сторожей, охранявших Архангельский собор — усыпальницу московских великих князей — в пятом часу ночи услышали внутри собора шум и говор людей, их смех, а затем плач, видели там колеблющийся свет. Все это продолжалось до седьмого часа. Рассказ о видении носит протокольный характер. Здесь используются подробности, создающие иллюзию достоверности: называется точная дата видения, место его, перечисляются поименно все сторожа, упомянуто о том, что вместо головы Истомы Артемьева сторожил его сын Козьма, который, как сообщается в конце, не был свидетелем видения, поскольку в это время «отходил ис паперти прочь». Называются и лица, которым сторожа рассказали о видении. Содержание и смысл этого видения весьма туманны. Исследователи затрудняются сказать определенно, что хотел выразить этим произведением его составитель. По предположению С. К. Шамбинаго, в нем «сквозит скептическое отношение к современной власти: голоса, слышавшиеся в Архангельском соборе, — это голоса похороненных там русских великих князей, царей; это они смеялись над современной царской властью» (История русской литературы. Т. 2, ч. 2. С. 38). И. в. существенно отличается от других «видений» начала XVII в., поскольку оно не выдержано в традиционных канонах жанра (о жанре «видений» см.: Прокофьев Н. И. «Видение» как жанр в древнерусской литературе // Вопросы стиля художественной литературы. М., 1964. С. 45—47. (Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 231)).

И. в. было переработано в традиционном духе при включении в *«Иное сказание»* и *Хронограф Русский* редакции 1617 г. (текст переработки в обоих этих произведениях почти буквально совпадает и носит соответственно названия «О чюдеси бывшем» и «О чюдеси бывшем еже во царстве Василиа царя». Прежде всего, неясное и

туманное по своему содержанию И. в. в переработке получает определенный смысл: приуроченное к новой дате (20 октября 1610 г., в ночь с четверга на пятницу) и включенное в повествование о последних днях царствования Шуйского, оно якобы возвещает о близком окончании его царствования. Значительно изменены в переработке язык и стиль И. в., которое резко выделялось среди других произведений этого жанра своей живой простонародной речью. Рассказ же, входящий в «Иное сказание» и Хронограф 1617 г., написан обычным книжным языком XVII в. Изложение становится более цветистым, пространным и менее конкретным. В частности, здесь опущены все бытовые подробности о «тайнозрителях» — сторожах, не названы их имена, более абстрактно рассказано и о самом «видении».

Изд.: РИБ. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 184—186 (И. в.), 121 (текст в составе «Иного сказания»), 1307 (текст в составе Хронографа 1617 г.); Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2. Документы по истории XV—XVII вв. С. 130—131; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 214—215 (в составе «Пискаревского летописца»).

Лит.: История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 38 (раздел написан С. К. Шамбинаго); Прокофьев Н. И. 1) «Видения» крестьянской войны и польско-шведской интервенции начала XVII в. (Из истории жанров литературы русского средневековья). Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1949; 2) Образ повествователя в жанре «видений» литературы Древней Руси // Очерки по истории русской литературы. М., 1967. Ч. 1. С. 36—53. (Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 256); Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия. Киев, 1958. С. 142—145; История русской литературы X—XVII вв. М., 1980. С. 340 (раздел написан А. М. Панченко).

Л. В. Соколова

«Иное сказание» — компилятивное произведение первой половины XVII в., охватывающее события от смерти *Ивана Грозного* до венчания на царство *Алексея Михайловича*. Название дано памятнику И. Д. Беляевым, который впервые опубликовал его по списку ГПБ, собр. Погодина, № 1503. Помещенное в рукописи за «книгой» *Авраамия Палицына*, И. с. начиналось словами: «Той же первой истории последует вторым сказанием, иже в первой скращено, зде же приполнено, и где в первой полно, здесь же скратно писано. Инаго творения». Составитель не счел нужным оговорить разногласия с «Историей» (а их немало), он лишь заявил о своем намерении дополнить рассказ знаменитого келаря, если найдет его кратким, и лаконично изложить то, что подробно описано Палицыным. Второй список И. с. также сопровождается «Историей» (ГБЛ, Муз. собр., № 1836). Этот список сделан при участии одного из двух писцов, работавших над Погодинской рукописью. Возможно, оба сборника вышли из одной книгописной мастерской (см. Шмидт С. О. Заметки о рукописи № 1836 Музейного собрания // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1977. Вып. 38. С. 156). Палицынская «книга» сопутствовала И. с. и в

третьей, ныне, вероятно, утраченной рукописи Воронежского губернского музея (с ней были знакомы С. Ф. Платонов и Е. Н. Кушева). В сборнике ГБЛ, собр. Егорова, № 292 встречаем начало И. с., за которым следуют Повесть о Федоре Ивановиче и палицынская «книга». Все это не позволяет согласиться с предположением Д. К. Уо, будто до составления П. М. Строевым Погодинской рукописи «История» и И. с. были разделены (Уо Д. К. К изучению истории рукописного собрания П. М. Строева // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. 32. С. 138). Согласно Ю. К. Бегунову, сокращенное И. с. имеется в рукописи Славянской библиотеки (Прага), № Т 9775 (см. Бегунов Ю. К. Малоизвестные рукописи Славянской библиотеки в Праге // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 328). Данная рукопись, однако, содержит список «*Повести, како отомсти. . .*», не учтенный, кстати, ее публикаторами.

И. с. состоит из трех частей (С. Ф. Платонов и М. А. Яковлев, не замечая компилятивности произведения, делят его соответственно на шесть и пять частей). Это повесть о событиях конца XVI—начала XVII в., доведенная до разгрома царских войск под Калугой (1607 г.), рассказ о Смуте, начиная с борьбы армии Шуйского и отрядов Лжепетра и *Ивана Болотникова*, засевших в Калуге и Туле (он почти совпадает с последними статьями *Хронографа Русского* редакции 1617 г.), и краткий летописец за 1613—1645 гг.

В первой части И. с. легко выделяется ряд документов времени Лжедмитрия I и Василия Шуйского: «Извет Варлаама», две «прелестные» грамоты «расстриги» (за осень 1604 г. и конец мая 1605 г.), обе окружные грамоты Шуйского (без адресата), его крестоцеловальная запись. «Извет» представлен в И. с. не в первоначальном виде, а содержит позднейшие наслоения, внесенные, возможно, составителем памятника. По-видимому, он знал и приговор Шуйскому (1605 г.).

Читаемый в И. с. рассказ об осаде Москвы болотниковцами разрывается «Повестью о видении некоему мужу духовну» протопопа *Терентия* (без преамбулы, имеющейся в большинстве списков Повести). Тем самым в И. с. нарушается последовательность событий 1606 г. Однако нельзя считать, что Повесть механически разрывает описание московской осады (мнение А. Г. Манькова, А. И. Копанева, В. И. Корецкого). Судя по этому описанию, в результате молитвы москвичей, последовавшей за «видением», повстанцы не смогли овладеть всеми дорогами, ведущими в столицу, и к Шуйскому подошли подкрепления. Включая Повесть в свое произведение, составитель И. с. хотел подчеркнуть роль покаяния в победе над «ворами» под Москвой.

Как доказала Е. Н. Кушева, в основу повествования о царствованиях Федора Ивановича, *Бориса Годунова*, Федора Борисовича и Лжедмитрия I компилятор положил «Повесть, како отомсти». Список этой Повести, которым располагал составитель И. с., сейчас неизвестен; вопреки мнению ряда исследователей, его, однако, нельзя

сближать с теми списками, где Повесть компилируется с другими сочинениями Смутного времени. Компилятор использовал также *Житие Димитрия царевича* (1607 г.), надпись на раке этого нового чудотворца, Хронограф Русский редакции 1617 г. (текст которого трижды цитируется в рассказе о восстании Болотникова) и палицынскую «книгу». Помимо того, в И. с. находим оригинальные рассказы о воцарении Бориса Годунова, походе Самозванца на Москву и его правлении, источник которых точно не определен. Все эти публицистические произведения скомпилированы весьма искусно, и С. Ф. Платонов даже принял начало И. с. за *Повесть 1606 года*, которую был склонен приписать Авраамию Палицыну. Изыскания Е. Н. Кушевой, а также биографические данные о Палицыне заставляют отвергнуть эту атрибуцию.

По мнению С. Ф. Платонова и И. И. Смирнова, помещенный в И. с. рассказ о восстании Болотникова, кончая победой повстанцев у Калуги, написан вскоре после описанных событий, хотя в нем есть хронологическая путаница и фактические неточности. По справедливому заключению И. И. Смирнова, компилятор воспользовался неизвестной повестью, где говорилось о восстании Болотникова. Автором повести был современник восстания, очевидец многих событий 1606—1607 гг. Возможно, он знал и разрядные записи за это время. С. Ф. Платонов и М. А. Яковлев показали лексическую и стилистическую общность оригинальных рассказов И. с. о воцарении Бориса Годунова, вторжении «расстриги» и его царствовании, восстании Болотникова. Вероятно, эти рассказы заимствованы компилятором из повести о Смуте, не известной в отдельных списках. Вслед за С. Ф. Платоновым и В. Л. Комаровичем можно полагать, что данную повесть знал автор Хронографа редакции 1617 г., поэтому ее можно датировать временем до 1616/1617 г. Но составитель И. с. дополнил повесть сообщением Хронографа о происхождении «царевича Петра». Автор этой повести, скорее всего, был светским лицом, так как непосредственно знаком со многими военными событиями своего времени, проявляет удивительную для духовного лица неосведомленность о дате принесения в Москву мощей царевича Димитрия, допускает грубую фактическую ошибку, полагая, что в 1591 г. на его погребение в Углич ездил патриарх *Иов*.

В предполагаемой повести о Смуте встречаем многочисленные признаки летописной традиции, прежде всего обилие хронологических ссылок. Вопреки утверждению А. И. Филатовой, будто указания автора на «грехи» являются лишь пустой отпиской, данью обычаю, публицист всецело находится на позициях провиденциализма. Вместе с тем создателю повести свойствен острый интерес к причинно-следственным связям событий, к мотивам человеческих поступков; он стремится даже вникнуть в психологию людей. Неизвестный автор передает чужие мнения, полемизирует с ними, вводит в свое изложение

диалоги, прямую речь. Он охотно использует рифмованную речь, в том числе корневые рифмы и рифмоиды. Особенно удаются ему описания сражений, составленные под воздействием *Сказания о Мамаевом побоище*. Писатель пытается видоизменить воинские формулы, умело прибегает к образам птичьей охоты, живым, конкретным сравнениям. В повести заметны и следы хронографического стиля.

Если выделить из первой части И. с. предполагаемую повесть начала XVII в. и другие его источники, то на долю компилятора придутся почти исключительно переходы от одного сочинения к другому. Эти переходы выдержаны в делопроизводственном стиле, например: «Сему же сказанию конец до зде бысть. Возвратимся на предняя, о его Гришкине собрания войска и о шествии к Москве»; «И сицевою прелестию прелстити первое народу Московского государства покусися»; «. . .а в грамотах сице пишет». Учитывая это, едва ли вслед за И. С. Шепелевым можно приписать компилятору хронографические статьи, составляющие вторую часть произведения. Очевидно, он просто перенес их в И. с., которое первоначально завершалось последней главой Хронографа 1616/1617 г., посвященной воцарению *Михаила Феодоровича*. При этом лишь статья о низложении и смерти царя Василия была дополнена известием о возвращении из польского плена И. И. Шуйского (в конце 1619 или начале 1620 г.). Вряд ли бы компилятор забыл упомянуть о выдаче русским представителям в 1635 г. праха Василия Шуйского. Допустимо считать, что И. с. в первоначальном виде было составлено до этого времени, но не ранее 1619/1620 г., тем более что в нем есть вставки из палицынской «Истории», две первые редакции которой возникли в течение данного года. Е. Н. Кушева склонна относить И. с. к 1622 / 1623 г., которым помечен воронежский список «Истории» Авраамия Палицына. Другие исследователи датируют памятник 1623 г. (А. А. Зимин, А. А. Назаревский, Р. В. Овчинников), 20-ми годами XVII в. (А. И. Филатова, Л. В. Черепнин, И. И. Смирнов, В. И. Корецкий), их второй половиной (А. М. Сахаров). Однако в Погодинском и Музейном списках «Истории», сопровождающих И. с., дата отсутствует. Изучение рукописной традиции «Истории» показывает, что списки с датой и списки, где ее нет, относятся к разным изводам неавторской редакции. Списками разных видов пользовались и составители летописцев и хронографов, компилировавшие И. с. с «Историей». Трудно решить, какой список был в руках компилятора.

Как отметили еще И. Д. Беляев и А. Н. Попов, И. с. почти полностью вошло в состав Хронографа редакции 1620 г. («третьей редакции» по терминологии XIX в.), один из списков которого датирован октябрем 1645 г. Кроме того, сохранился помеченный августом 1641 г. список Хронографа особого состава, точнее, его первой книги. Согласно оглавлению этого компилятивного Хронографа, он был доведен до присылки в Москву из Персии «христовы срачицы»

(1625 г.) (см. Демин А. С. «Слово о полку Игореве» и предисловие к «Хронографу» 1641 г. // «Слово о полку Игореве». Памятники литературы и искусства XI—XVII веков. М., 1978. С. 87, 90, 93—94). Дару шаха Аббаса Михаилу Федоровичу посвящена статья летописца, составляющего заключительную часть И. с. Это позволяет думать, что оно в первоначальном виде появилось не позже 1641 г. Эту дату можно несколько сдвинуть, поскольку сохранился помеченный предыдущим годом список Хронографа «третьей редакции» (ГИМ, собр. Уварова, № 1363 (16), см.: Орлов А. С. Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 и осадное сидение 1641 г.): Тексты. М., 1906. С. 163).

Летописец, помещенный в И. с. вслед за хронографическими статьями, доведен до венчания на царство Алексея Михайловича (в Погодинском списке имеются позднейшие приписки о воцарении его сыновей *Феодора Алексеевича*, Ивана и Петра). Круг интересов его составителя включает военную и дипломатическую историю Московского государства, жизнь царской семьи, судьбы патриаршего престола и новгородской митрополичьей кафедры, пожары в Москве. Не исключено новгородское происхождение летописца. Возможно, первоначально он кончался статьей «О принесении Христовы срачицы». Летописец включает в себя 412, 420—422-ю главы *Летописца Нового.*

Е. Н. Кушева обратила внимание на то, что все списки И. с. сопровождаются палицынской «Историей» с главой об оскудении казны в ее позднем варианте, где резкое осуждение Шуйского сменилось восхвалением царя Василия. Поскольку начальная часть И. с. является панегириком Шуйскому, исследовательница считает компиляцию произведением, обелявшим задетую келарем память царя Василия, трудом, составленным в опровержение палицынской «книги». Это мнение принято большинством ученых (Л. В. Черепнин, В. И. Буганов, В. И. Корецкий, А. Л. Станиславский, С. О. Шмидт). Однако составитель И. с. не счел нужным оговорить свои разногласия с «Историей». Во второй части компиляции наблюдается сдержанное отношение к Шуйскому, а в первой составитель лишь следовал за своими источниками. Нельзя говорить и об отрицательной оценке Шуйского в «Истории» и его сплошном восхвалении в позднем варианте главы о казне. Так что нет достаточных оснований отказываться от взгляда П. М. Строева на И. с. как на дополнение к «Истории». Л. В. Черепнин видит в И. с. попытку создания обобщающего труда по истории Смуты, предпринятую при патриаршем дворе, но не обосновывает этот взгляд (см. Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания) // ИЗ. М., 1945. Кн. 14. С. 102—103). Поскольку компиляция широко использована в Хронографе редакции 1620 г., напрашивается предположение: не было ли создано И. с. в процессе работы над новой редакцией Хронографа, включившей в себя (в зависимости от разряда)

также отрывки из «Истории» Палицына, Хронографа 1616/1617 г. и летописные статьи, заключающие И. с.?

Как отметил еще И. Д. Беляев, составитель И. с. являлся светским лицом, скорее всего приказным. Поэтому ему были доступны многие документы начала XVII в., а отдельные фразы компилятора находят аналогии в деловой письменности.

Заимствования из И. с. имеются в бесчисленных хронографах, летописцах и исторических повестях XVII—XVIII вв. Правда, вопреки мнению В. Д. Назарова оно не явилось источником Нового летописца. Но бесспорна зависимость от И. с. *Летописного свода патриаршего 1652 г.*, «Латухинской степенной книги», *Летописи Новгородской Забелинской.* Несколько летописных статей И. с. перенесено в ряд списков неавторской редакции «Истории» Авраамия Палицына.

Изд.: Иное сказание о самозванцах // ВОИДР. М., 1853. Кн. 16. Материалы. С. 1—80; РИБ. СПб., 1891. Т. 13. С. 1—144; 2-е изд. СПб., 1909. С. 1—144; 3-е изд. Л., 1925. Вып. 1. С. 1—144 (есть и отдельный оттиск: Так называемое Иное сказание. СПб., 1907).

Лит.: Орлов А. С. 1) Об особенностях формы русских воинских повестей (кончая XVII в.). М., 1902. С. 11—13, 16, 17, 19—23, 28, 30—33, 42; 2) О некоторых особенностях стиля великорусской исторической беллетристики XVI—XVII вв. // ИОРЯС. 1908. Т. 13. Кн. 3. С. 368, 370; 3) Повесть 1606 года о восхищении российского престола Борисом Годуновым и Лжедимитрием и о воцарении Василия Шуйского // ИОЛЯ. 1946. Т. 5, вып. 1. С. 27—46; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913; Попов Н. К вопросу о первоначальном появлении вирш в севернорусской письменности // ИОРЯС за 1917 г. Пг., 1918. Т. 22, кн. 2. С. 259—275; Любомиров П. Г. Новая редакция «Сказания» Авраамия Палицына: (К литературной истории «Сказания») // Сборник статей по рус. истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 247—248; Кушева Е. Из истории публицистики Смутного времени XVII века. Саратов, 1926 (оттиск из Учен. зап. Саратовского гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. Т. 5, вып. 2); Гудзий Н. Заметки о Повести кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского // Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 308, 309. (СОРЯС. Т. 101. № 3); Яковлев М. А. «Иное сказание»: (Повесть о крестьянском движении начала XVII века) // Учен. зап. ЛГПИ им. М. Н. Покровского. Л., 1938. Вып. 1. С. 183—232; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 479—480, 482—485; Смирнов И. И. 1) Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951; 2) Обзор источников о восстании Болотникова // Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 5—40; Державина О. А. Обзор работ по изучению литературных памятников первой трети XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 672—688; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958; Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 231—254; Корецкий В. И. Формирование крепостного права и первая Крестьянская война в России. М., 1975. С. 229, 283, 284, 288, 293, 294, 303; Енин Г. П. Неизвестная повесть о Смутном времени // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник — 1977 г. М., 1977. С. 18, 19, 21; Солодкин Я. Г. 1) К истории издания «Иного сказания» // ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 63—77; 2) О происхождении «Повести, како отомсти» (Из истории ранней публицистики Смутного времени) // Литература Древней Руси. М., 1988. С. 88—92, 97; Скрынников Р. Г. 1) Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988. С. 96—98, 115, 116, 128, 140, 163, 165—166,

170; 2) Спорные проблемы восстания Болотникова // История СССР. 1989. № 5. С. 98—99, 107.

Я. Г. Солодкин

Иоаким (в миру Иван Савелов) (6.I.1621—17.III.1690) — патриарх всея Руси, автор поучений, полемических произведений и посланий. Происходил из дворян, ведших свою родословную из Великого Новгорода, где их предок был посадником. Находясь на военной службе в «киевских странах» и узнав о смерти жены и детей, в 1652 г. постригся в монахи в киевском Межигорском монастыре. Покинув Украину в 1657 г., И. сначала по приглашению патриарха *Никона* поступил иноком в Валдайский Иверский монастырь, а потом, в 1664 г., стал архимандритом Московского Чудова монастыря, откуда поставлен в 1672 г. митрополитом Новгородским. С 1672 г. и до конца жизни возглавлял русскую церковь, принимал самое активное участие в политической и общественной жизни, во многом ее определяя. Похоронен в Успенском соборе. Существовал прижизненный портрет И., который находился в доме князя *В. В. Голицына* («персона, писана по холстам»).

Человек волевой, целеустремленный, в чем-то жестокий, патриарх И. был ярым традиционалистом, активным борцом с западным влиянием как в политике, так и в культуре, стремившимся противопоставить польско-латинскому влиянию ориентацию на греческую церковь. В быту его непримиримость доходила до фанатизма: И. отказывался обедать за одним столом с иностранцами, запрещал обращаться к немецким врачам, громил «еллинский, блуднический, гнусный обычай» брить бороду. Он был противником и старообрядцев, но, по мнению последних (диакон *Феодор*), действовал не по собственному убеждению: «Аз-де, государь, не знаю ни старыя веры, ни новыя, но что велят начальницы, то и готов творити и слушати их во всем». Петр I в борьбе за престол в лице патриарха нашел активного союзника. На последнем возглавляемом им соборе в 1690 г. И. добился безусловного осуждения латинствующих: был наложен запрет на произведения таких известных деятелей, как Петр Могила, *Симеон Полоцкий*, Лазарь Баранович и др. По мнению некоторых исследователей, после смерти И. обсуждался вопрос о его канонизации.

Среди современников было распространено мнение, будто патриарх, только став монахом, обучился грамоте. Это служило поводом для пренебрежительных отзывов со стороны врагов И. («патриарх Иоаким мало и грамоте умеет»), а современные исследователи на том же основании высказывали предположение, что авторами произведений, подписанных И., были *Евфимий Чудовский* и *Карион Истомин* (Р. К. Агаркова, Л. И. Сазонова). Однако в *Житии Иоакима патриарха*, к составлению которого по-видимому имел отношение

Игнатий Римский-Корсаков — близкий И. человек, утверждается, что в детстве, «егда приспе время, вдаша его (патриарха. — *В. З.*) в научение грамоте, и, божиею благодатью, изучися писанию книжнаго чтения».Потомки И. Л. М. Савелов и Д. М. Савелов, многие десятилетия собиравшие данные к биографии патриарха, считали, что обвинение И. в малограмотности было полемическим приемом в политической и идеологической борьбе. В опровержение они ссылались на легенду об учении И. в Киевской духовной академии (портрет И. находился в академии среди знаменитых питомцев).

Все произведения И. появлялись как отклики на актуальные события политической и церковной жизни. Многие из его работ печатались в Московской типографии. К 1682 г. относится публикация двух наиболее известных произведений И., направленных против раскольников. В «Слове на Никиту Пустосвята», появившемся в связи с восстанием 1682 г., И. отстаивает право официальной церкви самой решать вопросы о вере: «. . .мнози неразумливые человецы всякаго чина — священники, монахи, и простии, по монастырям и пустыням, во градех, во домах прелстишася, мнящеся быти во Святом писании разумни». Слово было издано в окружении разных текстов, поэтому различают пространный и краткий варианты издания (нач.: «Понеже вседержавный всех сущих тварей владыка Иисус Христос. . .»). Краткий вариант отличается от пространного следующим: в первом помимо работы И. была помещена челобитная к нему *Никиты* 1681 г., а во втором к этим произведениям добавлены покаянное послание Никиты собору 1667 г., разрешительная грамота собора Никите и челобитная Никиты вселенским патриархам и собору. Тогда же было опубликовано одно из главных антираскольнических произведений XVII в. — «Увет духовный» *Афанасия Холмогорского*, который долгое время приписывался И., так как в состав «Увета» вошло его «Возглашение увещательное всему российскому народу» (нач.: «Всем людем божиим православным христианам во всем российском государстве всякаго чина и возраста. . .»). Название другой известной антистарообрядческой книги того же Афанасия — «Щит веры» было дано ей И. («ей же титлу блаженнейший и всесвятейший Иоаким патриарх положи, нарече „Щит веры“»), причем это название объяснялось следующим образом: «Сим щитом, читателие православнии, от блядословцев защищайтеся». На следующий год после подавления восстания 1682 г. И. опубликовал «Слово благодарственное о избавлении церкви от отступников», где описывается ход событий, когда восставшие «во град Кремль итти устремилися и по палатам царским с свирепством и великим шумом приити не убоялися».

В 1677 г. было опубликовано поучение, «возбуждающее люди до молитвы и поста во время нахождения супостатов» (нач.: «Благодать и мир Бога Отца вседержителя и единороднаго его Сына. . .»). С именем патриарха связывают документы церковно-служебного харак-

тера: чин поставления священника, подготовленный к печати в 1679 г., но не изданный; чин поставления архиепископа 1682 г.; чин мироварения («Сочинение святаго мира»), составленный в марте 1683 г. 27 апреля 1682 г., в день смерти царя *Феодора Алексеевича*, патриарх возглавил деятельность избирательного собора, и в результате «единодушнаго согласия и сердечнаго единомыслия» царем избрали Петра (сохранился акт собора под названием «Воззвание патриарха Иоакима ко всем государственным чинам и к народу»). Кроме перечисленных произведений до нас дошло много грамот И.; они частично опубликованы, но изучены недостаточно полно (перечисляются в хронологической последовательности по изданиям ААЭ и АИ): 1) грамота о запрещении печатать на бумажных листах изображения святых и торговать немецкими печатными листами с подобными изображениями (после 1674 г. — ААЭ. Т. 4. № 200); 2) грамота архимандриту Кирилло-Белозерского монастыря Никите о запрещении инокам Ферапонтова монастыря именовать монаха Никона письменно и устно «святейшим патриархом» (январь 1675 г. — ААЭ. № 201); 3) грамота в Кирилло-Белозерский монастырь о переделке печей в келиях бывшего патриарха Никона и о постройке для него особой поварни (5 июля 1676 г. — ААЭ. № 213); 4) богомольная грамота игумену Иоасафу Воскресенского монастыря в Карачеве о молебствии и пощении по случаю войны с турками и крымскими татарами (26 августа 1678 г. — ААЭ. № 226); 5) грамота к царям Петру и Иоанну Алексеевичам о посылке книги «Увет» и об отправлении к ним митрополита Суздальского Илариона с ходатайством за виновных стрельцов (25 сентября 1682 г. — ААЭ. № 260); 6) грамота митрополиту Новгородскому *Корнилию* о рассылке книги «Увет» по церквам и монастырям его епархии (17 октября 1682 г. — АИ. Т. 5. № 98); 7) наказная грамота в Галич (14 июля 1685 г. — ААЭ. Т. 4. № 285); 8) грамота митрополиту Новгородскому Корнилию с разрешением постройки православных церквей в Польше и Швеции и о поставлении к ним священников и дьяконов (21 июня 1686 г. — АИ. Т. 5. № 142); 9) грамота митрополиту Новгородскому Корнилию о наблюдении за церквами в русских городах, отошедших по мирным договорам к Польше и Швеции (30 августа 1689 г. — АИ. № 188). И. вел активную переписку с воеводами, участвовавшими в Крымских походах 1687 и 1689 гг., наставляя и поддерживая их в трудном ратном деле. Многие послания и грамоты И., объединенные по тематическому принципу, вошли в состав сборника под названием «*Икона, или изображение великие соборные церкве всероссийскаго и всех северных стран патриарша престола приключшихся дел в разные времена и лета*» (опубликованы только документы, относящиеся к управлению киевской митрополией: Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 5). 29 посланий, грамот и писем И., вошедших в состав «Иконы», помещены в разделе под названием «О Киевской Малороссийской митрополии, како подсудствовася все-

российскому патриаршу престолу, вдовствовавши многая лета, ведение известно». Они написаны в 1683—1689 гг. и обращены ко многим адресатам: константинопольским патриархам Иакову и Дионисию, гетману Самойловичу, архиепископу Черниговскому Лазарю Барановичу, архимандриту Киево-Печерской лавры *Варлааму Ясинскому* и др. Кроме того, в «Икону» были помещены 14 писем И. к различным адресатам, в которых затрагивались самые разнообразные вопросы церковной жизни (письма не напечатаны, перечень их приложен к изданию в «Архиве Юго-Западной России»). Два произведения И. вошли в состав сборника Евфимия Чудовского «Остен», который посвящен вопросу о времени пресуществления святых даров, а именно: 1) послание митрополиту Киевскому Гедеону и архиепископу Черниговскому Лазарю Барановичу о «тетраде», изданной в 1688 г. под названием «Выклад о церкви и церковных речах» (3 февраля 1688 г.); 2) слово поучительное, произнесенное на соборе 1690 г. (весь сборник «Остен» долгое время приписывался И., поэтому в издании памятника на фронтисписе помещен его портрет с факсимиле подписи). Перед смертью И. по традиции написал духовное завещание, где пространно поучал русских людей бороться против иностранного влияния, напоминая, что сам всегда боролся с этим («егда на Крымских татар Росийская царствия полки ходиша, аз смиренный. . . молих и доносих началствующим... еже бы еретикам, иноверцам над христианы в полках началниками не быти»). Не удовлетворясь воспоминаниями, он перед смертью заклинает, «еже бы иноверцам еретикам костелов римских, кирак немецких и татаром мечетей в своем царствие и обладание всеконечно не давати строити нигде, и новых латинских иностранных обычаев и в платии премен по иноземскии не вводити».

Исследователи предполагают участие И. в создании целого ряда других произведений XVII в. — Иоакимовской летописи (С. К. Шамбинаго), Краткого летописца новгородских владык (Л. В. Черепнин), *Летописи Новгородской Забелинской* (С. Н. Азбелев), Летописи Мазуринской (В. И. Корецкий). При активной поддержке И. в 1681 г. на Печатном дворе начала действовать школа «греческого чтения, языка и письма», имевшая в 1686 г. 233 ученика, а в 1687 г. в Заиконоспасском монастыре открылась Славяно-греко-латинская академия во главе с братьями *Лихудами* (И. сам выбирал место для строительства здания академии, следил за постройкой). Литературное наследие патриарха И. изучено недостаточно полно. Два портрета И. опубликованы в работе Д. М. Савелова.

Изд.: Последование молебного пения и поучение «во время нахождения супостатов». М., 1677; Слово на Никиту Пустосвята. М., 1682 (в 1721 и 1753 гг. переиздано в Москве); Увет духовный. М., 1682. Л. 1—83 об.; Слово благодарственное патриарха Иоакима об избавлении от отступников. М., 1683; 1688; ДРВ. СПб., 1774. Ч. 4. С. 111—139; ААЭ. СПб., 1838. Т. 4. С. 252—255, 289—290, 303, 305, 310, 312—315, 322, 371—372, 422—424, 442—444; АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 154—155, 243—244,

325; Устрялов Н. История царствования Петра Великого. СПб., 1858. Т. 2. С. 467—477; Остен. Казань, 1865; Архив Юго-Западной России. Киев, 1872. Ч. 1, т. 5: Акты, относящиеся к делу о подчинении Киевской митрополии Московскому патриарху. С. 35—438: Житие и завещание святейшаго патриарха Иоакима. СПб., 1879. С. 102—144. (Изд. ОЛДП. № 47).

Лит.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 123, 476—478, 569 и др.; Письма Лазаря Барановича. Чернигов, 1865; Гаврилов А. Литературные труды патриарха Иоакима. СПб., 1872; Смирнов П. Иоаким патриарх Московский. М., 1881; Строев. Словарь. С. 124—132; Филарет. Обзор. С. 249—250; Белокуров С. А. Сильвестр Медведев об исправлении богослужебных книг при патриархе Никоне и Иоакиме. СПб., 1885; Барсуков А. П. Всероссийский патриарх Иоаким Савелов. СПб., 1891; РБС. СПб., 1897. (Ибак—Ключарев). С. 174—177; Браиловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. С. 140—143; Хоменко Л. И. Список ученых трудов Л. М. Савелова. М., 1915; Савелов Д. Вековая несправедливость // Сборник статей, посвященных Л. М. Савелову. М., 1915. С. 81—94; Черепнин Л. В. 1) «Смута» и историография XVII в.: (Из истории древнерусского летописания) // ИЗ. 1945. Т. 14. С. 119—127; 2) Земские соборы русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 351—352, 355—357, 365—367; Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись // ИЗ. 1947. Т. 21. С. 254—270; Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 61—65, 74; Панченко А. М. Квирин Кульман и «чешские братья» // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 330—347; Иржи Д. Современное состояние Великой России, или Московии // ВИ. 1968. № 4. С. 143; Буганов В. И. 1) Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 11, 221—223 и др.; 2) Отечественная историография русского летописания: Обзор советской литературы. М., 1975. С. 189, 191, 196, 293, 294; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 139, 140, 142 и др.; Описание рукописного отдела БАН СССР. Л., 1971. Т. 3, вып. 3. С. 88, 106, 122, 174—180; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII в. М., 1974. С. 222 и др.; Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978. С. 99, 100; Черная Л. А. Кавычные Прологи конца XVII—начала XVIII века и характер их правки (6, 8, 9, 10 и 11-е изд. Пролога) // Литературный сборник XVII века. Пролог. М., 1978. С. 132—141; Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 151, 156, 164, 216; Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 165—169; Богданов А. П. Политическая гравюра в России периода регентства царевны Софьи Алексеевны // Источниковедение отечественной истории: Сб. статей 1981. М., 1982. С. 225—246; Воронова Л. Б. Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 201; Мордвинова С. Б. Историко-художественные предпосылки возникновения и развития портрета в XVII в. // От средневековья к Новому времени: Мат. и исслед. по русскому искусству XVII — первой половины XIX века. М., 1984. С. 18; Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 223—240, 305, 330, 336, 337; Понырко Н. В. Житие Аввакума как духовное завещание // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 381; Седов П. В. О боярской попытке учреждения наместничества в России в 1681—1682 гг. // Вестник ЛГУ. 1985. № 9. С. 25—29. (Сер. ист., яз., лит. Вып. 2); Клименко А. А. Здесь учился М. В. Ломоносов // Памятники науки и техники. 1985. М., 1986. С. 192; Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 69, 210, 236.

В. К. Зиборов

Иоанн (1-я пол. XVII в.) — инок Арсеньева Комельского монастыря, автор Жития Арсения Комельского. Первоначальная редакция Жития сгорела вместе с монастырской церковью в 1596 г. После этого в

«дохее» (кладовой) монастыря нашли «малу хартию» с заметками о жизни Арсения — возможно, ту фактографическую основу, на которой было создано первоначальное Житие. «Игумен же и братия меня, убогого раба Иоанна, — пишет о своей редакции И. (из этой записи и известно его имя), — понудиша житие святаго преписати. Аз же о преподобнем житии распросив и хартию преписав, а иныя многия чудеса своима очима видех истинно, толико мало потщахся написати житие и чудеса святаго вкратце». По оценке В. О. Ключевского, действительно, «рассказ его при своей простоте не богат подробностями, сух и отрывочен» (нач.: «Слава тебе, Христе Боже, сотворшему вся-ческая. . .»).

Арсений был последним из основателей в Комельском лесу новых монашеских обителей. Уроженец Москвы (2-я пол. XV в.) из рода бояр Сахарусовых, он постригся в монахи в Троице-Сергиевом монастыре, в 1525 г. был возведен там на игуменство, но в 1529 г., тяготясь своей должностью, ушел на Север, побродил там и обосновался, наконец, в глухом болотистом месте в Олоновом конце Комельского леса, при слиянии рек Леша и Кохтыш, в сорока верстах от Вологды. Однако ему начали вредить окрестные крестьяне, стремившиеся воспрепятствовать появлению нового монастыря. После того как ими был убит живший с Арсением келейный старец, он был вынужден оттуда уйти. Отойдя за тридцать верст, Арсений поселился в Шилегорском лесу на р. Шингор и жил там в одиночестве до 1538 г., когда во время набега казанских татар многие жители окрестных сел и деревень укрылись у него в лесу, а некоторые после этого остались там жить. Тогда он вернулся в Комельский лес, на землю в котором сумел получить жалованную грамоту, отстроил там монастырь, завел скот, хозяйство и в 1539 г. с благословения Вологодского и Великопермского епископа Алексея основал общежитие; в 1541 г. освятил новопостроенную церковь. Умер 24 августа 1550 г. Завершают Житие семнадцать чудес, относящихся к 1602—1657 гг., «но последние из них, по-видимому, — считает В. О. Ключевский, — приписаны к Житию после». Очевидно, одновременно с Житием была написана Служба Арсению. Списки Жития и Службы редки. Но существует список Жития, сделанный в первой половине XVII в.: ГПБ, ф. 354, № 65. Известен и список начала XVIII в.: ГИМ, собр. Уварова, № 1247 (107) (134), л. 47—64. И. Верюжский сообщает, что видел в монастыре Службу Арсению в списке XVII в. Научного издания посвященных Арсению Комельскому произведений нет.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 333; Верюжский И. Исторические сказания о жизни святых, подвизавшихся в Вологодской епархии, прославляемых всею церковию и местно чтимых. Вологда, 1880. С. 457—474; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 57—58; Коноплев Н. Святые Вологодского края // ЧОИДР. 1895. Кн. 4. Отд. 4. С. 72—76.

Г. М. Прохоров

Иоанн (сер. или 2-я пол. XVII в.) — священник села около Кирилло-Челмогорского монастыря, автор описания чудес Кирилла Челмогорского. Первоначальные записки о Кирилле Челмогорском, как сообщает И., пропали при литовском разорении монастыря в Смутное время. О Кирилле он знает только то, что тот пришел «на Челму гору» (в пятидесяти верстах от Каргополя на р. Онеге) «в лето 6824-е», т. е. в 1316 г., и прожил там пятьдесят два года в одиночестве, поскольку братии не собирал и монастыря не устраивал. После его смерти (8 декабря 1367 г.) остались возведенная им церковь Богоявления, часовня и келья, которые несколько лет оставались пустыми. Затем туда пришел из Новгорода инок Серапион с товарищами, но через три года они покинули это глухое место, которое вскоре было вновь заселено неким монахом Арсением и его товарищами. Те распахали и засеяли землю, вместо сожженной молнией церкви Кирилла возвели другую, Успенскую; число братии стало быстро увеличиваться и к 1419 г. достигло восьми десятков человек. Они возвели новую церковь Богоявления с приделом великомученицы Екатерины и, вызвав из Новгорода искусного изографа Иоанна, «повелеша ему написати образ преподобного отца Кирилла». Люди, знавшие Кирилла в жизни, нашли сходство между образом и оригиналом; от образа тут же начались чудеса. Далее следуют рассказы о чудесах, написанные, по оценке В. О. Ключевского, витиевато, но дающие возможность составить некоторое представление о жизни обители до середины XVII в. Списки Жития, как замечает В. О. Ключевский, чрезвычайно редки. Сам он пользовался списком из принадлежащей ему поморской рукописи. Н. П. Барсуков указывает списки ГИМ, собр. Барсова, № 70, 72, 308, XVII—XVIII вв. и сообщает, что «Я. И. Бередников в бытность свою в 1834 г. в Челмогорском монастыре нашел там список жития святого, писанный в XVII веке» (Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 269—270).

Изд.: Докучаев-Басков К. А. // Христ. чт. 1889. № 3—4.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 320—322; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 309; Докучаев-Басков К. А. Подвижники и монастыри Крайнего Севера: История Челменской пустыни // Христ. чт. 1889. № 9—10. С. 43—111.

Г. М. Прохоров

Иоанн (3-я четв. XVII в.) — инок Свияжского Успенского монастыря, автор Жития Германа, архиепископа Казанского. Заглавие Жития называет его автора и вдохновителя: «Месяца ноеврия в 6 день. Житие и страдалчество иже во святых отца нашего Германа архиепископа градома Казани и Свияжска. Списано по благословению господина Лаврентия архиепископа, градом Казани и Свияжска митрополита, убогим рабом Иоанном» (нач.: «Уме промыслительный мой! К тебе убо в настоящее время беседую. . .») (ГПБ, Q.I. 775, нач.

XVIII в., 158 л.; Житие предваряется здесь Службой Герману, а завершается «Сказанием от чюдес святаго Германа» с двумя продолжениями; начала рукописи недостает). Г. Елисеев и Н. П. Барсуков знали только один хранившийся в кафедральном Благовещенском соборе г. Казани список (тоже со Службой), где имя автора, судя по тому, что эти ученые считали его неизвестным, указано не было (кроме того, они были знакомы с переводом Жития на современный русский язык, сделанным архимандритом Свияжского Богородицкого монастыря Иеронимом и хранившимся в этом монастыре). В. О. Ключевский пользовался списком ГИМ, собр. Уварова, № 792, XVIII в., Л. 70—267 с именем автора. Благословивший написание Жития архиепископ Лаврентий был митрополитом Казанским в 1657—1673 гг. — так определяется время работы И. Сведения о втором архиепископе Казанском, основателе Свияжского монастыря Германе (ум. в 1568 г.) сообщил И., по его словам, тот же владыка Лаврентий. Сведения эти скудны, неточны и хронологически сбивчивы. Автор жалуется на отсутствие старых записей о Германе. Житие пространно за счет торжественного красноречия. Тем не менее оно является важным историко-литературным памятником, представляя собой запись преданий об известном церковно-политическом деятеле эпохи *Ивана Грозного*, которого *Андрей Курбский* считал жертвой этого царя. Происходивший из рода Садыревых-Полевых, потомков князей Смоленских, Герман, как и его отец Филофей Полев и, вероятно, какой-то родственник *Нил Полев*, был постриженником Иосифо-Волоколамского монастыря в тот период (30-е гг. XVI в.), когда этот монастырь был одним из ведущих церковно-политических центров страны. В 1554 г. Герман привез из Москвы с собора осужденного за ересь на заключение в этом монастыре Матвея Башкина; в следующем году он основал Свияжский монастырь в Казанской епархии, а в 1564 г. стал митрополитом Казанским и Свияжским. Через два года после смерти митрополита *Афанасия* Иван Грозный вознамерился возвести на митрополию Германа, но после беседы с ним отказался от этого намерения и изгнал его из митрополичьих палат. На суде над митрополитом *Филиппом II*, как сообщается в Житии, один Герман заступился за него. Причиной смерти Германа, последовавшей в этом же году в Москве, Житие позволяет считать скорее мор, нежели казнь от царя. В 1592 г. мощи Германа были перенесены в Свияжск. Запись чудес у его гроба, начатая И., была продолжена в 1675—1679 гг. «с любопытной, — как отмечает В. О. Ключевский, — заметкой о раскольниках в Казанском крае». Житие не издано.

Лит.: Елисеев Г. Жизнеописание святителей Гурия, Германа и Варсонофия, казанских и свияжских чудотворцев. Казань, 1847. С. 31—48; Ключевский. Древнерусские жития. С. 342; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 129—130.

Г. М. Прохоров

Иоанн (2-я пол. XVII в.) — благовещенский священник, автор письма *Симеону Полоцкому* 1678 г., характеризующего учительскую деятельность поэта. В обращении И. Симеон Полоцкий называется так: «любомудрственнейший грамматиче, всепремудрственнейший риторе, витийственнейший логичеством, яснозрительнейший философиею и просвещаемый богословием». И. подчеркивает пользу обучения у Симеона Полоцкого: «аще и недостоин есмь, нарекуся учеником твоим. . . да не отринеши ми». Авторство письма установлено по оттиску на печати: «Благовещенскаго попа Иоанна».

Изд.: Письма Сильвестра Медведева // ПДПИ. СПб., 1901. Вып. 144. Примечания. С. 63—65.
Лит.: Будовниц. Словарь. С. 117, 237.

О. А. Белоброва

Иоанн (2-я пол. XVII в.) — священник, автор сборной, так называемой Клинцовской, редакции *Подлинника иконописного*, составленной, как явствует из предисловия к ней, в 1679 г. По определению Д. А. Григорова, изучавшего редакции Иконописного подлинника, в основу Клинцовской редакции сборного подлинника лег текст предшествовавшей ей второй сводной редакции, с присоединением описания внешнего вида («подобий») недостающих святых, в основном русских подвижников, и фрагменты из еще более ранних видов подлинника — Московского (1-я пол. XVII в.) и Алфавитного. Речь идет о «толковых подлинниках», содержащих словесные описания изображений святых без иллюстративного материала — прорисей.

Необходимость критической работы над текстом иконописного подлинника была вызвана большими разногласиями существующих редакций в описании изображения святых на иконах и фресках. В Алфавитном подлиннике (1658 г.), названном так из-за расположения в нем святых в алфавитном порядке (в отличие от календарных, месяцесловных подлинников, перечислявших святых в порядке их календарных праздников с сентября по август), отразилось влияние новой, ушаковской, школы в иконописи.

Расхождения между подлинниками были отмечены И. в заметке, помещенной им под 31 мая в тексте сборной редакции: «О том надобе иконописцем разсуждати, и изыскивати подлинно и истинно в житиях их, и искусных искательных людей добрых спрашивать, живописцов и книгочетцов, чтобы было безгрешно. Потому аз грешный иерей Иоанн спущал, что подлинники з житиями четьими и с Киевскими печатными листами не согласуют во многих статьях. И того ради подлинно изыскивати подобает» (ГПБ, собр. Погодина, № 1927, XVII в., л. 160 об.). В Приложении к своей работе Григоров дал описание 8 рукописей подлинника сборной редакции.

По наблюдениям Ф. И. Буслаева, толковый подлинник поздних редакций, в том числе и Клинцовская редакция И., пополняется историческими сведениями и литературным материалом из *Пролога*, Святцев, из печатных изданий, вышедших при патриархе *Иосифе*, из четьих миней и житий. В подлиннике Клинцовской редакции содержится описание сюжетов Богородичных икон (Федоровской, Владимирской, спасшей Русь от нашествия Темир-Аксака, афонской иконы Богородицы-троеручицы) и другие материалы — подробная характеристика изображения Страшного суда, изображений «еллинских» философов и сивилл.

Сведений о священнике И. нет. И. Сахаров пытался отождествить его с иконописцем иереем Иоанном Дмитриевым, находившимся в 1650 г. в Новгороде в Михалицком монастыре. Ф. И. Буслаев указывал на иконника Иоанна, составившего в начале XVIII в. Грамматику и украсившего ее рисунками, и предполагал, что ему принадлежит одна из редакций подлинника. Григоров, считая, что хронологически предпочтительней персонаж Сахарова, сомневался в том, что составитель подлинника творил в Новгороде. Он ссылался на некоторые списки подлинника, содержащие Сказание о святых иконописцах, где сказано, что *Феодор Ростовский*, племянник святого Сергия, будучи митрополитом Симонова монастыря, писал иконы, «и зде на Москве обретаются его писма иконы». Это, по мнению Григорова, указывает на то, что И., скорее всего, жил в Москве. Мнение Григорова имеет силу лишь в том случае, если допустить, что Сказание также принадлежит перу И.

Текст подлинника Клинцовской редакции, составленной И., не издан.

Лит.: [Сахаров И.]. Исследования о русском иконописании. СПб., 1849. Кн. 1 С. 14; Буслаев Ф. И. 1) О народной поэзии в древней русской литературе // Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 57; 2) Литература русских иконописных подлинников // Там же. С. 343, 345, 349. примеч. 2, 350—352, 359—367; 3) Русский иконописный подлинник: «Общие понятия о русской иконописи» // О литературе: Исслед. Ст. М., 1990. С. 403, 410—411; Филарет Обзор. № 218. С. 233—234; Григоров Д. А. Русский иконописный подлинник. СПб. 1888. С. 93—98, 139—143. (Оттиск из «Записок имп. Русского археологического общества». Т. 3. С. 21—217); Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. 2. С. 521—528.

М. Д. Каган

Иоанн (2-я пол. XVII в.) — коломенский священник, автор «Слова улична» и «Спора православных с лютыми капитоны» — богословско-полемических трактатов, сохранившихся в списке ГПБ, собр. Погодина, № 1560, сборник-конволют, XVII в., л. 82—87 об., 88—102 об. «Слову уличну», полное название которого: «Слово улично священника Иоанна от божественного писания на лживую повесть»

(нач.: «Не в наученых человеческия, по апостолу Павлу, премудрости словесах. . .»), предшествует «Список с подметной повести писма руки Исидора Крючкова», где говорится о близком конце света (см. статью *Крючков Исидор*). Из «Слова улична» следует, что житель Коломны Исидор Крючков «винился во архиепископле приказе на Коломне» и что он принадлежит, на взгляд автора, к «капитонам», «мутящим» церковь. Касаясь предсказания конца света, И. отвечает, что человек не может «ведати ум Господень». Непосредственно за «Словом уличным» в рукописи следует заголовок «На мутителей согласия единства церквей — лукава иерея Игнатия с единомысленники его» (л. 88), после которого идет перечень нескольких псалмов, и лишь затем — «Спор православных с лютыми капитоны о правой вере, ею же действует Божия церковь». Из сохранившегося в списке ГИМ, Синод. собр., № 14(3) дела о коломенских попах И. и Игнатии ясно, что «лукавый иерей Игнатий» — поп той же коломенской Воскресенской церкви Игнатий Осипов. Спор между ними начался в 1661 г. и закончился в 1676 г. В эти годы и был, очевидно, написан И. «Спор православных с лютыми капитоны». «Спор» написан в форме диалога (нач.: «Православный: Рци ми, капитоне, како веруеши. От дел твоих покажи ми. . .») и касается вопросов, по каким книгам служить — старым или новым, как креститься, крестить, венчать, исповедовать и т. п. Тональность местами резкая («Капитон: Убо престани, мужичей сын. . .»; «Православный: . . .С вас же отметников и лживых пророк снят будет овчия кожи и внутренней волчия нрава хищный обычай обнажится всем. . .»). Оба трактата не изданы.

Лит.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе XVII века: Исследование из начальной истории раскола по вновь открытым памятникам, изданным и рукописным. СПб., 1898. С. CXX.

Г. М. Прохоров

Иоанн Аверкиев см. *Сказание о иконе Богоматери Владимирской (в г. Нерехте)*.

Иоанн Андреев см. *Житие Симеона Верхотурского*.

Иоанн Васильевич Шевелев Наседка (в монашестве Иосиф) (ок. 1570—ок. 1660) — священник, справщик Московского Печатного двора, писатель и публицист. Родился в селе Клементьеве около Троице-Сергиевой лавры, где с 1608 по 1619 г. был священником. Очевидец и участник событий Смутного времени. Патриарх *Филарет* перевел И. В. в Москву, поставив его священником церкви Благовещения, «что у государей на сенях». В 1621—1622 гг. И. В. участвует в посольстве в Данию, целью которого было сватовство царя *Михаила*

Феодоровича к племяннице короля Христиана IV. В 1626 г. назначен соборным ключарем Большого Успенского собора. С 1638 (?) и до 1652 г. был справщиком Московского Печатного двора. В 1649 г. становится главным справщиком после *Михаила Рогова*; в том же году овдовел и принял монашество. В 1651 г. у И. В. возник конфликт с патриархом *Никоном* по вопросу об исправлении богослужебных книг: Никон требовал исправлять книги по греческим оригиналам, И. В. греческого не знал, а о греках говорил, что «они во греху позакоснели. . . и в неволи пребывают». В результате в 1652 г. И. В. был отправлен в заточение в Кожеозерский монастырь. Последнее известие о И. В. относится к 1654 г., когда его вызвали в Москву для дачи показаний по делу *Иоанна Неронова*.

Все литературное творчество И. В. неразрывно связано с политическими и общественными событиями его времени. В 1611—1612 гг. он, находясь в Троице-Сергиевской лавре, помогал архимандриту *Дионисию Зобниновскому* в составлении патриотических грамот. В 1615—1616 гг. вместе с архимандритом Дионисием и старцем *Арсением Глухим* принимал участие в исправлении богослужебных книг (Служебник, Октоих, Требник и др.). В тексте Требника в предложении «Сам и ныне Владыка, освяти воду сию Духом твоим и огнем» справщики убрали выражение «и огнем», что послужило поводом к созыву двух церковных соборов — 1618 и 1619 гг. Активное поведение И. В. на этих соборах может служить характеристикой его темперамента («митрополиту Ионе и архимандритам и честным протопопам, спираючись, очи слиноми забрызгал»). После соборов писатель составил сочинение в 40 главах «Изысканое от многих божественных книг свидетельство о прикладе огня», где подводится итог многолетней полемики об исправлении богослужебных книг. После поездки в Данию появилось одно из лучших его произведений «Изложение на люторы» (1623 г.), которое долгие годы было общепризнанным образцом антилютеранской полемики. Лучшими страницами этого произведения являются личные впечатления автора о пребывании в Дании, среди его источников следует отметить «Просветитель» *Иосифа Волоцкого.* За свою работу И. В. получил в награду «пять аршин сукна лундышу вишневого». Позднее он написал два поэтических комментария к этому произведению: «Написание о лютом враге Мартине, в лепоту рещи — о блядивом сыне, иже вся ереси в все концы ввел и всех их во дно адово свел» (1639 г.) и «О римских и латынских папежах, аки о бесовских мрежах: ими же человеческия души уловляются и во адово дно низпосылаются». В 1627 г. И. В. вместе с игуменом московского Богоявленского монастыря Ильей составил сочинение в 49 главах «Свиток укоризны Кириллу Транквиллину погрешительным его словесем, блужения его ересем...», в результате чего книгу Транквиллиона сожгли. Являясь одним из справщиков, принимал активное участие в интенсивной деятельности Московского

Печатного двора, редактируя и составляя книги (с 1645 по 1652 г. было выпущено 85 изданий). Например, в 1644 г. вместе с Михаилом Роговым, *Шестаком Мартемьяновым* и *Захарием Афанасьевым Подосеновым* И. В. составил *Кириллову книгу*. В 1644—1645 гг. в связи со сватовством датского королевича Вальдемара к дочери царя Михаила Федоровича И. В. выступил с неоконченным произведением «Списание богородичного ключаря Ивана на королевичева немчина Матвея», посвященным вопросу о перекрещивании королевича. Последняя литературная работа И. В. относится к 1648—1649 гг., когда он написал обширное дополнение к Житию Дионисия Зобниновского, составленному *Симоном Азарьиным*. Будучи хорошим начетником, талантливым самоучкой, И. В. восполнял отсутствие необходимых для полемики знаний (он не знал ни греческого, ни латинского языков) своим литературным темпераментом, позволяя себе сильные выражения в адрес противников. Большинство работ И. В. представляют собой тематические компиляции, в которых широко привлекались малороссийские произведения и которые отличаются растянутостью слога и неясностью смысла. Зато при описании событий, очевидцем которых был он сам, язык его становится сочным и метким. Творчество И. В. изучено недостаточно полно, часть произведений остается неопубликованной.

Изд.: Кириллова книга. М., 1644; Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны / Собр. А. Голубцовым // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. Отд. 2. С. 1—350; Сатира XI—XVII веков. М., 1987. С. 363—379; Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М., 1989. С. 60—80.

Лит.: Цветаев Д. Литературная борьба с протестантами в Московском государстве. М., 1887; Голубцов А. 1) К вопросу об авторе, времени написания, цели и составе «Изложения на люторы» // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. 1888. Кн. 3. С. 152—176; 2) Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891; Скворцов Дм. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троице-Сергиевской лавры. Тверь, 1890; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 374—377; РБС. СПб., 1914. Наакс—Николай Николаевич Старший. С. 105—110; Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. Стб. 122—123; Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков: (Общественные настроения). М., 1985. С. 302—305; Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 31, 44—45, 48, 50, 63, 90.

В. К. Зиборов

Иоанн Иванов Милютин (сер. XVII в.) — переписчик и составитель Четьих Миней. Родом из г. Балахны. В 1631 г. поступил в Троице-Сергиев монастырь, дав вкладом за себя соляную варницу. (К 1642 г. И. И. вышел из монастыря, как предполагает иеромонах Арсений, на основании того, что в 1642 г. эта варница за монастырем уже не

числилась). В 1646 г. И. И., как следует из его послесловия к Четьим Минеям, был священником Христорождественской церкви в Служней слободе посада Троице-Сергиевой лавры.

Работу над Четьими Минеями он начал в 1646 г., а закончил в 1654 г. Вместе с ним трудились над перепиской трое его сыновей «отроческого возраста», одного из которых звали Дмитрием (декабрьская книга, л. 1107: «многогрешный и непотребный Митка, Иванов сын, попов»). В 1627—1633 гг., как раз в годы пребывания И. И. в монастыре, в Троице-Сергиевой лавре иеромонах *Герман Тулупов* работал над составлением своих Четьих Миней и Прологов. Книгохранителем в это время в монастыре был земляк И. И., бывший протопоп из г. Балахны, иеромонах Иоасаф Кирьяков. Статьи Милютинских Четьих Миней переписаны с рукописей Троице-Сергиева монастыря. Их источниками были *Великие Минеи Четии* митрополита *Макария*, Четьи Минеи Германа Тулупова, печатный Пролог 1643 г., Степенная книга и другие памятники. Сопоставление Милютинских Четьих Миней с ВМЧ проведено А. В. Горским и К. И. Невоструевым (ГБЛ, ф. 193, ед. хр. 8, л. 3). Д. Красин, сравнив ноябрьскую—январскую часть Милютинских и Макарьевских Миней, дал перечень статей, не вошедших в Макарьевские Минеи.

И. И. не был только переписчиком, но составителем и редактором. Одной из особенностей его редакторской манеры было то, что, сокращая многие жития, он выпускал из них вступления и предисловия, сокращал похвальные слова. Как редактора и источниковеда характеризуют И. И. приписки, сделанные им к отдельным статьям. Так, переписывая статью с печатного Пролога 1643 г., он на полях пометил: «с печати». К двум разным редакциям Мучения Власия, епископа Севастийского, приписал: 1) «Сие мучение списано из старыя Минеи Четьи», 2) «Сие мучение списано из Миней же Четьих» (февральская книга, л. 250; 262—273). О мучении Климента Анкирского заметил: «Сие мучение списано с Минеи же Четьи, только в ней было смешано. На полях были пометы и в строках кресты. И по тем пометам разбирал. Ино не верно, так ли или нет. Ино надобе спустить, с иные книги исправить» (январская книга, л. 1155). Относительно *Жития Василия Нового* И. И. написал следующее: «Ведомо же буди и о сем, яко во многих слышится распря о преподобном Василии Новом и о ученику его Григорию и Феодоры: овии глаголют сице, овии же инако. И о сем да престанет распря и ведома будет истина. Истина же сице: сия повесть о Василии Новом и ученику его Григории и Феодоре обретох книгу в дому живоначальной Троицы Сергиева монастыря в книгохранилне. А та книга именуется Серапионовская, в десть, писана полууставьем. А назади той книги подписано сице: «В лето 6939 индикта 9, месяца июля во 2-й день конца достиже книга св. Исака Сирина в обители пречистыя Богоматере честнаго ея Рождества, на Лисичьей горке, в пределах великаго Нова Града, иеромонах Серапион

моза» (имеется в виду рукопись ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, № 75. — *Н. П.*). В той же книге Авва Дорофей да сия книга Василей Новый, полное житие и с чудесы, да слово о 6-м псалме, да слово Максима Исповедника, да слово Иоанна Дамаскина, да мучение св. великомученика Артемия, да слово Илариона Великаго. Того же Василия и в Прологе печатном писано вкратце декабря 30 день. И се от многих слышится о Василии Новом: иные глаголют честь, а иные — не честь. И ныне аз поп Иванище обретох в сих книгах истинну». И далее: «...а те Прологи (в которых помещено краткое Житие Василия Нового. — *Н. П.*) писаны по повелению того же монастыря архимандрита Дионисия, мужа праведна и рачителя божественных писаний... А те Прологи писал по его повелению инок Герман Тулупов, такожде муж добродетелен. А те Прологи писаны со многих Прологов, выбираны повести и в те едины совокуплены» (мартовская книга, л. 733, 1481). А. П. Голубцов предполагал в И. И. автора *Повести о иконе Богоматери Феодоровской*, помещенной в Четьих Минеях. В обоснование своего мнения он приводил следующий пассаж из предисловия Повести, находя в нем сходство с припиской И. И. к Житию Василия Нового: «...и *овии глаголаху тако, инии инако*, но мню, яко сему быти истинне, о еже хощу повести сея коснутися и написати».

В конце каждой месячной книги (кроме ноября — № 799 и февраля — № 802, где оно утеряно) помещено послесловие И. И.: «Божиею благодатию и пречистыя Богородица помощию написах жития святых преподобных отец. Писах же с разумных списков, тщася обрести правая и обретох в списках оных много неправлена и неисправлена и елико возможна моему худому разуму, сия исправлях, а яже невозможна, сия оставлях, да имущии разум болше нас, тии исправят неисправленая и недостаточная наполнят. Аз же что написах и аще кая обрящется в тех несогласна разуму истинны, и аз о сих прощения прошу. И хто имать сия преписовати или прочитати, да не приписуют тако, но прочитает, аще где неисправлено, но истинное да напишет и глаголет, еже есть угодно Богу и полезно души, понеже и аз грешный тако хощу. И не токмо еже зде написах, но и инде что писах и глаголях и аще что обрящется в тех неугодно Богу и неполезно души, ради моего неразумия и невежества, и о сих молю, да не творит кто тако, но лучшее да творит, еже есть благоугодно Богу и полезно душе, и аз о сем радуюся. И тако, благодатью Божиею прилагаю сия, отъемля вину ищущим на вред души: прочитающих же сия и слышащих чтомых молю, да Господа ради помолются о мне, да и аз помилован буду от Бога, понеже не мало потрудихся в сих, якоже мню, заповедь ради любви Божия и ближнего, да сих дивных отец житьем внимающе, ревнители будем деланию их, да с ними и живот вечный наследим. Яз бо аще и грешен и нерадив есмь и ничтоже благо створих, но желаю много искренним спасения. Се же есть истинная любовь к ближним, еже воздвигнути им совесть к

любви Божии и творити заповеди его по истинных божественных писаний и по житию святых отец и тако спастися.

Приими книгу и прочитай часто знаемое, а неведомого иди к мудрейшим себе вопрошати. Солнечную светлость мрачный облак закрывает книжные бо премудрости множество разума. Подобает тебе, книгохранителю, почасту книг дозирати и в них разумеваемая missing части и досматривати. Да аще коего не ведаешь, а ты вопроси у вышшего себе разумом и учением. Та бо мудрость не по старости дается, аще бо ты возрастом стар, но разумом неисполнен. Аще бо иный человек и млад, но учения наполнен. Да аще коему человеку есть вера велия чесо искати от кого, той убо желание свое исполнит и искомое обрящет, писано бо есть во святом Евангелие — просящему дается, а толкущему отверзается, а сотворшему милость — и суд ему милостив.

Горе тому человку, иже об Бога данный ему талант хощет скрыти зависти ради, то убо не божие, но диаволе наречется, аще бо последи и даст, но первыя чести не улучит. Аще хощеши обрести от Бога милость, а от людей честь и похвалу, то не для поминков богатого и приносов поучай, но без приносов убогого изучи и свой разум к его разуму приложи. Во святом Евангелии речено есть: «Туне приясте, туне же и дадите». А Бог тебе противу того невидимо отмерит мерою небесною. А всякий человек не с мудростью, ни с богатством родится, а наг от матери изшед, наг бо и смерть приимет. Тогда убо мудрость плотская вся погибнет, но мудрость духовная в нем почивает, да аще что в животе сотворил добро и человеколюбно, то имет и сподоблен быти благим небесным. А скупый и завистливый и немилосердный человек спокается во аде, но тамо никто не поможет, якоже оному богатому. И глаголют тому человеку: о злой человече, не могл еси себе при животе своем пособити, а ныне кого помощника себе имаши. Кто ли тя избавит от толикыя беды, не чаял еси себе, беззаконниче, и смерти. Соломон царь не мудр ли был, да и того смерть восхитила. Или Александр Македонский также не мудр ли и не храбр ли был? И Самсон сильный и иные прочии? А от начала миру много и богатых и славных было и сильных и храбрых, да и тех смерть приняла. А всякому делу благу начало любовь нелицемерная и союз, а Господь наш Исус Христос человека с любовью приемлет и небесному царствию наследника сотворяет. Ему же слава во веки, аминь.

Хотяй кто уведети сущая в книзе сей, и той да не прежде начала и главы книги в средине ея поищет, чесого превраща листы и числа, но приим книгу и разгнув, первее да зрит в главах ея и в числех и узрит ту тако на дщице добросветле потонку вся конца объявлена, яве обретаемо яже имать и содержит в себе книга сия. Подобает убо всякому человеку, егоже не весть, о том вопрошати, а еже что весть, тем не искушати и учити беззавистно и не хранити, но проповедати истинна. Книжная бо премудрость подобна солнечной светлости. Но солнечную светлость мрачный облак закрывает, а книжные премуд-

рости ни вся тварь скрыти не может. Писано бо есть: «не уведяша, ниже разумеша, во тме ходят». Того ради учися, учение свет, а неучение тма.

Небеси убо высота неиспытаема, земли же широта и долгота неосяжаема, морю же глубина неизмерима, святых же чудеса неисчетная и недоумеваема. Аз же грешный и недостойный священнического чина Иоанн, пореклом Милютин, егда новобывшу ми в дому живоначальныя Троица и великих чудотворцев Сергия и Никона, изволившу Богу и служащу ми в церкве Рождества господа Бога и Спаса нашего Исуса Христа Служни слободы, Богом начинающу, а человеком совершающу, повелевшу ми писати дванадесять книг миней четьих тремя чадом моим отроческого возраста. С ними же иногда и самому моему худолюдству, Богом помогающу, отчасти потружатися поспешения ради скорым писанием и первоучным их. Писах же с монастырских миней четьих. Почах же писати в лета 7154 года генваря в 18 день и кончах 162».

Милютинские Минеи Четьи хранятся в ГИМ, Синод. собр., № 797—808. Краткие их описания даны: Савва, архимандрит. Указатель для обозрения московской патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1858. С. 211; Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916. С. 245; Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания. М., 1970. Ч. 1. С. 208—211.

Изд.: Ключевский В. О. Сказание о чудесах Владимирской иконы Божией матери. СПб., 1878. (Изд. ОЛДП. Т. 30).

Лит.: Иосиф, архимандрит. Оглавление Четьих Миней священника Иоанна Милютина. Чтения любителей духовного просвещения. М., 1867; Красин Д. Четии Минеи священника Иоанна Милютина // Известия Московского ун-та. 1870. № 8. С. 762—777; 1871. № 1. С. 1—23; Ключевский. Древнерусские жития. С. 297—298; Арсений, иеромонах. Христорождественская церковь в Сергиевском Посаде // ЧОИДР. 1891. Кн. 3. Отд. IV. С. 30—32; Сергий. Полный месяцеслов Востока. Владимир, 1901. Т. 1. С. 265—266; Абрамович Д. И. Исследование о Киево-Печерском патерике как историко-литературном памятнике. СПб., 1902. С. 86; Серебрянский Н. Житие преподобного Евфросина Псковского. СПб., 1909. С. III—IV. (ПДПИ. Т. 173); Голубцов А. П. Автор древней повести о Федоровской иконе Божией матери // БВ. 1911. Октябрь. С. 364—371; Щеглова С. Житие царевича Дмитрия в обработке св. Димитрия Ростовского // Учен. зап. Самарского ун-та. 1919. Вып. 2, № 1. С. 85—97; Кучкин В. А. 1) Повести о Михаиле Тверском: Историко-текстологическое исследование. М., 1974. С. 44—45; 2) Первые издания русских Прологов и рукописные источники издания 1661—1662 гг. // Рукописная и печатная книга. М., 1975. С. 144—145; Шульгина Э. В. Скорописное письмо XVII в. по Милютинским Минеям-Четьим // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987. С. 10—32.

Н. В. Понырко

Иоанн Корнильев Шушерин-Рипатов (ум. 1693) — иподиакон, автор жизнеописания патриарха *Никона*. Уроженец Новгорода, И. К.

был взят на воспитание будущим патриархом Никоном в бытность последнего новгородским митрополитом. Сделавшись доверенным лицом Никона, И. К. в 1652 г. переезжает вместе с ним в Москву и играет видную роль при дворе патриарха. После 1658 г. вместе с опальным патриархом он живет в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре. Во время «прихода» Никона в 1666 г. в Москву И. К. нес перед патриархом крест. В ходе следствия и суда над Никоном И. К. был привлечен к дознанию «за то, что он в девятилетнее время (1657—1666 гг. — *Н. Б., А. Л.*) к Никону носил всякие вести и чинил многую ссору». Проведя три года под стражей, И. К. был отправлен в ссылку в Новгород, где и находился до 1681 г. С воцарением в 1676 г. *Феодора Алексеевича* и благодаря ходатайству царевны Татьяны Михайловны, был возвращен из ссылки в столицу, где вплоть до кончины занимал должность крестового дьяка царевен, т. е. заведовал ризничной казною их дворцовой церкви. Погребен в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре.

Главным литературным трудом И. К. является «Известие о рождении и воспитании и о житии святейшаго Никона», написанное между 1681 и 1686 гг. Пользовавшееся огромной популярностью в XVII—XVIII вв., «Известие» было едва ли не самым «тиражным» сочинением в репертуаре поздней русской рукописной книжности (точное количество списков не учтено, но счет идет на сотни). Читателей привлекала яркая судьба главного героя, сделавшего головокружительную карьеру, испытавшего и взлет и падение, красочность самого повествования, насыщенного яркими деталями, характеристиками и диалогами. Все это — при строгом соблюдении канонов жанра. «И если, — отмечал архимандрит Леонид, — можно не во всем соглашаться с его (И. К. — *Н. Б., А. Л.*) умозаключениями, то... нет ни малейшего подозрения относительно фактической стороны „Известия“».

Кроме «Известия» перу И. К., очевидно, принадлежал «Келейный летописец» новгородского митрополита, а затем патриарха Никона, частично дошедший до наших дней в составе *Летописи Новгородской Забелинской* (ГИМ, собр. Забелина, № 261).

Изд.: Иоанн Шушерин. Житие святейшего патриарха Никона, писанное некоим бывшем при нем клириком / Изд. О. П. Козодавлева. СПб., 1784; 2-е изд. СПб., 1817; Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона патриарха Московского и всея России (с печатного издания 1817 года, сличенного с тремя древнейшими списками). М., 1906; 2-е изд. М., 1908 (с предисловием архимандрита Леонида).

Лит.: Соловьев С. М. История России. М., 1961. Т. 11. С. 264, 340; Субботин Н. И. Дело патриарха Никона: (Историческое исследование по поводу 11 тома «Истории России» проф. Соловьева). М., 1862; Казминский М. Разбор сочинения Шушерина о жизни и деятельности патриарха Никона // Известия историко-филологического института князя Безбородко. 1882. Т. 7. С. 1—34; Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1891—1892. Т. 1—2; РБС. СПб., 1911. Шебанов—Шютц (статья А. Шилова); Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских

памятниках письма. Л., 1929. С. 123—124. (Энциклопедия славянской филологии. Вып. 4.3); Лаврентьев А. В. Об одном из источников Новгородской Забелинской летописи // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 121—130.

Н. Ю. Бубнов, А. В. Лаврентьев

Иоанн Лукьянов (старец Леонтий) (конец XVII—нач. XVIII в.) — автор Хождения в Иерусалим в 1701—1703 гг., в рукописной традиции имеющего заглавие «Описание пути ко святому граду Иерусалиму от Москвы до Киева, от Киева до Воложской земли, от Воложской земли до Дуная, великия реки, и от Дуная до Царя-града, и от Царя-града до святаго града Иерусалима... хождение во Иерусалим с Москвы старца Леонтия». Из 13 известных списков Хождения только в одном (ГПБ, F.IV.319) автор его обозначен как московский священник, в 10 других списках автором назван старец Леонтий (в двух списках утрачено начало, где указывается имя). Подлинность имени доказана М. И. Лилеевым, которому удалось отыскать и опубликовать подорожную на имя священника И. Л., выданную в 1701 г. для проезда в Иерусалим. Возможно, что имена И. Л. и старца Леонтия в разное время носило одно лицо. И. Л. мог стать старцем Леонтием либо при перекрещивании, либо при пострижении. Все, что мы знаем об И. Л. — Леонтии, известно с его же слов, из текста Хождения. Он был родом из Калуги, в декабре 1701 г. отправился с какими-то спутниками (о которых ничего не известно) в путешествие из Москвы в Иерусалим. Путь его лежал через Украину, Валахию, Царьград. В Иерусалиме он пробыл 14 недель и вернулся назад. Хождение заканчивается возвращением И. Л. в г. Нежин. М. И. Лилеев отождествлял старца Леонтия с ветковским старообрядческим свяшенником Леонтием, известным по судебным документам 70-х гг. XVII в. Такое отождествление приходится считать только догадкой, поскольку никаких фактов в его пользу, кроме общей принадлежности к старообрядчеству и близости к Калуге, не обнаружено. На принадлежность автора Хождения к старообрядчеству указывают следующие признаки: 1) отношение к двуперстию — паломник собирал свидетельства в его пользу; 2) при описании Царьграда он критиковал иерархию и обряды греческой церкви с последовательно старообрядческих позиций.

Сочинение И. Л. примечательно близостью его стиля к стилю протопопа *Аввакума*.

Изд.: Соболевский С. А. Путешествие в святую землю священника Лукьянова // Русский архив. 1863. Вып. 1. Стб. 21—64; Вып. 2. Стб. 113—159; Вып. 3. Стб. 223—263; Вып. 4. Стб. 305—344; Вып. 5. Стб. 385—416; 2-е изд. — 1866.

Лит.: Лилеев М. И. К вопросу об авторе «Путешествия во Св. землю» 1701—1703 г. московского священника Иоанна Лукьянова, или старца Леонтия // ЧИОНЛ. 1895. Т. 9. Отд. 2. С. 25—41; Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976. S. 366—376; Понырко Н. В. Сочинение старца Леонтия и школа протопопа Аввакума // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 156—163; Травников С. Н.

1) Язык и стиль «Хождения» Иоанна Лукьянова // Русская речь. 1979. № 1. С. 102—107; 2) «Хождение» Иоанна Лукьянова как явление русского демократического барокко // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. Вопросы метода и стиля. Л., 1984. С. 8—9; 3) Динамика повествования и активность героев в русских барочных «хождениях» начала XVIII в. // Проблемы изучения русской литературы XVIII в. Метод и жанр. Л., 1985. С. 11—20; 4) Интерпретация сюжетно-повествовательного фрагмента «встреча паломника с патриархом» в русской путевой литературе первой трети XVII в. // Проблемы интерпретации художественных произведений. М., 1985. С. 19—32; 5) Особенности морского пейзажа в путевых записках конца XVII—начала XVIII в. // Литература Древней Руси. М., 1986. С. 103—115; 6) Историческая основа «Путешествия» Иоанна Лукьянова // Факт, домысел, вымысел в литературе. Иваново, 1987. С. 52—64; 7) Путевые записки Петровского времени: (Проблема историзма). М., 1987; 8) Писатели Петровского времени: Литературно-эстетические взгляды. Путевые записки. М., 1989.

Н. В. Понырко

Иоанн (Гавриил) Неронов (в иночестве Григорий) (1591—2.I.1670) — писатель-старообрядец, зачинатель «боголюбческого» движения. Родился в окрестностях Вологды, на реке Саре. Крещен был Гавриилом (отсюда монашеское имя на «глаголь»), прозвание получил по имени отца Мирона (в просторечии Нерона). «По святом же крещении изволися отцу и матере преименовати младенца Иоанном» (ср. его подписи в зрелые годы: «К сему прошению и молению Казанской протопоп Гавриил, рекомый Иоанн Неронов руку приложил»).

В Смуту отчий дом И. был разграблен и сожжен. И. в сопровождении некоего «отрока Евфимия» ушел в Вологду, где начал проповедническую деятельность. И. исповедовал идею «оцерковления» человека, поэтому в Вологде на святках (это было в 1610-х гг.) он дерзнул обличать архиерея, в доме которого «славили» ряженые и скоморохи. «И начаша Иоанна бити немилостиво», потому что скоморошество в ту пору еще было естественным элементом культуры и пользовалось покровительством светских и духовных властей.

Отсюда он перебрался в Устюг, принадлежавший к Вологодской епархии, и здесь приобщился книжной науке. Она давалась ему нелегко: «учашеся зело медленно, яко един букварь учаше лето и месяцев шесть». Потом И. жил в Никольском, пригородном селе Юрьевца Повольского, в доме местного священника, на дочери которого Евдокии он женился. Здесь, по-видимому, он был возведен в низшую церковную степень чтеца. В Никольском И. обнаружил себя поборником ригористического «боголюбчества». Обличаемые им в «развращенном житии» местные попы подали патриарху *Филарету* жалобу, под которой подписался и тесть И. Ему пришлось тайно, ночью бежать из Никольского в Троице-Сергиев монастырь, где И. нашел покровителя в *Дионисии Зобниновском*. По просьбе Дионисия патриарх рукоположил И. в дьяконы, а через год — в иереи.

Новопоставленный священник продолжал свою борьбу за благочестие клира и мирян. Возвращение в Никольское и новые распри с местным духовенством; учеба у популярного тогда священника Анании в нижегородской деревне Лысково; переселение в Нижний Новгород, где И. облюбовал ветхую, много лет пустовавшую церковь Воскресения Христова, — таковы странствия молодого «боголюбца». И. возродил личную проповедь, которой уже несколько столетий не знало русское православие, «на стогнах града и на торжищах... возвещая всем путь спасения» — по *Маргариту* Иоанна Златоуста, по книге, которая всегда была при нем.

Его проповедническая деятельность была одушевлена идеей «социального христианства». Он заводил школы, богадельни, вмешивался в дела светских властей — не только в провинции, но и в столице. За неодобрение похода 1632 г. И. попал на два года в ссылку в Никольский Корельский монастырь. Когда И. освободили, он вернулся в Нижний Новгород, а после смерти царя *Михаила Феодоровича* (1645 г.) поселился в Москве. Здесь И. снискал славу виднейшего из «ревнителей благочестия» и попал в ближайшее окружение юного государя. По ходатайству царского духовника *Стефана Вонифатьева* и Ф. М. Ртищева он стал протопопом Казанского собора.

1645—1652 гг. — время самых больших успехов И. Казанский собор не вмещал желающих послушать его проповеди. Он «написа же и окрест стены... поучительная словеса». Это был новый принцип общения с аудиторией; если в средние века учили каждого конкретного человека («духовный отец» и «духовное чадо»), то И. адресовался сразу ко многим. К этому времени относятся сведения о покупке им книг на Печатном дворе — Соборного Уложения 1649 г. и Соборника (Читатели изданий Московской типографии в середине XVII в. Л., 1983. С. 61 (7 января 1650 г.), 100 (4 января 1653 г.)).

Когда «боголюбец» *Никон* был избран патриархом, он порвал со своими прежними сподвижниками. Конфликт приобрел особенную остроту, когда началась реформа обряда. И. резко протестовал и 4 августа 1653 г. был выслан из Москвы в Спасо-Каменный монастырь. Там и началась его писательская деятельность. Оттуда И. направлял послания царю, царице, Стефану Вонифатьеву (их под диктовку автора писали его сын Феофилакт и игумен *Феоктист*). Основная их тема — антиниконовская. В «росписи царю государю» споров с патриархом И. привел дерзкие его отзывы об *Алексее Михайловиче* («мне де и царская помощь негодна и ненадобна, да таки де на нее плюю и сморкаю»). Другая тема (не считая просьб о защите преследуемых Никоном «боголюбцев») — тема упадка церкви («всяко благочестие преста и чадом церковным везде плачь»), а также эсхатологические предсказания.

На Кубенском озере, в Спасо-Каменном монастыре опального протопопа приняли с почетом. Архимандрит Александр, «выше келаря

поставлял его в церкви», «слугу ему дал для чести, и ис поварни — прибавочныя ествы приносить к нему повелевая в келью первому слуге... а прочим слугам квасу доброва... носить повелевая в оловянниках, — братины медныя с покрышками». Однако И. не ужился с братией, то и дело вмешивался в монастырский обиход и в конце концов донельзя разозлил настоятеля: «архимарит же, ем его за власы, по трапезе влачаше и руками по щекам бияше время довольно». Из-за этих распрей И. было решено отправить в далекий Кандалакшский монастырь (1 июля 1653 г.). Путь туда лежал через Вологду; здесь 13 июля И. сочинил «общую отписку всем христолюбцам», московским своим друзьям и ученикам, в которой шла речь о наступлении «последнего времени».

Литературная работа продолжалась и в Кандалакшской обители (в Переславль Залесский И. послал «за своею рукою тетрати», которые до нас не дошли). И. очень скоро бежал из Кандалакши — вместе с тремя спутниками. «В 4-м часу ночи в маленьком карбасе поехали морем; а все неискусны морскому плаванию. Из монастыря были за ними две погони: одна за 70 верст от монастыря, а другая за сто верст; ближнюю погоню видели, — стояли в то время на острову, часы пели и хлеба ели; а другие погони не видели. Августа в 10 день, Богу изволившу, воста ветр от запада; так подняли парус, сшиты были две рогожи новые, и ехали парусом версты з две. И внезапу бысть буря велия, волнам убо восходящим на высоту... и карбас в мале не опровержеся, зане от страха содержащаго не можаху паруса спустити». Удалось все же доплыть до Кемского устья. Отсюда беглецы на промысловой ладье отправились на Соловки, и тогда, и потом бывшие оплотом староверия.

До Москвы И. добирался сначала морем, а потом посуху, минуя речной путь по Северной Двине, так как Никон повсюду разослал приказы задержать беглого протопопа. «И много молва бысть в Русии Иоанна ради». В столице И. жил в келье у Стефана Вонифатьева. Царю это было известно, но от Никона все скрывали (вообще царь мирволил И.). 25 декабря 1666 г. И. стал иноком: «пострижен же бысть старец Григорий в Данилове монастыре в соборной церкви, по отписке протопопа Стефана, за ево рукою» (в Переславле Залесском). Через год старец Григорий рискнул явиться к патриарху.

Зная, конечно, о расположении царя к И., Никон отнесся к нему весьма снисходительно, позволил жить на Троицком подворье, часто принимал И. в крестовой палате. Изложение их бесед («Записка о жизни Ивана Неронова с 1653 по 1659 г.», написанная либо игуменом Феоктистом, либо кем-то другим из близких И. людей), скорее всего, недостоверно, ибо И. все время нападает, а Никон защищается, и весьма неуверенно. Однако самый факт «прений» с глазу на глаз отрицать нельзя. Патриарх пошел на компромисс, чтобы угодить царю, «разрешил» И. от «клятвы» и благословил его.

По натуре И. был вечным странником (об этом хорошо сказал Никон: «И бегает и является»). Два места особенно привлекали его — Москва и родная Спасская обитель на Лому. Последнюю он обустраивает (на деньги московских доброхотов), начинает там каменное строительство и т. д.

После того как в 1658 г. Никон оставил патриарший престол, у И. появились надежды на отмену церковной реформы. Он подает царю челобитные о скорейшем избрании нового главы церкви (в 1660 и 1664—1665 гг.), в челобитной от 6 декабря 1664 г. заступается за протопопа *Аввакума*: «Милости у тебя... прошу со слезами о изгнаннем ссылном протопопе Аввакуме Петрове». И. просил царя отпустить Аввакума на покой в Спасский на Лому монастырь, «чтобы маленким ево сироткам в зимное время на нужном пути до Пуста-озера от студени безгодною смертию не помереть, яко же и прежде в Даурех двое детей ево от глада помроша». Все эти просьбы успеха не имели, но и на положение И. никак не повлияли. Только в 1665 г. постигли его новые беды.

Причиной были распри с архиепископом вологодским *Симоном*, который в соответствии с каноническим правом требовал, чтобы Спасский на Лому монастырь ему подчинялся. И. запальчиво отстаивал самостоятельность обители — и проиграл дело. 21 августа 1665 г. сыну боярскому Михаилу Онучину было указано вести из Москвы в Вологду, в распоряжение Симона, колодника(!) И., и в дороге его «беречь накрепко с великим бережением, чтоб ен з дороги не ушел и дурна над собою какова не учинил» (это стереотипная формула, применявшаяся в XVII в. к преступникам). Но и тут царь заколебался и задержал И. в Переславль-Залесском Горицком монастыре. Хотя колодник все же попал «под начал» к Симону Вологодскому (тот поместил его в Прилуках), однако ненадолго. Уже 14 марта 1666 г. И. — в Иосифове Волоколамском монастыре, отправляет здесь священнические обязанности, произносит проповеди (опять по «Маргариту») — и ссорится с местным начальством.

В 1666—1667 гг. имел место пресловутый собор (сначала на нем присутствовали только русские иерархи, а потом и «вселенские патриархи»), который наложил «клятвы» на приверженцев старой веры. И., надеясь поначалу на благоприятный для «ревнителей древлего благочестия» исход собора, подал челобитную, которая кончалась такими словами: «А за имя великаго Бога и за государское величество аще и смерть приму, но не буду молчать». 1 июля 1666 г. И. был осужден собором, а 20 сентября возвращен в Волоколамский монастырь, но теперь уже «под начал» — «за церковный мятеж и к освященному собору за непокорение».

Это сломило его, в 1667 г. он представил покаянное послание и в нем отрекся от того дела, за которое боролся и страдал всю жизнь. Последние годы он был архимандритом Данилова Переславского мо-

настыря. 26 декабря 1669 г. И. «начат зельне изнемогати, огницею бо содержимый быше... И пребыть в болезни той 7 дний, нимало могий от одра востати... Во утрие же, ианнуария в 2 день, в последний час нощи, предаде... душу с миром Богу». В Даниловском монастыре он был и похоронен.

До нас дошло не все, написанное И. Когда в начале 1666 г. была конфискована библиотека жившего в Вятке игумена Феоктиста, то была составлена опись отобранных у него старообрядческих рукописей. Среди них — немало сочинений И., в частности «девят тетраток в четверть связаны, а в них писано моление Григория Неронова к великому государю, каково подано великому государю у праздника пресвятые Богородицы Казанские в 22 день». Эти «девять тетрадок» ныне неизвестны.

Как писатель И. не возвышается над средним уровнем многочисленных старообрядческих авторов. Его популярность (и громадная) — это популярность «первого боголюбца».

Изд.: Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые под ред. Н. Субботина. М., 1875. Т. 1. Разд. 1 и 2.

Лит.: Знаменский П. Григорий Неронов // ПС. 1869. Ч. 1. С. 236—282, 325—366.

А. М. Панченко

Иоанникий (2-я. пол. XVII в.) — диакон, автор духовной песни «Услыши, Боже, моления моя». В песне используются начало и некоторые мотивы 60-го псалма, но также упоминаются Троица, Христос и некоторые другие христианские понятия. Песня состоит из 64-х стихов, расположенных так, что читается акростих: «У всемогущяго Бога / просящи милости, ди / акон Аникии скорби / Господа поя, писаше». Текст встречается в рукописях в трех вариантах (например, ГИМ, 1743, № 274), сопровождается нотами. Некоторое сходство техники и построения акростиха с сочинением *Германа*, келейника патриарха *Никона*, позволяет предположить, что И. был учеником Германа. Сочинение И. не издано.

Лит.: Позднеев А. В. 1) Рукописные песенники XVII—XVIII вв. (из истории песенной силлабической поэзии) // Учен. зап. Московского заочного пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 18; 2) Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 421—422.

Е. Н. Матвеева

Иоанникий Грек (1-я пол. XVII в.) — келарь московского Новоспасского монастыря (1619—1630 гг.), приехавший в Москву в 1619 г. с иерусалимским патриархом Феофаном, автор «Скаски Новоспасского монастыря келаря греченина Иоанникия про монастыри, име-

щиеся в Цареграде, Иерусалиме и во всей греческой области», которая была записана со слов патриарха. Считавшаяся утерянной «Скаска» сохранилась в документах Посольского приказа (ЦГАДА, ф. 52, оп. 1, д. 1629 г., № 22, 11 л.), не опубликована. Текст «Скаски» дошел без начальных строк; он содержит перечень православных греческих монастырей Царьграда, Иерусалима, Антиохии, Синайской и Афонской гор с указанием их властей и топографических примет. Например: в Царьграде назван «монастырь Иванна Предтечи, что блиско Балутцких ворот стоит, за городовою стеною, на самом море, а в нем 2 священника же, черной и белой, да два дьякона, да стариц до 20 человек»; «В Ерусалиме внутри города против патриархова двора монастырь Успения пречистыя Богородицы, а в нем игуменья, да стариц с 50»; «...на той (Афонской. — *О. Б.*) горе началной болшой монастырь святого Офонасья Офонского, а на ней монастырей з 22 и болша...» и др. В ряде случаев сообщается о неосведомленности И. Г.: «А подлинно он во Антиохее не знает, потому что не бывал»; или: «Синайская гора... монастырей на тое горе с 4, а имян их и сколько в них братьи, того не ведает, сам не бывал». Поскольку И. Г. был «роспрашиван» почти через 10 лет после приезда в Москву, в «Скаске» отмечается: «А иных он монастырей во Цареграде имянно не помнит, а иных и не знает, потому что он во Цареграде живал мало...»

Известия И. Г. дополнены в рукописи приписками, сообщающими данные о «милостыне» греческим монастырям и духовным властям, оказанной посольством *Трифона Коробейникова* (ср. отчет Трифона Коробейникова в розданной царской милостыни — ППС. СПб., 1888. Вып. 27. С. 84—103). Например, после упоминания Иерусалимского монастыря св. Екатерины приписано: «А преж сего с Трифоном послано дать 30 старицам 60 золотых...»; о монастырях мученицы Пелагеи, Феодора Стратилата, Василия Кесарийского и др. в приписках сказано: «В Трифонове скаске не написан»; названы и дары, отосланные к царьградскому и иерусалимскому патриархам: «500 золотых угорских, да 40 соболей...» и т. д. Встречаются в «Скаске» и сведения о расстояниях: «А Ерусалим стоит от Царьграда далеко, сухим путем до него ходу до 60 дней, а морем ходят смотря по погоде»; «...от Ерусалима ходу днища з два»; «Афонская гора от Царягорода верст 300 близко Селуня града... а ходение морское ближе, а сухим путем до нея недель с 6...»

Назначение «Скаски», скорее всего, чисто деловое, для упорядочения раздачи пожертвований («милостыни») властям греческих православных монастырей со стороны Московского царя и патриарха. Отсутствие в «Скаске» легендарных известий о греческих обителях, достаточно распространенных на Руси, подтверждает это, так же как и характерная зависимость от делового отчета, а не от Хождения Трифона Коробейникова. «Скаска» И. Г. представляет интерес как

пример записи устного рассказа (скорее всего, на греческом языке) в переводческой среде Посольского приказа в первой трети XVII в. Поскольку одного из братьев *Лихудов* называли иногда Иоанникий Грек, А. И. Соболевский не сумел отличить первого от второго и ошибочно приписал старшему роль редактора славянского перевода Литургии апостола Иакова (сам перевод выполнен Евфимием Тырновским).

Еще один устный рассказ И. Г. — о христианских святынях в Грузии — был записан за ним в 1624 г. (Полиевктов М. Материалы по истории грузинско-русских взаимоотношений. 1615—1640. Тбилиси, 1937. С. 95—97).

Лит.: Соболевский. Переводная литература. С. 286, 292, 391; Каптерев Н. Ф. Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. 2-е изд. Сергиев Посад, 1914. С. 169—172, 176—178; Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 17—18.

О. А. Белоброва

Иоасаф I (2-я пол. XVI в.—28.XI.1640) — патриарх московский, автор грамот. И. был родом из боярских детей, монашеское пострижение принял в Соловецком монастыре, некоторое время служил в Новгороде при митрополите *Исидоре*, бывшем до 1604 г. соловецким игуменом. В 1621 г. И. был возведен в архимандриты Псково-Печерского монастыря, а в 1627 г. стал псковским архиепископом. Здесь он в 1632 г. подвергся кратковременной патриаршей опале за подпись под челобитной псковичей царю о том, «чтобы немцам в Пскове не быть» (немцы прибыли с грамотой о свободной торговле в городе и разрешением на постройку там немецкого двора). В Москве челобитная была воспринята как сопротивление верховной власти, и патриарх *Филарет* «отнял благословение и службу» у архиепископа. Но в скором времени от патриарха было получено разрешение (вслед за тем, как псковичи, отправив три тысячи рублей царю, добились, чтобы немцам было велено строить гостиный двор за пределами города). 6 февраля 1634 г. И. был поставлен в патриархи всероссийские. В Хронографе архиепископа *Пахомия* о поставлении И. читаем: «В лето 7142... поставлен бысть на великий престол московского государства в патриархи Пскова и Великих Лук Иоасаф архиепископ по изволению царя Михаила Федоровича всеа Русии и по благословению Филарета патриарха, понеже был дворовой сын боярской, во нравах же и житии добродетелен был, а ко царю не дерзновенен» (см.: Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 318). Есть основания полагать, что «недерзновенность ко царю» и смиренный нрав и определили выбор Филарета Никитича, опасавшегося, как бы те исключительные отношения между царем и патриархом, которые в период его патриаршества были естественным следствием родствен-

ных отношений между отцом и сыном, не перешли к его преемнику и не стали ограничителем царской власти.

Первое из дошедших до нас писаний И. — это его грамота, посланная 14 сентября 1635 г. в Сийский монастырь о снятии святительского сана с бывшего суздальского архиепископа Иосифа и о его отправке в Соловецкой монастырь (издана в РИБ). Другое сочинение И. — его ответ на вопрос царя *Михаила Феодоровича* о том, что следует предпринять против крымского хана. Это короткое послание явственно подтверждает ту характеристику, которую сам царь дал И., когда извещал восточных патриархов о его избрании, называя «мужем благоразумным, правдивым, благоговейным и наученым всякой добродетели» (издано в «Записках» Русского археологического общества). Вот как отвечал И. царю в своем послании: «И я, богомолец твой государев Иоасаф патриарх, со всем освященным собором даем мысль свою... глава бо еси всем, покажи, государь, ревность и благочестие, чтобы тебе, государю, своих посланников... от бесерменских рук и злаго мучения... свободить, а царская твоя государева казна тем скудна не будет... А в украиных городех пристойно тебе, государю, устроити ратных людей, конных и пеших... А за мучение твоих государевых людей крымским послом что учинити, и о том нам, богомольцем твоим... написати не пристоит, занеже, государь, на отмщение врагов, что над ними учинити, бывает твое государево царское благоразсмотрительство... а не нашего чину, твоих, государевых, богомольцов». Широко известна Память И. тиуну Манойлову и поповскому старосте попу Панкратию от 14 августа 1636 г. о прекращении в московских церквах разного рода бесчинств (издана в ААЭ). Между 1635 и 1637 гг. И. составил «Лествицу властем», закрепив ею своего рода местничество в среде высшего духовенства, основанное на установлении иерархии между русскими монастырями (издана в кн. Досифея).

То исправление и печатание книг, которое происходило на Московском Печатном дворе в период патриаршества И., не может быть не связанным с его именем, хотя сам патриарх в справе участия не принимал. В отличие от книг, издававшихся при патриархе Филарете, на которых значится, что они «свидетельствованы» патриархом, в книгах Иоасафовой печати имеются только указания на издание по его «благословению».

В место своего пострижения, Соловецкий монастырь, И. почти ежегодно давал вклады церковными облачениями, печатными книгами, деньгами. Погребен И. в московском Успенском соборе.

Изд.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. № 264. С. 401—405; Досифей, архимандрит. Географическое, историческое и статистическое описание... Соловецкого монастыря. М., 1858. Ч. 3. С. 263—267; Мнение Иоасафа патриарха и всего священного собора // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 372—374; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 160. Стб. 551—555.

Лит.: Д о с и ф е й, архимандрит. 1) Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1847 год. М., 1847. С. 48, 63—64; 2) Географическое, историческое и статистическое описание... Соловецкого монастыря. М., 1853. Ч. 1. С. 93, 219, 227—228; М а к а р и й (Б у л г а к о в). История русской церкви. СПб., 1882. Т. 11, кн. 2. С. 85—95; К а п т е р е в Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 8.

Н. В. Понырко

Иоасаф II (ум. 1672) — патриарх московский (1667—1672 гг.), автор посланий и грамот. И. был избран патриархом на церковном соборе 1666—1667 гг., когда находился в преклонном возрасте. О его происхождении из тверской земли позволяет судить прозвище Новоторжец. Известно, что между 1654—1656 гг. И. был архимандритом Владимирского Рождественского монастыря, а с апреля 1656 по декабрь 1666 г. — архимандритом Троице-Сергиевой лавры. Погребен в Успенском соборе Московского кремля.

К 1661 г. относится послание (челобитная) И. царю *Алексею Михайловичу*, обращенное к нему от монастырских властей по случаю одной из побед во время войны с Польшей (текст известен в списке XVIII в. — ГПБ, Эрмитажное собр., № 370, л. 205—206 об.). Победа русских полков приписывается здесь чудесам Сергия и Никона Радонежских. Два благодарственных послания царя архимандриту Троицкого монастыря И. неоднократно публиковались (ААЭ. Т. 4. С. 172; Г о р с к и й. Историческое описание... С. 131—134). Сохранились книжные вклады И. 1662 г. в Троице-Сергиеву лавру: богато орнаментированный рукописный Стихирарь крюковой (ГБЛ, ф. 304, № 429, XVII в.; вкладная запись на л. 1—49), оцененный во Вкладной книге в 7 рублей, и печатное Евангелие (М., 1644; хранится в Загорском музее, инв. № 212).

И. был избран в патриархи после низложения *Никона* и межпатриаршества; его роль была скорее почетной, чем действительной. Необходимость в московско-всероссийском патриархе была обоснована церковным собором с участием двух восточных патриархов: антиохийского — Макария и иерусалимского — Паисия. В работе этого собора, осудившего и окончательно низложившего патриарха Никона, И. участвовал еще будучи троицким архимандритом (сохранились его подписи). Вступление И. на патриарший престол было отмечено «Приветствием новоизбранному патриарху» *Симеона Полоцкого*, которое поэт включил в «Рифмологион» (ГИМ, Синод. собр., № 287, л. 410—414).

Об авторском стиле И. судить трудно, поскольку его грамоты, послания и воззвания носили официальный характер и нередко составлялись от его имени другими лицами. И. Татарский и вслед за ним А. Н. Робинсон считают истинным автором грамот И., в том числе так называемого «Всенародного воззвания» «с увещанием» «беречь себя от... церковных мятежников», Симеона Полоцкого (ГИМ, Синод. собр.,

№ 130). Значительная часть грамот, подписанных патриархом И., связана с деятельностью церковного собора 1666—1667 г. и неотделима от определений собора, которые печатались в Москве при Служебнике в качестве приложений в 1667 и 1668 гг. (перепечатку их см.: ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. С. 467—510). Некоторые из грамот И. известны в списках конца XVII в.: «Поучение... попом и диаконом» — БАН, Арханг. собр., Д. 409, л. 206—210; «Увещание... о книзе... Иоанна Златоуста... о священстве и о книге Жезл правления» — ГИМ, Синод. собр., II, непереплет., л. 362—366. Труд Симеона Полоцкого «Жезл правления», изданный в 1667 г., открывался посвящением царю, написанным поэтом от имени патриарха И. Целью «Увещания» была рекомендация придерживаться положений, изложенных в «Жезле правления».

Наибольший интерес представляет грамота от имени трех патриархов — Паисия, Макария и И. об исправлении иконного писания, или «Выписка от божественных писаний о благолепном писании икон и обличение на неистово пишущих оныя». Из всего наследия И. этот текст оказался наиболее распространенным, хотя содержащаяся здесь рекомендация оставалась не более чем пожеланием. В этой грамоте всячески подчеркивается божественная природа иконописания, не допускающая рабов или пленников заниматься искусством, ибо «токмо благородных чада и советничии сынове тому художеству навыкают». Крещение Руси при князе Владимире объясняется здесь силой воздействия «показанного ему образа... написанного на плащанице». Приводятся ссылки на Симеона Метафраста, апостола Павла, Григория Нисского, Никифора Каллиста, Иоанна Дамаскина, Василия Великого, Григория Богослова, упоминаются легенды о создании икон Богоматери и Христа — все это с целью введения строгого надзора за иконописанием во всем Московском государстве. Любопытно сопоставление «иконного писания» и «пиитства», т. е. живописи и литературы. В 1669 г. была разослана еще и «государева», т. е. царская, грамота с целью упорядочения иконописного дела, во многом зависимая от патриаршего послания. Обе грамоты нередко входят в состав рукописных сборников и иконописных подлинников XVIII—XIX вв. В конце жизни И. обращался с увещательными грамотами на Украину, в поволжские города и, наконец, перед смертью составил прощальную грамоту. Характер всех этих документальных текстов традиционный, в частности прощальная грамота, начинаясь с упоминания Троицы, гласит о прощении царям умершим и о мире, благословении и прощении (поименно) «еще живым сущим».

Изд.: Служебник с соборным свитком. М., 1667; М., 1668; Поучение святительское к новопоставленному иерею. М., 1670; Выписка от божественных писаний о благолепном писании икон и обличение на неистово пишущих оныя. М., 1668 (переиздано: Пекарский П. П. Материалы для истории иконописания в России // Известия имп. Археологического об-ва. СПб., 1864. Т. 5, вып. 5. Стб. 320—325); Список с прощальныя грамоты... Иоасафа (духовное завещание) // ДРВ. М., 1788. С. 337—352; ААЭ.

СПб., 1836. Т. 4. № 155, 161; Николаевский П. 1) Увещание московского патриарха Иоасафа II духовенству... // Христ. чт. 1881. № 3—4. С. 469—476; 2) Материалы к истории раскола XVII века // Там же. 1891. Ч. 2 (сентябрь— октябрь). С. 389—396; Каптерев Н. Ф. Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1912. Т. 1. Прил., с. XV—XX.

Лит.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. СПб., 1827. Т. 1. С. 296—297; Н. А. А. Иоасаф 2-й // ЧОИДР. 1848. № 6. Смесь. С. 75—82 (с литографированным портретом); Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 139—140, 633; 2) Словарь. С. 144—145; Описание славянских рукописей библиотеки св. Троицкие Сергиевы лавры. М., 1878. Ч. 2. С. 146—147; Горский А. В. Историческое описание Свято-Троицкие Сергиевы лавры. М., 1879. С. 131—134; Филарет. Обзор. № 219; Татарский И. Симеон Полоцкий. М., 1886. С. 94—98; Громогласов И. Иоасаф II // ПБЭ. СПб., 1906. Т. 7. Стб. 174—177; Дмитриев Ю. Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 96—116; Ухова Т. Б. Каталог миниатюр, орнамента и гравюр собраний Троице-Сергиевой лавры и Московской духовной академии // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1960. Вып. 22. С. 131; Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970. Ч. 1. С. 24—25; М., 1973. Ч. 2. С. 105; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 234—235, 238—239; Спирина Л. М. Книги кириллической печати XVI—XVIII вв. Загорского историко-художественного музея-заповедника. М., 1981. С. 24—25.

О. А. Белоброва

Иов (2-я пол. XVII в. — 1721) — монах Чудова монастыря, затем иеродиакон и иеромонах, преподаватель, писатель и переводчик. В 1680-х—начале 1690-х гг. И. — ученик Богоявленской школы (будущей академии) братьев *Иоанникия* и *Софрония Лихудов*; в 1694 г., после их удаления из Москвы, несколько месяцев был наставником Славяно-греко-латинской академии (некоторые исследователи считают, что И. ведал академией в 1699 г.). В 1696 г. он за какую-то провинность был отдан под монастырский надзор в Новоспасский монастырь, затем побывал в Воскресенском монастыре, а в октябре 1700 г. прислан к *Афанасию Холмогорскому* для отправки в Соловецкий монастырь, где провел несколько лет. Известно, что в 1713 г. И. по приглашению новгородского митрополита *Иова* приехал в Новгород для преподавания в организованной там епархиальной школе, где уже учительствовал Иоанникий Лихуд. Этот период жизни И. не совсем ясен. Так, Филарет, основываясь на некоторых фразах в письмах митрополита Иова, полагал, что И. до 1716 г. самовольно уезжал из Новгорода и был отослан в какой-то дальний монастырь. В 1716 г. после смерти митрополита и отъезда Иоанникия Лихуда в Москву И. был поставлен во главе новгородской школы, однако, будучи уже престарелым и больным, преподавать не мог. Два года спустя он был отставлен от школы и помещен в больницу Хутынского монастыря, где через некоторое время скоропостижно скончался.

И. был хорошо образованным для своего времени человеком, пройдя в школе Лихудов курсы грамматики, пиитики, риторики, логики и естественной философии, овладев латинским, древнегреческим и новогреческим языками. После него осталась богатая библиотека, состоящая из 20 рукописей и 85 печатных книг, среди которых больше всего латинских, но имелись книги и на еврейском, греческом, польском, немецком и итальянском языках.

И. упоминается в письмах современников — митрополита Иова, Афанасия Холмогорского, *Феодора Поликарпова.* Последний хотел привлечь И. в 1717 г. к работе в Московской типографии для издания Библии, но от намерения отказался. И., по словам знавших его, — человек вздорный, неуживчивый, упрямый, ленивый, склонный ко лжи и обману. Литературная деятельность И. началась еще в период ученичества у Лихудов, где он в 1691 г. вместе с другими учениками перевел с греческого на славянский язык «Енхиридион» патриарха Досифея и «Опровержение кальвинских глав» Мелетия Сирига (Горский А. и Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. М., 1862. Отд. II. Ч. 3. С. 349—494. № 308 (рукопись с подписями переводчиков); Соболевский. Переводная литература. С. 349—351). Филарет, не обосновывая своего предположения, пишет, что «едва ли не им (И. — *М. К.*) написано Толкование истории Ветхого и Нового Завета» (ГПБ, Q.I.48).

Основное сочинение И. — «Беседа молебная о благочестивом государе и о победе на враги» датируется довольно точно апрелем 1695 г. и посвящено первому походу Петра на Азов. «Беседа», написанная прозой и силлабическими стихами, представляет собой сложное сочинение, состоящее из пятнадцати разделов, первые два из которых — воззвания к архимандриту Троице-Сергиева монастыря Иову (будущему новгородскому митрополиту). Обращение И. к архимандриту Иову: «моему во Христе другу и отцу благодарованному», «нижайший и непотребен нарещися сын твоего отческаго всепреподобия чернец Иов» наводит на мысль, не был ли архимандрит духовным отцом И., что объяснило бы его постоянные заботы об этом способном, но доставлявшем ему немало огорчений монахе («. . .видех бо я великого Иова, плачуща от сего старца Иова», — писал Федор Поликарпов И. А. Мусину-Пушкину 23 декабря 1716 г.: Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 404, примеч.). И. просит архимандрита молиться за здравие находящегося в походе царя не только в церкви, но и в беседах, и ссылается на обычай пить *Чашу государеву заздравную* («Благоугоден и благ есть обычай во святых церквах и во обителях святых праздравныя царского пресветлаго величества чаши пити на праздники господския»). В «Беседу» включена интермедия — архимандрит беседует за чашей с гостями, трое из которых произносят монологи, отчасти виршами. Кончается сборник четырьмя молитвами, призывающими Бога сокрушить агарян

и защитить царя Петра. В последней молитве И. просит наказать врагов: «. . .и да помрачатся очи их, еже не видети, и да окаменеют уши их, еже не слышати, да будет путь их ползок и строй воинства их мятеж и тма. . . Сотвори их царству небо медно и землю железну, посли на них зубы зверей с яростию. . . Излий на них гнев твой. . . И стрелы их да внидут в сердца их, и луцы их да сокрушатся. . .» «Беседу» можно рассматривать и как панегирик царю-воину.

«Беседа» известна в единственном списке, написанном на 44 листах крупной каллиграфической скорописью — ГПБ, Соф. собр., № 1514. На листе при переплете стоит — «XVIII в.», однако филигрань, герб Амстердама определенного типа, позволяет отнести рукопись к концу XVII в. Текст «Беседы» не издан, за исключением маленького отрывка, приведенного в «Словаре» П. М. Строева.

К 1696 г. относится письмо И. царям Иоанну и Петру (не позже января 1696 г. — даты смерти царя Иоанна) уже из заточения в Спасском монастыре с просьбой освободить его из-под надзора, чтобы с пользой употребить его большие знания. Письмо, украшенное риторическими фигурами, интересно в литературном отношении. И. сравнивает царя Иоанна с луной, а царя Петра с солнцем и развивает тезис *«Поучения» Агапита* — «солнцу дело есть, еже тварь освещати лучами, царева же добродетель, еже милосердствовати требующыя». «Молю, — пишет он, — да возсияет и на мя теплая милосердия луча, и да будет ваша милость и на мне. . .»

В 1700 г. Афанасий Холмогорский задержал И. по пути на Соловки, поселил в своем доме и поручил проверить перевод греческого Хронографа. Однако работой опального иеродиакона Афанасий остался недоволен, о чем писал патриарху *Адриану*: «А в бытность его у нас в прочтении и в справе книги Хронограф он, Иов, по злонравию и жестокосердию своему никакого благопотребства не учинил». В Соловецком монастыре, куда И. был переправлен из Холмогор 20 августа 1701 г., он находился в чине простого монаха под строгим надзором, без права переписки; ему было запрещено иметь чернила и бумагу и писать что-либо «наедине». Однако какую-то литературную работу в монастыре И. все же вел: в рукописи *Жития Зосимы и Савватия Соловецких* есть его запись: «Собра сия их подвигов и чудес книга от летописцев и многих списателей, с достоверным и опасным свидетельством, исправился в чудесех, по согласию сочинения и правописания истаго словенскаго наречия. . . по благословению тояжде обители радетеля отца архимандрита Фирса (30 июля 1689—5 марта 1718 гг. — *М. К.*) тояжде обители обитателем, правды ради Божия изгнанником еллинскаго, греческаго, и латинского диалектов Московского училища бывшим учителем иеродиаконом Иовом — 1703 г.» (шифр этой рукописи неизвестен).

По-видимому, во время своей жизни в Новгороде И. уже ничего не сочинял. В последние годы (1716—1718) он уклонялся не только от педагогической деятельности, проведя всего несколько уроков по

«стихотворному художеству», но и от обязанностей иерея. Так, в праздник Вознесения Господня он укрылся в Колмовом монастыре, чтобы не составлять и не читать праздничной проповеди, порученной ему новгородским епископом Аароном.

Изд.: Прошение монаха Иова к царям Иоанну и Петру Алексеевичам // Странник. 1861. *Январь*. С. 143—145.

Лит.: Федор Поликарпов. Историческое известие о Московской Академии // ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Ч. 16. С. 298; Чистович И. Новгородский митрополит Иов: Жизнь его и переписка с разными лицами // Странник. 1861. Январь. С. 106, 107, 128—129, 136; Черты из истории книжного просвещения при Петре Великом: Переписка директора Московской Синодальной типографии Федора Поликарпова с гр. Мусиным-Пушкиным, начальником Монастырского приказа. 1715—1717 // Русский архив. 1868. № 7 и 8. Стб. 1049; Прилежаев Е. М. Новгородские епархиальные школы в Петровскую эпоху // Христ. чт. 1877. Ч. 1. Март—апрель. С. 338, 343—347; Строев. Словарь. С. 145—146; Филарет. Обзор. С. 262—263; Письма и Бумаги Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. (1688—1701). С. 28—29; Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 64—65, 232, примеч. 5, 288, 296, 352, 413—414; Верюжский В. Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 591—592; Луппов С. П. 1) Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 142; 2) Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 243—244; Бурилина Е. Л. Чин «За приливок о здравии государя»: (История формирования и особенности бытования) // Древнерусская литература: Источниковедение: Сб. науч. тр. Л., 1984. С. 212.

М. Д. Каган

Иов (ум. 1716) — митрополит новгородский, автор послания к братьям *Лихудам*, слов и писем. Был архимандритом Троице-Сергиевой лавры (1694—1697 гг.). Наиболее примечательна активная деятельность И. в области просвещения: в 1706 г. он открыл в Новгороде при архиерейском доме училище, в котором преподавали братья Лихуды, а с 1712 г. — *Карион Истомин* и другие сторонники «латинского» направления. И. пользовался авторитетом в литературных кругах современников. Сохранились письма к нему чудовского иеродиакона *Дамаскина*, посвященные ему стихи с акростихом неизвестного автора (опубликованы А. М. Панченко). Известно и его участие в литературной борьбе, например его поручение иеродиакону Дамаскину выступить против книги *Гавриила Домецкого*.

Деятельная натура И. сказалась в подборе обширной библиотеки, а также в учреждении больниц, гостиницы и приютов в Новгороде. И. принимал участие в преследовании первых выговских старообрядцев, в том числе составил полемический трактат, напечатанный в Москве в 1707 г., — «О рождении антихриста». Переписка И. новгородского периода сохранилась в рукописях, в трех томах (ГПБ, Соф. собр., № 1425, 1426, 1427). Более 100 писем И. 1700—1713 гг. опубликованы И. А. Чистовичем. Среди его адресатов Ф. М. Апраксин, Иоанн Максимович, А. Д. Меншиков, И. А. Мусин-Пушкин, Я. Н. Римский-Корсаков, Б. П. Шереметев, царь Петр I, грузинский царь Арчил,

архимандрит Сильвестр и др. В ряде писем содержатся поздравления с победами в ходе Северной войны (в том числе по взятии Орешка, Нарвы). Списки слов и проповедей И. содержатся в рукописном сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 349 (605).

Изд.: Иов, митрополит. О рождении антихриста. М., 1707; Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 327; Летописи Тихонравова. М., 1859. Т. 1, ч. 3. С. 153—159.

Лит.: Чистович И. А. Новгородский митрополит Иов: Жизнь его и переписка с разными лицами // Странник. 1861. Февраль. С. 61—145; Доброзраков П. Нечто к пополнению биографии новгородского митрополита Иова // Там же. Октябрь. С. 155—157; Яхонтов И. Иеродиакон Дамаскин, русский полемист семнадцатого века. СПб., 1883; Сменцовский М. Иов, митрополит новгородский // ПБЭ. СПб., 1906. Т. 7. С. 226—234; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 204; Луппов С. П. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973. С. 257—259.

О. А. Белоброва

Иона (1635—8.X.1699) — архиепископ Вятский и Великопермский, автор духовной грамоты, а также некоторых документов, связанных со строительством церквей в вятской земле. О его юности ничего не известно, кроме того, что постригся он в монахи в 18 лет, в 1653 г. В 60-х гг. он занимает пост архимандрита Тихвинского монастыря. Известны грамоты, посланные ему в 1668 г. новгородским митрополитом *Питиримом* (18 марта, 24 июля 1668 г. и 11 января 1669 г.), касающиеся наказания тихвинских клириков и мирян: в одном случае речь шла о попах, совершавших литургию на просфорах с крестом старой печати, и просвирнях, которых отослали в девичий монастырь, где держали в цепях; в другом — об отлучении от церкви целой семьи за оскорбление духовного отца (АИ. СПб., 1842. Т. 4. 1645—1676. С. 435—438, № 203, 205). Возможно, репутация пастыря, жестоко расправляющегося с нарушителями церковного благочиния, и опытного администратора способствовала его дальнейшей карьере: 23 августа 1674 г. И. был поставлен епископом на Вятке, а в 1682 г. переименован архиепископом. С его именем связано крупное строительство в Хлынове (Вятке), Слободском и других окрестных городах и монастырях. И. призвал московских каменщиков, при нем стали возводить каменные строения — Троицкий кафедральный собор в Хлынове, архиерейский дом с церковью во имя Алексея человека Божия; в 1684 г. начали копать рвы под каменную церковь в Трифоновом Успенском монастыре, тогда были обретены мощи основателя монастыря Трифона Вятского (см. *Житие Трифона Вятского*). В 1690 г. идет строительство в Слободском Богоявленском монастыре: в 1693 г. — каменной церкви Нерукотворного Спаса в Хлыновском Троицком приходе, в 1696 г. — вместо деревянной Царево-Кон-

стантиновской церкви, пострадавшей в пожаре, закладывается каменная.

Усиленное строительство требовало дополнительных налогов с населения и принудительных работ, что вызвало протест местных крестьян, в частности вотчинных Трифонова Успенского монастыря, жаловавшихся царю: «и ныне де преосвященный Иона, епископ Вятский и Великопермский сверх наших, великого государя, податей, доходы, тягло и хлеб берет не в силу и не против их мочи, и на изделье посылает, и многие налоги и обиды от домовых его детей боярских и от служебников напрасно чинятся». Однако жалоба была разрешена центральной властью в пользу И., а жалобщики были закованы в железа, посажены в тюрьму и биты кнутом; двух человек забили насмерть. На посту архиепископа И. также отличался суровостью. Так, он неукоснительно требовал от прихожан регулярного исповедания под страхом того, что умерших без покаяния приказывал хоронить в лесу и закапывать в ямы без отпевания.

И. часто призывали в Москву к царю и патриарху по церковным делам, откуда он возвращался с богатыми подарками, церковной утварью. При царе *Феодоре Алексеевиче* и патриархе *Иоакиме* ему были пожалованы Преображенский и Вознесенский монастыри с 344 дворами. Им была собрана большая библиотека печатных и рукописных книг.

Дату смерти И., помещенную под его духовной грамотой — 8 октября 7208 г., обозначают в научной литературе и как 1699 и как 1700 г. (напомним, что празднование нового года с января было декретировано Петром I именно в 1700 г.). Правильнее остановиться на 1699 г., т. к. в Вятской истории (Казанский вестник. 1826. Ч. 17. С. 118), основанной, по-видимому, на каких-то документальных данных, приведено сообщение, что преемник И. Дионисий, из игуменов московского Данилова монастыря, получил сан Вятского епископа в августе 1700 г., что было бы совершенно невозможно, если бы И. умер в октябре 1700 г. И. был похоронен 3 декабря в Троицком кафедральном соборе на правой стороне алтаря. В 1771 г. вятским воеводой Щербачевым и экономическим казначеем Чернавским была устроена его гробница со стихотворной эпитафией.

Духовная грамота И. написана в традициях церковной риторики. И. объясняет свое намерение заранее написать духовное завещание, перечисляя обстоятельства, которые могли бы помешать ему получить прощение — «умыслих же сие заветное начертати писание, да аще негли праведными Божиими судьбами или внезапу смертный час найдет на мя, или сила отъимется глаголания, или память приидет во оскудение, не кроме прощения или последнего целования отниду в дом вечности моея... вси бо, яко реки в море, в гробную течем яму». И. ссылается на примеры Василия Великого и Иоанна Милостивого, еще при жизни позаботившихся о своих гробницах, и говорит о

себе уничижительно: «но аз, многогрешный, не уподобихся им во всем житии моем... изжих вся дни живота моего в небрежении, лености, маммоне паче работах, неже Господеви». Прося прощения у своих ближних, И. прибегает к цитате из молитвы «Отче наш»: «еже остави нам долги наша, яко же и мы оставляем должником нашим»; в другом месте он цитирует апостола Павла. Сам он прощает тех, кого когда-то отлучил от церкви и они умерли без покаяния. В духовной грамоте упомянуты патриарх *Адриан* и царь Петр, которому он поручает храмы и служителей своей епархии. Духовная грамота И. хранилась в Вятском кафедральном соборе. Подлинник был писан на большом листе, к которому была привешена архиепископская красновосковая печать. Заглавие грамоты написано рукою И.

В «Словаре» И. У. Будовница архиепископ Вятский и Великопермский И. ошибочно назван Кириллом по имени архиепископа Кирилла, издавшего в 1837 г. в Трудах и летописях ОИДР духовную грамоту И. (Будовниц. Словарь. С. 132).

Изд.: Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1837. Ч. 8. С. 14—21; Акты юридические, или Собрание форм старинного делопроизводства / Изд. Археографической комиссией. СПб., 1838. С. 462—465, № 428; Герасим Никитников, протоиерей. Иерархия Вятской епархии. Вятка, 1863. С. 10—17, 117—126, 128—159.

Лит.: Любопытный месяцеслов на 1780 год. СПб., [1780]. С. 29—32; Амвросий. История Российской иерархии. М., 1822. Ч. 1, гл. 8. С. 190; Вятская история // Казанский вестник. 1826. Ч. 16. С. 237—240; Ч. 17. С. 50—55, 59—63, 67—68, 110—113, 117—118; Платон (Петр Иванович Любарский). Иерархия Вятская и Астраханская. М., 1848. С. 3—4 (то же: ЧОИДР. 1848. № 7); Филарет. Обзор. С. 258. № 244; РБС. СПб., 1894. Т. 8: Ибак—Ключарев. С. 319.

М. Д. Каган

Иона, старообрядец см. *Послание из Москвы на Дон.*

Иона Маленький (сер. XVII в.) — черный диакон Троице-Сергиева монастыря, составитель Хождения в Иерусалим и Царьград в 1649—1652 гг. Из трех с половиной лет путешествия, в которое И. М. пустился из Москвы, сопровождая патриарха иерусалимского Паисия, русский паломник около двух лет провел в «Мунтьянских землях», откуда только в 1651 г. он направился к Царьграду и Иерусалиму. На пути к христианским святыням И. М. останавливался в Силистрии, Варне, затем на о-ве Милитине и в других местах. Описание Иерусалима в Хождении И. М. выполнено по маршрутному принципу: описываются низкие стены города, затем церковь Воскресения Христова (отмечено ее почитание представителями «разных вер»), гроб Христов (отмечен костел фрягов, гробницы французских «князей Балдавинов», русские иконы, присланные от московского царя *Михаила Феодоровича*); иерусалимские монастыри, в том числе «иноверные»

(фряжский, армянский); св. Сион, превращенный в турецкую мечеть; Елеонская гора, где турки собирали у паломников «яфимки»; Вифания, Вифлеем и т. д. В Хождении описывается обратный путь — через Кипр, Лаодикию, Миры Ликийские, о-ва Хиос, Милитин, Царьград, Измаил и «Волоскую землю» к Москве. Описание христианских святынь наряду с личными впечатлениями паломника свидетельствует о знакомстве автора с Хождением игумена *Даниила*. Начало Хождения отмечено повествовательностью (совершить паломничество автора пригласил патриарх иерусалимский Паисий, которому И. М. показывал в Троице-Сергиевой лавре Успенский собор). Хождение И. М. не получило широкого распространения, возможно, из-за наличия более обстоятельного Хождения *Арсения Суханова*. В жанре паломнической литературы XVII в. Хождение И. М. весьма типично. Сведений об И. М. (кроме указанных в Хождении) нет.

Изд.: Коркунов И. Путешествие к святым местам, совершенное в XVII столетии иеродиаконом Троицкой лавры. М., 1836; Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1849. Кн. 8. С. 159—168; Леонид, архимандрит. Хождение в Иерусалим и Царьград черного дьякона Троице-Сергиева монастыря Ионы по прозвищу Маленького. 1648—1652. СПб., 1882. (ПДП. Т. 35); Долгов С. О. Повесть и сказание о похождении во Иерусалим и во Царьград Троицкого Сергиева монастыря черного диакона Ионы по реклому Маленького. 1649—1652 гг. // ППС. СПб., 1895. Вып. 42.

Лит.: Пономарев А. И. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах: (Материалы для библиографии) // СОРЯС. 1877. Т. 17, № 2. С. 9; Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976. S. 344—347.

О. А. Белоброва

Иона Соловецкий (20.XI.1561—1-я треть XVII в.) — предполагаемый составитель сборника ГПБ, Q.XVII.67 (конец XVI—нач. XVII в.), составитель автобиографии, открывающей этот сборник. Почерк рукописи очень характерен: это необычайно мелкая, каллиграфическая скоропись нескольких видов. В тексте, за редким исключением, нет киноварных помет, новые главы и подзаголовки выделяются чернилами и особым значком (подчеркнутая точка). Часть сборника, включающая Судебник 1550 г., была отделена от рукописи К. Калайдовичем и ныне хранится в ЦГАДА, ф. 135, отд. 5, рубр. 1, № 4. Текст Судебника был по этому списку опубликован в 1819 г. Отдельные статьи сборника неоднократно рассматривались в научной литературе, однако, полного постатейного его описания не существует. В последнее время изучение сборника было предпринято Б. Н. Морозовым, в связи с обнаруженным им здесь наиболее ранним списком первого послания *Андрея Курбского Ивану Грозному* (л. 16 об.—17). Б. Н. Морозов провел кодикологический анализ рукописи, а позднее нашел имя ее составителя в расходной книге Тихвинского монастыря за 1590—1592 гг. И. С. значится в этой книге головщиком клироса (см.: АЕ за 1987 г. М., 1988. С. 318. Примеч. 2).

Анонимная автобиография составителя сборника находится на л. 1—1 об. Из нее явствует, что автор родился 20 ноября 1561 г. (у Б. Н. Морозова приведена дата 4 ноября), был «наименован» 27 ноября, в 7 лет начал «учение книжное», в 1580 г. был пострижен в Соловецкой обители. Далее приведен перечень переходов И. С. из одного монастыря в другой в период с 10 июня 1587 г. по 1 марта 1621 г. Всего указано 22 монастыря, многие из них посещались автором неоднократно (наиболее часто — Кирилло-Белозерский монастырь и Нилов скит, а также Тихвинский Успенский, Ворбозомский и Спасо-Каменный монастыри). В Кириллове он был свидетелем неких «нестроений», происходивших в Белозерском крае в 1615—1619 гг. Автор тщательно фиксирует названия местностей, в которых ему пришлось побывать, а также подробно отмечает расстояния между отдельными пунктами своего путешествия (л. 210 об., 219 об., 223). Сборник хранит фрагменты записей расходов на путь, провизию и книги за 1609—1611 гг. (л. 209 об.). Раздел, названный «Посланиа различна» (л. 211—216) и представляющий собой письмовник, содержит, возможно, и письма составителя сборника (ряд фактов, упоминаемых в письмовнике, находит аналогии в автобиографии). Несколько схожих по стилю посланий свидетельствуют о том, что их автор был человеком с весьма незаурядным и независимым характером, который ушел из своей обители из-за ссоры с наставником. Здесь же он не без гордости сообщает о себе, что живет не на подаяние, но «от таланта, его же ми дарова Творец». Впрочем, одно из посланий содержит написанное тайнописью имя его автора — Иисихий, что ставит авторство И. С. под сомнение. Не исключено, что перу составителя сборника принадлежит записанная на л. 221 об. «стихира»: «Воспомянух житие свое клиросное, аз недостойный печалное реку... увы мне, что сотворю, где убо живу и како терпл о, в монастырех убо игумени и икономи... самолюбием вси содержимі и сребролюбием объяшася...»

На л. 1 об. и л. 199—208 сохранился каталог «библиотеки» инока, включающий и частичную роспись глав данной рукописи. Из 234 листов сборника содержание л. 4—197 об. отражено в этом каталоге довольно подробно. Число рецептов по изготовлению различных снадобий свидетельствует, что сборник имел и практическое значение (рекомендации по изготовлению красок, левкаса, чернил на л. 5—6, 164 — «Собраниа различна» — опубликованы П. Симони). В рукописи есть и статьи из Лечебника (л. 103—105 об.; л. 188—191 об. — «Книга... еже именуется жил стрекание»), и множество календарных статей (л. 148—175; 108—111; 191—196 об. — «Последование святцам» *Ивана Рыкова*).

Точный подсчет числа произведений, вошедших в сборник, затруднен тем обстоятельством, что к одному и тому же сочинению составитель может обращаться неоднократно, как он делает это,

например, в отношении Послания новгородского архиепископа *Василия Калики* о рае (л. 9, 134—134 об.). Значительное место отведено патериковым повестям («От старчества»), они встречаются на протяжении всей рукописи. Близка к патерику по жанру и «Повесть зело полезна отца Нила» (л. 64—65), опубликованная по данному списку Н. А. Казаковой. В сборнике разбросано множество статей летописного и хронографического характера, в том числе здесь помещен *«Летописец вскоре» патриарха Никифора* (л. 78 об.—81). На л. 8—10 переписан летописец о новгородских архиепископах, трижды помещен в рукописи перечень русских князей — на л. 148 он заканчивается *Василием III*, на л. 168 — Федором Иоанновичем, на л. 176 — *Михаилом Феодоровичем*. Из произведений переводной литературы, широко представленной в сборнике, в нем находятся большие фрагменты из сочинений Афанасия Александрийского (л. 82—84, 85), Нила Синайского (л. 17—17 об.), выписки из *Пчелы* (л. 14), *«Диоптры» Филиппа Пустынника* (л. 84), *«Христианской топографии» Козьмы Индикоплова* (л. 18 об., 20, 146), «Из Александрии о рахманех» (л. 143 об.—145 об.), «От глав греческого царя Василия... к сыну своему царю Льву» (л. 78). На л. 129 об.—131 об. находится *«Поучение» Агапита*, на л. 133—134 — Шестоднев Севериана Гавальского (см. *Шестодневы*), на л. 161—162 — «Лунник Иерусалимский», переведенный *Козьмой Новгородцем*, на л. 178 об. — *«Повесть Никифора Каллиста о вечерях Христовых»*. В некоторых тетрадях сборника встречаются отрывки из житий, например сокращенные Житие Иоанна Дамаскина (л. 232—234 об.), *Житие Константина Философа* (л. 228 об.). Из рассказов о русских святых можно отметить Повесть о Моисее Угрине (л. 71 об.—73). В рукописи не обойдено вниманием церковное законодательство, особенно в связи с вопросом о церковном имуществе, здесь скопирован отрывок из «Псевдоконстантиновой грамоты» (без заголовка); «Устав князя Владимира о церковных судех и о десятинах» (л. 91—91 об.). К ним примыкает фрагмент полемического трактата *Иосифа Волоцкого* «От сведетельства божественных писаний, яко не подобает. . . церквам и монастырям обиды и насилия творити». Среди статей, описывающих монастырский обиход, находится и *Чаша государева заздравная* (л. 217) — текст опубликован А. Орловым. На л. 20—20 об. помещено вступление к чину венчания Ивана IV на царство. В сборнике представлено творчество многих древнерусских писателей, в числе которых и *Кирилл Туровский* («Сказание о черноризчестем чину» — л. 120—121, часть слова на память отцов Никейского собора на л. 139 об.—140), и *Нил Сорский* (на л. 168 об.—173 в виде выписок дан его Устав, причем автор указан только в оглавлении на л. 202 об.). На л. 23—23 об. читается «послание от божественных писаний в отоце скорбящему брату», прежде также приписывавшееся Нилу Сорскому. В сборнике находится ряд сочинений *Ермолая-Еразма*, в том числе «Царем

правителница и землемерие» (л. 108 об.—116 об.). В комплекс сочинений *Максима Грека* (л. 42 об.—63 об.) включены трактаты, направленные против астрологических предсказаний, «Повесть страшна и достопамятна», ряд посланий, к которым присоединены письма патриархов Иоакима и Дионисия с просьбой об освобождении Максима Грека. В рукописи содержится наиболее ранний список *Повести о посаднике Щиле* (л. 77 об.). По списку данного сборника Г. М. Прохоров опубликовал краткий вариант Сказания о начале Спасо-Каменного монастыря *Паисия Ярославова* (л. 173 об.—175 об.). Составитель сборника проявляет большой интерес к текстам апокрифического характера; здесь читается «О древе спасенаго креста Севериана епископа Гавальского» (л. 69), выписки из *Беседы трех святителей* (л. 164—164 об.). Из Жития Петра и Февронии на л. 131 об. выписаны содержащиеся в произведении загадки. П. Симони был опубликован из сборника «Указ писменем и гранесиям и гранестрочиям и силам» (л. 158—160 об.). Примером любознательности составителя может служить Сказание *«О человецех незнаемых в восточной стране»*, фрагмент которого находится на л. 175 об.—176.

Для сборника характерны сокращенные варианты текстов. Можно встретить в нем и указания на то, что отдельные части одного и того же произведения находятся в разных тетрадях (л. 146: «Летописец от римских царей от Неронова царства зде, начало же его писано в 19 тетради»). В целом состав рукописи можно назвать энциклопедическим. Разные тексты из сборника были напечатаны по спискам из него в приведенных ниже изданиях.

Изд.: Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича / Изд. К. Калайдович и П. Строев. М., 1819; Соболевский. Переводная литература. С. 386; Симони П. К истории обихода книгописца, переплетчика и иконного писца при книжном и иконном строении // ПДПИ. Т. 161. СПб., 1906. Вып. 1. С. 31—62; Орлов А. Чаши государевы // ЧОИДР. 1913. Кн. 4. Отд. II. С. 8—9, 36—38; Еремин И. П. Из истории старинной русской повести: Повесть о посаднике Щиле // Труды Комиссии по древнерусской литературе. Л., 1932. Т. 1. С. 123—124; Казакова Н. А. Вассиан Патрикеев и его сочинения. М.; Л., 1960. С. 319—341; Морозов Б. Н. Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI—начала XVII в. // АЕ за 1986 г. М., 1987. С. 277—188; Прохоров Г. М. Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре // Книжные центры Древней Руси XI—XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб., 1991. С. 136—162.

Лит.: Калайдович К., Строев П. Обстоятельное описание славяно-российских рукописей. . . графа Ф. А. Толстова. М., 1825. Отд. II. № 195, С. 343—353; Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // ТОДРЛ. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 182—184; Демин А. С. Вопросы изучения русских письмовников XV—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1964. Т. 20. С. 94—95, 99; Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текста и исслед. Р. П. Дмитриевой. Л., 1979. С. 44; Турилов А. А., Чернецов А. В. К изучению «отреченных» книг // Естественнонаучные представления Древней Руси. М., 1988. С. 127.

В. К. Зиборов, А. А. Романова

Иона Сысоевич (ок. 1607—20.XII.1690) — митрополит Ростовский и Ярославский, автор посланий. Будущий ростовский митрополит родился в семье священника Сысоя, служившего на погосте близ деревни Ангелово неподалеку от Ростова. А. А. Титов вычитал в одном из сказаний об Исаие Ростовском, будто на месте деревни, называвшейся до этого Бесово, находилось прежде языческое капище, а Ангеловым ее нарек святитель, когда сокрушил здесь идола (см.: Титов. Митрополит... С. 88—89). Первоначально И. С. был иноком угличского Воскресенского монастыря, затем стал настоятелем ростовского Белогостицкого, наконец, в 1646—1652 гг. — архимандритом ростовского Богоявленского Авраамиева монастыря. В 1652 г. поставлен патриархом *Никоном* в митрополиты Ростовские и Ярославские; до 5 июля 1690 г. ушел на покой и в том же году скончался (см.: Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 340, 333). Амвросий (Орнатский) ошибочно датирует кончину И. С. 1691 г. (История российской иерархии. 2-е изд. М., 1822. Ч. 1. С. 122).

Митрополит принимал активное участие в церковно-политической жизни, присутствовал на важнейших московских соборах второй половины XVII в. Непродолжительное время — с августа по декабрь 1664 г. — И. С. даже возглавлял русскую церковь, заняв место блюстителя патриаршего престола, когда его предшественник на этом посту *Питирим* стал новгородским митрополитом. Отрешен от наместничества за то, что, подав дурной пример церковному причту, принял благословение патриарха Никона, внезапно явившегося в Москву в ночь с 17 на 18 декабря 1664 г. и вторгшегося в Успенский собор. Созванный 10 февраля 1665 г. по этому делу собор постановил, что митрополит недостоин впредь оставаться местоблюстителем, причем провинившийся должен был подтвердить собственноручно написанным клятвенным свидетельством, что с бывшим патриархом он не имел «никакого согласия и совета», но принял благословение «напрасным его пришествием устрашився ужасом одержим» (свидетельство издано в кн.: Дело о патриархе Никоне / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897. С. 176). Случай в Успенском соборе послужил поводом для догадки Н. Н. Воронина, будто ростовский митрополит всю жизнь оставался сторонником теократических идей Никона, сначала явным, а впоследствии тайным; за отсутствием фактов эта мысль, получившая широкое хождение в научной литературе, не нашла дальнейшего развития. Резкие выпады против бывшего патриарха, которыми насыщена грамота И. С. о незаконном проклятии крутицкого митрополита Питирима, безусловно противоречат выводам Н. Н. Воронина.

Своей славой у потомков, как и у современников, И. С. обязан прежде всего многочисленным памятникам архитектуры, которыми он украсил Ростов и окрестности. Размах строительной деятельности

митрополита породил легенды, причем в одной из них его затеи не без основания расцениваются как недостаток приличествующего иерарху смирения.

Однажды, гласит предание, когда митрополит сокрушался по поводу невыполнения каких-то работ, случилось быть у него ростовскому юродивому Афанасию. «Ах, Иона, Иона! — изрек Афанасий. — Что ты хлопочешь? В твоих постройках и церквах по времени одни воробьи будут жить» (Титов А. А. Ростовская и Ярославская старина. Ярославль, 1887. Вып. 1. С. 16—17). На своей родине, в Ангелово, И. С. возвел огромный деревянный храм, в котором, по преданию, было 365 окон и множество переходов; церковь сгорела от молнии еще в XVII в. В Ростове и окрестностях им воздвигнуты следующие каменные постройки (перечисляю их по кн.: Безсонов С. В. Ростов Великий. М., 1945. С. 10): 1) Введенская трапезная церковь в Авраамиевом монастыре (1650); 2) Никольская церковь в том же монастыре (1655); 3) Благовещенский собор Белогостицкого монастыря (1657); 4) Михайло-Архангельская церковь в том же монастыре (1658); 5) стены и башни митрополичьего дома (1670—1675); 6) Воскресенская церковь митрополичьего дома (1670); 7) церковь Григорьевского затвора там же (1670); 8) Белая, Отдаточная и Ионинская палаты (1672—1680); 9) церковь Спаса на Сенях (1675); 10) Сретенская церковь, звонница, декоративное убранство ворот и трапезной Борисоглебского монастыря (1680); 11) звонница Ростовского собора (1680—1682); 12) Собор Петровского монастыря (1682—1684); 13) церковь Иоанна Богослова в митрополичьем доме (1683); 14) Троицкий собор в Зачатьевском монастыре (1686—1691). Некоторые другие ростовские здания по времени и стилю также относят к строительству И. С. В Угличе И. С. построил комплекс Воскресенского монастыря (1674), а в Ярославле — митрополичий дом с церковью Леонтия (1690). Многие постройки И. С. были украшены фресками, наделены щедрыми митрополичьими вкладами.

Зодчество было не единственным увлечением ростовского иерарха. В построенном им кремле И. С. разбил висячий сад (см.: Свирин А. Н. Корбуха. Сергиев Посад, 1925. С. 7—8). Он обладал и незаурядным музыкальным слухом: большой любитель колокольной музыки, митрополит создал знаменитые по всей Руси ростовские звоны. Колокола ростовской звонницы в большинстве своем отлиты мастерами И. С. (перечень их см.: Тюнина М. Н. Ростовские колокола и звоны // Колокола: История и современность. М., 1985. С. 140), самый большой из них строитель Ростовской митрополии назвал в честь своего отца «Сысоем». По-видимому, И. С. сочинил и музыку нескольких звонов — недаром один из них называется «ионинским» (см.: Смоленский С. О колокольном звоне в России. СПб., 1907 — отдельный оттиск из «Русской музыкальной газеты» (1907. № 9—10. С. 6)).

О литературных интересах И. С. нам известно немного. Скрепленные его именем тексты можно выстроить в следующую иерархию в порядке возрастания в них литературного начала. На нижней ступени этой иерархии будут находиться сказка, в которой митрополит объясняет свое поведение в памятную декабрьскую ночь 1664 г. (издана в кн.: Дело о патриархе Никоне. С. 128), и стереотипная декларация-исповедание, в котором Ростовский владыка наряду с другими участниками собора 1666 г. должен был засвидетельствовать, что он признает православие восточных патриархов, греческих богослужебных книг и истинность собора 1654 г. (издано в кн.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1876. Т. 2. С. 37—38; Дело о патриархе Никоне. С. 252—253).

Памятником непримиримости митрополита к врагам церкви являются его отписки в Москву 1657 г. по делу Силки Богданова с учениками — объявившихся в Ростове противников никоновских реформ (издание см.: Судные процессы XVII—XVIII в. по делам церкви / С предисл. Е. В. Барсова // ЧОИДР. 1882. Кн. 3. С. 3—4, 12; Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 223—224), а свидетельством административной распорядительности иерарха — благословенные грамоты и написанные по его грамотам «памяти». К первым относятся: 1) Благословенная грамота на построение новой церкви во имя Знамения Богородицы, данная 24 июня 1659 г. Романовского уезда никольскому попу Никифору (издана в кн.: Титов А. А. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву. Сергиев Посад, 1897. Вып. 4. № 80, с. 101—103); 2) Благословенная грамота в Спасо-Ярославский монастырь о служении архимандриту литургии «на ковре с рипидами и со осенением свещным», данная в 1666 г. (не издана, читается в рукописи XIX в. ГИМ, собр. Вахрамеева, № 1087, л. 217, содержащей царские грамоты в Спасо-Ярославский монастырь; описание см.: Титов А. А. Рукописи славянские и русские. . . М., 1906. Вып. 5. С. 211); 3) Благословенная грамота на обновление церкви Обнорского Воскресенского монастыря, данная 16 декабря 1686 г. игумену Никону (издание см.: Благословенная грамота преосвященного Ионы, митрополита ростовского и ярославского, на обновление церкви Обнорского Воскресенского монастыря, где ныне существует приходская Воскресенская церковь, в которой почивают мощи преподобного Сильвестра // Ярославские епархиальные ведомости. 1860. № 33. Часть неофиц. С. 309—310); 4) Благословенная грамота на построение в Ярославле каменной церкви во имя Сошествия святого Духа, данная 8 сентября 1688 г. попу Макарию (издание см.: Благословенная грамота ростовского митрополита Ионы Сысоевича 1688 г. на постройку теперешней каменной церкви Сошествия св. Духа // Ярославские епархиальные ведомости. 1873. № 48. Часть неофиц.

С. 388—389). Из числа вторых, которые были составлены митрополитом в «соавторстве» с дьяками его канцелярии, сохранились следующие документы: 1) Память в Кирилло-Белозерский монастырь о совершении водоосвящения в навечерии праздника Богоявления, от 1 января 1656 г. (издание см.: ААЭ. Т. 4. № 333, с. 495); 2) Память о запрещении скоморохам и медвежьим поводчикам промышлять в Устюжском и Сольвычегодском уездах, от 23 октября 1657 г. (Там же. Т. 4. № 98, с. 138—139); 3) Память в Сольвычегодск и Лузскую Пермцу с повелением поститься и совершать молебны по случаю войны с турками и крымскими татарами, от 19 октября 1678 г. (Там же. Т. 4. № 229, с. 315—317); 4) Память в Усольский уезд с объявлением о смерти царицы Агафии Симеоновны и царевича Илии Федоровича, от 7 сентября 1681 г. (ДАИ. СПб., 1862. Т. 8. № 102, с. 327—328); 5) Память архимандриту Сольвычегодского Введенского монастыря Иосифу о наблюдении за монастырским благочинием, от февраля 1682 г. (ААЭ. Т. 4. № 253, с. 355—356).

Дошли до нас и письма И. С. — непритязательная записка священнику ярославской церкви Дмитрия Солунского Иоаннику с благодарностью за присланную рыбу (см.: Серебриков С. Два письма: Преосвященного Ионы, митрополита ростовского и ярославского, и казначея его иеромонаха Вассиана, писанные в 1673 году в Ярославль к священнику Димитриевской церкви Иоаникию // ВОИДР. 1849. Кн. 3. Смесь. С. 2—3), а также три письма, адресованные светским или церковным властям и строже придерживающиеся эпистолярного этикета: 1) Письмо Илье Даниловичу Милославскому с просьбой содействовать удалению из Ростова дьяка Митрофана Никифорова, 1663 г. (см.: Письмо ростовского митрополита Ионы к тестю царя Алексея Михайловича Илье Даниловичу Милославскому / Сообщ. В. Борисов // ЧОИДР. 1848. Год третий. № 5. Смесь. С. 56; Грамотки XVII—начала XVIII века. М., 1969. № 457, с. 282—283); 2) Письмо вологодскому архиепископу *Симону* о присылке росписи церквей и монастырей Пошехонского уезда, после 22 декабря 1675 г. (см.: Суворов Н. Отпись ростовского митрополита Ионы к вологодскому архиепископу Симону, в которой уведомляет о получении им вышепрописанной патриаршей грамоты и просит о присылке к нему росписи церквей и монастырей Пошехонского уезда, 1676 <так!> года // Ярославские епархиальные ведомости. 1864. № 47. Часть неофиц. С. 463—464); 3) Письмо патриарху *Иоакиму* в ответ на запрос, как поступить с Кириллом Полуектовичем Нарышкиным, который был насильно пострижен в 1682 г. и не желает вести монашеский образ жизни, после 22 ноября 1684 г. (издание письма патриарха и ответа И. С. см.: Лествицын В. Переписка патриарха Иоакима с митрополитом Ионою Сысоевичем // Ярославские губернские ведомости. 1873. № 10. Часть неофиц. С. 52—53; № 12. С. 62—63). Для характеристики И. С. как литератора всего интереснее последнее письмо, в котором

митрополит проявил себя знатоком канонической литературы, настаивая на недопустимости возвращения монаха в мир. В ответ на просьбу патриарха найти исторические прецеденты сложившейся ситуации («где-либо кто в таковых случаях правило обрете или бытие летописное чита сему подобное») ростовский владыка ссылается на судьбу патриарха *Филарета*, приводит эпизод из *Жития Николая Мирликийского* и делает многочисленные выписки из печатной Кормчей. Между прочим, в грамотах И. С. фигурируют и другие издания Печатного двора — исправленный Служебник и «Молебное пение, певаемое во время брани» (М., 1678).

Пожалуй, с бóльшим основанием, чем перечисленные документы, к литературным текстам могут быть причислены две изданные в ААЭ пастырские грамоты И. С. — богомольная грамота в Кирилло-Белозерский монастырь, извещающая о победе над поляками (декабрь 1654 г.), и направленная туда же грамота с требованием соблюдать единогласие и пользоваться новыми печатными служебниками (октябрь 1657 г.). В полной мере писательские способности ростовского владыки проявились в Окружном послании, написанном им при восшествии на митрополичий престол и причисляемом к лучшим образцам этого жанра (это произведение, изданное в АИ, митрополит Евгений ошибочно приписал *Ионе Думину* : Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 304), и в грамоте о недействительности клятвы, возложенной Никоном на митрополита Питирима, которую, как и другие иерархи, И. С. должен был составить в 1662 г. и которая остается замечательным по страстности и яркости образов публицистическим памятником (изданы лишь выдержки, которые приводит в своей челобитной царю *Иоанн Неронов*: Материалы для истории раскола... 1874. Т. 1. С. 184—185; полностью читается в рукописи ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 376; описание см.: Востоков. Описание. С. 560—561).

По данным автора статьи о портрете И. С., ростовский митрополит является также автором надписи при кресте на Крестобогородской горе и грамоты о молебне по случаю рождения царевны Наталии Алексеевны. Разносторонне одаренный владыка не чужд был и версификаторства; во всяком случае, предание донесло до нас его трехстишие, адресованное князю Михаилу Михайловичу Темкину Ростовскому: «На своем дворишке лью колоколишки, и дивятся людишки» (Израилев А. Ростовские колокола и звоны. СПб., 1884. С. 5). Повесть о обретении мощей Даниила Переяславского позволяет думать, что И. С. записывал или редактировал уже записанные чудеса этого святого, мощи которого он свидетельствовал в 1652 г. О результатах освидетельствования митрополит направил царю и патриарху специальную «епистолию», которая пока не обнаружена (см.: Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, Переяславского чу-

дотворца, Повесть о обретении мощей и Чудеса его. М., 1908. С. XXXIII—XXXVI).

Не исключено, что обнародование описи келейной рухляди И. С. (ГИМ, Синод. собр., № IV, л. 396—405; описание см.: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. С. 108) расширит существующие представления о культурном наследии ростовского митрополита. Известен автограф И. С. (воспроизведен в кн.: Титов А. А. Рукописи славянские и русские... М., 1892. Вып. 2. Табл. 4), а также современный портрет владыки.

Изд.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 4. № 80, с. 118—120; № 335, с. 499—500; АИ. СПб., 1842. Т. 4. № 62, с. 172—177.

Лит.: Портрет ростовского митрополита Ионы // Ярославские губернские ведомости. 1855. № 10. Часть неофиц. С. 65—67; Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12. С. 480—497; Филарет. Обзор. С. 235; Титов А. А. 1) Митрополит Иона III Сысоевич и его постройки в Кремле Ростова Великого // ИВ. 1885. Т. 22. Октябрь. С. 88—101; 2) Ростовская иерархия: Материалы для истории русской церкви. М., 1890. С. 71—73; Летопись о ростовских архиереях / С примеч. А. А. Титова. СПб., 1890. С. 13—14. (Изд. ОЛДП. Т. 94); РБС. СПб., 1897. Ибак—Ключарев. С. 318; ПБЭ. СПб., 1906. Т. 7. Стб. 288—289; Воронин Н. Н. Ростовский «кремль» // Из истории докапиталистических формаций. М.; Л., 1933. С. 655—680; Пуцко В. Г. Ростовский потир митрополита Ионы // Советская археология. 1971. № 4. С. 250—255. Мельник А. Г. О византийских традициях в оформлении интерьеров церквей Ростова Великого, созданных по заказу митрополита Ионы // XVIII Международный конгресс византинистов: Резюме сообщений. Т. 2: L—Z. М., 1991. С. 754—755.

Д. М. Буланин

Иона Филиппов Суровцын (сер. XVII в.) — инок Синеезерской Троицкой пустыни, автор Жития Евфросина Синеезерского, написанного в 1650 г. Свое имя автор дал криптограммой в записи по окончании Жития. Евфросин Синеезерский был основателем (в 1600 г.) Синеезерского, близ Устюжны Железнопольской, монастыря. В 1612 г. он был убит ватагой поляков, осаждавших Устюжну и пришедших в монастырь для грабежа и разбоя. Житие писано, как сказано в авторской приписке к нему, при втором настоятеле Синеезерского монастыря Моисее. Автор ссылается на рассказы людей, знавших Евфросина Синеезерского; гибель подвижника он описывает со слов некоего мирянина Емельяна Сумина, отец которого Иван Сума, укрывавшийся во время Смуты вместе со многими другими пришельцами в стенах монастыря, был среди избиенных поляками и из груды мертвых тел, сам полумертвый, видел мученическую кончину Евфросина. Житие — гармоничный образец произведения агиографического жанра, в меру украшенного, с необходимым набором этикетных приемов в композиции, сюжете и языке, с привлечением необходимого фактического материала; его автор искусно владел мастерством

агиографа. Единственный известный список Жития принадлежал Синеезерской пустыни, откуда он был выписан в Археографическую комиссию для подготовки его издания, затем снова возвращен в Синеезерскую церковь. В настоящее время местонахождение рукописи неизвестно.

Изд.: Житие преподобного Евфросина Синеезерского / Подгот. к печати С. А. Адрианов // ЛЗАК. СПб., 1901. Вып. 13. С. 1—32.

Лит.: Амвросий. История российской иерархии. М., 1822. Т. 6. С. 108—112; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 192—193; Яковцевский Г. Исторические сведения о Синозерской пустыне Устюженского уезда, Новгородской губернии и ее основателе св. преподобномученике Евфросине, Новгородском чудотворце. Новгород, 1912.

Н. В. Понырко

Иосиф (ум. 15.IV.1652) — пятый патриарх Московский и всея Руси, под именем которого известны поучения и послания. Происхождение и жизнь И. до 1639 г., когда он стал настоятелем Симоновской обители, достоверно не известны. Есть все основания думать, что патриарх И. родился во Владимире на Клязьме, где его родной брат служил соборным протоиереем. По мнению А. А. Новосельского, И. принадлежал к роду тамбовских дворян Дьяковых. Вероятно, до перевода на жительство в новообразованный Тамбовский уезд (1639 г.) сородичи патриарха несли городовую службу по Владимиру или Мещере (в мещерской десятне 1590 г. записан Федор Григорьев сын Дьяков: Готье Ю. В. Десятни по Владимиру и Мещере 1590 и 1615 гг. М., 1910. С. 17). С 1630 по 1639 г. он, как предполагал А. П. Голубцов, игуменствовал в Никитском монастыре под Переяславлем-Залесским. Иначе жизненный путь И. представлял себе Л. М. Савелов: исследователь отождествлял его с Игнатием Дьяковым, который в 1633 г. упоминался среди подключников Приказа Большого Дворца и, следовательно, принял иноческий постриг не ранее этого года. Последняя версия выглядит малоубедительной не столько из-за отсутствия каких-либо доказательств, сколько из-за полнейшей неосведомленности потомков Игнатия Дьякова о высоком сане своего пращура (ЦГАДА, ф. 286, оп. 1, д. 272, л. 901). С 1639 г. И. — архимандрит столичного Симонова монастыря. 20 марта 1642 г. он был избран на пустовавший около полутора лет патриарший престол; через семь дней состоялась торжественная интронизация. В отличие от своих предшественников новый глава русской церкви «поставлен. . . в патриархи по жребию, а не царским изволением». Необычная процедура выборов и отступления от принятого дворцового церемониала после них наводят на мысль о неприязненном отношении царя *Михаила Феодоровича* к И. (Чин избрания патриарха Иосифа на патриарший престол // ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 6. С. 250; Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 319). Ныне трудно ус-

тановить причину монаршего недовольства. Однако не исключено, что неприязнь Михаила Федоровича была вызвана сопротивлением патриарха намечавшемуся браку царевны Ирины с сыном датского короля Христиана IV Вальдемаром, графом Шлезвиг-Гольштейнским (Голубцов А. П. Памятники прений о вере, вызванных делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. Отд. 2. С. 164—165). Непросто складывались взаимоотношения И. и с царем *Алексеем Михайловичем*. Особенно они обострились в последние годы жизни И., во время конфликта патриарха с кружком «боголюбцев». Патриарх И. безуспешно боролся против введения в церквах единогласного пения и чтения, на чем настаивали «боголюбцы» во главе с царским духовником *Стефаном Вонифатьевым*. В начале 1649 г. он созвал церковный собор, участники которого осудили противников многогласия. Между тем Алексей Михайлович поддержал своего духовника и не утвердил посланного ему соборного деяния. Более того, он отказал И. в требовании наказать Стефана Вонифатьева за публичное поношение бранными словами патриарха и членов «освященного собора». Е. Е. Голубинский не без основания полагал, что резкое объяснение между И. и царским духовником произошло именно из-за решения собора 1649 г. Положение главы русской церкви было незавидным; спустя два года в соборном уложении 1651 г. о единогласии он заметил: «Третие бо се лето есть биему от свадник, терпя клеветные раны» (Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Ч. 2. С. 471). Трагизм последних лет жизни патриарха И. вполне передают его слова, приведенные в письме Алексея Михайловича к новгородскому митрополиту *Никону* на Соловки (1652 г.): «Переменить меня, скинуть меня хотят, а будет-де и не оставят, и я-де и сам за сором об отставке стану бить челом». Пояснения царя не могут ввести в заблуждение относительно тех чувств, которые двадцатитрехлетний монарх питал к умершему архипастырю: «А у меня и отца моего духовного, Создатель наш творец видит, ей, ни на уме того не бывало... хотя бы и еретичества держался, и тут мне как одному оставить его без вашего собору» (Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П. И. Бартенев. М., 1856. С. 175). Несмотря на то что письмо Никону посвящено обстоятельному описанию болезни, смерти и погребения И. — теме серьезной и торжественной, интонация царского повествования скорее недоброжелательно ироничная (М. Г. Кротов). Могила патриарха находится в московском Успенском соборе, где, по его просьбе, он похоронен рядом с другой жертвой произвола светских властей — патриархом *Иовом*.

Традиция приписывает И. авторство четырех произведений: печатного «Патриаршего поучения», двух посланий к датскому королевичу Вальдемару и «моления» к мощам патриарха Иова, перенесенным из Старицы в Москву.

Сборник «Патриаршее поучение» был напечатан в столичной типографии без обозначения места и года выхода. Отечественные библиографы, приняв гипотезу митрополита Евгения (Болховитинова) об издании этой книги сразу после вступления И. на патриарший престол, датировали ее приблизительно 1642 г. (Евгений, митрополит. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина грекороссийской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 313; Ср.: Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках. М., 1958. № 165). Между тем, как видно из приходо-расходных книг Печатного двора, работа над «Патриаршим поучением» велась там с 9 по 24 августа 1643 г. Точную датировку сборника предложил А. А. Булычев, однако честь ее введения в научный оборот должна по праву принадлежать А. П. Голубцову, который первым обнаружил и опубликовал запись в документах столичной типографии о публикации этой книги (Голубцов. Прения о вере. . . С. 123, примеч. 103). Поводом для составления «Патриаршего поучения» послужила эпидемия сибирской язвы, свирепствовавшая летом 1643 г. в центральных районах страны. Композиция сборника вполне отразила иерархию ценностей средневековья: книгу открывают и завершают статьи, обращенные к белому и черному духовенству, между которыми заключены семь поучений, бичующие мирян — «неправедных князей и судей». Среди исследователей нет единодушия в атрибуции «Патриаршего поучения»: одни считали его создателем самого патриарха И. (митрополит Макарий Булгаков, А. П. Голубцов), другие полагали, что автора сборника следует искать среди ближайшего окружения главы русской церкви (И. Д. Мансветов, Н. И. Барсов). Вероятнее всего, оно было составлено справщиками Московского Печатного двора.

Первая статья в книге — «Поучения великаго господина святейшаго Иосифа, патриарха Московскаго и всея Великия Русии, архиереом, и священноиноком, и мирским иереом, и всему священному чину» — представляет собой переделку сочинения XIII в. «Поучения попом» (иначе: «Поучение епископле к иереом»). Древнерусские книжники рассматривали это произведение как образцовое послание церковного иерарха к клиру и потому охотно включали в состав русской Кормчей (с XIV в.) и в четьи соборники, надписывая его именами Василия Великого, Иоанна Златоуста, *Леонтия Ростовского* или Кирилла. Статья в «Патриаршем поучении» существенно отличалась от своего протографа: помимо основательной стилистической и языковой правки создатели сборника дополнили ее оригинальными вставками, выписками из Священного писания и памятников патристики. При выборе источников для цитирования справщики отдавали явное предпочтение старопечатным книгам, использовав выдержки из Острожской Библии 1581 г., Евангелия и Апостола «московской печати» (текст которых идентичен соответственно изданиям 1637 и 1638 гг.), «Бесед на деяния апостолов» (Киев, 1624) и «Маргарита» (М., 1641) Иоанна

Златоуста. Сильное влияние печатной книжности испытали на себе не только лексика и синтаксические конструкции оригинальных интерполяций, но и вся редакторская «справа» статьи в целом.

Заключается «Патриаршее поучение» вновь обращением к «священному чину»: «По сем еще паки рцем к чистителем иереом християнского народа» и «Правилом святых апостол и святых отец вселенских учителей», содержавшим различные литургические предписания белому духовенству. В рукописной традиции оба сочинения встречаются лишь в поздних списках 2-й пол. XVII—XVIII в. Не исключено, что они были составлены специально для сборника поучений патриарха И.

Вторая статья в книге — «Поучение христолюбивым князем и судиям, и всем православным христианом» — почти буквально повторяет текст «Поучения епископля всем христолюбивым князем и всем правоверным християном боголюбивым», известного в списках русской Кормчей с XV в. К нему присоединены пять произведений из литературно-юридического сборника «Мерило праведное» второй редакции (XIV в.): «Слово Сирахово на немилостивыя судии и князи, иже неправдою судят», «Слово о гордости», «Слово о судиях и о властелех, емлющих мзду и неправду судящих», «Слово Аввакума пророка на обидящыя и насильствующыя» и «Слово святаго Василия о судиях и о властелех». Спустя столетие эти статьи вошли в Чудовский извод русской Кормчей. Наконец, «Слово иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго о милостыни, како подобает от праваго труда творити милостыню, а не от лихоимства» составители «Патриаршего поучения» заимствовали из московских печатных Прологов (либо 1641, либо 1642 г.). Сочинения, адресованные мирянам, подверглись незначительной по объему, но весьма важной по смысловой нагрузке редакторской «справе». Так, в заголовок «Поучения епископля всем христолюбивым князем и всем правоверным християном боголюбивым» издатели добавили обращение к «судьям»; в статьях из «Мерила праведного» они опустили все критические выпады против «царей», заменив их осуждением «неправедных» служителей правосудия. Обличение в «Патриаршем поучении» «лихоимствующих князей» и «потакающих» им «судей», казалось бы, являет собой очередное повторение одной из самых распространенных и традиционных тем православной гомилетики. Однако на фоне непрекращающихся в начале 40-х гг. XVII в. выступлений провинциального дворянства и купечества против печально знаменитой «московской волокиты», всевластия и безнаказанности членов «государева двора» эти традиционные тексты должны были восприниматься как злободневнейшая публицистика. Не случайно справщики включили в сборник произведения из одного или нескольких изводов русской Кормчей и славянского *Пролога* — книг не только популярных, но и авторитетных для древнерусского читателя.

Другой комплекс писаний от имени И. связан с антилютеранской полемикой 1644—1645 гг., возникшей во время переговоров с датчанами о сватовстве королевича Вальдемара к царевне Ирине Михайловне. Патриарх прислал сыну Христиана IV два послания (21 апреля и 23 мая 1644 г.), в которых И., излагая догматические и исторические доводы против протестантизма в пользу православия, надеялся убедить его сменить веру (опубликованы в кн.: Голубцов А. П. Памятники прений о вере... С. 22—27, 111—154). Особенно обширным было второе послание, опровергавшее возражения пастора Матфея Фельгабера на первое письмо И. Однако ни объем, ни аргументы не произвели впечатления на датскую делегацию: один из состоящих при Вальдемаре дворян в своих мемуарах о путешествии в Россию посвятил этому сочинению несколько иронически пренебрежительных строк: «...23 мая опять пришел канцлер Львов... и вручил... другое письмо патриарха, чуть не в 48 сажен, с пустою, бесполезною болтовнею». Известно, что действительными авторами второго послания были справщики — *Иоанн Шевелев Наседка*, *Шестак Мартемьянов* и *Захарий Афанасьев Подосенов*. По-видимому, и первая эпистолия патриарха составлена не им самим. Начало ее, как предполагал А. П. Голубцов, написал или, по крайней мере, отредактировал посольский думный дьяк Григорий Львов; остальной текст принадлежал перу Ивана Наседки.

Именем И. надписано «моление» к мощам патриарха Иова, созданное по поводу торжественного перенесения их из Старицы в Москву (напечатано: Николаевский П. Ф. Материалы по истории русской церкви // Христ. чт. 1885. Сентябрь—октябрь. С. 503—504). Встреча мощей в столице произошла 5 апреля 1652 г., за десять дней до кончины И. Точно невозможно установить степень участия престарелого патриарха в работе над текстом этой статьи. Вполне вероятно, что использование его имени в заглавии «моления» свидетельствовало лишь о соблюдении литературного этикета, по которому такого рода церемониальные обращения непременно должны исходить либо от царя, либо от главы православной церкви.

В истории русской книжности патриарх И. остался прежде всего как покровитель книгопечатания. При нем было издано столько печатных книг, сколько не выходило ни при одном его предшественнике: всего 92 названия, многие из которых неоднократно переиздавались (подсчет сделан по кн.: Поздеева И. В. Новые материалы для описания изданий Московского Печатного двора: Первая половина XVII в. В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Методические рекомендации. М., 1986. С. 45—70). Столичные типографы «по благословению» И. выпустили немало новых, ранее никогда в Москве не печатавшихся изданий. Так, его поспешеством впервые увидела свет целая серия сборников «уставных чтений»: «*Паренесис*» *Ефрема Сирина* (1647,

1652 гг.) и поучения аввы Дорофея (1652 г.), *«Лествица» Иоанна Синайского* с толкованиями (1647 г.), *Соборник* из 71 слова (1647 г.), «Благовестник» (Толковое Евангелие) Феофилакта Болгарского (1649 г.). С санкции патриарха началась публикация «соборников», предназначенных для полемики с инославными: Сборника о почитании икон (1642 г.), *Кирилловой книги* (1644 г.) и Книги о вере (1648 г.). Подобно новгородскому архиепископу *Геннадию*, справщики московской типографии, а вместе с ними, возможно, и сам И., смотрели на школьное образование как на средство борьбы с еретическими иноверными влияниями: в 1649 г. они подготовили к печати «в научение детям» полемический Краткий катехизис Петра Могилы. Учебная литература, представленная прежде лишь специальными Псалтирями, Часовниками, Азбуками и Букварями, пополнилась «Грамматикой» *Мелетия Смотрицкого* (1648 г.). В правление И. была издана сербская редакция славянской Кормчей (1650 г.), напечатаны службы и жития Сергия и Никона Радонежских (1648 г.), Саввы Сторожевского (1649 г.). Глава русской церкви повелел выпустить наставление XIII в. «О хиротонии, сиречь о рукоположении святительском на новопоставленном иереи» (1643, 1649 гг.) и сборник «Патриаршее поучение» под своим собственным именем. Расширение тематики изданий Печатного двора могло быть следствием переосмысления роли печатной книги в культурной политике светских и духовных властей. В истории отечественной культуры издания «иосифовой печати» занимают особое место. Реформа патриарха Никона, приведшая к расколу в церкви, положила начало делению всей продукции столичной типографии на дониконовскую и послениконовскую. Книги, вышедшие при И., стали для старообрядцев освященным традицией образцом «истинных» печатных текстов в отличие от «никонианских» правленных изданий.

Лит.: Н. А. А. (Аполлос, архимандрит). Патриарх Иосиф // ЧОИДР. 1847. № 4. Отд. 4. С. 119—125; [Никольский А.] Материалы для истории русско-церковной полемики против лютеранства в первой половине XVII столетия // ПС. 1861. Кн. 2. С. 242—243; Два сватовства иноземных принцев к русским великим княжнам в XVII столетии / Пер. с нем. А. Н. Шемякина // ЧОИДР. 1867. Кн. 4. Отд. 4. С. 18; Макарий, митрополит. История русской церкви. СПб., 1882. Т. 11. С. 95—182; Мансветов И. Д. Как у нас правились церковные книги. Материалы для истории книжной справы в XVII столетии: (По бумагам архива Типографской библиотеки в Москве). М., 1883; Белокуров С. А. 1) Челобитная царю Алексею Михайловичу патриарха Иосифа и всего Освященного собора на протопопа Стефана Вонифатьева. 7158 г. // ЧОИДР. 1887. Кн. 3. С. 79—80; 2) Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1902. С. 29—52; Голубцов А. П. 1) Вступление в патриаршество и поучение к пастве Иосифа патриарха Московского // Прибавления к изданию творений святых отец в русском переводе. М., 1888. Т. 42. С. 327—381; 2) Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 126—175; Цветаев Д. В. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 476—510; Голубинский Е. Е. К нашей полемике со старообрядцами. Сергиев Посад, 1892. С. 39, 58—59; Н. Б. [Барсов Н. И.]. Иосиф, пятый патриарх Московский и всея Руси // РБС. СПб., 1897. [Т. 8]. С. 346—348; Каптерев Н. Ф. 1) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад,

1909. Т. 1. С. 81—105; 2) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Время патриаршества Иосифа. 2-е изд. М., 1913; Савелов Л. М. Родословные записи. М., 1909. Вып. 3. С. 146—147; Новосельский А. А. Феодальное землевладение: Боярство, дворянство и церковь // Очерки истории СССР: Период феодализма: XVII в. М., 1955. С. 159; Булычев А. А. Поучение на «моровое поветрие» патриарха Иосифа // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 187—196; Кротов М. Г. Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа: (Этюд из исторической психологии) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 2: XVI—начало XVIII веков. М., 1989. С. 149—178.

А. А. Булычев, Н. В. Понырко

Иосиф (1-я пол. XVII в.) — архимандрит Троицкого Данилова монастыря в Переславле Залесском, автор Слова о явлении преподобного Даниила Переяславского (вариант: «Чудо о сыне болярьском»). Поставленный архимандритом из патриарших ризничих, И. управлял Даниловым монастырем, по П. М. Строеву, с 1637 г. по 14 марта 1639 г. (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 667; Азбучный указатель имен русских деятелей для Русского биографического словаря. СПб., 1887. Ч. 1. С. 344. (Сб. РИО. Т. 60)), по А. И. Свирелину — в 1637—1642 гг. (Свирелин А. И. 1) Историко-статистическое описание Переславского Троицкого Данилова монастыря. М., 1860. С. 86; 2) О начале. . . С. 83); иных биографических сведений о нем не сохранилось. В Слове рассказывается о видении, бывшем сыну боярскому Алексею Андрееву Юрьеву, который пришел помолиться ко гробу Даниила Переяславского и узрел преподобного лежащим поверх раки. Записку («написание») об этом видении Алексей Юрьев «предаде архимандриту Иосифу»; однако в старшем списке Слова (ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 301) читается «предаде ми», из чего С. И. Смирнов резонно заключил, что И. и является автором рассказа. В рукописях Слово предваряет Повесть о обретении мощей Даниила Переяславского.

Изд.: Смирнов С. И. Житие преподобного Даниила, Переяславского чудотворца, Повесть о обретении мощей и Чудеса его. М., 1908. С. 81—82.

Лит.: Свирелин А. И. 1) О начале и устроении Переславского Данилова монастыря (при жизни преподобного Даниила). М., 1863. С. 83; 2) Житие преподобного отца нашего Даниила, Переславского чудотворца. 2-е изд. Переславль-Залесский, 1894. С. 52—53.

Д. М. Буланин

Иосиф (2-я пол. XVII—нач. XVIII в.) — игумен Угрешского Николаевского монастыря (1688—1691 гг.), архимандрит Спасо-Ярославского монастыря (1691—1699 гг.), а в 1700—1709 гг. архимандрит Иоанно-Предтечева Краснослободского Темникова монастыря, автор духовного завещания, владелец обширной келейной библиотеки. На полях своих книг он оставил владельческие биографические записи, а около 1704 г.

составил пространное духовное завещание, которое вписал на полях цельногравированной Библии Пискатора (сохранились разрозненные листы в двух хранилищах: Ветхий Завет — в ГМИИ им. А. С. Пушкина, инв. № 125027—125159, всего 133 л.; Новый Завет — в ГБЛ, ф. 722, № 93, 176 л.). В этом завещании, сохранившемся не полностью, перечислены земельные угодья, различное имущество, в том числе колокола, церковная утварь, облачения, иконы, книги и др.

Значительную часть библиотеки И. составляют книги богослужебные: «12 книг печатных месячных миней», «охтай, треоди посная, цветная, печатныя же», «требники киевский. . . московский». Названы «Ефрем со аввою, Лествица, Кормчая, Соборник, Маргарит, Благовестник. . . Апостольския беседы. . . Библея четья печатная». Среди рукописей — «Зерцало Великое, Гранограф, Пандект. . . Звезда пресветлая. . . Многоценной бисер, два Алфавита» и др. Судя по записям, И. приобретал книги: например, у ярославца, посадского человека Васки Перфильева он купил в июне 1695 г. два Хронографа XVII в. (ныне в ГИМ, собр. Уварова, № 1347(7) и 1368(8)). В том же году была приобретена в церковную книгохранительницу Толковая псалтирь, переписанная в Москве в 1676 г. (Ярославский музей-заповедник, № 918(304)). Библиотеки и их судьбы интересовали И., судя по биографическому сообщению в духовном завещании: «. . .видех в степенных монастырех писменныя книги соблюдаем более семисот лет в целости достойно. . .» В духе строгой бережливости высказывался И. в своих записях на книгах — например, на рукописи Тактикона Никона Черногорца (конец XVII в.) (ЦНБ АН УССР, собр. Макария, № 14 и 15 (Аа 178 и 179)): «. . .а из сея церкви всех моих прикладных книг в домы мирския не давать и по кельям чернецам не давать же книг, занеже мирския люди брали книги и много за ними книг пропало, а чернецы крали книги и уносили. . .» (запись цит. в кн.: Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах. М., 1896. С. 5; Лупнов С. П. Книга в России в XVII веке. М., 1970. С. 78). Еще более решительно И. запрещал в своем духовном завещании давать книги «детем в научение», «робятом во училище». Интерес И. к отечественной истории проявился в затребовании из Владимира «железной стрелы великого князя Андрея Боголюбского», которая, судя по сообщению ярославского Хронографа с дополнениями (ГПБ, F.IV.679, 1720 г., л. 646), была прислана в Спасский Ярославский монастырь в 1695 г. Ряд книг из библиотеки И. сохранился в Ярославском музее-заповеднике.

Изд.: Сакович А. Г. 1) Неизвестный экземпляр Библии Пискатора из собрания ГМИИ // Тез. докл. науч. сессии, посвящ. итогам работы Гос. музея изобраз. искусств им. А. С. Пушкина за 1980 год. М., 1981. С. 15—17; 2) Библия Пискатора и ее владелец (в печати).

Лит.: Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 205, 337; 2) Словарь. С. 354; Отчет имп. Публичной

библиотеки за 1886 год. СПб., 1888. С. 149—164; Петров Н. И. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. М., 1891. Вып. 1. С. 26; Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. 3. С. 34—37, 56—60, № 1347(7), 1368(8); Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1981. Вып. 42. С. 168, № 93; Выставка новых поступлений 1970—1980 гг.: Каталог (ГМИИ им. А. С. Пушкина). М., 1982. С. 119, 184; Сакович А. Г. Народная гравированная книга Василия Кореня. 1692—1696. М., 1983. С. 41.

О. А. Белоброва

Иосиф (сер. XVI—нач. XVII в.) — монах, келейник патриарха *Иова*, один из авторов *Истории о разорении русском.* Может быть отождествлен с Иосифом Траханиотовым, присутствовавшим в марте 1604 г. на приеме Иовом грузинских послов (см.: Белокуров С. А. Сношения России с Кавказом. М., 1889. Вып. 1. С. 407). Согласно кормленой книге Галицкой четверти 1603—1604 гг. этот старец Чудова монастыря (являвшегося патриаршей резиденцией) получил деньги за своего родного брата Никифора Васильева сына и поручился за племянника Семена Никифорова сына Траханиотова (см.: Сухотин Л. М. Четвертчики Смутного времени (1604—1617). М., 1912. С. 5). Судя по документам и родословцам, на светском поприще И. выступал как Иван Васильев сын Траханиотов. Старший сын боярина Василия Юрьевича Малого Траханиота, одного из руководителей земской думы в начале опричнины, он упоминается в источниках с осени 1576 г., когда был назначен головой в поход к Колывани. Из разрядных книг известно, что в апреле 1577 г. И. как земский дворянин посылался для сбора ратных людей в Обонежскую пятину Новгородского уезда. Назначенный спустя месяц вторым воеводой передового полка в Калуге, он вступил в местнический спор с князем В. Д. Хилковым, чем вызвал «кручину» *Ивана IV.* В конце его царствования И. был наместником в Стародубе. В феврале 1585 г. он стал казначеем, причем в перечнях «начальствующих» Казенного двора неизменно называется первым. По А. А. Зимину, в 1589 г. И. являлся также думным дворянином (Зимин А. А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 199), но это указание не подтверждается источниками. И. принимал участие в возведении Иова на патриарший престол, приемах иноземных послов, походе 1590 г. против шведов в Прибалтику (ГПБ, Эрмитаж. собр., № 390, л. 736). В 1591—1592 гг. выполнял дипломатическую миссию в Крыму. Совместно с братом Никифором владел землями в Подмосковье (см.: Павлов-Сильванский В. Б. Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584—1586 гг. Т. А. Хлопова «с товарищи» // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986. С. 242, 247). Вероятно, в 1594 г. подвергся опале и был отправлен на воеводство в город Лозву в Сибири, где оставался до весны 1598 г. Сохранилась одна отписка И. пелымскому воеводе

П. М. Шаховскому, в которой находим пример рифмованной прозы (РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 149—150; Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 377—378). В сибирском летописном своде конца XVII в. говорится об основании И. Верхотурья и его воеводстве там (Книга записная. Томск, 1973. С. 7), но это известие опровергается документами. И. подписал *«Грамоту Утвержденную»* 1598 г. об избрании на трон *Бориса Годунова*, в которой значится среди участников Земского собора 1598 г. (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 44, 50). В 1600—1601 гг. он являлся «объезжим головой» в Китай-городе. Вскоре после этого постригся в монахи, по-видимому, в Чудовом монастыре, с которым Траханиоты были связаны с конца XV в. (в синодике этой обители имя И. появилось еще до того, как он стал иноком: ГПБ, F.IV.194, л. 74 об.). И. не последовал за Иовом в старицкий Успенский монастырь, но, будучи известен особой близостью к опальному патриарху, вероятно, в 1605 г. был выслан из Москвы. Не исключено, что из-под пера И. вышла *«Повесть, како отомсти...»* (ее автор — троицкий монах, ранее принадлежавший к кремлевскому духовенству). Как и в «Истории о разорении русском», в этой повести подчеркнуто коварство Бориса Годунова, отмечено, что никто не знает, сколько людей он погубил, сообщается о расправе Самозванца с его семьей (Татищев В. Н. История Российская. Л., 1968. Т. 7. С. 367, 385; Буганов В. И., Корецкий В. И., Станиславский А. Л. «Повесть, како отомсти» — памятник ранней публицистики Смутного времени // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 242, 243). В «Повести, како отомсти» приведены и оригинальные сведения о скитаниях *Григория Отрепьева* по провинциальным обителям, быть может восходящие к материалам патриаршего розыска 1604—1605 гг. В таком случае допустимо полагать, что при Самозванце И. оказался в Троице-Сергиевом монастыре, а после воцарения Шуйского вернулся в Чудов монастырь. По предположению В. И. Корецкого, он занимался летописанием в окружении *Гермогена*. Возможно, И. умер не ранее весны 1613 г., ибо в татищевском списке текст Истории обрывался на описании воцарения *Михаила Феодоровича*. Согласно родословцам И. имел сына Даниила, который в других источниках не упоминается.

Лит.: Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 84; Корецкий В. И. 1) «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева // ВИД. Л., 1973. Т. 5. С. 251—252, 259, 284; 2) История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 36, 114, 229; Солодкин Я. Г. 1) Кто он, летописец Иосиф // Русская речь. 1989. № 6. С. 66—70; 2) Русская публицистика начала XVII века. Проблемы происхождения крупнейших летописных памятников и «Временника» Ивана Тимофеева. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1991. С. 13—15.

Я. Г. Солодкин

Иосиф (1-я четв. XVIII в.) — старообрядец-поповец, архимандрит ветковского Покровского монастыря, автор «Слова возразительного на лжеучителей и раздирателей мира Божия, новоявившихся кадильников, притекших из многорассекательной страны». В 1720 г. это слово было разослано по разным ветковским слободам «за монастырскою печатью» и знаменовало собой начало письменной полемики ветковцев с дьяконовцами, переселившимися в 1720-х г. на Ветку с Керженца.

Изд.: Смирнов П. С. Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908. С. 162—170, 120—123.

Лит.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 274—276; Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. Киев, 1895. С. 211, 422.

Н. В. Понырко

Иосиф Артемьев (1-я четв. XVIII в.) — старообрядец-поповец, «согласник» Ветковского Покровского монастыря, автор «писания» против дьяконовцев 1725 г., от которого дошел только отрывок (ГПБ, Q.I.489, л. 71 об.). Главное положение, доказываемое И. А., состояло в том, что «трикратное каждение есть Христово» каждение, а дьяконовское «двократное» есть «еретическое а не святых отец предание».

Лит.: Смирнов П. С. 1) Из истории раскола первой половины XVIII в. СПб., 1908. С. 129—130; 2) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII в. СПб., 1909. С. 124, 279.

Н. В. Понырко

Иосиф Афанасьев (кон. XVII в.) — писатель и переводчик. Выученик Московского Типографского училища (Верхней школы) 1680-х гг., И. А. обучался у братьев *Иоанникия* и *Софрония Лихудов* греческому языку и риторике. Еще в ученические годы вместе с сотоварищами — *Феодором Поликарповым*, *Николаем Головиным*, Алексеем Барсовым, *Федотом Агеевым* и монахом *Иовом* составлял приветствия-«орации» патриарху *Иоакиму* (1689 г.) и патриарху *Адриану* (1691 г.). В том же 1691 г. И. А. в числе других учеников Лихудов выполнял перевод с новогреческого двух полемических сочинений — «Енхиридиона» иерусалимского патриарха Досифея (полное название — «Егхейридион, сиречь Сечиво или Мечец, посецающий калвинское умовредие») и «Опровержения калвинских глав» (иначе «Противоглаголания на изложенное исповедание христианскиа веры») Мелетия Сирига, критского иеромонаха (умер в 1662 г.). Этот ученический перевод сохранился в черновом экземпляре с инициалами каждого из переводчиков на начальных листах тетрадей и с правкой *Евфимия Чудовского* (ГИМ, Синод. собр., № 158). «Орации» и переводы И. А. не опубликованы.

Лит.: Сменцовский М. Братья Лихуды. СПб., 1899. С. 64, 72, 82, 232; Соболевский. Переводная литература. С. 351.

О. А. Белоброва

Иосиф Владимиров (сер. — 2-я пол. XVII в.) — иконописец из Ярославля, с 1640-х по 1660-е гг. работавший в Москве, автор Послания *Симону Ушакову.* И. В. участвовал в выполнении стенной живописи Успенского и Архангельского соборов Московского Кремля и храмов Ростова Великого. Он писал иконы для церкви св. Троицы в Никитниках в Москве (сохранилась икона «Сошествие св. Духа на апостолов» с подписью автора в виде клейма на обороте) и для Покровского собора. И. В. расписывал знамена в Оружейной палате. В 1660—1664 гг. он трудился на Московском Печатном дворе в качестве знаменщика (рисовальщика). В составе Сийского иконописного подлинника XVII в. (ГПБ, собр. ОЛДП, F.88, л. 92) сохранилась прорись с изображением «Нерукотворного Спаса» с упоминанием в польской надписи имени И. В., «зографа, московита». Этот рисунок И. В. был издан в Вене в 1663 г. в виде листка. Е. С. Овчинникова и А. И. Рогов установили, что в Москве И. В. общался с австрийским художником Пюннманом, сопровождавшим посольство имперского посла, барона Августина Мейерберга и составившим графический альбом к описанию путешествия. Е. С. Овчинникова приписывает И. В. рисунок плана Москвы, включенный в гравированную старцем Зосимой композицию титульного листа к московской печатной Библии 1663 г. В 1897 г. Н. П. Лихачевым были выявлены иконы XVII в. с поддельными подписями «государева изографа» И. В. В научной литературе И. В. иногда называют учеником Симона Ушакова, в то время как он был его современником, другом и единомышленником. Царскому изографу Симону Ушакову адресовал И. В. свое Послание — своеобразный трактат по искусству. Долгое время написание трактата относили к 1660-м гг.; А. А. Салтыков убедительно уточнил датировку — 1656—1658 гг. Это сочинение И. В., полностью опубликованное Е. В. Овчинниковой в 1964 г. по списку ГИМ, собр. Уварова, № 915, с разночтениями по другим спискам, дошло в 5 списках XVII—XIX вв. Послание состоит из двух частей. Одна посвящена обзору взглядов на искусство, почерпнутых из авторитетных источников (патристики, Священного Писания, грамматических трудов, сочинений о почитании икон и др.). В другой части излагается спор И. В. с сербским архидиаконом Плешковичем, осуждавшим новое западное направление иконописи Москвы XVII в. И. В. в своем трактате выдвигает понятие «живоподобия» и внешней (плотской) красоты; он пишет о портретах царских особ и о «персонографии», допуская письмо с натуры. И. В. подвергает резкому осуждению иконы ремесленного уровня («плошье»), написанные в селах Шуе, Палехе, Холуе, зато хвалит некоторые

западные образцы живописи и методы обучения мастеров западного толка. Цитируемые И. В. источники свидетельствуют о начитанности и образованности автора и о его западной («латынской») ориентации. Значение Послания И. В. в том, что это сочинение чвляется одним из первых эстетических трактатов XVII в.

Изд.: Буслаев. Историческая христоматия. Стб. 1450—1454 (отрывки); Мастера искусства об искусстве. М.; Л., 1937. Т. 4. С. 19—26 (отрывки); 2-е изд. М.; Л., 1969. Т. 6. С. 31—44; История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли. М., 1962. С. 441—454 (в пер. на соврем. рус. яз.); Овчинникова Е. С. Иосиф Владимиров: Трактат об искусстве // Древнерусское искусство. XVII век. М., 1964. С. 9—61.

Лит.: Сахаров И. П. Исследования о русском иконописании. СПб., 1849. Кн. 2. С. 63; Забелин И. Е. Материалы для истории русской иконописи // ВОИДР. М., 1850. Кн. 7. С. 8, 13, 24, 27; Ровинский Д. А. История русских школ иконописания до конца XVII в. // Записки Русского Археологического об-ва. СПб., 1856. Т. 8. С. 1—196 (переиздано под названием: Ровинский Д. А. Обозрение иконописания в России до конца XVII века. СПб., 1903. С. 8, 51, 126, 127, 141); Буслаев Ф. И. Русская эстетика XVII века // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 397—408 (переиздано в кн.: Сочинения Ф. И. Буслаева. СПб., 1910. Т. 2. С. 423—424); Румянцев В. Е. Сведения о гравировании и граверах при Московском Печатном дворе в XVI и XVII столетиях. М., 1870. С. 19; Филимонов Г. Д. Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства. М., 1873. С. 67—68, 80—83; Собко Н. П. Словарь русских художников. СПб., 1895. Т. 2, вып. 1. Стб. 527; Покровский Н. В. Сийский иконописный подлинник. СПб., 1896. Вып. 2. С. 51—52. (ПДПИ. Вып. 113); Лихачев Н. П. Царский «изограф» Иосиф и его иконы. СПб., 1897; Дмитриев Ю. Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 97—116; Робинсон А. Н. Идеология и внешность: (Взгляды Аваакума на изобразительное искусство) // Там же. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 353—381; Овчинникова Е. С. Загадочные монограммы: (О художественном творчестве Иосифа Владимирова) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 247—263; Салтыков А. А. Эстетические взгляды Иосифа Владимирова (по «Посланию к Симону Ушакову») // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 271—288.

О. А. Белоброва

Иосиф Кириллов (ум. после 1638) — мастер книгопечатного дела, вероятно автор предисловий и послесловий к изданиям, выпущенным в Москве и в Киеве. Впервые имя И. К. упоминается в послесловии к Минее общей, изданной Московской типографией в феврале 1618 г. Послесловие гласит, что работа выполнена «мастерством и труды многогрешнаго и неключимаго раба Иосифа Кирилова сына, повольского города Плеса, и прочих трудившихся». А. С. Зернова приписывает И. К. издание служебных миней за сентябрь и октябрь в 1619 г., за декабрь в 1620 г., за ноябрь в 1623 г.; в самих этих изданиях имя И. К. нигде не упоминается. Автор методических рекомендаций «Новые материалы. . .» замечает, что И. К., будучи мастером, руководил работой двух печатных станов в Московской типографии, но считает, что в 1620 г. его, скорее всего, уже не было в Москве, т. к. в

платежных документах Печатного двора за 1620 г. он ни разу не упомянут, а указ царя и патриарха о печатании служебной минеи на декабрь (1620 г.) адресован «печатного книжного дела мастера осиповские печати Кириллова мастеровым людям Алексею Невежину и вдовому дьякону Федору Семенову с товарищи» (ЦГАДА, ф. 1182, оп. 1, кн. 1, л. 298).

В 1624 г. И. К. работал уже в Киеве, куда был вызван из Львова киево-печерским архимандритом Елисеем Плетенецким для участия в издании богослужебных книг. В 1627 г. И. К., поставленный в иеромонахи Иовом Борецким, был назначен игуменом Львовского Свято-Онуфриевского монастыря. В ноябре 1634 г. между И. К. и Львовским братством произошел конфликт из-за попустительства игумена «беззакониям» монастырского повара, с которым он состоял в родстве. С помощью И. К. «злонравный» повар тайно бежал, а игумену пришлось удалиться из монастыря и искать помощи у митрополита, ибо братство в феврале 1635 г. взяло в игумены другое лицо. Однако благодаря вмешательству Петра Могилы (письмо от 18 сентября 1635 г.) И. К. вернулся на свой пост. Последнее упоминание о нем относится к маю 1638 г., когда игумен просил братство увеличить содержание монастырю.

Из работ И. К.-печатника наиболее интересна Псалтирь, изданная в типографии Киево-Печерской лавры в июне 1624 г., на иждивение дворянина Константина Долмата. Готовилась Псалтирь по Виленскому изданию 1623 г., но издатель сам сверял славянский текст с греческим и сделал некоторые исправления. Кроме того, в Киевской книге псалмы разделены на стихи, чего не было в прежних славянских изданиях. К тексту Псалтири были присоединены еще некоторые величания, тропари, молитвы и пасхалия. Заслуживает внимания предисловие к Псалтири, в котором сообщаются сведения о происхождении и содержании книги, делении ее на части, указываются особенности настоящего издания.

Ф. Титов высказал предположение, что упоминавшийся в связи с некоторыми другими изданиями Киево-Печерской лавры иеромонах Иосиф, «протосингел Александрийского патриаршего престола и поклонник святых земель Палестины и Синая», «священноинок Иосиф Святогорец» и монах И. К. являются одним и тем же лицом. Иосиф Святогорец участвовал в исправлении славянского перевода Бесед Иоанна Златоуста на Деяния святых Апостолов (Киев, 1624). Второе предисловие, упоминающее справщика, датировано 31 июля 1624 г. А «протосингел святейшего Великого престола Александрийского» Иосиф переводил с древнегреческого книгу «Преподобного отца нашего Дорофеа поучения душеполезна различна», изданную в Киеве в 1628 г.

Предисловие к Псалтири опубликовано целиком в кн. Ф. Титова и частично в «Описании» П. Строева.

Изд.: Строев П. Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф. А. Толстова и купца И. Н. Царского. М., 1841. С. 39—42, 53—55; Титов Ф. Приложения к первому тому «Типографии Киево-Печерской лавры». Киев, 1918. С. 86—90.

Лит.: Сахаров И. П. Обозрение славяно-русской библиографии. СПб., 1849. Т. 1. Кн. 2. С. 58, 70; Каратаев И. Описание славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами. С 1491 по 1652 г. СПб., 1883. Т. 1. С. 347—348, 375—376; Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1883. Т. 1. С. 396—397; приложение № 67. С. 290—292; Киев, 1898. Т. 2. С. 502, приложение № 23. С. 86—91; Титов Ф. Типография Киево-Печерской лавры. Киев, 1916. Т. 1. С. 137, 173, 212; Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII в.: Сводный каталог. М., 1958. С. 26—29; Новые материалы для описания изданий Московского Печатного двора. Первая половина XVII в. М., 1986. С. 6—7.

Е. Н. Матвеева

Иосиф Титов (2-я пол. XVII в.) — священник, автор Жития Макария, основателя Высокоезерского монастыря, построенного в 1673 г. По-видимому, братия монастыря вела борьбу с окрестными жителями. Автор Жития нашел Макария в 1683 г. едва живого от разбойничьих истязаний и причастил. По свидетельству И. Т., Макарий «повеле ми, многогрешному попу Иосифу, житие свое писать при кончине живота своего и сказа мне вся подробну. Аз же, многогрешный поп, житие его списах и в пустыни оставих в церкви Божии». Можно предположить, что это сочинение носило черты автобиографического повествования. Канонизирован Макарий не был. Основанная им Высокоезерская пустынь Новгородской епархии находилась в Олонецком, а затем, по другому административному делению, в Лодейнопольском уезде и принадлежала к Свирскому монастырю, с 1676 г. главенствующему в Олонецком крае. В 1764 г. пустынь была упразднена.

О Житии Макария Высокоезерского известно только из работы В. О. Ключевского, видевшего текст Жития в рукописи XVIII в. из собрания Е. В. Барсова. Шифра рукописи Ключевский не указал. Не была рукопись обнаружена и при переиздании в 1988 г. книги Ключевского.

Лит.: Амвросий. История русской иерархии. М., 1811. Ч. 3. С. 631; Ключевский. Древнерусские жития. С. 345 (ср. репринтное переиздание: М., 1988. Археографический обзор. С. 25); Барсуков. Источники агиографии. Стб. 335.

М. Д. Каган

Иродион Сергеев см. *Сказание о осаде Тихвинского монастыря шведами в 1613 г.*

Исаак (в миру Иван Дмитриевич Мокринский) (ум. 1724) — архимандрит Далматовского Успенского монастыря, автор Известия об основании Далматовского монастыря и нескольких челобитных. Отец И. Дмитрий Иванович Мокринский (в иночестве Далмат), происхо-

дивший из рода тобольских служилых людей, принял постриг в невьянском Богоявленском монастыре, а в 1644 г., прибрав обманным путем владения татарского мурзы Илигея, основал на р. Исети Успенскую Далматовскую пустынь, превратившуюся впоследствии в один из крупнейших в Зауралье монастырей. В отличие от этой версии, изложенной в составленном И. Известии, В. Н. Татищев на основании каких-то недостоверных слухов сообщает, что Далмат в миру был священником Демианом, который, впав в раскол, ушел в пустынь, где прожил 10 лет, после чего был обращен в православие тобольским архиереем и, узнав о смерти жены, принял монашество (Татищев. Избранные произведения. . . С. 252).

И., служивший в Тобольске, овдовев, около 1650 г. постригся в основанном отцом монастыре, более 10 лет исполнял здесь обязанности чтеца, в 1666 г. стал иеромонахом, а через год — игуменом. Вместо него чтецом в монастыре был назначен его духовный сын *Афанасий* (будущий архиепископ Холмогорский и Важеский). Около 1668—1669 гг. И., очевидно за связь с раскольниками, был отстранен от игуменства и лишь в 1675 г. назначен строителем монастыря с разрешением совершать некоторые службы и принимать на исповедь духовных детей. В августе 1677 г. он вновь попал в опалу и вместе с Афанасием, являвшимся тогда игуменом, был сослан «за церковные вины» в Енисейский Спасский монастырь, откуда оба они через год были возвращены. И. опять назначили игуменом, но без права вести службу и принимать на исповедь мирян. В 1679 г. он по распоряжению тобольского митрополита Павла отправляется в исетскую деревню Мостовку для «уговору» местных крестьян-старообрядцев во главе с *Бархатовым Иваном*, грозивших самосожжением из-за притеснений светских и церковных властей (ЦГАДА, ф. 938, оп. 1, д. 1, л. 48 об.). В 1682 г. И. также принимает участие в увещевании собравшихся в Утяцкой слободе раскольников, но безуспешно: в декабре того же года здесь произошло массовое самосожжение (ПСРЛ. М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. С. 218—219). В 1685 г. с И. окончательно снимают все запрещения, но при условии, «чтоб расколов никаких не творил» (см.: Кривощеков А. Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия // Вестник Оренбургского ученого округа. Уфа, 1914. № 5. С. 210). Слухи о тайной принадлежности И. к расколу отразил донос далматовского постриженника, бывшего игумена невьянского Богоявленского монастыря Евсевия Левонова, написанный уже после смерти архимандрита, где, в частности, говорится, что И. «расколник, под видом благочестия прикрывшийся, и злолихоимец и грабитель, а отец того И. Долмат, которой заводил монастырь, был злой раскольник и святыя тайн не приобщался, так и душу свою без покаяния, удаляяся от святыя церкви, изверже», как, впрочем, и его сын И., выплюнувший перед смертью святое причастие, чему свидетелем якобы был сам Левонов (ЦГИА, ф. 796, оп. 7, № 40, л. 91 об.—92).

В 1694 г., во время «путного шествия» тобольского митрополита *Игнатия Римского-Корсакова* по епархии, И. принимал участие в открытии мощей и канонизации Симеона Верхотурского. В 1702 г. в связи с проводимой в Сибири централизацией церковного управления И. был поставлен в архимандриты, а в его подчинении помимо Далматовского оказались Тюменский Преображенский, Рафаилов, Николаевский Верхотурский, а позднее и невьянский Богоявленский монастыри.

И. оставил заметный след в истории Далматовского монастыря. При нем велось широкое каменное строительство, расширились земельные владения, значительно увеличилась монастырская библиотека, куда он сам давал книжные вклады. По сообщению В. Н. Татищева, впервые побывавшего в Далматовском монастыре в 1721 г., И. был владельцем уникальной рукописи — Летописца Тобольского ротмистра *Станкевича*, скопированного историком и использовавшегося им в своих сочинениях (Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 20; Л., 1968. Т. 7. С. 438). После смерти И. оригинал Летописца попал в монастырскую книгохранительницу, откуда его в 1736 г. увез В. Н. Татищев и передал в числе других своих книг в библиотеку Екатеринбургской горной школы. Нынешнее местонахождение этой рукописи неизвестно. Татищевская копия, очевидно, погибла в 1750 г. (см. Манькова И. Л., Шашков А. Т. Летопись ротмистра Станкевича и В. Н. Татищев // Исследования и исследователи Оренбургского края. XVIII — начало XX в.: Мат. регион. науч. конф. Свердловск, 1983. С. 155—157).

Известие об основании Далматовского монастыря (сохранилось в копии XVIII в. — ГИМ, Синод. собр., № 843, л. 1—2) было написано И. между 1708 и 1711 гг. в связи с сильным пожаром, уничтожившим часть монастырского архива, и имело своей целью обоснование и подтверждение прав монастыря на земельные владения, поэтому в произведении логически выделяются две части: 1) подробный рассказ о старце Далмате и об основании им монастыря и 2) перечень и краткая характеристика производившихся правительством переписей монастырских земель. Относясь в целом к жанру исторической повести, Известие вместе с тем испытало на себе сильное влияние агиографического канона.

Челобитные, составлявшиеся И. на имя царей по разным поводам (см. издание Н. И. Тихомирова), имеют в своей начальной части довольно устойчивый элемент — краткий очерк истории Далматовского монастыря, где акцент делается на бедствиях и трудностях, которые выпали на долю монастырской братии.

Изд.: Тихомиров Н. И. К истории Далматовского монастыря // ЧОИДР. 1886. Кн. 4. Отд. 5. С. 18—24; Вкладные книги Далматовского Успенского монастыря (последняя четверть XVII — начало XVIII вв.): Сб. док. / Сост. И. Л. Манькова. Свердловск, 1992 (в печати).

Лит.: Самойлов Н. Историческое описание Далматовского Успенского монастыря. М., 1830; Шишонко В. Пермская летопись с 1263—1881 г. Пятый период: С 1682—1725 г. Пермь, 1885. С. 119—120; Дмитриев А. Пермская старина. Пермь, 1900. Вып. 8. С. 103—107; Плотников Г. С. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря. 4-е изд. Екатеринбург, 1906; Верюжский В. М. Афанасий, архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII в. СПб., 1908. С. 9—14, 20—22; Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание рукописей А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1973. Ч. 2. С. 44, 133; Татищев В. Н. Избранные произведения. М., 1979. С. 252—253; Гузнер И. А. Книжное собрание В. Н. Татищева в составе библиотеки Екатеринбургской горной школы // Сибирское собрание М. Н. Тихомирова и проблемы археографии. Новосибирск, 1981. С. 164; Манькова И. Л., Шашков А. Т. 1) Библиотека Далматовского монастыря в XVII—первой четверти XIX в. // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 47—56; 2) Из истории формирования библиотеки Далматовского монастыря в XVII—XVIII вв. // Русская книга в дореволюционной Сибири: Государственные и частные библиотеки. Новосибирск, 1987. С. 55, 61—64; Манькова И. Л. 1) Жизнь и деятельность архимандрита Далматовского Успенского монастыря Исаака // Областные научные чтения памяти П. А. Флоренского: Тезисы докладов. Тюмень, 1989. С. 27—29; 2) Неопубликованные материалы по истории Далматовского Успенского монастыря // Культура и быт дореволюционного Урала. Свердловск, 1989. С. 32—45; Шашков А. Т. Яков Борисов сын Лепихин (из истории уральского старообрядчества конца XVII в.) // Там же. С. 52—53, 58.

И. Л. Манькова, А. Т. Шашков

Исаакий (сер. XVII в.) — строитель Костромской Геннадиевой пустыни, участник полемики с лютеранами — пастором Фельгабером и другими придворными датского королевича Вальдемара, находившегося в 1644—1645 гг. в Москве в качестве жениха царевны Ирины Михайловны. И. — украинец по происхождению. В Киеве жили его братья, одного из которых, Богдана Сомковича, «киевского бурмистра», хорошо знал *Арсений Суханов.* В декабре 1649 г. Арсений привез из Киева грамоту И. «от братьев его родных»; в июле 1649 г. Богдан Сомкович информировал Арсения о военных действиях Богдана Хмельницкого; в апреле 1650 г. прислал Арсению «корм».

Прения с лютеранским пастором и помогавшим ему литовским послом «каталяром» Гавриилом Стемпковским были вызваны нежеланием Вальдемара креститься по православному обряду, на чем настаивала русская сторона. И. вступил в полемику на ее заключительном этапе, когда выяснилось, что богословских догматических и обрядовых знаний *Иоанна Наседки*, автора основного антилатинского сочинения «Списания обличительна», и его товарищей явно не достаточно для спора с сильными противниками. Иоанн Наседка не знал греческого языка, так что к «прениям» пришлось привлечь оказавшихся в Москве греков — Анфима, архимандрита иерусалимского патриарха Феофана, и Парфения, архимандрита всехсвятского Метеорского монастыря. Царский двор разыскивал И. специально, имея о нем самые неточные сведения, не зная даже его имени: 13 мая 1645 г. царь *Михаил Феодорович* прика-

зал своему боярину и дворецкому князю А. М. Львову «отыскать киевлянина чернеца Исайю, который бывал в Генадьеве пустыни игуменом, а ныне в строителех на Костроме или в Галиче, а ведает про нево подлинно, где он ныне, из Переяславля Никитского монастыря келарь». Отыскавши, велено было прислать чернеца в Посольский приказ к дьякам Львову и Кудрявцеву «для государева дела». В начале июня И. прибыл в Москву «с провожатыми, служками, поварком и с невеликим обиходцем», а с 15 июня получил по своему челобитью «корм» от государя по шести алтын и четыре деньги на день.

И. сразу же занял председательское место в группе участников спора, куда входили Иоанн Наседка, собора Черниговских чудотворцев протопоп *Михаил Рогов*, справщики *Захарий Афанасьев Подосенов* и *Шестак Марьтемьянов*. Ими были составлены «Выписки из правил на еретиков», для чего использованы первое правило Василия Великого об еретиках с толкованием на него из «Пандектов» Никона Черногорца, вторая глава первого состава из Матфея Властаря о еретиках и способах принятия их в церковь и небольшая выдержка из Евангельских бесед, объясняющая значение воды и трехкратного погружения при крещении. Эти материалы нужны были для доказательства неистинности обливательного крещения лютеран.

4 июля 1645 г. И. участвовал в прениях с пастором Фельгабером, маршалком Адамом Индриком Пенцем и литовским послом Гавриилом Стемпковским. Основным полемическим документом, составленным при участии И., явились «Ответы на письмо немчина Матфея обличительны». Они не представляли собой оригинального сочинения, а использовали уже фигурировавшие в полемике источники — «Списание обличительно» Иоанна Наседки, «Изложение на люторы» из *Кирилловой книги*, Катехизис *Лаврентия Зизания*, творения Иоанна Златоуста, Иоанна Дамаскина, Василия Великого, Дионисия Ареопагита, Григория Богослова, а также летописи и Катехизис Симона Будного. Кроме разбора трактата Матфея Фельгабера были составлены «Обличения на писмо литовского посла каталяра, которое подал, помогаючи королевичу» — отклик на послание, состоящее из пяти вопросов Гавриила Стемпковского, в которых он защищал действительность и неповторимость обливательного крещения.

Участие в полемике хорошо начитанного книжника, каким был И., получивший образование, скорее всего, в украинских школах, сказалось на характере последних полемических документов. В отличие от «Списания обличительна» Иоанна Наседки, неоправданно большого по объему, отвлекающегося на второстепенные вопросы, полемические сочинения И. сжаты, приводят только главные аргументы; автор «Ответов» знал греческий язык и ссылался на греческий текст Священного писания. В «Ответах» приводятся и исторические примеры — упоминаются псковские князья-иностранцы Довмонт и Андрей, сын Ольгерда, крестившиеся, придя на Русь.

Последние документы, составленные при участии И. для дальнейших устных прений, не были использованы, т. к. полемика была прервана кончиной царя Михаила Федоровича, случившейся в ночь на 13 июля 1645 г. Царь *Алексей Михайлович* отказался от предполагавшегося брака сестры и в августе отпустил королевича Вальдемара из Москвы с богатыми подарками. Были награждены и участники прений. В документах сохранились столбцы, по склейкам которых помечено: «153 июля в 20 день государь пожаловал Геннадиевой пустыни строителя Исаака, велел ему дать своего государева жалования в приказ 10 рублев из Новгородские чети».

Изд.: Голубцов А. Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. Отд. 2. С. XIX—XX, XXII—XXIV, 229—231, 232—240, 263—308, 309—315.

Лит.: [Никольский А.] Материалы для истории русско-церковной полемики против лютеранства в первой половине XVII столетия // ПС. 1861. Ч. 2. С. 241—276, 391—418; Соколов И. И. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М., 1880. С. 99—123; Цветаев Д. В. 1) Из истории брачных дел в царской семье Московского периода. М., 1884. С. 67—75, 87—105; 2) Литературная борьба с протестантством в Московском государстве. М., 1887. С. 110—122; 3) Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 657—669; Голубцов А. Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 265—267, 271, 297—306, 309, 313, 358—360; Белокуров С. Арсений Суханов. М., 1891. Ч. 1: Биография Арсения Суханова // ЧОИДР. 1891. Кн. 1. С. 198, примеч. 59; Ч. 2: Сочинения Арсения Суханова // Там же. 1894. Кн. 2. С. 215; Булычев А. А. О публикации постановлений церковного собора 1620 г. в мирском и иноческом «Требниках» (М., 1639) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 2: XVI—начало XVIII веков. С. 53—62.

М. Д. Каган

Исайя (сер. XVII в.) — переводчик, сотрудник *Епифания Славинецкого.* Биографических сведений о нем нет. К. Харлампович высказал предположение, что это Межигорский старец, прибывший в Москву в конце сентября 1651 г. и поселенный в Андреевском монастыре. И. принимал участие в работах по переводу атласа Иоганна Блеу, а именно тома, содержащего описание Италии, Греции, Шотландии и Ирландии (ГИМ, Синод. собр., № 204, 708 — черновик). В рукописи указано, что это перевод «Исаии, товарища Епифаниева». На основании того, что глава, посвященная Англии, написана таким же почерком и очень близка по языку (ученый церковно-славянский, с полонизмами и южно-русизмами), А. И. Соболевский атрибутировал перевод и этой главы И. (ГИМ, Синод. собр., № 41). Работа над атласом велась, по мнению Б. Е. Райкова, в период между 1655—1657 гг. Тексты сохранились в автографах переводчиков (Епифания Славинецкого, *Арсения Сатановского* и И.). Все чистовые списки имеют вкладную патриарха *Никона* 1661 г., возможно, были изготовлены лично для него, а потом переданы в патриаршую библиотеку.

Лит.: Савва, архимандрит. Указатель для обозрения московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки. 2-е изд. М., 1858. С. 195; Соболевский. Переводная литература. С. 62, 286; Харлампович К. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 141; Райнов Т. Наука в России XI—XVII веков. М.; Л., 1940. С. 426; Райков Б. Е. Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1947. С. 121, 124; Лебедев Д. М. География в России XVII в. М.; Л., 1949. С. 211; Будовниц. Словарь. С. 123.

Е. Н. Матвеева

Исидор (сер. XVI в.—10.IV.1619) — митрополит новгородский и великолуцкий, автор поучения, грамот и писем, библиофил. Происхождение И. неизвестно. Может быть отождествлен со старцем Исидором, который в 1578/1579 г. с клирошанином Исааком и детьми боярскими ездил «в Вирму», а в 1582 г. участвовал в описи имущества Соловецкого монастыря при вступлении в должность нового игумена *Иакова* (см.: Кукушкина М. В. Библиотека Соловецкого монастыря в XVI в. [Ч. 2] // АЕ за 1971 г. М., 1972. С. 350; Зверева С. Г. Мастера пения Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей XVI—первой половины XVII в. // Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 349). В 1590/1591 г. значится старцем Соловецкого монастыря (ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 5, л. 2 об., 65). Согласно «данной» А. П. Клешнина в Троице-Сергиев монастырь в 1593—1594 гг. являлся келарем этой обители (см.: Шумаков С. А. Тверские акты. Тверь, 1896. Вып. 1. С. 111; ГБЛ, ф. 303, № 539, л. 77). По записи на списке *Жития Сергия Радонежского*, принадлежавшем *Авраамию Палицыну*, И. вместе с Палицыным и Илией по распоряжению царя тогда же был переведен в Троицу из Соловецкого монастыря (см.: Летописец Соловецкий с 1429 по 1847 год. 4-е изд. М., 1847. С. 70, примеч.). Относительно «старца Аврамея» это известие неверно, Илия же в челобитной на имя Василия Шуйского относил свой перевод в Троицу к 1592—1593 гг. (ГПБ, Солов. собр., № 18/1477, л. 196 об.). Возможно, И. стал троицким келарем именно тогда. По-видимому, он был постриженником Соловецкого монастыря и в начале 1590-х гг. занял среди его братии заметное место. В мае 1597 г. И. возвращается в Соловецкую обитель в качестве ее игумена (см.: Кукушкина М. В. Библиотека. . . С. 351); в одной из расходных книг монастыря есть его рукоприкладство (ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 7, л. 11—20, 36—43). Участвовал в работе земского собора, избравшего *Бориса Годунова* на трон (ААЭ. Т. 2. С. 42; ЧОИДР. 1912. Кн. 2. Смесь. С. 40). 6 февраля 1603 г. в Москве «рукою» патриарха *Иова* хиротонисан в митрополиты Новгородские и Великолукские, причем «избрал его на митрополию сам. . . царь и великий князь Борис Федорович» (Новгородские летописи. СПб., 1879. С. 150; ср. с. 351). В апреле 1604 г. приводил к присяге на верность новому царю Федору Борисовичу армию под Кромами, сражавщуюся с войсками Самозванца (РИБ. СПб., 1909. Т. 13. Стб. 40; ПСРЛ. М.,

1965. Т. 14. С. 64). 1 июня 1606 г., во время «междупатриаршества», венчал на царство Василия Шуйского, а затем участвовал в церемонии поставления на патриарший престол *Гермогена* (ААЭ. Т. 2. С. 104—106; Творения святейшего Гермогена, патриарха Московского и всея России. М., 1912. С. 105, 106). По сообщениям В. Н. Татищева, И. «очень дружно жил» со вторым новгородским воеводой М. И. Татищевым и в 1608 г., когда тот вместе с М. В. Скопиным-Шуйским бежал из города, упросил новгородцев обратиться к ним с «молением» о возвращении (Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1966. Т. 6. С. 324—325; ср.: ПСРЛ. Т. 14. С. 85). Вслед за П. Г. Любомировым, однако, нельзя говорить, что И. «усмирил мятеж в Новгороде» (см.: Русская энциклопедия. СПб., [Б. г.] Т. 9. С. 71). Во время штурма Новгорода шведами (16 июля 1611 г.) устроил крестный ход. По свидетельству *Летописца Нового*, И. стоял «на градской стене, поя молебны»; увидев же «крепкое стоятельство» софийского протопопа Амоса, бывшего тогда у него «в запрещении», «прости и благослови его за очи, зря на двор его» (ПСРЛ. Т. 14. С. 114; Новгородские летописи. С. 353). Вскоре И. вместе с воеводой И. Н. Большим Одоевским сдал Кремль шведскому военачальнику Я. П. Делагарди и подписал с ним договор о приглашении «на Новгородское государство, также, буде похотят, на Владимирское и на Московское государство, государем царем и великим князем всеа Русии» одного из шведских королевичей. В период шведской оккупации Новгорода (1611—1617 гг.) И., входя в состав местной русской администрации, участвовал в переговорах об избрании на престол «Новгородского государства» Густава Адольфа, а затем Карла Филиппа. С И. поддерживало связи руководство Второго ополчения, «земские власти» известили его об освобождении Москвы в 1612 г. (ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. С. 285—294). В связи с тем, что шведский принц не торопился в Новгород, а оккупанты чинили там грабежи и насилия, не останавливаясь и перед разорением церквей и монастырей, И. склонился к мысли о необходимости признания власти московского государя. В царской грамоте новгородцам, составленной по случаю заключения Столбовского мира со Швецией, дается высокая оценка «пастырству» И., он был приглашен в Москву «царские очи видети» (АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 453—455). При освобождении Новгорода И. устроил крестный ход, он встречал прибывших туда из Столбова русских послов (Новгородские летописи. С. 445—446; РИБ. Т. 13. Стб. 134); вероятно, вскоре после этого побывал в Москве. Считается, что И. просил *Михаила Феодоровича* отпустить его «на покой» в Соловецкий монастырь. Вызванный царем в столицу (возможно, в связи с приездом в Россию иерусалимского патриарха Феофана), И. умер там на Соловецком подворье; по завещанию погребен в новгородском Софийском соборе.

И. принадлежит сочинение «Новопоставленному иерею на поучение себе и своим детем духовным», написанное в традициях учительного

красноречия (ГБЛ, собр. Большакова, № 318, л. 273—280). Возможно, И. принадлежит речь при венчании на царство Василия Шуйского (см.: Историческая хрестоматия церковно-славянского и русского языка. Составил А. Галахов. М., 1848. Т. 1. С. 364—366), которая в литературе безосновательно приписывается Гермогену. Им (или в его канцелярии) составлены грамота в Соловецкий монастырь, разоблачающая *Григория Отрепьева* (январь 1605 г.; видимо, этот документ основан на материалах патриаршего розыска о Самозванце), грамоты о наделении землей митрополичьих приказных (так называемые поместные) и о сборе «софийской дани», грамота о молитве за царя Василия по поводу победы над восставшими в 1606 г., включающая послание Гермогена. В известном Строгановском сборнике начала XVII в. находим грамоту И. в Ярославль, призывающую власти Второго ополчения избрать на русский престол шведского королевича (ГПБ, Q.IV.17, л. 487 об.—492; грамота остается неопубликованной). Остается неизданной и грамота И. псковскому «владыке» о поставлении вологодского архиепископа (см.: Дубровина Л. И. История о Казанском царстве (Казанский летописец): Списки и классификация текстов. Киев. 1989. С. 116). В сохранившихся письмах И. идет речь о его вкладах в Соловецкий монастырь. От имени И. и других «чинов» «Новгородского государства» составлены челобитная шведскому королю Густаву Адольфу и грамота Михаилу Федоровичу (см.: ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. С. 43—47; Фигаровский В. А. О грамоте новгородского правительства в Москву в 1615 г. // Новгородский исторический сборник. Л., 1937. Вып. 2. С. 73—82).

По признанию *Ивана Тимофеева*, его «Временник» написан «повелением» И.: тот «начати принуди (дьяка. — *Я. С.*) иже богонаказательных в Рустей земли вещей», отклонив возражения «списателя» (Временник Ивана Тимофеева. М.: Л., 1951. С. 149—150, 326—327; ср. с. 433). Однако подобно В. О. Ключевскому нельзя полагать, будто И. принадлежит замысел «Временника» (Ключевский В. О. Соч. М., 1959. Т. 7. С. 443); вероятно, митрополит знал о литературных занятиях Тимофеева, начавшихся гораздо раньше окончания шведского «плена», и предложил ему объединить разрозненные заметки, уделив в своем труде особое место судьбе Новгорода в годы Смуты.

И. известен щедрыми вкладами в Соловецкий монастырь. Помимо денег и «рухляди» он прислал туда немало книг. По подсчету А. И. Лилова, владельческие записи И. имеются в семи рукописях соловецкой библиотеки; очевидно, он передал в близкую ему обитель и ряд других книг. Среди оказавшихся на Соловках рукописей И. — два Евангелия, Псалтирь, Лествица толковая, три Триоди, *Круг миротворный*, Требник, Стихирарь, *Житие Иоанна*, а также Евфимия и Ионы, новгородских архиепископов, сборник, содержащий *Житие Иоанна Златоуста*, послание *Сильвестра* князю А. Б. Горбатому и другие произведения (см.: Кукушкина М. В. Собрания книг, по-

ступившие в Соловецкую библиотеку в виде вкладов // Русские библиотеки и частные книжные собрания XVI—XIX веков. Л., 1979. С. 83, 85; ЛОИИ, к. 2, № 137, л. 140, 150, 155; № 141, л. 147 об., 154 об., 161, 169 и др.). И. был владельцем чина венчания Бориса Годунова (ГПБ, Солов. собр., № 1184/1294 — по записи на рукописи ее следовало «положити в Софейском доме»), экземпляра первопечатного Апостола (см.: Немировский Е. Л. Возникновение книгопечатания в Москве: Иван Федоров. М., 1964. С. 271, 276), также Хронографа и Круга миротворного (см.: ЦГАДА., ф. 1201, оп. 1, № 256, л. 19, 21, 22 об., 23 об., 31 об., 32, 34 об., 35; № 224, л. 45, 65).

Изд.: СГГД. М., 1819. Ч. 2. С. 588—591; ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 81—84; Досифей (Немчинов). Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря. М. 1836. Ч. 3. С. 198—214; АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 112—113, 221—222, 340—341, 372—373, 397—398.

Лит.: Досифей (Немчинов). Географическое, историческое и статистическое описание... М., 1836. Ч. 1. С. 95—96; [Лилов А. И.] Библиотека Соловецкого монастыря // ПС. 1859. Ч. 1. Февраль. С. 200—201; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 36, 816; Воробьев Г. А. Смутное время: Деятельность Русского духовенства (1605—1613) // Русский архив. 1892. № 1. С. 13, 39, 40; РБС. СПб., 1897. [Т. 8]. С. 148—149; Здравомыслов К. Я. Иерархи Новгородской епархии от древнейших времен до настоящего времени. Краткие биографические очерки. Новгород, 1897. С. 36—38; ПБЭ. Пг., 1904. Т. 5. Стб. 1070—1071; Иванов Ф. Церковь в эпоху Смутного времени на Руси. Екатеринослав, 1906. С. 31, 94, 183—184; Замятин Г. А. К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1611—1616 г.). Юрьев, 1913; Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 102, 103, 107—108, 113, 143, 144, 180, 181, 193, 210, 211. 218—219, 222, 223; Баренцов В. А., Коваленко Г. М. Хроника «бунташного» века: Очерки истории Новгорода XVII века. Л., 1991. С. 33, 42, 48—49, 51, 154.

Я. Г. Солодкин

Исидор Сназин (конец XVII в.) — автор Мазуринского летописца. Указание на его авторство и на написание И. С. еще одного крупного летописного произведения имеется в тексте Мазуринского летописца: «...а подробнее обо все ево похождении и о войне писано в другом летописце, — замечает автор в рассказе о нашествии Батыя, — моем же, Сидора Сназина» (ПСРЛ. Т. 31. С. 68). Наиболее вероятно предположение, что речь идет о пространной редакции Мазуринского летописца, неизвестной исследователям. Летописные компиляции в конце XVII в., как правило, создавались в несколько этапов, от наиболее пространного свода выписок из источников до тщательно отредактированного и унифицированного в литературном отношении текста, каким является текст единственного имеющегося в нашем распоряжении списка Мазуринского летиписца. Почерк этого белового списка (ЦГАДА, собр. Мазурина, № 522) соответствует почерку приписок в важном памятнике русской историографии конца XVII в. — чудовском церковно-историческом справочнике, составлявшемся со

второй половины 1670-х гг. до 1696 г. (ГИМ, Муз. собр., № 1499, л. 39 и др.). В свою очередь, основной полууставный почерк справочника соответствует почерку чудовского синодика, написанного во второй половине 1670-х гг. и дополнявшегося до конца XVII в. (ГИМ, Синод. собр., № 576/290), который по палеографическим признакам бесспорно принадлежит патриаршему летописному скрипторию, где создавались и переписывались крупнейшие русские летописные памятники конца XVII в. Следовательно, автор Мазуринского летописца был членом скриптория, как это предполагал В. И. Корецкий, исходя из содержания памятника. По-видимому, И. С. занимал в скриптории довольное видное место. Достаточно сказать, что в синодике, включавшем кратчайшие поминовения выходцев из наиболее видных боярских и княжеских родов, были записаны сразу три представителя рода Сназиных — мелких новгородских детей боярских.

Долю и форму участия И. С. в работе патриаршего скриптория над летописными сводами и компиляциями определить трудно. Для изучения его творчества наибольшую ценность представляет авторское произведение — Мазуринский летописец. Беловой список памятника, сделанный в первой половине 1680-х гг. с черновика, имевшего в тексте лакуны, оставленные для записи уточненных дат, имен, а иногда и целых летописных статей, имеет заглавие: «Книга, глаголемая летописец великия земли Росиския, великаго языка словенскаго, отколе и в кои лета начаша княжити» (л. 1). Повествование начинается от потопа и сыновей Ноя, содержит легендарный рассказ о начале Русской земли и продолжается многочисленными статьями, содержащими в основном сведения о жизни и подвигах христианских мучеников. Далее автор сообщает немало любопытных сведений о происхождении славян и Древней Руси и переходит к изложению отечественной политической и церковной истории, завершая текст подробными повременными записями начала 1680-х гг. Список механически обрывается на записи за 27 декабря 1682 г. Поскольку повременные записи (настолько частые и подробные, что М. Н. Тихомиров и В. И. Буганов рассматривал их как повесть или сказание о Московском восстании 1682 г.) начинались примерно с кончины *Феодора Алексеевича* 27 апреля 1682 г., можно предположить, что основной текст датируется этим временем, и к концу 1682 г. произведение было близко к завершению.

Мазуринский летописец выделяется в ряду современных летописных памятников богатством и неординарностью содержания. Он стоит наиболее близко к авторским произведениям, в которых отразились уже многочисленные элементы историографии нового времени, таким как «Созерцание краткое» *Сильвестра Медведева*, «Скифская история» *А. И. Лызлова*, «Синопсис» *Иннокентия Гизеля*, «Хроника» *Феодосия Сафоновича*, «Летописец» Леонтия Боболинского

и др. Вместе с тем форма Мазуринского летописца подчеркнуто традиционна: это хронологически последовательные и чаще всего не связанные между собой небольшие летописные статьи, начинающиеся с указания «лета» и представляющие собой внутренне законченное повествование об отдельном событии. Отбор статей, по-видимому, не был обусловлен определенной политической концепцией. Вместе с тем круг источников И. С. был весьма разнообразен. Автор использовал *Пролог*, Четьи-Минеи, святцы, *«Откровение» Мефодия Патарского*, *Патерик Киево-Печерский*, различные редакции *Хронографа Русского*, *Летопись Лаврентьевскую* или близкую к ней, *Летописи Никоновскую*, *Софийскую I*, *Новгородскую III*, *Летописец Новый*, Летопись о многих мятежах и др. И. С. привлек также сведения из *Хроники Мацея Стрыйковского* (вероятно, по одному из русских переводов), *Житие Филиппа митрополита*, Соборную грамоту 1570 г., разрядные записи и многие другие, не установленные пока источники. Не исключено, что ряд источников использовался автором не непосредственно, а через не известные нам летописные памятники второй половины XVII в., однако не менее вероятно и то, что таким промежуточным этапом была первая, пространная редакция самого Мазуринского летописца.

Специфическим и поистине замечательным явлением в летописании конца XVII в. является подчеркнутый объективизм изложения в летописи И. С. Автор точно, местами скрупулезно точно описывает происходившее, почти ничем не проявляя своего отношения к событиям.

Сообщая непроверенные сведения, он предпочитает сослаться на источник, даже если речь идет об официальном сообщении (доверие к которым среди летописцев второй половины XVII в. было весьма велико). Эта особенность Мазуринского летописца увеличивает ценность его сообщений (в том числе, как отметил М. Н. Тихомиров, о событиях XIII в.), но поистине незаменимой она делает последнюю его часть, посвященную событиям, непосредственно находившимся в поле зрения автора.

Изд.: ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 3, 11—179.

Лит.: Тихомиров М. Н. 1) Записки приказных людей конца XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 443—444, 448—450; 2) Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 51—52; Буганов В. И. 1) Летописные известия о Московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны: Сб. статей памяти академика М. Н. Тихомирова. М., 1967. С. 315; 2) Московские восстания конца XVII в. М., 1969. С. 28—29; Корецкий В. И. Мазуринсий летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени // Славяне и Русь: Сб. статей. М., 1968. С. 282—290; Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» М., 1988. С. 60—75.

А. П. Богданов

«История вкратце о Бохеме, еже есть о земле Чешской» — переводной памятник, излагающий древнюю легендарную историю Чехии. Начинается И. с краткой географической справки («Бохема... часть земли Немецкой»... «Албие — река чрез землю идет. Прага — град великий, глава земле»... «Люди словенским языком говорят, имеют грады крепки»...). Приводится история основания государства братьями Чехом и Лехом, поселившимися потом севернее в польских краях, описываются обычаи и нравы чехов, рассказывается об установлении их государственности — сначала они жили как дикие люди, но затем выбрали себе правителем и судьей Крока, ставшего первым чешским государем. Из трех его дочерей править стала Любуша, взявшая себе в мужья «орача» (пахаря) Премысла, выбранного благодаря чудесным приметам и предсказаниям. В 723 г. Любуша основала Прагу. Большое место в И. занимает описание войны чешских амазонок во главе с мудрой девицей Властой; читателя привлекало здесь обилие жестоких и кровавых эпизодов. Затем кратко упомянуто княжение преемников Премысла — еще языческих государей, и более подробно — правление первого христианского князя Боривоя. Первым архиепископом при нем был святой Кирилл-грек; к княжению Боривоя приурочена легенда об отшельнике Иване Карвацком. Боривой умер, согласно И., в 910 г. После него началась жестокая борьба между христианами и язычниками, во время которой была убита его вдова Людмила. Междоусобие продолжалось и при их внуках, из которых Вацлав (или Вячеслав) был убит своим братом Болеславом в церкви. Заканчивается И. кратким перечнем чешских правителей, доведенным до Габсбургов — Максимилиана и Рудольфа, т. е. до 1611 г.

В исследованиях XIX—нач. XX в. источником И. считалась статья о Чехии из *Хроники Мартина Бельского*, переведенной на русский язык в 1584 г. Однако существенные отличия И. от текста Бельского привели современных филологов А. М. Панченко и В. П. Степанова к выводу, что источником для И. послужил польский перевод *Хроники Александра Гваньини*, сделанный польским поэтом Мартином Пашковским с латинского издания 1581 г. и дополненный им. Польский перевод Пашковского был издан в Кракове в 1611 г. История Чехии содержится в двух первых частях 6-й книги сочинения Гваньини. Можно предположить, что Пашковский был не только переводчиком, но и автором 6—10 книг «Истории Сарматии». Он был компилятором, использовавшим для чешской части Хронику Мартина Бельского, в свою очередь, включившего в свой труд «Космографию».

Обрабатывая текст Хроники Бельского, Пашковский заимствовал у него не исторические сведения, а в основном старинные чешские предания, которые своей занимательностью и привлекли русских книжников. По соседству с сухими летописными записями эти новеллы с законченным повествовательным сюжетом производили впечатление достоверных и поддерживали у читателей иллюзию правдивости.

Русский текст И. наполнен полонизмами. Тем не менее, это не означает, что автором русского перевода был поляк, как полагал А. И. Соболевский (Соболевский. Переводная литература. С. 94—95). Как считает А. М. Панченко, переводчик действительно хорошо знал польский язык, иногда одни польские слова переводил при помощи других полонизмов собственного изобретения, т. к., по-видимому, считал их понятными и соответствующими русскому литературному языку второй половины XVII в. В пользу восточнославянского происхождения автора перевода говорит его стремление устранить католические реалии оригинала и заменить их православными; так костелам польского текста всюду соответствуют церкви, опускается упоминание о папе римском, русифицируются польские имена.

Переводчик зашифровал свое имя: «Преведшаго же имя от Б начинаемо, в числе 1503 слагаемо». Панченко с большими оговорками попытался найти это имя (Борис Богданов сын Секиотов или Борис Борисов сын Секиотов), однако оговорил, что «практически точное решение этой задачи возможно лишь тогда, когда мы получим какие-либо дополнительные сведения о загадочном переводчике». Так же трудно определить время перевода И., в тексте которой нет никаких указаний на этот счет. За неимением дополнительных данных перевод датируется второй половиной XVII в.

И. известна в трех списках. Это ГПБ, Q.XVII.12 и ЦНБ АН УССР, собр. Киевского церковно-археологического музея, № 888 (747) — оба последней четверти XVII в. Списки близки между собой, но Киевский список, по мнению Панченко, стоит ближе к архетипу перевода. В БАН хранится список XIX в. — 34.7.30.

Изд.: Панченко А. М. «История вкратце о Бохеме» // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 240—251.

Лит.: Панченко А. М., Степанов В. П. «История вкратце о Бохеме еже есть в земле Чешъской» и ее источник // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 304—313; Панченко А. М. 1) Вопросы изучения чешско-русских литературных связей XVII в. // Там же. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 643, 648—651; 2) Чешско-русские литературные связи XVII века. Л., 1969. С. 41—63.

М. Д. Каган

«История о дву товарищах, имеющих между собою разговоры ис которых един любил пить вино, а другой не любил» — анонимное стихотворное произведение первой трети XVIII в., перешедшее впоследствии из рукописного оборота в простонародную книжную словесность («Старичок-Весельчак». СПб., 1781) и в лубок. Подобно *Повести о бражнике*, этот текст отталкивается от средневековой дидактической литературы, направленной против пьянства (ср. также диалогическую форму обоих произведений, показательную для театрализованной культуры эпохи барокко). И. представляет собой изложенный

раешником спор Непьющего и Пьяницы, в результате которого ни тому ни другому из персонажей не удается доказать свою правоту. Обличая порок, Непьющий видит в невоздержанности причину отчуждения человека от общества; со своей стороны, Пьяница утверждает, что вино солидаризует его с коллективом:

От вина человек имеет веселость,
вино придает велеречие и смелость.
Оно со многими приятельми совокупляет
и со всяким дружества доставляет.

Порицание пьянства, которое имеет место в И., по своей форме во многом напоминает аналогичные мотивы в *Повести о Горе-Злочастии* (ср. также *Азбуку о голом и небогатом человеке*) — пьянство выводит человека за пределы культурных норм, отбрасывает его в мир животных и превращает в трагикомическую фигуру:

Я признаваю, что нет пьяницы хуже:
бродит иногда и ж. . . наружи.
Где уже тому хорошо одежду носить,
кто охотник много вина пить.

Однако созданная в Петровское время И., в противоположность Повести о Горе-Злочастии, не придает подобной аргументации решающего значения и даже оставляет последнее слово за Пьяницей («право и я человек доброй, а не плут»).

Изд.: Петухов Е. В. Материалы и заметки из истории древней русской письменности // ИОРЯС. 1904. Т. 9, кн. 4. С. 164—170; Титова Л. В. «Разговоры между двумя товарищами, ис которых один зело любил пить вино, а другой не любил» — стихотворный памятник первой трети XVIII в. // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 215—222.
Лит.: Пыпин А. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857. С. 206.

И. П. Смирнов

История о Мелюзине — переводная повесть XVII в. Рыцарский псевдогенеалогический роман Ж. д'Арра о Мелюзине, повествующий о возникновении рода Лузиньянов, появился во Франции в конце XIV в. В основе романа лежит популярный сказочный сюжет о женщине-оборотне. В наказание за непочтение к отцу волшебница Мелюзина каждую субботу должна была превращаться в змею. Выйдя замуж за графа Раймунда, Мелюзина не открылась ему, но только запретила приходить к ней в субботу. По прошествии многих лет счастливой жизни Раймунд, терзаемый подозрениями, пришел в ее

комнату в субботу, после чего Мелюзина навсегда изчезла. Значительная часть романа посвящена приключениям десяти сыновей Мелюзины. Роман со временем превратился в народную книгу, издававшуюся на национальных языках; известны немецкий, голландский, английский, испанский переводы, позднее он входновлял К. Брентано и Гете. На польский И. была переведена в середине XVI в. М. Сенником (первое издание 1569 г.). На русский И. переводилась с польского дважды (оба раза с краковского издания 1671 г.).

Первый перевод («История о Милюзине кролевне и о чюдных ея детях и о городе Лозане»), сохранившийся в двух списках (ГПБ, собр. ОЛДП, Q.18; Библиотека гимназии в г. Вестерос, UUB. Slav. 34), был сделан в 1676 г. Эта дата указана в списке ОЛДП, и ее нет во втором списке, сделанном для *И. Г. Спарвенфельда* в Москве около 1687 г. Исходя из этого, Г. Бергман приняла 1676 г. за дату списка ОЛДП и, основываясь на анализе архаизированного языка перевода, датировала его 70-ми гг. XVI в. и атрибутировала *Ивану Федорову*, который был знаком с М. Сенником. В дальнейшем эта малоубедительная гипотеза была оспорена. Первый перевод издан ОЛДП и в кн. Г. Бергман.

Второй перевод («История благоприятна о благородной и прекрасной Мелузине») был сделан в январе 1677 г. переводчиком Посольского приказа *Иваном Гуданским*. Его перевод сохранился в 8 списках XVII—середины XVIII в.; полная редакция представлена 6 списками (ГПБ, Q.XVII.8; ГИМ, Муз. собр., № 2326; ГБЛ, собр. Ундольского, № 939; БАН, 34.6.52; ИРЛИ, оп. 23, № 116; ЦГАЛИ, ф. 1296, оп. 2, № 44), сокращенная — одним (ЦГАДА, собр. МГАМИД, № 413 (865)), в котором убраны побочные мотивы и сглажены композиционные недостатки оригинала. В середине XVIII в. полная редакция подверглась коренной языковой правке, коснувшейся прежде всего устаревших грамматических форм, и появилась новая редакция, стилистическая (ЛОИИ, колл. 238, № 681). Перевод издан в кн. Э. Малэк.

В начале XVII в. И. была поставлена в театре царевны Натальи Алексеевны (сохранился отрывок пьесы). При инсценировке был использован перевод И. Гуданского, один из списков которого был в царской библиотеке (см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны*).

В отличие от других переводных романов, И. не имела широкого распространения и не дошла до массового читателя. Среди ее читателей лишь один «певчей», остальные — представители высших слоев: Петр I, царевна Наталья Алексеевна, кн. Д. М. Голицын, граф А. А. Матвеев, шведский дипломат И. Г. Спарвенфельд. В XX в. И. привлекла внимание А. Ремизова, который пересказал ее (Мелюзина и Брунцвик. Париж, 1952).

Изд.: История о Мелюзине. (Изд. ОЛДП. № 42, 60); СПб., 1879—1882. Bergman G. The Melusina Saga: The Text in UUB. Slav. 34 and a Study in 17th Century

Literary Language in Russia. Uppsala, 1964 [рец.: Бегунов Ю. К. // ИОЛЯ. 1965. Т. 24, вып. 5. С. 445—447]; Małek E. Historia o Meluzynie: Z dziejów romansu rycerskiego na Rusi. Bydgoszcz, 1978 [рец.: Николаев С. И. // РЛ. 1980. № 4. С. 200—203; Woźniak A. // Slavia Orientalis. 1981. № 3. S. 363—364].

Лит.: Булгаков Ф. История о Мелюзине // ПДП. 1880. № 2. С. 71—80; Белоброва О. А. Кипрский цикл в древнерусской литературе. Л., 1972. С. 93—97; Małek E. 1) Staroruska «Meluzyna» i jej stosunek do polskiej wersji powieści // Slavia Orientalis. 1974. № 1. S. 21—35; 2) «Historia o Melusynie» i jej europejska kariera literacka // Zeszyty naukowe Uniwersytetu Łódzkiego. Z. 109. Filologia rosyjska. Łódź, 1976. S. 33—39; 3) «Historia o Meluzynie» Jehana d'Arras na Rusi w wieku XVII—XVIII // Acta Universitatis Lodziensis. 1977. Ser. 1, № 16. S. 53—61; 4) Staropolska proza narracyjna w procesie literackim Rosji wieku XVII i XVIII. Łódź, 1983. S. 62—68; Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 180, 631.

С. И. Николаев

История о отцах и страдальцах соловецких см. *Семен Денисов.*

«История о первом Иове, патриархе Московском и всея России» — памятник биографического характера, посвященый описанию деятельности первого русского патриарха *Иова*. Раздел чудес делает похожим это сочинение на житие, но в целом традиционной схеме жития оно не соответствует (для жанровой характеристики памятника важно обратить внимание на ключевые слова «история» и «повесть», встречающиеся в его самоназвании, ср. нач.: «Первие зде да скажется повесть о Иове патриархе. . .»).

Очевидно, что как целостный памятник И. сложилась вскоре после 1652 г., когда мощи патриарха Иова были перенесены из г. Старицы в Москву: ее повествование завершается чудесами, случившимися при перенесении мощей. Но так же очевидно и то, что этот памятник был создан путем соединения по крайней мере двух разновременно написанных частей. Первая из них, начальная часть И., представляет собой краткое и довольно сухое описание прохождения Иова по степеням церковной иерархии, от монашеского пострижения в Успенском монастыре г. Старицы и возведения затем в сан архимандрита того же монастыря по настоянию *Ивана Грозного* до посвящения в патриаршее достоинство при царе Федоре Иоанновиче. Заканчивается эта часть сообщением о смерти патриарха, постигшей его в Старице в 1607 г. Ее источником вполне могла быть духовная грамота самого Иова, где патриарх перечислил церковные должности, пройденные им в течение жизни (изд. см.: ДРВ. М., 1788. Ч. 6. С. 107—125; СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 82. С. 179—186; ААЭ. Т. 2. № 67. С. 148—160).

Вторая часть (ничем не отделенная от первой, начинающаяся словами: «И о сем Иове да слышится зде повесть, инде бо о нем нигде не писано. . .») снова возвращается к основным моментам жизненного поприща патриарха, но описывает их в иной манере, пространно и восхищенно характеризуя выдающиеся дарования

патриарха Иова, удивительную его память, проникновенное умение читать и петь литургические тексты так, что плакали даже не слезливые, необыкновенное усердие в каждодневном богослужении, строгое постничество, кротость и терпение по отношению к подчиненным ему собратьям по духовному чину. В отличие от первой части, где почти ничего не говорится о *Борисе Годунове* и очень коротко сообщается о времени Смуты, во второй части приводится довольно подробная характеристика правления царя Бориса, рассказывается об активной агитации Иова против *Григория Отрепьева*, описываются перипетии предшествовавшего ссылке Иова в Старицу гнусного надругательства над патриархом со стороны приверженцев Лжедмитрия. Заканчивается эта часть описанием кончины и погребения Иова, к ней присоединяются чудеса, случившиеся вскоре после смерти патриарха. Затем следует раздел, озаглавленный «О принесении честных мощей святейшего Иова патриарха из Старицы в царствующий град Москву», посвященный описанию перенесения мощей Иова в Успенский собор Москвы в 1652 г. и чудес, сотворившихся при этом.

Стилистические различия между двумя частями И., повторы второй части относительно содержания первой заставляют думать об их обособленном происхождении. Так как в начальной части с почтением упоминается имя «царя государя и великого князя Василия Ивановича всея России» (в царствование которого Иов скончался) и ничего не говорится плохого о *Борисе Годунове*, отношение к которому было апологетическим именно в период царствования Василия Шуйского, а во второй части, напротив, вовсе не упоминается Шуйский, Борис же Годунов предается хуле в традиционном духе историографии, сложившейся после воцарения Романовых, то, учитывая все это, можно говорить о том, что первая часть И. была написана раньше последующих частей, а именно — в годы правления Василия Шуйского, т. е. между 1607 и 1610 гг.

Что касается второй части и раздела «О принесении мощей», то данных об их разновременном написании нет. В тексте второй части, там, где рассказывается о посмертном явлении патриарха Иова *Дионисию Зобниновскому*, бывшему в то время архимандритом Старицкого монастыря, находится фраза «О архимандрите Дионисии инде писано», которую С. Ф. Платонов трактовал как отсылку к тексту жития Дионисия Зобниновского. Если принять такую трактовку, то второй раздел И. следует датировать не раньше 1648—1654 гг., когда было создано житие Дионисия Зобниновского.

В последнем разделе, посвященном событиям 1652 г., сохранилось свидетельство того, что автор его являлся современником описываемых событий: рассказав о чуде, свершившемся над бесноватым посадским человеком Иоанном, он сообщил, что узнал все от самого исцелившегося («. . .опосле нам. . . своими усты глаголаше»). С. Ф. Платонов высказал предположение о принадлежности автора И. к братии Троице-

Сергиева монастыря; он основывался на том, что в изучаемом памятнике встречаются имена, связанные с жизнью Троицкого монастыря, а именно — Дионисия Зобниновского, который фигурирует в И. как один из ее персонажей и на некое сочинение о котором (предположительно, его житие) имеется здесь ссылка, и некоего Иоанна Иоанновича Тулупова, над которым в Старице в 1609 г. произошло чудо исцеления. Если бы удалось доказать, что этот человек, дружески называемый автором просто Иоанновичем, и троицкий инок, списатель Четьих Миней *Герман Тулупов*, происходивший также из Старицы — одно и то же лицо, то связь биографического сочинения об Иове с Троице-Сергиевой лаврой была бы подтверждена бесспорно. Пока же остается перечислять доводы, делающие это предположение вероятным, в том числе и то, что одним из источников И. было такое троицкое сочинение, как Сказание *Авраамия Палицына* (в рассказе об убиении царевича Димитрия, московском пожаре 1591 г., непорядках, сопутствовавших царствованию Бориса Годунова).

Изд.: Памятники древнерусской письменности, относящиеся к смутному времени // РИБ. СПб., 1881. Т. 13. Стб. 923—950; Вершинский А. История о первом патриархе Иове (по Старицкому списку) // Тверская старина. Старица, 1911. № 3. С. 47—56; № 4. С. 26—35; № 5. С. 16—23; № 6. С. 35—40.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 465; Макарий. История русской церкви. СПб., 1881. Т. 10, кн. 1. С. 55—99; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 262—264; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1913. С. 351—356.

Н. В. Понырко

История о разорении русском (российском) — летопись, освещающая события второй половины XVI—начала XVII в. Известна по упоминаниям в трудах и письмах В. Н. Татищева, а также по каталогу его библиотеки. Татищевский список, возможно, погиб вскоре после смерти ученого.

Наименование памятника, вероятно, принадлежит В. Н. Татищеву, который часто называл Смуту разорением русским (российским). Он делает 15 ссылок на оригинальную летопись, четыре из которых полностью или частично повторяют друг друга, а ее авторство приписывает в большинстве случаев *Иосифу*, келейнику патриарха *Иова*, иногда самому Иову, два раза — им обоим вместе. Большинство исследователей отклоняет мысль об участии первого русского патриарха в создании И., поскольку он умер в 1607 г., а летопись «о разорении русском» в рукописи В. Н. Татищева изгалагала события вплоть до избрания на царство *Михаила Феодоровича*, причем конец ее не сохранился. Однако, как заметил еще Д. П. Голохвастов, Иов мог рассказать в летописи о предыстории и начале Смуты (Д. [Голохватов Д. П.] Замечания об осаде Троицкой лавры, 1608—1610, и

описании оной историками XVII, XVIII и XIX столетий // Москвитянин. М., 1842. Т. 7. С. 492), а в Повести Иова о «житии» царя Федора Ивановича имеются ссылки на какое-то сочинение о времени *Ивана Грозного* и Федора, под которым допустимо понимать уникальную летопись. Возможно, Иов довел ее до описания смерти Федора Ивановича в 1598 г. Иосиф же продолжил эту летопись, к составлению которой, по-видимому, был причастен и в годы патриаршества Иова.

Согласно В. Н. Татищеву, продолжая труд митрополита *Макария* (под которым следует подразумевать *Летописец начала царства*), Иосиф или Иов описал «некоторые дела» времени Ивана IV, «последних 24 года, но весьма кратко, а по нем, до избрания царя Михаила, — довольно пространно» (Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. 1. С. 84). Внимание ученого привлекли сообщения И. о царствовании Грозного, в частности его духовном отце, бывшем виновником бедствий тех лет, о митрополите *Филиппе*, призывавшем царя покончить с беззакониями, о судебном произволе опричной поры, об ответе Ивана IV Антонио Поссевино, в котором осуждалось «папежское обладание» над государями, о награждении Строгановых за лечение *Бориса Годунова* (Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1963. Т. 2. С. 230; М.; Л., 1964. Т. 4. С. 412; Л., 1968. Т. 7. С. 311, 334, 438). Вслед за Иосифом В. Н. Татищев подчеркивает коварство Годунова в отношении тех, кого он подвергал гонениям, и считает Смуту результатом воцарения Бориса, а также закрепощения крестьян, ухудшения положения холопов (Татищев В. Н. История Российская. Т. 7. С. 367, 382, 385). Уникальны свидетельства И. о том, что в письмах к Самозванцу русские вельможи побуждали его к вторжению в Россию, а холопы подали челобитную правительству Шуйского, которое было вынуждено издать закон «для утишения великого. . . смятения» среди них. Иосиф писал и об отторжении польскими и шведскими интервентами в период «Семибоярщины» русских земель (Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. С. 361, 367; Т. 7. С. 388—389). Возможно, данные И. легли в основу татищевских известий о пожаловании Строгановым владений «в Перми» и смерти датского королевича Иоганна, жениха *Ксении Борисовны Годуновой* (Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1966. Т. 6. С. 288, 290).

По предположению С. А. Морозова, загадочная летопись содержала не дошедшую до нас редакцию *Повести о разгроме Новгорода Иваном Грозным*, к которой восходит рассказ об этой трагедии, читающийся в Латухинской степенной книге (Морозов С. А. Обзор списков редакций Повести о пленении Великого Новгорода Иваном Грозным // АЕ за 1977 г. М., 1978. С. 272). Позднее исследователь признал источником данного рассказа компилятивную редакцию Повести (Морозов С. А. Летописные повести по истории России 30—70-х гг. XVI века. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1979. С. 25—26).

В И. были включены материалы митрополичьего летописания 60—80-х гг. XVI в. Ее составители, являвшиеся свидетелями и участниками социально-политической борьбы кануна Смуты и самого лихолетья, писали на основании личных наблюдений (недаром В. Н. Татищев относил И. к «участным» или «партикулярным» сочинениям, принадлежавшим участникам событий). При допущении, что занимавшийся летописанием патриарший келейник и Иосиф Траханиотов — одно и то же лицо, можно думать, что в повествовании «о разорении русском» отразились рассказы его брата, бывшего одним из руководителей земской думы в период опричнины, и племянника Ивана Васильевича — казначея при царе Федоре Ивановиче. В И. запечатлелись и слухи о некоторых событиях, например о пожаловании Строгановых «выше гостя» Иваном Грозным. По В. И. Корецкому, источниками летописи Иова—Иосифа послужили *Житие Филиппа митрополита* и послание *А. М. Курбского* Ивану IV (Корецкий В. И. К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 89). Ссылаясь на И., В. Н. Татищев, однако, приводит такую подробность увещевания Филиппом царя (митрополит отказался считать его «подражателем» прежним благочестивым государям), которая отсутствует в Житии (ср.: Татищев В. Н. История Российская. Т. 7. С. 334; Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины: (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974. С. 57—58). Мнение о зависимости И. от послания Курбского царю, видимо, основано на том, что в использовавшей уникальную летопись Латухинской степенной книге, как и в заглавии первой «эпистолии» беглого боярина Грозному, читающемся в одном из ее списков, сообщается о доставке этого послания слугой Курбского Василием Шибановым. Но в рассказе Латухинской степенной книги о Шибанове наличествует ряд деталей, которых мы не найдем в оригинальном наименовании послания, в частности говорится о том, что слуга Курбского подал царю письмо своего господина на Красном крыльце, а Грозный слушал чтение «эпистолии», пронзив жезлом ногу Шибанова (Зимин А. А. Первое послание Курбского Грозному и Василий Шибанов // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 143, 146; Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1981. С. 220, 352, примеч. V2 к л. 5; С. 381, примеч. 13). Поэтому мысль о знакомстве создателей И. с посланием Курбского Ивану IV нельзя считать обоснованной.

Подобно своим современникам, авторы летописи «о разорении русском» стремятся установить причинно-следственные связи между описываемыми событиями, интересуются характером исторических деятелей. Так, Иосиф подчеркивает двойственность характера Годунова в бытность его и правителем, и царем.

Как показал В. И. Корецкий, сочинение Иова—Иосифа было знакомо составителю Латухинской степенной книги (хотя, быть может, не все ее оригинальные известия восходят к загадочной летописи). Менее убедительны его соображения насчет использования И. в *Летописце Новом*. Выводы же В. И. Корецкого о том, что летопись «о разорении русском» послужила источником «Временника» *Ивана Тимофеева* и Мазуринского летописца, следует признать несостоятельными, как и его попытки возвести к И. почти все «татищевские известия» за вторую половину XVI—начало XVII в.

Возможно, уникальная летопись привлекла внимание служащих Записного приказа 1657—1659 гг., призванного составить продолжение Степенной книги. Им стало известно о «летописной книге» Чудова монастыря, в которой «про все пространно писано». Неясно, однако, попал ли этот памятник в Записной приказ (Белокуров С. А. Из духовной жизни московского общества XVII в. М., 1903. С. 63—65, 76, 78).

В. Н. Татищев явно выделял И. среди публицистических произведений Смутного времени из-за уникальности многих ее известий и особого интереса к социальным проблемам. Ученый предлагал издать летопись Иова—Иосифа с комментариями, а позднее соглашался передать ее в библиотеку Академии наук (Андреев А. И. Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. // ИА. М.; Л., 1951. Т. 6. С. 286). Мнение о том, что он подготовил И. к печати (Юхт А. И. Связи В. Н. Татищева с Академией наук // Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976. С. 359), является ошибочным.

Отметим, что С. Ф. Платонов и В. С. Иконников отождествляли И. с Новым летописцем, а М. Н. Тихомиров сближал ее с «Временником» Ивана Тимофеева. Но летопись «о разорении русском» не совпадает с этими памятниками ни по хронологическим рамкам, ни по составу известий.

Лит.: Кушева Е. Н. К истории холопства в конце XVI—начале XVII веков // ИЗ. М., 1945. Кн. 15. С. 70—96; Корецкий В. И. 1) Мазуринский летописец конца XVII в. и летописание Смутного времени // Славяне и Русь. М., 1968. С. 282—290; 2) Таинственный XVII век // Знание — сила. 1969. № 11. С. 37; 3) Работа В. Н. Татищева над источниками по истории крестьянского закрепощения // ВИ. 1971. № 9. С. 26—42; 4) «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева // ВИД. Л., 1973. Т. 5. С. 251—285; 5) К вопросу об источниках Латухинской степенной книги // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 328—337; 6) Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975; 7) Об основном летописном источнике Временника Ивана Тимофеева // Летописи и хроники. 1976 г. М., 1976. С. 113—141; 8) История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 13—14, 36, 57—59, 63. 80, 107, 110—143. 147—175, 229—230, 246 [Рец.: Солодкин Я. Г. // ВИ. 1988. № 2. С. 126—127]. Солодкин Я. Г. 1) По поводу «Истории о разорении Русском» Иова—Иосифа: (Заметки о летописании) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 437—440; 2) Летопись «о разорении русском» в трудах В. Н. Татищева: (К изучению творчества В. Н. Татищева как писателя-историка) // Итоги и проблемы изучения русской литературы XVIII века.

Л., 1989. С. 200—214. (XVIII век. Сб. 16); 3) Русская публицистика начала XVII века. Проблемы происхождения крупнейших летописных памятников и «Временника» Ивана Тимофеева. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1991. С. 11—13, 15—24; Вовина В. Г. Новый летописец: Итоги и проблемы изучения // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 63, 72—78, 85—87.

Я. Г. Солодкин

История о Сибирской земле см. *Есипов Савва.*

История о царе Давиде и царе Соломоне — пьеса школьного репертуара, сохранившаяся в единственном списке XVIII в., находящемся в сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 662 (сборник подробно описан Л. П. Сидоровой). Как видно по старой пагинации, пьеса ранее находилась в отдельной тетради, приплетенной позднее к рукописи. В рукописи пьеса названия не имеет, начинается она непосредственно с «Предлога» (т. е. пролога), название дано В. Н. Перетцем при первом издании текста по выражению из «пролога» «...в сей день почтимся историю о царе Давиде и о сыне его Соломоне премудром камедию начати. . .» В списке утрачены 2 листа, судя по тексту, один — в середине (конец явления 5-го), другой — в конце. Все монологи пронумерованы, перед монологом каждого почти действующего лица содержится замечание, что и как должен делать актер. Вероятно, уваровский список был предназначен непосредственно для исполнителей.

Содержанием пьесы послужили 1-я и 2-я главы III Книги Царств, рассказывающие о борьбе за престолонаследие Соломона и старшего сына царя Давида — Адония, который пытается захватить трон по праву первородства. Текст довольно близок библейскому повествованию, но это не механическое переложение ветхозаветной истории, а искусная драматизация сюжета. Начинается пьеса с обязательного для школьной драмы пролога, есть здесь и завязка, и кульминация, и развязка. Пьеса написана силлабическим стихом, парная рифма в основном соблюдается, лишь отдельные стихи остались незарифмованными. В рукописи деления на стихотворные строки нет, текст разбит на стихи В. Н. Перетцем.

По предположению Л. П. Сидоровой пьеса была написана в начале 20-х гг. XVIII в., когда тема престолонаследия приобрела особое значение: в апреле 1722 г., после казни царевича Алексея Петровича, был принят указ о назначении преемника по желанию монарха. Связь содержания пьесы с этими событиями не вызывает сомнения. Так, царь Давид возводит на престол младшего своего сына не по праву первородства, а «по правде своей воли». По всей вероятности, это перекличка с названием трактата Феофана Прокоповича «Правда воли монаршей. . .», написанного им в 1722 г. в защиту нового указа о

престолонаследии. Кроме того, язык драмы также указывает на принадлежность ее Петровскому времени. Поздняя датировка И. подтверждается и многочисленными заимствованиями из перевода 1710-х гг. «Дафнис» (см. в кн.: Николаев С. И. Польская поэзия в русских переводах: Вторая половина XVII—первая треть XVIII века. Л., 1989. С. 90—94.). Точных сведений об авторе пьесы нет. Л. П. Сидорова предполагает, что она написана кем-либо из выпускников Славяно-греко-латинской академии и поставлена ее учениками на сцене школьного театра.

Изд.: Перетц В. Н. Памятники русской драмы эпохи Петра Великого. СПб., 1903. С. XV—XXIV, 455—498; Ранняя русская драматургия (XVII—первая половина XVIII в.). Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII века. М., 1975. С. 107—137, 610—615 (публ. и коммент. Л. П. Сидоровой).

Лит.: Пекарский П. 1) Мистерии и старинный театр в России. СПб., 1857. С. 84—87; 2) Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 408—413; Тихонравов Н. С. Начало русского театра // Летописи Тихонравова. М., 1861. Т. 3. С. 35—37; Морозов П. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 295—297.

Л. В. Титова

«Итталианских градов похвала агличанина Фомы Едворда» — прозаический перевод латинского стихотворения (53 строки гекзаметром) Томаса Эдвардса (конец XVI в.), выполненный по изданию 1595 г. в конце XVII в. в кругах Посольского приказа Москвы. К упоминаемым в стихотворении городам добавлен отсутствующий в оригинале город Бари («Бар град») — местонахождение мощей Николая Чудотворца. Интерес к итальянским городам, по-видимому, был вызван посылкой в Италию русских стольников — первых петровских «пенсионеров» для обучения архитектуре и морскому делу. Произведение известно в одном списке в сборнике конца XVII—нач. XVIII в. — ИРЛИ, Древлехранилище, колл. В. Н. Перетца, № 158, л. 562 об.—564.

Изд.: Белоброва О. А. «Итталианских градов похвала агличанина Фомы Едворда» в рукописном сборнике конца XVII—начала XVIII в. // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома: Сб. науч. трудов. Л., 1985. С. 28—35.

Лит.: Древнерусские рукописи Пушкинского Дома (обзор фондов) / Сост. В. И. Малышев. М.; Л., 1965. С. 94.

О. А. Белоброва

«Иудифь» («Комедия из книги Иудифь», «Олоферново действо») — пьеса придворного театра царя *Алексея Михайловича*, впервые поставленная между 2 и 9 февраля 1673 г. Оставалась в репертуаре до прекращения спектаклей в 1676 г.; в 1674 г. постановка, по-видимому, частично обновлялась, т. к. было выдано сукно для 7 костюмов «к строенью Алоферновой комедии» (Богоявленский С. К. Мос-

ковский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914. С. 38). Автор пьесы неизвестен; традиционно ее создание связывают с деятельностью пастора *Иоганна Грегори*. Обилие германизмов как в лексике, так и в синтаксисе драмы («окомгновение» — «Augenblick», «живи благо» — «lebe wohl», «делай абие кончение» — «ein Ende machen» и т. п.), свидетельствует в пользу немецкого оригинала, позднее переведенного на русский язык. А. Мазон высказал предположение, что сам Грегори в связи с недостатком времени, отведенного на подготовку спектакля, писал пьесу сразу по-русски, чем и объясняются многочисленные германизмы (Мазон А. «Артаксерксово действо» и репертуар пастора Грегори // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 355—363). Однако эта гипотеза не отвечает на вопрос о происхождении в языке пьесы также немалого числа полонизмов — «велеможный гетман», «войсковой моршалок», «сицевой монарха» и др., невозможных в языке «немца, пишущего по-русски». Скорее всего, пьеса была переведена в Посольском приказе поляком либо украинцем. И. Забелин высказал предположение, что переводчиком И. был *Симеон Полоцкий*, однако уже Б. В. Варнеке справедливо не согласился с этой гипотезой, показав, что язык и стиль драмы никак не соответствуют языку и стилю Симеона Полоцкого (Варнеке Б. В. История русского театра. Казань, 1908. Ч. 1. С. 52).

В основу сюжета положены события, описанные в библейской книге «Иудифь»; рассказом Ветхого Завета определяется течение времени в пьесе, ее большой объем (7 «действ», разделяющихся на 29 «сеней»), постоянная смена места действия. Однако, четко следуя за основным источником в последовательности событий, автор значительно его переработал, добавив ряд сцен (преимущественно комических) и развернув в отдельные явления краткие упоминания Библии. Близость к библейскому тексту усиливается по мере развития действия, и во второй половине пьесы можно отметить ряд почти дословных совпадений между ними (Морозов. История... С. 157—158). Первая же часть пьесы, соответствующая более повествовательным главам Библии, представляет свободную вариацию на заданный сюжет. По сравнению с книгой «Иудифь» в пьесе значительно увеличено число действующих лиц: если в Библии названы по именам 9 героев, то в пьесе их около 40, а вместе с бессловесными солдатами, спальниками и т. п. — более 60 действующих лиц. Введенные автором имена выбраны с определенным значением: все они, за немногим исключением, соотносятся с тем или иным героем Библии, при этом последовательно соблюдается различие между защитниками и противниками израильского народа.

Драматические произведения на темы книги «Иудифь» пользовались большой популярностью в европейских странах XVI—XVII вв., и автор И. мог использовать многочисленные западноевропейские обработки того же сюжета. Однако до сих пор не установлен немецкий

оригинал нашей пьесы. Все известные сочинения на тот же сюжет, несмотря на значительное сходство, обусловленное общим библейским источником, с русским памятником не тождественны. Поэтому наиболее вероятным представляется мнение, что наша пьеса явилась не переводом определенного сочинения, а местной, московской вариацией мирового сюжета; такой вывод поддерживается наблюдениями о сходстве идейных и литературных особенностей пьесы с современными ей переводными и оригинальными памятниками русской литературы XVII в. «Предисловие» (пролог), обращенное к царю Алексею Михайловичу и содержащее намеки на войну России и Турции, придает политическое звучание всей пьесе.

Подобно всему репертуару Грегори, И. принадлежит к типу так называемых «английских комедий» (см. Тихонравов. Русские... С. XIII—XX). Такие их особенности, как соединение трагедийных, высокопатетических мотивов с грубоюмористическими, почти площадными, соседство торжественных монологов и шутовских выходок «дурацкой персоны», присущи И. в гораздо большей степени, чем *Артаксерксову действу*, — должно быть потому, что в ней авторы были смелее в своих принципах, чем в первой пьесе русского театра. В сочетании отмеченных противоречивых черт наблюдается четко проводимый эстетический принцип (Перетц В. Н. Театр в Московской Руси 250 лет тому назад // Старинный театр в России XVII—XVIII вв. Пб., 1923. С. 38, 49).

В текст И. включено несколько арий и песен, в ряде случаев эмоциональный характер пения подчеркнут ремарками; сохранился отрывок нот с партией царя Амарфала (Шляпкин. Царевна... С. V—VI). О музыкальном сопровождении спектакля свидетельствует и ряд ремарок: «зде вострубят»; «бьет на барабане и клич чинит»; «зде сполох чинится со трубы и тимпа̀ны» и т. п. Именно такая «поддержка драматического действия... музыкою» наряду с ариями и хорами позволила В. Чешихину назвать И. первою русскою оперой (см.: Чешихин В. История русской оперы (с 1674 по 1903 г.). 2-е изд. СПб., 1905. С. 26—27; Гозенпуд А. Музыкальный театр в России: (От истоков до Глинки). Л., 1959. С. 8—10).

И. сохранилась в четырех списках, два из которых ведут свое происхождение из дома царевны Натальи Алексеевны; по-видимому, пьеса ставилась в ее придворном театре: об этом свидетельствуют выписанные роли в сборнике БАН, Устюжское собр., № 29 и работа по редактированию пьесы в рукописи БАН, А.I.65. В этой редакции (1709—1710 гг.) последовательно исключены все комические сцены и отдельные реплики того же плана, добавлен новый пролог с откликом на Полтавскую победу, деление на «действа» и «сени» заменено «явлениями».

Сюжет о Юдифи остается злободневным и в первой трети XVIII в., когда была написана стихотворная пьеса «О премудрой Июдифе, како Олоферну главу отсече Июдив» (см.: Попов П. Н. Неизвестная драма

Петровской эпохи «Иудифь» // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 2. С. 196—253; Пьесы любительских театров. М., 1976. С. 437—465, 789—792 (публ. и коммент. А. С. Демина)). Судя по имени служанки — Абра, которое встречается только в драме из репертуара Грегори, можно предположить, что пьеса придворного театра Алексея Михайловича послужила источником для автора XVIII в.

Изд.: ДРВ. М., 1789. Ч. 8. С. 187—328; Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 годов. СПб., 1874. Т. 1. С. 76—203; Шляпкин И. А. 1) Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. СПб., 1898. С. II—VIII, 9—15. (ПДП. Вып. 128) (отдельные роли); 2) Старинные действа и комедии Петровского времени // СОРЯС. 1921. Т. 97. С. 170—176 (то же); Первые пьесы русского театра / Изд. подгот. О. А. Державина, А. С. Демин, Е. К. Ромодановская; под ред. А. Н. Робинсона. М., 1972. С. 351—458, 469—479 (публ. и коммент. Е. К. Ромодановской); Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. / Изд. подгот. О. А. Державина и др.; под ред. А. С. Елеонской. М., 1975. С. 165—169, 626—627 (публ. и коммент. А. С. Елеонской) (отдельные роли).

Лит.: Морозов П. О. 1) Очерки из истории русской драмы XVII—XVIII вв. СПб., 1888; 2) История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889; История русского театра. Под ред. В. В. Каллаша и Н. Эфроса. М., 1914. Т. 1. С. 62—66; Щеглова С. А. Новый список драмы «Юдифь» // Ювілейний збірник на пошану акад. М. С. Грушевського. Київ, 1928. Ч. 4. С. 243—252; Всеволодский-Гернгросс В. 1) История русского театра. Л.; М., 1929. Т. 1. С. 324—338; 2) Русский театр. От истоков до середины XVIII в. М., 1957. С. 103—114; Данилов С. С. Очерки из истории русского драматического театра. М.; Л., 1948. С. 63—65; Еремин И. П. Московский театр XVII века // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 371—373; Günther K. 1) Neue deutsche Quellen zum ersten russischen Theater // Zeitschrift für Slawistik. 1963. Bd 8, H. 5. S. 664—675; 2) Das Moskauer Judithdrama von Johann Gottfried Gregorii // Studien zur Geschichte der russischen Literatur des 18. Jahrhunderts. Berlin, 1970. Bd 4. S. 41—207; Ромодановская Е. К. О системе имен и подтексте в пьесе XVII в. «Иудифь» // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 38—50.

Е. К. Ромодановская

К

Калязинская челобитная — памятник русской демократической смеховой литературы, написанный около 1677 г. в форме пародии на челобитную (в рукописях называется: «Список с челобитные, какова подана в 185 (1677) году Калязина манастыря от крылошан на архимандрита Гавриила в его неисправном житии слово в слово преосвященному Симеону архиепископу Тверскому и Кашинскому»). К. ч. изображает жизнь монахов Троицкого Калязина монастыря,

проводящих время в безделье и пьянстве. Написана близким к разговорному языком, с рифмованными присловьями и прибаутками. К. ч. известна в двух различающихся по форме вариантах: один из них воспроизводит челобитную ближе к той форме, которую имел этот документальный жанр в XVII в.; другой, поздний, разбивает текст на «пункты» — соответственно требованиям, которые предписывались указом Петра I от 5 ноября 1723 г.: «Как челобитные, так и доношения писать по пунктам». Старший список первой, «бесстатейной», группы (ГБЛ, собр. Ундольского, № 1073, конец XVII—нач. XVIII в.) имеет в конце перечень вымышленных лиц, будто бы написавших челобитную. 8 списков старшей группы имеют мало разночтений. Все 6 списков и лубочный текст «статейной» группы относятся к XVIII в. и также очень близки между собой, лишь в списках ГБЛ, собр. Тихонравова, № 472 и ГИМ, собр. Барсова, № 2411 концовки К. ч. переложены прибауточным, скоморошьим слогом.

Изд.: Л. П. Два памятника древнерусского монастырского быта XVII века // Русский архив. 1878. № 9. С. 1771—1773, 1776—1778; Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 1. С. 405—409; Адрианова-Перетц В. П. 1) Очерки из истории русской сатирической литературы XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1936. Т. 3. С. 153—193; 2) Очерки по истории русской сатирической литературы XVII в. М.; Л., 1937. С. 96—123; Лапицкий И. П. Калязинская челобитная // Русская повесть *XVII в. / Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1954. С. 143—147, 452—458;* Русская демократическая сатира XVII века. / Подгот. текстов, ст. и коммент. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 65—69. 2-е изд., доп. М., 1977. С. 51—54; Коротская Л. Л. Антицерковная сатира XVIII в. Минск, 1968. С. 32—46; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 237—240.

Лит.: Адрианова-Перетц В. П. Сатирическая литература // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2: Литература 1590—1630 гг. С. 202—203; Коротская Л. Л. «Калязинская челобитная» как произведение антицерковной народной сатиры XVII века // Вопросы литературы. Минск, 1960. С. 33—53; Сидельников В. М. Русская народная сатира // Фольклорные записки Горьковского гос. ун-та. 1961. № 1. С. 63.

А. Г. Бобров

Карион Истомин (1640-е—не ранее IV.1718 или 1722) — справщик Печатного двора, педагог, поэт, переводчик, автор проповедей, догматических, исторических, учебно-педагогических трудов. Его жизнь и творческая деятельность наиболее подробно рассмотрены в специальном труде С. Н. Браиловского «Один из „пестрых“ XVII столетия». Поправки, уточнения и дополнения сделаны в статье Р. К. Агарковой. Спорные вопросы биографии и атрибуции сочинений К. объясняются тем, что среди писателей конца XVII—начала XVIII в. не он один носил имя Карион. Как доказывает Агаркова, с К. неправомерно соединяется фамилия Заулонский, которая принадлежит другому Кариону — автору «Малой грамматики», трактата «Имя новое» и стихотворения «Панегирис, или Похвала».

К. (мирское имя его неизвестно) происходил, по предположению Браиловского, из семьи подьячего. Уроженец Курска, он был земляком *Сильвестра Медведева* и приходился ему свойственником. По-видимому, в родном городе К. получил начальное образование. Сам он писал: «В нем же (отечестве. — *Л. С.*) родихся и воспитахся и малочастне падающая крупицы учения приях» (ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 257, л. 7 об.). Из Курска направился в Путивльскую Молчинскую пустынь в то время, когда там находился Сильвестр Медведев (1672—1675 гг.), и не без влияния последнего принял там же монашество. Из материалов, разысканных Агарковой, явствует, что К., будучи диаконом Молчинского пустынского монастыря, прибыл в первый раз в Москву в 1676 г. и оказался среди лиц, входивших в окружение патриарха *Иоакима*. Он получал деньги «в помяновение» умерших в 1675 г. *Павла*, митрополита сарского и подонского, и *Епифания Славинецкого* (ГИМ, Синод. собр., № 424, л. 459 об., 487), сотрудничал с учеником и душеприказчиком Епифания — *Евфимием Чудовским*. Не исключено, что уже в этот приезд К. познакомился с *Симеоном Полоцким*.

Обстоятельства и дата переезда К. в Москву на жительство неизвестны. Браиловский полагает, что и в данном случае он последовал примеру Медведева. С 27 июня 1679 г. началась его служба на Печатном дворе в качестве книжного писца, а 25 октября 1680 г. К. был переведен в книжные чтецы. В 1681 г. он стал иеродиаконом Чудова монастыря. По Браиловскому, в 1680—1681 гг. К. совмещал службу на Печатном дворе с преподаванием греческого языка в типографской школе. Агаркова доказывает, что в 1680—1682 гг. он сам обучался греческому языку. Ему выплачивались по указу патриарха деньги из казны «для научения греческого языка и для ево скудости... не во образец» другим служащим Печатного двора. Мнение о том, что К. учился греческому языку в академии братьев *Иоанникия* и *Софрония Лихудов*, впервые высказанное Евгением Болховитиновым без ссылки на источник, не подтверждается документальными свидетельствами. Только по окончании «греческого учения» К. получил повышение по службе: 4 марта 1682 г. был назначен на должность справщика с окладом сначала 40, а вскоре 60 рублей.

Благодаря несомненному литературному дарованию и трудолюбию К. обратил на себя внимание патриарха Иоакима. Начиная с 1679 г. он писал для него проповеди, составлял от его лица грамоты и письма, вел переписку с восточными патриархами. По поручению Иоакима занимался расследованием дела о «возгордившемся» смоленском владыке Симеоне (1685 г.). К. оставался личным секретарем и у преемника Иоакима — патриарха *Адриана* (см., например, списки с документов, грамоты и дела патриарха Адриана в рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 181; ГПБ, собр. Погодина, № 1963, л. 183—187 об.). Близость к нему и другим иерархам православной церкви обеспечили

К. дальнейшие успехи в карьере: 4 марта 1698 г. он получил высокую должность начальника («смотрителя») Печатного двора. Его сослуживцами по Печатному двору были литераторы Евфимий Чудовский, Сильвестр Медведев, *Мардарий Хоньков*, *Феодор Поликарпов*. Наиболее тесные личные и рабочие отношения связывали К. с Медведевым. Из найденного Агарковой документа (от 1685 г.) следует, что К. был учителем в Заиконоспасской школе Сильвестра Медведева и преподавал в ней грамматику (ЦГАДА, ф. 235, Патриарший казенный приказ, оп. 2, № 115, л. 262 об.). В догматическом сочинении «Катехизис» (известен фрагментарно в списке без названия — ГИМ, Чуд. собр., № 301, л. 308—343) установлена зависимость от трактата Сильвестра Медведева «Манна хлеба животного»: по вопросу о времени пресуществления даров К. высказывал мнение латинствующих. Результатом литературного сотрудничества двух писателей явились записки о стрелецком бунте — «Созерцание краткое» (впервые опубликовано как сочинение Медведева в кн. Ф. Туманского). Разлад в дружественных отношениях обнаружился в 1689 г., когда Сильвестр Медведев был арестован по делу о Федоре Шакловитом. Чтобы снять с себя подозрение в причастности к этому делу, К. принял участие в составлении извета на Медведева. В итоге он не только не был отстранен от службы на Печатном дворе, как принято считать, но получил от патриарха Иоакима особое поручение, связанное с подготовкой к изданию месячных Миней полного цикла, что выглядело как повышение по службе (указ от 12 декабря 1689 г., см.: ЦГАДА, ф. 1182, Приказ книгопечатного дела, № 100, л. без пометы). Людей типа К., не приверженных к какой-либо одной партии, писатель XVII в. иеродиакон *Дамаскин* назвал «пестрыми».

В самом начале 80-х гг. К. получил доступ к царскому двору, чему способствовала, по вероятному предположению Браиловского, поддержка Сильвестра Медведева. В 1682—1683 гг. К. написал стихотворный панегирик царевне-правительнице *Софии Алексеевне* «Книга желателно приветство мудрости, о святей мудрости, яже избавляет и спасает от трудности вся люди, держащыяся ея и восклоняющыяся на ню» (текст от 12 ноября 1682 г. издан Браиловским по автографу — ГИМ, Чуд. собр., № 301, л. 3—12; список с подписью автора — БАН, П I А 8 (старый шифр — 17.6.13) — опубликован: Браиловский. К вопросу. . . С. 14—36). Своим пером и услужливостью К. старался снискать расположение у всех членов царского семейства: посвящал им произведения, подносил приветствия, поздравления, «и иныя мелкия писма писашася комуждо до потребе их величества» (ГИМ, Чуд. собр., № 300, л. 326). Он сочинил множество стихов «на случай», откликаясь на разные события в жизни царской фамилии. Из них образуется своего рода светская стихотворная хроника. В июле 1682 г. написал приветствие по случаю венчания на царство Иоанна и Петра Алексеевичей — «Изъявление краткое меростихосложно на венчание

царскими венцы» (черновик — ГИМ, Чуд. собр., № 302, л. 51 об.—52); в 1689 г. — эмблематическую поэму на бракосочетание Петра I с Евдокией Федоровной Лопухиной «Книга любви знак в честен брак» (подносной экземпляр — ГИМ, собр. Уварова, № 908, рукопись факсимильно воспроизведена в издании 1989 г.; черновой автограф поэмы — ГИМ, Чуд. собр., № 301, л. 249—250 об.; списки конца XVII в. — Владимиро-Суздальский гос. объединенный музей-заповедник (Владимирское отделение), В-5715, л. 40—43; Новгородский гос. объединенный музей-заповедник, собрание рукописных книг, инв. № 30056—234 (старый инв. № 10934), л. 135—146 об., описание рукописи см.: Викторов. Описи. . . С. 167—168; позднейшая копия, по-видимому, конца XVIII—1-й пол. XIX в., — ЦГАДА, ф. 201, оп. 1, № 30). Тогда же К. откликнулся на второй Крымский поход *В. В. Голицына* — «Стихи на изъявление Крымского похода вкратце» (черновик — ГИМ, Чуд. собр., № 302, л. 143—144; беловые списки — ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 105—107 об.; ГБЛ, ф. 299, № 634, л. 221—223 об.). Стихами он приветствовал рождение царевича Алексея Петровича (ГИМ, Чуд. собр., № 302, л. 71—72; № 290, л. 123—129; собр. Уварова, № 73, л. 110 об.—111 об.) и 20-летие Петра I (в 1692 г., черновик — ГИМ, Чуд. собр., № 302, л. 160 об.—161). Наталье Кирилловне Нарышкиной, матери Петра I, поднес в 1688 г. в день ее именин «Житие вкратце стихотворною мерою святых мученик Адриана и супружницы его Наталии» (черновик — ГИМ, Чуд. собр., № 302, л. 137 об.—139; беловик — ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 123—127). Ей же и царице Прасковье Федоровне (жене, затем вдове царя Иоанна Алексеевича) посвятил целый ряд произведений по случаю семейных и церковных праздников.

В 1690-е гг. К. особенно добивался благосклонности Натальи Кирилловны, с тем чтобы стать воспитателем ее царственного внука. В 1692 г. по случаю именин царевича (17 марта) поднес ей «Букварь славенороссийских писмен со образованми вещей и со нравоучительными стихами», писанный золотом и красками (подносной рукописный экземпляр «Букваря» хранится в Музеях Московского Кремля, КН-202, № 47307, по старой описи 1884 г. — Оружейная палата, № 9463; в ГИМ имеются три списка «Букваря»: черновой — Чуд. собр., № 302, л. 1—16; беловой список с посвящением Н. К. Нарышкиной, март 1692 г. — собр. Уварова, № 73, л. 1—26; парадный экземпляр, поднесенный в октябре 1693 г. царице Прасковье Федоровне, вероятно для трех ее дочерей, — собр. Уварова, № 92; рукописные экземпляры описал И. М. Тарабрин). Для юного царевича К. предназначал книги стихов «Рай умный» (1693 г.), «Едем» (1693 г.), «Екклесиа» (1693 г.), «Полис» (1694 г.), печатный «Букварь» 1696 г. и другие сочинения. К. не был назначен наставником Алексея Петровича, но, по-видимому, обучал его версификации: неравносложными виршами написаны письма Петру I от имени сына (ГИМ, Чуд. собр., № 300, л. 439 об.;

приводится в кн.: Панченко. Русская стихотворная культура... С. 138—139; см. также: ГИМ, Чуд. собр., № 301, л. 257).

Как человек близкий ко двору и двум патриархам, К. приобрел чрезвычайно широкий круг знакомств в среде светской и духовной аристократии, столичной и провинциальной, что нашло отражение в его большом эпистолярном наследии (см.: ГИМ, Чуд. собр., № 300, 301, 302). Он состоял в переписке и был очень дружен с *Димитрием Ростовским*, был знаком с *Симоном Ушаковым* и со Стефаном Яворским. Со смертью патриарха Адриана К. лишился высокого положения. 15 марта 1701 г. должность начальника Печатного двора перешла по указу Петра I к Федору Поликарпову, и К. оставил службу. Заметно снизилась и его литературная активность. В 1712 г. он временно уехал в Новгород, куда его пригласил новгородский митрополит *Иов* для перевода книг с греческого и латинского языков и для преподавания (вместе с братьями Лихудами) в школе, устроенной митрополитом. Последнее подписанное именем К. сочинение — «Слово об иконах Оковецких» — создано уже в Чудовом монастыре и поднесено его заказчику Г. С. Нелединскому-Мелецкому в апреле 1718 г. (см.: ГПБ, Соф. собр., № 1369, л. 1). Архимандрит Леонид называет датой смерти К. 26 января 1722 г. (Азбучный указатель имен русских деятелей для составления «Биографического словаря». СПб., 1887. Ч. 1. А—Л. С. 380. (Сб. РИО. Т. 60)).

Литературное наследие К. обширно и в значительной своей части дошло в составе личного архива писателя — случай едва ли не исключительный в истории русской литературы XVII в. Систематического текстологического исследования творчества К. не проведено, что затрудняет выявление корпуса его сочинений в полном объеме. В сборниках автографов ГИМ, Чуд. собр., № 300, 301, 302 отложились черновики, наброски сочинений и писем, заметки, записи дневникового характера, фиксирующие факты собственной жизни писателя и его ближайшего окружения. Полистное описание состава чудовских сборников К. с публикацией отдельных произведений из них выполнено Браиловским (см. также: Протасьева Т. Н. Описание рукописей Чудовского собрания. Новосибирск, 1980. С. 165—168, 173—174). Сочинения К. известны также в беловых авторских и писарских, подписанных самим автором списках или с пометами его руки: БАН, П I А 8; 16.14.24, л. 603—604, 652; Владимиро-Суздальский гос. объединенный музей-заповедник (Владимирское отделение), В-5636 / 215; ГИМ, собр. Уварова, № 36, 73, 92, 181, 908; Чуд. собр., № 290; ГПБ, собр. Погодина, № 1963; Соф. собр., № 1369; ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 257; ф. 196, собр. Мазурина, оп. 1, № 645. Еще при жизни писателя его произведения распространялись в списках: БАН, Арх. собр., С. 178; Владимиро-Суздальский гос. объединенный музей-заповедник (Владимирское отделение), В-5715; ГБЛ, ф. 299, собр. Тихонравова, № 487, 634; ГИМ, Чуд. собр., № 290, 291; Синод.

собр., № 291; собр. Уварова, № 546; ГПБ, F.I.905; ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 3764 и др. К. имел обыкновение подписывать свои сочинения, вводя в формулу подписи указание на свое служебное положение как духовное («иеромонах»), так и светское («приказный справщик», «в типографии справщик» или «смотритель царьственныя типографии» и другие подобные варианты). Он любил также форму виршевых подписей (см., например: ГИМ, Чуд. собр., № 300, л. 289; там же, № 302, л. 50 об., 74, 134 об.; собр. Уварова, № 73, л. 127; Букварь. М., 1694, фронтиспис).

В бытовании сочинений К. в рукописной традиции обращает на себя внимание следующая черта: его стихи объединялись переписчиками под одним переплетом вместе со стихотворениями Симеона Полоцкого. Это явление объясняется, по-видимому, все более укрепляющимся осознанием поэзии как особого рода литературного творчества (см., например, сборник В-5715 из Владимирского музея, рукопись описана А. Е. Викторовым и В. Георгиевским; см. также: ГИМ, собр. Щукина, № 1173; ГПБ, Соф. собр., № 1481). Включение произведений К. наряду со стихами Симеона Полоцкого в рукописные литературные сборники оправдано также стремлением их составителей и редакторов к идейно-тематическому единству. Так, в Синодике патриарха Адриана (ГИМ, Синод. собр., № 291) помещена эпитафия К. Адриану вместе со стихотворениями Симеона на тему о смерти, извлеченными из «Вертограда многоцветного». Среди черновых бумаг К. сохранились автографы Сильвестра Медведева, Евфимия Чудовского. Высказанное в ряде работ мнение, что текст надгробного слова на смерть митрополита *Павла* из «Вечери душевной» Симеона Полоцкого переписан К. (см.: Козловский И.-Ф. М. Ртищев: Историко-биографическое исследование. Киев, 1906. С. 21; Агаркова. Спорные вопросы. . . С. 108), ошибочно. Сохранившийся в бумагах К. список этого слова выполнен Евфимием Чудовским.

К. был одним из первых московских просветителей. В его творчестве нашли отражение широкие историко-культурные проблемы времени. В стихотворном цикле, поднесенном царевне Софье в 1683 г., он прославлял, обыгрывая греческое значение ее имени, «мудрость», говорил о великой ее пользе и значении в жизни людей, просил царевну заботиться о распространении наук в России и учредить высшую школу. «Мудрости» К. наставлял и 11-летнего Петра I в стихах «Книга Вразумление умнаго зрения и телеснаго делания в божией мудрости» (фрагментарно опубликовано Браиловским по списку ГИМ, Чуд. собр., № 301, л. 174—178 об.; черновики — там же, № 302, л. 29—39 об., 41—47 об.; беловой текст: ГПБ, F.I.905, л. 1—22). В историю русского просвещения К. вошел как автор букварей и учебно-педагогических сочинений «Полис» (1694 г.) и «Домострой» (1696 г.). Упомянутый рукописный «Букварь» 1692 г. послужил основой для цельногравированного издания 1694 г. — «Букварь

славенороссийских писмен уставных и скорописных, греческих же латинских и полских со образованми вещей и со нравоучительными стихами». Оно было выполнено известным гравером Оружейной палаты и Печатного двора Леонтием Буниным. По наблюдениям Тарабрина, тексты стихов взяты из «Букваря» 1692 г. в рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 73. В букварях К. в соответствии с современными педагогическими взглядами последовательно проведен принцип наглядности обучения, научно обоснованный выдающимся чешским ученым Яном Амосом Коменским. В украшениях буквиц, в орнаменте букварей заметно следование западноевропейским образцам. Впервые «Букварь» 1694 г. был описан и текст его переиздан В. Н. Берхом, затем Д. А. Ровинским, И. М. Тарабриным, новейшее переиздание осуществлено В. И. Лукьяненко и М. А. Алексеевой (описание издания 1694 г. см. также: Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725. М.; Л., 1958. С. 52—54; Клепиков С. А. Русские гравированные книги XVII—XVIII веков // Книга: Исслед. и мат. М., 1964. Сб. 9. С. 154—155).

В 1696 г. «повелением» Петра I и «благословением» патриарха Адриана был напечатан «в седмое лето возраста» Алексея Петровича «Букварь языка славенска хотящым детем учитися чтений писаний начало всех писмен достолепное начертание» тиражом в 20 экземпляров (описание издания см.: Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 171—173; Быкова Т. А., Гуревич М. М. Описание изданий. . . С. 58—61). В ГБЛ имеется корректурный экземпляр этого «Букваря» с приплетенным к нему автографом стихов и поучений, напечатанных на л. 47—78. Как установил Н. П. Киселев, К. почти целиком включил в свой «Букварь» 1696 г. «Букварь» Симеона Полоцкого (М., 1679), заимствовал отрывок текста Василия Великого из предисловия к «Грамматике» *Мелетия Смотрицкого* (М., 1648, л. 17—17 об.; см.: Киселев Н. П. О московском книгопечатании XVII в. // Книга: Исслед. и мат. М., 1960. Сб. 2. С. 169—184). В настоящее время известны два экземпляра «Букваря» 1696 г., хранящиеся в ГБЛ и ГПБ (о букварях К. см. также: От Азбуки Ивана Федорова до современного Букваря. М., 1974. С. 34—39). Буквари К., в которых нашли отражение его просветительские и педагогические идеи, представляют собой выдающееся явление в культуре своего времени. Это были первые учебные пособия, в которых признавалась необходимость обучения грамоте не только мальчиков, но и девочек («учитися отроком и отроковицам, мужем и женам писати»).

Сочинение К. «Град царства небеснаго имущий моление, учение и премудрость. . .» (25 марта 1694 г.) известно в научной традиции под названием «Полис» (первоначально в рукописи: «Полис си есть град. . .», см.: ГИМ, Чуд. собр., № 302, л. 26 об.; дата сочинения указана на л. 18 об. и в тексте заглавия). В стихах его дается

характеристика 12 наук, описываются страны и части света, времена года (опубликовано фрагментарно Браиловским по рукописи ГИМ, Чуд. собр., № 302, л. 17—25; предисловие к «Полису» см.: ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 27—29).

В стихотворном произведении, получившем в науке название «Домострой» (по образцу «Домостроя» XVI в., см. *Сильвестр*), излагаются нормы поведения человека (и в особенности детей) в обществе (впервые опубликовано А. Ф. Бычковым, по черновому автографу ГИМ, Чуд. собр., № 302, л. 49—50 об. издано А. М. Панченко в кн.: Русская силлабическая поэзия. . . С. 206—211). По наблюдениям Агарковой, «Домострой» К. — это стихотворное переложение педагогического сочинения «Гражданство обычаев детских», которое в свою очередь является переводом произведения выдающегося гуманиста Эразма Роттердамского «De civilitate morum puerilium» (см.: Алексеев М. П. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. // Славянская филология: IV Международный съезд славистов. М., 1958. Сб. 1. С. 255—330). Один из списков «Гражданства» принадлежал К. (ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 73—93 об.). В стихотворной форме поэт продолжает традицию поучений отца к детям: в цикле из шести стихотворений, написанном от имени Петра I, царевичу Алексею даются заветы учиться, любить науку, быть мудрым и справедливым (ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 149—151). Поэма «Рай умный, в нем же край желаний всем благоугождающым всетворцу Богу сограждeн словесным оплотом», содержащая пересказ *Жития Алексея человека Божия*, сочетает дидактику с формой тезоименного приветствия; произведение приурочено к именинам царевича Алексея Петровича — 17 марта 1693 г. (ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 142—148; черновик предисловия — ГИМ, Чуд. собр., № 300, л. 475—477).

Поэтическое мироощущение К. формировалось под воздействием Библии, из нее он охотно черпал образы и мотивы для дидактическо-просветительных поэм. «Едем, си есть сладость, прохлаждающая и вразумляющая человеки зрением духовным» (ноябрь 1693; опубликовано фрагментарно Браиловским по рукописи ГИМ, Чуд. собр., № 300, Л. 279—283 об.; беловой список — ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 32—54) представляет собой стихотворный парафраз библейской истории от сотворения мира и Адама и Евы. Основное содержание поэмы составляет описание жизни Христа, расцвеченное несколькими апокрифическими мотивами. В поэме «Екклесиа, си есть церковь в небесное житие собирающая и святящая все человеки, сущыя в благоверии» (декабрь 1693; черновой автограф: ГИМ, Чуд. собр., № 300, л. 323—324 об.; № 302, л. 21—23 об.; беловой список — ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 55—69 об.) излагаются церковные таинства. В цикле «Стамна духоносная, имеет в себе паче злата и камений многоценных словеса чиста, учителна и чествователна святых икон и пресвятыя девы Богородицы Марии чудотворная иконы во граде

Березове чудесы прославися» объединены стихи в честь Богородицы и святого Николая Чудотворца (август 1690; ГИМ, Чуд. собр., № 302, л. 77 и сл.). Из 22 стихотворений состоит цикл «Стихи на воскресение Господа нашего Иисуса Христа» (ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 129—138; Чуд. собр., № 302, л. 109—112 об.). К. принадлежат стихи против раскольников (ГИМ, Чуд. собр., № 301, л. 276 об.), стихотворение «На ереси», направленное против протестантов и кальвинистов (там же, № 302, л. 90—91). В стихотворной форме К. писал службы, молитвы, акафисты, кондаки, икосы, каноны (см., например, рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 36, 73, л. 99—103 об.).

Для поэтического творчества К., принадлежащего словесности риторического типа, характерна вариативность и текучесть текста, использование одних и тех же словесных блоков в разных сочинениях, как это было свойственно также Симеону Полоцкому и Сильвестру Медведеву. Поэтому текстологические изыскания о поэзии К., не учитывающие данной особенности творчества русских поэтов XVII в., непродуктивны. Так, общие строки и части строф обнаруживаются в писавшихся поэтом почти одновременно панегириках царевне Софье «Книга желателно приветство мудрости» и царевичу Петру Алексеевичу «Вразумление. . .», что тем не менее не дает никакого основания считать эти произведения редакциями одного сочинения (рукописные тексты «Книги. . . мудрости» и «Вразумления. . .». А. П. Богданов необоснованно рассматривает как пять редакций одного произведения — «Книги желателно приветство мудрости», при этом черновые варианты «Вразумления. . .» опубликованы им как первая и вторая редакция «Книги желателно приветство мудрости»). У К. встречаются стихотворные строки, заимствованные у Симеона Полоцкого, отдельные строфы «Вразумления. . .» носят следы внимательного чтения «Орла Российского».

Как поэт К. сформировался в традициях восточнославянского барокко. Из стихотворных жанров он особенно культивировал панегирики, духовные оды, подписи к иконам и гравюрам, стихи на гербы, эпитафии. Как и Симеон Полоцкий, К. стремился внедрить стихи в московский быт: разрабатывал образцы поздравительных и благодарственных писем, предназначал отдельные стихи для оформления интерьера («стихи в Посольский приказ под икону» — ГИМ, Чуд. собр., № 300, л. 288; «стихи на изображение клейма» — там же, л. 54; «стихи на ковчежец часов» — там же, № 301, л. 252; «над царскими враты» — там же, л. 214; стихи «на стенном изображении в трапезе», «во втором окне», «на стене о душе» — № 302, л. 88; «подпись на потир» — там же, л. 94; «на воротах в Чудове» — там же, л. 245 об. и др.). Он воспринял также традицию публичного исполнения стихов по торжественным случаям, написал несколько декламаций, разучивал с группой учеников «орации» (см.: Материалы для истории, археологии и статистики московских церквей, собранные из

книг и дел прежде бывших патриарших приказов В. И. и Г. И. Холмогоровыми при руководстве И. Е. Забелина. М., 1884. Стб. 1043, 1044, 1047).

В поэзии К. проявилась одна из характерных для культуры барокко тенденция к синтезированию разных типов творчества. Изображения, графические и живописные эффекты входят в его произведения как органическая часть художественного замысла. Подносные экземпляры сочинений К. украшены рисунками, миниатюрами, фигурными инициалами. В лицевых букварях основой для объединения разных видов искусства послужила идея о первичности чувственного опыта при обучении. Последовательный приверженец принципа наглядности К. пользуется эмблематическим способом выражения, с которым связана особая зримость, зрелищность поэтического текста. Конструкция эмблемы, складывающаяся из надписи, картинки и подписи, — в основе композиции поэм «Книга любви знак в честен брак», «Полис» («Град»), «Едем», «Екклесиа», «Рай умный». В беловой рукописи ГИМ, собр. Уварова, № 73 текст «Едема» и «Екклесии» расположен на развороте: слева (на оборотной стороне предшествующего листа) строки двустишной надписи ограничивают сверху и снизу пространство, оставленное для изображения, а соответствующие им строфы поэм — подписи — помещены справа (на лицевой стороне нового листа). Восприятие всех компонентов в единстве не только должно было создать эффект многомерности повествования. Предполагалось, что синтез слова и изображения, взаимодействие элементов триады будет служить читательской пользе, позволяя представить в конкретных образах то, что предлагалось стихотворным текстом для «зрения духовного».

К. прекрасно владел изосиллабизмом, наиболее распространен у него одиннадцатисложник, есть также восьмисложные и пятисложные стихи. Встречаются и неравносложные вирши. Леонинский стих был одной из излюбленных поэтом форм. К. писал также стихи с двумя и даже тремя парами рифм в строке. Известны и акростихи К. (ГИМ, Чуд. собр., № 300, л. 264 об.; Букварь. М., 1696. Л. 88; Служба и житие святого Иоанна Воина. М., 1695. Л. 68 об.; ГИМ, Чуд. собр., № 291, л. 21—22 об.; ГИМ, собр. Уварова, № 36, л. 53 об.—58 и др.). «Стихи воспоминати смерть приветством» («Воззрю на небо — ум не постизает» — ГИМ, Чуд. собр., № 301, л. 230 об.) и стихотворение на рождение царевича Алексея Петровича (текст с пятилинейными нотами см.: там же, № 290, л. 123—129; ЦГИА, ф. 834, оп. 3, № 3764, л. 162 об.—168) были положены на музыку (см.: Позднеев А. В. Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 426; Протопопов В. В. Панегирический кант 1690 г. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1980 г. Л., 1981. С. 241—245).

В творчестве К. заметное место занимают проповеди, ими он начал свою литературную деятельность и писал их на протяжении всей жизни. В 1698—1699 гг. он составил сборник «Веселеил, си есть

Скиния божия, в ней же светилник словеса божия учителная трапеза учение», куда вошли 22 слова: толкования библейского текста, поучения к христианским праздникам, рассказы о чудотворных иконах, похвально-исторические слова, дидактические выступления против одного из самых распространенных пороков времени — пьянства. В проповедях «Веселеила» нашли отражение исторические события: борьба со старообрядцами, с католиками и протестантами, войны с турками, стрелецкий бунт 1698 г. (черновой вариант — ГИМ, Чуд. собр., № 300, л. 1—147 об., название произведения — на л. 147 об.; беловой список — ГБЛ, ф. 299, собр. Тихонравова, № 634, л. 1—136 об., 17 слов). Судя по отметкам в рукописях, отдельные проповеди произносились с церковной кафедры. Одно из прозаических произведений К. — «Служба и житие Иоанна Воина» — было издано при его жизни и неоднократно переиздавалось в XVIII в.

О склонности К. к летописному труду свидетельствуют многие заметки и записи в сборниках Чудовского собрания ГИМ (одна из них сообщает о смерти Сильвестра Медведева — № 300, л. 284 об.), упомянутое «Созерцание краткое». Ему Браиловский приписывает также «Летописец великия земли Российския, составленный по повелению правительницы государства царевны и великой княжны Софьи Алексеевны (1682—1695) из древних ветхих и продолженный до 1705 г.» (экземпляр находился в библиотеке архимандрита Леонида, в настоящее время местонахождение его неизвестно). В бумагах К. есть запись о том, что 3 марта 1699 г. он подарил царевичу Алексею Петровичу «Летописец греческой по славенской речи и в лицах весь, в десть, царство 45 Константина Багрянороднаго сына Львова, а сначала той летописец царство Тита Евспасианова сына» (ГИМ, Чуд. собр., № 300, л. 383 об.—384, местонахождение летописца неизвестно). А. Никольский приписывает К. авторство компилятивного трактата по вопросам искусства — «Слово к люботщателем иконного писания» (опубликовано полностью: Никольский А. Слово к люботщателем иконного писания // ВАИ. 1911. Вып. 20. С. 65—77). Он составлен с использованием «Слова к люботщательному иконного писания», приписываемого Симону Ушакову, «Записки» (1677 г.) Симеона Полоцкого о русском иконописании (ГБЛ, собр. Румянцева, № 376, л. 12—20), грамоты 1668 г. трех патриархов (Паисия Александрийского, Макария Антиохийского, *Иоасафа II* московского) и царской грамоты 1669 г. (ГИМ, Синод. собр., № 130, л. 215; о содержании названных сочинений см.: Дмитриев Ю. Н. Теория искусства и взгляды на искусство в письменности Древней Руси // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 97—116).

Из переводов К. с уверенностью можно назвать три сочинения. Первое — перевод труда блаженного Августина — имеет в тексте заглавие «Августина учителя книга о видении Христа, или о славе Бога, или же истина небеснаго вождения память обновляется» (1687 г.); в орации, произнесенной при вручении книги в том же году царевне Софье, она

названа «Боговидная любовь» (орация опубликована Браиловским по рукописи ГИМ, Чуд. собр., № 300, фрагменты из перевода — по списку того же собрания № 291; беловой список книги с циклом из 36 стихотворных подписей к гравюрам — там же, № 291, л. 41—80; БАН, Арх. собр., С. 178, л. 37 об.—62, 78—140; ЦГАДА, ф. 196, собр. Мазурина, оп. 1, № 645). В орации есть указание на то, что К. пользовался белорусским списком: книгу «Боговидная любовь», писал он, «обретох на белорусском писме славенским диалектом преведенну и писанну, юже славенскими буквами написаху» (ГИМ, Чуд. собр., № 300, л. 33). В 1692 г. К. закончил перевод сочинения Юлия Фронтина «Книга о хитростех ратных» (такое название в списке ГИМ, Чуд. собр., № 300, л. 325), а в 1693 г. поднес его Петру I (парадный экземпляр с подписью автора имеет заглавие «Книги Иулия Фронтина сенатора римскаго о случаех военных на четыре части разделенныя», см.: ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 257). Как установил А. И. Соболевский, оригиналом для перевода послужил польский перевод с латинского, выполненный Якобом Цилецием и изданный в Познани в 1609 г. (см.: Соболевский. Переводная литература. С. 109). В речи, которую К. произнес при вручении книги и присоединил к переводу в качестве предисловия, он выражал надежду, что сочинение окажется полезным царю как полководцу в его борьбе «противу махометанов проклятых турков и татар» (в упомянутой рукописи ЦГАДА, л. 5). В книге содержится, как указал К., «пятсот осмьдесят прикладов», демонстрирующих, как должно поступать «ратоборцу» в военной ситуации (об этом сочинении см.: Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII в. М., 1982. С. 212—215). В 1694 г. К. выполнил для царевны Натальи Алексеевны перевод сочинения «некоего богомудра и любомудра мужа» — «Сладость умнословесныя и богомысленныя души, в беседование с Господем Богом». Время перевода известно по собственноручной записи К. (ГИМ, Чуд. собр., № 302, л. 98 об.), где указано также, что книга «преписася с беломалоросскаго языка и писмен» (речь при поднесении перевода царевне Наталье Алексеевне — там же, № 300, л. 299—301 об.; речь при вручении книги царевичу Алексею Петровичу — там же, л. 319—321; предисловие с посвящением царевне Татьяне Алексеевне — ГИМ, собр. Уварова, № 73, л. 95—98 об.). Предположительно К. приписываются переводы апокрифического *Сказания Иеронима о Иуде предателе* (список ГИМ, Чуд. собр., № 302, л. 199—201), нескольких рассказов из *Римских деяний* (там же, л. 185—199), двух слов Леонтия Карповича (с южнорусского оригинала — там же, № 300, л. 180—243). Архимандрит Филарет называет в числе сочинений К. «Арифметику», изданную в Москве в 1700 г.

Изд.: Букварь славенороссийских писмен. М., 1694; Служба и житие святого Иоанна Воина. М., 1695; Букварь языка славенска. М., 1696; Туманский Ф. Собрание

разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях государя императора Петра Великого. СПб., 1787. Ч. 6. С. 54—84. Берх В. Н Археология. Букварь Кариона Истомина 1691-го года // Северный архив. 1822. Ч. 4, октябрь, № 19. С. 3—27; Смирнов С. История Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. Прил., С. 396—400; Буслаев. Историческая хрестоматия. Стб. 1299—1302, Бычков А. Ф. Домострой Кариона Истомина // ЛЗАК за 1862—1863 гг. СПб., 1862 Вып. 2. С. 126—132; Ровинский Д. А. 1) Русские народные картинки. СПб., 1881 Кн. 2. С. 483—503; Кн. 4. С. 514—517; 2) Материалы для русской иконографии. СПб., 1890. Вып. 7, 9; 3) Букварь, изготовленный монахом Карионом Истоминым для обучения царевича Алексея Петровича в 1692 г. / Гравирован Леонтием Буниным СПб., 1891; Браиловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия: Историко-литературное исследование в двух частях с приложениями. СПб., 1902. С. 367—481 (Записки имп. Акад. наук. Т. 5); Тарабрин И. М. Лицевой Букварь Кариона Истомина // Древности. М., 1916. Т. 25, табл. XV—LIII (отд. изд.: М., 1916); Вирши. Силлабическая поэзия XVII—XVIII веков / Общая ред. П. Беркова. Л., 1935. С. 141—151., (Библиотека поэта, малая серия); Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. // Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Панченко; Общая ред. В. П. Адриановой-Перетц. Л., 1970. С. 203—215. (Библиотека поэта, большая серия); Букварь составлен Карионом Истоминым, гравирован Леонтием Буниным, отпечатан в 1694 году в Москве: Факсимильное воспроизведение экземпляра, хранящегося в Гос. Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде / Вступ. ст. В. И. Лукьяненко, М. А. Алексеевой. Л., 1981; Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века: Литературные панегирики / Подгот. текста, предисл. и коммент. А. П. Богданова; Под ред. В. И. Буганова. М., 1983. [Ч. 1—2] (ротапринт); Dębski Jan. Poezja rosyjskiego baroku. Antologia. Kraków, 1985. S. 41—47. (Uniwersytet Jagiellonski. Skrypty uczelniane. N 495); Карион Истомин. «Книга любви знак в честен брак» / Изд. подгот. Л. И. Сазонова. М., 1989.

Лит.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. СПб., 1827. Т. 1. С. 318—320. Строев. Словарь. С. 163—165; Филарет. Обзор. С. 267; Браиловский С. Н. 1) Карион Истомин: Жизнь его и сочинения // ЧОЛДП. 1889. Апрель. С. 346—374; Май. С. 439—464; Июнь. С. 538—592; 2) К биографии Кариона Истомина // ЖМНП. 1891. Август. С. 434—437; 3) К вопросу о литературной деятельности русских писателей XVII столетия, носивших имя Карион // ИОРЯС. 1909. Т. 14, кн. 1. С. 12—58; Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890 С. 22, 167—168, 227, 250, 267—268, 278; Георгиевский В. Флорищева пустынь: Историко-археологическое описание с рисунками. Вязники, 1896. С. 166—171, 199—200, 248—251, 259—260; Описание рукописей, хранящихся в архиве св. правительствующего Синода. СПб., 1910. Т. 2, вып. 2. С. 534—540; Шемшурин А. А. О гравированном и рукописных лицевых букварях Кариона Истомина // ЧОИДР. 1917. Кн. 1 (260). Отд. 2. С. 1—50; Еремин И. П. Карион Истомин // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 355—360; Агаркова Р. К. Спорные вопросы биографии Кариона Истомина // Учен. зап. Душанбинского гос. пед. ин-та им. Т. Г. Шевченко. 1967. Т. 51. Сер. филол. Вып. 19: Языкознание и литературоведение. С. 100—116; Панченко А. М. 1) Книжная поэзия Древней Руси // История русской поэзии. Л., 1968. Т. 1. С. 50—51; 2) Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973; Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения. XVII—первая треть XIX в. / Сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980. С. 9—10. (Описание Рукописного отдела БАН СССР. Т. 4, вып. 2); Dębski Jan. 1) Z obserwacji nad spuścizną poetycką Kariona Istomina // Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellonskiego. T. 526. Prace historycznoliterackie. 1979. Z. 37; 2) Twórczość rosyjskich sylabistów i tradycje literackie. Wrocław etc., 1983; Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII—начало XVIII в.). М., 1991; Лавров А. С. «Летописец» Кариона Истомина // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 411—413.

Л. И. Сазонова

Катырев-Ростовский Иван Михайлович см. *«Повесть книги сея от прежних лет»*.

Кашинский Петр (2-я пол. XVII в.) — поступивший на русскую службу выходец из Польши, ротмистр расквартированного в Симбирске (по снятии осады Степана Разина) рейтарского отряда, переводчик трех книг прозаических басен: Эзопа, Барбия и Абстемия (1675 г.) — собрания, превзошедшего по составу как переводы *Федора Гозвинского* и *Андрея Виниуса* вместе взятые, так и любое из печатных изданий этого жанра в России вплоть до 20-х гг. XIX в. Оригинал перевода — отмеченное социальными и политическими идеями польского Ренессанса краковское издание Przypowieśći Aezopowe, z Łaćińskiego na Polskie zpilnośćią przełożone. Przydane są k temu przypowieśći z Gabryela Greka y Laurenthego Abstemiusa (ок. 1600 г.), из 339 басен которого К. отобрал и перевел 260.

Естественно, что в силу идейно-политических и философско-религиозных различий польских и русских государственных и теологических доктрин подобное предприятие требовало сугубой осторожности и многих перемен и исправлений от переводчика, если он вообще рассчитывал на свободное обращение своего перевода, так что в тексте К. опущена едва не четверть басен оригинала и переработаны десятки других, предосудительно ассоциировавшихся с внутренней или внешней политикой Московского государства. Опускались также басни антиклерикального порядка, а равно и с античными мифологическими сюжетами, если их не удавалось приноровить к православному миропониманию; снимались рассказы скабрезно-эротического, неблагочинного толка. Вместе с тем заострялось внимание к социальным вопросам — и ряд фабул отвергнут как раз потому, что не отвечал социальным или нравственным представлениям К. Но тем самым русский перевод обрел приметно большее внутреннее единство, нежели его польский источник.

Смещаются эстетические критерии повествования. К. твердо держится трезвой действительности, ее реальных зависимостей и отношений. Из перевода устраняется все гротескное, карикатурное, а также фабулы, весь эффект которых — в находчивой игре слов, неожиданном пуанте, никак, разумеется, не разрешающем реальной жизненной коллизии, типа басни о холопе, утаившем от пана сердце забитого кабана и уверявшем, что у столь глупого животного сердца и не могло быть, и т. п. Шутовской юмор не забавляет симбирского ротмистра (см.: Тарковский Р. Б. Кашинский Петр // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 145—146).

Изменяется морально-этическая призма оценок. Отвлеченно-безусловные ценности переключаются переводом К. в сопоставление, а то и поляризацию этих ценностей в условиях социального контекста. На место психологического, «всечеловеческого», становится социально обусловленное и сословно характеризующее. И там, где оригинал

отмечает биологический эгоизм индивидуума, К. противопоставляет ему солидарность и взаимоподдержку социальных низов: «когда бедный и нужный человек видит большую инаво, нежели свою, нужу, такожде ему в нужи хочет пособити, аки и самый собе». Но главное — сменяются источники, критерии и субъекты оценки, которая, по К., предопределяется отнюдь не очевидностью факта и тем более не аргументами индивидуума, но социумом. Там, где польский текст полагает, что «если кто может что показать делом, — и что ему до свидетелей?», К. уверен: «. . .когда кого похвалят люди, сам себе никакой похвалы прибавить не может». Там же, где оригинал занят выяснением психологических мотивов поведения, К. может вообще не интересовать поведение как таковое: он утверждает только неизбежную обоснованность, а потому и непреложность социальной оценки.

К. не был ни профессиональным переводчиком, задавшимся старательной передачей оригинала, ни особенно образованным человеком. Он — носитель смешанного польско-русского двуязычия при исходной польской основе, так что в раннем списке его перевода (ГПБ, Q.XV.16 с владельческой записью 1684 г.) нетрудно набрать не одну сотню примеров польских грамматических форм и конструкций, а в словнике — более сотни лексических полонизмов. И тем не менее К. не отказать в несомненном литературном даровании. Но стремительность и краткость его басенного рассказа не обычна ни для русских повествовательных традиций, ни для практики московских переводов, так что усилия последующих переписчиков оказались направлены не столько на изгнание полонизмов, сколько на придание тексту К. привычной нарративной обстоятельности и художественной аранжировки, что весьма приметно во втором и последнем известном списке этого перевода (ГПБ, собр. Колобова, № 607, первой трети XVIII в.). Перевод К. не издан.

Лит.: Пыпин А. Н. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1858. С. 172—173; Адрианова-Перетц В. П. Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII века // ИОРЯС. 1929. Т. 2, кн. 2. С. 377—400; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 411—412; Тарковский Р. Б. 1) Басня в России XVII—начала XVIII века // Науч. докл. высш. шк. Филол. науки 1966. № 3. С. 97—109; 2) Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975. С. 15—18, 39—41, 186—190; 3) Переводчик Эзопа Петр Кашинский // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 134—157; Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 540—541.

Р. Б. Тарковский

Квашнин-Самарин Петр Андреевич (1671—между 1741 и 1749) — автор любовных лирических песен. К.-С. происходил из старинного боярского рода Квашниных, приходился внуком князю *Семену Ивановичу Шаховскому*. Служил стольником у царицы Прасковьи Федоровны с 1686 по 1692 гг. В 1698 г. женился на вдове Аграфене Михайловне Ржевской. Правильность официальной фамилии К.-С. была оспорена

И. С. Филипповой, предложившей именовать К.-С. П. А. Самариным-Квашниным, но последние публикации вновь возвращают фамилии прежнее написание (см. статью Н. К. Телетовой). Песни К.-С. написаны в конце 90-х гг. XVII в. Тексты песен (их более 20, в том числе и украинских, в целом виде и в отрывках), писанных скорописью в строку, без деления на стихи, были обнаружены в конце 1920-х гг. М. Н. Сперанским на оборотной стороне документов XVII в. (столбцов) из семейного архива Квашниных-Самариных (ГИМ, Отдел письменных источников, ф. 253, ед. хр. 25, 26 (39), 42 и др.).

М. Н. Сперанский считал, что песни, записанные К.-С., заслуживают внимания «как редкие записи произведений устной поэзии, сделанные еще в XVII в.». В. В. Данилов, Л. С. Шептаев, В. П. Адрианова-Перетц и Д. С. Лихачев утверждают, что найденные песни — это сочинение самого К.-С., который в своем творчестве опирался на народную лирическую песню, бытовавшую в среде городской и служилой. Об этом свидетельствуют и самый вид рукописных текстов с многочисленными поправками, говорящими о том, что, скорее всего, К.-С. исправлял свои же собственные записи, и тематическое однообразие песен: во всех говорится о любовных переживаниях и неразделенной любви. Этот вывод был поддержан И. П. Ереминым, И. С. Филипповой, Т. М. Акимовой, Н. С. Демковой и др. Сравнение песен К.-С. с имеющимися в его записях отрывками народных песен XVII в. привело А. В. Позднеева к выводу, что последние использовались К.-С. как «заготовки» «для создания собственных песен (или виршей)» (Позднеев. Лирические песни. . . С. 92). Но, опираясь на народную песню, К.-С. украшает свои «вирши» образами и речевыми оборотами, заимствованными из повествовательной литературы.

Изд.: Сперанский М. Н. 1) Чотири українські пісні кінця XVII-го ст. // Первісне Громадянство та його пережитки на Україні. Київ, 1929. Вип. 2. С. 51—52; 2) Из материалов для истории устной песни // Изв. АН СССР. 1932. № 10. С. 913—934; Демократическая поэзия XVII века / Вступ. ст. В. П. Адриановой-Перетц и Д. С. Лихачева; Подгот. текстов и примеч. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1962. С. 20—23, 93—104, 168—170. (Библиотека поэта, большая серия. 2-е изд.); Котков С. И., Панкратова Н. П. Источники по истории народно-разговорного языка XVII—начала XVIII века. М., 1964. С. 262—269; Филиппова И. С. Песни П. А. Самарина-Квашнина // ИОЛЯ. 1972. Т. 31, вып. 1. С. 62—66; Демкова Н. С. 1) Samarin Kvašnins «Pesnja» (Svet moja, milaja-dorogaja. . .) // Seemann K.-D. Russische Lyrik, Eine Einführung in die literaturwissenschaftliche Textanalyse. München, 1982. S. 123—132; 2) «Свет моя, милая-дорогая. . .» П. А. Самарина-Квашнина // Анализ одного стихотворения: Межвуз. сб. / Под ред. В. Е. Холшевникова. Л., 1985. С. 58—67; 3) Песни П. А. Самарина-Квашнина / Подгот. текста и коммент. Н. С. Демковой // ПЛДР. XVII век. М., 1988. Кн. 1. С. 595—602, 703—704.

Лит.: Данилов В. В. Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашнина // ТОДРЛ. М.; Л., 1935. Т. 2. С. 176—180; Еремин И. П. 1) Силлабическая поэзия // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 362; 2) Литература 1640-х—начала 1690-х годов. Развитие демократической сатиры и бытовой повести. Предшественники русского классицизма // История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 361; Позднеев А. В. Лирические песни XVII века: (К вопросу о

репертуаре) // Русский фольклор: Материалы и исследования: М.; Л., 1956. Т. 1. С. 81—96; Шептаев Л. С. О репертуаре русской народной бытовой песни XVII в. // Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена. 1957. Т. 134. С. 91—111; Котков С. И., Орешников А. С., Филиппова И. С. Московская деловая и бытовая письменность в XVII веке. М., 1968; Акимова Т. М. Очерки истории русской народной песни. Саратов, 1977. С. 71—74; Телетова Н. К. 1) Забытые родственные связи А. С. Пушкина. Л., 1981. С. 28—29; 2) Первый русский лирический поэт П. А. Квашнин-Самарин // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 47.

М. А. Салмина

Киприан Старорусенков (ум. 17.XII.1634) — митрополит новгородский, автор посланий, исторических и церковных сочинений. К. получил широкую известность после событий Смутного времени. Будучи архимандритом Новгородского Хутынского монастыря, во время оккупации шведами Новгорода он возглавлял в Выборге переговоры об избрании на царство шведского королевича Карла-Филиппа, явно безнадежные, т. к. в Москве уже решился вопрос о выборах царя. В то же время К. «под рукою» работал в пользу воссоединения Новгорода с Московским государством во главе с *Михаилом Феодоровичем*. В *Летописце Новом* подробно рассказывается, как К. «укрепляше со слезами» князя Никифора Мещерского, «чтобы пострадали за истинную православную християнскую веру»; позднее он сам по распоряжению митрополита *Исидора* в составе посольства едет в Москву договариваться, «чтобы государь с Москвы велел сослаться послами со свитцким королем». Шведы требовали, чтобы посольство восстановило договоренность с московскими боярами о выборах на престол шведского короля, но новгородцы пользуются случаем и бьют челом Михаилу «о своих винах», что «целовали крест по неволе королевичю», и получают от царя грамоту к митрополиту и «ко всему Новгородцкому государству», где новгородцы обвиняются в измене. В этот приезд К. делается лично известным Михаилу Федоровичу: во время аудиенции он «паде у ног государевых и просяше милости... о тех, кои воровали и посягали на православных крестьян»; по его просьбе царь дает еще одну «милостивую» грамоту «в тайне», а также «список, выписав все неправды немецкие». Однако тайна в Новгороде не сохраняется: из предательского доноса шведы узнают о «списке» и о челобитье посольства, начинается преследование его членов, причем особенно жестоко наказывается К.: «Архимариту ж наипаче многая мука была: биша его немилостивно, после ж того бою биша на правеже до умертвия и стужею и гладом моряху; едва с таких мук душа укрепися» (ПСРЛ. Т. 14. С. 138—139).

Преданность и стойкость в выпавших испытаниях несомненно помогли К. завоевать высокий авторитет в глазах царя Михаила Федоровича и патриарха *Филарета*. Именно поэтому при создании новой архиепископской кафедры в Тобольске выбор царя и патриарха пал на К. и 8 сентября 1620 г. он был первым посвящен в сан архиепископа тобольского и сибирского. 30 мая 1621 г. К. торжественно

въезжает в столицу Сибири. 15 февраля 1624 г. по грамоте царя и патриарха он выезжает оттуда в Москву, где 12 декабря того же года поставлен в митрополиты Крутицкие. 20 октября 1626 г. К. посвящен в митрополиты Новгородские. На кафедру он прибыл 3 ноября 1626 г. и занимал ее вплоть до смерти. Похоронен 13 января 1635 г. в Корсунской паперти Софийского собора тверским архиепископом Евфимием (ПСРЛ. Т. 3. С. 188—189, 275).

Значение К. для Сибири связано с установлением новой кафедры, ее хозяйственной и духовной деятельностью. Именно К. заложил основы обеспеченности Тобольского архиерейского дома пахотными землями, сенными покосами, рыбными ловлями, оставив своему преемнику «громадное количество земли» (Буцинский. Заселение Сибири... С. 124). Уже при К. архиерейские земельные вотчины насчитывали сотни десятин, а десятки крестьян находились в кабальной зависимости. При этом, непрестанно ходатайствуя перед государем об отводе кафедре наиболее удобных угодий и получая их, К. вступил в конфликт с тобольским воеводой Матвеем Михайловичем Годуновым и верхушкой тобольского казачества, издавна «без грамот» пользовавшихся теми же угодьями. Конфликт углублялся и потому, что правительство Михаила Федоровича отдавало все преимущества духовному владыке: из Москвы на имя воеводы посылались грамоты с требованиями обеспечить архиепископа достойными его хоромами (при невозможности построить — просто освободить для него воеводский дом), окружить его всеобщим уважением и почетом, а также подчиняться ему во всех духовных делах, что для вольного сибирского казачества было непривычно и малоприемлемо; самому же архиепископу поручалось, помимо дел церковных, следить за деятельностью местной администрации и ставить о ней в известность напрямую царя Михаила. Все это не могло не вызывать недовольства воеводской избы. Победу одержал архиепископ: как сообщает *Летописный свод Сибирский*, в 1623 г. «против святительскаго челобитья против Киприянова» в Сибирь прибыли сыщики, расследовавшие деятельность М. М. Годунова (ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 147).

Не менее активен К. в церковном строительстве. При нем закончен и освящен центральный собор в Тобольске, названный, как и в Новгороде, во имя Софии Премудрости божией; построено большое количество церквей как в Тобольске, так и в других сибирских городах; основано несколько монастырей в разных городах, куда К. направлял приехавших с ним монахов из разных русских обителей. В самом Тобольске К. перевел на новое место крупнейший мужской Успенский монастырь и освятил там церковь во имя Знамения Богородицы, «яже в Великом Новеграде», после чего монастырь получил название Знаменского (ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 147).

Прославление новгородских святынь — один из главных принципов идейной политики К. в Сибири. Помимо Софии и Богородицы Зна-

мения, он обращал особое внимание на культ Варлаама Хутынского: его икону К. привез из Новгорода и поместил в Софийском соборе (Тобольск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1885. С. 12). На соборной фреске еще при К. существовало изображение и *Стефана Пермского* (там же); миссионерская деятельность последнего ставилась в пример первому сибирскому архиепископу патриархом Филаретом (Миллер. История Сибири. Т. 2. С. 282), и его житие пользовалось особой популярностью на Урале и в прилегающих к нему районах Сибири.

С именем К. связываются первые дошедшие до нас сведения о начале сибирского летописания. Как сказано в летописи тобольского архиерейского дьяка *Саввы Есипова*, «во второе лето престольства своего» К. расспрашивал ермаковых казаков о том, «како они приидоша в Сибирь, и где с погаными были бои, и ково где убили погании на драке» (ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 70). В ответ ему принесли *«Написание» казаков о походе Ермака*, на основе которого при К. был создан Синодик ермаковым казакам и установлено их поминание в Софийском соборе в неделю православия (ср. *Синодик*). Вероятно, его автором был сам К., знаток «соборного и келейного чина» (Зерцалов. О неправдах... С. 9), который и позднее в Москве сочинял тексты служб по распоряжению патриарха (ПСРЛ. Т. 14. С. 152).

Синодик ермаковым казакам сохранился в единственном списке (ГИМ, собр. Уварова, № 370 (540)), который представляет собой текст Чина православия. Судя по записи Филофея Лещинского, тобольского митрополита в 1702—1710 и 1715—1721 гг., эта рукопись ведет свое происхождение из книг Софийского собора и сохранила, таким образом, оригинал киприановского Синодика; о том же свидетельствуют и следы редакторской правки, проводившейся в процессе переписки (см.: Ромодановская. Синодик... С. 17—18). Основной особенностью Синодика ермаковым казакам являются краткие исторические справки об обстоятельствах гибели тех или иных поминаемых лиц. Трудно сказать — вызвано это спецификой ранней редакции Чина православия или новгородской традицией, перенесенной в Сибирь (см.: Ромодановская. Русская литература... С. 39—40), но благодаря этому Синодик стал одним из самых ранних памятников сибирской историографии. По мысли Д. С. Лихачева, он «сам по себе представляет собой краткую летопись — сжатый конспект событий похода Ермака» (Лихачев. Русские летописи... С. 394).

Синодик ермаковым казакам послужил одним из источников для Саввы Есипова, который включил его в несколько переработанном виде в собственную летопись в виде приложения; при этом Есипов исключил перечни имен погибших казаков, сократил некоторые известия и подверг весь текст стилистической обработке (см.: Ромодановская. Русская литература... С. 42—45). Вся позднейшая сибирская историография вплоть до нашего времени знала текст

Синодика только в есиповской редакции; при ее посредничестве Синодик использован в Ремезовской и Черепановской летописях, а также в Сибирском летописном своде (Там же. С. 45—47). Независимо от Есипова также в 1630-х гг. текст Синодика или его ближайшего протографа (возможно, казачьего «Написания») был использован в качестве основного источника автором *Летописи Строгановской* (Бахрушин. Очерки... С. 26—28; Ромодановская. Русская литература... С. 48—49).

Включение Синодика ермаковым казакам в состав общего Чина православия во многом определило его специфику: отсутствие какого-либо предисловия — оно было единым для всей службы, нехарактерное для Чина начало текста с даты похода, выспреннюю стилистику. Несамостоятельность Синодика объясняет и возможность поминания казаков в Тобольске до специального утверждения обряда патриархом: Чин православия допускал включение в свой состав поминаний местных угодников. Вместе с тем подчиненность Чину православия явилась причиной малого распространения текста Синодика и ограниченного влияния его на местное литературное творчество: служба в неделю православия в Тобольске совершалась только в Софийском соборе, и текст Чина не переписывался даже для служебного употребления в других церквах; обратиться к нему непосредственно могли лишь писатели, имевшие доступ к Софийской ризнице: архиепископский дьяк Савва Есипов, а в XVIII в. — ямщик-летописец И. Черепанов, бывший церковным старостой.

Составление Синодика и упоминание К. в Есиповской летописи создало ему славу первого историка Сибири; еще Г.-Ф. Миллер считал, что К. положил «первое основание к сочинению... [сибирских] летописей» (Пекарский П. П. История императорской Академии наук. СПб., 1870. Т. 1. С. 355). Той же точки зрения придерживались Евгений (Болховитинов), А. Старчевский, П. И. Небольсин, Н. Абрамов, С. А. Адрианов, В. С. Иконников. Все они считали, что позднейшие летописи (Есиповская и Строгановская), вне зависимости от их отношений друг к другу, напрямую использовали текст Синодика как первоосновы летописного сочинения. Лишь С. В. Бахрушин на основе текстологического анализа установил, что Синодик «не представляет собой первоначального текста, а лишь перерабатывает неизвестный нам первоисточник, которым пользовались и летописи» (Очерки... С. 26). По мысли С. В. Бахрушина, «в основе трех известных нам древнейших памятников Сибирской истории — „Синодика", „Строгановской" и „Есиповской" летописей — лежит один и тот же первоисточник, то „Написание", которое принесли казаки преосв. Киприану» (там же. С. 30). Таким образом, роль К. в создании сибирского летописания ограничивается написанием Синодика. Мысль о непричастности К. к непосредственной летописной работе поддерживает и Е. И. Дергачева-Скоп (Из истории литературы... С. 121—122).

Идея о едином протографе Синодика, Есиповской и Строгановской летописей совершенно иначе решалась А. М. Ставрович, которая предполагала, что на основе казачьего «Написания» и рассказов очевидцев была составлена не дошедшая до нас «летопись Киприана»; эта летопись послужила основой для Синодика и сибирских статей Нового летописца; последние, дополненные другими источниками, явились протографом Есиповской и Строгановской летописей. Поскольку работа А. М. Ставрович до сих пор не опубликована, ее гипотеза в полном виде не обсуждалась в научной литературе (Сибирские летописи. Этюд по истории вопроса и анализу сибирских летописей: Архив ЛОИИ, колл. 285, д. 1). Однако мысль о существовании какой-то более ранней летописи-протографа нашла свое развитие. Так, Д. С. Лихачев предполагал, что помимо Синодика при К. на основе казачьего «Написания» и татарских записок была создана первая официальная сибирская летопись («киприановский свод») (Русские летописи... С. 394—395). Р. Г. Скрынников считает, что таким протографом была ранняя Тобольская летопись, созданная при К., возможно, с участием князя *С. И. Шаховского*, бывшего в ссылке в Тобольске в 1621—1622 гг. (Сибирская экспедиция... С. 21—33). Какие-то отношения К. с С. И. Шаховским подтверждаются сохранившимся посланием последнего, где князь просит К. быть «ходатаем» за него перед патриархом Филаретом (Буслаев. Историческая христоматия. Стб. 1048—1050).

Письмо С. И. Шаховского может свидетельствовать и об особенно тесных отношениях между К. и Филаретом. Документы, в которых упоминается К. после пребывания в Сибири, несомненно говорят о том же: К. участвует во многих начинаниях Филарета (в решении вопроса о прилоге «и огнем», в приеме послов шаха Аббаса, привезших срачицу Христа, и др.) как его непосредственный советник и помощник (см.: ЦГАДА, ф. 210, Денежный стол, кн. 173, л. 317 об., 320 об.). В. Л. Янин предполагает, что многие предприятия К. в Новгороде указывают на общий с Филаретом замысел упорядочить практику богослужения (Некрополь... С. 191). По-видимому, К. активно участвует и в литературных начинаниях патриарха.

Об одном из таких мероприятий прямо говорит Новый летописец. Рассказывая о принесении в Москву ризы господней от шаха Аббаса, его автор замечает: «Патриарх же Филарет повеле Крутицкому митрополиту Киприяну сложити стихеры и канун» (ПСРЛ. Т. 14. С. 152). Следовательно, К. непосредственно участвует в литературной работе, связанной с прославлением новой святыни. О его активности свидетельствует и «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса: К. вместе с патриархом и другими властями «того ковчежца осматривали», после чего «патриарх Филарет Никитичь Московский и всеа Русии... уложил с митрополитом Кипреяном Сарским и Подонским... и со всем освященным собором тое святыню свидетельствовати чюдесы» (Гухман. «Документальное» сказание... С. 264—265). Именно К. вместе с

симоновским архимандритом Левкием, богоявленским игуменом Ильей и новинским игуменом Евфимием поручается «лучшаго ради уверения» ходить «ко оным болящим, их же глаголют исцелевших», чтобы «тех всех болящих и тех людей, которые с ними живут в домех, вопросити и самех досмотрети, аще истинно исцеление прияша» (там же. С. 265—266). Имя К. сохраняется и в кратком пересказе «Документального» сказания (там же. С. 269—270).

Размышляя об авторе «Документального» сказания, С. Н. Гухман высказала предположение, что памятник был создан при патриаршем дворе и окончательный его текст, весьма вероятно, получил санкцию самого патриарха. Учитывая сообщение Нового летописца о непосредственном участии К. в создании службы принесению ризы господней, причем прямо вслед за событиями (митрополитом крутицким он мог быть назван лишь до 20 октября 1626 г.), можно думать, что тем лицом, которое получило «официальное задание создать особый литературный памятник на материале всего дела о ризе» (там же. С. 257), был митрополит К.

Вполне вероятно, что К. участвовал и в создании Нового летописца. А. И. Андреев предполагал, что «при помощи К. или других лиц, возвращавшихся в Москву», местные сибирские летописи «сделались известны автору Нового летописца, который из тех же сибирских повестей и их продолжений заимствовал не только повесть о завоевании Сибири, но и некоторые другие последующие известия о Сибири» (Очерки. . . С. 241). Соглашаясь с этой гипотезой, В. Г. Вовина отмечает особую осведомленность Нового летописца о судьбе К.: подробное, в самом выгодном свете, освещение его поведения в период шведской оккупации Новгорода, знание о его сибирском архиепископстве, пребывании на Крутицах и в Новгороде на митрополии (Вовина В. Г. К вопросу о сибирских статьях Нового летописца // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 64—66). Кроме того, глава «О принесении срачицы Господни в царствующий град Москву», где также сообщаются особые известия о К., написана на основе переработанного текста «Документального» сказания о даре шаха Аббаса (Вовина В. Г. Новый летописец: Источниковедческое исследование. Автореф. дис. . . . канд. ист. наук. Л., 1988. С. 14), т. е. гипотетического сочинения К. Поскольку Новый летописец был составлен в окружении патриарха Филарета и «составителем памятника явилось, очевидно, духовное лицо, близкое к Филарету» (там же. С. 16), предположение о большей или меньшей доле участия К. в этой работе заслуживает внимания и специального исследования.

Принимал К. участие в литературной работе и в Новгороде. При нем были составлены Чиновник Новгородского Софийского собора (опубликован А. Голубцовым) и описание новгородских святынь «О святей соборной церкви Софеи Премудрости божии, иже в Велицем

Новеграде, и о новгородцких чудотворцех, идеже койждо лежит», который В. Л. Янин датирует несколько более ранним временем, чем Чиновник (Некрополь. . . С. 217). Оба эти памятника отражают проведенную К. локализацию древних погребений Софийского Собора в Новгороде, связанную, по мнению В. Л. Янина, с упорядочением практики богослужения (там же. С. 191). Тогда же (1629 г.) К. установил праздник обретения мощей архиепископа *Иоанна Новгородского* (там же. С. 165). В 1634 г., как сообщает Новгородский Хронограф XVII в., К. расспрашивал о чудесах от «Спасова образа, что на Павлове улицы на башни, что написан настенное писмо» (Тихомиров. Новгородский хронограф XVII в. С. 278). Судя по тому, что вслед за этим сообщением в Хронографе помещено описание десяти чудес (там же. С. 278—280), К. не только расспрашивал, но и велел записать известные чудеса святыни Славянского конца Торговой стороны. С именем К. А. В. Лаврентьев связывает создание легендарного сочинения о первых веках славянской истории — Повести о Словене и Русе, новгородской по своему происхождению (см.: Лаврентьев А. В. Летописный свод 1652 года как источник для изучения русской средневековой повести XV—XVIII вв. // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 166—167. (Труды ГИМ. Вып. 71); о Повести см.: Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1955. Т. 1. С. 95—96; Гольдберг А. Л. Легендарная повесть XVII в. о древнейшей истории Руси // ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 50—63).

К. прилагал немалые усилия для прославления и утверждения церковных святынь везде, где бы он ни находился — в Тобольске, Москве, Новгороде. Он был «энергичным сторонником традиционной новгородской церковной теории о превосходстве церкви над светской властью» (Лихачев. Русские летописи. . . С. 393). «Как люди, прошедшие тяжелую жизненную школу и достигшие высокого звания после многих испытаний, он был самонадеян, высокомерно горд и надменен и любил окружать свой сан великолепием и блеском» (Бахрушин. Очерки. . . С. 18). Будучи новгородским владыкой, он присвоил себе титул «государя», создал себе пышный двор наподобие царского и церемониал, скопированный с придворного, в церкви стоял «с большой гордостью», ездил летом в санях и пренебрежительно относился к указам патриарха (см. документы, опубликованные А. Н. Зерцаловым).

Сохранились рукописные и печатные книги, подаренные К. тобольскому архиерейскому дому: «Просветитель» *Иосифа Волоцкого* (нач. XVII в.), сборник слов Василия Великого (XVI в.), Острожский сборник (Острог, 1588) и Книжица Острожская (Острог, 1598) (Ромодановская. Русская литература. . . С. 12). Ему принадлежали Апостол, хранившийся в Ярославском Спасо-Преображенском монастыре (по картотеке Н. К. Никольского), Синодик (ГПБ, Соф. собр., № 1059), Минея февральская 1475 г. (ГПБ, Соф. собр., № 303).

Изд.: Голубцов А. Чиновник Новгородского Софийского собора. М., 1899; Никольский А. Описание Святой Софии в Новгороде и святыни древней Великоновгородской области (до 1654 г.) // ВАИ. СПб., 1901. Вып. 14. С. 220—226; Ромодановская Е. К. Синодик ермаковым казакам (предварительное сообщение) // Изв. Сиб. отд. АН СССР. 1970. № 11. Сер. обществ. наук, вып. 3. С. 14—21; Гухман С. Н. «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 255—270; ПСРЛ. М., 1987. Т. 36, ч. 1; Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная история и историческая критика. М., 1988. С. 218—221.

Лит.: Миллер Г.-Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 160—162; 1941. Т. 2. С. 68, 282, 571; СГГД. М., 1822. Ч. 3. С. 245—253, 270—273; Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 329—330; ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. С. 221—222; АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 118—119, 131—132; ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 188—189, 275; М., 1965. Т. 14. С. 138—139, 152; Старчевский А. Очерк литературы русской истории до Карамзина. СПб., 1845; Небольсин П. И. Покорение Сибири. СПб., 1849; Абрамов Н. 1) Митрополит Киприан, первый просветитель Сибири и основатель ее летописи // ЖМНП. 1849. Ч. 44, № 10. Отд. 5. С. 1—8; 2) Нектарий, третий архиепископ сибирский и тобольский, 1636—1640 гг. // Странник. 1866. № 2. С. 84—87; Соловьев С. М. История России. М., 1961. Кн. V (т. 9—10). С. 72—76, 313, 323, 325, 334; Церковно-судебные определения Киприана, митрополита новгородского // ПС. 1861. № 11. С. 335—348; РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 387—389; 1884. Т. 8. Стб. 348—349; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 36, 50, 317, 1035; Филарет. Обзор. С. 224; Голодников К. Город Тобольск и его окрестности. Тобольск, 1887. С. 37—40; Буцинский П. Н. 1) Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889; 2) Основание Тобольской епархии и первый тобольский архиепископ Киприан // Вера и разум. Харьков, 1890. Вып. 21. С. 555—578; Вып. 23. С. 639—672; 3) Сибирские архиепископы Макарий, Нектарий, Герасим (1625—1650 гг.). Харьков, 1891; Пыпин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. 4. С. 326, 425—427; Адрианов С. А. К вопросу о покорении Сибири // ЖМНП. 1893. № 4. С. 552—550; Зерцалов А. Н. О неправдах и непригожих речах новгородского митрополита Киприана // ЧОИДР. М., 1896, кн. 1; Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1291—1307; Лихачев Д. С. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение: М.; Л., 1947. С. 393—396; 2) Повести о покорении Сибири // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 89—93; Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 18—31; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. М.; Л., 1960. Вып. 1; Дворецкая Н. А. Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 330—334; Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973; Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 273—323; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982; 2-е изд. Новосибирск, 1986.

Е. К. Ромодановская

Кирилл, игумен Печенского монастыря, см. *Повесть о иконе Богоматери Федоровской.*

Кириллова книга («Книга иже во святых отца нашего Кирила архиепископа Иеросалимского на осмый век») — полемический сбор-

ник, изданный в Москве в 1644 г. по приказу царя *Михаила Феодоровича.* Работа над изданием началась 24 августа 1643 г. и закончилась 21 апреля 1644 г.; книга напечатана на 584 л., в лист. В послесловии, излагающем задачи и направление сборника, составители его не названы. Однако это были люди, хорошо известные в богословских и литературных кругах Москвы, — московский протопоп собора Черниговских чудотворцев *Михаил Рогов*, ключарь Московского Успенского собора *Иоанн Наседка*, справщики Печатного двора *Шестак Мартемьянов* и *Захарий Афанасьев Подосенов.* Появление К. к. совпало с приездом в Россию датского королевича Вальдемара, сватавшегося к царевне Ирине Михайловне. Стремление царского двора убедить королевича в необходимости крещения его по православному обряду вызвало длительные споры с сопровождавшими Вальдемара лютеранами (январь 1644—август 1645 г.), участниками которых были эти же русские богословы, пользовавшиеся при написании своих документов и посланий материалами К. к.

Основу К. к. составили сочинения украинско-белорусских публицистов, ведших активную антикатолическую и антилютеранскую полемику в конце XVI—нач. XVII в. Некоторые из этих сочинениий («Книга об образех». Вильно, 1596; «Книга о Троице». Вильно, 1596; статьи из *Хронографа Русского* и др.) вошли в компилятивный полемический сборник, известный под названием *Просветитель Литовский*, созданный, как считает его исследовательница Т. А. Опарина, в 20-х гг. XVII в., возможно, в среде, близкой к патриарху *Филарету.* Она полагает, что именно один из вариантов Просветителя лег в основу К. к., и в этот вариант было включено эсхатологическое Слово Кирилла Иерусалимского, по которому К. к. получила свое название. Это произведение, с которого начинается К. к., представляет собой снабженный комментариями перевод с греческого Стефана Зизания — «Казанье святого Кирилла патриарха Иерусалимского о антихристе и знаках его з розширением науки против ересей розных...», изданный в Вильно в 1596 г. В К. к. включены и другие южнорусские издания — «Книжица о шести отделах» (О единой истинной православной вере) Василия Сурожского-Малющинского (Острог, 1588); «Книжица о десяти отделах» (Острог, 1598). В К. к. читаются послания патриарха александрийского Мелетия, послания князя Константина Константиновича Острожского и афонских старцев к южнорусским православным христианам (1590—1598 гг.). Украинско-белорусские сочинения переводились для К. к. на церковнославянский язык и сверялись с изданиями.

Составители К. к. обращались к русским изданиям и рукописным сборникам. В нее попало сочинение «О иконах» из Сборника о почитании икон (М., 1642), «Изложение на люторы» Иоанна Наседки, часть Соборного изложения патриарха Филарета, сформулированного им в 1620 г. на основании сочинения патриарха *Гермогена* и напе-

чатанного в мирском и иночестком Требниках 1639 г. Вошло в К. к. «Прение Панагиота с Азимитом» — переведенная с греческого антикатолическая сатира на византийского императора Михаила Палеолога, заключившего унию с католиками (1274 г.), известная на Руси в трех редакциях, из которых 2-я и 3-я читаются в *Великих Минеях Четиих* митрополита *Макария* за июнь и август (впрочем, Т. А. Опарина предполагает, что Соборное изложение и Прение были уже в «Просветителе Литовском»). Нашли свое место в К. к. фрагменты из сочинений *Максима Грека*, а также индексы рекомендованных и запрещенных книг.

Предваряются полемические главы стихами — «двоестрочием» или «акростихиадой» (акростих слагается в следующий текст: «Господарев, царев работник [и] вам Божественнаг[о] закона ист[и]нном рачителем и любителем о Бозе радоватися и веселитися, а врагом [в] креста Христова и развратником [и] нашея православния християнския веры скорбети и печаловати [и]». — (См. Rothe. Zur Kiever Literatur... S. 255), в которой составители излагают свое отношение к полемике. Скорее всего, эти стихи были написаны Иоанном Наседкой, но подчас их приписывают Михаилу Рогову, основываясь на том, что именно его наказал патриарх *Никон*, обнаружив в стихах догматические ошибки. Возмущение патриарха вызвали строки, в которых выражалась надежда, что православные могут избежать вечных мук («Аще и нам грешным Святое писание муками претит, но Господь Бог милости своея ради создания своего не погубит; многое убо его милосердие и щедроты до нас грешных, рода ради тезоименита себе не лишит нас благ вечных»).

Издание К. к. было задумано и осуществлялось в начале 1640-х гг. (Опарина считает, что рукописный оригинал в основном мог быть подобран в 1639 г.), в условиях, когда после Смутного времени правительство и церковь препятствовали распространению на Руси католических и протестантских влияний, которые они называли «латинской», «лютеранской», «кальвинской», «социнианской», «армянской» и другими ересями, связанными с западноевропейской Реформацией (ср. в послесловии К. к.: «... на еретики и на раскольники нашея православныя християнския веры, на римляны и латыни, на люторы же и кальвины, яко да заградятся уста их, глаголющия неправду»). С другой стороны, наметившееся объединение Украины и Белоруссии с Россией ставило церковь и правительство перед необходимостью включиться в идеологическую борьбу с униатством и протестантами, столь актуальную на юге Руси. Первые шаги к церковной реформе были сделаны уже при патриархе *Иосифе*. Старообрядцы, почитавшие К. к., наряду с другими дониконовскими изданиями, не учитывали эту идеологическую направленность полемического сборника.

Изд.: Кириллова книга. М., 1644.

Лит.: Лилов А. О так называемой Кирилловой книге. Казань, 1858; Никольский А. Материалы для истории противолютеранской богословской полемики северо-восточной русской церкви 16 и 17 столетий // Труды КДА. 1864. Т. 1. Февраль. С. 171—173; Попов А. Н. Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI—XV вв.). М., 1875. С. 238—286; Павлов А. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878. С. 81—85; Соколов И. И. Отношение протестантизма к России в XVI и XVII веках. М., 1880. С. 80, 99; Примечания, № 61, с. 19—20; Каптерев Н. Ф. 1) Патриарх Никон как церковный реформатор и его противники // ПО. 1887. Январь. С. 155—160; Апрель. С. 828—829; 2) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887. Вып. 1. С. 12—13, примеч. 18; Цветаев Дм. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразования. М., 1890. С. 643—650; Голубцов А. 1) Прения о вере, вызванные делом королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны. М., 1891. С. 117—126; 2) Памятники прений о вере, возникших по делу королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны // ЧОИДР. 1892. Кн. 2. Отд. 2. С. X—XI, XXII; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 326—327; Еремин И. П. К истории русско-украинских литературных связей в XVII веке // ТОДРЛ. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 291; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 312—319; Niess H. P. Kirche in Rußland zwischen Tradition und Glaube? Eine Untersuchung der Kirillova kniga und der Kniga o vere aus der 1. Hälfte des 17. Jahrhunderts. Göttingen, 1977. (Kirche in Osten. Studien zur osteuropäischen Kirchengeschichte und Kirchenkunde. Monographienreihe. Bd. 13); Шульгин В. С. Религия и церковь // Очерки русской культуры XVII века. М., 1979. Ч. 2. С. 296—297; Rothe H. Zur Kiever Literatur in Moskau // Studien zu Literatur und Kultur in Osteuropa. Bonner Beiträge zum 9. Internationalen Slawistenkongress in Kiew. Köln; Wien, 1983. S. 233—260. (Bausteine zur Geschichte der Literatur bei den Slaven. Bd. 18); Опарина Т. А. Просветитель Литовский — неизвестный памятник идеологической борьбы XVII в. // Литературная и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 43—57.

М. Д. Каган

Кичигин Иван Несторович (2-я пол. XVII в.) — суздальский сын боярский, на протяжении многих лет составлял обширную историческую компиляцию, неутомимо разыскивая для нее новые источники (ГПБ, собр. Погодина, № 1953, 155 л.). В сборник, к работе над которым К., согласно его собственноручной записи (подтверждающейся датировкой бумаги), приступил в феврале 1675 г., вошло прежде всего несколько отредактированное «Избрание вкратце из книги, глаголемыя Космографии, еже глаголется описание света». Извлечения из «Степенной новгородской книги Софейского дому, из Рюриковой степени» и из *Летописи Новгородской Уваровской* (от крещения Владимира до 29 января 1676 г. «выписано из новгородъского летописца Антоновского монастыря книги»), повесть о Новгородском погроме *Ивана IV*, выписки из *Повести временных лет* с добавлениями и «выписка из летописныя книги» за 1544—1587 гг. («Списывано в Новегороде, в Лисе монастыре, в лета 7187 году, месяца октоврия, в 28 день, суздальской архиепископль сын боярской Иван Кичигин своими многогрешными руками») составили вторую по времени часть сборника. Третья группа выписок делалась составителем и работавшими по его

заданию писцами в 1690—1694 гг. Это Сказание о Словене и Русе (повесть о Великом Славенске), анекдоты о Сократе из *Римских деяний* («Написася сия книжица история из римских дей в лета 7199 году, месяца сентеврия, в 14 день» — «выписано из книги Ногетма») и *Повесть о царице и львице* («Списася история сия в лето 7202-го году, месяца июля, дня 11-го»). Кроме того, труд К. периодически пополнялся отдельными летописными заметками, например подробной записью о казнях «изменников-бояр и думных людей» в Москве в 1682 г. Компилятивная деятельность К., продолжавшаяся почти 20 лет, свидетельствует о возросшем интересе к летописанию низшего слоя российского дворянства в последней четверти XVII в. Труд К. не издан.

Лит.: Азбелев С. Н. Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 257—261.

А. П. Богданов

Клеткин (Клетка, Клитка) Никифор Васильев (ум. 1656) — новгородский книжник XVII в. Происходил из казаков, впоследствии новгородский посадский человек, принимал самое активное участие в борьбе «нарочитых» людей с «молодшими» на стороне последних. Летом 1648 г. в результате компромисса между враждующими группировками К. был избран от «молодших» людей на Земский собор. Краткая, достаточно односторонняя характеристика К. дошла до нас в ряде грамот, составленных его противниками, в частности там указывается, что он «окроме смуты никаких дел не знает». К. было подписано Соборное уложение 1649 г. (при подготовке последнего издания Соборного уложения его фамилия была неправильно прочитана как Климка). Сохранились многочисленные записи К. и его сына Максима на принадлежащих им рукописных книгах. Вероятно, они владели достаточно большой библиотекой, а также занимались книготорговлей. Н. Н. Розов, специально исследовавший библиотеку Новгородского Софийского собора, отмечает их как потомственных книготорговцев. К. значится среди покупателей книжной лавки Московского Печатного двора.

Среди книг, принадлежавших К., следует выделить рукописный сборник второй половины XVII в. БАН, 34.4.1, содержащий древнейший из ныне известных списков *Летописи Новгородской Уваровской*. В 1680-е гг. велась активная работа над текстом летописи по этому списку, что нашло свое отражение в других новгородских летописях XVII в. — *Летописи Новгородской III*, *Летописи Новгородской Забелинской* и *Летописи Новгородской Погодинской*. После передачи Максимом Клеткиным сборника в 1689 г. в один из новгородских монастырей (о чем сохранилась его запись в кодексе), эта

работа была продолжена. Таким образом, есть основания думать, что К., а также его сын Максим, были причастны к новгородскому летописанию XVII в.

Лит.: Лебедев А. Н. Надписи на старинных книгах. М., 1896. С. 6, 11; Смирнов П. П. Несколько документов к истории Соборного уложения и Земского собора 1648—1649 гг. // ЧОИДР. 1913. Кн. 4. С. 10—15; Очерки истории СССР. XVII век. М., 1955. С. 246; Луппов С. П. Книга в России в XVII в. Л., 1970. С. 83; Розов Н. Н. Искусство книги Древней Руси и библиогеография (по новгородско-псковским материалам) // Древнерусское искусство: Рукописная книга. М. 1972. С. 33; Читатели изданий московской типографии в середине XVII века: Публ. документов и исслед. С. П. Луппова. Л., 1983. С. 85; Соборное уложение 1649 года. Л., 1987. С. 407.

В. В. Яковлев

«Книга естествословная» — компилятивный сборник, составленный в Петровское время и родственный по жанру *Физиологу*. Состоит из девяти частей (о зверях, птицах, рыбах, «гадах пресмыкающихся»... черепокожных, насекомых, «о различных чудах»... «древесех различных, камениях многоценных»), известен в единичных списках XVIII—XIX вв.: ГПБ, Q.V.3; Ярославский государственный музей-заповедник, № 172 (153); ГИМ, собр. Вахрамеева, № 802 (XVIII в.); ГБЛ, ф. 68, № 468 (XIX в.). К. е. содержит более 400 описательных статей, насыщенных цитатами из Евангелия, Псалтири, сочинений отцов церкви, житий и богослужебных книг, из античных писателей, из сочинений Дамаскина Студита (см. *«Физиолог» и «Сокровище» Дамаскина Студита*), *Космографии*, из Летописца келейного *Димитрия Ростовского*. В тексте встречаются некоторые русские реалии. И. Н. Михайловский высказал осторожное предположение, что автором произведения является *Николай Спафарий*; Д. М. Урсул приписывает ему К. е. уже безоговорочно. К. е. остается неопубликованной.

Лит.: Михайловский И. Н. О некоторых анонимных произведениях русской литературы конца XVII и начала XVIII стол. // Сборник историко-филологического общества при институте кн. Безбородко в Нежине. Нежин, 1900. Отдел III. С. 39—45; Соболевский А. И. Из переводной литературы Петровской эпохи: Библиографические материалы. СПб., 1908. С. II—III; Урсул Д. М. Философские и общественно-политические взгляды Н. Г. Милеску-Спафария. Кишинев, 1955. С. 4, 30—31, 48—49.

О. А. Белоброва

Козырев Иван (сер. XVII в.) — новгородский книжник, составитель разъяснений к переводу «Диалектики» Иоанна Дамаскина и автор автобиографической статьи «Увещение о летописце». В этой статье, сохранившейся в трех списках (ГИМ, Синод. собр., № 933, л. 365—368 об.; ГПБ, собр. Погодина, № 1655, л. 200—201; ГПБ, Q.XVII.118,

л. 155—155 об. — ни один из списков не является автографом) и почти целиком напечатанной в работе Д. С. Бабкина (как показала сверка текста — с ошибками), от первого лица подробно рассказывается о трудах К. по растолкованию перевода «Диалектики»; книжник вдумывался в смысл текста, «изъясняя светлость глагол чертами, запятыми и точками, еще же и оглавление наложих по числу цыфирныя мудрости». Далее К. сообщает о несчастьях, которые обрушились на его голову: «Сильными святыми века сего за извещение слова Божия предан бых во узы яко злодей и связан железы лютости»; несмотря на эти гонения, он благополучно закончил свою работу.

Свое имя и «порекло» К. скрыл цифирной тайнописью, которой завершается «Увещение» (в сборнике ГПБ, Q.XVII.118 тайнопись попала в другое место — на л. 63); здесь же указано, что он «житель Великого Новаграда» (в Погодинском сборнике — «бывый житель Великаго Новаграда»). Указания списков подтверждаются тем, что новгородцы и псковичи с именами Козыря, Козырев известны с XVI в. (см.: Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М., 1974. С. 148). В начале статьи К. указал дату окончания своего труда: «В лето осмыя тысящи 144 (в Погодинском сборнике — 145. — *Т. Б.*) слово последнее начах в месяце иулии 28 и скончах, Богу помагающу, августа 8»; завершается «Увещение» традиционной просьбой исправлять ошибки. Слова «Увещения» относительно напастей, преследовавших новгородского книжника, которые можно было бы считать топосом, как оказалось, имеют под собой реальную основу. В. И. Аннушкин прочел часть замаранного текста, который в Синодальном сборнике следовал за тайнописью на л. 369. Здесь между прочим говорилось, что К. был «торъговаго чину человек» и что «за некое дерзновение слова» он был сослан на Соловки, «тамо неколико лет поживе в заточении и сконча. И поведают о нем некыи мнозии — хитр бе божественным писанием, украшен внешней философии».

К. не преувеличивал своих заслуг по истолкованию текста «Диалектики»: результаты его труда наглядно видны в списке «Диалектики», который входит в Синодальный сборник и поля которого заполнены киноварными примечаниями (в «Диалектику», входящую в рукопись ГПБ, Q.XVII.118, разъяснения К. не включены; в Погодинском сборнике «Диалектики» вовсе нет, так как это один из «Строевских сборников», и *л.* 200—201 представляют собой в нем самостоятельный фрагмент). Д. С. Бабкин пытался атрибутировать К. создание всего Синодального сборника-конволюта и считал его автором читающихся в этом сборнике предисловий к «Риторике», приписываемой Новгородскому и Великолуцкому митрополиту *Макарию*, и к «Диалектике». Однако, как выяснилось, предисловия заимствованы тут из *«Сказания о седми свободных мудростех»*. Части Синодального сборника, как установил В. И. Аннушкин, соединил под одним переплетом не К., а диакон Артемий Спиридонов; произошло это между

1636 г., когда К. завершил работу над «Диалектикой», и 1679 г., когда сборник продала вдова Артемия.

Изд.: Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 327—328.

Лит.: Ягич И. В. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковно-славянском языке // Исследования по русскому языку. СПб., 1895. Т. 1. С. 998—999; Пруссак А. В. Описание азбуковников, хранящихся в рукописном отделении имп. Публичной библиотеки. Пг., 1915. С. 21—22. (ПДПИ. Т. 186); Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1973. Ч. 2. С. 76—77; Гаврюшин Н. К. «Книга диалектичныя глубины. . .» // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983. Вып. 2. С. 97—98; Аннушкин В. И. 1) Редакции «Риторики» начала XVII в. // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 237—238; 2) Композиция и терминология первой русской «Риторики» // Риторика и стиль. М., 1984. С. 44—45; 3) Первая русская «Риторика» начала XVII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985. С. 6—7; Буланина Т. В. 1) Риторика в Древней Руси: Сведения о теории красноречия в русской письменности XI—XVI веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. С. 18; 2) Ранние списки «Риторики» псевдо-Макария и проблема ее датировки // Археография и изучение духовной культуры: III Уральские археографические чтения. Тезисы докладов. Свердловск, 1987. С. 10; 3) К вопросу о датировке первой русской «Риторики» // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 44—48; Вомперский В. П. Риторики в России XVII—XVIII вв. М., 1988. С. 55.

Т. В. Буланина

Козьма Новгородец (конец XVI—нач. XVII в.) — переводчик «Лунника Иерусалимского». Биографических сведений о нем не сохранилось. «Лунник» входит в состав рукописного сборника (ГПБ, Q.XVII.67, л. 161—162), который, по мнению Б. Н. Морозова, является частью личной «библиотеки-архива соловецкого монаха Ионы», собиравшего и переписывавшего книги во время путешествий по монастырям Северной Руси (см. *Иона Соловецкий*). На основании сравнительного анализа филиграней бумаги и сопоставления почерков с единственным датированным листом рукописи, исследователь относит составление сборника к началу XVII в. (до 1621—1622 г.). В тексте «Лунника» есть указание: «Сей лунник Иерусалимский переведен от иерусалимские грамоты Козмою новгородцем», а в оглавлении сборника он обозначен как «Сказание о иерусалимском луннике и учение ему переведено от жидовских книг» (л. 202). Произведение содержит рекомендации, как высчитывать сроки новолуний, лунных лет и соотносить эти даты с солнечным календарем. Согласно определению В. Н. Перетца, это лунник «астрономического содержания» (в отличие от гадательных лунников, внесенных в XVI в. в число отреченных книг). Обыкновенно такие пособия для календарных расчетов встречались при богослужебных книгах — Часослове, Псалтири, Каноннике и пр. По мнению ряда исследователей (В. Малинина, А. И. Соболевского, В. Н. Перетца), астрономический лунник заимствован из еврейских

книг, а возможно — это фрагмент не дошедшей до нас части Шестокрыла. Этим объясняется тот факт, что на Руси лунники часто носили название «от Шестокрыла», «от жидовских книг».

А. И. Соболевский предположительно отнес к тому же источнику предыдущую небольшую запись в том же сборнике, названную «О Лунном хождении», в которой сообщается продолжительность лунных года, месяца, суток (л. 161). «Лунник Иерусалимский» не опубликован.

Лит.: Малинин В. Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901. Примеч. № 1039. С. 33—34; Перетц В. Н. Материалы к истории апокрифа и легенды: К истории Лунника // ИОРЯС. 1901. Т. 6, кн. 3. С. 1—126; Соболевский. Переводная литература. С. 376—377, 418—419; Морозов Б. Н. Первое послание Курбского Ивану Грозному в сборнике конца XVI—начала XVII веков // АЕ за 1986 г. М., 1987. С. 277—287.

Е. Н. Матвеева

Козьма (XVII—нач. XVIII в.) — иеродиакон, автор Риторики, переводчик. Выходец с Афона, из Иверского монастыря, К. в 90-е гг. XVII в. оказался в Москве (обстоятельства появления в Москве неизвестны), в Чудовом монастыре, центре греческой образованности, где в это время подвизались чудовский инок *Евфимий*, братья *Иоанникий* и *Софроний Лихуды.* Занимался переводами с греческого на русский и с русского на греческий.

С русского на новогреческий язык К. перевел *Патерик Киево-Печерский*. А. А. Дмитриевский и Х. М. Лопарев считали вероятным, что К. же выполнен перевод на новогреческий «Синопсиса» *Иннокентия Гизеля* (они указали на две рукописи перевода, хранящиеся в Константинополе). Так как из греческой записи на одном из списков греческого перевода «Синопсиса» видно, что он был сделан в апреле 1693 г. в московском монастыре святого Николы «Большая Глова», находившемся тогда в ведении Афонского Иверского монастыря, то Х. М. Лопарев делал из этого вывод, что автором его мог быть грек-иверит, приехавший в Москву и остановившийся на своем подворье. «Быть может, — писал Лопарев, — это был Козьма». Более основательных аргументов, подтверждающих авторство К., не найдено. Х. М. Лопарев обратил внимание на сходство почерка, бумаги и чернил рукописи другого перевода с русского на греческий — *Сказания о убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы* (находится также в Константинополе) — с рукописью перевода «Синопсиса» Иннокентия Гизеля. Основываясь на этом сходстве, он считал вероятным, что автором перевода Повести был также К.

С греческого языка на русский К. переведены Слово аввы Исаака, посвященное наставлению новопостриженного монаха, и Риторика Софрония Лихуда. Перевод Риторики Софрония Лихуда выполнен К. в 1698 г. «за многое тщание и иждивение ученика его, Крашенинннаго

ряда купца Иоанна Иоаннова сына, нарицаемаго Краткаго». Этот московский купец в 1713 г. дал средства на перевод или сочинение «Зерцала естествозрительнаго» (ГПБ, Q.VII.1); о нем и о другом московском купце — Афанасии Павлове фискал Курбатов писал в 1716 г. Петру I, что они «люди умные и торговцы знатные и летами нестарые». В описи библиотеки чудовского инока Евфимия числилась «книга, а в ней сначала написано святое Евангелие и Деяние святых апостолов, переведена с греческих книг Космою иеродиаконом греком, по полям приписывано Евфимиевою же рукою. . .» (Опись библиотеки иеромонаха Евфимия / Сообщ. А. Е. Викторовым // Летописи Тихонравова. М., 1863. Т. 5. С. 53). А. И. Соболевский полагал, что имя К. вставлено здесь по недоразумению и относил упомянутый перевод Евангелия к трудам *Епифания Славинецкого,* так как известно, что перевод Нового завета выполнялся Епифанием, и на этом основании А. И. Соболевскому было «трудно думать, чтобы у Евфимия не было этого текста» (никакого другого Евангелия в описи не значится). X. М. Лопарев не соглашался с мнением А. И. Соболевского и считал участие К. в переводе Евангелия и Деяний вполне вероятным.

В 1710 г. К. написал собственную Риторику, в основу которой положил (как и Софроний Лихуд) Риторику Франческо Скуфа, вышедшую на греческом языке в 1681 г. в Венеции. Риторика К. является отчасти переводом, отчасти переделкой Риторики Франческо Скуфа. Совершенно оригинальны в ней многочисленные примеры из русской истории, приводимые для иллюстрации отдельных риторических правил (парадигмы о Борисе и Глебе, о митрополите *Алексее, Григории Отрепьеве,* «раскольниках», в том числе о покушении на жизнь патриарха *Никона* со стороны одного из «раскольников», об Азовском сидении и проч.). Несмотря на наличие антистарообрядческих парадигм, Риторика К. была популярна среди старообрядцев выговской литературной школы; известны списки ее, получившие хождение на Выгу. Как составная часть вместе с риториками других авторов она вошла в созданную в 30-е гг. XVIII в. выговскую Риторику-свод.

Изд.: Лопарев X. «Риторика» Космы Грека 1710 года и примеры из нее по русской истории // *ИОРЯС. 1908.* Т. 12, кн. 4. *С.* 146—198.

Лит.: Дмитриевский А. А. [Рец. на кн.: Восток христианский: История Афона / Под ред. П. А. Сырку. СПб., 1892] // ВВ. 1894. Т. 1, вып. 1. С. 424; Лопарев X. Повесть о смерти князя Даниила Александровича и о начале Москвы. СПб., 1901. С. 7—13. (ПДПИ. Т. 141); Соболевский. Переводная литература. С. 291, 315, 372—374; Понырко Н. В. Учебники Риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 155—156, 159—160.

Н. В. Понырко

Козьма Ларионов (по прозвищу Косой) (ум. 1687) — донской старообрядец, автор «Листов» о близкой кончине мира и письма к родным

и друзьям. К. был родом из г. Ельца, отец его — кузнец, елецкий житель Ларион. Родной брат К. был сожжен в Москве за приверженность расколу (ДАИ. СПб., 1872. Т. 12. С. 127). Сам К. «расколу научился, будучи в Соловецком монастыре». Около 1667 г. К. с женой уходит на Дон, где его духовным отцом становится старообрядческий поп Иван Анфимов. Около 1676 г. К. с семьей (в том числе с сестрой Василисой) и другими единомышленниками «сошел» на р. Медведицу, где основал поселение, в 1677 г. подвергшееся разгрому тамбовским воеводой П. А. Лопухиным: посланная команда «попленила женску полу и девок с двадцать человек», но К. и другим мужчинам удалось скрыться. Около 1679 г. К. появился в Москве, где у него, видимо, сохранились связи среди соловецкой староверческой колонии, и начал проповедовать свое учение о близком конце света, изложенное на «великих листах» (не сохранились).

Эсхатологические построения К. были основаны на традиционном толковании «звериного числа» (666), на 12-й главе пророчества Даниила и на *«Откровении» Мефодия Патарского* о приходе царя Михаила, под которым К. подразумевал второе пришествие Христа. Это учение показалось московским старообрядцам слишком опасным, и прежде всего потому, что К. претендовал на то, что он «последний день и час знает», вследствие чего они «предали раздранию суемудренное его писание и огнем все сожгли без остатку», а из Москвы на Дон строителю старообрядческой Чирской пустыни Макарию отправили предостерегающее послание о К., подписанное монахами Ионой и Никифором (ДАИ. Т. 12. С. 133—134, см. *Послание из Москвы на Дон*). Одновременно в свою бытность в Москве К. попытался забрать у думного дворянина Петра Аврамова принадлежавшую ему девку-татарку, но тот выдал его патриарху, который после безуспешных увещеваний сослал К. в монастырь Николы Чудотворца на Перерву. Отсюда К. удалось бежать и вернуться на Медведицу.

Летом 1683 г. в Чирской пустыни, а затем в Черкасске и в других донских городах неизвестные люди стали зачитывать подложную грамоту царя Ивана Алексеевича с просьбой к казакам о защите от боярских притеснений и «письмо на круглом листу», посвященное объяснению событий стрелецкого восстания 1682 г. Схваченные распространители «воровских писем» назвали «подлинных воров», которые эти письма им «дали и обманули», — К. и беглого московского стрельца Костку, живущих при впадении р. Арчады в Медведицу. Обоих арестовали, но Костка взял всю вину на себя и «оправил» К. В Москве на пытках выяснилось, что письма Костке дал Басманной слободы тяглец Васька Симонов с товарищем своим Савкою Яковлевым Грешным (последний, схваченный в Нижнем Новгороде, признался, что подложную грамоту писал он). Всех троих казнили (ДАИ. СПб., 1867. Т. 10. С. 430—433).

К. был освобожден. Вернувшись из Черкасска на Медведицу, он возобновил свою проповедь, собирая сторонников (к середине 80-х гг. XVII в. их набралось до двух тысяч человек) и поднимая поход на Москву. Учение К. восприняли в Черкасске атаман Самойла Лаврентьев, Кирей Матвеев и некоторые представители казачьей старшины. Вскоре его стали открыто пропагандировать попы Самойла и Феодосий. Летом 1687 г. К. и его единомышленники (*Козьма Сидоров*, Михайло Чеботарь, Демьян Косой, распоп Семен Колодин, Семен Попилин и др.) объявили о сборе казаков для вооруженного похода на Москву. При этом К. утверждал, что «царь Михаил» находился у него в горах на Медведице (А. И. Клибанов склонен считать, что с Михаилом отождествлял себя сам К.), что до конца света осталось только пять лет и что он не боится «царей и войска и всей вселенной». Обеспокоенная казачья старшина послала казаков к К. с требованием приехать в Черкасск и объяснить причины подготавливаемого похода. В конце августа 1687 г. К. в сопровождении 600 вооруженных сторонников появился под Черкасском. Во дворе у Самойлы Лаврентьева К. изложил старшине свое учение и призвал идти на Москву, но поддержки не встретил. Начались переговоры; между черкасскими казаками и сторонниками К. стали вспыхивать ссоры. В это время из азовского похода внезапно вернулось войско во главе с атаманом Фролом Минаевым. К. был схвачен, закован в цепи и отослан в Москву. Самойла Лаврентьев и сторонники К. разбежались, часть из них схватили и привели к присяге, отказавшихся перебили. В Москве у К. отобрали неотправленное письмо на Медведицу, к родным и друзьям, написанное им в Черкасске, где он просил помолиться за него (напечатано В. Г. Дружининым). К. несколько раз пытали, жгли огнем, 16 сентября 1687 г. его допрашивал сам *В. В. Голицын*. Замученный на пытках, К. скончался вскоре после 30 сентября.

Свое учение он изложил в расспросных речах (опубликованы в Приложении к книге В. Г. Дружинина на с. 273—275, 276—283). Имя К. попало в знаменитый старообрядческий мартиролог — «Виноград Российский» *Семена Денисова* (статья 17, «О Кузьме Донском», опубликована там же, с. 283—284).

Изд.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. Приложение, с. 276.

Лит.: Аристов Н. Я. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871. С. 110—111; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С. LXVIII, LXXXI, 35—36, 47—50; Никольский Н. М. История русской церкви. 2-е изд., пересмотр. и доп. М.; Л., 1931. С. 164—171; Будовниц. Словарь. С. 147, 159, 237 (автор смешивает К. с Козьмой Сидоровым); Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 300—301, 429—430; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 344—346; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодолизма. М., 1977. С. 114—122.

А. Т. Шашков

Козьма Сидоров (ум. после 1689) — донской старообрядец, автор письма, или обращения, к донским казакам. К. родом из г. Воронежа, посадский человек. Около 1677 г. с женой и детьми он поселился на р. Медведице, в 50 верстах от укрепленного городка своего единомышленника *Козьмы Ларионова.* Вскоре его поселение стало одним из оплотов старообрядческого мятежа.

Летом 1697 г. в среде медведицких старообрядцев начались приготовления к походу на Москву, «отпавшую» «во антихристово царство». Донским казакам, приезжавшим «из ближних станиц проведывать, какой у них на речке Медведице чинится сбор», было вручено обращение, написанное К. В нем говорилось, что, поскольку «Московское царство от веры православныя отступило», К. и его сторонники «домы свои пометали и с Руси побежали, покинули отцов и матерей», скрываясь от антихриста и ожидая второго пришествия Христа, которое наступит в ближайшее пятилетие и ознаменуется расплатой с нечестивым миром. Обращение К. пронизано хилиастическими представлениями, причем, в отличие от апокалиптической традиции, царство Божие должно было установиться не на тысячу лет, а «во веки веков».

После ареста Козьмы Косого и разгрома его сторонников, пришедших к Черкасску, медведицкий городок К. еще долго держался, отбивая натиск отрядов атаманов Кутейникова и Аверкиева. Пал он только 30 мая 1689 г. Дальнейшая судьба К. неизвестна.

Изд.: Дружинин В. Г. Раскол на Дону в конце XVII века. СПб., 1889. Приложение. С. 271—273.

Лит.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С. 35—36, 47—58, 50; Никольский Н. М. История русской церкви. 2-е изд., пересмотр. и доп. М.; Л., 1931. С. 169—171; Будовниц. Словарь. С. 147, 159, 237 (автор смешивает К. с Козьмой Ларионовым Косым); Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1962. Кн. 7. С. 428—430; Клибанов А. И. Народная социальная утопия в России: Период феодолизма. М., 1977. С. 116—118.

А. Т. Шашков

«Комедия Андрея Первозванного» см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны.*

«Комедия Богородице» см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны.*

«Комедия Варлаама и Иоасафа» см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны.*

«Комедия Евдокии мученицы» см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны.*

«Комедия о Бахусе с Венусом» — одна из пьес, поставленных в январе 1676 г., незадолго до смерти царя *Алексея Михайловича*, *Степаном Федоровичем Чижинским*. Текст К. до нас не дошел, но сохранилась монтировочная ведомость ее постановки (ЦГАДА, ф. 159, № 943, л. 128). В отличие от большинства пьес придворного театра царя Алексея Михайловича ее герои не библейские персонажи, а мифологические фигуры — Бахус, его жена Венус, их сын Купидон, а кроме того 10 пьяниц, 10 девиц, 3 человека пьяниц лежащих, отец пьяниц, «бордачник», двое слуг Бахуса, двое слуг «бордачника», двое музыкантов, вестник, шут, 4 человека, наряженных медведями.

Костюмы для К. делались специально. Для Бахуса была сооружена большая расписная голова с бородой и длинными волосами. Бахус ехал на бочке, внутри которой находился питейный мех, соединенный с головой двумя жестяными трубами. Бахус непрерывно потягивал вино. На Бахусе был надет выбойчатый кафтан, волчьи штаны, покрытые крашениной, шапка, отороченная медведем. Купидон был наряжен в пестрый кафтан, у него были железные латы и крылья. Лежащие пьяницы были горбаты. «Бордачник» имел две клееные головы. Остальные персонажи были одеты в пестрые кафтаны, шут — в костюм из «нижегородской рогожи». На девицах и жене Бахуса были безрукавки (саяны), на головах — капоры. Костюмерной частью театра заведовал Тимофей Гразенкруг, закройщиком был Христиан Мейсон, отделкой костюмов занимался *Андрей Виниус*.

Можно предположить, что К. не была только развлекательным зрелищем, но сопровождалась также и нравоучением, осуждающим пьянство. Эти мотивы были хорошо знакомы русскому читателю и зрителю из широко распространенных сочинений о Хмеле (ср. *Слово о Хмеле, Повесть о Хмеле, Послание к некоему иноку о Хмеле*). С другой стороны, в этой не дошедшей до нас комедии можно видеть предшественницу драматургии петровских карнавалов и его «всепьянейшего и всешутейшего собора», непременным персонажем и атрибутом которых был Бахус.

Лит.: Богоявленский С. К. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914. С. VIII, XIII—XV, 12, 15, 71; Щеглова С. Актеры и зрители светского театра XVII—XVIII вв. // Старинный спектакль в России. Л., 1928. С. 216, 218—219; Носкова О. Московский светский театр на рубеже XVII—XVIII веков // Там же. С. 286, 287, 290—291; Крюгер А. Самодеятельный театр при Петре I // Там же. С. 359—385; Кудрявцев И. М. «Артаксерксово действо» — первая пьеса русского театра XVII в. // Артаксерксово действо. М., Л., 1957. С. 30; Русская драматургия последней четверти XVII—начала XVIII в. М., 1972. С. 32—33, 311, 312—313; Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 172—174.

М. Д. Каган

«Комедия о Давыде с Голиадом» — пьеса придворного театра царя *Алексея Михайловича*, представленная в январе 1676 г. Это была одна

из последних пьес, сыгранных в тот период, т. к. после смерти царя Алексея 30 января деятельность театра долгое время не возобновлялась. Пьеса была поставлена *Степаном Федоровичем Чижинским.* Возможно, он является и автором, хотя большинство исследователей атрибутирует ее пастору *Иоганну Грегори.*

Знакомый с постановками польского школьного театра, Чижинский, возможно, более пригоден был возглавлять театральное дело, нежели его предшественники Грегори и *Юрий Гивнер.* В обучении у него находились актеры, набранные из подьячих и мещанских детей, которые обучались в «Новомещанской слободе денно и нощно за караулом», находясь в крайней нужде без царского жалованья, о чем они писали в своих челобитных. К. ставилась силами русских актеров, два имени которых нам известно — Василий Смольский «по прозванию Голиад» — исполнитель роли Голиафа, и Иван Владиславлев — участник «Голиадовой комедии».

Текст К. до нас не дошел — возможно, он утрачен. Известна монтировочная ведомость (ЦГАДА, ф. 159, № 943, л. 128), по которой можно судить о персонажах пьесы: Давид, Голиаф, Саул, его сын Ионафан, князь Авенир, три сына Иессеевы, два посла, десять сенаторов, двадцать воинов, служилый записной, шесть рабов, два актера «предисловия читателя», всего 49 лиц. Как и в первых пьесах придворного театра (*Артаксерксово действо*, «*Комедия о Товии младшем*», «*Иудифь*»), в этой комедии был использован библейский сюжет. Вероятно, в центре действия был поединок юноши Давида с великаном Голиафом перед боем войска царя Саула с филистимлянами. Попала ли в пьесу дальнейшая история — гибель Саула и его сыновей и воцарение Давида, сказать трудно.

Спектакли придворного театра обставлялись роскошно. Давид был наряжен в шелковый кафтан, ферязь из мишурного золота, латы из белого железа, с кожаной сумкой через плечо. Для Голиафа был сшит большой пестрый кафтан и сделаны латы до колен. Фигура его увеличивалась деревянными ногами, обитыми красной кожей, и деревянными руками. Из клееного полотна была сделана большая голова с волосами и бородой из конской гривы и хвоста, раскрашенная живописцем Андреем Фроловским. На голову надевался шишак из белого железа, в руку вкладывалось деревянное копье. На сенаторах были хлопчатобумажные кафтаны, ферязи с широкими кружевами, штаны и суконные шляпы, отороченные кошачьим мехом. Для солдат были сделаны латы из белого железа и деревянные копья.

Лит.: Богоявленский С. К. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914. С. XIII—XV; Щеглова С. Актеры и зрители светского театра XVII—XVIII вв. // Старинный спектакль в России. Л., 1928. С. 216, 218—219; Носкова О. Московский светский театр на рубеже XVII—XVIII вв. // Там же. С. 265—309; Еремин И. П. Московский театр XVII в. // История русской литературы М.; Л.,1948. Т. 2, ч. 2. С.368—373; Всеволодский-Гернгросс В. Русский театр: От истоков до середины XVIII в. М.,

1957. С. 119; Кудрявцев И. М. «Артаксерксово действо» — первая пьеса русского театра XVII в. // Артаксерксово действо. М.; Л., 1957. С. 30; Русская драматургия последней четверти XVII—начала XVIII в. М., 1972. С. 32—33, 312—313; Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 117, 123—124, 191—193; Николаев С. И. Произведения Яна Жабчица в русских переводах XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 172—174.

М. Д. Каган

«Комедия о италиянском маркграфе и о безмерной уклонности графини его» см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны.*

«Комедия о Ксенофонте и Марии» см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны.*

«Комедия о прекрасной Мелюзине, яже бысть во Франции» см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны.*

«Комедия о Товии младшем» — одна из первых пьес, написанных пастором *Иоганном Грегори* для придворного театра царя *Алексея Михайловича.* Его помощниками в театральном деле были *Юрий Гивнер* и Яган Пальцер. На основании челобитья Пальцера о том, что он «написал» по-немецки *Артаксерксово действо*, «*Иудифь*» и К., некоторые исследователи считают его соавтором Грегори. Но, скорее всего, речь шла только о переписывании им ролей. В спектакле принимали участие русские артисты, набранные среди подьячих и мещанских детей. «Прохладная», т. е. развлекательная, К. была поставлена 2 ноября 1673 г. Текст ее до нас не дошел. О подготовке спектакля известно из документов. Так, 6 октября 1673 г. боярин *Артемон Сергеевич Матвеев* по указу великого государя приказал выдать Грегори «ко исправлению комедии на платье ангелов и на молодого Товию и на одеяние его спутьшественников 30 рублев»; «во 181 и во 182 году для учения иноземных детей в Юдифиной и в Товиной комедиях» велено быть с магистром Яганом Готфридом иноземцу Ягану Пальцеру. Вероятно, в 1675 г. К. была возобновлена и входила в число шести комедий, игранных в селе Преображенском (кроме нее ставились «Артаксерксово действо», «Иудифь», «*Малая прохладная комедия об Иосифе*», «*Темир-Аксаково действо*», «*Жалобная комедия об Адаме и Еве*»).

Выбор библейских сюжетов для первых пьес пастора Грегори определялся в известной мере рекомендацией Лютера, считавшего инсценировки полезными для знакомства паствы со Святым писанием и указавшего именно эти темы — книги Есфирь, Юдифь и Товия. Инсценировку Товия Лютер называл изящной, приятной и благочестивой комедией. Трудно сказать, использовал ли Грегори для показа всю книгу Товия или только отдельные главы, касающиеся путешествия молодого Товии в Рагу Мидийскую и истории его женитьбы, в которой ему помогал ангел, сопровождавший его под видом путни-

спасшего Товию от козней дьявола и от гибели. Возможно, в основу пьесы было положено изречение «Тайну цареву прилично хранить, а о делах Божиих объявлять похвально». (Так же как в пьесах «Иудифь» и «Темир-Аксаково действо» иллюстрировалась заповедь — «Бог гордым противится, смиренным же дает благодать»).

Лит.: Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 годов. СПб., 1874. Т. 1. С. XII; Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 168—169; Богоявленский С. К. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914. С.VI, IX, 29, 59; Носкова О. Московский светский театр на рубеже XVII—XVIII веков // Старинный спектакль в России. Л., 1928. С. 274; Еремин И. П. Московский театр XVII в. // Итория русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 368—373; Кудрявцев И. М. «Артаксерксово действо» — первая пьеса русского театра XVII в. // Артаксерксово действо. М.; Л., 1957. С. 24—25, 28, 69; Мазон А. А. «Артаксерксово действо» и репертуар пастора Грегори // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 357, 360, 362; Державина О. А., Демин А. С., Робинсон А. Н. Появление театра и драматургии в России в XVII в. // Первые пьесы русского театра. М., 1972. С. 42, 94—98.

М. Д. Каган

«Комедия о чуде святого Георгия» (или «Егориева комедия») — пьеса, поставленная в театре царя *Алексея Михайловича* осенью 1675 г. и входившая в число пьес, увидевших свет уже после смерти пастора *Иоганна Грегори.* Текст К. до нас не дошел. Однако он существовал, свидетельством чему служит запись о переплете книг: в 1675 г. «по указу великого государя. . . переплетал в Посольской приказ иноземец Яган Элкур. . . 3 книги в пеструю бумагу, а в них писаны комедии Артаксерксова, Юдифина, Темир-Аксакова, Георгиева, Иосифова, Адамова действа». Можно предположить, что поставлено было не *Житие Георгия Победоносца*, а именно Чудо Георгия о змее и о девице, т. к. в документах, касающихся театральных дел, собранных Богоявленским, говорится об изготовлении змеи, туловище которой было сделано паяльщиками из жести или белого железа, а хобот и хвост привязывались ремнями. Для артиста, «кому быть в Егорьевой персоне, куплены сапоги сафьянные красные».

Если К. написал пастор Грегори или кто-либо из его помощников-иностранцев, например *Юрий Гивнер,* как предполагают некоторые исследователи, то, скорее всего, ими была использована одна из латинских версий легенды, основанная, как и славяно-русские редакции, на греческом протографе.

К. относится к немногим пьесам в репертуаре театра царя Алексея Михайловича, написанным на сюжет, примыкающий к житийной литературе. Однако выбор легенды о святом Георгии и змее, очень популярной в русской письменности, фольклоре и изобразительном искусстве, выражал глубоко официозную тенденцию. Образ святого Георгия, побеждающего змея, сближался с царской символикой и соответствовал

идеологии укрепляющегося абсолютизма. Всадник, поражающий копьем змея, появляется уже на печатях *Ивана III*, а затем проникает и на государственный герб. Такой же всадник изображался и на монетах в две деньги, копейке. Возможно, что отождествление его с Георгием Победоносцем было сделано в XVIII в. иностранцами (Каменцева Е. И., Устюгов Н. В. Русская сфрагистика и геральдика. М., 1974. С. 121, 123, 124, 126, 130). Со времени Дмитрия Донского Георгий становится патроном Москвы, и хотя «ездец в короне» на гербе города был не Георгий, а царь, однако он воспринимался как изображение Георгия, что с XVIII в. было закреплено официально.

Лит.: Кирпичников А. Св. Георгий и Егорий Храбрый. СПб., 1879. С. 53—54, 128; Рыстенко А. В. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературах. Одесса, 1909. С. 132—174; Богоявленский С. К. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914. С. XII, 51, 52, 66; Носкова О. Московский светский театр на рубеже XVII—XVIII вв. // Старинный спектакль в России. Л., 1928, С. 275; Кудрявцев И. М. «Артаксерксово действо» — первая пьеса русского театра XVII в. // Артаксерксово действо. М.; Л., 1957. С. 28, 89.

М. Д. Каган

«Комедия Олофернова» см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны.*

«Комедия Олундина» см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны.*

«Комедия Петра Златых Ключей» см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны.*

«Комедия пророка Даниила» см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны.*

«Комедия Рождеству» см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны.*

«Комедия святой Екатерины» см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны.*

«Комедия Хрисанфа и Дарии» см. *Пьесы театра царевны Натальи Алексеевны.*

Комынин (Камынин, Комонин) Георгий Евсевиев (ум. не ранее 1620) — книгописец, работавший в первой четверти XVII в. в Москве и Ярославле, автор предисловия к сборнику «Синаксарий». Единственным источником сведений о его жизни и деятельности являются послесловия к переписанным им рукописям. Социальное положение и происхождение К. неизвестны, его связи с дворянским родом Ка-

мыниных и троице-сергиевским старцем Иевом Камыниным не исследованы. В послесловии к сборнику творений Дионисия Ареопагита 1617 г. сказано, что книга написана «рукою Георгия Евсевиева сына Комынина ржевитина», но указание на происхождение в равной степени может относиться здесь как к самому К., так и к его отцу. В 1600-х гг. К. работал в Москве, на рубеже 1600-х и 1610-х — перебрался в Ярославль (вероятно, в связи с событиями Смутного времени), а к 1620-му г. вновь вернулся в столицу. Книгописный репертуар К. весьма разнообразен — в настоящее время известно 6 рукописей, переписанных им в 1603—1620 гг. (рукописи 1612 и 1617 гг. написаны в Ярославле, остальные — в Москве): 1) Сборник догматических и полемических сочинений («Синаксарий, сиречь Собрание») — ГБЛ, Рогожское собр., № 681, 1603 г.; 2) «Небеса» Иоанна Дамаскина в переводе Иоанна Экзарха—ГИМ, собр. Уварова, № 444, 1608 г.; 3) Псалтирь—ГИМ, Музейское собр., № 95, 1612 г.; 4) Сочинения Дионисия Ареопагита с толкованиями Максима Исповедника—ГБЛ, собр. МДА фунд., № 26; 5) Сборник житий—ГИМ, собр. Уварова, № 492, 1620 г.; 6) Сборник грамматических статей, включающий первую русскую «Риторику», которая приписывалась новгородскому митрополиту *Макарию* — ЦГАДА, ф. 381, № 1028, 1620 г. Как литературное произведение предисловие К. не изучено и не издано.

Лит.: Буланина Т. В. 1) Риторика в Древней Руси: Сведения о теории красноречия в русской письменности XI—XVI веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. С. 18; 2) Ранние списки «Риторики» псевдо-Макария и проблема ее датировки // Археография и изучение духовной культуры: III Уральские археографические чтения. Тезисы докладов. Свердловск, 1987. С. 10; 3) К вопросу о датировке первой русской «Риторики» // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма: Сб. науч. тр. Новосибирск, 1989. С. 48; Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. С. 220.

А. А. Турилов

Коренев Иоанникий Трофимов (ум. 1680—1681) — теоретик музыки, поэт и, видимо, композитор. А. В. Позднеев ввел в научный обиход духовный кант «Услыши, Боже, моления моя, Приими во уши пресвятая твоя. . .», в котором использованы начала и мотивы 60-го псалма, а также христианские темы (земное служение Иисуса Христа, Троица и др.). Кант состоит из 64 стихов (11-сложник, парная рифма). В музыкальном изложении кант имеет куплетную форму, так что и стихотворный текст можно считать строфическим (11 четверостиший). Акростих: «У всемогущяго Бога просящи милости, диакон Аникии скорби, господа поя, писаше». Тождество «диакона Аникия» с К. не вызывает сомнений.

По данным В. В. Протопопова (он использовал документы Оружейной палаты — ЦГАДА, ф. 396, № 542, 549), в 1666 г. «у великого

государя на сенях в соборе Сретения Господня» служил «дьячок Аниска». В 1672 г. он из причетников стал «диаконом Аникием». Известно, что *Н. П. Дилецкий*, самый крупный из барочных теоретиков музыки, автор «Мусикийской грамматики», работал «во 187 (1679) году в дому диакона Аникия Трофимова, сына Коренева». Главное из сочинений Дилецкого — трактат «Мусикия», в котором доказываются эстетические преимущества нового гармонического стиля, основанного на мажорном и минорном трезвучии, перед демественным многоголосием, критикуемым как «несогласное».

Свою «Мусикию» автор предварил стихотворным предисловием с акростихом «Диакон Аникий Трофимов, сын Коренев» (ГБЛ, ф. 205, отд. 1, № 146). Совмещение занятий музыкой и поэзией — типичное для конца XVII в. явление. Так, и музыку и стихи сочинял *Герман*, учеником которого, возможно, был К.

Лит.: Мусикийская грамматика Николая Дилецкого: Посмертный труд С. В. Смоленского, изданный на средства председателя ОЛДП С. Д. Шереметева. СПб., 1910. С. 5—6; Позднеев А. В. 1) Рукописные песенники XVII—XVIII веков: (Из истории песенной силлабической поэзии) // Учен. зап. Московского гос. заоч. пед. ин-та. 1958. Т. 1. С. 18; 2) Песни-акростихи Германа // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 365; 3) La poésie des chansons russes aux XVIIe et XVIIIe siècles // Revue des études slaves. 1959. Т. 36, fasc. 1—4. P. 30; 4) Никоновская школа песенной поэзии // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 421—422; 5) Просветительство и книжная поэзия конца XVII—начала XVIII века // Проблемы русского просвещения в литературе XVIII века. М.; Л., 1961. С. 109; 6) Стихосложение в песенной поэзии XV—XVII веков // Вопросы русской литературы. Львов, 1970. Вып. 3 (15). С. 47, 53; Протопопов В. В. Н. Дилецкий и его русские современники // Памятники русского музыкального искусства. М., 1979. Вып. 7. С. 555—562.

А. М. Панченко, М. А. Салмина

Корнилий (в миру Козьма) (ум. 26.II.1698) — митрополит новгородский и великолуцкий, автор духовной грамоты. Принял постриг в Троицком Зеленецком монастыре. В 1665 г. был назначен архимандритом Тихвинского Успенского монастыря, в 1668 г. переведен в Зеленецкий монастырь строителем, а с марта 1673 г. по август 1674 г. занимал кафедру митрополита казанского и свияжского. Двадцать лет — с августа 1674 г. по март 1695 г. — К. был митрополитом новгородским и великолуцким. В 1681 г. совершал торжественное погребение патриарха *Никона* в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре, после чего получил от царя *Феодора Алексеевича* в дар драгоценные низанные жемчугом саккос и омофор патриарха Никона. 3 марта 1695 г. удалился на покой в Зеленецкий монастырь, где умер и похоронен.

Будучи новгородским митрополитом, К. восстановил хозяйство и обеспечил расцвет Зеленецкого монастыря, который в то время входил в Новгородскую епархию. Летописец Зеленецкого монастыря содержит ряд рассказов о К., разработанных в агиографическом ключе, и под-

робно описывает деятельность К., направленную на укрепление монастыря. В 80-е гг. XVII в. «тщанием и иждивением» К. в Зеленце был возведен каменный монастырский комплекс — пятиглавый Троицкий собор, Благовещенская церковь с трапезной, колокольня, стены вокруг монастыря с церковью Иоанна Богослова над вратами, келейные корпуса. К. организовал строительство дорог к окруженному болотами Зеленецкому монастырю, обеспечил монастырь не только церковной утварью и богослужебными книгами, но и земельными угодьями, рыбными ловлями. После смерти К. в Зеленецком монастыре хранились его личные вещи — посох, мантия, клобук, четки, а также складень, на котором среди других святых имелись изображения Василия Анкирского и Параскевы Пятницы, бывших по преданию соименниками родителей К.

В трудах Амвросия и Филарета содержатся указания, что К. в 1695 г. составил *Житие Мартирия Зеленецкого* и сочинил канон ему. Однако В. О. Ключевский отметил отсутствие подкрепляющих это мнение источников. В тексте Жития К. не упоминается, а в названии сообщается, что оно «списано бысть некоим клириком Стефаном» (об этом человеке ничего не известно). Кроме того, маловероятно, чтобы в 90-х гг. XVII в. К. без каких-либо пояснений написал в Житии, что *Мартирий* похоронен у церкви Богородицы Одигитрии, тогда как эта церковь еще в 70-х гг. XVII в. по приказу самого К. была разобрана, и погребение Мартирия, над которым К. устроил раку, находилось под спудом в нижнем помещении Троицкого собора. Скорее всего, Житие Мартирия Зеленецкого было составлено не позднее 70-х гг. XVII в. (этим временем датируется один из ранних списков Жития) по поручению К. каким-то неизвестным автором, возможно, клириком Стефаном. Канон Мартирию Зеленецкому взят из общей Минеи. Служба также составлена по общей Минее (служба «преподобному единому»), с тем отличием, что сочинен особый тропарь Мартирию и стихиры «на хвалитех», а также добавлены стихиры на малой вечерне. Эти дополнения в службе, взятой из общей Минеи, возможно, принадлежат К.

Духовная грамота составлена К. 1 октября 1693 г. Описывая в общих чертах (без указания дат и подробностей) свой жизненный путь и перечисляя духовные посты, которые ему пришлось занимать, К. подчеркивает свою особую привязанность к Зеленецкому монастырю, упоминает о данном обещании пребывать в нем, рассказывает о том, что он сделал для этого монастыря в течение всей своей жизни. Обращаясь с «молитвенным прошением» к своим преемникам на Новгородской митрополичьей кафедре, К. просит, чтобы Зеленецкая обитель была и впредь «без всякаго умаления твердо и неподвижно... со всеми к ней принадлежащими селы и деревни, и пустоши, и со земледельцы...» К. принадлежит несколько распорядительных грамот (см.: Филарет. Обзор. С. 254; ЛЗАК. Вып. 19. С. 84, 143).

Изд.: Амвросий. История российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 167—170; Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. СПб., 1888. Вып. 7. С. 452—454; Троицкий Зеленецкий монастырь и его основатель преподобный Мартирий. СПб., 1912. С. 20—21.

Лит.: История и древности третьеклассного Троицкого Зеленецкого монастыря Санкт-Петербургской епархии с приложением записи достохвальных событий, по преставлении преподобного Мартирия в нем случившихся. СПб., 1866. С. 4—8, 17—20, 26, 29—39, 45; Ключевский. Древнерусские жития. С. 346; Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 37, 273, 288; Тихомиров Е. А. Церковь и ее служители: Вечный календарь. М., 1882. Т. 1, март. С. 4; Филарет. 1) Русские святые, чтимые всею церковью или местно. 3-е изд. СПб., 1882. Т. 1. С. 279, 283; 2) Обзор. С. 254; Леонид. Святая Русь. СПб., 1891. № 219. С. 53; Токмаков И. Ф. Краткий историко-статистический очерк Троицкого Зеленецкого мужского монастыря. М., 1904. С. 1, 4, 6, 7; ЛЗАК. СПб., 1908. Вып. 19. Акты Новгородской казенной палаты. С. 64, 66, 122, 123, 129, 131; Булкин В. А., Овсянников О. В. По Неве и Волхову. Л., 1981. С. 82—86.

Е. В. Крушельницкая

Коробовский Алексей (кон. XVII—нач. XVIII в.) — составитель сборника афоризмов «Сот пчельный» (БАН, 33.1.12), автор предисловия к этому сборнику и посвящения боярину Льву Кирилловичу Нарышкину, которым открывалась рукопись бывщего собрания Нило-во-Столбенской пустыни, № 110 (нынешнее местонахождение неизвестно) с сочинением *О причинах гибели царств*, возможно, автор прозаического перевода латинского стихотворения, которое является фрагментом из панегирика К. Клавдиана, посвященного четвертому консульству императора Гонория (ст. 214—418), переписчик.

Биографических сведений о К. не обнаружено. На основании его фамилии Н. Н. Оглоблин думает, что К. — малоросс. Возможно, с другой стороны, что он связан с ярославским родом Коробовских (Веселовский С. Б. Ономастикон. М., 1974. С. 156). Имя К. читается в целом ряде переписанных его рукой рукописей: ГИМ, собр. Уварова, № 1326 (494) (313), 1691 г. (*«Римские деяния»*); рукопись из собрания М. И. Чуванова, 1692 г. («Грамматика о просодиях» и *Апофегматы*, см.: Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова: Каталог / Сост. И. В. Поздеева. М., 1981. С. 6); ГИМ, Синод. собр., № 259, 1693 г. («Хрисмологион» *Николая Спафария*); л. 36—74 из конволюта конца XVII в. ГИМ, собр. Уварова, № 1865 (5611) (434) («О причинах гибели царств»). Еще о двух рукописях, переписанных или только принадлежавших К., узнаем из его челобитной на имя царя Петра от 30 апреля 1702 г. В челобитной говорится, что ее автор в 1700 г. отдал Тобольскому митрополиту *Игнатию* две книги — «Хрисмологион» и «Скифскую историю» *Андрея Лызлова*. Между тем митрополит Игнатий попал в немилость, а его имущество, в том числе библиотека, было передано Сибирскому приказу, а затем, по просьбе *Димитрия Ростовского*, перешло к Тобольскому епархиальному начальству. В составе библитеки находились и

книги К., из которых «Хрисмологион» ему вернул преемник Игнатия митрополит Филофей; что касается «Скифской истории», Сибирский приказ отказался ее возвращать на том основании, что в описи «рухледи» она значилась как «История Сирская». Н. Н. Оглоблин высказал даже предположение, что кто-то, может быть, сам думный дьяк Сибирского приказа *А. А. Виниус* присвоил себе дорогую книгу К. Владелец «Истории Скифской» был не единственным, кто пострадал из-за последовавшего за опалой Игнатия изъятия его «рухледи» и библиотеки. Будучи большим книгочеем, Сибирский митрополит заимствовал книги у многих, и все они достались Сибирскому приказу. О возвращении принадлежащих ему нотных рукописей ходатайствовал, подобно К., известный *Иван Слободской* (Оглоблин Н. Н. Библиотека Сибирского митрополита Игнатия, 1700 г. // Библиограф. 1892. № 8/9. Отд. I. С. 288). К.-переписчик обслуживал именитых заказчиков, например Л. К. Нарышкина и патриарха *Адриана*, среди келейных книг которого находилась рукопись Синод. собр., № 259.

Из книжного наследия К. с литературной точки зрения наибольший интерес представляет рукопись 1695 г. «Сот пчельный» (начало рукописи с заглавием утрачено, название книги выясняется из предисловия). Это авторский сборник, являющийся флорилегием индивидуального состава. Изречения, извлеченные К. из разных источников, более всего, из сборника «Апофегматы», распределены по 20 главам: (1) «О сладости»; (2) «О винословии»; (3) «О дружестве»; (4) «О мужестве» и т. д. В отдельном столбце на полях указываются авторы каждого афоризма. В главе 18 («О брани и о ратех») помещен и выделяющийся своим объемом перевод из К. Клавдиана под заглавием «Научение князя из Клаудиана о четвертом Онориа Аугуста сигклитстве» (л. 101 об. — 106). Обособленное в панегирике К. Клавдиана наставление отроку («Haec genitor praecepta dabat») стало в переводе типичным княжеским «зерцалом». Нет никаких противопоказаний, чтобы считать К. переводчиком «Научения». Азы греческого языка он во всяком случае знал: об этом говорит запись его имени греческими буквами в рукописи собр. Уварова, № 1865 (5611) (434) и завершающая «Сот пчельный» приписка на греческом языке. Не сохранившее своего начала предисловие к «Соту пчельному» интересно тем, что оно эксплицирует смысл средневековых образов, иллюстрировавших принципы работы средневекового писателя (книга как сад, писатель как пчела). Основная часть предисловия напечатана В. И. Срезневским.

Изд.: Оглоблин Н. 1) Из архивных мелочей начала XVIII в. IV. Челобитная о двух книгах, 1702 г. // Библиограф. 1892. № 10/11. Отд. I. С. 335—337; 2) Бытовые черты начала XVIII века. XIV. Дело об «Истории Скифийской» // ЧОИДР. 1904. Кн. 1. Отд. III. С. 11—14; Срезневский В. И. Описание рукописей и книг, собранных для имп. Академии наук в Олонецком крае. СПб., 1913. С. 192—194.

Лит.: Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 138; Белоброва О. А. К истории библиотеки патриарха Адриана // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 410,

414; Буланин Д. М. О некоторых принципах работы древнерусских писателей // Там же. Л., 1983. Т. 37. С. 13; Андрей Лызлов. Скифская история / Подгот. текста и комм. А. П. Богданова. М., 1990. С. 351.

О. А. Белоброва, Д. М. Буланин

Котов Федот Афанасьевич (1-я пол. XVII в.) — московский купец, автор «Хождения» из Москвы в Персию в 1623 г. Путь К. на Восток лежал по Волге до Астрахани, затем по Каспийскому морю на Дербент, далее по суше через Шемаху до Исфахана. Обратная дорога проходила через Армению, Турцию и далее на север. К. был подготовлен к поездке на Восток, судя по записям в его отчете персидских, армянских, турецких и грузинских числительных, по умению переводить меры восточного купечества на русские. Помимо интереса к торговле К. уделил внимание в своем описании и природе, рекам, горам, морю, и климатическим особенностям восточных краев, плодородию земли. Подробно описаны своеобразные черты персидской архитектуры, переправы, быт и праздники мусульман, костюмы тюркских и закавказских народов и т. д. Сохранились три списка «Хождения» К. одной редакции, все они опубликованы.

Изд.: Беляев И. Д. «О ходу в Персидское царство и из Персиды в Турскую землю и в Индею и в Урмуз, где корабли приходят» // ВОИДР. 1852. Кн. 15. С. 1—22; П—и й М. Хождение на Восток Ф. А. Котова в первой четверти XVII в. // ИОРЯС. 1907. Т. 12, кн. 1. С. 67—125; Хожение купца Федота Котова в Персию / Публ. Н. А. Кузнецовой. М., 1958 (с пер. на рус. яз.).

О. А. Белоброва

Котошихин Григорий Карпов (ок. 1630 — XI.1667) — автор исторического и нравоописательного сочинения, впоследствии получившего название «О России в царствование Алексея Михайловича». Сын келаря одного из московских монастырей, К. уже с отроческих лет (не ранее 1645 г.) начинает служить в Посольском приказе, где он исполнял вначале обязанности писца, а затем (между 1656—1658 гг.) был произведен в подьячие. Служба в Посольском приказе дала К. возможность детально познакомиться с социальным механизмом и бюрократическими ритуалами Московской Руси середины XVII в. В 1658—1660 гг. К. участвует в двух посольствах, которые вели переговоры со шведами; в 1660 г. за ошибку, совершенную при составлении донесения царю, по распоряжению *Алексея Михайловича* был бит батогами. В следующем году К. присутствовал при подписании Кардисского мира между Швецией и Россией, в то время как в Москве думный дворянин Прокофий Елизаров обвинил его отца в растрате монастырской казны. Сын, свидетельствовавший позднее, что в казне не хватало всего лишь пяти алтын, лишился своего дома; хлопоты о возвращении потерянного имущества результата не дали. В августе—сентябре 1661 г. К. впервые

побывал в Стокгольме, куда он отвез царское письмо, адресованное Карлу XI, и был там щедро одарен.

Во время приезда в Москву шведского эмиссара Адольфа Эберса (лето 1663 г.) К. снабдил его за 40 рублей секретными сведениями, облегчившими шведам переговоры с окольничим В. С. Волынским о денежных претензиях, которые возникли после Кардисского мира. Эберс сожалел о том, что его тайные сношения с К. оказались недолгими: вскоре тот был отправлен с дипломатическим заданием под Брянск в войско князей Я. К. Черкасского и И. С. Прозоровского. После того как князья, которые нерешительно вели военные действия против поляков, были отозваны в Москву, их место занял известный своим крутым нравом Ю. А. Долгорукий; попытавшийся сделать К. одним из действующих лиц придворной интриги. Новый воевода предложил ему написать донос государю на князя Черкасского, за что обещал помощь по делу отца и повышение в должности. Если верить К., то он бежал в польские владения (конец лета 1664 г.) именно по той причине, что не пожелал возводить поклеп на бывшего начальника и обвинять его в измене.

Очутившись в Вильне, беглый подьячий подал прошение Яну Казимиру и был оставлен при канцлере Великого княжества Литовского, а впоследствии послал новую челобитную, добиваясь аудиенции у короля, с тем чтобы передать ему сведения, которые помогли бы полякам в их борьбе с Московским государством, но в аудиенции ему было отказано. В преддверии мира между Польшей и Россией К., скрывшийся под именем Иоанна Александра Селицкого, переезжает в Силезию, а затем в Пруссию. Из Любека осенью 1665 г. К., голодный и с обмороженными ногами, прибыл морским путем в Нарву. Шведский подданный, купец Афанасий Овчинников, убедил его представиться нарвскому губернатору Якову Таубе и подать прошение о принятии на шведскую службу. В послании на имя Таубе К. напомнил о своих былых связях с Эберсом и информировал шведов о том, что встреченный им в Любеке царский чиновник Иоанн фон Горн намерен послать к московскому государю полковника, знающего шведские военные планы. Пока Таубе ждал ответа из Стокгольма о судьбе К., в Нарве появился царский гонец Михаил Прокофьев. Котошихин пытался встретиться с ним, но тот не только отказался от общения с переметчиком, но и поспешил известить о нем Новгородского воеводу князя В. Г. Ромодановского, который потребовал от Таубе на основании 21-го пункта Кардисского договора выдачи «вора» и послал в Нарву стрелецкого капитана Ивана Репнина. К. укрылся от розысков, по-видимому, в домах живших в Нарве соотечественников. Таубе известил новгородского воеводу о том, что К. без его ведома якобы уже отправился в Псков. Дождавшись прибытия в Нарву 9 января 1666 г. Эберса, который привез своему старому московскому знакомому деньги и правительственное разрешение на поездку в Стокгольм, губернатор

Нарвы заключил К. в тюрьму, чтобы усыпить подозрительность русских, после чего инсценировал его побег оттуда. В марте того же года Королевский совет снабдил благополучно добравшегося до Стокгольма К. денежным пособием; позднее он был определен в сотрудники Государственного архива, состоявшего в ведомстве канцлера Делагарди.

В 1666—1667 гг. К. за 8 месяцев закончил свой труд по описанию русских обычаев и структуры Московского государства. В эту пору он жил у переводчика с русского Даниила Анастасиуса. Когда в Стокгольм приехали московские купцы и у Анастасиуса завелись деньги, он запил, и его жена ушла из дома. В воскресенье, 25 августа 1667 г., К. удалось по просьбе жены помирить супругов; вдвоем с хозяином они отправились из предместья в город, чтобы Анастасиус мог купить жене кольцо, но по дороге тот внезапно повернул назад. В 7 часов вечера К. вернулся домой от капитана Свена Гэте, с которым он бражничал. Здесь он застал пьяного Анастасиуса. Хозяин, приревновавший постояльца к своей жене, с бранью пытался выгнать его со двора. К. ударил Анастасиуса по лицу и в завязавшейся драке нанес ему несколько смертельных ударов испанским кинжалом, не пощадив заодно и его свояченицы, которую тяжело ранил в грудь. После случившейся через несколько дней смерти Анастасиуса его жена подала в суд жалобу на убийцу, уже взятого под стражу. Скандал стал известен русскому посольству, которое начало домогаться выдачи К. Шведское правительство отказалось выполнить требование, объяснив свое решение тем, что убийство было совершено на шведской территории и потому преступник должен быть судим по шведским законам. Суд приговорил К. к смертной казни. После короткой отсрочки, вызванной переходом К. в лютеранство, он был казнен на лобном месте за таможенной заставой южного пригорода Стокгольма, а тело его было анатомировано в Упсале.

В 1669 г. был выполнен шведский перевод рукописи К., который вскоре приобрел определенную популярность. Королевский переводчик Баркгузен в предисловии воздал должное острому уму и политической опытности автора, отметив, что труд К. был инспирирован графом Делагарди. Известие о существовании в Упсале авторской рукописи К. принес в Россию А. И. Тургенев, который в 1837—1838 гг. доложил о ней Николаю I. Дерптский профессор С. В. Соловьев скопировал ее в 1838 г., и два года спустя она была издана в Петербурге, получив при этом принятое ныне название.

Произведение К. представляет собой строго продуманное с фабульной точки зрения повествование о различных сторонах русской жизни, которое развертывается от описания верхнего — наиболее ритуализованного — слоя общественной иерархии к описанию нижних — менее ритуализованных — социальных слоев. Текст строится как нисходящая спираль, открываясь (если не считать краткого исторического вступления) рассказом о царской свадебной церемонии и завершаясь изло-

жением свадебных обычаев «бояр, и ближних, и иных чинов людей» (ср. распространенность спиралевидных форм в архитектуре и живописи эпохи барокко). Вслед за царскими ритуалами К. последовательно воссоздает нормы, регулирующие отношение знати к самодержавной власти, дипломатические обычаи Московской Руси, систему управления государством, сословное членение нации (останавливаясь на воинском, торговом и крестьянском сословиях) и заключает описание главами, посвященными торговле и домашнему быту. По мере приближения к концовке происходит нарастание мотивов, содержащих в себе мысль о различных нарушениях договорных и этикетных связей между людьми (ср. рассуждения об обманах во время сватовства в финале сочинения, противостоящем в этом плане начальным главам).

Таким образом, установку на изображение социального узуса и светских ритуалов К. — в духе свойственного культуре барокко антиномичного мышления — сочетает с интересом ко всякого рода отступлениям от обычая (тема несоблюдения постов, беспорядка и грабежей во время царских похорон, незаконнорожденных и пр.), а также к историческим эксцессам (ставший классическим рассказ о Медном бунте). Свойственное барокко тяготение к визуальному восприятию действительности нашло у Котошихина отражение в подробном разборе вопросов геральдики (сетования об отстутствии гербов у людей Московского государства) и внешней формы царских документов. В согласии с литературным контекстом XVII в. находится и сама словесная ткань этого сочинения, которая характеризуется, в частности, введением в речевую структуру текста голоса читателя-собеседника, вопрошающего автора (ср. распространенность жанра послания в стихотворной практике этого периода). Наконец, барочному мировидению отвечают проходящие сквозь весь очерк мотивы маскировки, лицемерия, подлогов, несоответствия лица и должности: «...царь жалует многих в бояре не по разуму, но по великой породе...» К. специально задерживает читательское внимание на том, что Московский государь употребляет в дипломатической переписке одни титулы при общении с Востоком и другие — более хвастливые — при общении с Западом; разоблачает притворство дьяков, которые, прикидываясь больными, отказываются от участия в посольстве, если им не по душе его состав; указывает на частую ложь в статейных списках, к которой послы прибегают ради того, «чтобы доставить у царя себе честь и жалованье большое», и т. п. Но говоря об этих разоблачительных и критических высказываниях, учтем наряду с веяниями эпохи и тот факт, что К. должен был принимать во внимание непосредственные требования заказчиков рукописи.

Идеология К. складывалась под ощутимым влиянием протестантизма (ср. выпады против почитания икон, сопровождавших послов в их заграничных путешествиях). К. был склонен к светскому объяснению исторических событий, которые под его углом зрения являют собой либо самовоспроизведение, либо самораспад социальной нормы.

Он сосредоточился на современности, ссылаясь при этом лишь на Хронику Петрея и Уложение Алексея Михайловича. Чем дальше в глубь прошлого заглядывал К. (вплоть до царствования *Ивана Грозного*), тем менее достоверными становились его показания, которые в этом случае опирались по преимуществу на циркулировавшие в его эпоху слухи. Безусловно справедливо общепринятое мнение, согласно которому взгляды К. были созвучны приближавшимся Петровским реформам. Сразу же после появления текста К. в русской печати он был использован Белинским в полемике со славянофильским станом.

Изд.: О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григория Котошихина. 4-е изд. СПб., 1906; Pennington A. Grigorij Kotošihin: O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajloviča. Oxford, 1980; Русское историческое повествование XVI—XVII веков. М., 1984. С. 162—315; ПЛДР. XVII век. М., 1989. Кн. 2. С. 252—285 (отрывки).

Лит.: Бычков А. Ф. Два новых материала для биографии Котошихина // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1860. Кн. 1; Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 360; Грот Я. К. Новые сведения о Котошихине по шведским источникам. СПб., 1882. (Приложение к 41-му тому Записок имп. Академии наук, № 1); Маркевич А. И. Григорий Карпович Котошихин и его сочинение о Московском государстве в половине XVII века // Записки имп. Новороссийского ун-та. 1896. Т. 68. С. 263—440; Пыпин А. Н. История русской литературы. 2-е изд. СПб., 1902. Т. 2. С. 405—442; Платонов С. Ф. Москва и Запад в XVI—XVII веках. Л., 1925. С. 122; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII—XVII вв. М., 1973. С. 338—339; Шарыпкин Д. М. Русские дневники шведов — полтавских пленников // Восприятие русской культуры на Западе: Очерки. Л., 1976. С. 63—64.

И. П. Смирнов

Кошелев Федор (2-я пол. XVII в.) — капитан, автор «сказки» — отчета о поездке в Персию. К. участвовал в московском посольстве в Персию в 1675 г., возглавляемом князем Борисом Мышецким. К. отвез персидскому шаху в подарок от московского царя кречетов. По возвращении в Москву подал «сказку», которая не опубликована и не исследована. В составе этого посольства находился также подьячий *Петр Долгов*.

Лит.: Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1887. Т. 60. С. 443.

О. А. Белоброва

Крабов Михаил Дмитриев (между 1590/1591 и 1599/1600 — 1670/1671) — стольник, составитель сборника агиографических и богословских сочинений, редактор ряда включенных в этот сборник житий. Как выяснил Н. В. Мятлев, отец К. Дмитрий Алферьевич — датчанин или ливонец по происхождению — служил шведскому королю Иоганну и оказался в России в конце XVI в.; там он женился на овдовевшей княгине Аксинье Токмаковой. В период «междуцарствия» Дмитрий Крабов (Грабов) получил от польско-литовских властей об-

ширные земельные владения и из дворян московских был пожалован сразу в окольничие, но уже в 1612 г. «съехал в Литву», что позднее московское правительство сочло изменой (см.: Сторожев В. Н. Материалы для истории русского дворянства. М., 1908. Вып. 2. С. 77, 87). Видимо, это обстоятельство сказалось на судьбе К. В источниках он упоминается с 1622/1623 г., когда, согласно боярской книге 1629 г., ему как стольнику патриарха *Филарета* был «учинен» поместный и денежный оклад (затем увеличенный до 500 четвертей и 25 рублей). Патриаршим стольником К. числится и в книгах выдачи денежного жалованья из Устюжной четверти за 1626/1627—1627/1628 гг. (ЦГАДА, ф. 137, Устюг, № 12, л. 166 об.; № 13, л. 159 об.). В сентябре 1624 г. К. участвовал в церемонии первой свадьбы *Михаила Феодоровича*. Очевидно, в штате патриаршего двора К. состоял до его расформирования в связи с кончиной Филарета (см.: Станиславский А. Л. Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // Актовое источниковедение. М., 1979. С. 127, примеч. 19). Одновременно, судя по боярским книгам и спискам 1626—1629 гг., он был государевым стольником (Сторожев В. Н. Материалы... Вып. 2. С. 109; Боярская книга 1627 г. М., 1986. С. 35; ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, № 886, столпик 2, л. 44; № 1131, столпик 1, л. 10; № 1156, л. 43). В этом чине К. значится и в Боярском списке 1635/1636 г. (ЦГАДА, ф. 210, столбцы Московского стола, № 117, столпик 1, л. 57). По сообщению боярской книги 1629 г., в 1640/1641 г. К. был «сослан за вину». Опале подверглись также его сыновья Александр и Петр, которые долго были детьми боярскими Пензенского уезда и лишь в 1678 г. стали выборными дворянами с прежними поместными и денежными окладами. Н. В. Мятлев связывает эту опалу с прибытием в Москву в 1641 г. датского посольства, которое вело переговоры о женитьбе королевича Вальдемара на царевне Ирине Михайловне. Возможно, К. приходился родственником датскому послу Г. Краббе и вызвал недовольство тем, что заявил об этом либо «слишком разоткровенничался» с заморским дипломатом. В боярской книге 1629 г. есть помета о том, что К. «государь пожаловал взять к Москве», но когда это произошло, не известно. В боярских списках 1641/1642 г. и последующего времени К. не упоминается.

2 марта 1640 г. К. закончил составление «Саборьника» (ГБЛ, собр. Румянцева, № 369) — по определению А. С. Демина, черновой агиографической энциклопедии, объединяющей отдельные сборнички и тетради, занятые проложными, минейными, житийными текстами. В «Предисловии главам» этой своеобразной библиотеки К. пишет, что «сия книга... трудолюбствующих веселит серцо», «дает хотяще что уведат им». Поскольку собранный К. агиографический материал, по наблюдению А. С. Демина, «стал выходить из рамок строгого членения по дням года», он был пронумерован по главам (всего их 254). Следом помещены разделенные на 23 главы два слова *Максима Грека* о том,

«яко не леть есть ни единому приложити что или убавити в божественном исповедании непорочныя крестьянския веры» (см.: Иванов А. И. Литературное наследие Максима Грека: Характеристика. Атрибуции. Библиография. Л., 1969. С. 110, 111). По образцу печатных книг, в конце «Саборьника» К. расположил два послесловия «К читателю», возможно им самим написанные. Для обозначения «господина книги сия» он применил «простую литорею»; чтобы дать понять читателю, кто составил рукопись и «подписал своею рукою», К. прибегает к более сложной значковой (счетной или цифровой) тайнописи. Готовивший, по предположению А. Х. Востокова, «Саборьник» к печати К. систематизировал различные агиографические памятники. Так, под 6 декабря размещены *Житие Николая Мирликийского*, Рождество Николы, Чудеса Николы, Память Николы. К. давал новые заглавия житийным сочинениям, подверг правке их язык, приводил дополнительные сведения (на чистых листах рукописи и полях листов, занятых текстом), восполнял утраченные фрагменты содержащихся в сборнике произведений. Его любопытный справочник отражает стремление книжников XVII в. к раскрытию интересующей их темы с наибольшей полнотой. Сборник К. не опубликован.

Лит.: Востоков. Описание. С. 544—545; Иванов П. И. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах. М., 1853. С. 211; Мятлев Н. В. Родословные заметки. III—IV. М., 1907. С. 7—10; Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии Л., 1929. Вып. 4. 3. С. 115, 126; Демин А. С. 1) Первое издание Пролога и культурные потребности русского общества 1630—1640-х годов // Литературный сборник XVII века. Пролог. М., 1978. С. 62—64; 2) Писатель и общество в России XVI—XVII веков (общественные настроения). М., 1985. С. 110, 111; Булычев А. А. Из истории дворянского рода Крабовых в последней четверти ХУI—XVII вв. // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. Тезисы докл. и сообщ. межвуз. науч. конф. М., 1989. С. 61—64.

Я. Г. Солодкин

«Краткое ведение о народе славянороссийском» — краткий летописец, созданный в конце XVII в. на основе *«Летописца выбором»* и во второй четверти XVIII в. почти совсем его заменивший. В большинстве списков это произведение озаглавлено: «Краткое ведение о народе славенороссийском и московском, выписано и сочинено из древних летописцев 1725 году». Однако к этому времени близок только список ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 810, повествование которого оканчивается современной статьей о воцарении Екатерины Алексеевны. Другая редакция, доведенная уже до 1730 г., представлена списками ГБЛ, ф. 7, собр. Амфилохия, № 50/690; 76/787; БАН, Тек. пост., № 350, л. 143—151; ЛОИИ, ф. 238, колл. Н. П. Лихачева, № 52 (доведен до 1736 г.). К этой же редакции, составляя в ней особую

группу, относится доработанный в 1741 г. список ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 811, интересный, в частности, тем, что в нем появляется запись о соправительстве царевны *Софии Алексеевны* (л. 25). Однако датировать сочинение на основе этих редакций второй и третьей четвертью XVIII в. нельзя. Раннюю историю текста раскрывает рукопись ГИМ, собр. Уварова, № 148, написанная на бумаге 80-х гг. XVII в. высокопрофессиональным писцом, который составил кратчайшую компиляцию (главным образом по *Хронографу Русскому*), от Адама до воцарения Ивана и Петра Алексеевичей. Точность деталей в сообщении об этом событии и об обстоятельствах кончины *Феодора Алексеевича* 27 апреля 1682 г. указывает как на осведомленность автора, так и на близость времени написания текста к этим событиям. Оставив далее несколько чистых листков (л. 78 об.—85 об.), вероятно, для продолжения повременных записей, автор переписал краткую редакцию «Летописца выбором» (с 1154 по 1678 г., л. 86—90), между конечными статьями которой другими чернилами вставил запись о Московском восстании 1682 г. (л. 89 об.), взятую, вероятно, из другого списка Летописца. Наличие в распоряжении автора второго, более пространного, списка «Летописца выбором», подтверждают сделанные им затем выписки, часть которых содержит крупные разночтения с первым списком, часть — новые летописные статьи (л. 90—91 об.). Выписки расположены в хронологическом порядке и позволяют определить, что список из группы пространных редакций Летописца был доведен до кончины *Алексея Михайловича* в 1676 г. (возможно, с включением более поздней записи 1682 г.). Второй писец продолжил записи в Уваровской рукописи со дня воцарения Ивана и Петра, доведя их до кончины Ивана 29 января 1696 г. (л. 78—78 об.), и теми же чернилами сделал несколько летописных заметок, наиболее поздняя из которых датируется 1712 г. (л. 85—85 об., 92—92 об.). Третьим почерком в рукопись внесены записи из «Летописца выбором» и других источников, доходящие до 1718 г. (л. 91 об.—93 об.). Четвертый писец дополнил текст уже до 1727 г. (л. 78 об., 84—84 об.); еще позже делал свои записи пятый (л. 92, 93 об.). Рукопись 1680-х гг., вместе с дополнениями, сделанными ее автором и вторым писцом (до 1712 г.), послужила основой последующих редакций, в первой из которых (1725 г.) сведенный ранее материал был лучше систематизирован и несколько сокращен. Последующая работа над текстом в XVIII в. сводилась в основном к унификации записей (с библейских времен до современности), содержащих главным образом сведения о датах жизни и правления монархов и их краткие характеристики. В дальнейшем эта тенденция привела к трансформации текста К. в еще более популярное в XVIII в. сочинение: это так называемый «Родословец от Адама» в таблицах и кругах, доведенный первоначально до воцарения Екатерины Алексеевны, а затем до Анны Иоанновны, переписывавшийся и редактировавшийся на протяжении всего

столетия. Первоначальная история текста К. раскрывает процесс — весьма долгий и кропотливый — создания популярного летописного памятника «для народа». К. до сих пор не издано.

А. П. Богданов

«Краткое описание о Сибирстей земли и о похождении атамана Ермака» — краткий рассказ о присоединении Сибири, публиковавшийся и известный в науке также под названием «Есиповская летопись по Головинскому списку». Однако он «едва ли» может «считаться редакцией самой Есиповской летописи» (Андреев. Очерки... С. 242). По содержанию К. о. близко так называемым «сибирским» статьям *Летописца Нового*. Вопрос о взаимоотношениях этих памятников до сих пор не разрешен окончательно. С. В. Бахрушин считал, что К. о. «есть в сущности просто статья Нового летописца» (Очерки... С. 22), которая в свою очередь имела общий с Летописью Есиповской (см. *Есипов Савва*) и *Летописью Строгановской* источник — *«Написание» казаков о походе Ермака*. Влияние Нового летописца на позднее сибирское летописание, в частности на К. о., отмечали Н. А. Дворецкая и Е. К. Ромодановская. В свою очередь А. И. Андреев считал, что повести о завоевании Сибири типа К. о., составленные на месте, послужили источником для общерусского свода, и из них автор Нового летописца мог заимствовать необходимые ему сведения (Очерки... С. 242—243). Эта гипотеза была поддержана Е. И. Дергачевой-Скоп (Из истории литературы... С. 139—142) и Р. Г. Скрынниковым (Сибирская экспедиция... 1982. С. 13—14). Наиболее детально сопоставление текстов К. о. и Нового летописца было проведено В. Г. Вовиной, которая отметила общность происхождения текстов К. о. и Нового летописца и зависимость последнего от протографа К. о. (К вопросу... С. 63). Исследовательница отметила также генетическую связь К. о. с комплексом основных сибирских летописей (там же. С. 64).

К. о. сохранилось в двух вариантах — Головинском и Шлецеровском. Первый из них, наиболее распространенный (известно пять списков), входит в состав так называемого Головинского сборника, включающего Головинскую редакцию *Летописного свода Сибирского* (см.: *«Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ея»*). Этот сборник, к составлению которого в 1680-х гг. приложил руку тобольский подьячий М. Г. Романов (см.: Дергачева-Скоп Е. И. Автограф М. Г. Романова — одного из составителей Сибирского летописного свода // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 79—103), переписывался в дальнейшем в полном составе (см.: Дворецкая. Сибирский летописный свод... С. 39—42); К. о. играло в нем роль своеобразного «предисловия», как в близкой по времени Окладной книге (1696—

1697 гг.) для того же использовались сибирские статьи Нового летописца (см.: Навро т М. И. Окладная книга Сибири 1697 г. // ПИ. Т. 5. М., 1956. С. 184—209).

Шлецеровский вариант сохранился в единственном списке БАН, 32.8.8, первой половины XVIII в. Он отличается пропуском слов «по присылке Максима Строганова», на основании чего А. И. Андреев выдвинул гипотезу о том, что эти слова являются позднейшей вставкой в текст Нового летописца и в Головинский вариант (Очерки... С. 211); однако А. И. Андреев текстологически не обосновал этого предположения (см.: Ромодановская Е. К. Строгановы и Ермак // История СССР. 1976. № 3. С. 140—141). Между тем в Шлецеровском сборнике, в целом близком по составу, К. о. не предшествует летописному своду, а следует за ним и, вполне возможно, было отредактировано по его тексту, в частности по Есиповской летописи Распространенной редакции.

Изд.: Сибирские летописи. СПб., 1907. С. 307—311.

Лит.: Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 3, ч. 1. М., 1955. С. 21—22; Дворецкая Н. А. 1) Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 479; 2) Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984. С. 62—73, 105—109; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 1. XVII век. 2-е изд. М.; Л., 1960. С. 241—243; Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 139—142; Ромодановская Е. К. Летописные источники о походе Ермака // Изв. Сиб. отд. АН СССР. 1981. Сер. обществ. наук. Вып. 3. С. 24—25; Вовина В. Г. К вопросу о сибирских статьях Нового летописца // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 58—69.

Е. К. Ромодановская

«Крикнул орел белой, славной, воюет царь православной...» — историческая песня, посвященная взятию войсками царя *Алексея Михайловича* Смоленска 23 сентября 1654 г. Смоленск был предметом спора между Московским государством и Польшей на протяжении XV—XVII вв. В 1610—1611 г. город был взят польским королем Сигизмундом III и находился в руках у поляков до 1654 г. В 1634 г. русские предприняли попытку завладеть городом, но осада боярина Михаила Борисовича Шеина окончилась неудачей: взять хорошо укрепленный город не удалось. В 1654 г. в войске присутствовал сам царь, город был сдан «на царево имя» после недолгого сопротивления. Взятие Смоленска было важным событием в деле присоединения Украины к России. В 1667 г. по Андрусовскому перемирию Смоленск был окончательно закреплен за Россией.

В виршах сообщаются подробности осады, упоминаются переговоры, которые вел Илья Данилович Милославский, знавший польский язык, с паном Авруцким; сдавшие город польские воеводы Обухович

и Корф; есть намек на неудачу Шеина («Понял той кажны смолянин, что не Шеинов дворянин»); показана мощь русской артиллерии, сыгравшей важную роль во взятии города.

Вирши о взятии Смоленска написаны свидетелем событий, возможно, вскоре после осады. По мнению И. А. Шляпкина, автором был житель Смоленска, вероятно из русских мещан, сторонник сдачи города (часть из них подавала на имя царя челобитные, прося у него подтверждения сословных и имущественных прав, см. *Половецкий Николай Алексеевич*). Менее обоснованным представляется предположение А. В. Позднеева, видевшего в стихотворце русского пленного, оказавшегося в Смоленске во время войны. Употребление автором польских слов («польские мовы», «згода», «мает», «розмовы» и др.), скорее, говорит о более основательном знакомстве автора с польским и украинским языками и позволяет видеть в нем жителя Юго-Западной России.

Вирши написаны 8-сложным силлабическим стихом. В русской филологии этому жанру присвоено название книжной, или искусственной, песни, возникшей не без влияния чешской и польской поэзии, но распространенной также и в Белоруссии.

Известно два списка памятника — ГПБ, собр. Погодина, № 1593, л. 46—46 об. (опубликован И. А. Шляпкиным) и неопубликованный более исправный вариант — ГБЛ, собр. Тихонравова, № 249, л. 246. Оба списка XVII в.

Позднеев считает, что Песня о взятии Смоленска повлияла на *Песнь о взятии Азова в 1696 г.* Как и в песне о Смоленске, царь назван в ней «орлом славным... российские страны», события изложены с документальной точностью, названы поименно воеводы, отмечена роль артиллерии и говорится о просьбе азовских жителей отпустить их «в дальнии станы» — аналогично тому, как склоняли знамена и плакали перед царем жители Смоленска.

Изд.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 227; Историческая песня XVII в. «О взятии Смоленска». (Сообщение И. А. Шляпкина) // ПДП. СПб., 1895. Вып. 111. С. 47—50 (и отд.).

Лит.: Шнерк Ф. Смоленск // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1900. Т. 30а. Слюз—София Палеолог. С. 557, 558—559; Позднеев А. В. 1) Песнь о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 356; 2) Проблемы изучения поэзии Петровского времени // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 30, 32, 34; 3) Рукописные песенники XVII—XVIII веков: (Из истории песенно-силлабической поэзии) // Учен. зап. Московского гос. заоч. пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 13, 30, 40—41; Очерки истории СССР: Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 483, 711; Адрианова-Перетц В. П., Лихачев Д. С. Русская демократическая поэзия XVII века // Демократическая поэзия XVII века. М.; Л., 1962. С. 8. (Библиотека поэта, большая серия. 2-е изд.).

М. Д. Каган

Кровкова Агафья Григорьевна (конец XVII в.) — жена стольника, думного дворянина (генерала) Матвея Осиповича Кровкова (ум. 1700), автор 12 писем. Письма К. обращены к Прасковье Андреевне Хованской, жене князя *Петра Ивановича Хованского*, брата *Андрея Ивановича* и сына *Ивана Андреевича Хованских*, казненных правительством царевны *Софии Алексеевны* 17 сентября 1682 г. Письма К. сохранились в составе архива П. И. Хованского, содержащего кроме писем его и его семьи переписку с родственниками, знакомыми и прислугой. Архив П. И. Хованского был конфискован в 1682 г., после казни его отца и брата, в поисках у него «подметных» противоправительственных писем, и эта дата является нижней границей написания всех писем К.

Темы, затрагиваемые в письмах К., касаются не только повседневного семейного быта и личных переживаний автора. Письма ее, создавая в совокупности своеобразный психологически сложный женский автопортрет, являются также ценным историческим свидетельством быта и нравов людей времени так называемой «Хованщины» и содержат повествование о семейной трагедии, о разорении вследствие солдатского «правежа» семьи московского «генерала»-стольника и о предпринимаемых его женой попытках вернуть семье ее прежнее положение в обществе. Средства, с помощью которых К. пытается, по ее выражению, «вытащить» свою семью «из грязи» и «ада», превращаются фактически в разоблачение произвола, бюрократизма, взяточничества, казнокрадства и всякого рода интриг.

Изд.: Частная переписка князя Петра Ивановича Хованского, его семьи и родственников / Изд. Г. Г. Лукьянов // Старина и новизна. М., 1905. Т. 10. С. 406—417 (№ 129—140).

Лит.: Кровков Матвей Осипович // РБС. СПб., 1903. [Т. 9]. С. 445—446; Будовниц. Словарь. С. 215, 358.

Н. Ф. Дробленкова

Кропоткин Михаил (2-я пол. XVII—1-я четв. XVIII в.) — князь, до 1690 г. комнатный стольник при царском дворе, переводчик. Известны его переводы с польского и пересказы (в том числе виршами) отрывков из «Географии» Яна Ботера и из *Хроники Александра Гваньини*, толкующих о Лютере, Кальвине и о пагубности их учений. Известен также его перевод сочинения Симона Старовольского «Двор турскаго салтана и о чину и о строении его во Цареграде» (этот перевод упоминается в работах лингвистов: Иссерлин Е. М. Лексика русского литературного языка XVII в. М., 1961; Pennington A. Future Periphrases in 17-th Century Russian: Some Evidence from Translated Material // The Slavonic and East European Review. 1968. Vol. 46. N 106. P. 31—47). Все эти переводы выполнены К. довольно неумело; они сохранились в сборнике, его автографе

(ГБЛ, собр. Пискарева, № 173 (Муз., № 608)), в предисловии («предмове») которого сообщается время работы над переводами — 1690—1691 гг. и место — Белгород. К. с семьей был направлен сюда на службу в полк к воеводе Б. П. Шереметеву в наказание за поездку в 1690 г. в Вологду к сосланному князю *В. В. Голицыну* с деньгами и письмами от царевны *Софии Алексеевны* (первоначально князю К. за этот поступок грозило битье кнутом и ссылка). Сборник К. предназначался П. Ф. Колычеву в Петербург и, очевидно, был составлен после кончины Петра I. Кроме того, в предисловии К. упоминает выполненный им перевод сборника *Апофегматы*, местонахождение которого неизвестно. Переводы К. не опубликованы, частично изданы только его вирши.

Изд.: Покровский Н. Борьба с протестантскими идеями в Петровское время и князь Михаил Кропоткин // Русский вестник. 1872. Т. 172, сентябрь. С. 224—234; Лопарев Х. М. Описание рукописей имп. ОЛДП. СПб., 1892. Ч. 1. С. 284—285; Николаев С. И. «Зоил в российских градех» (от Симеона Полоцкого до А. Кантемира) // XVIII век. СПб., 1991. Сб. 17. С. 23.

Лит.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. СПб., 1888. Т. 3. Стб. 1097, 1117, 1126, 1144, 1170, 1207, 1208, 1241, 1469—1470, 1471—1472; Соболевский. Переводная литература. С. 57, 91.

О. А. Белоброва

Круг Миротворный («Круг великий миротворный») — сборник относительно устойчивого состава, распространный в письменной традиции XVI—XVIII вв. Название его связано с 532-летним циклом (альфой), установленным для празднования Пасхи — главного события христианской истории, символизирующего обновление человечества. К. М. состоит из двух разделов: 1) таблиц, связанных с пасхальными расчетами и расположенных единым массивом в начале или в середине сборника; 2) комплекса богословско-полемических произведений. В первоначальном варианте К. М. включал «Изложение пасхалии» митрополита *Зосимы*, объединенное с «Началом пасхальи» новгородского архиепископа *Геннадия* (обе статьи идут без заголовков), три анонимных «Сказания о скончании седьмой тысящи», приписываемых *Иосифу Волоцкому*, «Сказание известно, како считати пасхалия науст». Специальных исследований, посвященных «Началу пасхальи» и «Сказанию известному», не существует. Другие статьи рассматриваются в научной литературе изолированно от контекста. В описаниях рукописей К. М. нередко характеризуется как «Пасхалия с дополнительными статьями». Единственное исследование о К. М. как о цельном памятнике принадлежит В. М. Ундольскому, он же опубликовал предисловие к К. М., датированное 1539 г.

Составление К. М. связано с деятельностью круга книжников, сложившегося при новгородском архиепископе *Макарии*. Предисловие

к К. М. написано священником новгородской церкви Гурия, Самона и Авива при соборе св. Софии Агафоном (см. *Агафоник*, так он назван в рукописи ГПБ, Q.XVII.31, л. 22, содержащей описание одного из экземпляров К. М.). Старейший из списков К. М. — ГБЛ, ф. 304, собр. Тр.-Серг. лавры, № 736 содержит два варианта предисловия: первый из них (л. 26 об.) — черновой, написан мелким небрежным почерком, с пометами и поправками; датируется он 25 марта 1539 г. и в остальных списках К. М. не встречается. Второй вариант (л. 27) выполнен крупным парадным полууставом и датирован 25 марта 1540 г. В. М. Ундольский высказал предположение, что именно Троицкий список является авторским списком Агафона.

Предисловие 1540 г. входит в состав многих списков К. М. и имеет заголовок «Историк рекше летописец святыя алфы на 532 лета». Здесь Агафон объясняет написание К. М. выполнением обета, данного им 12 марта 1538 г. «Сергию чудотворцу» при посещении Троице-Сергиева монастыря ради исцеления от тяжелой болезни. Другие списки К. М. включают предисловие, датированное 20 января 1541 г. В нем Агафон сообщает, что К. М. был написан им во исполнение обета, данного «великому ерарху и чюдотворцу Петру митрополиту» 5 мая 1538 г. в Москве. В списках К. М., содержащих предисловие как 1540, так и 1541 г. (в том числе и в Тр., № 736), находится таблица обращения индикта с датой 1541 г. и «Сказание известно» — руководство для вычисления дат, зависимых от Пасхи, составленное на примерах, взятых «в ныне настоящем лете 7050», т. е. в 1542 г. Хронологические разногласия не позволяют назвать точную дату создания К. М. Невыясненной остается степень участия Агафона в составлении сборника. Большинство таблиц, вошедших в К. М., было в разрозненном виде известно на Руси и до него (подробнее об этих таблицах см. в работе А. М. Пентковского).

На 19 разворотах рукописи расположены таблицы пасхальных данных на каждый из 7980 лет 15 Великих индиктионов, характерные только для К. М. В этих же таблицах на полях против соответствующего года отмечены даты важнейших событий новозаветной истории: Рождества Христова, Крещения, Распятия, Воскресения (известны примеры дополнения этого списка датами из русской истории — в сборнике ГПБ, F.I.866). Собственно эти таблицы Агафон и называет в предисловии «кругом великим миротворным». Затем Агафон упоминает, что «обрете же пресвященый Генадие архиепископ новгородски в крузе миротворнем по границам 7000 лет, паки же обрет осмую тысящу. . .» Ни в одном из многочисленных списков «Начала пасхальи» Геннадия (в том числе и в сборниках, не связанных с К. М.) таблиц нет, т. к. это произведение является только окружным посланием. Из словесного описания, данного Геннадием, можно, однако, предположить, что тип таблиц, используемых Агафоном, был уже известен архиепископу.

Списки К. М. традиционного состава, т. е. сложившегося на основе К. М. Агафона, числом более двадцати, можно разделить на две редакции, приметой которых является разная дата в предисловии: в 1-й редакции — 1540 г., во 2-й — 1541 г. Собственно литературная история сборника начинается в XVII в., когда он пополняется множеством небольших статей за счет включения таблиц лунников («лунник птоломейский»), счéта часов («часы дневныя и нощныя царствующего града Москвы»), комментариев к таблицам по вычислению Пасхи, выписок из *«Христианской топографии» Козьмы Индикоплова*, «жемчюжной матицы», астрологических заметок. В списках К. М. часто встречается небольшое сочинение «О стязании» (см.: Тихонравов Н. С. Сочинения. М., 1898. Т. 1. С. 243), описывающее требования, предъявляемые к знатоку пасхалии (см., например, ГПБ, собр. ОЛДП, F.184, XVII в.). К статьям К. М., так или иначе затрагивающим календарно-пасхальную тематику, в XVII в. добавляются и тексты иного содержания. В отдельные списки К. М. включаются, например, грамматические статьи (отрывок из «Грамматики» *Лаврентия Зизания* — ГБЛ, собр. МДА фунд., № 103, л. 107 об.), выписки из сочинений *Максима Грека* (ГПБ, Солов. собр., № 479/498, конец XVI—нач. XVII в.), арифметические таблицы («Счет греческих купцов» — ГПБ, собр. Погодина, № 1923). Встречаются в составе К. М. и фрагменты летописного характера — «История о начале Руския земли и о создании Новаграда» (ГБЛ, ф. 37, собр. Большакова, № 418, л. 334—351). В одном списке К. М. соединен с «Шестодневом» Василия Великого (ЦГАДА, ф. 181, № 699), в другом дополнен учительными статьями (ГБЛ, ф. 199, № 128). Вместе с тем намечается и противоположная тенденция — исключать из состава К. М. повествовательные произведения и ограничиваться только таблицами (см., например: ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 516/773, 1626 г.). К. М. использовался при составлении «ручных пасхалий» и в XVIII в. (заимствования из памятника можно найти, например, в сборнике БАН, 17.14.6).

Не ранее XVII в. возникают сборники, отличающиеся по содержанию от К. М. Агафона, но носящие такое же название. Наиболее известен из них — ГБЛ, ф. 178, Муз. собр., № 1372 («Книга глаголемая Богословие круг великий миротворный»), рассматриваемый в статье В. К. Былинина. Ср. также список ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 447.

Копирование и распространение пасхальных таблиц имело прежде всего сакральное значение. Большинство таблиц К. М. практического значения не имеет. Достаточно сказать, что таблицы Агафона содержат даты Пасхи на период 5500 лет до Рождества Христова. Кроме того, для нахождения Пасхи вполне достаточно было бы таблиц Великого индиктиона. Впрочем, таблицы К. М. могли быть использованы при нахождении любой даты. Переписывая К. М., древнерусские книжники испытывали, вероятно, чувство своей причастности к мирозданию.

утверждали вечное во временнóм мире, ведь «круг миротворный бесконечно имат обхожение».

Изд.: Ундольский В. М. Приготовительные сведения для словаря историко-юридического // Архив историко-юридических сведений, издаваемый Н. Калачевым. М., 1850, Кн. 1. Отд. III. С. 1—18.

Лит.: Макарий (Булгаков). История русской церкви. СПб., 1870. Т. 6, кн. 1. С. 101; Строев. Словарь. С. 54—56; Соболевский. Переводная литература. С. 39; Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV—начала XVI века. М.; Л.; 1955. С. 187—188, 393—394; Былинин В. К. Педагогические функции древнерусской книжной поэзии // Просвещение и педагогическая мысль Древней Руси. М., 1983. С. 45—54; Пентковский А. М. Календарные таблицы в рукописях XIV—XVI вв. // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 1. С. 136—197.

А. А. Романова

Крючков Исидор (2-я пол. XVII в.) — житель города Коломны, автор сочинения о близкой кончине мира. В 1665 г., 19 февраля, он подбросил на полки овощного ряда, где бывало много народа, тетрадь, или листки, со своим сочинением. Текст этих листков дошел до нас в рукописи второй половины XVII в. (ГПБ, собр. Погодина, № 1560, л. 81—81 об.), переписанный вместе с полемическим сочинением священника *Иоанна* «Слово улично», обличающим творение К. как «лживую повесть», излагающую взгляды «капитонов» — раскольников. Из сочинения Иоанна известна дата появления «Повести» в Коломне и дальнейшая судьба ее автора, не ограничившегося распространением своих взглядов в подметном сочинении, но писавшего углем на стенах Вознесенской церкви подобные же «грозы». К. был привлечен в Коломенский архиепископский приказ, где его сочинение было рассмотрено Леонтием Брюзгиным. Автор поначалу, «оторопев, помысли скрыти и учел запиратися вопрошающим о ней», но затем, осмелев, принес тетради Иоанну.

Сочинение К. — один из ранних эсхатологических опытов. Оно по характеру своему отличается от сочинений старообрядцев, так как не содержит характерных для последних теоретических обоснований грядущего прихода антихриста и кончины мира. Начало дошедшего до нас текста несколько испорчено. В целом он составлен в виде отписки «ис Полимитарского града Сицелескаго государства». В ней рассказывается, что в «Полимитарский град» пришли два старца, назвавшиеся пророками и посланные, по их словам, Богом Саваофом. Босые, с непокрытыми головами, в платье «незнакомом», «яко нигде такова не обретохом», питающиеся только хлебом и водой, они чудесным образом подкрепили свою проповедь о близкой кончине мира: из «Полимитарского града» они собирались уехать в Рим, но предоставленное им «возило» на глазах у всех разбилось «во мгновении ока». Проповедовали же они, что в 169 (1661) г. будет великая война во всем свете, в

170 (1662) г. не будет пастыря, в 171 (1663) г. «немногия люди Христа спознают», в 172 (1664) г. будет трясение, в 173 (1665) г. — гнев Божий во всей вселенной, в 174 (1666) г. будет Африка гореть и реки кровью потекут, в 175 (1667) г. «восстанет муж велик», в 176 (1669) г. Бог в Троице един будет «во всем свете», в 178 (1670) г. светила небесные угаснут и будет «едино стадо и един пастырь», и придет день Страшного суда.

Это произведение, несомненно испытавшее влияние Апокалипсиса и его толкований — *Слова и сказания святого Ипполита об антихристе* и «Слова о втором пришествии... и о Страшном суде» Палладия Мниха, хорошо известных на Руси в середине XVII в. не только в рукописных списках, но и в печати (см.: Соборник. М., 1647. Л. 120—140, 141—157об.), все же больше напоминает светскую легенду. Трудно сказать, был ли К. старообрядцем, ибо его представления о предшествующих концу света знамениях в деталях отличаются от старообрядческих сочинений, хотя с последними его сближает указание на точный год конца света (у старообрядцев назывался и 1670, и 1688, и 1699 гг.) и фигуры двух старцев-пророков, легко отождествляемых с упомянутыми в главе 2-й Апокалипсиса ветхозаветными пророками Енохом и Ильей. Однако был ли К. старообрядцем или нет, его сочинение рассматривалось на фоне старообрядческой эсхатологии и вполне укладывалось в ее схему. Характерна для старообрядческой традиции и рукописная форма выступления К. — тетради, или листки, типичные для старообрядческой пропаганды.

В начальной части сочинения К. многое неясно. Что означает название «Полимитарский град»? Следует ли видеть в нем в сочетании с Сицилийским государством искаженное название города Палермо, или можно искать его значение в греческом слове *πολύμυθος* — «широко известный», «всеми восхваляемый» град? Не находят также объяснения слова «отпущены к вам лучшими достоинству Ухарския земли» и обращение «Подкораю, великому учителю святыя Иерусалимския веры».

Фрагменты сочинения К. приведены А. Ф. Бычковым в его описании рукописей Погодинского собрания. Е. В. Барсов опубликовал другой, возможно, более поздний список без ссылки на источник. В нем нет имени автора и сопутствующего Слова Иоанна. В списке Барсова названы город Палерма и король Угорской Земли (вместо Ухарской земли Погодинского списка). Барсов полагал, что этот текст западного происхождения: «„Вестовое письмо Угорскому подкоролю" указывает, что около половины XVII в. мнения о близости кончины мира были в ходу и на Западе».

Изд.: Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописей имп. Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1. С. 209—210; Новые материалы для истории старообрядчества XVII—XVIII веков, собранные Е. В. Барсовым, с предисловием. М., 1890. С. VIII, 156—157.

Лит.: Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII в. СПб., 1898. С. CXX, 18—20, 25, 35, 37, 40, 41, 45, 46, примеч. 22, 48, примеч. 28, 76—77.

М. Д. Каган

Ксения Борисовна Годунова (в монашестве Ольга) (1582—1622) — дочь царя *Бориса Годунова*, автор письма к тетке княгине Домне Богдановне (1609 г). С 1599 по 1602 г. к К. Б. сватались представители королевских дворов Европы (Швеции, Австрийской империи, Дании), но по разным причинам дело не доходило до брака. Последний претендент на руку К. Б. герцог шлезвиг-голштинский Иоанн, брат датского короля Христиана IV, внезапно умер в Москве в 1602 г. После смерти отца и гибели матери и брата К. Б. в 1605 г. стала наложницей *Григория Отрепьева*, после чего была насильственно пострижена в монахини и сослана в Горицкий девичий монастырь на Белом озере. При Василии Шуйском, в 1606 г., К. Б. была возвращена в Москву для сопровождения останков ее родителей и брата при их перезахоронении в Троице-Сергиевом монастыре. В этом монастыре К. Б. пережила 16-месячную осаду во время польско-литовской интервенции 1608—1610 гг., отсюда она написала в марте 1609 г. лаконичное письмо с описанием тягот в осажденной крепости («с часу на час ожидаем смерти...», «да у нас же... моровая поветрия» и т. д.) и с просьбой написать ей «про московское житье». Позднее, в 1612 г., К. Б. была свидетельницей разорения Московского Новодевичьего монастыря отрядом И. Заруцкого. Последние годы жизни К. Б. была инокиней Суздальского Покровского девичьего монастыря. Здесь она умерла, а захоронена вместе с родителями и братом в Троице-Сергиевом монастыре.

Судьба К. Б. волновала современников; о ней еще при жизни слагались песни, известные, например, в записи 1619—1620 гг., сделанной для *Ричарда Джемса*. Ей приписываются также произведения лицевого шитья. Письмо К. Б. сохранилось в рукописном собрании ЛОИИ.

Изд.: АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 182. С. 212—213.

Лит.: Костомаров Н. И. Ксения Борисовна Годунова // ИВ. 1883. Т. 15; Маясова Н. А. Литературный образ Ксении Годуновой и приписываемые ей произведения шитья // ТОДРЛ. М.; Л., 1966. Т. 22. С. 294—310.

О. А. Белоброва

Кубасов Сергей Иевлевич (ум. после 1694) — сын боярский, предполагаемый составитель одного из хронографов особого состава, который А. Н. Попов назвал «Хронографом Кубасова». Хронограф К. состоит из трех частей: хронографической, близкой к *Хронографу Русскому* редакции 1512 г., летописной, содержащей известия по русской истории до 7000 (1492) г., и, наконец, «*Повести книги сея от*

прежних лет», приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому. Известно шесть списков Хронографа К.: Демидовский и А. Н. Попова (эти два списка утрачены); БАН, 16.13.2 (неполный, имет свое название — Едомский летописец); ГБЛ, ф. 228, собр. Пискарева, № 169; ГПБ, собр. Вяземского, F. VI; ЛОИИ, ф. 11, № 143.

О времени рождения К. можно судить только предположительно: известно, что в 40-х—начале 50-х гг. XVII в. в г. Тотьме действовал тотемский голова Иев Кубасов, который, вероятно, был отцом К., так как в источниках последний иногда назывался тотьменином. К., начав свою службу в 50-х гг. XVII в. в должности подьячего провинциального города Тотьмы, после участия в посольстве *Федора Исааковича Байкова* в Китай (1654—1657 гг.) получил назначение в более значительный сибирский город Енисейск, где действовал уже как подьячий с приписью (1660 г.). В 1668 г. К. оказывается в г. Тобольске: этим годом датируется его служебная записка «О способах к увеличению казенных доходов в Тобольске и пригородах тамошнего уезда». Служа в Тобольске, центральном городе Сибири XVII в., К. уже подписывается как «сын боярский». Об этом мы узнаем из приписки, находившейся в двух утраченных списках Хронографа К.: «Труды же и тщания многогрешного раба Тобольского сына боярского Сергея Кубасова». Указание о новом служебном положении позволяет датировать его работу над текстом Хронографа 70—80-ми гг. XVII в. Последнее известие о К. относится к 1694 г.

Степень участия К. в работе над текстом Хронографа определялась исследователями по-разному: одни считали, что он был составителем всего Хронографа и автором «Повести книги сея...» (А. Н. Попов, И. И. Срезневский, А. М. Ставрович), другие — что он не был автором «Повести книги сея...» (В. О. Ключевский, С. Ф. Платонов и др.), третьи — что он был автором-компилятором особой редакции Хронографа (Е. К. Ромодановская). Вопрос об авторстве К. на сегодняшний день решается однозначно: он не мог быть автором Хронографа, так как все части этого памятника дошли до нас в списках не позднее 30-х гг. XVII в., а приблизительно к этому времени относится рождение К. Вопрос о роли К. в объединении отдельных частей Хронографа не имеет однозначного решения: четыре списка из шести приписки К. не имеют, а два списка, имевших приписку, утрачены. С. М. Ставрович вслед за С. Ф. Платоновым высказала предположение об участии К. в работе над *Летописью Строгановской*, но со стороны других исследователей это предположение не нашло поддержки. Кроме «Повести книги сея...» исследователи обращались и к изучению летописной части Хронографа К,. содержащей ряд оригинальных известий (А. А. Шахматов, М. Н. Тихомиров, А. Н. Насонов и др.). Некоторые исследователи интересовались влиянием текста Хронографа К. на летописание Сибири, вопрос этот продолжает изучаться.

На сегодняшний день история текста Хронографа К., предшествующая самому Хронографу, выглядит следующим образом. Было два этапа в истории текста: 20-е гг. XVI в. и 30—40-е гг. XVII в. На первом этапе появляются Хронограф редакции 1512 г., являющийся одним из основных источников Хронографа К., и близкая к *Летописному своду Сокращенному* часть летописного текста (за период XV в.), особенностью которой являются несколько чтений, где в переработке общеизвестных исторических фактов отразилась борьба за власть между внуком *Ивана III* Дмитрием и сыном *Василием III*. На втором этапе, отразившемся в рукописях 30-х гг. XVII в., возникает незначительная переработка Хронографа редакции 1512 г. (см.: ГПБ, Q.IV.88), в которой имеют место перестановка и несколько иная разбивка глав, незначительные вставки и сокращения текста; этой переработке Хронографа редакции 1512 г. сопутствует летописный текст (известен и в отдельном виде, например один из списков «Летописца о великих княжениях» — ЦГАДА, ф. 181, № 617/1127), содержащий известия по русской истории от времен расселения славян до конца XVI в.; в эти же годы создается и «Повесть книги сея...» в нескольких редакциях. Таким образом, получается, что текст Хронографа К. до момента его составления во второй половине XVII в. уже существовал в виде отдельных произведений. Летописная часть Хронографа К. легла в основу краткого летописца, известного под названием «Подробнейшая история государей российских» (издана в XVIII в. Н. И. Новиковым). Хронограф К. использовал Н. М. Карамзин в работе над «Историей государства Российского». Из состава Хронографа К. неоднократно публиковалась «Повесть книги сея...».

Изд.: Русские достопамятности / Изд. ОИДР. М., 1815. Ч. 1. С. 170—179; Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1868. С. 283—315.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1816. Т. 1, примеч. 289; Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 231—236; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 259—261; Ставрович А. М. Сергей Кубасов и Строгановская летопись: (Новые мысли по поводу «Старых сомнений») // Сборник статей по русской истории, посвященных С. Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 285—293; Краткая литературная энциклопедия. М., 1966. Т. 3. С. 864 (статья О. А. Державиной); Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Новосибирск, 1973. С. 31—32; Буганов В. И. Отечественная историография русского летописания. М., 1975. С. 101—102, 106; Веселовский С. Б. 1) Дьяки и подьячии XV—XVII вв. М., 1975. С. 270; 2) Труды по источниковедению и истории России периода феодализма. М., 1978. С. 139; Акты писцового дела (1644—1661 гг.) / Сост. акад. С. Б. Веселовский. М., 1977. С. 62—66; Зиборов В. К. 1) Летописная часть хронографа Кубасова // Древнерусская книжность: Резюме докл. на конф. молодых специалистов. Л., 1975. С. 19—20; 2) Летописная часть хронографа С. Кубасова // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 8. С. 58—73; 3) Об авторе так называемой Повести Катырева-Ростовского // Источнико-

ведение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 244—250; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 27—31.

В. К. Зиборов

Куракин Иван Семенович (ок. 1575—1632) — князь, боярин, автор «Чаши государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всея России». Правнук родоначальника Куракиных, А. П. Кураки Булгакова, К. упоминается в источниках с лета 1594 г., когда в чине стольника был рындой на приеме послов австрийского императора (см.: Разрядная книга 1559—1605 гг. М., 1974. С. 299). Три года спустя, получив то же назначение, вступил в местнический спор с князем Ю. Н. Трубецким, покинул Москву, за что был «отставлен» и даже «сидел в подклете» (там же. С. 303; Разрядная книга 1550—1636 гг. М., 1976. Т. 2, вып. 1. С. 130, 147). Был головой в «серпуховском» походе *Бориса Годунова* (лето 1598 г.), принимал участие в его избрании на трон (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 43; ср. с. 49). При царе Борисе, будучи по-прежнему стольником (среди 19 стольников, перечисленных в боярском списке 1598—1599 гг., К. назван 11-м — см.: Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. 1. С. 180) встречал в Москве шведского королевича и английского посла в период вторжения *Григория Отрепьева* (Лжедмитрия I), против которого выставил 32 «конных» ратника (см.: Там же. М., 1979. Ч. 2. С. 27), был направлен в Тулу для «осаднава дела». Очевидно, перешел на сторону Самозванца, во время похода которого от Кром к Москве (через Тулу) являлся (согласно разрядным книгам) первым воеводой полка правой руки. Лжедмитрий I пожаловал К. боярское звание (вероятно, в 1605 г. См.: Берх В. Н. Царствование царя Михаила Феодоровича и взгляд на междуцарствие. СПб., 1832. Ч. 2. С. 76) и назначил наместником и воеводой в Смоленск. В мае 1606 г. К., возможно, участвовал в заговоре против Самозванца и выступал за ограничение власти нового царя Василия Шуйского, который, передав К. вотчину П. Ф. Басманова, убитого фаворита «расстриги», оставил его на воеводстве в Смоленске. Осенью 1607 г. К. находился уже в столице.

О его деятельности в период борьбы московского правительства с войсками Лжедмитрия II читаем в *летописцах Новом, Пискаревском* и *Бельском*, Казанском сказании, *Хронографе Столяровском*. В декабре 1607 г. К. в сторожевом полку послан из Москвы к Брянску, осажденному отрядами «вора». Выйдя к Десне, он поставил острог и сумел переправить запасы продовольствия и вооружения в город. Из-под Брянска войска К. отошли в Карачев, затем он был отозван в Москву, а весной 1608 г. направлен в Болхов. Командовавший «воровской» армией гетман Р. К. Ружинский послал ему и князю

В. В. Голицыну грамоту как «сродичем, братье нашей», т. е. гедиминовичам, призывая присоединиться к Лжедмитрию II (РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 218—221), но эта грамота не возымела действия. В первый день Болховского сражения (30 апреля 1608 г.) во главе сторожевого полка контратаковал силы «вора», восстановив положение. Во время тушинской осады Москвы, как считает И. С. Шепелев, был одним из ближайших соратников Шуйского, которому доводился свойственником (сестра К. Мария Семеновна являлась женой И. П. Буйносова-Ростовского, брата царицы. См.: Савелов Л. М. Страничка из истории Смутного времени: Царица Мария Петровна Шуйская // Русский Архив. 1914. № 2. С. 222). В июне 1608 г. во главе большого полка выступил «из Дорогомилова» против гетмана А. Лисовского, двигавшегося к Москве из Коломны, и на Москве-реке, «на Медвежьем броду», нанес ему поражение. Впрочем, в некоторых «разрядах» отмечено, что ратники К. «заблюлися» и остановились, и подлинным победителем «воров» считается князь Б. М. Лыков (см.: Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время (7113—7121 гг.). М., 1907. С. 176, 253). По расспросным речам московских выходцев в Тушино, К. «прямил» Лжедмитрию II (АИ. СПб., 1841. Т. 2. С. 250), но едва ли это так. Обороняя столицу от «воров», К. командовал войсками у Покровских ворот, в феврале 1609 г. действовал в Бронницах, близ Москвы (Русский исторический сборник. М., 1838. Т. 2. С. 271); в июне того же года участвовал в разгроме тушинцев возле «царствующего града». Осенью 1609 г. в качестве «прибылного воеводы» послан из Москвы в Александрову слободу к М. В. Скопину-Шуйскому и под его началом вел наступление на Троице-Сергиев монастырь и Москву. В феврале 1610 г. освободил Дмитров от войск гетмана Я. П. Сапеги, в следующем месяце во главе передового полка вступил в столицу. Вероятно, не входил в состав «семибоярщины», принявшей власть после падения Шуйского. В августе 1610 г. был назначен «оберегать» Москву от отрядов Лжедмитрия II (РИБ. СПб., 1872. Т. 1. Стб. 661). Осенью того же года от короля Речи Посполитой Сигизмунда III получил «лист» на «маетности» в Смоленском уезде и вел следствие по делу о расхищении казны бывшей царицей Марией Петровной (см.: АЗР. СПб., 1851. Т. 4. С. 364; Савелов Л. М. Страничка из истории... С. 222—229, 231—233). Активный сторонник кандидатуры Сигизмунда III на русский престол (а не его сына Владислава, как утверждает Е. К. Ромодановская), К. «с русскими и литовскими людьми» 11 февраля 1611 г. был разбит ополченцами под Владимиром и отступил обратно в Юрьев Польский (а по свидетельству *Авраамия Палицына*, назвавшего его воеводой поляков и русских изменников, — в Москву. См.: Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 213), затем, до начала марта, во главе польско-литовского отряда прибыл «на Киржач» (ААЭ. Т. 2. С. 306—307, 324). В июне 1611 г. король щедро пожаловал его деньгами и землями в Муромском

и Пошехонском уездах; руководитель оккупационной администрации в Москве А. К. Гонсевский и Сигизмунд III отмечали его «верную службу» (АЗР. Т. 4. С. 396, 403; Земельные пожалования в Московском государстве при царе Владиславе 1610—1611 гг. / Под ред. и с предисл. Л. М. Сухотина. М., 1911. С. 50—53, 120, 124, 129 и др.). Из описи посольского архива 1626 г. известно, что король писал К. «белоруским письмом» о приведении населения Русского государства к присяге «на ево имя», обещая новые почести (см.: Опись архива Посольского приказа 1626 года. М., 1977. Ч. 1. С. 124). В декабре 1611 г. К. был назначен дворецким в Казанский дворец; в конце января следующего года вместе с другими московскими боярами подписал грамоты в Кострому, Ярославль и Переславль-Залесский с призывом сохранять верность королевичу Владиславу (Сб. имп. Русского исторического общества. СПб., 1913. Т. 142. С. 292, 298, 299). Накануне сдачи Кремля К. был выдан интервентами ополченцам; по мнению А. А. Семина, в декабре 1612 г. уехал из Москвы, вернувшись туда к моменту избрания на престол *Михаила Феодоровича* (см.: Замятин Г. А. К истории Земского собора 1613 г. // Труды Воронежского гос. ун-та. Воронеж, 1926. Т. 3. С. 1; Семин А. А. Политическая брьба в Москве в период подготовки и деятельности Земского собора 1613 г. // Государственные учреждения и классовые отношения в отечественной истории. М.; Л., 1980. Вып. 2. С. 237). Участник Земского собора 1613 г., К., видимо, был противником кандидатуры Михаила Романова (см.: Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. Переизд.: М., 1939. С. 221; Станиславский А. Л., Морозов Б. Н. Повесть о Земском соборе 1613 года // ВИ. 1985. № 5. С. 92, 93). Согласно Е. Ф. Тураевой-Церетели, он мог быть в числе претендентов на трон (см.: Васенко П. Г., Платонов С. Ф., Тураева-Церетели Е. Ф. Начало династии Романовых: Исторические очерки. СПб., 1912. С. 139). Вряд ли это суждение справедливо, ибо К. скомпрометировал себя сотрудничеством с оккупантами и принадлежал к младшей ветви своего рода. По «земляному» боярскому списку весны 1613 г. К. являлся одним из крупнейших русских феодалов (имел свыше 3,5 тыс. четвертей вотчинной земли). В начале царствования Михаила Федоровича возглавлял Владимирский судный приказ. В 1614 г. находился «за Москвою-рекою» с отрядом служилых и черных людей на случай вторжения крымских и ногайских татар и наряду с другими боярами подписал грамоту к польским «радным» панам, разоблачавшую действия Сигизмунда III в отношении России. Новгородские послы, вернувшиеся весной 1615 г. из Москвы, назвали К. в числе главных советников Михаила Романова (см.: Форстен Г. В. Политика Швеции в Смутное время // ЖМНП. 1889. № 10. С. 204, примеч. 2). В марте 1615 г. К. вел переговоры с англичанином Д. Мериком, посредником в русско-шведских переговорах.

Вскоре после этого (до сентября того же года) он был назначен воеводой в Тобольск, где пробыл до весны 1620 г. По *С. У. Ремезову*, К. был в Тобольске 24 сентября 1615—21 мая 1620 гг. (См.: Гольденберг Л. А. О первом историке Сибири // Русское население Поморья и Сибири (Период феодализма). М., 1973. С. 223). Это назначение рассматривается в литературе как почетная ссылка. По предположению Г. П. Георгиевского, К. впал в немилость, будучи сторонником женитьбы царя на М. И. Хлоповой, одновременно с которой он якобы оказался в Сибири. В действительности К. попал туда примерно на год ранее первой невесты Михаила Федоровича, еще до того, как тот решил вступить в брак. Возможно, правительство сочло необходимым удалить К. из Москвы после того, как во время русско-польских переговоров под Смоленском вскрылись новые факты, свидетельствовавшие о его верной службе королю. Согласно сибирскому летописному своду конца XVII в., где подчеркнуто, что до К. в Тобольске бояр «не бывало», в ноябре 1621 г. туда прибыл князь Ф. А. Елецкой и «сыскивал про» К. и «иных сибирских воевод» (Книга записная. Томск, 1973. С. 16, 20). Быть может, обнаруженные злоупотребления послужили причиной опалы, в которой К. находился до смерти. Кроме того, из более позднего местнического дела А. Н. Трубецкого с Ф. С. Куракиным, племянником К., узнаем о том, что в период вторжения в Россию Владислава (1617—1618 гг.) К., по официальной версии «советник» интервентов, «радовался и ожидал на Московское государство всякого дурна» (Маркевич А. И. О местничестве. Киев, 1879. Ч. 1. С. 473—474). Учтем и то, что в октябре 1621 г. Земский собор принял решение объявить войну Речи Посполитой (см.: СГГД. М., 1822. Ч. 3. С. 227—233). Как опальный К. не значится в боярских книгах и «наличных» боярских списках 20-х—начала 30-х гг. XVII в. Известно, что в феврале 1627 г. он находился в заключении (см.: РИБ. СПб., 1884. Т. 9. Стб. 459); по царскому указу его имущество стало распродаваться. Погребен в Троице-Сергиевом монастыре, куда дал богатые вклады по жене Елене Ивановне, урожденной Турениной (детей от нее не имел).

И с точки зрения политической, и с точки зрения литературной представляет интерес сочинение К. «Чаша государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всея России», которое приписывается ему на основании заглавия в рукописи ГБЛ, собр. Румянцева, № 1529, XVIII в., л. 199 об.—201: «Сказать Чаша государева, слог Ивана Семеновича Куракина». Поскольку в тексте Чаши содержится пожелание царю «видети отца своего», патриарха *Филарета*, который с 1613 по 1619 г. был в польском плену, произведение К. датируют этим периодом. Он в это время находился в Тобольске, и возможно, что «Чаша государева» — своего рода попытка вернуть себе царское расположение. Особенностью Чаши, созданной К., по сравнению с другими памятниками этого жанра (см. статью *Чаша государева за-*

здравная) является ее пышное панегирическое начало. Обычное начало, в котором называются имя и титул государя, в чью честь возглашается Чаша (например: «Чаша государева, царя, великого князя Ивана Васильевича всея России»), здесь чрезвычайно распространено и превращено в цветистый панегирик: «Великие и превысочайшия, и пресветлыя, и преславно красноседательныя царския степени величества, великаго и свыше прехвальнаго государя нашего, царя крепкаго, царя сильнаго, царя премудраго, царя на степенех высоты преукрашеннаго милостию, царя начального судом, царя праведнаго, и пресвятою греческою верою на великое Российское государство Богом избранного царя, и светозарным светом на нас сияющаго и непрестанно красноцветущею зарею облистающаго, и пресветлою зарею над нами красновозсиявшаго, великаго государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича...» и т. д. Содержание Чаши (благопожелания) можно условно разделить на две части: оригинальную и заимствованную из Чаши Бориса Годунова. В оригинальной части есть как благопожелания, постоянные для жанра Чаши (чтобы царь был «здрав и счастен, и недругом своим страшен на неисчетныя лета», чтобы недруги государевы «все покорились под его царьскую высокую руку... и к нему... вины свои принесли, и головы свои под его царской меч подклонили...»), так и принадлежащие К.: чтобы вернулся патриарх Филарет и чтобы Бог даровал царю «в сочетание цесарска браку» наследника — «благородное семя».

Вторая часть благопожеланий заимствована из Чаши Бориса Годунова. Эта часть содержит следующие пожелания царю: чтобы церкви были тихи и немятежны, чтобы христианская вера «сияла на всей вселенней... яко же и под небесем пресветлое солнце», чтобы трепетали враги «от потрясения его царского меча и храбрьска подвига», чтобы государство Российское «было в строении, и в смирении, и во всяком благодарственном исполнении», после чего следуют пожелания «неисчерпаемой милости» всем, а «повинным милостива пощада и долготерпение», впервые встречающиеся в Чаше Бориса Годунова, включенной в состав *Хронографа Русского* 1620 г.

Стиль «Чаши государевой» неоднороден. Начало ее — пышное, риторичное — выдержано в стиле русского исторического повествования XVI—XVII вв. Основная часть написана более просто, но с использованием традиционных, в том числе и риторичных, оборотов. По предположению А. С. Орлова, Чаша, сложенная К., «едва ли предназначалась для церковного обихода: она содержит указания на краткий срок, когда могла произноситься, и на такие временные обстоятельства, которые не подлежали обязательному воспоминанию» (Чаши... С. 19). Однако текст этот нуждался в минимальной переработке, чтобы стать пригодным для многократного чтения. В переработке его, сохранившейся в рукописи ГПБ, Соф. собр., № 1499, сделаны лишь следующие изменения: пожелание, чтобы вернулся

патриарх Филарет, заменено пожеланием, чтобы царь от всех великих государей почитаем был «со отцем своим и богомольцем великим государем святейшим патриархом Филаретом Московским и всея Русии», а пожелание, чтобы «русские воры, которые всчали междуусобную брань ... к нему, великому государю нашему, вины свои принесли и головы свои под его царской мечь подклонили», убрано вообще, видимо, как не отвечающее уже политической обстановке в стране.

Документы, составленные К. в бытность его воеводой в Смоленске и Тобольске (порой в соавторстве с другими лицами), литературного интереса не представляют — это сугубо деловые письма. Отписка К. в Москву и его грамота («лист») к оршанскому старосте А. И. Сапеге, написанные в июле 1606 г., посвящены положению в Смоленском уезде и пограничным спорам (см.: АИ. Т. 2. С. 81—82; Сб. имп. Русского исторического общества. М., 1912. Т. 137. С. 287—289). В отписках К. из Тобольска, адресованных в Посольский приказ и приказ Казанского дворца воеводам Пелыма, Томска, Кетского и Туринского острогов, его «памяти» енисейскому приказному человеку М. Трубчанинову (1616—1620 гг.) говорится о сношениях с калмыками и Китаем, путях в Мангазею, точнее, об их сокрытии от иностранцев, о попытке привести под «государеву царскую высокую руку» сибирскую народность нярамзу, об обеспечении служилых людей, сборе дани (см.: РИБ. Т. 2. Стб. 1049—1056, 1070—1072; Миллер Г. Ф. История Сибири. М.; Л., 1937. Т. 1. С. 451; 1941. Т. 2. С. 239—244, 247—251; Русско-монгольские отношения. 1607—1636: Сб. документов. М., 1959. С. 45—50, 69, 86—87; Русско-китайские отношения в XVII веке. Т. 1. С. 44, 55—56, 90—91, 95—96). Одна из отписок К. времени его воеводства в Тобольске в рукописи конца 20-х—начала 30-х гг. XVII в. разделяет повести о Смутном времени (см.: ГПБ, Солов. собр., № 880/990, л. 234—241 об.; Кукушкина М. В. Семен Шаховской — автор Повести о смуте // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1974 г. М., 1975. С. 77). В сборнике ГИМ, собр. Уварова, № 1408 (150), относящемся к XVII в., «Чаше государевой» предшествует статья о переписке его с правительством по делам «Мунгальской» земли (1619 г.). Лишена художественных достоинств и челобитная К. Сигизмунду III от июня 1611 г. (Земельные пожалования... С. 50).

Изд.: Георгиевский Г. П. Чаша государева: Литературный памятник XVII века // Старина и новизна. М., 1907. Кн. 12. С. 307—319; Орлов А. С. Чаши государевы. М., 1913. С. 18—19, 43—46.

Лит.: РБС. СПб., 1903. Кнаппе-Кюхельбекер. С. 581; Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв. Переизд.: М., 1937. С. 227, 273, 275, 314, 330, 336, 338, 343, 346, 347, 360, 407, 426; Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946. С. 170, 266; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3. С. 91, 92, 116, 262, 268, 271; Шепелев И. С. Освободительная

и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 51—53, 55, 58, 72, 89, 115, 124, 125, 426, 428—430, 432, 492, 509—511; Русско-китайские отношения в XVII веке. М., 1969. Т. 1. С. 7, 527; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 32; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 63; Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 62—70.

Л. В. Соколова, Я. Г. Солодкин

Л

Лаврентий (ум. 11.XI.1672) — митрополит казанский и свияжский, автор грамот, канонов и стихир. Первоначально монах Новгородского Вяжицкого монастыря, к 1654 г. — иеродиакон и патриарший ризничий в Москве; в этом же году был поставлен патриархом *Никоном* епископом в Тверь, а в 1655 г. возведен в сан архиепископа тверского. Принимал активное участие в церковной жизни своей епархии, участвовал в переносе мощей святого Иакова Боровского в Иверский монастырь, в переносе мощей тверского князя Михаила Ярославича (см. *Житие Михаила Ярославича Тверского*) с установлением крестного хода, который с той поры стал обязательным в Тверской церкви (30 сентября). В 1657 г. поставлен митрополитом в Казань и оставался на этом посту до своей кончины. Был участником многочисленных церковных соборов 50—60-х гг. XVII в., обсуждавших исправление церковных книг, старообрядческое движение, дело патриарха Никона, административные проблемы. Перед смертью принял схиму с именем Левкия. Старообрядцы утверждали, что Л. «по смерти восмерде зело, глаголют, яко и всему граду носитися зловонию его смрадному, и носы затыкаху людие».

Перу Л. принадлежит «Ответная грамота на царскую грамоту о том, можно ли священносхимонаха поставить архиереем» (январь 1666 г.), в которой он обосновывал свою точку зрения ссылками на Кормчую, завещание Василия Великого, произведения *Иосифа Волоцкого*. На поставленный в заглавии вопрос Л. ответил отрицательно: «Мню, восприимшаго священноинока великий образ иноческий, сиречь схиму, нелепо поставити во архиерейство». В ноябре 1666 г. в Москве на Лобном месте перед восточными патриархами Л. произнес приветственную речь, построенную по всем правилам риторики (нач.: «О, велицыи господие, всесвятейшии патриарси, кир Паисие, папо и патриарх великого града Александрии и судие вселенский; кир Макарий, патриарх Божия града Антиохии и всего Востока. Не толико

солнце присно светящееся веселит человека. . .»). Грамота и речь Л. изданы в «Деле о патриархе Никоне». Л. является автором канона и стихир святому Герману, архиепископу казанскому. Филарет Гумилевский ошибочно утверждал, что Л. был автором и Жития Германа, в действительности составленного по поручению Л. *Иоанном*, иноком Свияжского Успенского монастыря. Л. также принадлежит канон на перенесение мощей святителя Гурия Казанского. Гимнографические произведения Л. остаются неизданными.

Изд.: Дело о патриархе Никоне. СПб., 1897. С. 114—117, 271—273.

Лит.: Памятная книжка Тверской губернии на 1865 г. Тверь, 1865. Отд. III. С. 152; Ключевский. Древнерусские жития. С. 342; Строев. Словарь. С. 139; Филарет. Обзор. С. 248; РБС. СПб., 1914. Лабзин—Лященко. С. 21; Елеонская А. С. Русская публицистика второй половины XVII века. М., 1978. С. 111.

В. К. Зиборов

Лаврецкий Семен Федорович (по данным К. В. Харламповича — Иванович) (2-я пол. XVII в.) — переводчик Посольского приказа. По сообщению И. Г. Корба, Л. «был родом поляк и принадлежал к ордену св. Доминика, но потом отступил от своей веры и принял русскую» (Корб. Дневник. . . С. 46). Это подтверждается свидетельством иезуита Франциска Эмилиана (1699 г.), что Л. является «диакономдоминиканцем» (см.: Письма и донесения иезуитов о России. СПб., 1904. С. 32, 237). С 13 ноября 1660 г. до начала XVIII в. Л. служил в Посольском приказе переводчиком с польского и латинского языков. Неоднократно принимал участие в переговорах, ездил в составе посольств за границу, бывал в Варшаве, Вене, участвовал в заключении Константинопольского мирного договора 1700 г. С 1676 г. — дворянин московский. В 1680 г. занимает прочное положение среди переводчиков Посольского приказа (по величине жалованья стоит на третьем, а в 1690 г. — на втором месте). Сын Л., Афанасий, также служил переводчиком в Посольском приказе.

Вскоре после поездки в Польшу в 1662 г. Л., по собственному признанию, «з Газким митрополитом писал и переводил три года книги ответные на богохульные статьи раскольника бывшего попа Никитки Пустосвята» (Белокуров. О Посольском приказе. С. 143). В 1675—1677 гг. Л. был одним из пяти переводчиков, переводивших с польского языка сборник нравоучительных рассказов *Великое зерцало*. Перевод осуществлялся по желанию царя *Алексея Михайловича* и под наблюдением царского духовника, протоиерея *Андрея Савинова Постникова*. Л. была поручена для перевода первая «доля» польского оригинала (им было, очевидно, издание 1633 г.). По аргументированной гипотезе Б. Вальчак-Срочиньской, ему был поручен перевод «прилогов» с 1 по 692 (по счету польского оригинала); Л. довел работу до 591-го и всего перевел 384 «прилога», т. е. почти половину всех

переведенных рассказов. Этот первый по счету перевод «Великого зерцала» на русский язык распространения не получил и сохранился лишь в нескольких списках.

В 1689 г. Л. перевел на русский язык «Новый и старый календарь течений небесных... на лето господне 1689» краковского математика С. Словаковича. Единственный известный список перевода (в сборнике БАН, Арх. собр., С. 228) принадлежал *Афанасию Холмогорскому* и был сделан со списка дипломата Петровского времени А. А. Матвеева. Возможно, Л. имел отношение к переводу двух других календарей Словаковича (на 1692 и 1696 гг.).

Изд.: А. П. «Новый и старый календарь течений небесных на лето господне 1689» // Архангельские губернские ведомости. 1877. № 66. С. 2—4; [Сперанский М. Н.] Высшие женские курсы. Семинарий по древней русской литературе. Вып. 9: «Великое зерцало». Сергиев Посад, [1916].

Лит.: ПДС. СПб., 1858. Т. 5; 1862. Т. 6; Владимиров П. В. Великое Зерцало. М., 1884; Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 45—46; Соболевский. Переводная литература. С. 135; Белокуров С. О Посольском приказе. М., 1906. С. 131, 143—145; Корб И. Г. Дневник путешествия в Московию (1698 и 1699 гг.). СПб., 1906; Покровский А. А. Календарь Словаковича и его русский перевод // Древности: Труды Славянской комис. Московского археологического общества. М., 1911. Т. 5. Протоколы. С. 28—29; Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Т. 1. С. 430—431; Walczak-Sroczyńska B. Wielkie Zwierciadło przykładów — dzieje tekstologiczne // Slavia Orientalis. 1976. № 4. S. 493—508; Морозов Б. Н. Из истории русской переводной научной и технической книги в последней четверти XVII—начале XVIII вв. (Архив переводчиков Посольского приказа) // Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983 Вып. 2. С. 107—124; Николаев С. И. Новелла в «Дневнике путешествия в Московию» И. Г. Корба // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 162—167.

С. И. Николаев

Лазарь (ум. 14.IV.1682) — священник из Романова-Борисоглебска, активный деятель раннего старообрядчества, автор полемических сочинений и челобитных. Из слов Л. («имею на себе благословение святейшего патриарха Филарета Никитича, а рукоположение Варлама митрополита ростовскаго, и держу их благословением чин священства» — Материалы... Т. 4. С. 265; ср. С. 281) ясно, что он стал священником в промежутке между 1619 и 1633 гг.: в 1619 г. был хиротонисан на ростовскую митрополию *Варлаам II* (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 333), а патриарх *Филарет* скончался 1 октября 1633 г. Л. родился 17 июля: «Июля в 17-й день был в печали велице, яко и в день рождения моего ослабы не имею, и от печали и хлеба не ядох» (Материалы... Т. 4. С. 264, из челобитной царю от февраля 1668 г.). В этот день празднуется перенесение мощей преподобного Лазаря, «иже в Галасийстей горе поставшагося». В последующие дни меся-

цеслова ни одного Лазаря нет. Следовательно, Л. был окрещен в самый день рождения (это, в частности, делалось в том случае, если ребенок появлялся на свет слабеньким). По возрасту Л. был по крайней мере на 10 лет старше *Аввакума.*

До 1653 г. сведений о Л. не сохранилось. Известно лишь, что он активно подвизался в движении «боголюбцев», в последние годы патриаршества *Иосифа* оказался в Москве и принимал участие в деятельности Печатного двора, был отстранен от «книжной справы» новым патриархом *Никоном* и вступил с ним в открытую распрю. Когда Никон начал аресты «боголюбцев», Л. скрылся у игумена Никанора в монастыре Саввы Сторожевского, но был схвачен и вслед за Аввакумом сослан в Тобольск. В ссылку Л. сопровождала его жена Домна (по-видимому, эта чета была бездетной) и подьяк *Феодор Трофимов*, верный его сподвижник.

В Сибири Л. пробыл больше десяти лет. Из свидетельств жившего в Тобольске *Юрия Крижанича* очевидно, что он снискал большую популярность проповедью старой веры (Крижанич, впрочем, постарался бросить тень на Л., утверждая, что он бражничал). «Неистовое прекословие» Л. привело к тому, что из Сибири в Москву он вернулся как арестант (в ноябре 1665 г.). Здесь у него были взяты «росписи», содержавшие критику церковных нововведений (эти «росписи» рассматривались на соборах 1666—1667 гг.; опровержению «росписей» посвящена вторая статья «Жезла правления», написанного *Симеоном Полоцким* и изданного в 1667 г.). Л. тотчас отправили на север (его делом ведала Новгородская четь). Пунктом назначения был Пустозерск, но Л. на несколько месяцев задержали на Мезени, в Кладниковой слободке. Потом его морем, на ладье доставили в Пустозерск, а оттуда 31 августа 1666 г. в оковах — обратно в Москву, где Поместный собор уже заочно осудил Л.

Новое разбирательство дела происходило уже в присутствии «вселенских» патриархов. Л., представший перед ними в декабре 1666 г., предложил решить спор защитников старины и апологетов новизны «божьим судом». Л. готов был взойти на костер. Если он сгорит, значит, правы «новые учители», если уцелеет, — «ревнители древлего благочестия». (Эта мысль не оставляла Л. и позднее; в феврале 1668 г., призывая царя дать ему «очную ставку со властми и с новолюбными книжники», Л. прибавил: «А сверх, государь, очныя ставки, да повелит твоя божественная царская власть итти нам на общую правду, на божию судбу, предо всем царством самовластно взыти на огнь во извещение истинны» — Материалы... Т. 4. С. 235—236). В апреле 1667 г. начались уговоры «церковных мятежников», в том числе и Л. Они происходили и на заседаниях собора, и в различных местах заключения (на Андреевском подворье, в Никольском—на Угреше монастыре и др.). Уговоры ни к чему не привели. Л. вместе с другими был лишен сана и предан анафеме (17 июля 1667 г.). 26 августа был подписан указ о ссыл-

ке в Пустозерск Л., Аввакума, *Епифания* и симбирского священника Никифора. На следующий день на Болоте (в Замоскворечье) Епифанию и Л. «урезали» языки. Сосланные прибыли в Пустозерск 12 декабря.

Там в феврале 1668 г. «юзник поп Лазарь сказал за собою великое церковное слово и царево тайное, и духовное дело патриаршее особь, и бил челом, писано к царю, и государь велел у него... о том великом церковном слове и о всем царьском тайном и патриаршем духовном деле сказку взять» (Барсков. Памятники. С. 318). «Слово и дело» реальных следствий не имело, но имело следствия литературные — челобитную царю и «сказку» патриарху *Иоасафу II*.

14 апреля 1670 г. Л. вместе с Епифанием и дьяконом *Феодором* был подвергнут второй «казни»: «Также священника Лазаря взяли и вырезали язык из горла, кровь попошла, да и перестала; он в то время без языка и паки говорить стал. Таже положа правую руку на плаху, по запястье отсекли, и рука отсеченная, лежа на земли, сложила сама, по преданию, персты и долго лежала пред народы... Я на третей день у Лазаря во рте рукою моею гладил, ино гладко, языка нет, а не болит, дал Бог, и говорит, яко и прежде. Играет надо мною: «Щупай, протопоп, забей руку в горло-то, небось, не откушу!» И смех с ним, и горе! Я говорю: «Чево щупать, на улице язык бросили». Он же сопротив: «Собаки оне, вражьи дети! Пускай мои едят языки». Первой у него лехче и у старца на Москве резаны были, а ныне жестоко гораздо. А по дву годах и опять иной язык вырос, чюдно, с первой жо величиною, лишо маленько тупенек» (Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975. С. 57—58).

Как писатель Л. не был в Пустозерске особенно активен (хотя он был одаренным стилистом; ср. челобитную царю от февраля 1668 г.: «Римския и лятцкия власти с колоколцы ходят и побрякивают, а собачки за ними и перед ними ходят и потявкивают: по сему и у наших властей также быти собачкам» — Материалы... Т. 4. С. 234). Но Л. не остался в стороне от богословских споров Аввакума и дьякона Федора. Поддерживая в основном первого (когда по Аввакумову доносу дьякона «знобили на снегу» стрельцы, Аввакум и Л. смотрели и потешались), Л. иногда признавал правоту второго (например, по вопросу о сошествии Христа в ад). Как мыслитель Л. разделял апокалипсическое настроение «ревнителей древлего благочестия» и внес свой вклад в разработку старообрядческого учения об антихристе (согласно Л., антихрист еще только «хочет быть»).

14 апреля 1682 г. Л. вместе с тремя «соузниками» был сожжен в срубе. Его вдова Домна, также сосланная в Пустозерск, надолго пережила мужа: с ней разговаривал, расспрашивая о пустозерских страдальцах, автор «Отразительного писания» *Евфросин*.

Изд.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1878. Т. 4. С. 179—284; Барсков. Памятники. С. 53—67; Пустозерская проза: *Протопоп Аввакум. Инок Епифаний. Поп Лазарь. Дьякон Федор.* М., 1989. С. 205—218.

Лит.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1876. Т. 2; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898 г. С. VII, XIV, 11, 15, 32 и сл.; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 186—188; Веселовский С. Б. Памятники первых лет русского старообрядчества. II, III // ЛЗАК. СПб., 1914. Вып. 26; Малышев В. И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960. С. 58—59; Кудрявцев И. М. Сборник XVII в. с подписями протопопа Аввакума и других пустозерских узников // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1972. Вып. 33. С. 148—212.

А. М. Панченко

Ларион (1-я пол. XVII в.). — монах, поэт. Биографических данных о Л. не сохранилось. Известна стихотворная переписка Л. с монахом Феоктистом, состоящая из краткого послания Л. и более пространного ответа Феоктиста: ГБЛ, ф. 299, собр. Тихонравова, № 380, л. 125—129 об.; БАН, Арх. собр., Д. 527, л. 115 об.—120 и др. Послания написаны неравносложными стихами в традициях «приказной школы» 30—40-х гг. XVII в. с использованием акростихов. Часто эпистолии приказных поэтов представляли собой письма-просьбы или письма-приветствия. Некоторые из них становились образцовыми, как, например, содержащие просьбу дать книгу. В письме Л. высказана именно такая просьба, читаемая в первых буквах строк: «Старец господар Феоктист, даи ми книгу списат». По предположению М. Н. Сперанского, здесь имелась в виду система тайнописи, известная как «азбука в квадратах», которая обычно помещалась после текста Лаодикийского послания (о нем упоминается в письме Л.). В своем ответе («От Феоктиста к Лариону старцу отвещание») Феоктист повторяет первые 14 стихов Л., превращая акростих «старец господар» в штамп, образцовую фразу. Далее Феоктист составил оригинальный текст ответа, отделив его словом «имярек». Акростих этой части таков: «Потруженная тобою любезне восприях и противу твоего, аще и не тако, но абаче воснисах ти всяко. Т⟨ы⟩ же мя в том прости и никому же возвести». В акростихе использована рифма, что нетипично для приказной виршевой поэзии.

В рукописи ГПБ, Соф. собр., № 1546, л. 119 об.—120, содержащей лишь послание, соответствующее эпистолии Л., есть еще шесть строк, начальные буквы которых дают, по мнению А. М. Панченко, имя некоего адресата — «Омикит⟨а⟩». Эти строки в послании Л. отсутствуют.

Переписка полностью опубликована в кн. А. М. Панченко, по частям — в кн. «Виршевая поэзия», и отдельно послание Л. — в кн. М. Н. Сперанского.

Изд.: Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма // Энциклопедия славянской филологии. Л., 1929. Вып. 4, кн. 3. С. 129—131; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 49—50, 74, 259—262; Виршевая поэзия. М., 1989. С. 238—243, 441—442.

Е. Н. Матвеева

Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном — публицистическое антитурецкое произведение первой четверти XVII в. Оно относится к жанру документальной беллетристики и состоит из двух вымышленных дипломатических грамот — послания султана *Ивану IV Грозному* и ответа на него русского царя. В научной литературе XIX в. Л. п. называлась «подложными грамотами». Вымышленные грамоты Л. п. в известной мере следуют дипломатическим канонам, начиная с титулов. Но в данном случае это титулы пародийные. Султан обращается к царю: «Избранному моему ратаю и тележному поганатаю, белому Ивану, великому боярину, ясельничему моему»; русский царь адресуется «к неверному и злообразному, самохвальному и недостойному царского венца и скипетра... самозванному царю и посаженному не от Бога салтану». Султан требует от Ивана дани за 12 лет; его послание и ответ русского царя полны взаимных угроз.

Вымышленные грамоты опираются на подлинные дипломатические документы. Они близки к татарским грамотам XVI в., в которых крымские ханы постоянно требовали дани под видом традиционных подарков. Обсуждение военных конфликтов также было основной темой русско-татарской дипломатической переписки. Особенно отличался дерзкими посланиями, писанными «не по пригожу», крымский хан Сагиб Гирей, проводивший в первой половине XVI в. резко враждебную Московскому государству политику. В Л. п. отразился красочный стиль этих грамот, их образные выражения и разговорные обороты.

Помимо документальных источников Л. п. опиралась на памятники публицистики XVI в. Так, автор вымышленных грамот несомненно был знаком с подлинными посланиями Ивана IV, в частности с его перепиской с *Андреем Курбским*. В начале XVII в. эти памятники соединяются в общих рукописных сборниках, становятся «конвоем» друг для друга, подлинная переписка сопровождается вымышленной. Автор Л. п. заимствовал из посланий Грозного ряд тем: воспоминание о детских годах царя, упреки в его «младом возрасте» и «недоверщенном разуме», вопрос о милости к врагам, проблему самодержавной власти и характерное для Грозного презрение к тем правителям и государям, которыми владеют их «думцы» и «советники». Можно отметить и отдельные фразеологические совпадения между подлинными и вымышленными посланиями. Значительны, однако, и их отличия. Послания Ивана IV были в первую очередь документами, имели конкретных адресатов, и уже потом становились публицисти-

ческими произведениями, адресованными «во все Росийское царство»; вымышленные посольские грамоты с самого начала создавались как публицистические памятники, использующие в литературных целях форму делового документа. Как отметил Д. С. Лихачев, подобного рода произведения не были намеренной подделкой, не были стилизацией — стиль Грозного используется как в ответе царя Ивана, так и в послании султана. Обращение к эпохе Грозного в первой четверти XVII в. — не случайное явление. В стране, пережившей «смуту», интервенцию, частую смену царей и посягательство на престол самозванцев, Иван Грозный приобретает славу идеального, сильного государя, успешно борющегося с татарами и другими врагами. Он же становится и легендарным автором, от лица которого пишутся вымышленные дипломатические грамоты.

С литературными произведениями Л. п. сближает обращение к приемам устного народного творчества. Султан угрожает русскому царю: если тот не покорится, не будет чествовать султанских послов, не пришлет «дани и казны», то султан пошлет на него «гнев свой с великою яростию», не велит «утолить меча своего», велит «область рускую мечному посечению предати». Царь Иван отвечает султану в ироническом тоне: если бы султан «был близь нашего царства, православнаго державства», русский царь тогда бы «повинование творил, дани и оброки посылал». Во-первых, послал бы малого слугу воеводу с данью — мечем и «неунятою» саблей, от чего неверный султан скрылся бы в горы каменные; во-вторых, послал бы атамана и стрельцов с оброком — пушками и скорострельными пищалями, от которых султан и в горах бы не укрылся; в-третьих, послал бы послов, «а велел бы им посольство правити, тебя бы жива пред собою поставити», в державе турецкой утвердил бы православие, разрушил бы пышные султанские палаты, а камнями побил бы «витязей» и «думцев», сочиняющих от имени султана дерзкие посольские грамоты. Три посольства Л. п. напоминают ситуации исторических песен (ср. «Под Конотопом под городом» // Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. М.; Л., 1958. С. 199; Казацкая песня // Сахаров И. Сказания русского народа. СПб., 1841. Т. 1, ч. 3. С. 240). Под влиянием фольклора проникают в прозаический текст Л. п. рифмованные строчки, используется морфологическая рифма.

Особенности Л. п. как произведения, стоящего на грани литературы и деловой письменности, обращение ее к формам дипломатического делопроизводства, знакомство автора с вопросами внешней политики Московского государства указывают на Посольский приказ как на место создания произведения. Связь Л. п. с посольской средой подтверждается и тем, что очень близкий по содержанию рассказ о переписке султана с Иваном IV приводится в сочинении голландского посланника Исаака Массы, жившего в Москве с 1601 г. (с небольшим перерывом) до 1634 г. (Исаак Масса. Краткое известие о начале

и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 г. М., 1937. С. 27—28). Возможно, сюжет этот бытовал в среде Посольского приказа в виде устной легенды, послужившей источником и для Исаака Массы, и для автора Л. п., скорее всего кого-либо из служащих Посольского приказа. Профессиональные занятия, навыки в писании посольских отчетов, дневников, путевых заметок, грамот способствовали формированию из его сотрудников не просто канцеляристов, но и писателей. К этому же жанру посольских повестей, посвященных антитурецкой теме, относится созданная в Посольском приказе на грани XVI и XVII в. *Повесть о двух посольствах.* Л. п. стоит в одном ряду с произведениями XV—XVII вв., повествующими о военной и дипломатической борьбе европейских и русских народов с татарскими и турецкими завоевателями (Повесть о Дракуле, *Повесть о Скандербеге, князе Албанском*, фантастический «Ярлык Ахмед-хана Ивану III», *Повесть о Азове поэтическая*).

До нас дошло около двадцати списков Л. п. Текст произведения представлен двумя редакциями. Первая, полная, делится на два вида, отличающихся началом (I вид: «В лета 7054-го году. Избранному моему ратаю и тележному паганатаю...»; II вид: «Доброобразному моему слузе и верному приятелю...»). Во втором виде непочтительный тон обращения султана к русскому царю несколько приглушен. Текст первого вида, в свою очередь, имеет две группы. Первая представлена списком ГПБ, собр. Погодина, № 1570, 1-й четверти XVII в.; в ней испорчено начало текста, восстанавливающееся по спискам второй группы — ГПБ, собр. Погодина, № 1573; БАН, 16.7.55; ГБЛ, Муз. собр., № 435; ГИМ, Муз. собр., № 2524. Списки второй группы, датирующиеся XVII в., почти идентичны и дают к списку первой группы общие разночтения. Они имеют общие распространения, исправления, ошибки и стилистические поновления, носящие по сравнению с текстом первой группы вторичный характер. Вторичные чтения этой группы перешли в текст второго вида полной редакции, представленного списками ГИМ, собр. Уварова, № 1909 (151), 1-я пол. XVII в.; ГПБ, КП 182/1939, конец XVII в. и сильно искаженным списком ГИМ, Синод. собр., № 327/865, 40-е гг. XVII в.

Вторая редакция Л. п. сокращенная; она явилась результатом сокращения и некоторых перестановок в тексте второй группы первого вида полной редакции (нач.: «Избранному моему ратаю и плужному ‹вм. «тележному»› паганатаю»). От послания султана сохранились начало и конец. В ответе царя Ивана сокращений меньше, сокращен титул, опущены отдельные фразы, изменен конец. Текст сокращенной редакции также имеет два вида, различающиеся концовкой: во втором виде в ней читается большая риторическая вставка, усиливающая мотив борьбы православия с мусульманством и подчеркивающая роль русского царя в этом противоборстве. Первый вид текста сокращенной редакции известен в одном списке — ГИМ, Муз. собр., № 1640, сер-

XVII в., ко второму виду относятся списки ГПБ, собр. ОЛДП, F.355, конец XVII в.; ЛОИИ, колл. 115, № 236, 2-я пол. XVII в. и список, опубликованный А. Поповым по Хронографу 1696 г. В Хронографе 1696 г. Л. п. включена в подборку из вымышленных грамот турецкого султана европейским государям и читается в ней дважды — ответ царя Ивана полной редакции второй группы I-го вида и текст второго вида сокращенной редакции. Такое соединение указывает на позднейшее происхождение хронографической подборки.

Изд.: Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции / Собр. и изд. А. Попов. М., 1869. С. 443—458; Каган М. Д. Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 247—272; Легендарная переписка Ивана Грозного с турецким султаном / Подгот. текста и примеч. М. Д. Каган // «Изборник»: (Сборник произведений литературы древней Руси). М., 1969. С. 509—515, 770. (Библиотека всемирной литературы).

Лит.: Попов А. Обзор хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 227—229; Робинсон А. Н. Жанр поэтической повести об Азове // ТОДРЛ. М.; Л., 1949. Т. 7. С. 109; Виноградов В. В. 1) Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского литературного языка: Доклад на IV Международном съезде славистов. М., 1958. С. 91—92; 2) Основные вопросы и задачи изучения истории русского языка до XVIII в. // Вопросы языкознания. 1969. № 6. С. 24; Каган-Тарковская М. Д. Использование форм официального документа в литературной деятельности приказно-деловой среды XVII в. // Тезисы докладов на совещании молодых специалистов «Вопросы изучения средневекового славянского и греческого рукописного наследия в советских собраниях (текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.)». Л., 1967. С. 20—21; Лихачев Д. С. 1) Развитие русской литературы X—XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973. С. 54, 162—163; 2) Поэтика древнерусской литературы. 3-е изд. М., 1979. С. 64; 3) Стиль произведений Грозного и Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 201, примеч. 22; 4) Сочинения царя Ивана Васильевича Грозного // Великое наследие: Классические произведения литературы древней Руси. М., 1980. С. 327; 5) Существовали ли произведения Курбского и Грозного? // Там же. С. 390—391.

М. Д. Каган

Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом — публицистическое антитурецкое произведение, появляющееся в русских рукописных сборниках с 70-х гг. XVII в. Турецкий султан упрекает цесаря в нарушении мира, в сговоре с другим государем, грозит разорить страну цесаря, предлагает ему принять магометанство. Ответ цесаря построен по образцу послания султана. Этот тип антитурецких политических памфлетов в форме вымышленных посланий султана и ответов ему распространился в странах Западной Европы, начиная с конца XV в. Их появление в XVI и XVII вв. как в рукописях, так и в виде печатных брошюр всегда было связано с конкретными дипломатическими и военными столкновениями с турками. В 1670-х гг. с этой публицистикой познакомился русский читатель. Во второй половине XVII в. традиционная русская политика сохранения мира с Турцией резко меняется в сторону открытых

военных столкновений. В 70-х гг. русское правительство пытается создать антитурецкую коалицию европейских держав, однако безуспешно. В результате во время Чигиринской войны 1677—1678 гг. Россия остается один на один с Турцией и вынуждена заключить в 1681 г. перемирие в Бахчисарае. После этого турки вновь предпринимают наступление в Западной Европе и в 1683 г. осаждают Вену.

Л. п. явилась публицистическим отголоском этих событий. Ее русский вариант был создан в Посольском приказе под влиянием западноевропейских памфлетов-брошюр, переводы которых помещались в курантах, составлявшихся служащими приказа для царя и его окружения (ср. другие вымышленные послания султана — *Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам, Легендарное послание турецкого султана польскому королю*). В рукописных сборниках XVII в. рядом с Л. п. помещены статьи из курантов. Л. п. попала из архива Посольского приказа в «Записки» дипломата *Ивана Афанасьевича Желябужского*, вклинившись в рассказ о взятии Петром I Азова в 1696 г. вместе с выписками из присланных по почте печатных польских и немецких брошюр (Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Петра Великого / Изд. Ф. Туманским. СПб., 1787. Ч. 7. С. 161—163).

Л. п. известна в двух редакциях, не зависящих друг от друга. Одна из них имеет дату 1663 г. (в более поздних списках дата заменена на 1696 г.). Текст этой редакции читается и в Хронографе 1696 г., по которому она была опубликована А. Поповым. Л. п. этой редакции — литературно завершенное произведение, стилистически соответствующее деловому документу. Все темы послания султана находят отклик в ответе цесаря Леопольда. Другая редакция датирована 1683 г. Она известна в одном списке ЛОИИ, собр. Археографической комиссии, № 44, конец XVII в., отличающемся неисправными и искаженными чтениями. Сравнение текстов Письма султана с датами 1663 г. и 1683 г. показывает, что они являются разными переводами одного источника. Что касается ответа Леопольда, то в редакции с датой 1683 г. представлен, хотя и написанный на ту же тему, но совершенно другой текст (см.: Waugh D. C. The Great... P. 213—215, 322, 326).

А. И. Соболевский, Илья Борщак и Д. К. Уо относят Л. п. к переводным произведениям, опираясь на то, что один из ранних списков заканчивается фразой: «перевод с немецкого писма октября 1-го числа, переведено в нынешнем в 178-м году октября в 29 день». Д. К. Уо сделал попытку отыскать иноязычные оригиналы Л. п. Для письма султана в редакции с датой 1683 г. они нашлись в рукописи XVIII в. на польском языке, находящейся в Львовской государственной библиотеке АН УССР, ф. Оссолинских, № 644/1, л. 154—155 («Stra-

szna y okrutna Deklaracya Cesarza Tureckiego do Cesarza Chrescianskiego w roku 1683 d. 3 Mai», см.: Waugh D. C. The Great... P. 211—212) и на немецком языке в брошюре «Schrecklicher und gantz grausamer Absage—Brief welchen der Tuerkische Kaiser an den Roemischen Kaiser ueberschicket in diesem 1683 Jahr» (Sturminger W. Die Türken vor Wien in Augenzeugenberichten. 2. Aufl. [Düsseldorf, 1968]). Ответ Леопольда в редакции с датой 1683 г. частично отразился в польском тексте: «Dyariusz Wyprawy Turka pod Wiedeń 1684 z Włoskiego tłomaczony» / Ed. J. Grebel. Kraków, 1786. Vol. 2. Русский список редакции с датой 1683 г. имеет ряд испорченных чтений, позволяющих думать, что оригинал был именно польским (так, непонятная фраза «ты и лет твоя» в польском тексте читается «ty y twoy lud»). Оригинала для редакции с датой 1663 г. не найдено. Д. К. Уо находит аналогии к отдельным местам текста в английской брошюре 1613 г. и в других грамотах турецкого султана европейским государям. Однако русский текст с датой 1663 г. отличается определенной самостоятельностью и текстуально-стилистической завершенностью, в нем отсутствуют явные следы перевода, столь заметные в редакции с датой 1683 г. Это позволяет говорить о значительной авторской переработке памфлета на русской почве, о приспособлении его ко вкусам русских читателей и к политическим интересам русского общества 70-х гг. XVII в. Определенное влияние на стиль Л. п. оказали послания *Ивана Грозного Андрею Курбскому*, известные в Посольском приказе. Из писем Грозного автор Л. п. воспринял манеру отвечать по пунктам на послание противника. У Грозного можно найти стилистические аналогии фразам Леопольда: «Всякое полне зла писание твое неразумное приях аз, Леополд... которое яко прах вмених и в разуме моем едва положих... ибо псу поволно есть лаяти, их же господа обыкоша в железах водити», «вемы бо добре во псы тебе влагатися, да стрегут дворы царевы и двери государей, иже мечют им по частицы хлеба к губам». Л. п. смыкается и с оригинальными русскими антитурецкими произведениями, написанными в Посольском приказе в конце XVI—1-й четв. XVII в. — *Повестью о двух посольствах* и *Легендарной перепиской Ивана Грозного с турецким султаном*, продолжая тем самым традиции русской публицистики и включаясь в поток антитурецких произведений, широко распространенных в Западной Европе с конца XV в.

Изд.: Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 453—455; Каган М. Д. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 225—250.

Лит.: Попов А. Обзор Хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 227—229; Соловьев С. История России с древнейших времен. 3-е изд. М., 1880. Т. 12. С. 76; Соболевский. Переводная литература. С. 238—239, 243—244; Харлампович К. Листування запорозьких козаків із султаном // Записки історично-

філологічного відділу. Київ, 1923. Кн. 4. С. 200—212; Borschak É. La lettre des zaporogues au Sultan // Revue des études slaves. 1950. T. 26, fasc. 1—4. P. 99—105, Waugh D. C. The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus, Ohio, 1978.

М. Д. Каган

Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками — публицистическое произведение, состоящее из послания султана и ответа казаков. Основную часть послания составляет вымышленный титул султана, включающий в себя перечисление владений султана («цесарь турской и греческой, македонской, вавилонской, иерусалимской» и пр.) и его похвальбу («господарь великий, дедич на земли, надежда и утешение бусурманское» и пр.). Содержание же послания сводится к одной фразе — «Повелеваю вам, чтоб есте добровольно поддались нам со всеми людми». Ответ казаков из Чигирина следует за посланием султана почти слово в слово, пародируя его титулы («бездны адовы солтан турской, подножие греческое, повар вавилонский, бронник иерусалимский» и пр.) и вплоть до краткого ответа — «Не поддадимся тебе, но биться с тобою будем».

Старшие списки Л. п. встречаются в русских сборниках 70-х гг. XVII в., в заглавии их, как правило, стоит дата 7 июля 1678 г. В ответе казаков султан назван похитителем Каменца-Подольского, что указывает на 1672 г., когда крепость была захвачена турками. Следовательно, создание Л. п. можно связать с русско-турецкой войной — падением Каменца-Подольского, битвой за Чигирин 1677—1678 гг., взяв который после длительной осады, турки не в состоянии были продолжать войну и закончили ее Бахчисарайским мирным договором 1681 г. Л. п. — целиком вымышленное произведение, отголосок событий Чигиринской войны в литературе и публицистике, наряду с описанием этих же событий в «Синопсисе», изданном в 1678 и 1680 гг., и виршами, посвященными борьбе с турками за Чигирин.

Л. п. попала в Хронограф 1696 г. в соединении с другими антитурецкими произведениями этого жанра — *Легендарной перепиской Ивана Грозного с турецким султаном* и целым циклом посланий султана европейским монархам, проникшим в русскую публицистику XVII в. через куранты. А. Попов, опубликовавший все эти послания по списку Хронографа, счел их написанными одновременно в 70—80-х гг. XVII в. Однако изучение их рукописной традиции показало, что памятники возникали независимо друг от друга и объединение их является вторичным.

Все исследователи Л. п. единодушны в том, что ее краткая русская версия появилась в среде служащих Посольского приказа. Ряд ученых — К. Харлампович, Илья Борщак, Д. К. Уо — считают, что это перевод с польского и сама Л. п. написана в Польше. Особенно подробно эта точка зрения обоснована в работах американского ученого

Д. К. Уо. Опираясь на существующий польский текст письма султана, дополненный в конце призывом к казакам не слушать «польского хлопа» и угрозами (текст опубликован в журнале «Львовьянин». 1840. № 5. С. 120 по неизвестной рукописи и перепечатан в «Украинском историческом журнале» в 1966 г.), и на очень близкий к нему немецкий перевод, помещенный в печатной брошюре 1683 г. вместе с ответом казаков, содержащим прославление польского короля, Уо предположил, что первоначально существовала не дошедшая до нас краткая польская редакция 1678 г., переведенная в этом же году на русский язык, а затем возникла дополненная польская версия 1683 г., также до нас не дошедшая, но в этом же году переведенная и изданная на немецком языке. На польский протограф русской редакции указывает и заглавие Л. п. в одном из ее старших списков (ГПБ, Археолог. собр., № 43): «Перевод с польского письма, список с листа султана турскаго». Такое заглавие характерно для статей, помещенных в курантах, списки с которых сопровождают Л. п. в Археологическом сборнике.

Кроме краткого русского и дополненного немецкого текстов существуют еще многочисленные украинские и польские версии, известные в списках не ранее середины XVIII в. Один из них имел в виду И. Е. Репин, создавая картину «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Эти тексты К. Харлампович, разделивший их на два вида, а вслед за ним и Уо считают переработкой краткого польского протографа, причем, украинские тексты, по мнению этих ученых, вторичны по отношению к польским текстам. Еще одним аргументом для обоснования этого мнения служит наличие давней, начиная с XVI в., традиции антитурецких вымышленных грамот султана с использованием его пышного титулования, появлявшихся в виде печатных брошюр и рукописей в Западной Европе, в том числе и в Польше, в то время как подобная традиция на Украине в XVII в. неизвестна.

Другая точка зрения на соотношение русской, польской и украинской версий основывается на сопоставлении их текстов. Украинская версия по сравнению с русской и дополненной немецкой представляет собою более полный и самобытный текст, включающий типичные для украинского юмора обороты: «який ти в чорта лицарь», «самого гаспида вник», «всего свита и пидсвита блазень, а нашого Бога дурень» и пр. Характерно для казачьего круга выражение «землею и водою будем биться мы с тобою» (эта формула встречается в «Азовских повестях»). Оригинальна и концовка украинского текста — «Числа не знаем, бо календаря не маем». Существование подобной литературной традиции в казачьей среде подтверждается письмами казаков турецкому султану в Азовских повестях и ссылкой Самоила Величко на Переяславскую казачью хронику 1636 г., по которой цитируется переписка польского короля Сигизмунда III с султаном Османом II, где применяются пародийные титулы (Величко С. Ле-

топись событий в юго-западной России в XVII в. Киев, 1848. Т. 1. Приложения, с. 3—5). Несмотря на то что казачьи летописи и хроники в целом виде до нас не дошли, их существование с большой долей вероятия доказывается в последнее время отечественными учеными. Таким образом, переписка султана с запорожцами могла возникнуть в украинской казачьей среде XVII в. как политическое сатирическое произведение, но существовать первоначально в устном виде. Русская версия была создана по образцу украинского текста, но уже как пересказ, лишенный украинского устного колорита и ориентированный на переводные письма курантов. В русской версии, созданной во время Чигиринской войны, и произошла замена Запорожья на Чигирин, которую К. Харлампович отметил как ошибку. Русская версия, не имеющая обычных для переводов с польского полонизмов, могла лечь в основу как недошедшего до нас краткого польского текста, так и дополненного польского (из «Львовянина») и переведенного с него немецкого, отличающихся явно вторичными чертами. Что касается позднейших польских распространенных текстов, то они вторичны по отношению к украинским.

Изд.: Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 455—456; РС. 1872. Т. 6. С. 450—451, 701; Нудьга Г. А. Листування запорожців з турецьким султаном. Київ, 1963; Евстахевич М., Інгльот М. Польські версії «Листвуння запорізьких козаків з турецьким султаном» // Український історичний журнал. 1966. № 8. С. 116—120; № 10. С. 132—137.

Лит.: Попов А. Обзор Хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 227—229; Харлампович К. Листування запорозьких козаків із султаном // Записки історично-філологічного відділу. Київ, 1923. Кн. 4. С. 200—212; Borschak É. La lettre des zaporogues au Sultan // Revue des études slaves. 1950. T. 26, fasc. 1—4. P. 99—105; Каган М. Д. 1) Русская версия 70-х гг. XVII в. переписки запорожских казаков с турецким султаном // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 309—315; 2) Переписка запорожских и чигиринских казаков с турецким султаном (в вариантах XVIII в.) // Там же. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 346—354; Нудьга Г. А. 1) Пародія в українській літературі. Київ, 1961. С. 65; 2) Лист запорожців турецькому султану // Дніпро. 1962. № 2. С. 141; Waugh D. C. 1) On the Origin of the «Correspondence» between the Sultan and the Cossacks // *Recenzija: A Review of Soviet Ukrainian Scholarly Publications*. 1971. Spring. Vol. 1, N 2; 2) The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus, Ohio, 1978.

М. Д. Каган

Легендарное донесение из Белграда («Копия з Бела града 28 декабря 1717 году через нарочного посланного») — небольшое сочинение, повествующее о дарах, присланных австрийскому императору от турецкого султана с послом, приехавшим в Белград, вероятно на Пожаревацкий мирный конгресс. Текст известен в списке 2-й пол. XVIII в. (ГБЛ, собр. единичных пост., № 127, л. 58 об.—59). Основную часть Л. д. составляет перечень христианских святынь, прислан-

ных из Стамбула; в их числе орудия страстей Христовых, корзины с остатками («укрухами») хлебов, чудесно умноженных Христом для насыщения народа и др., а также священники, совершавшие службу в соборе Святой Софии в момент падения Константинополя в 1453 г.(!). Перечень близок по характеру к описаниям священных реликвий в древнерусских «хождениях» или диковинных вещей в путевых записках XVII в. В то же время форма изложения и анонимность «донесения» (без указания адресата и адресанта) роднит Л. д. с западноевропейскими летучими изданиями XVI—XVIII вв. и «Ведомостями» Петровского времени, и через них с лубочными картинками XVIII—XIX вв., повествующими о чудесах, знамениях и необычных явлениях (таких, как «известие» о поимке в Новом Свете сатира, сообщение о поимке кита в Белом море и т. д.). Наличествует в Л. д. и элемент пророчества, также не чуждый летучим изданиям (в особенности посвященным небесным «знамениям»): передача одному из верховных христианских правителей святынь, некогда оберегавших столицу Византии от завоевания, должна предзнаменовать скорое освобождение города от власти мусульман. Эта тема была популярна в русской книжности с сер. XVII в., начиная с перевода *Гавриилом*, митрополитом назаретским, «Пророчества, найденного на гробе царя Константина». Вероятно, именно так оценил содержание Л. д. составитель сборника во 2-й пол. XVIII в. (когда тема возвращения Константинополя христианам актуализировалась в результате победоносных русско-турецких войн), поместив перед ним в рукописи обширную выписку об основании Константинополя. Не исключено, что Л. д. представляет собой перевод или переделку текста из неотождествленного пока летучего листка, вышедшего в свет на рубеже 1717—1718 гг.

Текст Л. д. не исследован и не опубликован, рукописная традиция не изучена.

А. А. Турилов

Легендарное послание турецкого султана немецким владетелям и всем христианам — публицистическое произведение, встречающееся в русских рукописях 70—80-х гг. XVII в. (ГПБ, Археолог. собр., № 43; собр. Погодина, № 1531; см., кроме того, список XVIII в.: БАН, 33.15.144). 70-е гг. ознаменованы во внешней политике России обострением отношений с Турцией, военными столкновениями в борьбе за Украину. Уже в 1672 г. русская дипломатия озабочена созданием антитурецкого союза с европейскими государствами. Эта тема отразилась в антитурецких вымышленных грамотах, к жанру которых принадлежит Л. п. Содержание его аналогично *Легендарному посланию турецкого султана польскому королю* и *Легендарной переписке турецкого султана с цесарем Леопольдом*. Оно также начинается

пышным титулом султана, угрожающего войной, разорением страны, страшной казнью жен и детей. Султан глумится над Христом, который не сможет помочь христианам, как не смог он помочь и себе, и землей которого завладели турки.

Л. п. — произведение переводное. Ему предшествуют западноевропейские памфлеты-брошюры на латинском, английском, французском, голландском, датском и немецком языках XVI—XVII вв. Американский ученый Д. К. Уо указывает в качестве протографа русского текста немецкую брошюру 1663 г. «Des Tuerckischen Kaeysers der gantzen Chriheit (*sic!*) und aller die sich Christen nennen ewigen abgesagten Erbfeinds — Brieff so er durch den Legaten dem Roemischen Kayser zugesendet haben sol. Im Jahr 1663» (см.: Waugh D. C. The Great... P. 90—91, 327). Русский текст несколько сокращен по сравнению с немецким. Русский перевод так же, как немецкая брошюра, датирован 1663 г., скорее всего скопированным с оригинала. Некоторые странности и ошибки русского текста можно объяснить непониманием немецкого протографа. Например, бессмысленным в титуле султана словам «и яв и сон» в немецком тексте соответствует «Jovis». Там, где в немецкой брошюре султан угрожает захватом Вены («vor Wien, euer Hauptstadt»), в русском переводе текст испорчен: «до вас, вашего царского двора и столицы». Отредактирован и конец Л. п.: в немецком тексте указаны даты рождения и правления султана (45 и 29), в русском читается: «от рождества Христова 23-го государства нашего 8-го году».

Знакомство с западноевропейскими брошюрами происходило при составлении в Посольском приказе курантов, куда эти материалы присылались через почту. На связь с курантами указывает и характерный для них заголовок Л. п.: «Подлинной список с бесчестного и богомерского листа, которой турской салтан Магамет писал и присылал к неметцким владетелем и всем христианъским людем в нынешнем 1663-м году». Таким образом, появление перевода произошло в среде служащих Посольского приказа, где был велик интерес к вымышленным грамотам антитурецкого содержания.

Изд.: Каган М. Д. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое произведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 225—250.

Лит.: Waugh D. C. The Great Turkes Defiance: On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus, Ohio, 1978.

М. Д. Каган

Легендарное послание турецкого султана польскому королю — публицистическое произведение, построенное в форме вымышленного письма, появившееся на Руси в первой половине XVII в. Оно известно в нескольких видах и построено по единой схеме — начинается оно

пышными титулами султана, который затем упрекает польского короля в нарушении мира и заключении антитурецкого союза с другими государями, грозит разорить польские крепости, среди них столицу — Краков, поносит веру короля в распятого Бога. Русским версиям Л. п. предшествуют его варианты, бытовавшие в Западной Европе, где столкновения с Оттоманской портой в XVI и XVII вв. находили отклик в антитурецких памфлетах-брошюрах. Не случайно, что первый перевод Л. п. известен по списку курантов и датирован 1621 г. Хотя в курантах сказано, что «отказная грамота султана» прислана из Гданьска, отсутствие в ее тексте полонизмов говорит о том, что источником ее мог быть не польский текст. Очень близкую грамоту приводит в Московской Хронике Конрад Буссов (Буссов Конрад. Московская Хроника 1584—1613. М.; Л., 1961. С. 180, 315—316). Американский ученый Д. К. Уо указывает голландскую брошюру, в которой текст Л. п. идентичен русскому переводу курантов, как наиболее возможный источник этого перевода — «Ontsegh—Brief van den Turckschen Keyser aen den Coningh van Polen». Delf, Jan Andriesz., 1621 (см.: Waugh D. C. The Great... P. 325). По-видимому, и дата русского текста заимствована из голландской брошюры. В первой четверти XVII в. московское правительство, избегая прямых столкновений с турками, внимательно следило за их военными действиями в Европе. Отсюда интерес к литературе, появившейся на Западе в 20-х гг. в связи со столкновениями казаков и поляков с турками под крепостью Хотин.

Второй перевод Л. п., так называемая «Большая» грамота польскому королю, появилась в русских сборниках не позже 40-х гг. XVII в. (так датируются рукописи БАН, 32.2.31 и ГИМ, собр. Уварова, № 1844 (756) (720)). Сам текст имеет дату 1637 г. и заголовок: «Перевод с немецкаго писма, что писан список с листу, каков лист прислал турской царь к польскому королю 146. Отказная грамота турского царя кь его королевъскому величеству в Полшу прислана. А переведена была с турскаго языка в полскую реч, а ис полской в немецкую реч, а из немецкой речи вь нашу словенскую реч». Д. К. Уо, считая вслед за А. И. Соболевским послание султана переводом, предполагает именно этот указанный в заглавии путь развития произведения. Хотя польской и немецкой брошюр 1637 г., являющихся протографом русского текста, обнаружить не удалось, есть указание на то, что по крайней мере польская брошюра могла существовать. Косвенным образом об этом свидетельствует английская брошюра 1638 г. — «A Vaunting, Daring and Menacing Letter, sent from Sultan Morat the Great Turke, from his Court at Constantinople, by his Embassadour Gobat, to Vladislaus King of Poland». London, 1638 (см.: Waugh D. C. The Great... P. 327), настолько близкая русскому тексту, что заставляет предполагать существование общего протографа. То, что он был именно польским, ясно из двух позднейших рукописей на польском и украинском языках. Первая — начала XVIII в. хранится в Львовской государственной библиотеке АН УССР, фонд

Оссолинских, № 221/1: «List od Cesara Tureckiego do krola Jego Miłosci Władisława Czwartego... in anno 1637» (W a u g h D. C. On the Origin of the «Correspondence» between the Sultan and the Cossacks // Recenzija: A Review of Soviet Ukrainian Scholarly Publications. 1971. Spring. Vol. 1, N 2. Appendix. P. 34, 35—36). Вторая (XVII—нач. XVIII в.) находится в ГБЛ, Муз. собр., № 707: «Список с листу от цесаря турецкого до кроля его милости Яна Казимера». Д. К. Уо называет текст этого списка русифицированным украинским переводом с польского и обозначает как «Mixed 1660» (см.: W a u g h D. C. The Great... Appendix 3. P. 206, ill. 12, p. 113). Сравнение русского, польского и украинского текстов показывает, что это разные переводы одного сочинения. Отсутствие в русском тексте полонизмов, обычных при переводе с польского, делает возможным существование еще одного промежуточного звена, возможно немецкого.

Если польский текст обращен к королю Владиславу IV (1632—1648 гг.), то адресатом украинского послания назван Ян Казимир (1648—1668 гг.). Таким образом, один и тот же памфлет использовался на разных этапах обострения польско-турецких отношений. Появление его в 40-х гг. на русской почве, вероятно, связано с захватом Азова казаками в 1637—1642 гг. Нападения запорожских и донских казаков на владения султана часто служили причиной дипломатических конфликтов Польши и России с Турцией. Это обстоятельство отразилось в Л. п. в упреках султана королю, который «своих камышников, запорожских казаков, аки бегучих лачивых собак выпустил и те нашу монархею и государство грабят и пустошат».

К «Большой» грамоте 1637 г. близок третий перевод Л. п. — «Малая» грамота, имеющая дату 1678 г. Она адресована польскому королю Яну III Собесскому (1674—1696 гг.). Заглавие ее того же типа, что и в «Большой» грамоте: «Перевод полского писма з грамоты турскаго салтана, какова прислана к Яну третиему, королю полскому лета от рождества Христова 1678-го». «Малая» грамота, несомненно, переведена с польского, списки ее, одни больше, другие меньше, содержат полонизмы. Но, как и в случае с «Большой» грамотой, точного оригинала ее не обнаружено. Д. К. Уо предполагает, что текст «Малой» грамоты возник не путем сокращения русского текста «Большой», а благодаря сокращению более полного польского текста, возможно того же типа, что и Л. п. 1637 г. «Малая» грамота — самый поздний вариант Л. п. в русской рукописной традиции и, скорее всего, связан с событиями русско-украинской войны против турок за Чигирин — столицу украинских гетманов.

Названные варианты Л. п. пришли в русскую публицистику из западноевропейской антитурецкой литературы через куранты — русскую рукописную газету, составлявшуюся в Посольском приказе для царя и его приближенных и для деловых приказных кругов. Однако материалы из курантов расходились в списках, собирались в сборниках

и достигали более широкого круга читателей. Послания целиком сохранили форму статей, помещаемых в курантах, их заголовки, ссылки, откуда получено и с какого языка переведено известие. Интерес к такого рода вымышленным дипломатическим посланиям уже в кон. XVI в. вызвал появление оригинальных русских сочинений, написанных в форме дипломатических документов, — *Повесть о двух посольствах* и *Легендарную переписку Ивана Грозного с турецким султаном*. Л. п. и послания султана другим европейским государям продолжают этот жанр в русской публицистике XVII в. Русские читатели понимали родство этих произведений. Показательно объединение «Большой» и «Малой» грамот, Легендарной переписки Ивана Грозного, *Легендарной переписки турецкого султана с цесарем Леопольдом* и *Легендарной переписки турецкого султана с чигиринскими казаками* в один цикл в Хронографе 1696 г. А. Попов, знакомый с этими текстами в Хронографе, счел их подложными грамотами, составленными одновременно кем-то из русских книжников в 70—80-х гг. XVII в., во время войны против турок.

Западноевропейские антитурецкие памфлеты, попавшие на русскую почву, были приспособлены к литературным вкусам русских читателей. Так, в «Большой» и «Малой» грамотах описание военной силы султана близко к стилю воинских повестей: «Вся подсолнечная вздрогнет и твоя земля и государство не подоимет великую воинскую силу, и великое море учнет волнами играть, как большая корабельная сила и наших катарг окажется», «дикие звери устрашатся», начнут «леса гнутся», «солнъце и месяц, и звезды чюдитися имут», «шума ради и громов наших, егда из пушек страшъные и огненные силные гласы исходити будут».

Изд.: Попов А. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 454—458; Каган М. Д. Легендарный цикл грамот турецкого султана к европейским государям — публицистическое призведение второй половины XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 225—250.

Лит.: Попов А. Обзор Хронографов русской редакции. М., 1869. Вып. 2. С. 227—229; Соболевский. Переводная литература, С. 238—239, 243—244; Borschak É. La lettre des zaporogues au Sultan // Revue des études slaves. 1950. T. 26, fasc. 1—4. P. 99—105; Waugh D. C. The Great Turkes Defiance. On the History of the Apocryphal Correspondence of the Ottoman Sultan in its Muscovite and Russian Variants. Columbus, Ohio, 1978.

М. Д. Каган

Леонтьева Евдокия Ивановна (2-я пол. XVII в.) — дочь думного дворянина Ивана Федоровича Леонтьева (Замятни), бывшего олонецким воеводой в 1667—1669 гг. (ум. в 1670 г.), автор писем и челобитных. Л. была одной из московских корреспонденток инока *Авраамия*, известного деятеля раннего старообрядчества (Л. присылала ему милостыню на Мстиславов двор, где Авраамий

находился в заточении с 6 февраля 1670 г. до казни весной 1672 г., и стремилась, по-видимому, стать его духовной дочерью). По предположению Я. Л. Барскова, Л. могла быть адресатом послания Авраамия «к некоей дщери Христове». Сохранились два письма Л. Авраамию (автографы), датируемые 1671 г., и две ее покаянные челобитные (подлинники) царю и патриарху с просьбой о прощении, написанные после доноса о ее недозволенных правительством связях с иноком Авраамием. Кроме того, в автографах дошли два письма к ней и к ее матери (Марии Владимировне Леонтьевой) ее братьев — Андрея Ивановича Леонтьева (от 16 декаря 1670 г.), служившего в полку князя Ю. А. Долгорукого и участвовавшего в разгроме движения С. Т. Разина, и Федора Ивановича Леонтьева (дата отсутствует), а также письмо Л. от «старицы Афанасии» с просьбой о милостыни.

Письма из семейного архива Леонтьевых (хранятся в ЦГАДА, ф. XXVII, Б. 14, № 29—35) представляют собой интересный материал для изучения стиля частной переписки XVII в. Письма Л. Авраамию — образец сочетания книжных канонов эпистолярного и риторического стиля с живой московской речью XVII в. Искушенность Л. в книжной риторике привела к возникновению четкого ритма и морфологических созвучий в тексте ее похвалы иноку Авраамию. Покаянные челобитные Л., напротив, написаны живым разговорным языком и напоминают о стиле «расспросных речей». Литературная образованность Л. опиралась, по-видимому, на семейные традиции: в собрании рукописей ГИМ хранится рукописная «Логика» Моисея Маймонида (Синод. собр., № 943, в 8°, 134 л., южнорусский полуустав, первая половина XVII в.), принадлежавшая в конце XVII в. стольнику Федору Ивановичу Леонтьеву, брату Л. (см.: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева) / Сост. Т. Н. Протасьева. М., 1970. Ч. 1. № 775. С. 162—163).

Изд.: Барсков. Памятники. С. 71—78, 326—369.

Н. С. Демкова

«Лествица к небеси» — силлабическая поэма, предположительно датирующаяся концом первого или первой половиной второго десятилетия XVIII в., сохранившаяся в единственном списке и озаглавленная: «Лествица к небеси четвероположся, иже есть воспоминание четырех последних вещей, рифмами кратко описанное». По тематике и жанру Л. представляет собой популярную в католическом барокко эсхатологическую поэму (ср. «Пентатеугум» *Яна Белобоцкого*). Композиция Л. в общих чертах соответствует композиции эпопеи, как ее описывали Я. Понтан и другие теоретики. Л. начинается с вступления (exordium), включающего propositio (краткое изложение темы) и invocatio (обращение к Богу); затем идет основной рассказ (narratio) —

«Смерть», «Суд» (включая диалог «прамежду телом и душею»), «Геенна» (включая «Седмь грехов главнейших»), «Царствие небесное» (включая «Девять блаженств»). Заключает текст epilogus, или epiphonema — сентенционное суммирование в прозе и в стихах. В разделах «Царствие небесное» и «Девять блаженств» есть несколько испорченный при переписке акростих: «Преосвященному митрополиту Иову Великаго Новаграда и Великих Лук небезиаго ⟨небеснаго⟩ Иерусалиму блбженстио ⟨блаженство⟩ о всем» (по первым буквам двустиший, т. е. «по виршам»). *Иов*, известный деятель просвещения и культуры, занимал новгородскую кафедру в 1697—1716 гг. В 1706 г. он открыл в Новгороде школу, в которой преподавали один из братьев *Лихудов, Карион Истомин* и др. В единственном известном списке поэмы — ГПБ, собр. Михайловского, Q. 540, л. 1—35 об. — немало украинизмов («хрех» вместо «грех», «синовство» вместо «сыновство»), но эти украинизмы — не авторские, они принадлежат переписчикам. Судя по языку поэмы, автор был великороссом (в Л. нет специфически украинской лексики, и даже клаузулы, где на украино-белорусский манер «ять» рифмуется с «и», — исключительное явление). Некоторые сведения об авторе дает epilogus, или epiphonema (эта финальная часть напоминает дренерусские самоуничижительные писцовые формулы):

«А чем преступил, — в том молю простити, —
Не всяк бо знает разумно творити.
Аз скудоумна себе быти знаю,
Недоуменный — у́мну ся смиряю,
Не бо в славенских речех искусикся,
Первее ныне сему поучихся.
Тем да не будет сие удивленно,
Егда где силы не знах совершенно.
Молю: изволь мя, чтущь, не осуждати,
Но, малоумна разумом, прощати...»

Заявление о недавней и слабой искушенности «в славенских речех» может иметь только один смысл: автор учился в новгородской школе митрополита Иова и едва прослушал курс (может быть, часть курса). Не исключено, что поэма сочинялась как ученическое упражнение; впрочем, ее отличает недюжинное художественное дарование. В барочной культуре Западной Европы тема «последних вещей человека», т. е. Страшного суда, — одна из ведущих. Но Л. — не просто подражание, потому что для русской аудитории Петровской эпохи эта тема имела особое значение. Переход от средневековья к постренессансной культуре сопровождался историософской переориентацией на будущее. Новая историософия не боялась Страшного суда и, в отличие от старообрядцев, не вычисляла сроков светопреставления. Ср. настав-

ления *Димитрия Ростовского*: «Нам же... довлеет комуждо на всяк день и на всяку нощь чаяти неизвестнаго часа кончины жизни своея, и ко исходу быти готову. То нам Страшный суд комуждо свой, прежде общаго всем Суда страшнаго, а о самом времени самого страшнаго дне суднаго не испытовати. Довлеет веровати, яко будет..., а когда будет, о том не любопытствовати, но слушати словес Господних, глаголющих: о дни же том и часе никто же весть» (Димитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере. Киев, 1877. Л. 62 об.). Культура отделялась от веры. Из предмета веры Сташный суд становился предметом искусства (не случайно как раз в это время из обихода православной церкви исчезает совершавшееся в неделю мясопустную действо Страшного суда — оно было отменено, так же как были отменены пещное действо и шествие на осляти). Безымянный автор Л. отразил эту секуляризованную, «мирскую» историософию.

Изд.: Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970. С. 322—348 (Библиотека поэта, большая серия).

Лит.: Панченко А. М. 1) Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973 С. 204—207; 2) История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 197—198; Suchanek Lucjan. Rosyjski poemat eschatologiczny epoki baroku // Slavia Orientalis. 1975. № 1. S. 39—44.

А. М. Панченко

Летописец Бельский — летописец, охватывающий время с 1598 г. до конца 60-х годов XVII в. Название памятника объясняется тем, что его автор нередко интересуется событиями, происходившими в западнорусских уездах, особенно в Бельском. Л. Б. известен в одном списке XVII в. (ГИМ, собр. Уварова, № 569). Еще А. Н. Насонов заметил в нем более или менее оригинальный рассказ о смерти царя Федора Ивановича, царствовании *Бориса Годунова* и последующих событиях (см. Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы: (Новые материалы) // ПИ. М., 1955. Вып. 4. С. 264). В. И. Корецкий установил, что Л. Б. является самостоятельным произведением. Начало памятника не сохранилось. По предположению В. И. Корецкого, он открывался рассказом о введении опричнины в середине 1560-х гг. Однако как опричнину автор Л. Б. расценил частичное разрешение крестьянского «выхода» в 1601 г., что показывает, сколь смутно представлял он время *Ивана Грозного*. Возможно, Л. Б. начинался рассказом о царствовании Федора Ивановича. Согласно В. И. Корецкому, памятник доведен до 1632 г. и примерно тогда же, в начале 30-х годов XVII в., составлен. Но повествование о Смоленской войне обрывается на известии о том, что зимой 1632/1633 г. князь М. В. Белосельский «пришел по государеву указу на Белую», где ему велели остаться «не со многими людьми с русскими и немецкими». На следующем листе рукописи говорится о действиях

русских войск в районе Карачева, Брянска, Смоленска, Рославля, Шклова, Дубровны, Копыси. Эти события относятся не к Смоленской войне 1632—1634 гг., а к 1664 г., когда близилась к концу новая русско-польская война. Недаром Смоленск в данной летописной статье значится русским городом (освобожден же он был в 1654 г.). В рассказе о Смоленской войне читаем о князе М. С. Прозоровском; в конце произведения он уже назван бояриным (боярство И. С. Прозоровский получил в 1657 г.). На время русско-польской войны 1654—1667 гг. падает деятельность и других лиц, фигурирующих в последней летописной статье. В заключительной фразе памятника, не совсем понятной из-за обрыва рукописи, вероятно, шла речь о сборе ратных сил бояриным Г. С. Куракиным в 1667/1668 г. Вопреки мнению В. И. Буганова (см. Предисловие // ПСРЛ. Т. 34. С. 6), данную фразу нельзя считать поздней припиской, т. к. непосредственно перед ней читаем, что третий год, начиная с 1664/1665 г., «по домам живем» (последним из этих лет ошибочно назван 1667/1668 г.), а начало летописной статьи о событиях 1664 г. не сохранилось (она открывается словами: «и с Москвы тот немчин ушол»). В имеющемся списке Л. Б. налицо несколько значительных пропусков, причем все они приходятся на последнюю часть памятника. В существующем виде Л. Б. возник не ранее 1667 г. Написан он на бумаге, датируемой 30-40-ми гг. XVII в. Ее большая залежность связана, видимо, с появлением списка в провинции.

Большинство статей Л. Б. посвящено событиям общероссийского характера; статей, касающихся западнорусских дел, в семь раз меньше. Поэтому Л. Б. нужно считать не местным, а общерусским провинциальным летописцем, как определил тип подобных сочинений А. Н. Насонов. Бросается в глаза стилистическое сходство летописных рассказов о буре и выходе горы на озере Бросна (возле Торопца), о небесных знамениях в 1599—1601 и 1625—1626 гг., сообщений автора о захвате тушинцами Марины Мнишек в 1608 г. и взятии Белой в 1632 г. Это, как и постоянный интерес к истории Бельского и соседних с ним уездов, позволяет считать летописец в части за 1598—1632/1633 гг. произведением одного автора — служилого человека западнорусского происхождения, возможно, перешедшего в 1618 г. на службу в Москву. Допустимо предполагать, что источником этой части памятника послужили какой-то столичный летописец и летописец западнорусский, охватывавший события Смуты и Смоленской войны, а также воспоминания бельских служилых людей, ушедших в 1618 г. в Москву, где, быть может, и появился в своей основе Л. Б. Несомненно, в нем использованы и разрядные записи. Автор включил в свое произведение шертную грамоту крымского хана Магмет-Гирея царю *Михаилу Феодоровичу*. В Л. Б. находим нигде больше не встречающиеся грамоты *Григория Отрепьева* (Лжедмитрия I) к патриарху *Иову* и рязанскому архиепископу Игнатию (1605 г.), послание

патриарха *Гермогена*, адресованное, по В. И. Корецкому, Первому земскому ополчению, осаждавшему Москву (это предположение обосновано недостаточно).

Заключительная статья памятника, отличающаяся по стилю от предыдущих, видимо, написана другим автором — участником похода боярина Ю. А. Долгорукого к Копыси и Дубровне (1664 г.). Составитель основной части Л. Б., возможно, был связан с князьями Прозоровскими, деятельность которых прослеживает с 1610/1611 г., особенно подробно освещая их участие в военных кампаниях 1632/1633 и 1664 гг. Его продолжатель мог сохранить эту связь.

Обстоятельность изложения и деловой тон роднят Л. Б. с разрядными книгами. Произведение отличается простотой, безыскусностью стиля, хотя не свободно от налета церковной риторики (в начальной части). Очевидно, его литературными образцами послужили «разряды» и краткие летописцы светского характера.

Изд.: Корецкий В. И. 1) Новое о крестьянском закрепощении и восстании И. И. Болотникова //ВИ. 1971. № 5. С. 130—152; 2) Послание патриарха Гермогена // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975 г. М., 1976. С. 22—26; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 238—271.

Лит.: Корецкий В. И. 1) Закрепощение крестьян и классовая борьба в России во второй половине XVI в. М., 1970; 2) Новая летопись о «Смутном времени» // Знание—сила. 1972. № 1. С. 46—48; 3) Формирование крепостного права и Первая крестьянская война в России. М., 1975; Скрынников Р. Г. 1) Россия после опричнины: Очерки политической и социальной истории. Л., 1975; 2) Борис Годунов. М., 1978; 3) Россия накануне «Смутного времени». М., 1980; Солодкин Я. Г. О происхождении Бельского летописца // ВИД. 1987. Т. 19. С. 117—125.

Я. Г. Солодкин

Летописец Вологодский — общерусская провинциальная летопись конца XVII—начала XVIII в., составленная в Спасо-Прилуцком монастыре близ Вологды. К настоящему времени известен в одном списке рубежа XVII—XVIII столетий (ГИМ, собр. Уварова, № 591). Этот так называемый Уваровский летописец открывается упоминаниями о первом и седьмом вселенских соборах, походе византийского императора Михаила «на болгары» и призвании Рюрика с братьями; завершается он известием о пожаре «на Прилуке» 9 апреля 1700 г. Первая, основная часть, Л. В., доведенная до 1673 г. и отличающаяся (за пятью исключениями) строгим соблюдением последовательности погодных записей, — по определению Н. А. Казаковой, «единый отредактированный памятник», сложившийся в стенах Спасо-Прилуцкого монастыря, где «была осуществлена и вся работа по своду известий из различных источников». В части до 1493 г. Л. В. восходит к Северному своду 70-х гг. XV в. и его продолжению по летописи Погодинской. Видимо, в нем использована *Летопись Вологодско-Пермская* (первой редакции); не исключено, что составитель памятника

заимствовал отдельные известия из *Летописи Лаврентьевской*, *Летописи Авраамки.* В части с начала XVI в. источником Л. В. послужил общерусский летописец, близкий к Мазуринскому летописцу и *Временнику сокращенному* (в этом летописце, обнаруживающем сходство и с *Летописцем 1619—1691 гг.*, находим выдержки из популярного краткого летописца и — в переработанном виде — «Истории» *Авраамия Палицына*). Л. В. восходит к одному источнику с Музейским хронографом вологодского происхождения (ГИМ, Муз. собр., № 1150), возможно хронографу. Начиная с сообщения о захвате Вологды польско-литовскими войсками в 1612 г., в текст Л. В. вливается струя северных, в первую очередь вологодских известий (в разделе до 1673 г. их насчитывается двенадцать), что превращает памятник из общерусской летописи в общерусскую провинциальную. Вторая часть Уваровского летописца, принадлежащая перу нескольких лиц, не подверглась редакционной правке. Возникшая в том же Спасо-Прилуцком монастыре, она возвращает читателя к событиям XIV—XVI вв. и содержит разновременные записи, в том числе вставки и приписки (в первой части Л. В. находим лишь одну интерполяцию — о вологодском пожаре 1719 г.). По наблюдениям Н. А. Казаковой, в продолжении основной части Л. В. «струя местных известий... становится значительно сильнее», но и сведения общерусского характера «представлены достаточно полно». Здесь находим сообщения о жизни царской семьи, о крымских и азовских походах, народных движениях (особенно любопытны данные о вологодских «капитонах» за 1685, 1686 гг.), первых петровских реформах, природных явлениях, стихийных бедствиях, вологодских архиепископах, строительстве и пожарах в Вологде и Спасо-Прилуцком монастыре, сборе податей. Ряд записей сделан по горячим следам описанных событий (под 1676—1678, 1694, 1695, 1697, 1698 гг.); среди них наиболее обстоятелен рассказ о конце царствования *Алексея Михайловича* и первых месяцах правления его сына *Феодора Алексеевича.* Сведения о восстании московских стрельцов 1682 г., по мнению А. П. Богданова, вносились в Л. В. «непосредственно по получении новых известий из столицы и постоянно поправлялись и дополнялись»; соответствующая статья — это в сущности «памятные исторические записки» (Богданов А. П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 203). Стиль Л. В. во второй его части, как и в первой, отличается простотой и безыскусственностью. Лишь иногда он приобретает риторическую окраску. Примером может служить статья об основании церкви Всех святых в Спасо-Прилуцком монастыре 14 мая 1685 г. (внезапно пошедший «во время святого молебнаго пения» дождь напомнил автору о случившемся с пророком Гедеоном и Антонием Печерским). В состав Л. В. включен царский указ 1699 г. «о даточных людях»; на официальных документах основаны пространные рассказы о заговоре Цыклера и стрелецком «мятеже»

1698 г. Повествуя о разделе монастырских пожен по рекам Сухоне и Вологде в 1691 г., автор, очевидно, использовал «росписной список», хранившийся в казне Спасо-Прилуцкой обители. Местный летописец, который там составлялся, явился одним из главных источников памятника в части после 1673 г. Эта часть Л. В. обнаруживает зависимость от произведения, к которому восходит упомянутый Музейский хронограф (быть может, его протографа), а также «Сказания о Каменном монастыре» *Паисия Ярославова.* По-видимому, в статьях о событиях последней четверти XVII в. отразились и собственные впечатления авторов Л. В.; об этих событиях они могли знать также по рассказам их участников и свидетелей. Думается, источник такого рода лег в основу записей о путешествиях Петра I на Соловки в 1692 и 1694 гг.

Другой вид той же редакции памятника, которую встречаем в Уваровском списке, представлен текстом летописца, найденного в 1847 г. в Тотьме и опубликованного владельцем — угличским собирателем древностей В. И. Серебренниковым в части за 1201—1668 гг. Местонахождение рукописи этого так называемого Тотемского летописца неизвестно; издатель датировал ее концом XVII—началом XVIII в. (Помимо текста, изданного в «Ярославских губернских ведомостях» имеется копия конца XIX—нач. XX в., происходящая из архива Серебренниковых (ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 367) и введенная в научный оборот М. Н. Тихомировым. Как установил А. А. Турилов по вступительной статье, полностью совпадающей с издательским введением к газетной публикации, Тихомировский список является списком с последней). В Тотемском летописце, охватывающем период с призвания Рюрика, опущен или сокращен ряд известий Уваровского, но есть и немало добавлений (по данным издателя, они сделаны другим почерком между строк и на полях рукописи). Источниками дополнительных статей Тотемского летописца явились *жития Григория Пельшемского* и *Иоасафа Каменского*, грамота вологжан в Москву «боярам и воеводам» о захвате города (1612 г.) и, видимо, краткий летописец (оттуда создатель нового вида памятника мог почерпнуть сообщения о смерти удельных князей Юрия Ивановича и Юрия Васильевича, первом браке *Ивана IV*, продолжительности его жизни, взятии Вильяна). Оригинальное известие Тотемского летописца о начале книгопечатания в Москве в 1553 г., привлекшее внимание исследователей отечественного книгоиздательства, не является вполне уникальным, т. к. встречается и в других летописных памятниках конца XVII—XVIII вв., например в «Диариуше» *Димитрия Ростовского* (см.: Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время. СПб., 1891. Прил. с. 4), в летописных заметках по русской истории А. А. Благово (Памятная книжка поручика лейб-гвардии Семеновского полка Александра Александровича Благово, 1739 и 1740 гг. // Щукинский сборник. М., 1903. Вып. 2. С. 430; Хоте-

ев П. И. Книга в России в середине XVIII в. // Частные книжные собрания. Л., 1989. С. 25). Вопрос о взаимоотношении современных друг другу памятников, содержащих известие 1553 г., и о его источнике, остается в литературе неисследованным. Как считает Н. А. Казакова, Тотемский летописец был создан, вероятно, на исходе XVII в. «в церковных кругах, скорее всего при вологодской архиепископской кафедре». Очевидно, это произошло не ранее 1668, даже 1673 г. Извлечения из Тотемского вида летописца за 1301—1665 гг. составили «Историческую летопись» (Вологодские губернские ведомости. 1857. Часть неофиц. № 2. С. 7—9; № 3. С. 12—13; № 4. С. 17—18; № 5. С. 24—26); рукопись этой «летописи», появившейся, по всей видимости, в XVIII в., неизвестна.

В Л. В., который носит компилятивный характер, особенно в части до 1612 г., нередки фактические ошибки, прежде всего анахронизмы (например, в сообщениях о псковском «взятии», рождении Ивана Грозного, смерти *Бориса Годунова* и воцарении его сына Федора, московском пожаре 1626 г., восстании Степана Разина). Подчас в Л. В. при сохранении тематического единства расширяются обозначенные временные рамки повествования (статьи о рождении царевича Дмитрия Ивановича, великом голоде начала XVII в., вступлении на престол Василия Шуйского).

Л. В. (точнее, его Уваровский вид) стал основным источником второй редакции летописца *Ивана Слободского*, составленной в конце XVIII—начале XIX в. (см.: ПСРЛ. Т. 37. С. 197—199).

Изд.: Летописец // Ярославские губернские ведомости. 1850. Часть неофиц. № 25. С. 250—253; № 26. С. 256—259; № 27. С. 272—275; 1851. № 43. С. 413—417; № 44. С. 424—428; № 45. С. 436—440; № 46. С. 447—451; ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 160—193.

Лит.: Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы: (Новые материалы) // ПИ. М., 1955. Вып. 4. С. 276—277; Тихомиров М. Н. 1) Начало книгопечатания в России // У истоков русского книгопечатания. М., 1959. С. 15—17 (переиздание: Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968. С. 297—298); 2) Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 119; Буганов В. И. Летописные заметки о московских восстаниях второй половины XVII в. // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 341—342, 345; Васильев Ю. С. Летописное наследие Поморья // ВИД. Л., 1979. Т. 11. С. 38—39; Казакова Н. А. Вологодское летописание XVII—XVIII вв. // Там же. Л., 1981. Т. 12. С. 73—86; Богданов А. П. 1) Начало московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 136—138; 2) Типологические признаки и группы в русском летописании конца XVII века // Методы изучения источников по истории русской общественной мысли периода феодализма. М., 1989. С. 202, 216.

Я. Г. Солодкин

«Летописец выбором» — одно из наиболее популярных кратких летописных произведений XVII в., полное название которого «Ле-

тописец, написан выбором из старых летописцев, что учинилося в Московском государстве и во всей Русской земле в нынешняя последняя времена» (далее — ЛВ). Основное содержание памятника сводится к погодному изложению наиболее важных событий общерусской истории от 1154 г. (известие о перенесении иконы Богоматери Владимирской из Царьграда) до середины XVII в., но состав статей варьируется в довольно широких пределах, отражая пристрастия и познания многочисленных редакторов. То же можно сказать и о форме статей, то лаконичных, то развернутых по воле редактора в живописное повествование. Несмотря на наличие известного интереса к церковной истории — статей о популярных святых (митрополите *Петре*, Сергии Радонежском и *Кирилле Белозерском*), «чудесах» и мощах, основное внимание неизвестного автора и редакторов привлекали социально-политические события: княжения и царствования, военные походы и битвы, дипломатические отношения, городское строительство, народные восстания и законодательная деятельность правительства. ЛВ встречается в четьих сборниках самого разнообразного состава и даже в сборниках дворянских родословных документов. Списки ЛВ делались на полях рукописей, печатных книг, записывались на столбцах, ими дополнялись рукописи больших исторических сочинений: хронографов, *Летописца Нового* и т. п. В настоящее время известно более 20 списков ЛВ.

Уже само заглавие говорит о том, что ЛВ охватывает события в России вплоть до ближайшего автору времени. К наиболее ранним спискам относится рукопись ГИМ, Отдел писменных источников, ф. 440, колл. Забелина, № 20, л. 6—9 (Забелинский список). Текст ЛВ, написанный служилым человеком, вероятно — дворянином, в 1650-х гг., был доведен до 1656 г. Повышенный интерес этого писца к событиям начала 1650-х гг. (л. 9) указывает на близость последних записей к моменту составления рукописи. На столбцах написана рукопись ГБЛ, ф. 330, собр. Чернышевых, картон II.57, л. 1—4 (Чернышевский список), также вышедшая из дворянской среды. Повествование продолжается в ней уже до 1663 г., приближаясь ко времени самого списка. Примерно того же времени и список ГПБ, Q.XVII.22, л. 59—82 (Толстовский I), доводящий повествование до 1661 г. Другой список ЛВ в сборнике ГПБ, Q.XVII.22, написанный к началу 1670-х гг., обрывается статьей о Московском восстании 1547 г. (л. 559—774. Толстовский II). В сборнике ГПБ, собр. Погодина, № 1565, л. 197—209 (Погодинский I) текст доведен уже до кончины *Алексея Михайловича* 30 января 1676 г. На том же месте кончился ЛВ в «свитке XVII в., длиной в 3 аршина», с которого Иван Матченко снял в 1884 г. копию для журнала «Русская старина» (ИРЛИ, Древлехранилище, ф. 265, оп. 3, № 249).

Разумеется, не все летописцы изменяли текст и пополняли его записями последнего времени. В списке ЦГАДА, ф. 188, оп. 1, № 2, л. 174—191 об. (Архивный список), сделанном в конце 1670-х гг., до

нас дошел подробный вариант ЛВ, протограф которого был написан посадским человеком (или стрельцом) еще во второй четверти XVII в. и оканчивался статьей об отправлении в 1643 г. в Астрахань двух «приказов» (полков) московских стрельцов. Наиболее подробная погодная летопись событий идет в Архивном списке примерно с 1621 г. (л. 191—191 об.). Вероятно, этот список позволяет судить и о более ранней истории текста; так, в нем помещена интересная летописная повесть о Смутном времени, написанная еще во время царствования В. И. Шуйского (л. 186—189 об.). Определенное представление о редакции ЛВ второй четверти XVII в., протографичной редакции Архивного списка, дает сопоставление его с Забелинским, Чернышевским, Толстовским I и др. Весьма интересны списки на столбцах — список Полевого и Строевский. Первый (ГПБ, ф. 594, № 142, 10 л.) датируется концом 1640-х гг. и обрывается на известии 1638 г. о пожаре в Москве; второй (ЛОИИ, к. 126, № 2, 5 л.) был написан в середине века и доведен до 1648 г. Заслуживает внимания, что в Забелинском и Чернышевском списках имеются концовочные значки именно после статьи 1647 г. Краткий список ЛВ в сборнике-конволюте БАН, 33.7.11 (Сев. 553), л. 76—86, содержит текст до 1641 г., т. е. почти до времени написания рукописи. Еще более раннюю редакцию, возможно, отражает сравнительно поздний (последней четверти XVII в.) список на полях рукописи ГБЛ, ф. 178, № 1836, л. 8 об.— 38 об., оканчивающийся 1590 г. Его венчает выборка древних сведений о кремлевском Благовещенском соборе, по-видимому, объясняющаяся происхождением этой редакции.

Для истории теста ЛВ за третью четверть XVII в. интересен сокращенный список ГБЛ, ф. 312, собр. Фаддеева, № 34, л. 117— 119 об. (Фаддеевский), внесенный на готовую рукопись около 1697 г. Он охватывает период «от Адама» до отмены медных денег в 1663 г. и представляет собой как бы переходный вариант от редакции, представленной Чернышевским, Толстовским I и другими списками, к традиции *«Краткого ведения о народе славянороссийском»* и *Летописца Московского краткого.* Не продолжен и, кажется, не подвергся большим изменениям относительно протографа список ГПБ, ф. 777, собр. Тиханова, оп. 3, № 4, л. 14—18 (Тихановский). Он приписан к Хронографу редакции 1680-х гг. в рукописи 80-х гг. XVII в. и, так же как и Фаддеевский, связан по палеографическим признакам с патриаршим летописным скрипторием. Текст ЛВ по Тихановскому списку продолжен от построения деревянного Кремля в 1333 г. до Конотопской службы (1658 г.) и относится к разряду «дворянских» редакций 1650—1660-х гг. Если Тихановский и Фаддеевский списки вышли, вероятнее всего, из патриаршего скриптория, то датирующийся концом XVII в. Бутурлинский список (БАН, 32.5.1, Разрядно-родословный сборник Бутурлиных, л. 686—689 об.), доведенный с 1154 только до 1645 г., показывает, что бытование памятника в московской

служилой среде не прекращалось. Вероятно, московским дворянам предназначались и исторические сборники, переписывавшиеся на продажу патриаршими мастерами. Другой «дворянский» список этого времени, Болтинский (ГИМ, Муз. собр., № 3257, Разрядно-родословный сборник Болтиных, л. 517—518 об.), передает текст в сильном сокращении, но тем не менее доводит его до 1682 г.

Служилым человеком псковского разряда был переписан и продолжен до 1689 г. список ГПБ, F.IV.355, л. 55—57 (Псковский I). Взяв за основу текст, наиболее близкий к редакции по Тихановскому списку, этот дворянин дополнил его рядом общерусских сведений, источником которых были объявительные государевы грамоты, и местными псковскими записями. Традиция ЛВ на псковской земле в конце XVII в. была довольно прочна. Свидетельством этому является рукопись конца XVII или первых лет XVIII в., в которой находится более полный по сравнению с Псковским I список, дополненный местными сведениями и продолженный до 1699 г. (БАН, 38.3.23, л. 454—461).

Если до последней трети XVII в. ЛВ содержал в основном общерусские и московские городские известия, то с развитием краткого городского летописания в конце столетия он активно пополняется местными сведениями. Вологодские, Ростовские и Костромские записи отразились в списке БАН, 21.9.5 (конец XVII в.), доводящем изложение до 1670 г., а начинающем его, в отличие от других списков от крещения Руси. В Спасо-Ярославском монастыре был сделан список ГБЛ, ф. 344, собр. Шибанова, № 248/6208, л. 171—216 (Ярославский список). В основу его был положен список ЛВ московской группы редакций, дополненный записями о ростовских и ярославских архиереях и городских событиях за вторую половину XVII в. на основе впечатлений очевидца-ярославца. Важно отметить, что использованный составителем московский список ЛВ до 1691 г. уже отразил начавшуюся эволюцию памятника в сторону созданного на его основе Летописца Московского краткого. В Спасо-Прилуцкой исторической компиляции, начинающейся с древнейших времен и доходящей до 1728—1730 гг. (ГИМ, собр. Уварова, № 48, л. 1—58 об., 60—136 — две редакции), было использовано два списка ЛВ. Полностью включен в текст список поздней редакции, близкой к редакции, лежащей в основе Ярославского списка, но более пространной (особенно в отношении церковно-исторических записей и московских городских сведений). Фрагменты второго списка ЛВ позволяют отнести его к более архаичной традиции, восходящей к протографу редакций по Забелинскому, Архивному, Чернышевскому, Толстовскому и др. спискам.

Популярность ЛВ среди представителей различных слоев образованного русского общества XVII в. — посадских людей, дворянства и духовенства требует пристального внимания к этому малоизученному

в настоящее время памятнику, важным качеством которого была доступность как формы, так и содержания. О его активном восприятии свидетельствуют многочисленные изменения, сокращения и дополнения, которые сознательно вносились в текст почти каждым переписчиком (Богданов А. П. Летописные и публицистические источники по политической истории России конца XVII века. Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 31—36; Прил. С. 7—17). Соответствие ЛВ читательским вкусам проявилось и в том, что это популярнейшее в XVII столетии сочинение, с одной стороны, почти исчезло в рукописной традиции XVIII в. (исключение составляет список БАН, 45.8.208, датирующийся 1740-ми гг.), а с другой — послужило основой новых популярных произведений, таких как Летописец Московский краткий и «Краткое введение о народе славянороссийском». ЛВ не издан.

Лит.: Шмидт С. О. 1) Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. // ПИ. М., 1956. Вып. 5. С. 281; 2) Становление российского самодержавства. М., 1973. С. 67—68.

А. П. Богданов

Летописец Двинской («Летописец вкратце. Списано о двинских жителех, и о наместниках, и о судиях, и о воевоцких, и дьячих приездех» — заглавие краткой редакции) — памятник провинциального летописания последней четверти XVII и XVIII в., введенный в научный оборот Г. Ф. Миллером. Погодное изложение событий в Л. Д. начинается с XIV в. (1342, 1397 гг.) и делится заголовками на три части, отражающие три этапа политической истории Поморья: борьбу за присоединение Двины к великому княжеству Московскому, правление московских наместников и, наконец, воеводское управление на Двине. Известия Л. Д. в основном оригинальны и содержат немало уникальных, не известных по другим источникам фактов.

Текст Л. Д. представлен тремя редакциями, сохранившимися в 15 списках XVII—XIX вв. (описания и шифры см.: ПСРЛ, т. 33). Однако нам известна далеко не вся рукописная традиция памятника: в публикациях XVIII и XIX вв. было привлечено еще 4 не известных ныне рукописи, а текстологическое сопоставление имеющихся списков заставляет выделить не менее 12 протографичных им рукописей 1677—1694 гг. (см.: Богданов А. П. Летописные и публистические источники по политической истории России конца XVII в. Рукопись дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. Прил.: Городские и провинциальные летописцы конца XVII в. С. 84—91, 122—125). Первая редакция Л. Д. создавалась в 1670-х гг. местным жителем и была доведена повременными записями до 1677 г. Она представлена списком ГИМ, Муз. собр., № 1481 (ГИМ III), датированным К. Н. Сербиной 1676—1682 гг.

В нем имеется немало сведений, отсутствующих в последующих редакциях, но нет характерных для позднейшей пространной редакции дополнений, а характер известий, язык и стиль изложения светские. Текст за конец 60-х и за 70-ѐ гг. XVII в. особенно подробен и насыщен живыми деталями, убедительно показывающими, что автор был непосредственным свидетелем, очевидцем событий. Тем не менее эта редакция, существование которой предполагала К. Н. Сербина, не была выделена в литературе, а список ГИМ III был лишь в малой степени привлечен при издании 33-го тома ПСРЛ.

Вторая, краткая редакция Л. Д. является производной от ГИМ III или его протографа: ряд статей последнего был сокращен, некоторые сведения опущены, подробные летописные записи о Соловецком восстании, делавшиеся по ходу событий, сведены в повесть, нарушающую последовательность изложения. Наиболее ранний список краткой редакции (БАН, 1.4.12 — БАН I) доведен до 1682 г. и оканчивается подробными записями о событиях в столице и на Двине во время Московского восстания 1682 г., сделанными на основе личных наблюдений и поступивших в Холмогорскую воеводскую канцелярию грамот. Краткая редакция, как и первая редакция, имеет целиком светский характер. В ней не только нет еще сведений по церковной истории, но отсутствует и указание на основание холмогорской и важской архиепископии 19 марта 1681 г. Вместо этого в формулировке протографа: «в духовном чину ведают двинян новгородские митрополиты» (ПСРЛ. Т. 33, С. 148) — в БАН I оставлен пробел в три строки, которого не было бы, если бы текст писался после приезда в Холмогоры архиепископа *Афанасия* 18 октября 1682 г. По-видимому, в Холмогорской таможне около 1686 г. был составлен сборник ГБЛ, ф. 256, № 381 (Л III), содержащий список Л. Д. краткой редакции, доведенный уже до 1685 г. До 1682 г. включительно текст наиболее близок к БАН I. Далее в нем идет самостоятельный рассказ о приезде Афанасия и разнообразных переменах в местной администрации. Список был сделан с протографа БАН I, в котором говорилось, что «и доныне ведают двинян новгородские митрополиты». Следовательно, этот протограф, доведенный до 9 июля 1682 г., был составлен летом, возможно в самом начале осени 1682 г. Списки БАН I и Л III составляют I и II разряды краткой редакции, созданной на основе первой в 1682 г. III разряд краткой редакции представлен списком БАН V, доведенным до 1687 г. (БАН, собр. воспр., № 522). Он был создан в архиерейской канцелярии не ранее 1692 г. В отличие от БАН I и Л III повествование в нем начинается не с 1397 г., а с 1342 г., как в ГИМ III. Как и в БАН I, в нем после слов «а в духовном чину» оставлен пробел, что указывает на протограф 1682 г., отличный, однако, от БАН I и Л III. Текст БАН V оканчивается оригинальной записью о строительстве в Холмогорах. Л. Д. по III разряду краткой редакции был продолжен подробными записями о действиях местной администрации до 1691 г.

в протографе списка ГБЛ, ф. 310, № 785, 1700 г. (Л I), созданном в 1691 г. Протограф относился уже к IV разряду, текст которого первоначально оканчивался записью под 8 марта 1691 г., но затем был продолжен до марта 1692 г. Копия с него была сделана в 1692 г. в архиерейском скриптории (ГПБ, Q.IV.136). По этой копии дополнения были доведены только до января 1692 г., а запись о владычестве новгородских митрополитов еще не была исправлена, как в Л I. Без дополнений за 1692 г. текст IV разряда краткой редакции отразился, с небольшими искажениями, в позднем списке БАН, Арх. собр., Д. 572, 1765—1776 гг.

Таким образом, если в 70—80-х гг. XVII в. летописание в Холмогорах имело целиком светский характер, то с начала 90-х гг. оно переходит в ведение архиепископского дома. Здесь был создан первый вариант пространной редакции, представленный двумя списками 20-х гг. XVIII в.: ГБЛ, ф. 138, № 186 и ГИМ, собр. Барсова, № 1836 (Л II и ГИМ I). Если протограф краткой редакции Л. Д. был составлен на основе новгородской летописи, двинских летописных записей (с 7038 по 7064 г. и с 1630-х гг.), документов воеводской канцелярии (в том числе объявительных грамот) и собственных наблюдений автора, то составитель первого варианта пространной редакции в 1690-х гг. положил в основу краткую редакцию, дополнив ее известиями из общерусской летописи холмогорского чиновника 1-й редакции (1692—1694 гг.), сказания о пришествиях на Двину Петра I, царских грамот, дневниковых записок архиепископа Афанасия за 1680—начало 1690-х гг. и собственными наблюдениями. Возможно, первый вариант пространной редакции явился результатом неудавшейся попытки составления в Холмогорах общерусской летописи. Содержание этого варианта характеризуется еще большей, чем в краткой редакции, промосковской ориентацией, отрицательным отношением к расколу, усилением интереса к общерусским политическим событиям и к церковной истории. Как показала К. Н. Сербина, Л II, доведенный до 1693 г., имел более ранний протограф, общий со списком ГИМ I, доведенным до 1698 г. Однако общность текстов прослеживается лишь с 1645 г. до записи от 24 июня 1693 г. (ПСРЛ. Т. 33. С. 173—192). В тексте до 1694 г. включительно ГИМ I полностью сходен с поздним списком БАН, 45.13.17, который в повествовании за последующие годы передает текст второго варианта пространной редакции, составлявшегося, как показала та же исследовательница, в конце 40-х—начале 50-х гг. XVIII в. Списки Л. Д., хотя и не восходят непосредственно друг к другу, дают возможность полностью реконструировать основные этапы в истории текста памятника, особенно за 1670—1690-е гг.

Форма изложения в Л. Д. типична для городского и провинциального летописания конца XVII—XVIII в. После его заглавия следуют полулегендарные повести о древнейшей истории края, сменяющиеся редкими лапидарными заметками, с конца XVI—начала XVII в. пере-

ходящими в частые и подробные записи о деятельности центральной администрации, строительстве и других местных событиях. Летописные статьи за небольшими исключениями следуют строго погодно, объединяясь в краткие рассказы о мероприятиях определенных воевод или наместников. В «церковных» редакциях как Л. Д., так и других подобных сочинений прослеживается стремление к объединению погодных статей также и по периодам деятельности определенных иерархов, однако эта тенденция имеет втростепенное значение. Л. Д. представляет интерес и для более ранней истории русского летописания. Исследователи предполагают, в частности, что Л. Д. и *Летопись Холмогорская* использовали один и тот же источник — общерусскую летопись, близкую к *Летописи Вологодско-Пермской*.

Изд.: [Миллер Г. Ф.]. Летописец Двинской... // Опыт трудов Вольного российского собрания при имп. Московском университете. М., 1774. Ч. 1. С. 113—194; [Новиков Н. И.]. Летописец Двинской... // ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Ч. 18. С. 1—71; Титов А. А. Летопись Двинская. М., 1889; ПСРЛ. Л., 1977. Т. 33.

Лит.: Бестужев-Рюмин К. Н. Русская история. СПб., 1872. Т. 1. С. 35; Филарет. Обзор. С. 266; Голубцов А. П. Чиновники Холмогорского и Преображенского собора. М., 1903. С. XXXII—XXXIII, примеч. 1; Тихомиров М. Н. Краткие заметки о летописных произведениях в рукописных собраниях Москвы. М., 1962. С. 31, № 19; Лурье Я. С. 1) О неизданной Холмогорской летописи // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 454—455; 2) Холмогорская летопись // ТОДРЛ. М.; Л., 1970. Т. 25. С. 135—149; Лимонов Ю. А. Заметки о Холмогорской летописи: (Ярославское и Двинское местное летописание) // ВИД. Л., 1970. Т. 3. С. 252; Амосов А. А. Краткие заметки о Двинской летописи // Материалы науч. студ. конф. Май 1970 г. М., 1970. С. 30—32; Сербина К. Н. Двинской летописец // ВИД. Л., 1973. Т. 5. С. 196—219.

А. П. Богданов, В. К. Зиборов

Летописец Костромской краткий — летописный памятник конца XVII в., относится к числу периодически дополнявшихся летописных произведений, сохранившихся в автографах. Л. К. находится в составе исторического сборника, написанного на бумаге 1670-х—первой половины 1680-х гг. ГПБ, собр. Погодина, № 1600, 161 л. Сборник включает: 1) Летописец от Адама до 1680 г., представляющий собой сильно сокращенную переработку *Хронографа Русского* редакции 1626 г., с дополнениями — «Родословие от Адама перваго дни, и от коего колена его поидоша царие, судия же и владельцы, и кто сколко лет бысть мимотекущего кола сего» (л. 1—111 об.); 2) выписки из *Александрии хронографической* (л. 118 об.—148); 3) *Повесть о белом клобуке* (л. 149—161). До статьи о воцарении *Алексея Михайловича* (1645 г.) Л. К. написан крупным полууставом, а с середины этой статьи (л. 110) — беглым полууставом; он был доведен до записи о женитьбе царя *Феодора Алексеевича* на Агафье Симеоновне Грушевской (л. 111 об.). Далее, до следующих статей сборника, написанных тем же почерком, было оставлено 6 разграфленных под летописец листов

(графление у последующих статей мельче). На эти листы новым почерком на протяжении 1681—1684 гг. вносились записи, продолжавшие первоначальный текст. Первая запись относится к 1681 г. и была сделана, несомненно, вскоре после события. В ней наиболее подробно, сравнительно с известными летописями, рассказывается о рождении царевича Илии Федоровича, смерти его матери на 3-й день после родов, «в 4-м часу», ее погребении, «печали и скорби» Федора и кончине младенца на 7-й день после смерти царицы (л. 111 об.). После записи об этом событии, видимо глубоко поразившем автора дополнений, он вернулся к летописцу в начале 1682 г., поведав о втором бракосочетании Федора Алексеевича (л. 112). Через два года были написаны статьи о смерти Федора 27 апреля 1682 г. и вдовстве царицы Марфы Матвеевны Апраксиной, об обручении и женитьбе царя Иоанна Алексеевича на Прасковии Федоровне Салтыковой 7 и 9 января 1684 г. (л. 112—113 об.). После этого на специально оставленное место вверху л. 112 об. (после записи о смерти Федора) автор записал рассказ о воцарении Ивана и Петра и Московском восстании 1682 г. — не уместившуюся часть текста он вынес на левое поле. В записях за 1670—1680-е гг. автор пользовался, судя по их содержанию, в основном объявительными грамотами, за поступлением которых внимательно следил. Так, в статье о бракосочетании Иоанна он указал. что «от святейшего патриарха грамота на Кострому прислана богомолная генваря в 27 день, а от царя посланных не было, одина была грамота Богоявленского монастыря к архимандриту Павлу» (л. 113). О том, что автор был костромичом, говорят его приписки к раннему тексту летописца («6885 преставись великий князь Василий, положен на Костроме у святого Феодора», л. 78) и после Повести о белом клобуке («7187 году октября в 8 день на Костроме в день, в 7 часов, гром был и молния на молодово во месяц, в 2 день», л. 161 об.). Другим вариантом почерка в конце летописца сделан список с наказа стольнику С. П. Нелединскому о встрече в Костроме царя Арчила в 1686 г. Судя по первому почерку и бумаге сборника, он составлялся, скорее всего, в среде церковнослужителей, вероятно, в упоминавшемся Богоявленском монастыре, имевшем небольшой скрипторий. Не исключено, что там его текст и дополнялся, однако нельзя исключить и других предположений, например, что автор дополнений служил в городской администрации — на это может указывать использование объявительных грамот и помещенный в тексте наказ Нелединскому. Однако общерусское повествование с небольшими местными вставками более характерно для церковного летописания, развивавшегося в конце XVII в. наряду с местной городской и дворянской историографией. Л. К. не учтен в научной литературе.

А. П. Богданов

Летописец Мазуринский см. *Исидор Сназин.*

Летописец Морозовский — компилятивное сочинение о событиях русской истории за 1380—1612 гг. Сохранился (по-видимому, в оригинале) в единственном списке 50—60-х гг. XVIII в. ГПБ, F.IV.228, принадлежавшем московским купцам Ивану и Михаилу Морозовым. И. Ф. Голубев допускал, что текст Л. М. представлен в одной из рукописей Государственного архива Калининской области — ф. 1409, оп. 1, № 729 (Голубев И. Ф. Коллекция рукописей Государственного архива Калининской области: Краткий обзор. Калинин, 1960. С. 29). Исследователь, однако, был введен в заблуждение названием *Сказания о царстве царя Феодора Иоанновича* в данной рукописи, которое дано, очевидно, ее владельцем, заметившим совпадения Сказания с фрагментами Л. М. в передаче Н. М. Карамзина.

Начало Л. М. (со «Сказания рязанца Софрониа Иерея» о нашествии Мамая на Русь до сообщения о соборе 1492 г. по поводу «изшедшей пасхалии») является отрывком летописной части Хронографа *Сергея Иевлевича Кубасова*, но по сравнению с другими ее списками содержит дополнительные известия. Как предполагает В. К. Зиборов, текст Л. М. связан с «Летописью о великих княжениях» (летописной частью хронографа Кубасова по списку ЦГАДА, ф. 181, № 617/1127). Составителю Л. М. была известна и последняя часть этого хронографа — Повесть, приписываемая И. М. Катыреву-Ростовскому. По пространной редакции Повести в летописце изложены перипетии Смуты с момента воцарения Шуйского до освобождения Москвы, т. е. компилятор следовал ей до конца произведения (оно обрывается на словах «и уставиша праздник торжественный праздновати о таковой дивной»). К Повести, приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому, создатель Л. М. обращался и ранее, начиная с рассказа о царствовании *Ивана IV*. Этот рассказ, открывающий вторую часть памятника, начинается кратким предисловием, прославляющим Грозного как могущественного правителя. В основу повествования о нем лег летописец (едва ли краткий, как утверждал С. Ф. Платонов), обнаруживающий сходство с неофициальными сочинениями об опричнине (ср.: Корецкий В. И. История русского летописания второй половины XVI— начала XVII в. М., 1986. С. 14, 17, 32). Очевидно, из этого источника в Л. М. попали немногочисленные уникальные известия, например, о том, что митрополит *Афанасий* — «родом переяславец» (Васенко П. Г. «Книга Степенная царского родословия» и ее значение в древнерусской исторической письменности. СПб., 1904. Ч. 1. С. 211, примеч. 1), об эпидемии 1569/1570 г., судьбе К. Вишневецкого. Рассказ о событиях кануна и начала Смуты скомпилирован из фрагментов «Истории» *Авраамия Палицына*, *«Сказания и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о разстриге Гришке Отрепьеве, и о похождении его»* (в пространной редакции), заключительной части хронографа Кубасова, Сказания о царстве царя Феодора Иоанновича, причем нередко об одном и том же факте говорится дважды — в

основном тексте и на полях рукописи. Зачастую составитель Л. М. дословно воспроизводит текст источников. Так, по наблюдениям А. С. Грузинского, хотя в летописце находим сокращенную редакцию Сказания о царстве царя Феодора Иоанновича, порой текст Л. М. совпадает с этим Сказанием «почти буквально» (см.: Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербург 23 февраля—3 марта 1913 года. Киев, 1913. С. 26). Лишь изредка компилятор распространяет свидетельства используемых произведений (к примеру, известие палицынской «книги» о том, что Марфа Нагая была «прельщена» Самозванцем), делает отдельные пояснения (например, о том, что из сосланных царем *Борисом Годуновым* Романовых уцелел один Иван Никитич) или добавления (о времени взятия Смоленска польско-литовскими войсками); оригинально его замечание о десяти церквах в Москве на Красной площади, называемых Пятницами (оно сопровождается ссылкой на рассказы «старых людей»). По-видимому, создатель Л. М. располагал не вполне исправными списками компилируемых произведений либо подчас не разбирал их текст. В частности, в летописце читаем «Щенкова» вместо «Щелкалова», «Туреневу» вместо «Туренину», «двоенадесятному» вместо «двоелетнему».

По утверждению Д. Н. Альшица, протографом Л. М. послужила рукопись ГПБ, собр. Погодина, № 1408 (последняя четверть XVII в.), заключительная часть которой представляет собой компиляцию из «Истории» Авраамия Палицина и пространной редакции Сказания о Гришке Отрепьеве. Но читающийся в этой рукописи текст, по определению С. Н. Азбелева, «в значительной своей части содержащий выборки из Никоновской летописи», охватывает период с древнейших времен до убийства Лжедмитрия I в 1606 г. В отличие от Л. М., Погодинский летописец включает легендарное сказание об основании Киева и походе княгини Ольги на Царьград, особые редакции *Повести о житии Александра Невского*, Повести о разорении Рязани Батыем, *Повести о двух посольствах* (Азбелев С. Н. Светская обработка Жития Александра Невского // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 147—153), в нем отсутствуют подробные рассказы о Куликовской битве, нашествиях на Русь Тохтамыша и Тимура, предисловие к описанию правления Грозного, менее обстоятельно говорится о событиях этого и последующего времени, зато имеются известия за первую треть XVI в. В Погодинском летописце нет (как в Л. М.) и разделения повествования по царствованиям и на отдельные главы. Если в Л. М. правильно сказано о двух сыновьях Ивана IV к моменту его смерти, то, согласно Погодинскому летописцу, Федору Ивановичу ко времени вступления на престол было менее полутора лет (т. е. как царевичу Димитрию). Следовательно, Л. М. нельзя возводить к Погодинскому летописцу, допустимо лишь полагать, что его составитель располагал

той же компиляцией, которая в части с середины XVI в. представлена в рукописи ГПБ, собр. Погодина, № 1408.

Л. М. в первоначальном виде сложился не ранее конца XVII в., а затем был дополнен (на полях рукописи) сообщениями источников, использованных в основном тексте памятника. Скорее всего, обширные глоссы появились вскоре после создания этого текста и принадлежат составителю летописца. Текст памятника не издан.

Лит.: Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1892. Т. 8. Примеч. 288; Т. 9. Примеч. 3, 95, 104, 137, 328, 610, 617; Т. 10. Примеч. 4, 9, 13, 60, 148, 195, 221, 232, 233, 235, 244, 366, 376, 385; Т. 11. Примеч. 305, 351, 362, 403, 410, 411, 438, 565; Иконников. Опыт по историографии. Т. 2, кн. 2. С. 1253; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 422—423; Кушева Е. Н. Из истории публицистики Смутного времени XVII века // Учен. зап. Саратовского ун-та. 1926. Т. 5, вып. 2. С. 67, 70, 71, 73, 74, 89; Альшиц Д. Н. Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 258; Зиборов В. К. 1) Летописная часть хронографа Кубасова // Древнерусская книжность: Резюме докладов на конф. молодых специалистов. Июнь 1975. Л., 1975. С. 19—20; 2) Летописная часть хронографа С. Кубасова // Проблемы истории СССР. М., 1979. Вып. 8. С. 60, 61, 67—69, 71.

Я. Г. Солодкин

Летописец Московский — летописец, охватывающий время с княжения *Ивана III* до 1599 г. Сохранился в единственном списке конца XVII в. ГБЛ, Муз. собр., № 6033. Л. М. появился между 1635 и 1645 гг., скорее всего во второй половине 30-х годов XVII в. Вопреки мнению В. И. Буганова и В. И. Корецкого, Л. М. нельзя причислять к кратким, ибо в нем отсутствуют лаконичные погодные записи, деловито-сухие свидетельства «разрядов» перемежаются с пространными рассказами: значительная часть текста (за 15[illegible]2—1572 и, возможно, 1599—1613 гг.) утрачена.

Составитель памятника принадлежал к церковным кругам, возможно к кремлевскому соборному духовенству. Его произведение носит компилятивный характер. Собственное творчество составителя Л. М. ограничилось написанием вступления, где, вкратце пересказывая свои источники, он дает перечень погибших великих держав и обзор русской истории, доведенный до начала царствования *Михаила Феодоровича*. При этом составитель летописца заостряет выпады одного из компилируемых сочинений против *Бориса Годунова*. Вступление свидетельствует о его начитанности в библейской истории, о знании им хронографов и содержит почти дословное заимствование из Первого послания *Ивана Грозного А. М. Курбскому* (по-видимому, начальной редакции). Словами Ивана IV составитель Л. М. резюмировал историю русского самодержавия, значение которого хотел показать на примере событий Смутного времени. Во введении же, как указал А. А. Зимин,

составитель Л. М. использовал Второе послание Курбского Вассиану Муромцеву и, возможно, его Первое послание Грозному, где идет речь о гибели прежних великих царств, введении на Руси христианства, процветании здесь православия и подчинении «прегордых» стран.

Сообщения Л. М. о княжениях Ивана III и *Василия III*, начале царствования Грозного носят характер справок, события же второй половины XVI в. (с «казанского взятия» 1552 г.) изложены достаточно полно. В этом сказалась зависимость составителя летописца от своих источников. В Л. М. механически соединены два основных источника — разрядная книга частной редакции (дворян Яновых) и летописец, сложившийся среди кремлевского соборного причта, близкого к митрополичьему окружению. К разрядным записям Яновых составитель Л. М. обращался уже в рассказе о правлении Ивана III; к этому источнику восходит и свидетельство об основании Царева-Борисова, на котором обрывается летописец. По сравнению с официальными «разрядами» здесь находим много оригинальных известий, главным образом касающихся Яновых. Не исключено, что составитель Л. М. был связан с Яновыми. Его летописный источник едва ли вслед за В. И. Бугановым и В. И. Корецким можно приурочивать ко времени предвыборной агитации в пользу Михаила Федоровича (конец 1612—нач. 1613 г.), поскольку данный летописец не получил распространения, несмотря на симпатии автора к Романовым. Тем более нельзя предполагать (как делают В. И. Буганов с В. И. Корецким), что летописец вышел из окружения *Гермогена*, которого в то время вообще не было в живых. Возможно, летописный источник Л. М. возник в начале царствования Михаила. Создатель этого летописца сдержанно относился к первому русскому патриарху, тогда как митрополитов Антония и Дионисия превозносил, осуждал Бориса Годунова — и правителя, и царя; проромановская тенденция в летописце проводится даже в ущерб *Иову*. Поэтому вряд ли, подобно В. И. Буганову и В. И. Корецкому, можно считать, что Л. М. сохранил фрагменты патриаршего летописания рубежа XVI—XVII вв. Есть основания думать, что в Л. М. отразилось митрополичье летописание второй половины XVI в. Предполагаемый летописец принадлежал перу духовного лица, бывшего современником и очевидцем многих из описанных событий. Последние оцениваются с точки зрения священника, близкого к высшим церковным иерархам. Автор этого летописца нарочито подчеркивает роль митрополитов в политической жизни страны, порой умаляя значение царской власти. Он прекрасно знает церковную обрядность. Возможно, летописный источник Л. М. появился в среде священников Благовещенского собора, тесно связанных с митрополичьим (позже патриаршим) клиром.

В основу предполагаемого летописца легли собственные впечатления его автора, рассказы очевидцев, официальные документы (в текст произведения включены грамоты литовского магната Н. Ю. Радзивилла новгородскому воеводе И. Ю. Булгакову-Голицыну

и ответное послание воеводы); создатель летописца порой передает и слухи (например, об обстоятельствах смерти Грозного).

В летописном источнике Л. М. широко применяется прямая речь (так, приведены речи и отдельные высказывания Грозного, Федора Ивановича, Владимира Старицкого, Бориса Годунова, Иова и др.). Примечательно стремление его автора вникнуть в мотивы людских поступков, а также чередование в летописце коротких записей информационного характера с подробными рассказами, напоминающими повести (например, о взятии Казани, битве при Молодях, коронации Федора Ивановича, его смерти и воцарении Бориса Годунова). Соединение в Л. М. частных «разрядов» и летописца, возникшего в близких к правительству кругах, породило внутренние противоречия произведения. Они сказались, в частности, в различном освещении одних и тех же фактов. Л. М. свойственны многочисленные анахронизмы, хронологическая путаница, имеются в нем и пробелы за ряд лет. Во многом это объясняется неумением составителя совместить компилируемые источники.

Изд.: Буганов В. И., Корецкий В. И. Неизвестный Московский летописец XVII века из Музейного собрания ГБЛ // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1971. Вып. 32. С. 127—167; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 221—237.

Лит.: Зимин А. А. Первое послание Курбского к Ивану Грозному: (Текстологические проблемы) // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 31. С. 176—201; Keenan E. L. [Рец. на кн.: Skrynnikov R. G. Perepiska Grosnogo i Kurbskogo. Paradoxy Edvarda Kinana. L., 1973] // Kritika. Cambridge, Mass., 1973. Vol. 10, N 1. P. 14; Корецкий В. И. 1) Смерть Грозного царя // ВИ. 1979. № 9. С. 93—103; 2) История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 13, 17, 34—39, 43—45, 47, 51—53, 70—72, 267.

Я. Г. Солодкин

Летописец Московский краткий — летописный памятник конца XVII в., представитель жанровой группы кратких летописцев общерусского характера, пользовавшихся немалой популярностью в XV, XVI, XVII вв. и продолжавших свое развитие в XVIII в. (перейдя из посадской и дворянской в крестьянскую среду). Памятник отразил новое направление в кратком общерусском летописании, по сравнению с *«Летописцем выбором»*, который в 1670—1680-х гг., с одной стороны, пополнялся сведениями по всемирной истории, с другой — записями о событиях в столице. Эти изменения, проявившиеся в ряде редакций «Летописца выбором», в целом отражали потребности любителей исторического чтения и привели к созданию нового произведения. В одном из двух имеющих заглавие списков оно названо «Летописцем Московским, написанным от Сотворения мира, что учинилось в Московском государстве в прошлыя времена, и в нынешныя учинилось что» (отличия от «Летописца выбором» подчеркнуты и в заглавии другого списка).

Л. М. включает исчисление лет от Адама до Успения Богородицы и сведения по русской истории от Рюрика до последней четверти XVII в., восходящие к «Летописцу выбором» в редакции 1678 г., дополненной записями о событиях в столице. В русской части сочинения большое внимание уделяется церковной истории, в частности, сведениям о чудесах русских святых (Михаила и Федора Черниговских, митрополитов *Петра, Алексея, Ионы* и *Филиппа*, Сергия Радонежского, Василия Блаженного и др.). Другой объект пристального интереса авторов — московский великокняжеский, затем царствующий дом, роль представителей которого постоянно подчеркивается (даже в событиях, к которым они не имели отношения, например в битве на Калке и т. п.), а деяния их — прославляются. В Л. М. декларируется преемственность между членами дома от Рюрика до последних царей, причем линия родства проведена лишь через наиболее видных князей. Подробность записей увеличивается с начала XVII в., и в тексте за это столетие проявились наибольшие разночтения между редакциями сочинения.

Л. М. известен в пяти списках, относящихся к трем редакциям и отразивших еще три протографичные редакции (X, Y^I и Y^{II}). Редакция X, реконструируемая по сохранившимся редакциям, была создана в начале 1680-х гг. На ее основе в 1680-х гг. церковнослужителем, возможно, монахом Высокопетровского монастыря, была создана 1-я редакция, представленная списком Ивановского областного краеведческого музея (Отдел фондов, № 323, столбец, скл. 1—11). По политическим взглядам составитель 1-й редакции был близок к Нарышкиным и патриарху *Иоакиму*. По определению В. И. Буганова, его сочинение представляет собой «своеобразный памфлет, остро и злободневно откликающийся на события внутренней и международной жизни». 1-я редакция передает сведения X по политической истории второй половины XVII в. в сокращении, а в древней части содержит большее количество церковно-исторических записей.

Список нач. XVIII в. БАН, 16.14.24, л. 518—530 (далее — Академический) представляет собой 2-ю редакцию, в которой изложение ведется от Рождества Христова до солнечного затмения 30 сентября 1699 г. В древней части она имеет гораздо больше точек соприкосновения с 1-й редакцией, а в разделе конца XVII в. — большее число московских городских записей, нежели списки 3-й редакции (ГБЛ, ф. 29, собр. Беляева, № 8 (1514), л. 57—60; ф. 178, Муз. собр., № 5710, л. 460—461; ф. 218, собр. Отдела рукописей, пост. 1954 г., № 469, л. 1—1 об.). Однако между 2-й и 3-й редакциями прослеживается и общий корпус сведений о событиях конца XVII в. до статьи о затмении 1699 г. Поскольку между списками этих редакций отсутствует генетическая связь, можно утверждать существование не обнаруженной в оригинале редакции, доведенной до 1699 г. и написанной, судя по датировке Академического списка, не позднее этого времени

(Y^I). Наиболее близка к ней 2-я редакция, содержащая комплекс московских известий, записанных жителем столицы, согласующихся с записками другого москвича в *Летописце 1696 г.* Однако статьи о большом пожаре 1689 г., отраженной в последнем, в Академическом списке уже нет, что заставляет разделить возникновение редакции Y на два этапа: до пожара 16 июня 1689 г. (пожар 2 октября 1688 г. еще отмечен), когда в записках подробно отражались московские события за 1687—1688 гг. (Y^I), и около 1699 г., когда сочинение было дополнено менее подробными ретроспективными записями за 1694—1699 гг. (Y^{II}).

В Y^I уже отсутствовала та пронарышкинская направленность, которая заставила автора 1-й редакции окончить записи 1676 г. Здесь гораздо полнее, чем в Ивановском списке, переданы статьи «Летописца выбором» по военной истории, о Крестьянской войне и народных восстаниях (восходящие к X) и сделаны новые записи на эти темы. Очевидно, что автором дополнительных статей Y, особенно за 1680-е гг., был не безвестный монах, создатель 1-й редакции, а другое лицо или лица (если Y^I и Y^{II} дополнялись разными людьми). После 1699 г. новый редактор внес свои изменения в текст, отраженный Академическим списком (вычеркнув, в частности, статью о Крестьянской войне). Независимо от него рукопись с редакцией Y^{II} была переработана другим лицом, результатом деятельности которого стала 3-я редакция. В ней текст подвергся некоторому сокращению, затронувшему и уникальные записи за конец XVII в. Позже Беляевский или сходный с ним список 3-й редакции были дополнены статьями о шведском походе Петра I и Полтавской баталии; эти дополнения отразились в Музейном списке.

Л. М. представляет собой, таким образом, многократно переписывавшийся и дополнявшийся памятник. Он был, если учитывать несохранившиеся списки, не менее, а в столице даже более популярен, чем «Летописец выбором». Однако его влияние на последующую летописную традицию ощущается гораздо слабее, поскольку это сочинение начинает развиваться уже в канун упадка летописной традиции в Москве, в то время как в северных и сибирских городах эта традиция продолжалась на протяжении всего XVIII в.

Изд.: Буганов В. И. Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // Летописи и хроники. 1976 г. М., 1976. С. 283—293

Лит.: Богданов А. П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 198—199.

А. П. Богданов

Летописец Нижегородский («Выписано из летописца... о Нижнем Новеграде») — летописный памятник середины—второй пол. XVII в., составленный в Нижнем Новгороде и повествующий преимущественно

о событиях, происходивших в городе и крае в XIII—XVII вв. Л. Н. дошел в большом количестве списков конца XVII—XIX вв. (в диссертации М. Я. Шайдаковой учтено 29). Текст Л. Н. по 8 спискам опубликован А. С. Гациским (современные цифры рукописей, использованных в издании, указаны в статье М. Я. Шайдаковой). Исследовавшая Л. Н. в последнее время М. Я. Шайдакова выделяет 7 редакций памятника, причем 3 из них—XVII в. (Строгановская, Титовская и Полная), 4 — XVIII—нач. XIX вв. (две сокращенные и две компилятивные). Л. Н. начинается известием об основании Нижнего Новгорода великим князем Юрием Всеволодовичем, которое датируется здесь 1212 (6720) вместо 1221 (6729) г. Для известий XIII—XIV вв. в Л. Н. характерны ошибки в хронологии событий (при этом отличные от ошибок в *Летописце о Нижнем Новгороде*), с отклонением от истинных дат (в сторону удревнения) в пределах от нескольких лет до столетия. Строгановская и Титовская редакции Л. Н. заканчиваются известиями середины XVII в., Полная и восходящие к ней редакции XVIII в. доводят текст, общий для всех списков, до 1687 (7195) г.

Л. Н. отчетливо делится на две части: известия «шестыя тысящи» (до 1422 г. — эту часть исследователи привлекали для реконструкции нижегородско-суздальского летописания XIV в.) и «седьмыя тысящи» (с 1509 г. до конца). Источником первой части А. Н. Насонов считал летопись, близкую к *Летописи Никоновской*, М. Я. Шайдакова — переработанный в ряде случаев текст Летописца о Нижнем Новгороде, возводя известия последнего, в свою очередь, к *Летописи Типографской* особой редакции. Использование этого же источника исследовательница усматривает также во второй части Л. Н. — в известиях 7021, 7028, 7031 и 7039 гг. Другими источниками известий XIV—XVI вв., по ее мнению, послужили *Хронограф Русский* редакции 1617 г., *Летопись Воскресенская*, Степенная книга (для повести о княгине Вассе) и одна из редакций родословных книг (для «перечня князей»). Привлечение последних двух источников сомнений не вызывает, однако в целом, использование столь значительного круга памятников для создания текста небольшого объема, каким является древнейшая часть Л. Н., представляется маловероятным. Сомнения вызывает и отождествление основного источника Л. Н. с Летописцем о Нижнем Новгороде. Оба памятника дошли в почти современных друг другу списках, протографы которых недалеко отстоят друг от друга по времени создания, между тем сама М. Я. Шайдакова отмечает значительные редакционные отличия в тексте одних и тех же известий обоих летописцев, различаются они и набором ошибок в хронологии событий. Вызывает возражение и мнение, что заголовок Л. Н. («Выписано из летописца... о Нижнем Новеграде») отражает самоназвание Летописца о Нижнем Новгороде («Летописец о Нижнем Новеграде, в коих годех заложен, и при коем великом князе»). Л. Н.

превосходит последний по объему известий (в Летописце о Нижнем Новгороде не отразились события XV в.) и не может быть «выписан» из него. Совпадение самоназваний памятников носит, вероятно, случайный характер, заглавие Л. Н. свидетельствует не о том, что его текст извлечен из Летописца о Нижнем Новгороде, а о том, что это выборка нижегородских известий из общерусской летописи. Оба памятника, возможно, являются независимыми извлечениями нижегородского материала из близких, но не идентичных летописных сводов, и их сходство носит не генетический, а тематический характер.

Известия Л. Н. за XVII в. (и, до некоторой степени, за XVI в.) представляют местную летопись, где сообщается о строительстве (преимущественно церковном), межевании земель, стихийных бедствиях (пожары, оползни, эпидемии), назначениях и перемещениях местной светской и духовной администрации.

Первоначальная редакция Л. Н., реконструируемая на основании восходящих к ней Строгановской, Титовской и Полной, по наблюдениям М. Я. Шайдаковой, возникла около середины XVII в. в кругах, близких к причту Михайло-Архангельского собора в нижегородском кремле. Около 1687 г. была создана Полная редакция Л. Н., получившая наиболее широкое распространение в рукописной традиции (известна не менее чем в 11 списках). То обстоятельство, что общие для всех списков Полной редакции известия ограничиваются 1687 г., позволяет связывать ее создание с учреждением нижегородской митрополичьей кафедры и деятельностью первых митрополитов Филиппа (с 1672 г.) и Павла (с 1687 г.). Один из видов Полной редакции не позднее середины 1720-х гг. был включен в родословно-летописный сборник, в составе которого получил распространение во второй четверти XVIII в. К Полной редакции восходят сокращенные и компилятивные редакции Л. Н. XVIII—первой четверти XIX вв. Дополнительные известия за 1697—1764 гг., сопровождающие текст компилятивной редакции в списке 1800-х гг. (Государственный архив Нижегородской области, ф. 2013, оп. 602а, ед. хр. 101) и изданные А. С. Гациским под заглавием «Новый Нижегородский летописец», следует, вероятно, рассматривать как самостоятельный памятник позднего местного летописания.

Появление Л. Н., как и более раннего Летописца о Нижнем Новгороде, свидетельствует о возрастании интереса к местной истории и возникновении провинциальной историографии (получившей широкое распространение в XVIII в.), первоначально в традиционной летописной форме. Эта историография связана с местной летописной традицией предшествующих столетий лишь опосредованно, через общерусские своды XV—XVI вв. В научной литературе с XVIII в. под названием «Нижегородский летописец» был известен Алатырский список Воскресенской Летописи, который не следует смешивать с Л. Н.

Изд.: ДРВ. 2-е изд. М., 1791. Ч. 18. С. 72—94; Выписка из летописца о Нижнем Новеграде // Учен. зап., издаваемые имп. Казанским ун-том. 1836. Кн. 2. Отд. «Материалы для истории». С. 126—150; Нижегородский летописец // Нижегородские губернские ведомости. Часть неофиц. 1884. № 31. С. 227—228; № 32. С. 237—239; № 33. С. 249—250; № 36. С. 291—293; № 37. С. 299—301; № 42. С. 349—351; № 43. С. 359—361; № 51. С. 457—459; 1885. № 2. С. 2—5; № 4. С. 2—8; № 9. С. 2—9; № 29. С. 2—8; № 30. С. 2—6; № 31. С. 2—5; № 38. С. 2—9; № 44. С. 2—7; № 46. С. 2—7; № 48. С. 2—9; № 50. С. 2—5; № 52. С. 2—7; Нижегородский летописец / Работа А. С. Гацискного. Нижний Новгород, 1886.

Лит.: Иконников. Опыт по историографии. Т. 2, кн. 1. С. 978; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1964. С. 188—191; Муравьева Л. Л. Летописание северо-восточной Руси XIII—XIV вв. М., 1983. С. 164—167; Шайдакова М. Я. 1) А. С. Гациский и его принципы издания документов // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37. С. 326—333; 2) Рукописный сборник XVIII в. из собрания Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника // Верхнее и Среднее Поволжье в период феодализма: Межвуз. сб. Горький, 1985. С. 55—61; 3) Летописец о Нижнем Новгороде // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVII вв. М., 1986. С. 155—176; 4) Нижегородские летописные памятники XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987.

В. К. Зиборов, А. А. Турилов

Летописец Новый («Книга глаголемая Новый летописец») — летописец, охватывающий время с конца царствования *Ивана IV* до 1630 г. Название памятника объясняется по-разному. Его считают новым произведением по сравнению с «Историей» *Авраамия Палицына* (Л. В. Черепнин), «Степенной книгой» (И. А. Жарков), *«Повестью книги сея от прежних лет»*, приписываемой И. М. Катыреву-Ростовскому *или С. И. Шаховскому* (см.: Солодкин Я. Г. По поводу неизвестной «Истории Иова-Иосифа о разорении Русском»: (Заметки о летописании) // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 439), либо сочинением, целью которого являлось изложение современной истории, продолжение, а не повторение старых летописей (см.: Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 78).

Л. Н. относится к крупнейшим памятникам позднего русского летописания. Он является популярнейшим летописным произведением XVII в., сохранившимся во множестве списков. Вопрос о ранних редакциях Л. Н. не решен. Новейшие исследователи, однако, сходятся в том, что в изданиях памятника не представлена его первоначальная редакция. Согласно И. А. Жаркову, к протографу Л. Н. восходит список ЦГАОР, ф. 728, оп. 1, ч. 1, № 21. Есть мнение, что ранняя редакция произведения содержится в рукописях БАН, Арх. собр., Д. 410 и Д. 421 (см.: Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера: Очерки по истории книжной культуры XVI—XVII веков. Л., 1977. С. 139). Л. Н. вскоре после своего возникновения был соединен с Повестью патриарха *Иова* о Федоре Ивановиче и *Летописью Никоновской*. Возможно, это произошло около 1637 г. в «книгописной палате» Троице-Сергиева монастыря. Поздние редакции

памятника — «Летопись о многих мятежах» (около 1658 г.) и Л. Н. по списку М. А. Оболенского (не ранее 1682 г.) — независимо друг от друга восходят к авторскому тексту.

Л. Н. был завершен после рождения царевны Анны Михайловны 14 июля 1630 г. (об этом сообщается в его заключительной главе), но до 1 сентября этого же года, так как в произведении указано, что войны в Германии продолжаются «по 138 год, а впредь об них Богу сведущу». Работа же по созданию Л. Н. началась в 20-е гг. XVII в. (С. Ф. Платонов), возможно, вскоре после описи архива Посольского приказа в 1626 г. (Л. В. Черепнин). И. А. Жарков высказал догадку, что некоторые главы Л. Н. появились еще до 1613 и 1616 гг., однако это вызывает серьезные сомнения. По словам С. Ф. Платонова, Л. Н. «был обработан с начала до конца в патриаршество *Филарета*, около 1630 г., и притом одним лицом». Большинство исследователей разделяет предположение С. Ф. Платонова о том, что Л. Н. составлялся в окружении Филарета близким к нему священником или монахом. По заключению Л. В. Черепнина, источники Л. Н. подбирались служащими Посольского приказа, а литературная обработка этих материалов (в частности, выписок из архивного делопроизводства) была поручена кому-нибудь из близких к патриарху лиц, причем текст памятника получил санкцию самого Филарета, по инициативе и под наблюдением которого он составлялся. Согласно И. И. Смирнову, Л. Н. писался московскими дьяками. Л. Е. Морозова считает автором Л. Н. первого сибирского архиепископа Корнилия. И. А. Жарков предполагал участие в создании летописца патриаршего стольника С. Н. Болховского. Не исключена причастность к составлению Л. Н. известного троицкого «списателя» *Симона Азарьина*, бывшего с августа 1630 г. казначеем Филарета. Возможно, оригинальные известия летописца, относящиеся к Троице-Сергиеву монастырю, получены его автором от Азарьина. Ссылаясь на неблагоприятные отзывы летописца о зяте Филарета И. М. Катыреве-Ростовском и патриаршем боярине А. В. Хилкове и на отсутствие упоминаний о Л. Н. в описях книг Филарета и *Михаила Феодоровича*, И. А. Жарков оспаривает тезис о составлении памятника на патриаршем дворе. Поскольку в описях патриаршей и царской библиотек имеются указания на летописцы, хотя порой без пояснений, один из аргументов И. А. Жаркова представляется сомнительным. Обнаруживающиеся в Л. Н. антипатии к И. М. Катыреву-Ростовскому и А. В. Хилкову, думается, свидетельствуют скорее не о возникновении памятника вне патриаршего двора, а о том, что он не получил санкции Филарета. В этой связи отметим, что, согласно Л. Н., обороной Троице-Сергиева монастыря в 1618 г. руководили архимандрит *Дионисий* и келарь Палицын. Это сообщение неточно: Дионисия тогда не было в «Троице», по обвинению в еретичестве он томился в Новоспасском монастыре. Дело Дионисия решилось в его пользу сразу после поставления Филарета на патриаршество,

и, разумеется, Филарет едва ли бы оставил без внимания эту ошибку, если бы редактировал Л. Н. К тому же дьяк С. Васильев, к которому особо благоволил Филарет, осуждается летописцем за поведение в «смоленском» посольстве 1610 г. Возможно, автор Л. Н. был близок к царскому двору (см.: Любомиров П. Г. Очерк истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 230) и вращался в патриаршей среде. Несомненно, что Л. Н. возник по официальному поручению, но от кого оно исходило, пока решить нельзя.

Источники Л. Н. многочисленны и разнообразны. Его сходство с *Грамотой Утвержденной* 1613 г. простирается до текстуальных совпадений. В Л. Н. использованы грамота боярского правительства польскому королю Сигизмунду III от 10 марта 1613 г., посланная с гонцом Д. Оладьиным, и наказ послу И. М. Воротынскому, отправленному в 1615 г. на переговоры под Смоленск. Эти документы помогли летописцу нарисовать впечатляющую картину польско-литовской интервенции начала XVII в. По Л. В. Черепнину, автор Л. Н. знал материалы политического сыска кануна Смуты, а также дипломатические документы этого времени (вряд ли, однако, эти дела прошли через руки летописца; скорее, он пользовался справками приказных, тем более что в описи посольского архива материалы сыскного делопроизводства названы ветхими, погнившими, «разбитыми» и «распавшимися»). Л. Н. свидетельствует о знакомстве его автора с документами времени *Григория Отрепьева* (Лжедмитрия I) и Василия Шуйского, в частности с окружными грамотами царя Василия и его крестоцеловальной записью. По мнению М. Н. Покровского, летописец пользовался патриаршими грамотами 1606 г., посвященными восстанию на южных «украйнах». По мысли Л. В. Черепнина, впрочем недостаточно обоснованной, автор Л. Н. имел доступ к архивам «Семибоярщины» и обоих ополчений. Безусловно, летописцу были хорошо известны фонды приказных архивов, в частности Посольского и Разрядного приказов (автор Л. Н. часто обращается к «разрядам»). Сопоставление Л. Н. с Повестью о Федоре Ивановиче обнаруживает ряд параллелей, что позволяет Л. В. Черепнину считать произведение Иова источником летописца 1630 г. (отметим, однако, что в Л. Н. говорится о явлении Федору Ивановичу перед смертью двух ангелов, а первый русский патриарх сообщал об одном). Летописец знал и Повесть о нижегородском видении 1611 г. (см. *Григорий*). Л. В. Черепнин показал также, что в Л. Н. использована и «История» Авраамия Палицына (правда, его аргументация далеко не полна). По В. Д. Назарову, составителю Л. Н. было знакомо *«Сказание и повесть, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о разстриге Гришке Отрепьеве, и о похождении его»*. Он использовал также *«Краткое описание о Сибирстей земли...»*, подвергнув его переделке (Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 13—14). Созданию Л. Н. предшествовало появление «летописной книги» («Повести») 1626 г. и, видимо, *«Ру-*

кописи Филарета», которые, наверное, учитывались его автором. Согласно В. Д. Назарову и И. А. Жаркову, в описании событий конца XVI в. он использовал и какое-то летописное произведение (по И. А. Жаркову, оно возникло в кругу Мстиславских в первые годы XVII в.). В. И. Корецкий стремится доказать, что основным летописным источником Л. Н. в части до 1613 г. являлась известная В. Н. Татищеву, но позже утраченная *История о разорении русском*. Доводы В. И. Корецкого вызвали справедливые возражения со стороны В. Д. Назарова, которому представляется, что относительно времени Лжедмитрия I никаких летописных произведений автор Л. Н. не имел. Однако трудно согласиться с выводом В. Д. Назарова о том, что в распоряжении летописца было *«Иное сказание»*, и с его предположением о знакомстве автора Л. Н. с «Временником» *Ивана Тимофеева* (не исключено, однако, что Тимофеев привлекался к работе по созданию летописца — например, использовались его воспоминания о бегстве М. В. Скопина-Шуйского из Новгорода в 1608 г.). Автор Л. Н. знал старые летописи. В его произведении прослеживается влияние *Хронографа Русского* первой редакции и «Степенной книги», продолжением которой, судя по названию, являлся Никоновский извод Л. Н. Летописец воспользовался и собственными воспоминаниями, например об освобождении Москвы в 1612 г., а также рассказами очевидцев, в частности чудовских старцев, о первом Самозванце.

Л. Н. состоит из оглавления («Сказания главам Нового Летописца») и 422 глав. Автор начинает свое повествование с описания присоединения Сибири и «Казанской войны» в последние годы царствования Грозного. До февраля 1599 г. встречаем трафаретную погодную форму изложения, а последующая часть Л. Н. характеризуется почти полным отсутствием точных дат и соответствующего членения текста. Возможно, это связано с характером источников Л. Н. Той же причиной можно объяснить нередкие фактографические противоречия памятника и двойственность его литературной манеры, замеченные уже С. Ф. Платоновым. Так, лаконичные, деловито-сухие статьи справочного характера, касающиеся приемов послов, строительства, царских походов по монастырям и т. п., соседствуют в Л. Н. с целыми литературными очерками, сближающимися с самостоятельными произведениями (например, о гибели царевича Димитрия в Угличе, посылке под Брянск воеводы *И. С. Куракина*, «принесении срачицы Господни»; последняя глава явно основана на сказании о «ризе Христовой»). Едва ли при этом вслед за М. Н. Покровским следует рассматривать Л. Н. как компилятивное сочинение. Л. Н. свойственна сюжетная повествовательность, его автор зачастую группирует факты, исходя не из хронологической последовательности, а из внутренней связи, тематического единства. Вместе с тем нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей, будто Л. Н. по жанру является исторической повестью (см.: Рубинштейн Н. Л. Русская историография. М., 1941. С. 36—

37; Шерман И. Л. Русские исторические источники X—XVIII вв. Харьков, 1959. С. 146). Традиционную для летописцев погодную сетку изложения находим не только в начале Л. Н., но и в его последней части, рассказывающей о царствовании Михаила Федоровича. Автор повествует о событиях в нарочито спокойном тоне, что не скрывает, однако, его политических симпатий (см.: Пичета В. И. Смута и ее отражение в трудах историков // Голос минувшего. 1913. № 2. С. 10). Обоснование прав Романовых на престол было одной из главных задач Л. Н. Исходя из своей теории самодержавия, летописец вслед за публицистами Смутного времени развивает тезис об ответственности общества, прежде всего «начальных людей», за преступления незаконных государей. Так, он обличает знать в потворстве Самозванцу. Автор Л. Н. подходит к оценке событий с позиций провиденциализма, но подчас пытается рассмотреть их и прагматически. По наблюдению В. Д. Назарова, безыскусность стиля — элемент его концепции. Но порой он пишет не без эмоционального подъема и поэтому применяет рифмованную прозу, в том числе корневые рифмы и рифмоиды.

Л. Н. оказал громадное влияние на позднейшую историографию. Ряд его статей был перенесен в летописную часть «Иного сказания». Л. Н. лег в основу *Летописного свода патриаршего 1652 г.*, Мазуринского летописца и *Летописи Новгородской Забелинской* конца XVII в. Он использован в «*Повести о разорении Московского государства...*», официальной «Книге об избрании на царство» Михаила Федоровича, патриаршем своде 1670-х гг. Заимствования из Л. Н. встречаются в бесчисленных летописных, хронографических и повествовательных компиляциях XVII—XVIII вв. Сомнительно, однако, что Л. Н. был известен Тимофееву (И. И. Полосин) и составителю *Летописца Пискаревского* (И. И. Смирнов). Существуют многочисленные продолжения Л. Н., его поздние переработки, подчас интересные дополнительными сведениями (см., например: Малышев В. И. Новые поступления в собрание древнерусских рукописей Пушкинского Дома // РЛ. 1973. № 2. С. 200).

Изд.: Русская летопись по Никонову списку. СПб., 1792. Ч. 8; [Тромонин К. Я.]. Достопамятности Москвы. [Б. м.], 1843. С. 100—125; Новый летописец, составленный в царствование Михаила Федоровича / Изд. по списку князя Оболенского // ВОИДР. 1853. Кн. 17: Материалы; ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 23—154 (фототипическое воспроизведение: М., 1965. С. 23—154).

Лит.: Иконников. Опыт по историографии. Т. 2, кн. 2. С. 1244—1248; Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913; Замятин Г. А. Новый летописец о сношениях между Ярославлем и Новгородом в 1612 г. // ЖМНП. 1914. № 3. Отд. 2. С. 63—87; Рудаков А. А. Развитие легенды о смерти царевича Димитрия в Угличе // ИЗ. 1941. Кн. 12. С. 264—274; Черепнин Л. В. 1) «Смута» и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания) // Там же. 1945. Кн. 14. С. 81—128; 2) Русская историография до XIX века: Курс лекций. М., 1957. С. 120, 123—128, 131—132; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607. М., 1951; Державина О. А. Рукописи, содержащие рассказ о смерти царевича Димитрия Угличского // Записки Отдела

рукописей ГБЛ. М., 1953. Вып. 15. С. 85—89; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 21—22, 50—51; Восстание И. Болотникова: Док. и мат. М., 1959; Наврот М. И. Окладная книга Сибири 1697 г. // ПИ. 1959. Вып. 5. С. 188—190, 206; Жарков И. А. 1) Продолжения Нового летописца // Тезисы докладов на совещании молодых специалистов «Вопросы изучения средневекового славянского и греческого рукописного наследия в советских собраниях (текстология, палеография, кодикология, источниковедение и др.)». Л., 1967. С. 19; 2) «Новый летописец» // Тезисы докладов науч. конф. молодых ученых МГУ. М., 1968. С. 269—270; 3) «Новый летописец» по списку М. А. Оболенского // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 293—298; 4) «Новый летописец» как памятник литературы // Древнерусская книжность: Резюме докладов на конф. молодых специалистов. Июнь 1975 г. Л., 1975. С. 18—19; Корецкий В. И. 1) «История Иосифа о разорении русском» — летописный источник В. Н. Татищева // ВИД. Л., 1973. Т. 5. С. 251—285; 2) Об основном летописном источнике Временника Ивана Тимофеева // Летописи и хроники. 1976 г. М., 1976. С. 113—141; 3) «Ермаковы казаки» в Москве и Новый летописец // Сибирь в прошлом, настоящем и будущем. Тезисы докладов на Всесоюз. науч. конф. Новосибирск, 1981. Вып. 1. С. 11—14; 4) История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 57, 80, 135—141, 150—175, 209—230; Назаров В. Д. «Новый летописец» как источник по истории царствования Лжедмитрия I // Летописи и хроники. 1973 г. М., 1974. С. 299—311; Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980; Скрынников Р. Г. 1) Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 12—14, 198; 2) Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 22, 30, 75, 83, 107, 113, 292; Зимин А. А. В канун грозных потрясений. Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986. С. 105, 111, 114—115, 168, 273, примеч. 92; Лаврентьев А. В. Известия о Сибири в русских исторических сочинениях XVII века и их источники: (Новый летописец, Свод 1652 года, Латухинская Степенная книга) // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв. М., 1986. С. 118—141; Фоменко А. Т., Морозова Л. Е. 1) Некоторые вопросы методики статистической обработки источников с погодным изложением // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М., 1986. С. 121—122, 125—126, 128, 129; 2) Количественные методы в «макротекстологии» (на примере памятников «смуты» конца XVI—начала XVII в.) // Комплексные методы в изучении исторических процессов. М., 1987. С. 166—167, 176—178; Морозова Л. Е. Количественные приемы в изучении Нового летописца // Тезисы докладов и сообщений науч. совещания «Комплексные методы в исторических исследованиях». Москва, 3—5 февраля 1988 г. М., 1987. С. 184—186; Вовина В. Г. 1) К вопросу о сибирских статьях Нового летописца // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987. С. 58—69; 2) Новый летописец: Итоги и проблемы изучения // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1987. С. 61—88; 3) Новый летописец: Источниковедческое исследование. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1988; 4) Археографический обзор списков Нового летописца // ВИД. Л., 1989. Т. 20. С. 197—216; 5) Особенности позднего русского летописания // Спорные вопросы отечественной истории XI—XVIII веков: Тезисы докладов и сообщений Первых чтений, посвященных памяти А. А. Зимина. М., 1990. Вып. 1. С. 35—38; 6) Новый летописец и спорные вопросы изучения позднего русского летописания // Отечественная история. 1992. № 5. С. 117—130; Ломоновский И. С. 1) Из истории позднего русского летописания: (О повествовательных источниках «Нового летописца») // Всесоюзная студенческая науч. конф. по гуманитарным наукам. Актуальные проблемы исторических наук. 20—21 апреля 1988 г. Тезисы докладов. М., 1988. С. 103—104; 2) Новый летописец о причинах и хронологии «Смутного времени» // Чтения памяти В. Б. Кобрина «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма»: Тезисы докладов и сообщений. М., 1992. С. 110—112; Ключевский В. О. Соч.: В 9 т. М., 1989. Т. 7. С. 130—133.

Я. Г. Солодкин

«Летописец о зачатии Бежицкаго верху Николаевского Антониева монастыря и о строении церквей Божиих и о дании вотчин в обитель сию великих князей и боляр и прочих благодетелей» — рассказ о создании и полуторастолетнем периоде существования Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря, расположенного в 150 верстах от Твери, в 30 верстах от Бежецка и в 3,5 верстах от Красного Холма на левом берегу р.Мологи (Могочи, Мелечи) при впадении в нее р. Неледины. Первая дата Л. — 1461 г. — время основания монастыря; последняя — 1593 г. — дата вклада в монастырь деревень и пустоши Алексеем Ивановичем Масловым при игумене Константине (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 460).

Несмотря на то что памятник, по-видимому, изначально назван Л., жанр его трудно определить летописным в его каноническом понимании. Л. открывается молитвой «Бог великий и неизреченный в Троице славимый...» Далее повествуется, что при великом князе *Василии Васильевиче Темном* (1425—1462 гг.) выехал на Русь из польского города Кролевска вельможа Станислав Мелецкий и с ним 200 человек. Он крестился под именем Михаила, получил сан боярина, вотчины и уделы в Вологде и Городецком уезде. Эти земли перешли по наследству к его сыну Василию и внукам — Иоанну и Афанасию Нелединским, как стали их называть. В 1461 г. на Городец из вологодских земель пришел к Афанасию пустынножитель старец Антоний, но заболел — «учинился прискорбен», а выздоровев, упросил Афанасия разрешить ему построить здесь часовню «для пропитания» и поставить келью. Стали приходить миряне с приношениями. Антоний поставил деревянную церковь во имя святого Николая Мирликийского, украсил ее иконами и книгами, оградил «забралом» и стал собирать братию. Так основался монастырь. В 1481 г. в монастыре стали строить каменную церковь св. Николая и храм Благовещения. Но в этом же году Антоний умер и постройки были закончены при его преемнике Германе. Далее в Л. идет подробное описание каменного строительства в обители и перечисление наиболее значительных вкладов — в 1494 г. князя Андрея Углицкого, в 1500 г. — Василия Андреевича Нелединского, в 1518 г. князя Симеона Ивановича Калужского, в 1521 г. Ивана Васильевича Шереметева и др. — с подробным указанием сел, деревень, денег, книг, одежды, утвари. Постоянно оказывали покровительство монастырю Нелединские, один из них — Богдан Быков сын Нелединский упомянут в Л. под 1564 г. как инок Дометиан. В Л. имеется и перечень его игуменов, однако не полный, видимо, из-за отсутствия источников информации.

Жанровые рамки Л. значительно шире, чем у монастырских летописцев, которые как литературное явление возникают не ранее конца XVII—нач. XVIII в. При составлении Л. были использованы различные по характеру источники, о происхождении которых можно

догадываться, но которые не удается точно установить. Богатый фактический материал содержит сохранившийся большой комплекс описей монастырского имущества, начиная с 1564 г., и приходо-расходных книг. В них отражены и те вклады в монастырь, которые перечисляет Л., однако текстуальных совпадений между ними нет, а иногда встречаются и фактические расхождения.

Сама история основания монастыря напоминает аналогичные рассказы житий. В целом рассказ об Антонии типологически близок к биографическим повествованиям об основателях монастырей, авторы которых не располагали сведениями о жизни конкретных церковных деятелей и восполняли недостающее трафаретными рассуждениями и характеристиками. Автор Л. почти ничего не знал об основателе монастыря преподобном Антонии. В Л. не приводятся ни прижизненные, ни посмертные чудеса и подвиги, а о его «богоугодности» говорится в самых общих выражениях. Антонию, названному в ряде исследований XIX в. местночтимым святым, память которого отмечается 17 января, не была, по-видимому, составлена служба. Служба Антонию Краснохолмскому отмечена в описании рукописи второй половины XVI в. ГБЛ, ф. 138, Костромское собр., № 43, л. 116 об.—123 (Службы праздникам и отдельным святым за январь—апрель месяцы) ошибочно, т. к. на указанных листах помещается служба Антонию Великому (память 17 января) (см.: Кудрявцев И. М., Голубцова Е. И., Житомирская С. В., Федорова В. М., Шаркова М. Б., Швабе Н. К. Рукописи, поступившие в 1951 году // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1952. Вып. 14. С. 87. № 16). В Л. не отразилось никаких следов местного почитания Антония. Изучавший и публиковавший текст Л. А. К. Жизневский высказал предположение, что Антоний был специально призван кем-то из Нелединских для основания монастыря, тем более что в Городецком крае в сер. XV в. Краснохолмский монастырь был единственным. Это, как и последующая связь рода Нелединских с монастырем, дает основание рассматривать Краснохолмский монастырь как ктиторский.

Наиболее любопытна начальная часть Л., излагающая генеалогическую легенду Нелединских-Мелецких, служилый род которых существовал в России до 1871 г. (см.: Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 20а. Наказной атаман — Неясыти. С. 865—866 — статья В. Р[уммеля]). Родословная легенда, включенная в Л., вряд ли могла быть составлена позже сер. XVII в., т. к. упоминающийся в ней г. Кролевск (современное польское Królewec — Кенигсберг) вышел потом из состава (точнее — вассальной зависимости) Польши вместе с герцогством Прусским, а подобного рода легенды обычно отражали современное им административное деление. Та же версия происхождения рода, что и в Л., но без текстуальных с ним совпадений и без указания на город, фигурировала в грамотах, поданных Нелединскими в Палату родословных дел Раз-

рядного приказа в 1689 г. Но Палата Родословных дел, наведя справки о польских выходцах в Посольском приказе, признала родословную Нелединских-Мелецких фальшивой, т. к. по польским документам их легендарный «предок» Станислав Мелецкий жил и умер в Польше (см.: Бычкова М. Е. Польские традиции в русской генеалогии XVII века // Советское славяноведение. 1981. № 5. С. 39—50). А. К. Жизневский задавался вопросом, не происходит ли фамилия Мелецких от названия р. Мелечи.

Не совсем ясен вопрос о времени создания Л. Игумен Анатолий и А. К. Жизневский датировали его концом XVI в. на том основании, что в Л. нет никаких сведений о событиях XVII в. Однако нет препятствий датировать памятник более поздним временем. Начало XVII в. было бедственным для обители: 14 июля 1607 г. монастырь был разграблен и сожжен поляками и восставшим народом, монахи погибли, летописные записи могли прекратиться. Монастырь начал восстанавливаться при царе *Михаиле Феодоровиче*, закрепившем грамотой от 15 июля 1616 г. за монастырем его прежние владения. Нельзя исключить возможность того, что Л. мог появиться и гораздо позже. Косвенными аргументами в пользу более поздней датировки могут служить следующие наблюдения: целью создания Л. послужило не только стремление прославить Краснохолмский монастырь, но и подчеркнуть роль и значение рода Нелединских в его судьбе — эта мысль красной нитью проходит через все произведение. М. Е. Бычкова пришла к выводу, что Нелединские развили «активную генеалогическую деятельность» в последней четверти XVII в. В эти годы для них был составлен разрядно-родословный сборник, известный в научной литературе как «Список Нелединского» (ГПБ, Q.XVII.30) (см.: Буганов В. И. Разрядные книги последней четверти XV—начала XVII в. М., 1962. С. 66; Бычкова М. Е. Родословные книги XVI—XVII вв. как исторический источник. М., 1975. С. 90); они подают документы в Разрядный приказ, пытаясь с помощью фальсифицированных грамот доказать древность и знатное происхождение своего рода. В сохранившемся черновике ответа Посольского приказа по делу Нелединских-Мелецких, пересказывающем их челобитную, есть ссылка на «старую вкладную книгу» Николаевского Антониева монастыря (ЦГАДА, ф. 210, оп. 18, ед. хр. 156, л. 33 об.). Если бы к этому времени существовал Л., Нелединские не преминули бы привлечь и его в качестве доказательства своих прав.

В это же время, в 1688 г., самостоятельности монастыря угрожала серьезная опасность — церковные власти пытались приписать его к Воскресенскому (Новоиерусалимскому?) монастырю. Однако игумену Харлампию удалось отстоять свою обитель, более того — следующий игумен получил уже сан архимандрита. Эта победа далась путем больших материальных затрат, была одержана благодаря поддержке знатных покровителей (Анатолий, игумен. Историческое

описание... С. 46). Угроза приписки монастыря также могла послужить причиной появления произведения, прославляющего обитель, свидетельствующего о ее древности и заслугах.

Еще одна деталь дает право усомниться в ранней датировке Л. В нем говорится о строительстве в 1494 г. трапезной церкви в честь Покрова Богородицы. Между тем церковь сначала была посвящена Димитрию Солунскому, а Покровской стала называться только в 90-е гг. XVI в. Маловероятно, чтобы такую ошибку составитель Л. мог допустить на рубеже XVI—XVII в. Таким образом, вопрос о времени составления Л. нельзя считать решенным.

Автором произведения был, скорее всего, кто-то из монахов Краснохолмского монастыря, пользовавшийся материалами монастырского архива и рода Нелединских. Еще в XVIII в. Краснохолмский монастырь был богатой обителью: по ревизии 1744 г. за ним числилось 4620 крестьян, а в 1764 г. — 4131 десятина земли. Но в XIX в. монастырь пришел в упадок, особенно после пожара 1850 г. Однако в нем оставался богатый архив монастырских документов — жалованных грамот, описей, приходо-расходных книг. Часть архива в 1878 г. была передана в Тверской музей при губернском статистическом комитете. В архиве монастыря находился и оригинал Л., вероятно, в единственном списке («полууставом на 9 листах»). В 1778 г. рукопись была отослана в Тверскую духовную консисторию и там затерялась — уже во второй половине XIX в. ее в архиве консистории обнаружить не могли. С Л. в XVIII в. было сделано две копии: одна хранилась в монастыре, другая — в консистории. Современное нахождение копий неизвестно. По этим копиям текст опубликован дважды в 1880 г. Между публикациями имеются несущественные разночтения. Оба издателя, по их признанию, «исправляли» трудные для чтения места.

Изд.: «Летописец о зачатии Бежицкаго верху Николаевского Антониева монастыря и о строении церквей Божиих и о дании вотчин в обитель сию великих князей, бояр и прочих благодетелей» // Историческая библиотека Тверской епархии: Приложение к Тверским епархиальным ведомостям. 1880. С. 329—345; Жизневский А. К. Древний архив Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря // Древности. М., 1880. Т. 8. С. 66—73.

Лит.: Амвросий (Орнатский). История Российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 807—815; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех бывших в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах в России. М., 1852. С. 511; Антониев Краснохолмский монастырь: (Из записок пешехода) // [Оттиск из Московских ведомостей 1852 г.]. М., 1852. С. 1—15; О недвижимых имуществах духовенства в России // ЧОИДР. 1860. Кн. 3. Отд. 1. С. 141; Словарь исторический о святых, прославленных в Российской церкви, и о некоторых подвижниках благочестия, местно чтимых. СПб., 1862. С. 30; Жизневский А. К. Путевая записка о Краснохолмском монастыре // Древности. М., 1874. Т. 4. Известия. С. 84—86; Сергий, архимандрит. Полный месяцеслов Востока. М., 1876. Т. 2. С. 17; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 45; Филарет (Гумилевский). Русские святые, чтимые всею церковью или местно. СПб., 1882. 3-е изд. Январь, февраль, март, апрель. С. 76—77; Анатолий, игумен. Историческое описание Краснохолмского Николаевского Антониева монастыря Весьегонского уезда Тверской губернии. Тверь.

1883; Зверинский В. В. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи. СПб., 1890. Т. 1. С. 76. № 16; Леонид, архимандрит. Святая Русь. СПб., 1891. С. 120—121; Справочная книга по Тверской епархии на 1915 год. Тверь, 1917. С. 458.

М. Д. Каган, Н. А. Охотина

Летописец о Нижнем Новгороде («Летописец о Нижнем Новеграде, в коих годех заложен, и при коем великом князе») — подборка известий из общерусского летописания за XIII, XIV и XVI вв., относящихся к истории Нижнего Новгорода и его земли, составленная в середине XVII в. лицом, близким, по мнению М. Я. Шайдаковой, к причту Михайло-Архангельского собора в нижегородском кремле. Л. известен в двух списках XVII в. (БАН, 4.7.27 и 16.17.23), третий (ИРЛИ, колл. В. Н. Перетца, № 160), рубежа XVII—XVIII вв., представляет собой сокращение более пространного текста. В научной литературе Л. до последнего времени рассматривался не как самостоятельный памятник, а как разновидность *Летописца Нижегородского.* Как отдельный памятник Л. выделен, исследован и опубликован М. Я. Шайдаковой.

Общерусским летописным источником Л. для известий XIII—XIV вв. (от основания Нижнего Новгорода в 1221 г. до смерти князя Димитрия Константиновича в 1383 г.) послужила, вероятно, летопись типа *Летописи Типографской* особой редакции (1-я пол. XVI в.), где состав нижегородских известий за этот отрезок времени целиком совпадает с Л. Ошибки в датировке событий XIII—XIV вв., общие для всех списков (6883 вместо 6873 г.; 6825 вместо 6885 г., 6091 вместо 6891 г.) свидетельствуют о дефектности протографа Л. Известия XVI в. совпадают в основном с *Хронографом Русским* редакции 1617 г., отличаясь от последнего в ряде случаев большей подробностью, вероятно, за счет привлечения местных источников. Известия XVII в. в списках БАН единичны (в списке ИРЛИ отсутствуют) и носят индивидуальный характер. Последнее общее известие — о моровой язве 1654 г. — датировано в списках по-разному (7162 г. — в БАН, 4.7.27, 7153 г. — в БАН, 16.17.23) и читается в разных редакциях. В списке БАН, 16.17.23 текст Л. продолжен выписками из общерусской летописи за 1430—1555 гг., не относящимися к Нижнему Новгороду.

Л. — довольно ранний пример литературы истории отдельных городов и областей Российского государства, получившей широкое распространение в основном со 2-й пол. XVII в. и, в особенности, в следующем столетии. Хотя и облеченный в традиционную летописную форму и ограничивающийся отбором местного материала из общерусских сводов, Л. является предшественником провинциальной историографии XVIII в. По мнению М. Я. Шайдаковой, уже вскоре после составления Л. он послужил одним из источников более обширно-

го летописного сочинения по истории Нижнего Новгорода — Летописца Нижегородского.

Изд.: Шилов А. А. Описание рукописей, содержащих летописные тексты. СПб., 1910. С. 40—47; Шайдакова М. Я. «Летописец о Нижнем Новгороде» // Исследования по источниковедению истории СССР XIII—XVIII вв.: Сб. ст. М., 1986. С. 155—176.

Лит.: Насонов А. Н. История русского летописания (XI—начало XVIII в.). М., 1969. С. 188—189; Шайдакова М. Я. Нижегородские летописные памятники XVII в: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1987. С. 3—5.

А. А. Турилов

Летописец Пинежский — летописный свод, охватывающий события российской истории от времени «начальных князей» по 1613 г. и включающий некоторые известия, касающиеся Двинского края. Единственный список Л. П., обнаруженный на Пинеге в 1969 г., находится в сборнике Древлехранилища ИРЛИ, Пинежское собр., № 440. Предполагают, что это оригинал памятника, который был составлен в семье пинежан Поповых между 1661 и 1667 гг. Еще один летописец близкого состава, связанный с той же семьей, хранится в ГИМ, Муз. собр., № 3996.

Источниками общерусских известий Л. П. послужили как другие летописые памятники XVI—XVII вв., так и произведения древнерусской литературы (*Патерик Киево-Печерский*, повести о начале Москвы, «Сказание» *Авраамия Палицына* и др.). Полного исследования источников не существует. Двинские известия представлены как памятниками местной литературной традиции (*Житие Артемия Веркольского*), так и оригинальными заметками современников. Среди последних особый интерес представляют сведения, относящиеся к правлению *Ивана IV Грозного* (например, под 7085 г. о штурме Колывани, под 7087 г. о погроме Грозным Вологды), Федора Иоанновича (например, под 7105 г. о первом «проведывании» Мангазеи усть-цылемцем Ю. Долгушиным и пинежанином Смирным), периоду «Смуты» (например, о разгроме в Москве дворов сторонников Годуновых, об «отложении» Сиверы от России при Василии Шуйском и др.).

Принадлежа к числу неофициальных провинциальных летописцев, хорошо известных в русской книжности конца XVI—нач. XVIII в., Л. П. показывает вместе с тем, как хорошо ориентировались в российской истории севернорусские книжники.

Изд.: Копанев А. И. Пинежский летописец XVII в. // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. Л., 1972. С. 57—91.

Лит.: Белов М. И. Пинежский летописец о разведочном походе поморов в Мангазею // Рукописное наследие Древней Руси. С. 279—284; Савельева Н. В. 1) Сказание о чудесах иконы Спаса Нерукотворного в Кузнецовской слободе // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 262, 265—266; 2) Пинежская книжно-рукописная традиция

XVI—1-й четв. XVIII веков и памятники местной литературы. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 24—26.

А. В. Лаврентьев

Летописец Пискаревский — компилятивный летописец середины XVII в., возможно составленный лицом, близким к князьям Голицыным. Сохранился в единственном списке ГБЛ, собр. Пискарева, № 176 (1640-е гг.), который является, видимо, оригиналом памятника; этим списком открывается рукописный сборник, созданный составителем Л. П. Первая часть произведения, охватывающая время от разделения земли «по потопе» до середины XVI в., близка к *Летописи Воскресенской* или сходной с ней. Это общерусский свод, содержащий, по определению А. Н. Насонова, нить «новгородских известий» (Насонов А. Н. Материалы и исследования по истории русского летописания // ПИ. М., 1958. Вып. 6. С. 258, примеч. 64) и обнаруживающий (в статьях за 6871 и 6913 гг.) интерес к Симонову монастырю. В списке данного свода, которым располагал составитель Л. П., оказались утраченными тетради «о Мамаеве побоище» и событиях, свершившихся между 6939 и 7042 гг.; компилятор оставил в рукописи чистые листы, для того чтобы восполнить пропуски, но не сумел этого сделать. Вторая часть памятника, отражающая события сер. XVI—1-й половины XVII в., сложилась из ряда источников. Как установил С. А. Морозов, в ней «использован список летописца 1554 г., в основе которого лежал текст, редакционно близкий летописцу 1553 г.». К другому источнику относятся оригинальные сообщения о событиях 7042—7047, 7054, 7093 и 7094 гг., предваряемые пометой «Прописано в сем летописце» («В сем летописце прописано»). Статья «О чюдесех великого князя Данила Александровича Московского», разделяющая известия о смерти вдовы царя Федора Ивановича Ирины (иноки Александры) и *Бориса Годунова*, попала в Л. П. из «Степенной книги». Одним из источников компиляции послужил краткий летописец за 1533—1574 гг. севернорусского происхождения (см.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 227—229), возможно дополненный сведениями о событиях 1612 г. «на Белоозере», в Вологде и у Кириллова монастыря. В основу же оригинальной части компиляции лег летописец, завершенный осенью 1612—в самом начале 1613 г. и затем (не ранее 1614 г. и, очевидно, до 1617—1618 гг.) продолженный статьями о Заруцком и воцарении *Михаила Феодоровича*. Этот летописец, начинавшийся изложением событий середины XVI в., был отредактирован одним лицом, которому можно приписать сообщения за 7125—7135 гг. (от «обретения» казаками «земли» сибирского «Алтына царя» до «знамения» «у пречистыя Гребневския на Москве»), обычно считающиеся добавлениями к основному тексту памятника. Летописец, ставший основным источником второй части

компиляции, был использован в *Временнике сокращенном* и сборнике ГПБ, собр. Погодина, № 1952 (л. 131—132), причем по другим спискам. По-видимому, в составе этого летописца компилятору сделались известными документы, разоблачающие *Григория Отрепьева* (Лжедмитрия I) (большинство из них помещено в приложениях ко второй «окружной» грамоте Шуйского), и «крестоцеловальная» запись царя Василия, ибо эти документы (они в основном пересказываются, а не воспроизводятся целиком) сопровождаются отдельными сообщениями и комментариями, по стилю и идейной направленности не отличающимися от предшествующего им текста. В данный летописец были внесены рассказы о «видениях» (Елене Глинской, удельному князю Юрию Васильевичу, митрополиту *Макарию*, нижегородцу *Григорию*) и текст «*Иного видения*»; последнее едва ли следует атрибутировать составителю Л. П., как думает О. А. Яковлева, оно известно в отдельном списке начала XVII в. Еще одним источником компиляции явилась хроника строительных работ за 7092—7113 гг. Возможно, из нее создатель Л. П. почерпнул сведения о книгопечатании при Федоре Ивановиче и царе Борисе. В состав Л. П. включен и краткий родословец («Подлинник о Рюрике»).

По мнению И. И. Смирнова, читающийся в компиляции рассказ о восстании *И. И. Болотникова* в основном повторяет текст *Летописца Нового* (Смирнов И. Обзор источников о восстании Болотникова // Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 24). Но оба произведения зачастую расходятся в изображении событий 1606—1607 гг. Например, в них по-разному говорится о самозванстве Илейки Муромца, происхождении И. Пашкова, битве на Восме. С точки зрения С. П. Мордовиной, Л. П. испытал влияние «*Грамоты Утвержденной*» 1598 г. о воцарении Бориса Годунова (Мордовина С. П. Земский собор 1598 года: Источники. Характер представительства. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1971. С. 9). Однако в освещении перипетий избирательной борьбы 1598 г. в обоих памятниках налицо существенные различия, что заставляет с сомнением отнестись к утверждению исследовательницы.

Составитель компиляции подчас обращался к имевшимся в его распоряжении произведениям, в частности основному летописному источнику второй ее части, по нескольку раз — вот почему многие свидетельства летописца дублируют друг друга. Например, о победе М. В. Скопина над тушинцами и клушинском разгроме Д. И. Шуйского сказано дважды, о восстании И. И. Болотникова — трижды, причем в сходных выражениях. По-видимому, посвященный Смуте летописный текст компилятор передал неполно. Так, в описании царствования Шуйского говорится, что с Мнишками на родину отпущены все паны, «кои взяты на Москве», но ранее об их аресте умалчивается.

Заключительная статья Л. П., в которой сообщается о смерти Михаила Романова и воцарении *Алексея Михайловича*, очевидно,

принадлежит компилятору. Перед ней, а также после рассказов о царствованиях *Ивана IV*, Федора Ивановича, Бориса Годунова, Лжедмитрия I, последующих событиях Смуты, заканчивая движением Заруцкого, описанием избрания на трон Михаила Федоровича, в летописце находим пропуски в 1—2,5 листа. Подобные лакуны имеются в первой части памятника. Очевидно, его составитель намеревался дополнить соответствующие разделы произведения, причем прежде всего за счет источников, которые использовал ранее. Недаром после известия о смерти Грозного в Л. П. рассказывается о «видении» Елене Глинской, предвещавшем рождение Ивана IV, и отправке гонца в Казань с вестью о появлении наследника у московского великого князя. Согласно Л. П., казанская ханша заявила гонцу: «...родился де у вас царь, а у него де двои зубы: одними де ему съести нас, а другими вас». Это явный намек на казанское «взятие» и опричнину, о которых говорится в предыдущих статьях.

Думается, редактор не внес значительных изменений в текст летописца. Вряд ли подобно М. Н. Тихомирову стоит рассматривать неблагоприятные суждения о Годунове как интерполяции, ибо присущее Л. П. двойственное отношение к этому «рабоцарю» свойственно многим публицистическим сочинениям Смутного времени. С определенностью можно указать лишь на одну вставку в тексте памятника — известие о спасении будущего царя Михаила в период гонений Бориса Годунова на Романовых. Это обстоятельство наряду с благоговейным отношением к Михаилу Федоровичу в статье о его избрании на престол не позволяет заключать, будто Л. П. сложился во враждебной Романовым среде (мнение М. Н. Тихомирова). Нет оснований и говорить вслед за М. Н. Тихомировым об осуждении в летописце Нагих, Симеона Бекбулатовича, «ливонской королевны» Марии Владимировны. Вывод ряда исследователей о возникновении памятника в кругах, близких к Шуйским, надо признать неубедительным. Как заметил И. Б. Греков, царь Василий оценивается в летописце двойственно; немало здесь отрицательных отзывов о Шуйских, причем в разных пластах компиляции. Зато в Л. П. ощутим интерес к судьбе Голицыных (в статье «О духовных великих князей», сообщениях о московском пожаре 1571 г., пострижении в монахи А. И. Голицына, восстании И. И. Болотникова). Под 6841 г. читаем о прибытии в Новгород литовского великого князя Наримонта, который «Голицыных корень». В летописях, к которым восходит начальная часть памятника, последнего сообщения нет. Примечательно, что в сборнике, содержащем Л. П., есть рассказ о происхождении и возвышении Гедимина — брата Наримонта. Не исключено, что компилятор был связан с Голицыными и получил от них некоторые материалы, использованные в летописце.

М. Н. Тихомиров предположительно указывал на близость автора Л. П. к Печатному двору, «с большим вероятием» допускал, что

значительная часть произведения «написана московскими печатниками» (Тихомиров М. Н. Русская культура X—XVIII веков. М., 1968. С. 331), в частности *Никитой Фофановым*, бежавшим из оккупированной польско-литовскими войсками Москвы в Нижний Новгород (летописные записи за 1612—1615 гг., по мысли ученого, сделаны лицом, жившим вне «царствующего града»). Но в Л. П. находим всего два лаконичных известия о книгопечатании, к тому же они не относятся к основному источнику компиляции в части за вторую половину XVI—начало XVII вв. Небесспорно и мнение Т. В. Диановой и С. А. Морозова о том, что рукопись, включающая Л. П., вышла из кругов Печатного двора. Ведь, по признанию ее составителя, он «по великой нуже» не имел сведений по русской истории более чем за столетие; быть может, создатель рукописи испытывал нехватку бумаги. И. Б. Греков полагает, что Л. П. сложился среди сторонников проконстантинопольской церковно-политической ориентации, а его наиболее вероятный создатель (или редактор, заказчик) — архиепископ *Арсений Елассонский*. Однако «Царьград» лишь два раза упоминается в заключительной части произведения, причем в Л. П. ошибочно сообщается об убийстве константинопольского патриарха Иеремии за поставление «на Москве патриарха». Вопреки указаниям И. Б. Грекова, в Л. П. не чувствуется «повышенного интереса» к Архангельскому собору и нет многочисленных «эллинских» вкраплений, к примеру частого употребления перед именем иерарха слова «кир» (оно встречается в компиляции всего четырежды и, судя по формулярникам, было обычным обращением к патриарху). Между Л. П. и сочинениями Арсения, в первую очередь его мемуарами, налицо существенные расхождения в освещении событий и оценке исторических деятелей (самозванцев, патриарха Игнатия), не говоря уже о языке (так, выражение «кир» у Арсения находим очень часто). Судя по кругу интересов создателя Л. П., он был светским лицом.

Автором основного летописного источника компиляции во второй ее части вслед за О. А. Яковлевой можно считать московского приказного человека. Но мысль исследовательницы о его причастности к строительному делу и металлургии представляется сомнительной, ибо соответствующие известия, вероятно, попали в Л. П. из другого источника. Возможно, публицист участвовал в отражении крымского нашествия 1591 г., походе к Выборгу, встрече в Москве датского королевича, о которых живо рассказал в своем произведении. Скорее всего, он служил в Разрядном приказе. Недаром в Л. П. весьма подробно сообщается о военных действиях, основании Царева-Борисова, пожаловании М. Г. Салтыкову боярского сана «для... посольства» в Речь Посполитую, «изведении» при царе Борисе трех княжеских родов (очевидно, на основании разрядных записей). По-видимому, автор данного летописца был связан с посадским людом столицы. Он

проявляет интерес к «речам мирским», о многих событиях пишет по слухам. Устная традиция запечатлелась, к примеру, в свидетельствах летописца об опричнине. Надо думать, она сложилась в земщине (однако утверждение В. И. Корецкого, будто опричные порядки оцениваются в летописце с точки зрения земских феодалов, следует считать произвольным, см.: Кобрин В. Б. Власть и собственность в средневековой России (XV—XVI вв.). М., 1985. С. 147—148).

Составитель Л. П. старается соблюдать хронологическую последовательность. Ее нарушения объясняются недостаточной осведомленностью компилятора в излагаемых событиях, а также тем, что в текст памятника были внесены известия, вероятно помещенные на полях рукописи его летописного источника (записи о великокняжеских духовных, взятии Ругодива и Юрьева, низложении Лжедмитрием I ростовского митрополита Кирилла и поставлении на его место *Филарета*). Порой в Л. П. расширяются намеченные хронологические рамки повествования при сохранении тематического единства. Так, в статьях о присоединении Сибири и уступке Карелы сообщается об их последующей судьбе.

Компилятивный летописец частного происхождения, содержащий ценные, нередко уникальные сведения о прошлом России, остался неизвестным создателям исторических трудов второй половины XVII—XVIII вв.

По словам М. Н. Тихомирова, в Л. П. (точнее, его второй части) ясно слышен московский говор XVII в., «живая, почти простонародная речь». Имеющиеся здесь оценки отличаются лаконичностью и емкостью. Например, по определению Л. П., опричнина — «разделение земли и градом», Астрахань — «город безчисленно хорош», про Козму Минина сказано, что он «смышлен и язы́чен».

Изд.: Пискаревский летописец // Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2. С. 5—144, 156—210; ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 31—220.

Лит.: Каталог славяно-русских рукописей, приобретенных Московским Публичным и Румянцевским музеями в 1868 г. после Д. В. Пискарева. Сост. А. Е. Викторовым. М., 1871. С. 46; Кузнецов И. [И.] 1) О построении Московского Покровского (Василия Блаженного) собора: (Новые летописные данные) // ЧОИДР. 1896. Кн. 1. Смесь. С. 19—24; 2) Еще новые летописные данные о построении Московского (Василия Блаженного) собора // Там же. Кн. 2. С. 36; 3) Святые блаженные Василий и Иоанн, Христа ради Московские чудотворцы // Записки Московского Археологического ин-та. М., 1910. Т. 8. С. 276, 328, 371—373; Яковлев А. И., Яковлева О. А. Новая летопись // Огонек. 1950. № 42. С. 21—22; Яковлева О. А. 1) Материалы по истории русской техники в неопубликованной летописи первой четверти XVII в. // Изв. АН СССР. Отд. технических наук. 1951. № 4. С. 618—626; 2) Два летописных известия о русском книгопечатании в XVI—XVII вв. // Полиграфическое производство. 1951. № 10. С. 25; 3) Любопытное известие о московском рудознатце конца XVI века // Труды Института истории естествознания. М., 1952. Т. 4. С. 443—444; 4) Материалы по истории русской техники в неопубликованной летописи первой четверти XVII века // Труды по истории техники. М., 1953. Вып. 3. С. 115—128; Теплов Л. П. К сообщению Пискаревской летописи о русском книгопечатании XVI—XVII вв. // Полиграфическое производство. 1951. № 10. С. 26—28; Фигуровский Н. А. По

поводу летописного известия о русском алхимике XVI века // Труды Института истории естествознания. Т. 4. С. 447—448; Лурье Я. С. [Рец. на кн.: Материалы по истории СССР. М., 1955. Вып. 2] // ИА. 1956. № 4. С. 277—278; Тихомиров М. Н. Пискаревский летописец как исторический источник о событиях XVI—начала XVII в. // История СССР. 1957. № 3. С. 112—122 (переиздание: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 232—247); Восстание И. Болотникова: Документы и материалы. М., 1959. С. 366—368; Скрынников Р. Г. Начало опричнины. [Л.], 1966. С. 61—64, 191, 302, 343, 377; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века: Очерки и исследования. М., 1969. С. 360—361. Примеч. 67; Греков И. Б. Об идейно-политических тенденциях некоторых литературных памятников начала XVII в.: (Об авторе Пискаревского летописца) // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в. М., 1976. С. 329—358; Дианова Т. В. К вопросу о времени создания рукописи Пискаревского летописца // Летописи и хроники. 1976 г. М., 1976. С. 142—147; Морозов С. А. К изучению источников Постниковского и Пискаревского летописцев // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 69—74; Корецкий В. И. 1) К вопросу о неофициальном летописании времени опричнины // Там же. С. 88—89, 101—103; 2) История русского летописания второй половины XVI—начала XVII в. М., 1986. С. 5—6, 11—12, 24—26; Солодкин Я. Г. 1) Некоторые спорные вопросы истории позднего русского летописания // Актуальные проблемы общественных наук: Материалы республ. конф. молодых ученых-обществоведов. Алма-Ата, 1986. Ч. 2. С. 60—62; 2) Пискаревский летописец как источник по истории градостроительства Москвы // Научные чтения к 170-летию И. Е. Забелина. М., 1990. С. 27—29; 3) Русская публицистика начала XVII века. Проблемы происхождения крупнейших летописных памятников и «Временника» Ивана Тимофеева. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1991. С. 7—10, 24—35.

Я. Г. Солодкин

Летописец Ростовский — краткий летописец конца XVII в., составленный, по-видимому, дьячком одной из ростовских церквей или монахом в середине 1670—1680-х гг. Первоначальные записи, сделанные до 1676 г., дополнялись около 1676 г. и после 1683 г. Как большинство подобного рода произведений конца XVII в., Л. Р. в своей древней части написан «выбором» из других сочинений. Отдельные его статьи находят наиболее близкие аналогии в *Летописях Софийских I* и *II*; группа статей о ростовских владыках и чудотворцах X—XV вв. имеет общий источник с Мазуринским летописцем, отразившийся отчасти и в Летописи ростовских архиереев, приписываемой *Димитрию Ростовскому* — не исключено, что этот источник восходит к ростовскому летописанию XII—XV вв. Среди более поздних известий заслуживают внимания оригинальные статьи о приезде митрополита *Филарета* в Ростов, взятии его в плен 14 октября 1608 г. и разграблении города «литовскими людьми», строительстве городских укреплений в 1632—1635 гг. и др. Интересны и общерусские статьи Л. Р., среди которых следует выделить известие о хлебном недороде и море в 1562 г., накануне опричнины, и оригинальное описание эпидемии 1652—1653 гг., составленное, по-видимому, уже на основании собственных впечатлений автора. Внимание автора было привлечено событиями Московского восстания 1682 г., описанными им не только на основании объявительной грамоты правительства *Софии*

Алексеевны—В. В. Голицына, но и на основании разнообразных слухов. В Л. Р., продолженном уже после окончания восстания, когда 6 ноября 1682 г. цари «здорбво» вернулись в столицу, отразились основные этапы московских событий: смерть *Феодора Алексеевича* и воцарение Петра Алексеевича, вооруженное выступление восставших в мае, воцарение Ивана, движение старообрядцев, поход царей в Троицу и сбор карательной армии, казнь Хованских, новая вспышка возмущения москвичей в сентябре, принесение восставшими «повинной» и возвращение правительства в Москву. Автором отмечена даже такая деталь, как казнь полковника С. Янова, самозванного «царевича» и двух посадских людей 14 июня, отраженная лишь в важнейших современных русских летописных памятниках: Мазуринском летописце, *Летописце 1619—1691 гг.* и «Созерцании кратком». Автограф Л. Р. находится в конволюте ГПБ, собр. Погодина, № 1564, собранном П. М. Строевым в 1837 г., на л. 114—121 об.

Изд.: Богданов А. П. Краткий Ростовский летописец конца XVII века // Советские архивы. 1981. № 6. С. 33—37.

А. П. Богданов

Летописец Тобольский о Сибирской стране — памятник сибирского летописания XVII—XVIII вв. Л. Т. начинает свое изложение со времени колонизации русскими Сибири и доводит рассказ до 1708 г. Известен один список Л. Т. (Ученый архив географического общества СССР, разр. 114, оп. 1, № 167). Текст Л. Т., по мнению А. И. Андреева, можно разделить на две части: в первой сообщаются известия в основном о г. Тобольске, во второй части (со 2-й пол. XVII в.) содержится немало общесибирских известий — например, под 1707 г. сообщается про «огонь, что за Камчаткою рекою горит из земли, и о теплых водах на Камчатке реке». А. И. Андреев считает, что Л. Т. был составлен в 1709—1710 гг. в г. Якутске, но существуют и другие точки зрения о времени и месте написания памятника. Л. Т., имея свои оригинальные чтения, близок ко многим произведениям сибирской литературы XVII в. Следует отметить, что первоначально Л. Т. воспринимался исследователями как один из списков Есиповской летописи сокращенной редакции; Н. А. Дворецкая определила Л. Т. как позднейшую переработку сочинения *Саввы Есипова*, отметив близость некоторых чтений с Повестью Строганова (см. *Летопись Строгановская*). А. И. Андреев обосновал самостоятельность Л. Т. Д. Я. Резун относит Л. Т. к произведениям городового летописания.

Изд.: Сибирские летописи / Изд. Археографической комиссии. СПб, 1907. С. XXVII—XXVIII, 241—260 (часть текста).

Лит.: Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 482; Андреев А. И. Очерки по источнико-

ведению Сибири. 2-е изд. М.; Л., 1960. Вып. 1. С. 248; Резун Д. Я. Очерки истории изучения Сибирского города конца XVI—первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982. С. 100—105.

В. К. Зиборов

Летописец Тотемский см. *Летописец Вологодский.*

Летописец 1619—1691 гг. — летописный памятник, созданный в патриаршем летописном скриптории. Сохранился в пространной и краткой редакциях. Первая из них возникла в конце 1690—начале 1691 г. и кончалась статьей о возведении на патриархию *Адриана.* Она служила продолжением составленного ранее *Летописного свода патриаршего 1680-х гг.* и известна в беловом списке ГПБ, Солов. собр., № 878/988, л. 692—736 об., сделанном в скриптории в конце 1691—начале 1692 г. и дополненном краткими заметками до 3 октября 1691 г. Список был написан на остатках бумаги, большие партии которой использовались примерно в то же время в других рукописях скриптория; тетрадь такой бумаги имеется в авторском сборнике *Боголепа Адамова,* в статье, написанной около 1692 г. Краткая редакция Свода 1680-х гг. и Л. 1619—1691 гг., созданная на основе протографа Соловецкого списка между 1696 и 1700 гг., дошла в беловом списке первой четверти XVIII в. (ГБЛ, ф. 199, собр. Никифорова, № 69, л. 96 об. — 106). Она представляет собой тщательно произведенную обработку более пространного текста (немного сокращенного в Соловецком списке), направленную не только на сокращение памятника, но и на придание ему большей литературной стройности и публицистической остроты. Обе редакции, различаясь по полноте и характеру изложения, литературным приемам и т. п., представляют собой законченные произведения чудовских книжников. Патриарших летописцев отличают ясность изложения, использование большого количества уникальных источников, широкая осведомленность и тонкая наблюдательность.

Рассказ об основных событиях политической и церковной истории России XVII в. ведется в Л. 1619—1691 гг. с позиций московского правительства. В повествовании использованы три группы источников. Прежде всего это церковно-исторические, синодичные и «богомольные» записи о событиях, которые велись в Чудовом монастыре и патриарших приказах. Основанные на них заметки отличаются большой точностью и весьма подробно датированы. Примерно с конца 1650-х гг. автор все чаще вел рассказ по памяти, особенно повествуя о широко известных событиях; это приводило к фактическим ошибкам (например, смещены даты «Медного бунта» и отмены медных денег), но вместе с тем обогатило сочинение живыми наблюдениями современника и очевидца. Наконец, в тексте имеются следы использования повремен-

ных летописных записей (наподобие *Записей поденных очевидца Московского восстания 1682 г*). Такие записи положены в основу летописной повести о Московском восстании 1682 г., занимающей почти две трети Л. 1619— 1691 гг. Полнота и точность использованных в записях наблюдений делают Л. 1619—1691 гг. наиболее значительным летописным источником о крупнейшем городском восстании XVII в. наряду с произведениями *Сильвестра Медведева* и *Исидора Сназина*. Процитированные дословно записи были дополнены авторским текстом, связавшим их в повесть и придавшим памятнику конкретную политическую направленность. Литературная обработка летописных записей и документальных материалов в повести была весьма характерна для произведений конца XVII в. — такими повестями завершается большинство известных нам летописей. Однако лишь немногие сочинения позволяют проследить процесс этой обработки, представляя исследователю лишь ее результат. Л. 1619—1691 гг. наряду с *Летописцем Двинским* составляет исключение из этого правила, поскольку использованные в нем записи легко выделяются. Л. 1619—1691 гг. является одним из наиболее интересных как по форме, так и по содержанию памятников общерусского патриаршего летописания.

Изд.: Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв. М., 1962. С. 471, 509—513; Буганов В. И. Повесть о московском восстании 1682 г. // Древнерусская литература и ее связи с новым временем: Сб. статей. М., 1967. С. 317—354; ПСРЛ, М., 1968. Т. 31. С. 180—205; Богданов А. П. Редакции Летописца 1619—1691 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1982. С. 124—151.

Лит.: Буганов В. И., Кучкин В. А. Новые материалы о московских восстаниях XVII в. // ИА. 1961. № 1. С. 151—153; Буганов В. И. 1) Летописные известия о Московском восстании 1682 г. // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 311—312, 315—317; 2) Московские восстания конца XVII века. М., 1967. С. 29—31 и сл.; Богданов А. П. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 131—146.

А. П. Богданов

Летописец 1686 г. — летописный памятник, созданный в патриаршем приказном скриптории, по-видимому, в качестве публицистического отклика на торжества, связанные с подчинением московскому патриарху киевской митрополии (и, следовательно, православного духовенства на территории Польши и Литвы). Первоначально это произведение, охватывающее период с 1619 по 1686 г. (поставление Гедеона в Москве), венчало собой обширную компиляцию из *Хронографа Русского* в редакции 1617 г., *Летописца Нового* в редакции конца XVII в. и более мелких сочинений, через весь текст которой проходила мысль об исконной принадлежности киевских земель Руси, ее великим князьям и их наследникам — московским царям. Повест-

вование в Л. 1686 г. было сосредоточено на упорной военной и дипломатической борьбе *Михаила Феодоровича*, *Алексея Михайловича*, *Феодора Алексеевича*, наконец, Ивана и Петра Алексеевичей за воссоединение «первоначальных» русских земель, завершившейся в 1686 г. внушительной победой.

Автор Л. 1686 г. проявил блестящие способности в подборе и обработке сведений своих источников: Хронографа *Пахомия*, Летописца *Ф. Ф. Волконского*, патриарших синодичных и «богомольных» записей и сводки государевых объявительных грамот о наиболее важных событиях внешнеполитической истории России XVII в. Результатом его работы стал один из наиболее цельных и ярких в литературном отношении русских летописцев второй половины XVII в., повествующий об успехах и неудачах внешней политики Российского государства за описываемый период. Неизвестный автор, несомненно, может как равный занять место в ряду таких выдающихся историков-летописцев, как *Сильвестр Медведев*, *Исидор Сназин*, *Игнатий Римский-Корсаков*.

Взгляды на политические события недавнего прошлого автора Л. 1686 г. в целом соответствовали позиции патриарха. Роль *А. Л. Ордина-Нащокина* была подчеркнута, тогда как *В. В. Голицын*, завершивший многолетние переговоры о вечном мире (в том числе о Киевской митрополии), упомянут лишь единожды — в отличие от патриарха *Иоакима*. Не были включены в основной текст неизвестные автору документы о Чигиринских войнах и Бахчисарайском мире (1681 г.), лишь кратко сообщается о внутриполитической деятельности противников патриарха. Однако предшествовавшая Л. 1686 г. компиляция содержала и немало оценок, шедших вразрез с «грекофильской» и «мудроборческой» политикой Иоакима, по всей вероятности отражая истинную позицию сотрудников летописного скриптория. Возможно, именно этим была обусловлена переработка компиляции, начавшаяся уже в 1686 г., после выпуска скрипторием по крайней мере четырех ее списков, завершавшихся Л. 1686 г. (ЦГАДА, ф. 181, № 20/25, л. 805—829 об., и три несохранившихся протографа). Первоначально компиляция подверглась серьезному сокращению (список ГИМ, Синод. собр., № 153, л. 197—225), а затем полной переделке, приведшей к созданию обширнейшего летописного свода на основе Хронографа, Степенной книги, популярных повестей и житий, выписок из «Фохтова календаря 1684 года», Нового летописца и ряда других источников, «своженных, где у ково... услышится и доведетца», и сопоставлявшихся между собой (список ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 413, с. 2341—2379). При этом и текст Л. 1686 г. в соответствии с общей тенденцией иоакимовского летописания, наиболее сильно проявлявшейся во второй половине 1680-х гг., был оборван ранее воцарения Федора (на 1671 г.).

С этого момента вплоть до кончины Иоакима Л. 1686 г. мог распространяться только в виде коротких, отдельных от компиляции

списков, с чем, по-видимому, и связано составление еще до 1689 г. его сильно сокращенной редакции. Смысл этой работы состоял в сокращении объема текста при максимальном сохранении фактов, что характерно для тогдашних кратких летописцев. Судя по литературным достоинствам этой редакции, а также по происхождению ее сохранившихся списков (ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 346, л. 603—622 об.; ГПБ, F.XVII.16, л. 546—555), она была создана в том же патриаршем скриптории, работа которого на этом не завершилась. Около 1697 г. была составлена новая редакция летописного свода по списку Румянцева, № 413. В этой редакции (список ГПБ, F.XVII.16, л. 1—546) Л. 1686 г. завершал собой уже упорядоченный, литературно обработанный летописный свод, в котором первоначальные замыслы авторов получили свое логическое завершение.

В начале 1690-х гг., после падения правительства *Софии Алексеевны* и кончины патриарха Иоакима, продолжала дополняться и первоначальная компиляция. В это время от общего протографа со списком ЦГАДА, ф. 181, № 20/25 был создан извод пространной редакции текста, дошедший в несколько более позднем списке ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 23, № 257, л. 947—979. Этот извод был дополнен характерной для противников «мудроборцев» и патриарха похвалой царю Федору Алексеевичу и сокращен за счет упоминаний царевны Софьи и князя В. В. Голицына. В целом разветвленная история текста Л. 1686 г. и включающих его летописных компиляций и сводов отразила сложную работу крупнейшего русского летописного центра конца XVII в. над осмыслением политических событий в России за целое столетие. Он является важным памятником развития летописного жанра накануне окончания общерусской летописной традиции. Л. 1686 г. не издан.

Лит.: Черепнин Л. В. «Смута» и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания) // *ИЗ*. М., 1945. Т. 14. С. 116—119.

А. П. Богданов

Летописец 1696 г. — летописный памятник, созданный как продолжение *Летописца Нового* в редакции конца XVII в., текст которого несколько сокращен и разделен на главы и параграфы, подобно самому Л. 1696 г. Время его составления по характеру изложения и содержания завершающих текст статей о событиях политической истории определяется как 2-я пол. 1690-х гг. Летописец открывается оригинальными статьями о царствовании *Михаила Феодоровича*, следующими без перерыва за последними записями Нового летописца (с 1631 г.). Затем идут главы о смерти Михаила и событиях царствования *Алексея Михайловича* (гл. 127), особая глава о Крестьянской войне под руководством С. Т. Разина (гл. 128), главы о смерти Алексея Михайловича

и царствовании *Феодора Алексеевича* (гл. 129) и о соцарствовании Ивана и Петра (гл. 130). Текст оканчивается статьей о смерти Ивана 29 января 1696 г., после которой сделана позднейшая приписка о кончине Петра 26 января 1728 г. (так!). Изложение носит в основном светский характер.

Автором Л. 1696 г. был москвич, хорошо осведомленный о событиях в столице и умевший в них разбираться. Статьи Л. 1696 г. в основном оригинальны — в них не заметно текстуального сходства с другими сочинениями. Исключение составляют лишь два раздела — глава 128 «О воре и изменнике Стенке Разине» и статья «О известном письме на Хованских» заимствованные из Летописного сказания *Петра Золотарева* по сокращенной редакции и Изветного письма о князьях Хованских. Некоторые сведения за первую половину XVII в. взяты, возможно, из современных автору кратких летописцев (*«Летописца выбором»*, *Летописца Московского краткого* или их источника). Примерно с середины 1650-х гг. сообщения в Л. 1696 г. заметно расширяются и обрастают любопытными подробностями, свидетельствующими о том, что автор описывал современные ему события. Оригинально описание ужасного «мора» в столице в 1654 г., упоминающегося почти во всех летописях второй половины XVII в. Весьма точен и подробен приведенный далее рассказ о введении и отмене медных денег, не совпадающий с известными летописными источниками. Без прикрас рассказано о трагическом завершении «Конотопской службы», также отмеченной большинством летописцев. Своими словами автор описал и события царствования Федора Алексеевича, который нравился ему, как и многим другим, своею «кротостию», «разсудительностью» в делах, «премудростью и разумом»; рассказывая о возвращении из ссылки *Никона*, автор приводит живые детали, отсутствующие в других летописцах, а говоря о перемене служилого платья он отлично от других описывает новую одежду. О восстании 1682 г. автор повествует в соответствии с объявительной грамотой, появившейся уже в конце сентября, но передает ее своими словами, дополнив текст списком Изветного письма.

В дальнейших записях отбор событий достаточно своеобразен. Сообщения о пожарах в столице подробны и точны, что заставляет подозревать наличие у автора каких-то хронологических записок, наподобие Хронологических записей *Ивана* и *Михаила Шантуровых* или *Записей поденных очевидца Московского восстания 1682 г.* Это предположение подкрепляется тем фактом, что автор сообщает не о всех пожарах, случившихся за описываемый период в Москве, но говорит о них точнее, чем, например, в Летописце Московском кратком или других сочинениях столичных авторов 1680—1690-х гг. Наличие подобных записей подтверждается соответствием описаний некоторых важных событий определенным этапам правительственной пропаганды, отличавшейся стремительным изменением оценок. Например,

правительственные сообщения о поджоге степи татарами во время первого Крымского похода (1687 г.) были уже во время возвращения войска заменены подобными же обвинениями в адрес гетмана Самойловича; на самого *В. В. Голицына* подозрение в измене пало в августе 1689 г. (при возвращении войск из второго Крымского похода), и тогда же был объявлен «злодеем» всесильный дотоле временщик Ф. Л. Шакловитый. Обо всех этих событиях автор сообщает своими словами, которые, однако, отражают основные положения официальной пропаганды. Весьма интересны оригинальные статьи о строительстве Каменного моста в Москве (с рассказом о строителе!) и Новобогородского городка на р. Самаре, ставшего форпостом борьбы с татарской агрессией. Наконец, следует обратить внимание, что последние статьи Л. 1696 г. повествуют исключительно о кончинах разных лиц: не свидетельствует ли это о преклонном возрасте автора, сохранившего яркие воспоминания еще об эпидемии 1654 г.? В таком случае со смертью Ивана Алексеевича для него кончилась целая эпоха, и завершение произведения статьей о погребении этого государя становится по-человечески понятным.

Л. 1696 г. сохранился в рукописи ГБЛ, ф. 29, собр. Беляева, № 65/1754, л. 41—81 об. (беловая копия XIX в., снятая для И. Д. Беляева с неизвестного оригинала и предназначавшаяся для не осуществленной им публикации). Л. 1696 г. не издан.

А. П. Богданов

Летописец Черкасских — памятник позднего русского летописания. Л. Ч. в древней своей части написан на основании компиляции из «Синопсиса», *Хронографа Русского* и *Летописца Нового* и дополнен оригинальными записями до середины 80-х гг. XVII в., а возможно, позднее (ЦГАДА, ф. 357, Саровское собр., № 274, 413 л., список сер. XVIII в.). Одной из главных отличительных черт записей за 2-ю—последнюю четв. XVII в. является повышенное внимание автора к службам князей Черкасских, преувеличение их роли в основных политических событиях. Это позволяет заключить, что Л. Ч. составлялся если не самими князьями, то их верным клевретом. Помимо рассказа о военных действиях (в которых, главным образом, и отличались Черкасские), среди кратких погодных записей Л. Ч. выделяются большие статьи о народных восстаниях в Москве в 1648 и 1682 гг. (л. 226 об.—229, 243 об.—245). Эти статьи отличаются не только своей подробностью и достаточно объективным отношением автора к восставшим, но и большим вниманием к причинам народного возмущения, точным перечислением его виновников из представителей господствующих сословий с указанием «вин» каждого. Автор, очевидно, ставил перед собой задачу объективно проанализировать причины и ход обоих крупнейших городских восстаний. Лишь в одном случае он

позволил себе некоторое отступление от этого принципа, поместив худородного боярина *А. С. Матвеева* в конце списка казненных в мае 1682 г. бояр (даже после Нарышкиных!), хотя по своим государственным заслугам и ненависти, которую он вызывал у восставших, Матвеев, безусловно, заслуживал более «почетного» места (л. 244). Проводя параллели между причинами и ходом восстаний 1648 и 1682 г., автор почеркивает сходную роль в них стрелецких полков, в 1648 г. впервые в критический момент вышедших из повиновения правительству, а в 1682 г. возглавивших народное движение.

Л. Ч. менее подробен, чем Мазуринский (см. *Исидор Сназин*), но отличается большей аналитичностью и самостоятельностью оценок, которую мог позволить себе представитель первого боярского рода там, где патриарший летописец должен был скрываться под личиной подчеркнутого объективизма; повествование содержит важные для оценки событий детали, в нем отсутствует схематизм, свойственный петровской историографии. Своей видимой отстраненностью от узкогрупповых интересов придворной знати Л. Ч. отличается и от насыщенного политическими страстями «Созерцания краткого», автор которого также стремился извлечь из истории городского восстания урок для решения проблемы взаимоотношений верховной власти с подданными. Значение государственной деятельности членов рода — коллективного героя повествования — в политической жизни России позволило автору расширить проблематику фамильного летописца. Характерной особенностью Л. Ч. по сравнению с сочинением *А. Я. Дашкова* является его интерес в первую очередь к общерусским событиям; о службах Черкасских говорится лишь в связи с важными государственными событиями, да и перечисляются эти службы далеко не полностью. Некоторые сообщаемые в Л. Ч. факты могли быть известны только самим князьям и их ближайшему окружению. Например, в этом сочинении вразрез с официальной версией, которой придерживалось правительство, сообщается наиболее правдоподобное время кончины царя *Феодора Алексеевича*, у постели которого в этот день, 27 апреля, дежурил Д. Г. Черкасский. К сожалению, этот интереснейший летописный памятник конца XVII в. почти не получил освещения в специальной литературе и остается неизданным.

Лит.: Богданов А. П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // Летописи и хроники. 1980 г. М., 1981. С. 204—206; Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» М., 1988. С. 82—85.

А. П. Богданов

Летописный свод патриарший 1652 г. — памятник летописания XVII в., созданный при патриаршей кафедре в правление *Никона* между 1652 и 1658 гг. Обнаружен был А. Н. Насоновым в рукописных

хранилищах Москвы и Ленинграда; им же дано название и определен характер свода. Ныне Л. с. 1652 г. известен в 14 списках полной редакции (количество кратких редакций не учтено). Статьи Л. с. 1652 г. охватывают события истории страны от легендарных времен расселения в Восточной Европе «правнуцей Иафетовых» до 1652 г.; последняя статья посвящена перенесению мощей митрополита *Филиппа II* из Соловецкого монастыря в Москву и избранию «без жребия» на патриаршество Никона. Хронологически статьи Л. с 1652 г. распределены крайне неравномерно: если истории России до третьей четверти XVI в. отведена половина текста, то вторая почти целиком отдана событиям Смутного времени, рассказ о них соединен с последней статьей Л. с. 1652 г. несколькими статьями за 30—40-е гг. XVII в.

Источники летописного текста Л. с. 1652 г. весьма разнообразны. Для летописных статей до 40-х гг. XVII в. основой послужили значительно сокращенные тексты *Летописей Никоновской* и *Воскресенской* (обе были в патриаршей библиотеке), а также «краткий летописец» со статьями за 50-70-е гг. XVI в. (они встречаются и в других, более ранних, чем Л. с. 1652 г., памятниках). Составители ввели в летописный текст целый ряд повестей и сказаний. Некоторые из них восходят к Воскресенской и Никоновской летописям (сказание об иконах Владимирской и Тихвинской Богоматери; *Рукописание Магнуша, короля Свейского* и др.). Большая часть подобрана специально для Л. с. 1652 г. и соответствующим образом отредактирована. Среди повестей Сказание о Словене и Русе (очевидно, самый ранний случай включения ее в летопись взамен рассказа о Рюрике), Повесть об обретении Мономахова венца, произведения Ферраро-Флорентийского цикла — Повесть *Симеона Суздальского* и «Исхождение» *Авраамия Суздальского* (в редакции «Благовещенье»), *Повесть о разгроме Новгорода Иваном Грозным*, особая редакция *Повести о двух посольствах*, Повесть о прихождении Стефана Батория на град Псков. В большинстве исследований этих произведений списки Л. с. 1652 г. либо использовались эпизодически, либо не привлекались вообще. Повести, включавшиеся в Л. с. 1652 г. по мере рассказа о тех или иных событиях, отражают как внутриполитические симпатии и идеалы Никона, так и особенности международной обстановки середины XVII в. Церковно-исторические повествования (жития, сказания об иконах) — традиционный компонент летописей — представлены в Л. с. 1652 г. особенно широко. Некоторые жития близки к включенным во 2-е издание старопечатного *Пролога* (М., 1642—1643), но основная часть восходит к «Степенной книге» (жития Всеволода-Гавриила Псковского, Михаила Черниговского, Даниила Московского, *Житие митрополита Петра* и др. — всего более десяти). Все они вошли в готовившееся при Никоне 3-е издание Пролога (М., 1659—1660), что заставляет предположить связь составителей Л. с. 1652 г. с Московским Печатным двором, находившимся под непосредственным контролем Никона и укомплектованным штатом

«справщиков», лично близких патриарху (*Арсений Суханов*, *Арсений Грек*, *Епифаний Славинецкий* и др.).

События последней четверти XVI в. и первых двух десятилетий XVII в. отражены в Л. с. 1652 г. особенно подробно. Источник их близок *Летописцу Новому*, но имеет целый ряд существенных отличий в интерпретации событий, обрисовке роли отдельных участников событий; в тексте Л. с. 1652 г. присутствуют лучшие чтения, встречаются отсутствующие в Новом летописце логические связки, значительно шире объем известий о Сибири. Очевидно, в основу Л. с. 1652 г. составители положили произведение о «Смуте», созданное на рубеже 10—20-х гг. XVII в. и позднее переработанное в Новом летописце и окружении *Филарета*. К этому же тексту, по-видимому, сложными путями восходят Новый летописец по списку М. А. Оболенского и «Летопись о многих мятежах». Эпизодически использовались в Л. с. 1652 г. и другие произведения (*«Повесть книги сея от прежних лет»*, приписываемая И. М. Катыреву-Ростовскому, *Житие Димитрия царевича*). В Л. с. 1652 г. отмечен ряд оригинальных известий, рисующих отдельные эпизоды внутриполитической борьбы и принадлежащих наблюдателю-современнику.

Использование Никоном не официального Нового летописца, а другого памятника, подчас критически оценивавшего не только действия бояр, но и Романовых и Шуйского, очевидно, имело политический подтекст. Вопросы эти требуют дальнейшего изучения. Внешне напоминая традиционные летописи, Л. с. 1652 г. несет в себе приметы нового типа исторического повествования, формировавшегося в XVII в. Л. с. 1652 г. остается неопубликованным.

Лит.: Насонов А. Н. 1) Летописные памятники хранилищ Москвы: (Новые материалы) // ПИ. М., 1955. Вып. 4. С. 268—271; 2) История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969. С. 483—486; Лаврентьев А. В. 1) Списки и редакции летописного свода 1652 г. // Источниковедческие исследования по истории феодальной России: Сб. статей / Под ред. В. И. Буганова. М., 1981. С. 61—82; 2) Оригинальные сведения о «Смутном времени» в Летописном своде 1652 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. М., 1982. С. 108—123; 3) Русское летописание середины XVII в. Летописные памятники в собрании ГИМ // Государственный исторический музей: Науч. конф. 1982 г. Тезисы докладов. М., 1982; 4) Свод 1652 г. — памятник русского летописания XVII в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984; 5) Летописный свод 1652 г. как источник по истории изучения русской средневековой повести XV—XVII вв. // Русская книжность XV—XIX вв. М., 1989. С. 164—182.

А. В. Лаврентьев

Летописный свод патриарший 1670-х гг. см. *Варлаам Палицын*.

Летописный свод патриарший 1680-х гг. — летописный памятник, отражающий следующий после Летописного свода патриаршего

1670-х гг. этап работы чудовских летописцев. Как и тот, Л. с. представляет собой сложную компиляцию из ряда источников. Среди них выделяются *Хронограф Русский* редакций 1512 и 1626 гг., «Синопсис» в издании 1680 г., «Сказание» *Авраамия Палицына* (в изводе, наиболее близком к датирующемуся 1680-ми гг. списку ГБЛ, собр. Егорова, № 88) и т. п. Из оригинальных статей особый интерес вызывают известия за 1458—1601 гг. Литературные приемы автора (или авторов) Л. с. весьма сходны с использованными при составлении *Летописи Новгородской Забелинской*, свода 1670-х гг. и других патриарших летописных компиляций конца XVII в. (см. *Летописец 1686 г.*). Работа над Л. с. велась между 1680 (год издания использованной в нем редакции «Синопсиса) и 1688 гг. (когда на его основе был создан «Хронографец» *Боголепа Адамова*). Памятник известен в двух редакциях 1690-х гг., представленных Соловецким списком (пространная ред.) — ГПБ, Солов. собр., № 878/988, л. 65—691 об. и Никифоровским списком (краткая ред.) — ГБЛ, ф. 199, собр. Никифорова, № 69, л. 1—96. Оба списка имеют продолжение в виде *Летописца 1619—1691 гг.*, отсутствовавшего в протографе. Текст по Никифоровскому списку в целом следует за текстом Соловецкого списка, основательно сокращая его, однако в ряде случаев (особенно в начале) содержит выдержки из некоторых статей Хронографа, *Повести временных лет* и других источников, целиком в нем опущенных: об Августе кесаре, зачатии святой Анны, Рождестве Богородицы и жизни Христа, об Андрее Первозванном, Кие, Щеке, Хориве и Лыбяди, о создании Киева, «о словенском языце и о российском», «о наречении Москвы, и народа, и царьственного града» и др. Хотя допустимо предположение о повторном обращении к первоисточникам автора краткой редакции, созданной (вместе с краткой ред. Летописца 1619—1691 гг.) позже пространной, поскольку обе возникли в одном скриптории, более вероятным представляется заключение о неполной передаче ими общего протографа конца 1690—нач. 1691 гг., впервые объединившего Л. с. с Летописцем 1619—1691 гг. Таким образом, детальное изучение Л. с. требует предварительной работы по восстановлению утраченных в пространный редакции чтений, составляющих, впрочем, лишь небольшую часть текста.

Л. с. является одним из важнейших летописных памятников XVII в., созданных накануне отмирания центрального общерусского летописания. Для его составителя характерно стремление на богатом историческом материале обосновать концепцию «избранности» Московского государства и российских самодержцев среди «всех племен земных», представить исторический процесс с позиций идеологии абсолютизма. Интересы автора определялись патриотической, «государственной» точкой зрения на отечественную историю. Основным методом работы летописца был подбор и продуманное расположение текстуально не переработанных статей, взятых из разных источников

и складывавшихся в довольно стройную композицию. При анализе содержания Л. с. важно отметить проводимые в нем идеи зависимости «православия» от самодержавия, «пренесения» центра мирового православия «от грек» в Москву (в противовес «грекофилии» патриарха *Иоакима*), отчетливо выявляющие кризис идеологических позиций патриарха, теряющего сторонников даже среди ближайшего окружения. Но если Л. с. нельзя в полной мере считать памятником «официальной» историографии (что серьезно сказалось и на его распространении), это не снижает его значения как крупного памятника русского летописания, историософии и политической мысли «переходного» времени. Л. с. остается неизданным.

Лит.: Насонов А. Н. Летописные памятники хранилищ Москвы // ПИ. М., 1955. Вып. 4. С. 277; Буганов В. И. Повесть о Московском восстании 1682 г. // Древнерусская литература и ее связи с новым временем: Сб. статей. М., 1967. С. 318—320; ПСРЛ. М., 1968. Т. 31. С. 5—7; Богданов А. П. Редакции Летописца 1619—1691 гг. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1982. С. 124—140.

А. П. Богданов

Летописный свод Сибирский — памятник второй половины XVII в., созданный на основе Есиповской летописи распространенной редакции (см. *Есипов Савва*) и Сибирской летописи, известной в рукописной и научной традиции под названием «*Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее*». Последний памятник первоначально существовал в самостоятельном виде (редакция Книги записной); лишь в 1680-х гг. произошло объединение «Описания...» и Есиповской летописи. Тесная связь этих двух частей свода впервые установлена Н. А. Дворецкой, проследившей единый процесс их редактирования на разных этапах жизни текста и предложившей термин — Сибирский летописный свод. Этот термин принят при издании памятника в 36-м томе в ПСРЛ, где впервые опубликованы все его редакции. Литературу см. в статье «Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее».

Е. К. Ромодановская

Летопись Астраханская см. *Пахомий, архиепископ Астраханский.*

Летопись Есиповская см. *Есипов Савва.*

Летопись Кунгурская («Летопись Сибирская краткая Кунгурская») — памятник сибирского летописания XVII в. Введена в научный оборот Г. Ф. Миллером. Л. К. рассказывает о покорении Сибири Ермаком; летописный текст ее начинается словами «Начало заворуя

Ермака Тимофеевича сына Поволскаго. В 7085 и 6 годех...», а оканчивается известием 1601 г. (дата ошибочна) о соборе, на котором решили «кликати вечную память» воинам, погибшим в первых сибирских походах. Текст Л. К. дошел до нас в составе единственного списка «Истории Сибирской» *Семена Ульяновича Ремезова* (БАН, 16.16.5). Самостоятельность Л. К. была впервые обоснована С. В. Бахрушиным (она механически вставлена в текст «Истории Сибирской» и легко из нее вычленяется). История текста Л. К. выяснена не до конца. Предполагается, что в 1703 г. С. У. Ремезов вместе с сыном Леонтием ездил в город Кунгур и приобрел там Л. К., которая позднее была вставлена в труд самого С. У. Ремезова. О времени составления Л. К. существует несколько точек зрения: 1592—1593 гг. (В. И. Сергеев), 20—40 гг. XVII в. (Е. И. Дергачева-Скоп), 2-я пол. XVII в. (С. В. Бахрушин), 1709—1710 гг. (Л. А. Гольденберг). Исследователи отмечают следующую характерную особенность Л. К.: она представляет собой живой рассказ участника событий, который мог попасть в нее из «устных летописей». Источники Л. К. многообразны: предания, легенды, письменные памятники, но основой для нее послужили «отписки» и «сказки» землепроходцев. Л. К. содержит много географических и этнографических данных о Сибири XVI—XVII вв. Высказано предположение, что Л. К. через переводчика посольского приказа *Андрея Виниуса* стала известна Н. Витзену, который использовал ее в своей книге «Noorden Oost Tartaryen», изданной в 1692 г. А. И. Андреев считает, что с Л. К. был знаком П. Икосов, автор «Истории о родословии, богатстве и отечественных заслугах знаменитой фамилии гг. Строгановых», написанной им в 1761 г. Текст Л. К. сопровождается рисунками.

Изд.: Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1880; Сибирские летописи / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1907; Yermak's Campaign in Siberia. A Selection of Documents translated from the Russian... London, 1975. P. 87—277 (пер. на англ. яз.); ПЛДР. XVII век. Книга вторая. М., 1989. С. 575—582.

Лит.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 411—418; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 40—43; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. М.; Л., 1960. Вып. 1. С. 254—258; Мирзоев В. В. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960. С. 90—97; Гольденберг Л. А. Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ. М., 1965. С. 119—120; Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 94—99; Сергеев В. И. У истоков сибирского летописания // ВИ. 1970. № 12. С. 45—60; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 46—60.

В. К. Зиборов

Летопись Новгородская III (далее НIIIЛ) — памятник новгородского летописания XVII в., названный третьим по тому порядку, в

котором публиковались новгородские летописи при первом издании. В разных списках НIIIЛ имеет несколько названий: «Летописец Руской и Киевской», «Великоновгородский летописец. Сказание вкратце о скифех, и о славянех, о Русии, и о началех, и о здании Великого Новаграда, и о великих государех российских», и другие. НIIIЛ известна в 25 списках. Согласно разысканиям С. Н. Азбелева, история летописи выглядит следующим образом. НIIIЛ существует в двух редакциях — пространной и краткой. Пространная редакция подразделяется на два вида — первоначальный (не сохранившийся), который составлен в 1674—1676 гг., и окончательный, составленный в 1682-м или в ближайшие годы. Окончательный вид пространной редакции включает статьи, начиная от рассказа о происхождении славян до известия о поставлении патриархом новгородского митрополита *Иоакима* в 1674 г.; до XVI в. в летописи преобладают общерусские известия, а после — новгородские. Основным источником пространной редакции НIIIЛ является *Летопись Новгородская Уваровская* (далее — НУвЛ), как она представлена списками ГИМ, собр. Уварова, № 568; ГПБ, Погодина, № 1403, текст которой был дополнен другими новгородскими летописями. Краткая редакция, подразделяемая на 5 групп, является извлечением из пространной редакции и также представлена двумя видами — полным и сокращенным. Полный вид краткой редакции, составленный в 1682—1690 гг., включает статьи от сообщения о введении христианства в Новгороде (989 г.) до известия о пребывании на новгородской кафедре митрополита Иоакима (1674 г.). Сокращенный вид, датируемый 1690—1695 гг., также начинается с известий 989 г., а завершается записью 1676 г. о поставлении *Корнилия* новгородским митрополитом. Некоторые списки краткой редакции имеют продолжение вплоть до 1722 г. Характерной чертой этой редакции является преобладание новгородских известий. Создание НIIIЛ С. Н. Азбелев связывает с деятельностью новгородских митрополитов, работа над ней, отмечает он, началась по инициативе Иоакима, была продолжена при Корнилии и *Иове.*

Особый интерес для изучения НIIIЛ представляет один из списков НУвЛ — БАН, 34.4.1, сравнение которого с НIIIЛ позволяет несколько иначе взглянуть на историю ее создания. Во-первых, уточняется датировка НIIIЛ, пространная редакция которой появилась после 1692 г., а краткая — не ранее конца XVII в. Во-вторых, отпадает предположение об участии в создании летописи митрополита Иоакима, уехавшего из Новгорода в 1674 г., а умершего в 1690 г. Никаких данных о причастности других новгородских митрополитов к летописному делу Новгорода не сохранилось. В-третьих, вероятно, именно список БАН лег в основу пространной редакции НIIIЛ (известия этой редакции, отсутствующие в других списках НУвЛ, имеются в приписках к основному тексту списка БАН). В таком случае отпадает необходимость говорить о первоначальном виде про-

странной редакции НIIIЛ (гипотеза о его существовании была выдвинута С. Н. Азбелевым для объяснения связи НУвЛ по спискам ГИМ и ГПБ с НIIIЛ); кроме того, вполне вероятно, что пространная редакция — это дополненный список НУвЛ (или особый вид НУвЛ). В-четвертых, основная работа по дополнению списка БАН (большая часть этих дополнений впоследствии вошла в НIIIЛ) пришлась на 1680-е гг. В это время список мог находиться у новгородских книжников *Никифора Клеткина* и Максима Клеткина, которые могли быть причастны к работе по созданию НIIIЛ, основная же работа проводилась в церкви или монастыре, куда Максим Клеткин передал список БАН в 1689 г., продолжалась она в Зеленецком монастыре, где оказался список в 1696 г. Более детально взаимоотношение НIIIЛ и НУвЛ, а также история создания НIIIЛ могут быть выяснены только при непосредственной работе со списками всех новгородских летописей XVII в.

Текст НIIIЛ был дважды опубликован по нескольким спискам краткой редакции. Оба издания выполнены не лучшим образом и неоднократно подвергались критике, однако к ним часто обращаются исследователи, особенно при изучении архитектуры, топографии и церковной истории древнего Новгорода. Интересен также вопрос о связи НIIIЛ с летописью *Иоакима*, введенной в научный оборот В. Н. Татищевым. С. К. Шамбинаго пришел к выводу, что обе летописи являются вариантами одного летописного свода. Однако со стороны других исследователей этот вывод не нашел поддержки.

Изд.: ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3; Новгородские летописи. СПб., 1879.

Лит.: Беляев И. Д. О разных видах русских летописей // ВОИДР. 1850. Кн. 5. С. 18—19; Сенигов И. Историко-критические исследования о новгородских летописях и о Российской истории В. Н. Татищева // ЧОИДР. 1887. Кн. 4; Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 1. С. 712—719; Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 445; Шамбинаго С. К. Иоакимовская летопись // ИЗ. М. 1947. Т. 21. С. 254—270; Азбелев С. Н. 1) Новгородская третья летопись (Время и обстоятельства возникновения) // ТОДРЛ. М.; Л., 1956. Т. 12. С. 236—262; 2) Летописные памятники Новгорода XVII—XVIII вв. // Там же. М.; Л. 1957. Т. 13. С. 282—295; 3) Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 33—70, 147—202.

В. В. Яковлев

Летопись Новгородская Забелинская (Новгородский хронограф XVII в.; далее НЗабЛ) — памятник новгородского летописания XVII в., названный С. Н. Азбелевым по имени владельца основного списка. Текст НЗабЛ начинается заглавием: «Списано бысть с новаго с печатного летописца 7182 о начале древнего словенского народа и о наречии или прозвищи его». НЗабЛ представляет собой крупный по объему памятник, охватывающий события русской истории до 1679 г. По мнению С. Н. Азбелева НЗабЛ составлена около 1681 г. в Новгороде.

Известно девять списков НЗабЛ, которые делятся на три группы, среди них особое место занимает список ГИМ, собр. Забелина, № 261, являющийся архетипом для всех остальных списков. По мнению С. Н. Азбелева, основу НЗабЛ составляет несохранившийся первоначальный вид пространной редакции *Летописи Новгородской III*, дополненной по другими источникам (псковская летопись — вероятно, летописец Псково-Печерского монастыря, *Летописец Новый*, «Синопсис» в изданиях 1674 и 1680 гг., «История еже о начале Русския Земли», несколько новгородских летописей и др.).

Как показало сравнение НЗабЛ с *Летописью Новгородской Уваровской* и Летописью Новгородской III, первоначального вида пространной редакции Летописи Новгородской III не существовало, а сама пространная редакция является, скорее всего, дополненным списком *Летописи Новгородской Уваровской* и создана после 1692 г. Следовательно, в основе НЗабЛ — один из списков последней; вероятно, составитель мог использовать список БАН, 34.4.1.

Характерная особенность работы составителя НЗабЛ заключается в критическом отношении к известиям своих источников, что видно из его комментариев в тексте. НЗабЛ послужила основным источником *Летописи Новгородской Погодинской*. НЗабЛ изучена недостаточно, текст ее опубликован лишь частично.

Изд.: Тихомиров М. Н. Новгородский Хронограф XVII века // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1940. Вып. 7. С. 66—114 (переиздано в кн.: Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 276—323).

Лит.: Черепнин Л. В. Смута и историография XVII века: (Из истории древнерусского летописания) // ИЗ. М., 1945. Т. 14. С. 119—127; Азбелев С. Н. 1) Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 71—76, 202—221; 2) Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 110—117; Макина М. А. О демократических тенденциях в литературе древнего Новгорода // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1962. Вып. 10. С. 227—233; Лаврентьев А. В. Об одном из источников Новгородской Забелинской летописи // Летописи и хроники. 1984 г. М., 1984. С. 121—130; Богданов А. П. Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И. Е. Забелина // Русская книжность XV—XIX вв. М., *1989*. С. 183—*209*. (Труды ГИМ. Вып. 71).

В. В. Яковлев

Летопись Новгородская Молотковская (Михалицкая) (далее НМЛ) — памятник новгородского монастырского летописания XVII в., названный первооткрывателем Р. Г. Игнатьевым по месту составления (Михалицкий девичий монастырь, что на Молоткове). Единственный список НМЛ, местонахождение которого неизвестно, представлял собой рукопись конца XVII в. в 4 долю листа, написанную полууставом и скорописью; рукопись в начале и в конце имела утраты, по листам ее читалось: «Летопись Млатковская». Р. Г. Игнатьев приобрел ее «после господина Кислянского, доставшего ее от бабки его монахини

Духовского монастыря» (в XVII в. Михалицкий монастырь был включен в состав Духовского). В НМЛ описаны события 1015—1679 гг., где наравне с общерусскими много известий, связанных с историей Михалицкого монастыря (нач.: «В лето 6523 Ярослав же князь Великоновградцкий, слышав еже отец его умре...»; конец: «В лето 7187 бысть чудесе от Пересвятыя иконы собора Пресвятыя Богородицы, во Святей сия обители Славного Рождества Богородицы, иже на Михалице, что на Млаткове. А прииде некая жена Татиана очима болящая и десною ногою...»). Известно, что в НМЛ находилось описание 10 чудес, случившихся незадолго до 1570 г. В рукописи, содержавшей НМЛ, находились также сказания «о нахождении Суздальцев, кончине царя Бориса Федоровича, битве новгородцев с Литвой при селе Белом, три грамоты патриарха Иова, о войне с Самозванцем и поучение его к ратным людям, послание в Олонец от архимандрита Феодорита о проклятии на табак, и несколько народных легенд» (Р. Г. Игнатьев). НМЛ послужила одним из источников *Летописи Новгородской Забелинской*. По мнению Р. Г. Игнатьева, НМЛ составлена женщиной. Полностью НМЛ не опубликована.

Лит.: Новгородские губернские ведомости. 1849. Часть. неофиц. № 29. С. 126—130; № 30. С. 131—135; № 31. С. 136—149; № 33. С. 149—154; № 49. С. 259—261; № 52. С. 279—280; 1850. № 1. С. 4—5; № 23. С. 153—155; № 32. С. 197—200; Азбелев С. Н. Развитие летописного жанра в Новгороде в XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 15. С. 276—277.

В. К. Зиборов

Летопись Новгородская Погодинская (далее — НПогЛ) — памятник новгородского летописания конца XVII в., названный С. Н. Азбелевым по имени владельца одного из списков. Текст НПогЛ начинается с заглавия: «Начало Великаго Новаграда и всего славенороссийского народа, откуда начася и како доныне славою пресветлою сияют». НПогЛ охватывает события за весь средневековой период русской истории — начинается с легендарных рассказов о происхождении Новгорода и доводит повествование до конца XVII в. (в некоторых списках текст продолжен до конца XVIII в. и даже до начала XIX в.). Составление памятника предположительно относится к концу XVII—началу XVIII в. НПогЛ сейчас известна в 30 списках XVIII—XIX вв., которые делятся на три редакции — первоначальную (6 списков), сокращенную (14 списков) и краткую (10 списков), а они в свою очередь подразделяются на виды и группы. Среди списков особое место занимает ГПБ, собр. Погодина, № 1411 (доведен до 1716 г.), т. к. он является архетипом для всех остальных. В основу НПогЛ была положена окончательная редакция *Летописи Новгородской Забелинской* (ГИМ, собр. Забелина, № 261), дополненная выборками из *Летописи Новгородской III* (по-видимому, только из

краткой редакции), текстом *Казанской истории* (сокращенный вид) и известиями других источников.

Характерной особенностью НПогЛ является использование эпиграфического материала. Например, известие 1467 г. о море в Новгороде было помещено на доске в Зверином монастыре, откуда составитель взял его для своей летописи. На протяжении XVIII в. НПогЛ пополнялась данными различных церковных летописцев (церкви Димитрия Солунского и Николо-Дворищенского собора), текст ее подвергался сокращениям, из него делались извлечения, он служил материалом для других компиляций.

НПогЛ является последним известным летописным сводом Новгорода. Текст памятника не издан.

Лит.: Азбелев С. Н. 1) Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 77—84, 221—257, 264—274; 2) Младшие летописи Новгорода о Куликовской битве // Проблемы истории феодальной России. Л., 1971. С. 110—117.

В. В. Яковлев

Летопись Новгородская Уваровская (далее: НУвЛ) — памятник новгородского летописания XVII в., получивший свое название по одному из списков. Охватывает период около тысячи лет, начинаясь статьей о происхождении славян и заканчиваясь 1646 г. (воцарение *Алексея Михайловича*). Однако непрерывная цепь известий идет только до 1606 г. включительно (затем следуют краткие сообщения за 1612, 1645 и 1646 гг., которые были добавлены после окончания работы над летописью). Следовательно, составление летописного свода, лежащего в основании НУвЛ, можно отнести к концу XVI—началу XVII вв., важным этапом мог быть 1588 г. (учреждение в Новгороде митрополии).

По своему составу текст НУвЛ можно разделить на две неравные части: известия до 1500 г. включительно и известия после 1500 г. (1506—1646 гг.). Первая часть, основу которой составил сильно дефектный список Московского свода 1500—1505 гг., содержит в себе значительную часть *Летописи Софийской I* младшей редакции, имеет совпадения со списком Царского СIЛ, *Летописью Новгородской Хронографической*, *Летописью Лаврентьевской* и *Летописью Новгородской IV*, а также дополнена известиями, как минимум, двух новгородских летописей. Эта часть НУвЛ привлекалась для уточнения истории московского летописания конца XV—начала XVI вв. Ее текст обрывается на середине фразы, после идут родословия московских князей, некоторых боярских и княжеских родов, а также три документа местнической переписки и родословия Сабуровых. Вторая часть — небольшие по объему известия, значительная часть которых касается Новгорода. По содержанию они близки к НIУЛ, *Летописи Новгород-*

ской Дубровского и Краткому летописцу новгородских владык, имеются и оригинальные известия. Хронология здесь не выдерживается, перебивы в ней сохраняются вплоть до 1599 г. Характерными особенностями НУвЛ являются: механическое использование разных источников, нарушение хронологической последовательности, риторические распространения в известиях о церковной жизни Новгорода, хронологические выкладки, топографические указания, использование эпиграфического и агиографического материала.

Известны три списка НУвЛ — БАН, 34.4.1; ГИМ, собр. Уварова, № 568; ГПБ, собр. Погодина, № 1403, а также краткое извлечение из летописи (ГПБ, собр. Погодина, № 1953) и компиляция из НУвЛ и другой новгородской летописи XVII в. — *Летописи Новгородской Забелинской* (ГПБ, F.IV.857). Список БАН датируется по филиграням концом 1650-х—началом 1660-х гг., но не позднее 1665 г., списки ГИМ, ГПБ, а также извлечение относятся к последней четверти XVII в., компиляция — к концу XVIII в. Различия между списками ГИМ и ГПБ и списком БАН в основном касаются местных, новгородских известий — в первых двух списках более подробно представлены известия о строительстве, освящении, обновлении церквей и монастырей, об обстоятельствах поставления и смерти епископов и архиепископов. В списках ГИМ и ГПБ представлены статьи за те годы, которые пропущены не только в списке БАН, но и в основных источниках НУвЛ — СIЛ и НIУЛ. Иногда в последних под этими годами стоят совершенно другие известия.

Список БАН — древнейший из ныне известных списков новгородских летописей XVII в. и поэтому представляет собой особый интерес для изучения не только НУвЛ, но и других новгородских летописей — *Летописи Новгородской III*, Летописи Новгородской Забелинской и *Летописи Новгородской Погодинской.* Характерная особенность списка БАН — большое количество приписок к летописному тексту. Часть их не носит систематического характера и представляет собой, скорее всего, заметки различных читателей. Другая часть — это подробные, законченные известия, порой целые статьи и даже повести, занимающие все свободное место на нескольких листах подряд. Среди последних — сказания о видении софийского пономаря Аарона, о Михайловском монастыре, о чуде Гликерии и др. Работа по дополнению свода велась в два этапа — в 1672 и 1683—1685 гг. Особенно много известий вносится на втором этапе, тогда над текстом работали два человека — один из них украинец, другой, вероятно, новгородец.

Все дополнительные известия списков ГИМ и ГПБ, отсутствующие в основном тексте списка БАН, дословно повторяют часть приписок списка БАН. Переносились не только законченные известия или существенные уточнения, но и просто заметки, сделанные на полях, например, хронологические выкладки. Многие маргиналии списка БАН

в другие списки НУвЛ не вошли. Часть из них аналогична сообщениям НIIIЛ, иные не встречаются в опубликованных памятниках или читаются там в другом виде. Приписка в списке БАН под 1602 г. позволяет датировать одну из самых почитаемых новгородских икон — «Никола круглая доска». Приписка рассказывает об отправке иконы из Новгорода в Москву, а также о пожаре 1627 г., в результате которого она сгорела: «А иже стоет чудотворные иконы, явльшейся в Великом Новеграде, — снимок в ту же меру, слово в слово и до ныне видима есть». Копия сохранилась, она находится в Новгородском музее-заповеднике, но до сих пор не был решен вопрос о ее датировке — относится она к XII или XVI в. Теперь ясно, что икона XII в. не сохранилась, а находящаяся ныне в музее копия сделана вероятно, в XVI в. В списке БАН находится копия ктиторской надписи другой новгородской иконы — Николы Липного (в сильно сокращенном виде аналогичная запись имеется в НIIIЛ). Интересно, что надпись на самой иконе говорит об Алексе Петрове как авторе иконы, а список БАН называет Митку Петрова (в НIIIЛ упоминание об иконописце отсутствует). Поскольку ктиторская надпись на иконе неоднократно поновлялась в более позднее время, приписка к списку БАН, датированная 1684 г., могла зафиксировать более раннее чтение имени.

Работа над списком БАН велась в течение длительного времени, он содержит ряд интересных свидетельств, не вошедших в другие опубликованные летописи. Подробно список до сих пор не изучен, отсутствует он и в единственной имеющейся на сегодняшний день схеме взаимоотношения новгородских летописей XVII в. и их списков, предложенной С. Н. Азбелевым. Особый интерес приобретает список для изучения НIIIЛ, он объясняет некоторые ошибки, неточности и недоразумения последней. Список БАН частично опубликован в 1785 г. (до 1424 г.). Это издание использовалось рядом исследователей конца XVIII—начала XIX вв. (А.-Л. Шлецер, П. Строев, Н. Арцыбашев и др.), однако сама НУвЛ считалась одним из списков Софийского временника, в качестве самостоятельного памятника не выделялась и была вскоре забыта.

Важность НУвЛ в истории новгородского летописания подчеркивает тот факт, что после ее создания (конец XVI—нач. XVII в.) летописная работа в Новгороде замирает и активно возобновляется только в 1670—1680-е гг. Текст НУвЛ привлекался для интерпретации былин: Сотко Сытинич назван здесь «богатым», что отразилось и в других новгородских летописях.

Изд.: Российская летопись по списку софейскому Великого Новаграда в продолжении издаваемых манускриптов Библиотеки Академии наук по ея повелению. СПб. 1795. Ч. 1.

Лит.: Поленов Д. Библиографическое обозрение русских летописей // ЖМНП. 1849. Ч. 64. Отд. 2. С. 115—121; Азбелев С. Н. 1) Две редакции Новгородской летописи Дубровского // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1959. Вып. 9

С. 219—228; 2) Текстологическое исследование Новгородской Уваровской летописи // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 270—287; 3) Новгородские летописи XVII века. Новгород, 1960. С. 11—32, 138—147, 257—261; 4) Новгородские былины и летописи // Русский фольклор: Мат. и исслед. М.; Л., 1962. Т. 7. С. 44—51; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969. С. 336; Лурье Я. С. Общерусское летописание XIV—XV вв. Л., 1976. С. 190, 250, 253, 254.

В. В. Яковлев

Летопись Ремезовская см. *Ремезов Семен Ульянович.*

Летопись Строгановская («О взятии Сибирской земли, како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии подарова Бог сибирское государство обладати ему государю и победити Муртазелиева сына Кучюма салтана сибирскаго и сына его царевича Маляткула взяти жива...») — памятник русского летописания XVII в., введенный в научный оборот Н. М. Карамзиным и названный им по списку, принадлежавшему Строгановым. Л. С. является одной из основных сибирских летописей, в основной редакции которой изложены события 1558—1585 гг. Л. С. составлена в вотчине Строгановых — Соли Вычегодской. Характерной особенностью памятника является то, что в нем подчеркивается инициатива купцов Строгановых в освоении Сибири.

Списки Л. С. делятся на три редакции: основная (погодное изложение подразделяется заголовками), распространенная (кроме деления текста по годам и заголовкам делится на 37 глав), краткая (погодное изложение событий). Все списки Л. С. пока не учтены. Многие вопросы в истории текста Л. С. не имеют однозначных решений; это касается времени создания, взаимоотношения с другими сибирскими летописями и т. д. О времени написания Л. С. существует несколько точек зрения: около 1600 г. (Н. М. Карамзин), 30-е гг. XVII в. (А. А. Введенский, В. Н. Сергеев), 70-е гг. XVII в. (А. М. Ставрович, А. И. Андреев, Д. С. Лихачев). Наиболее активно изучался вопрос о взаимоотношении Л. С. с Есиповской летописью (см. *Есипов Савва*): одни исследователи считали текст Л. С. первичным (Н. М. Карамзин, Г. И. Спасский, П. В. Павлов и др.), другие обосновывали первичность текста Есиповской летописи (П. И. Неболсин, С. А. Адрианов, А. И. Андреев и др.), третьи утверждали, что Л. С. и Есиповская летопись восходят к одному протографу (С. В. Бахрушин, Р. Г. Скрынников). Высказывалось мнение о том, что автором Л. С. был *С. И. Кубасов* (А. М. Ставрович), но оно не нашло поддержки со стороны большинства исследователей. Среди источников Л. С. отмечались следующие произведения: *«Повесть книги сия от прежних лет»*, приписываемая *И. М. Катыреву-Ростовскому*, казацкие «написания» (см. *«Написание» казаков о походе Ермака*), грамоты из архива Строгановых, которые цитируются иногда дословно (подлинность этих грамот, по мнению некоторых исследовате-

лей, сомнительна). На протяжении XVII—XVIII вв. списки Л. С. дополнялись различными материалами. Например, в одном из списков XVIII в. в Л. С. вставлен текст песни о Ермаке (глава 8 толстовского списка). В литературе поставлен вопрос о жанре сибирских летописей, в том числе и Л. С.: некоторые исследователи (А. И. Андреев, Н. А. Дворецкая) считают их не летописями, а летописными повестями.

Изд.: Летопись Сибирская, содержащая повествование о взятии Сибирской земли русскими, при царе Иоанне Васильевиче Грозном; с кратким изложением предшествовавших оному событий / Изд. с рукописи XVII в. СПб., 1821; Сибирские летописи / Изд. имп. Археографической комиссии. СПб., 1907. С. 1—104; Yermak's Campaign in Siberia. A Selection of Documents translated from the Russian... London, 1975. P. 35—61 (пер. на англ. яз.).

Лит.: Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 394—403; Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 22—30; Дворецкая Н. А. Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 467—482; Андреев А. И. Очерки по источниковедению Сибири. 2-е изд. М.; Л., 1960. Вып. 1. С. 197—226; Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири в исторической литературе XVII в. М., 1960. С. 14—55, 107—135; Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI—XVII вв. М., 1962. С. 60—111; Порохова О. Г. Лексика сибирских летописей XVII в. Л., 1969; Сергеев В. И. У истоков сибирского летописания // ВИ. 1970. № 12. С. 45—60; Ромодановская Е. К. Русская литература в Сибири первой половины XVII в. (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 69—91; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. С. 22—35.

В. К. Зиборов

Лечебник на иноземцев (полное название: «Лечебник выдан от русских людей, как лечить иноземцев и их земель людей; зело пристойныя лекарства от различных вещей и дражайших») — памятник смеховой литературы XVII в. По предположению В. П. Адриановой-Перетц, это сочинение сложилось в среде московского посада, о чем свидетельствует один из комических рецептов Л., упоминающий среди прочих частей мнимого снадобья «москворецкую воду». Текст представляет собой пародийное переосмысление медицинских книг, распространявшихся в русском письменном обиходе с XVI в. Соблюдая формальные правила, по которым составлялись различные медицинские рецепты, пародийный Л. подменяет комибанции целебных средств сочетаниями реально не существующих элементов («Взять мостового белого стуку 16 золотников, мелкаго вешняго топу 13 золотников, светлаго тележнаго скрипу 16 золотников...») и указывает заведомо невозможный распорядок приема лекарств («...а принимать то все по 3 дни не етчи, в четвертый день принять в полдни, и потеть 3 дни на морозе нагому, покрывшись от сольнечнаго жаркаго луча неводными мережными крылами в однорядь»).

Будучи воплощением принципа qui pro quo, Л. доводит до комического абсурда религиозно-аллегорические рецепты, строившиеся по

образцу медицинских, но толковавшие, как надлежит врачевать душевные недуги («Слово от старчества», «О лекарстве душевнем...»). В дополнение к этому стоит заметить, что совет больному покрыться «неводными мережными крылами в однорядь», возможно, восходит к одной из процедур архаического масленичного обряда, который сохранился на окраинах России вплоть до начала XX в. и был зарегистрирован М. К. Азадовским: «Один из участников „*облокается в сеть*“ (курсив наш. – *И. С.*). Она должна изображать ризу священника. В руки он берет за длинную тесемку „олочку“ (вид обуви) и, помахивая этой олочкой, подражает действиям кадящего священнослужителя» (Азадовский М. Беседы собирателя: О собирании и записывании памятников устного творчества. 2-е изд. Иркутск, 1925. С. 50).

Итак, своеобразие памятника – в двойственности использованного в нем материала: с одной стороны, он подвергает смеховой перелицовке светские терапевтические тексты XVI–XVII вв., с другой – выступает, подобно *Службе кабаку*, как сакральная пародия (ср. в этой связи пародирование магии в концовке Л.: «А буде болят ноги, взять ис под саней полоз...»).

Чтобы правильно понять, почему «статьи» Л. предназначались для иноплеменников, целесообразно сопоставить его с Трондхеймским списком *Азбуки о голом и небогатом человеке*. Как явствует из этого списка комической «Азбуки», она служила языковым пособием для прибывающих в Россию чужеземцев. Азбучный смех сопутствовал переходу человека из одной языковой и культурной среды в другую (так называемый «смех принятия»). В Л., напротив, смех нацелен на то, чтобы установить неколебимую границу, разделяющую «свое» и «чужое», чтобы сообщить «чужому» миру признаки неупорядоченной действительности, где средства поддержания жизни становятся смертоносными: «А буде которой иноземец заскорбит рукою, провертеть здоровую руку буравом, вынять мозгу и помазать болная рука, и будет здрав без обеих рук». То, что не отвечает нормам здравого смысла, выводится за черту национальной культуры (так называемый «смех отчуждения»).

Основная стилистическая фигура, на разные лады варьируемая в Л., – это комический оксюморон, иногда сопряженный с пословичным фольклором («сухая толченая вода» – ср.: «толочь воду в ступе»). Л. выдает неизмеряемые предметы за измеряемые («взять... вежливаго жаравлинаго ступанья 19 золотников»), сочленяет несовместимые между собой реалии («взять... самых тучных куричьих титек»), дробит на детали неделимое («взять... от басовой скрипицы голосу...»), вменяет физическим явлениям противоречащие их происхождению свойства («и смешать все вместе в соломяном копченом пиве»). По мере приближения к финальной части текста в его прозаический корпус вкрапливаются фрагменты, написанные сказовым (раешным) стихом: «А буде от животной болезни, дается ему зелья, от котораго на утро в землю».

Подразумеваемая Л. ситуация (врач — пациент) относится к числу наиболее устойчивых комических ситуаций, повторяющихся на протяжении всей истории мировой литературы (ср. сцены шутовского лечения в сказочном фольклоре (в сборнике А. Н. Афанасьева № 397—399) и скоморошьего — в былине «Гость Терентище»). Как показала В. П. Адрианова-Перетц, рецепты, аналогичные тем, которые приводятся в Л., перекочевали в XVIII в. на страницы таких сатирических изданий, как «Трутень» и «Сатирический вестник». Сюда нужно добавить чулковский журнал «И то и сьо» (ср. помещенное в тридцатом выпуске этого журнала объявление, которое приписывает количественные характеристики неизмеряемым объектам: «Московской части в доме купца Разгильдяева продается различного сорту весьма изрядное дурачество. Как то, например: незнание самого себя, гнусное суеверие и всякое невежство по двадцати копеек фунт, желающие покупать могут являться у него и прежде, нежели вступят в торг, то всякой выпить должен три ведра мартовского пива на тощак, и каждое ведро выпивать одним духом»).

Книжная традиция, берущая начало в Л., может быть прослежена вплоть до рассказа Н. С. Лескова «Несмертельный Голован» и чеховской новеллы «Сельские эскулапы» (ср. также «Историю болезни» М. М. Зощенко). У А. П. Чехова мотив абсурдного рецепта («Rp Lignor ferri 3 гр. того, что на окне стоит, а то, что на полке Иван Якавлич не велели без него распечатывать, по десяти капель три раза в день Марьи Заплаксиной») обусловливается рационалистически и используется в целях сатирического живописания провинциального быта. Особенно интересны переклички с Л., содержащиеся в прозе Н. С. Лескова, которая перевертывает смысл текста XVII в.: согласно народному толку, иностранцы-аптекари — немец и поляк — утаивают от русских людей во время эпидемии оленьи слезы и безоар-камень, якобы спасающие от чумы.

Изд.: Перетц В. Н. Из старинной юмористики XVIII века // Литературный вестник. 1902. Кн. 7. С. 203; Адрианова-Перетц В. П. 1) Очерки по истории русской сатирической литературы XVII века. М.; Л., 1937. С. 239—251; 2) Русская демократическая сатира XVII века. 2-е изд. М., 1977. С. 95—96, 166, 217-221; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 265—266.

И. П. Смирнов

Лихачев Алексей Тимофеевич (ум. 1729) — учитель царевичей Алексея Алексеевича и *Феодора Алексеевича* (будущего царя), книголюб; по свидетельству В. Н. Татищева, написал житие царя Федора Алексеевича, которое до нас не дошло («Лихачев, бывший учитель царя Феодора II, жизнь онаго государя обстоятельно описал, которую я у него сам видел и читал, но после нигде достать ея и о ней

наведаться не мог» — Татищев В. Н. История Российская. М., 1768. Кн. I. С. XIII). Л. был членом кружка Ф. М. Ртищева и имел целое книжное собрание. В 1724 г. он пожертвовал в Успенский женский монастырь в Александровской слободе часть своих книг, в этот же монастырь после смерти Л., дожившего до глубокой старости, наследники передали принадлежавшие ему рукописи. Всего в Успенском монастыре находилось 12 книг с владельческими и вкладными записями Л.: *Стоглав* и номоканон XVI в., церковносоставник XVI в., Книга Григория Омиритского XVII в., Венец веры *Симеона Полоцкого* XVII в., «*Диоптра*» XVII в., Церковная летопись Барония XVII в., *Хроника Мацея Стрыйковского* XVII в., Лимонарь XVI в., Беседы Григория, папы Римского, к Петру диакону о житии святых отец, «иже в Италии» XVII в., *Житие Андрея Юродивого* XVII вв., Хождение в святую землю Николая Радзивилла, воеводы виленского, перевод с польского XVII в., Лечебник, перевод с польского XVII в. Если принять во внимание, что в монастырь была передана, вероятно, лишь часть книг (здесь нет ни одной печатной книги), то Л. следует признать настоящим библиофилом.

В ГПБ хранится Степенная книга, принадлежавшая Л., о чем свидетельствует владельческая запись: «Сия книга окольничего Алексея Тимофеевича Лихачева» (F.IV.159). Эта рукопись имеет предисловие, восхваляющее науку историю и говорящее о царе Федоре Алексеевиче как об инициаторе создания книги.

Лит.: Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871. Ч. I. С. XXXV—XLII; А[химандрит] Л[еонид]. Историческое и археологическое описание первоклассного Успенского женского монастыря в городе Александрове (Владимирской губ.) // ВАИ. 1885. Вып. 1. С. 66; Вып. 2. С. 26—49; Касаткин В. В. Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия. Владимир, 1906. Ч. I. С. 325—331; Лихачев Н. П. Генеалогическая история одной помещичьей библиотеки // Русский библиофил. 1913. № 5, сентябрь. С. 21—25; РБС. СПб., 1914. Латзика—Лященко. С. 482—483 (статья В. Корсакова).

Н. В. Понырко

Лихачев Василий Богданович (2-я пол. XVII в.) — стольник, автор статейного списка. В 1659 г. был послан с дипломатической миссией из Москвы во Флоренцию к тосканскому герцогу («дуку» Фердинанду II). В посольстве было более 20 человек, в их числе дьяк *Иван Фомин*, вместе с которым посол составил статейный список о путешествии в Италию. Путь дипломата начался из Архангельска на английском корабле; по прибытии в Ливорно московское посольство было принято герцогом в Пизе и перевезено во Флоренцию, где москвичи пробыли около месяца. Они видели карнавальное празднество с поразившими их масками («в личинах всяких цветов»), строительство храма из камня аспида (мрамора), собрание раритетов, в том числе

глобусы, заводные шкатулки и т. п. Подробное описание получил в статейном списке церемониальный прием послов Фердинандом II. Во Флоренции Л. и его спутники посетили три театральные постановки, сильно их поразившие сменой сцен и эпизодов, декорациями, бутафорией и театральной механикой. Эти чисто внешние впечатления, по-видимому, заслонили от московских зрителей содержание театральных постановок, возможно оставшееся даже непонятным за отсутствием переводчика (скончавшегося еще на корабле при отплытии из Архангельска). В статейном списке отражен интерес «флоренского князя» к сибирскому пушному промыслу. Примечателен диалог о значении фигуры всадника в гербе Московского государства: посланники пояснили герцогу, что это не святой Георгий, а «сам царь с копьем». Посланники отметили роскошь загородных дворцов с их садами, фонтанами, играми, музыкой. Необычен для них показался прием в их честь, устроенный герцогиней («кнеиней Анной»). Посол и дьяк получили от герцога по золотой цепи и по штуке дорогих тканей; более мелкие дары были вручены и остальным членам посольства. Из Флоренции путники выехали обратно на родину сухим путем, — через Болонью, Модену, Веджио, Парму, Пьяченцу, Лоди, Милан, Лугано, Белинзону — до Сен-Готарда. При переходе через альпийский горный перевал подьячим было велено нести на руках «флоренского князя лист» и статейный список. Часть пути послы плыли по Женевскому озеру — до Люцерна и далее в Базель; дальнейший путь по Рейну привел послов в Амстердам, откуда они семь недель плыли на трех кораблях к Архангельску. Сопоставление статейного списка послов с текстом наказа показывает, что последний послужил источником для титулатуры и других устойчивых формул. В языке статейного списка встречаются иностранные термины — бурмистр, генерал, граф, доктур, комидия, комиссия, куранты, курфирст, маркиз, резидент, рейтары, салдаты, секретарь, сенатор и др. В научной литературе и в хрестоматиях часто цитируются театральные впечатления Л.; в то же время цели посольства не уяснены. В ряду других статейных списков отчет Л. — Фомина отличается свободным, близким к разговорному языком.

Изд.: Статейный список посольства дворянина и Боровского наместника Василья Лихачева во Флоренцию в 7167 (1659) годе // ДРВ. 2-е изд. М., 1788. Ч. 4. С. 339—359; Чертков А. Описание посольства, отправленного в 1659 году от царя Алексея Михайловича к Фердинанду II-му, великому герцогу Тосканскому // Русский исторический сборник. М., 1840. Т. 3, кн. 4. С. 309—369; Статейный список... // ПДС. СПб., 1871. Т. 10. Стб. 509—670.

Лит.: Лихачев Н. П. Разрядные дьяки XVI в. Опыт исторического исследования. СПб., 1888. С. 145—148; Ильинский Л. К. Русский на Западе в 1659 году // Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань. 1913. С. 211—228; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 421—422.

О. А. Белоброва

Лихуды Иоанникий (1633—1717) и **Софроний** (1652—1730) — греки, монахи, прибывшие в Москву в 1685 г. в качестве учителей. Братья Л, были уроженцами острова Кефалонии, принадлежавшего в то время Венеции. Образование Л. получили у местного священника, затем учились в Венеции и в Падуанском университете до 1670 г. По возвращении из Италии Л. преподавали в училищах Кефалонии, а Софроний еще и в городах Македонии и Фессалии. По рекомендации восточных патриархов братья Л. отправились в Россию еще в 1683 г., но по дороге задерживались в Валахии, Трансильвании и Польше и достигли Москвы только в марте 1685 г. Здесь Л. показали свою ученость на диспуте с *Яном Белобоцким* 15 марта 1685 г. и вскоре затем приступили к преподаванию греческого языка в училище при Богоявленском монастыре. Ученики Л. составили костяк вновь образованных «Спасских школ» — Славяно-греко-латинской академии. К концу 1687 г. для нее было выстроено каменное здание в Заиконоспасском монастыре. Здесь «самобратия» преподавали греческий язык, грамматику, риторику и физику; им принадлежит составление ряда пособий для академии: краткого учебника Грамматики на греческом языке — сокращение учебника Константина Ласкаря, изданного в Венеции в 1673 г., Риторики (сохранилась в греческих и русских списках, русский перевод принадлежит иеродиакону *Козьме*), Физики.

К 1687 г. Л. написали, также по-гречески, обширное сочинение в форме диалога — «Акос, или Врачевание противополагаемое ядовитым угрызением змиевым» (ср. русские списки ГИМ, Синод. собр., № 239, 300, 301). Целью этого полемического труда было опровержение «латинских» (южнорусских и польских) книг по вопросу о времени пресуществления святых даров. К концу 1687 г. ученики братьев Л. — *Николай Семенов Головин, Феодор Поликарпов* и Андрей Кириллов перевели «Акос» с греческого на русский язык. Этот перевод был исправлен *Евфимием Чудовским* к весне 1688 г. и поднесен авторами — братьями Л. Иоанну, Петру и правительнице *Софии Алексеевне*. Против «Акоса» и его авторов выступили *Сильвестр Медведев* с сочинением «Известие истинное православным...» (1688 г.) и диакон *Афанасий*, написавший «тетрадь» на Иоанникия и Софрония Л. (Евфимий назвал ее «неистовобреханием»). От имени Софрония взялся ответить Евфимий Чудовский, выступивший в 1689 г. с «Показанием истины», своеобразной апологией братьев Л., особенно их преподавательской деятельности. С позиций противников Л. в 1689 г. в Киеве выступил Иннокентий Монастырский, сначала с «Книгой о пресуществлении», а затем «Обличением на Акос» (первую доставил в Москву князь *В. В. Голицын*, вторую автор вручил в Москве Сильвестру Медведеву). Вскоре Софроний Л. участвовал в церковном суде над Сильвестром Медведевым после его ареста по делу Федора Шакловитого.

Периодом регентства царевны Софьи датируются версификаторские опыты Л. на русском языке (в изучении которого особо преуспел

Софроний) — стихотворный панегирик царям Иоанну и Петру и царевне Софье «Слова на восстание Господа нашего Иисуса Христа» (1687 г.), а также написанные Софронием во время отсутствия брата в России «Похвала на Рождество Христово» патриарху *Иоакиму* (1688—1689 гг.), «Слово торжественное в день памяти Усекновения главы Иоанна Предтечи» — день ангела царя Иоанна Алексеевича (1688 г.) и Похвальное слово князю В. В. Голицыну на возвращение из 2-го Крымского похода (1689 г.), сыгравшее впоследствии отрицательную роль в политической судьбе «самобратий».

Весной 1690 г. Софроний Л. завершил свой труд в опровержение латинства — «Мечец духовный» («Диалоги сиречь разглагольства грека учителя к некоему иисуиту» — ГИМ, Синод. собр., № 302, 303). В этом сочинении нашел отражение диспут братьев Л. с польским иезуитом Руткой в 1685 г., хотя им не исчерпывается содержание труда. «Мечец» оказался важным вкладом в литературную полемику конца XVII в.; сохранился во многих списках. Это сочинение содержит автобиографические элементы, доказывающие бесспорно принадлежность братьев Л. к восточной греческой церкви, несмотря на западноевропейскую образованность.

В 1690-е гг. братья Л. принимали участие в составлении двух обширных антилатинских сборников — «Щит веры» и «Остен», совместно с Евфимием и *Афанасием Холмогорским*. К этому же времени относится их переписка с В. В. Голицыным, им покровительствуют А. Ф. Лопухин, Ф. М. Апраксин, Ф. А. Головин. Тогда же братья Л. выступали с «орациями» по торжественным дням при дворе, например в 1694 г. было составлено ими Надгробное слово царице Наталии Кирилловне. Сторонники латинской партии стремились всячески скомпрометировать братьев Л., принижая успехи их учеников и упрекая учителей в корыстолюбии. К этому добавилось недовольство Л. со стороны иерусалимского патриарха Досифея.

Опасаясь наказания за проступок одного из сыновей Иоанникия Л. — Николая, братья Л. бежали в 1694 г. из Москвы к Смоленску. Беглецов вернули в Москву и перевели на службу в типографию, отстранив от преподавания в Академии. В 1697—1699 гг. по царскому указу братья Л. преподавали итальянский язык (документы сохранились в архиве Разрядного приказа).

Сочинение проповедей и похвальных слов (ораций), главным образом в честь представителей царской фамилии, занимало немалое место в литературных трудах братьев Л. до конца их дней. Некоторые из этих слов не сохранились, например на память царя Иоанна Алексеевича, слово на день рождения Петра I, слово по случаю его возвращения из Голландии (1698 г.). Сохранились из слов Л. следующие: похвала царю Петру I по случаю Азовской победы, 1697 г. (б. Эрмитаж. собр., № 94 = БАН, Петровская галерея, № 66); в честь Полтавской победы, 1709 г. (б. Эрмитаж. собр., № 93 = БАН, Петровская

галерея, № 65); панегирик Петру I, между 1704 и 1711 гг. (б. Эрмитаж. собр., № 90 = БАН, Петровская галерея, № 62); в честь новгородских святынь и покровительствующей Новгороду Софии Премудрости Божией, 1708 г. (ГБЛ, собр. Румянцева, № 244); похвала Варлааму Хутынскому (хранилась в Новгороде); поучение о предопределении, 1701 г. (ГИМ, Синод. собр., № 281, л. 153—259); поучение против брадобрития (ГИМ, Синод. собр., № 483 и 596) и др. От имени одного Софрония Л. было поднесено в 1721 г. слово «Триумф о вечном мире со Швецией» (б. Эрмитаж. собр., № 84 = БАН, Петровская галерея, № 56), а в 1724 г. — слово по случаю венчания императрицы Екатерины I (опубликовано в «Русском архиве»). Эти слова и похвалы составлены по всем правилам риторики. Они отличаются схоластичностью и длиннотами; прославляя Азовскую победу в 1697 г., авторы называют целый ряд городов и стран, устрашенных при известии о силе русского оружия: Далмация, архипелагские острова, Вавилон, Финикия, Македония, Спарта, Ассирия, Иудея, Киликия, Фригия, Афины и др. Цитаты из патристики причудливо сочетаются здесь с греческими мифами и с известиями хронографического характера.

В 1698 г. патриарх *Адриан* удалил братьев Л. из типографии в Новоспасский монастырь, где они пробыли до января 1704 г. Поводом для их отстранения от издательской деятельности послужили обвинения против Л. в корыстолюбии и в переходе в католичество одного их ученика — *Петра Артемьева.* Находясь в ссылке в Новоспасском монастыре, братья Л. создали противопротестантское произведение «Лютерские ереси», в двух авторских редакциях. Это сочинение продолжило тему, затронутую еще в проповеди о предопределении, написанной в 1701 г. Тогда же братья Л. приняли участие в составлении «Лексикона треязычного» Федора Поликарпова (М., 1704). Поступивший в это время донос политического характера повлек за собой новую ссылку братьев Л. — в Ипатьевский Костромской монастырь, где они провели два года, до января 1706 г. Здесь они работали над греческой грамматикой (ГБЛ, собр. МДА, № 275 — на греческом языке и ГПБ, собр. ПДА, № 85 — славянский перевод).

В 1706 г. братьев Л. перевели в Новгород по ходатайству митрополита *Иова.* Здесь они занялись устройством и организацией школы, содержавшейся за счет домовой казны митрополита. Преподавание велось в двух классах — братьями Л. «на еллинском диалекте» и Федором Герасимовым на славянском языке. Изучались грамматика, поэтика, риторика (курс риторики сохранился в рукописи 1712 г. ГБЛ, собр. МДА фунд., № 329). Риторическую теорию Иоанникий имел возможность применить на практике — по поручению Иова ученый грек вел богословские прения с *Семеном Денисовым,* сидевшим между 1713 и 1717 гг. в заточении в Новгороде. В Новгороде братья Л. окончили в 1706 г. противопротестантское сочинение «Лютерские

ереси». Занимались они и переводами, в том числе с латинского и итальянского: «Книги Сфинкс» А. Кирхера, «Об артиллерии и о способах победить турок» С. Альберта, «Изъяснение арменския литургии». В этот период братья Л. создали особую редакцию *Жития Варлаама Хутынского*, названную в XX в. Лихудовской. Позднее это пышное, полное риторических красот сочинение было переведено с греческого на русский язык (сохранилось несколько списков).

В 1707 г. Софроний Л. по поручению Иова выехал в Москву в надежде вывезти в Новгород шрифты закрытой в 1683 г. Верхоспасской типографии, но был оставлен в столице для преподавания греческого языка. Иоанникий продолжал подписывать сочинения именами обоих авторов-братьев. Оставшись в Новгороде один, Иоанникий Л. успешно вел школьное дело с помощью своих бывших учеников. К 1716 г. он вернулся в Москву, где вместе с Софронием написал противостарообрядческое сочинение «Коллурий о лютой страсти очеболения капитонского» (не сохранилось). Тогда же братья Л. поддержали протест против возведения в сан епископа Феофана Прокоповича. С 1712 г. Л. принимали участие в исправлении славянского перевода Библии.

После смерти Иоанникия Софроний Л. сочинил ему стихотворную эпитафию на греческом языке; она была помещена с параллельным славянским переводом и с портретом Иоанникия в трапезной Заиконоспасского монастыря у его могилы (сохранилось воспроизведение XIX в.). Эпитафия ему известна и в современной гравюре (воспр.: Очерки русской культуры XVII в. М., 1979. Ч. 2. С. 153). Софроний Л. преподавал в «Спасских школах» до 1722 г. С 1723 по 1729 г. он был архимандритом Солотчинского Рязанского монастыря. Здесь он написал Похвалу Екатерине I, отсюда неоднократно обращался в Синод с жалобами на монастырские власти, здесь же умер и похоронен.

Изд.: Буслаев. Историческая христоматия. Стб. 1281—1286; Слово похвальное на преславное венчание благочестивейшия императрицы . . . Екатерины Алексеевны, 1724 г. // Русский архив. 1863. № 9. С. 337—355; Мечец духовный: Памятник русской духовной письменности XVII века. Сочинение Иоанникия и Софрония Лихудов. Казань, 1866. (Приложение к ПС); Акос, или Врачевание... // ЧОИДР. 1896. Кн. 4. С. 538—577; Слово похвальное св. Варлааму Хутынскому // Сменцовский М. Церковно-исторические материалы (*доп. к исследованию* «Братья Лихуды»). СПб., 1899. С. 1—5; «Слово торжественное ...о храме Софии мудрости божией» // Там же. С. 5—32; Лермантова Е. Похвальное слово царевне Софье Алексеевне 17 сентября // ЧОИДР. 1910. Кн. 2, отд. V. С. 23—29; Творениице о учении греческаго языка // ИОРЯС. 1915. Кн. 1. С. 286; Никольский А. Житие преп. Варлаама Хутынского Лихудиевской редакции // ВАИ. 1911. Вып. 21. Отд. II. С. 1—59; Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII века. Литературные панегирики. Подг. текста, пред. и коммент. А. П. Богданова. М., 1983. Ч. 2. С. 183—188, 215—219.
Лит.: Смирнов С. История Московской Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 44—68; Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб., 1862. Т. 1. С. 362—373; Владимир, иеромонах. Грамоты о побеге с Москвы греков Лихудов // ЧОИДР. 1867. Кн. 2. Отд. V. С. 12—14; Извеков Д. Г.

Полемическая противопротестантская деятельность ученых греков братьев Лихудов // ПО. 1872. Май. С. 731—770; Любомудров Н. Софроний Лихуд — настоятель Рязанского Солотчинского монастыря // Рязанские епархиальные ведомости. 1872. Прибавления. № 20. С. 504—517; Любимов С. Борьба между представителями великорусского и малорусского направления в Великороссии в конце XVII и начале XVIII веков // ЖМНП. 1875. Август. С. 137—152; Сентябрь. С. 74—88; Миркович Г. О школах и просвещении в патриарший период // ЖМНП. 1878. Июль. С. 39—62; Филарет. Обзор. № 238; Шляпкин И. К истории полемики между московскими и малорусскими учеными в конце XVII в. // ЖМНП. 1885. Октябрь. С. 218—231; Сменцовский М. 1) Значение Лихудов в истории русского церковного просвещения и церковной жизни // БВ. 1899. Ноябрь. С. 351—358; 2) Братья Лихуды. СПб., 1899 [Рец.: Браиловский С. // ИОРЯС. 1901. Кн. 2. С. 247—251; Каптерев Н. // Записки имп. Академии наук по историко-филологическому отделению. 1904. VIII серия. Т. 6. № 7. С. 85—115]; Лихачев Н. П. Портрет Иоанникия Лихуда // ПДПИ. Вып. 146. Отчеты 1900—1901 г. СПб., 1902. С. 67—72; Чебан С. К истории учебно-педагогической литературы Московской Руси XVII в. // ЖМНП. 1915. Октябрь. С. 136—142, 160—161; Копыленко М. М. Рукописная греческая грамматика братьев Лихудов // ВВ. М., 1960. Т. 17. С. 85—92; Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 90—94; Фонкич Б. Л. 1) Новые материалы для биографии Лихудов // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1987 г. М., 1988. С. 103—105; 2) Заметки по греческой эпиграфике Москвы // Греко-латинский кабинет. М., 1992. Вып. 1. С. 35—37; Вомперский В. П. Риторики в России XVII—XVIII вв. М., 1988. С. 60—62; Юхименко Е. М. Новые данные к биографии Семена Денисова // РЛ. 1990. № 2. С. 168—170; Яломас Д. Филологическая деятельность братьев Лихудов в России. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1992.

О. А. Белоброва

Лызлов Андрей Иванович (ум. не ранее 1697) — стольник, историк и переводчик. Родился в семье московских дворян в 1650—1660-х гг. Отец его, Иван Федорович Лызлов, занимал видные военные и гражданские должности, с 1673 г. был патриаршим боярином, а в 1683 г. пожалован в думные дворяне; он имел дома в Путивле и в Москве, обширные земельные владения. Своему сыну Иван Федорович сумел дать хорошее образование: тот владел польским и латынью, знал, по-видимому, греческий язык, был специалистом в бухгалтерском учете и инженерном искусстве. Судя по боярским книгам, Л. 25 декабря 1676 г. был переведен из стряпчих в стольники, но правительство не перегружало ученого дворянина трудоемкими поручениями. Л. участвовал в I крымском походе (1687 г.), очевидно в свите *В. В. Голицына*, и после возвращения последнего в Москву был послан (22 октября 1687 г.) в Киев с наградами для воевод, отличившихся в кампании. Впоследствии Л. принимал активное участие в подготовке и материальном обеспечении Азовских походов. В 1695 г. он возглавил интендантскую базу в Коротояке, где собирались для азовской армии хлебные запасы. После I Азовского похода Л. занял еще более ответственный пост интенданта в Воронеже. За время своей службы по снабжению войск Л. нажил множество врагов, борясь с нерадивыми воеводами, задерживавшими поставки, но благодаря своим заслугам

сумел избежать готовившейся ему «почетной ссылки» на строительство церкви в Звенигороде и успешно закончил свою работу к 4 мая 1696 г. В 1697 г. Л. продал свой дом в Москве (Богоявленский С. К. Научное наследие. М., 1980. С. 209), дальнейшая его судьба неизвестна.

На формирование исторических взглядов и направление литературной деятельности Л. большое влияние оказал огромный интерес русского общества к проблемам борьбы славянских стран, и прежде всего России и Польши, с крымско-османской агрессией. Внимание к истории борьбы с Оттоманской Портой и Крымским ханством было одной из отличительных особенностей польской *Хроники Мацея Стрыйковского*, перевод отрывков которой Л. закончил уже в марте 1682 г. (дата указывается в заглавии). Л. перевел 1—3-ю главы 4-й книги Хроники, присоединив к ним перевод 2-й главы 1-й книги. Работа Л. не зависела от предшествующих переводов сочинения Стрыйковского. Переводчик перерабатывает текст, снабжает его комментариями и дополнениями, увеличивает количество подзаголовков на полях и дает компиляции самостоятельное заглавие: «История о начале нашествия народу, обитающему на земли». Все это придавало переводу Л., подобно переводу 1668—1670 гг., характер оригинального публицистического произведения. Эта работа Л. сохранилась в так называемых «сборниках Курбского» (описание см.: Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 250—315), в которых она появляется вместе с двумя отрывками из *Хроники Александра Гваньини* — «О обычаях царя и великого князя Иоанна Васильевича» (кн. 7, ч. 3) и «Описание царства Московского» (кн. 7, ч. 1), переведенных, вероятно, тем же автором.

В обстановке подготовки России к вступлению в антиосманскую Священную лигу и к Крымскому походу 1687 г. Л. приступил к переводу с польского книги Симона Старовольского «Двор цесаря турецкого» (Краков, 1649) и завершил эту работу, как свидетельствует его собственноручная запись, в ноябре 1686 г. (ГИМ, Синод. собр., № 460, л. 376 об.). Сочинение это, содержащее сведения о политическом и военном устройстве Порты, было настолько популярно, что за вторую половину XVII в. появилось 6 русских переводов памятника. Однако Л. не следовал сделанным до него переводам, а дал новый текст, субъективно трактуя некоторые его места, опуская и вставляя значительные отрывки, давая собственные комментарии, меняя заголовки и толкуя термины. Здесь уже достаточно ярко отразились его приемы перевода источников, широко примененные Л. в его главном труде — «Скифской истории», работа над которой была закончена в 1692 г.

Это оригинальное историко-публицистическое произведение представляет собой первую (и долгое время единственную) в русской историографии попытку монографического исследования истории борь-

бы русского и других восточноевропейских народов против татарской и турецкой агрессии. Считая татар и турок потомками древних скифов (отсюда заглавие книги), Л. начинает с известий античных авторов о северном Причерноморье и доводит свое изложение до XVII в. Установить полный состав источников и приемы их использования в «Скифской истории» весьма сложно. Как правило, Л. привлекает источники литературно-исторического характера, в меньшей степени — тексты договоров и записи Дворцовых разрядов. Из отечественных сочинений он более всего использовал хронографы, летописи (в том числе не дошедший до нас «Засекин летописец» т. е. вероятно, летопись, принадлежавшую представителям одной из ветвей рода ярославских князей Засекиных), «Степенную книгу» (см.: *Афанасий, митрополит*), *Казанскую историю*, «Повесть о бою воевод московских с неверным ханом» 1471 г., Повесть об убиении Батыя, «Историю о великом князе Московском» *А. М. Курбского*, «Повесть о взятии Царьграда» *Нестора-Искандера* (хронографический вариант повести именно в трактовке Л. попал в московское издание 1713 г., см.: Сперанский М. Н. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960. С. 211—213), *Повесть о Темир-Аксаке* и др. Помимо собственно русских источников Л. изучал украинские исторические труды, получившие общероссийское значение. Он неоднократно цитирует и дает отсылки к «Синопсису» (издание 1674 г.); система изложения и приемы расстановки ссылок в «Истории» такие же, как в летописи Густынской, список с которой был сделан в 1670 г. (ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2); в главах, касающихся Турции, текст Л. близок к хронике *Феодосия Сафоновича*, а критический разбор автором «махометанского учения» (гл. 4) по своим идеям близок к «Алкорану Махометову» Иоанникия Галятовского (Чернигов, 1683). «Скифскую историю» объединяет с сочинениями украинских авторов также общий интерес к трудам польских и античных историков. Л. использовал сочинения Геродота, Квинта Курция, Вергилия и Овидия, привлек «Театрум света всего» Иоанна Ботера (в польском переводе 1659 г.), «Годовые дела церковные» Цезаря Барония и др. Большим вниманием Л. пользовались польские хроники XV—XVI вв., и прежде всего Хроника Стрыйковского, откуда заимствованы были целые страницы, иногда со ссылками на другие труды и пояснениями географических названий на полях. Возможно, именно из работы Стрыйковского Л. заимствовал использованные в ней материалы Хроники Яна Длугоша, «Трактата» и «Хроники» Матвея Меховского, сочинения Мартина Кромера «О начале поляков» и др. В ряде случаев Л. сопоставляет Хронику Стрыйковского с «Описанием Сарматии Европейской» Александра Гваньини и привлекает *Хронику Мартина Бельского*. Почти полностью на польских материалах основан рассказ о борьбе западных и южных славян с турецкими захватчиками. В этой части «Скифская история» по построению и общей направленности перекликается с

историческим сочинением (так называемыми «Записками янычара») Константина Михайловича из Островицы, серба по происхождению, служившего в турецкой армии и написавшего свой труд в конце XV в. в Польше или в Венгрии (см.: Записки янычара: Написаны Константином Михайловичем из Островицы / Введение, перевод и комментарий А. И. Рогова. М. 1978). В разделе о турках Л. привлекает также повесть «Туркия, или Тракия, или Сарацинея» — извлечение из 3-й книги Хроники Гваньини, причем передает более полный текст, нежели в хронографическом варианте сочинения (Соболевский. Переводная литература. С. 88; Хронограф ГБЛ, собр. Румянцева, № 457, л. 496—505 об.). Л. не просто переписывал источники, но пытался их сопоставлять, оказывая при этом явное предпочтение русским летописям. Он отступает от провиденциализма и пытается реалистически мотивировать события.

«Скифская история» была одним из самых распространенных в России на рубеже XVII—XVIII вв. трудов по всеобщей истории. Экземпляры книги были в библиотеках Петра I и А. П. Волынского, В. Н. Татищева, П. Рычкова и Г. Ф. Миллера, у духовных лиц (*Игнатий Римский-Корсаков*, К. Соколовский), дворян (М. и Н. Муравьевы), горожан и т. п. В настоящее время известно 32 списка «Истории» XVII—XVIII вв., которыми рукописная традиция сочинения далеко не исчерпывалась. Секрет популярности произведения Л. состоял не только в актуальности рассматриваемых в нем проблем, но и в самом характере изложения, которое носит в основном светский характер. Уже в 1760-е гг. «Скифская история» была подготовлена к печати И. С. Барковым.

Изд.: Скифийская история, содержащая в себе: о названии Скифии и границах ея, о народех скифских, о начале и умножении Золотыя Орды и о царех бывших тамо... от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета 1692. СПб., 1776. Ч. 1; 2-е изд. СПб., 1787. Ч. 1—3; Лызлов А. Скифская история. М., 1990

Лит.: Чистякова Е. В. 1) А. И. Лызлов и его «Скифская история» // Проблемы историографии: (Тезисы и авторефераты докладов и сообщений на межвузовской конференции). Воронеж, 1960. С. 52—55; 2) Об авторе «Скифской истории» А. И. Лызлове // Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России: Сб. статей к 70-летию А. А. Новосельского. М., 1961. С. 284—289; 3) Русский историк А. И. Лызлов и его книга «Скифская история» // Вестник истории мировой культуры. 1961. № 1. С. 117—127; 4) «Скифская история» А. И. Лызлова и вопросы востоковедения // Очерки по истории русского востоковедения. М., 1963. Сб. 6. С. 3—88; 5) «Скифская история» А. И. Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. 19. С. 348—357; 6) Историография в XVII веке // Историография истории СССР от древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. 2-е изд. М., 1971. Гл. 3; 7) Формирование новых принципов исторического повествования: (Этюды по русской историографии конца XVII в.) // Русская литература на рубеже двух эпох (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 171—184; 8) Идея совместной обороны южных границ России и Польши в русской публицистике второй половины XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979. С. 294—297; Рогов А. И. 1) Древнерусские переводы «Хроники» Стрыйковского // АЕ за 1962 г. М., 1963. С. 208—209;

и Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения: (Стрыйковский и его Хроника). М., 1966. С. 7, 271—273, 292; Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа. XVII—первая четверть XVIII века. М., 1976. С. 302—312; Гладкий А. И. «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как источник «Скифской истории» А. И. Лызлова // ВИД. Л., 1982. Т. 13. С. 43—50; Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» М., 1988. С. 120—133.

А. П. Богданов, А. И. Гладкий

Лыков Богдан (1-я пол. XVII в.) — переводчик. Сын дворянина, служившего по выборам в Мещевске, сам служилый человек, попал в плен в Литву около 1621 г. В плену провел 16 лет, овладев за это время польским языком, а, возможно, именно там научился и латинскому языку. По возвращении на Русь был записан в «жильцы», но не получил «ни поместья, ни вотчины». 5 апреля 1637 г. был зачислен в штат переводчиков Посольского приказа в Москве, что и обеспечило ему существование. Вскоре в ответ на челобитную Л. государь велел дать ему подворье в Китай-городе. 16 мая 1641 г. Л. вместе с греческим толмачем Афанасием Буколовым отправился в Византию к турецкому султану Ибрагиму I с государевыми грамотами на польском и латинском языках. Посольство вернулось в феврале 1642 г. Последние известия о Л. относятся к 1647—1648 гг., когда в книгах Посольского приказа была сделана запись о выдаче ему жалованья, как «переводчику польского языка».

В 1637 г. Л. вместе с *Иваном Дорном* перевел Космографию Герарда Меркатора (литературу об этом переводе см. в статье: «Дорн Иван»).

Лит.: Евгений. Словарь. Т. 2. С. 37; Соболевский. Переводная литература. С. 59—60, 65; Смирнов Н. А. Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. 2. // Учен. зап. МГУ. М., 1946. Вып. 94. С. 65; Глускина С. М. 1) Космография Богдана Лыкова 1637 г. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1949; 2) «Космография» 1637 г. как русская переработка текста «Атласа» Меркатора // Географический сборник АН СССР. Кн. 3: История географических знаний и географических открытий. М.; Л., 1954. С. 79—99; Будовниц. Словарь. С. 161; Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа // Книга. М., 1963. Сб. 8. С. 233—235.

Е. Н. Матвеева

Лысенин Тимофей Матвеев (кон. XVII—нач. XVIII в.) — старообрядческий писатель, автор полемических сочинений. Первоначально жил в Москве, затем, около 1708 г., переселился в Нижегородские пределы — в Городец — и сделался вскоре одним из руководителей керженских старообрядцев-поповцев. По прибытии на Керженец Л. принимал участие в борьбе с известным старцем Онуфрием из-за писем протопопа *Аввакума*, обличая в них «неправое мудрование». Под влиянием пропаганды Л. многие из керженцев отвернулись от Онуфрия, как, например, старец Никодим, написавший об этом письмо

к Л. В ответном послании от 18 октября 1708 г. Л. одобрял поступок Никодима и призывал его отказаться от общения с Онуфрием.

Известно письмо Л. к старцу Онуфрию от 22 июня 1708 г., в котором он убеждал «отложить спорныя и нецерковныя» письма Аввакума, «понеже они несогласны с Божественным писанием» как в учении о святой Троице, так и в учении о кресте Христовом. «Да в его же письмах Аввакумовых крест святый четвероконечный римскою блядью наречен», — писал Онуфрию Л. (письмо издано Г. Есиповым). Вопрос о четвероконечном кресте был одним из главных пунктов прения дьяконовцев с остальными поповцами. Сущность и главная особенность дьяконовского толка состояла в том, что они признавали за истинный крест Христов не только крест осьмиконечный, но и четвероконечный; считали спасительной молитву «Господи Исусе Христе, Боже наш, помилуй нас» наряду с «Господи Исусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас» и проповедовали каждение двукратное, крестообразное, вопреки всем поповцам, совершавшим во время службы троекратное каждение, кадя дважды прямо, а третий раз поперек.

Все эти пункты отражены в так называемой «Книге» Л., появившейся около 1709 г. «Книга» Л. состоит из 51-й главы и кроме названных пунктов включает главы, посвященные единосущной, нераздельной Троице, воплощению Сына Божия, единому престолу Троицы, поклонению честным иконам, «нововерцам», под которыми автор подразумевал почитателей учения Аввакума, выпискам из спорных писем протопопа Аввакума.

Духовный отец многих керженских старообрядцев (в том числе и дьякона *Александра*), ветковский старец из Покровского монастыря *Феодосий* вызвал Л. с учениками на собор с целью «досмотрить и с Божественным писанием сличить» «Книгу» Л. Но Л. «Книгу» на собор не принес, он стязался со старцем о формах креста Христова («Описание прения старца Феодосия с некоим Тимофеем Матвеевым Лысениным и с их единовольники о честном и животворящем кресте Христове» издано: Лилеев М. И. Материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье. Киев, 1893. С. 3—9) и остался при своем «мудровании», вследствии чего собор постановил не иметь с ним общения.

Вскоре, в 1710 г. на Ветке состоялся новый собор (по жалобе керженских противников дьяконовцев) на дьякона Александра, попа Димитрия и Л. за то, что они «начаша новое кадити двукратно и трекратное каждение отставиша». На этот раз на собор явились дьякон Александр и поп Димитрий. В результате работы собора Александр и Димитрий дали клятву своему духовному отцу Феодосию от своего «мудрования» отстать «и написанную книгу о том мудровании советника их Тимофея Лысенина сыскати, и тое книгу принести пред нижегородских отец на собор, и в той книге несогласное и противное мудрование чтоб до конца истребити». Но вернувшись на Керженец,

дьяконовцы продолжали свою прежнюю практику, а книгу Л. на собор не явили.

В 1720 г. после казни за веру дьякона Александра на соборной нижегородской площади Л. вместе с большим числом дьяконовцев, напуганных «миссионерской» деятельностью нижегородского епископа Питирима, переселился на Ветку. Здесь дьяконовцы очень скоро заявили о своих несогласиях с ветковской церковью и начался раздор между ветковцами и дьяконовцами. Главного виновника обострившихся ветковско-дьяконовских отношений видели в Л. «А ныне оный Тимофей прийде с поборники своими и прельстиша обители нашей старца Сергия, и той чернец Сергий присовокупи поборников к себе», — писали ветковцы. На ветковских диспутах 20-х гг. XVIII в. обрываются наши сведения о Л.

П. С. Смирнов отождествил рукопись ГПБ, собр. Погодина, № 1256 с «Книгой» Л. Сборник Погодинского собрания № 1256 состоит из 4 частей. Первую из них составляет «Книга» Л., а третью — Сказание о распрях из-за догматических писем протопопа Аввакума, составленное в 1710 г. (издано в «Материалах» Н. Субботина). П. С. Смирнов доказал, что автором и этого Сказания является Л. Сказание содержит подробный рассказ о догматических спорах в старообрядчестве, о начале их в Пустозерске между протопопом Аввакумом и дьяконом *Феодором* и о продолжении на Керженце, рассказ заканчивается описанием собрания 6 октября 1708 г. Затем идет «Обличение от Святого писания на несогласные письма протопопа Аввакума и на заступников тех писем: старца Онуфрия и Иерофея бельца и единомышленников их». В этом обличении есть «Сказание вкратце» сначала о спорах Аввакума с диаконом Феодором, затем — о собраниях на Керженце, начиная с собора 1693 г., и более подробный рассказ о последних сходках на Онуфрия, начиная со сходки в кельях матери Голиндухи. И «Книга», и Сказание Л. известны по одному списку. «Книга» не опубликована.

Изд.: Есипов Г. Раскольничьи дела XVIII столетия. СПб., 1863. Т. 2. С. 244—248; Материалы для истории раскола на первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1887. Т. 8. С. 204—353.

Лит.: *Обличение на раскольников, сочиненное Василием Флоровым* // Братское Слово. 1894. Т. 1. С. 476; Смирнов П. С. 1) Новый труд по истории раскола // Христ. чт. 1895. Ч. 2. С. 542—544; 2) Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. 192; 3) Из истории раскола первой половины XVIII века. СПб., 1908. С. 99—196; 4) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 33—40, 111—119, 262—280, 311—329; Лилеев М. И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII—XVIII вв. Киев, 1895. Вып. 1. С. 169, 192—198, 208, 405—428.

Н. В. Понырко

Ляпунов Прокопий Петрович (ум. 22.VII.1611) — политический деятель, организатор и руководитель Первого народного ополчения, автор посланий и грамот. Происходил из старинного дворянского рода, во времена Смуты стал политическим лидером рязанского дворянства. После смерти *Бориса Годунова* целовал крест Лжедмитрию I (*Григорию Отрепьеву*), когда воцарился Василий Шуйский, присоединился к восстанию *И. И. Болотникова*. Однако 15 ноября 1606 г., во время подготовки восставших к блокаде Москвы, отряды во главе с Л. и Г. Ф. Сумбуловым перешли на сторону Шуйского. Щедро вознагражденный царем, возведенный в чин думного дворянина и назначенный воеводой Рязани, Л. стал фактически неограниченным властителем Рязанского края. К началу 1610 г., как свидетельствуют некоторые летописные источники, Л. вновь изменил свое отношение к правительству Василия Шуйского, он активно способствовал его свержению.

В конце 1610 г., с началом открытой польско-шведской интервенции, Л. начинает подготовку и с января 1611 г. возглавляет организацию Первого народного ополчения. Формируя ополчение, Л. добивается союза с оставшимися после разгрома Тушинского Вора отрядами (так называемыми казацкими «таборами») во главе с *Д. Т. Трубецким* и И. М. Заруцким. С конца января 1611 г. Л. начинает рассылку по городам агитационных грамот, обращенных ко всем слоям населения, где не скупится на посулы, вплоть до обещания «боярским людям, крепостным и старинным ... воли и жалованья ... как и иным казаком». На призывы рязанского воеводы откликнулись жители Костромы, Нижнего Новгорода, Суздаля, Галича, Владимира, Ярославля, Казани, Мурома, Вологды, Перми и многих иных городов. В феврале 1611 г. началось продвижение отрядов к Коломне и Серпухову, а 3 марта Л. с «нарядом» и «гуляй-городом» двинулся из Коломны к Москве. Однако к началу вспыхнувшего в Москве 19 марта 1611 г. восстания против оккупантов его отряды не успели, и освободительное движение было подавлено.

1 апреля 1611 г., когда формирование Первого ополчения, происходившее в течение января—марта 1611 г., было завершено, объединенные отряды под предводительством Д. Т. Трубецкого и И. М. Заруцкого осадили Московский Кремль и Китай-город. Однако успешным действиям ополчения препятствовали социальные противоречия между сословными группировками внутри ополчения и бывшая между воеводами, по словам *Летописца Нового*, «рознь великая». Имевшие боярский чин Д. Т. Трубецкой и И. М. Заруцкий не считали для себя обязательным признавать авторитет Л., который первоначально занимал главенствующее место в «законодательном органе» Первого ополчения — «Совете всей земли». Для прекращения розни было создано правительство триумвирата, в котором по чину первые места заняли князь Д. Т. Трубецкой и боярин И. М. Заруцкий, а третье — думный дворянин Л., продолжавший, однако, сохранять пер-

ство в руководстве ополчением. Но руководство Первого ополчения не смогло достичь ни внутреннего согласия, ни установить прочный порядок на территории Московского государства, признавшей его власть.

30 июня 1611 г. Л. создал «Приговор», раскрывший крепостническую суть социальной программы землевладельческих верхов ополчения, не только боярства, но и дворянства, а также зажиточной верхушки казачества («старых казаков»). Взрыв протеста в социальных низах ополчения был вызван обнародованным указом, требовавшим возвращать «боярских крестьян и людей» в прежнюю «крепость», их «старым помещикам» («надлежит по сыску крестьян и людей отдавать назад старым помещикам»), то есть полным нарушением данных ранее Л. агитационных обещаний. Это послужило одной из основных причин его гибели и распада ополчения.

Первое покушение на Л. было спровоцировано самовольной (вопреки предписанию Приговора) расправой Матвея Плещеева над 28 нарушившими дисциплину казаками. Вспыхнувшее в связи с этим в отрядах волнение побудило Л. сделать попытку к побегу из подмосковного лагеря в Рязань, от которой его удалось отговорить. Однако вскоре после этих событий, по рассказу Нового летописца (достоверность которого не имеет фактического подтверждения и ставится историками под сомнение), И. М. Заруцкий в сговоре с паном Гонсевским подделали руку Л. и создали от его имени «изменную» грамотку, из которой следовало, что тот якобы сносился с поляками. Для разбора этого дела Л. был вызван на казацкий «круг» (на котором отсутствовали и Д. Т. Трубецкой, и И. М. Заруцкий) и зарублен атаманом Сергеем Карамышевым. Смерть Л. послужила началом открытой междуусобицы в подмосковном лагере и распада Первого ополчения.

Эпистолярное наследие Л. сохранилось далеко не полностью. В городских грамотах 1608—1612 гг., деловых актах того времени, Новом летописце и других источниках имеются свидетельства о посылке им личных грамот и посланий царю Василию Шуйскому (в ноябре 1606 г. — по поводу перехода в царские войска из отрядов И. И. Болотникова), а затем — против Шуйского, когда, по словам Нового летописца, Л. «нача на царя Василия умышляти всякими умысли и по городом нача писати, от себя в Колугу к Вору посылаше» (Лжедмитрию II), а также посланий М. В. Скопину-Шуйскому и *Д. И. Пожарскому* (ПСРЛ. Т. 14, ч. 1. С. 92). Согласно рассказу Нового летописца, свое послание М. В. Скопину-Шуйскому Л. направил как поздравление по случаю одержанной полководцем победы над интервентами под Александровской слободой. Однако, не ограничиваясь поздравлением, он выражал в нем пожелание видеть на царском престоле вместо Василия Шуйского его племянника («здороваша на царство, а царя ж Василья укорными словесы писаша»). М. В. Скопин-Шуйский, прочтя грамотку,

разорвал ее, а привезших ее посланцев сначала приказал арестовать и отправить в Москву к царю, но затем, учтя их непричастность к делу и «не хотя их крови», отпустил в Рязань. Послание Л. Д. М. Пожарскому в Зарайск было вызвано известием о смерти 23 апреля 1610 г. М. В. Скопина-Шуйского и волной народного возмущения против Шуйских, особенно против брата царя Дмитрия Шуйского. Л. призывал в послании «мстити смерть царю Василью князь Михайла Васильевича». Однако Д. М. Пожарский остался верен присяге Шуйскому и отослал грамоту царю. После свержения Василия Шуйского и договора боярского правительства об избрании на царство королевича Владислава, по словам Жолкевского, Л. посылал к гетману своего сына Владимира с приветствием по этому случаю (Платонов. Очерки... С. 371). Все эти личные послания Л. не сохранились; не дошла до нас и тайная его переписка с братом Захарием, находившимся под Смоленском, и с московским стольником В. И. Бутурлиным, разведывавшими замыслы интервентов.

Из нескольких посланий Л. правительству «семибоярщины» известно только содержание его грамоты в защиту патриарха *Гермогена*. В составе февральской грамоты 1611 г. во Владимир сохранилось авторское переложение содержания грамоты Л. к Я. П. Сапеге от 11 февраля 1611 г. Грамота Л. во Владимир написана по типу городских агитационных грамот 1608—1610 гг. В ней, следуя стилю деловой и городской переписки, он извещает о планах объединения отрядов Первого ополчения о предложении Я. Сапегой союза Ю. Н. Трубецкому «с товарищи» (отряды которого располагались в Калуге), и объясняет владимирцам причину своего встречного предложения о заключении союза с Я. Сапегой, перелагая при этом содержание своего послания гетману, которое от отправил с племянником Федором Ляпуновым. Однако о стиле личной переписки Л. на основании этого переложения судить нельзя, так как пересказ уже предназначался для агитации среди широких кругов населения и, по-видимому, именно этим обусловлена его близость формам и языковым особенностям агитационной патриотической письменности той поры, вкрапление в текст просторечных оборотов (типа «у нас за хребтом не были»).

В том же стиле городской агитационной письменности в основном выдержаны и первоначальные агитационные грамоты, рассылаемые Л. в период формирования Первого народного ополчения в январе—марте 1611 г., в которых, однако, уже встречаются вставки литературно обработанного текста, по-видимому принадлежащие перу профессионального книжника. Агитационная направленность грамот Л., призывающих к вооруженному восстанию против интервентов («дерзость на кровь»), против присяги Сигизмунду III и против признания Владислава, близка агитационным призывам московской патриотической литературы рубежа 1610—1611 гг.: *Новой повести о преславном Российском царстве* и двум грамотам-воззваниям, написан-

ым от имени осажденных смольнян (см. *Грамота смольнян*) и осквичей (см. *Грамота москвичей*). В тексте грамоты 31 января 611 г. в Нижний Новгород прослеживается даже стилистическое лияние московской патриотической литературы, те же метафоры и риемы ритмизации прозаической речи («и мы боярам московским авно отказали и к ним о том писали, что они, прельстяся на славу ека сего, Бога отступили и приложилися к западным и к жестосерым, на своя овца обратились»).

Начавшееся после 1 апреля 1611 г. формирование аппарата для управления всеми объединенными силами (отрядами Л., Д. Т. Трубецкого И. М. Заруцкого) и возникшая при этом необходимость упорядочения едения дел в Разряде и Приказах привлекла к делопроизводству Перого ополчения целую группу профессиональных писцов, дьяков и одьячих, среди которых, кроме лиц, руководствовавшихся радиционными приказными приемами, оказались также и книжники, скушенные в литературе, такие, как Марк Поздеев. Агитационные рамоты за апрель—июль 1611 г. (включая окружную грамоту риумвирата от 23 июня), шедшие сначала за подписью одного Л., а затем всех членов триумвирата, особенно отличаются литературной обработанностью текста и обильным употреблением в них традиционных итературных формул воинских повестей и агиографии. Типичны в этом отношении апрельские грамоты в Казань (СГГД, ч. 2, № 251) и в Соль Вычегодскую (ААЭ, т. 2, № 185), а также грамота от 12 июля 611 г. (ААЭ, т. 2, № 188). При описании польско-литовской интервенции в апрельской грамоте в Казань использована, например, такая общая литературная формула, как: «...городы взяли взятьем и православных крестьян, мужеского полу и женсково и до сущих младенец, азличными смертми скончаша». Картина разгрома московского восстания 19 марта 1611 г. в той же казанской грамоте (а также в грамоте от 11 апреля 1611 г. в Соль Вычегодскую) заменена традиционным для воинских повестей описанием, лишенным всякой исторической конкретности (столь характерной для агитационной патриотической городской письменности 1608—1610 г. и первых грамот Л.): «...Московское осударство выжгли и высекли и многие Божии церкви и монастыри осквернили и разорили, и раки чудотворных мощей разсекли, и чюдотворные мощи поругали, и во многих Божиих церквах лошади поставили... и многое убойство, и поругание, и осквернение иноческому чину учинили... и... матерей, и жон, и детей, и до сущих младенец беззлобивыя души, лютой и горкой смерти предаша... И сия вся, нашедшая на ны злая, грех ради наших». Сохранились черновые заготовки грамот, составленных еще при жизни Л., но отправленных уже после его смерти Д. Т. Трубецким и И. М. Заруцким (например, грамота 24 июля — 26 густа 1611 г. — Богоявленский, Рябинин. Акты... С. 37—38 и ..., в которых слова с именем «думного дворянина и воеводы Проофья Петровича Ляпунова» последовательно вычеркнуты. Всеми чле-

нами триумвирата был подписан «Приговор» 30 июня 1611 г., в котором наиболее отчетливо отразилась социальная программа Л. со всеми ее противоречиями.

Агитационная патриотическая городская письменность откликнулась на смерть Л. высокой оценкой исторического значения его деятельности как организатора и руководителя национально-освободительного движения. В казанской грамоте, извещавшей о гибели Л., он назван «промышленником и поборателем по Христове вере», «который стоял... за Московское государство против польских и литовских людей и русских воров» (СГГД. Т. 2. № 269, С. 568—569).

Изд.: СГГД. М., 1819. Т. 2. № 228, С. 497—498; № 238, С. 509—510; № 251, С. 535—537; № 252, С. 537—538; № 262, С. 547—549; ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 176, С. 301—302; № 182, С. 311—312; № 185, С. 315—316; № 188, С. 325—327; № 191, С. 330—331; АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 319, С. 375—376; № 328, С. 394—395; Юшков А. Акты XIII—XVIII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257—1613 гг. М., 1898. С. 286, 291—301, 305, 319—321; Забелин И. Е. Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. 4-е изд., доп. М., 1901. С. 57—65, 226—231, 260—268 (1-е изд.: Русский архив. 1872. № 2—6, 12; 2-е изд. М., 1883; 3-е изд. М., 1896); Веселовский С. Б. Акты Подмосковных ополчений и Земского собора 1611—1613 гг. М., 1911. С. 1—4, 7—9, 16—19, 56—57, 163 (отд. отт. из ЧОИДР. 1911. Кн. 4); Памятники истории Нижегородского движения в эпоху Смуты и Земского ополчения 1611—1612 гг. // Сборник Нижегородской губернской ученой архивной комиссии. СПб., 1912. Т. 11. С. 48—50, 52—56, 58—80, 82—124, 181—182; Богоявленский С. К., Рябинин И. С. Акты времени междуцарствия (1610 г. 17 июля—1613 г.) // ЧОИДР. 1915. Кн. 4. С. 19, 37—41, 44—46.

Лит.: Платонов С. Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). СПб., 1899; переиздание: М., 1937. С. 211—213, 247—248, 252—257, 274—280, 334—339, 369—392; Корсакова В. Ляпунов Прокопий Петрович // РБС. СПб., 1914. [Т. 10]. Стб. 834—842; Любомиров П. Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 41—42; Шепелев И. С. 1) Вопросы государственного устройства и классовые противоречия в Первом земском ополчении // Сб. науч. тр. Пятигорского пед. ин-та. Сер. ист.-филол. Пятигорск, 1948. Вып. 2. С. 101—137; 2) Организация земского ополчения в 1611 году // Учен. зап. Пятигорского пед. ин-та. Каф. обществ. наук. Ставрополь, 1949. Т. 5. С. 171—189; 1951. Т. 6. С. 207—254; 3) Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957. С. 79, 129—131, 150—151, 183—184, 208—210, 427, 490—491; 4) К вопросу о внутрифеодальной борьбе в Русском государстве в годы польско-литовской интервенции в начале XVII в. // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 31: Из истории Воронежского края. Воронеж, 1960. С. 132, 136—138, 143, 150—154; 5) Ляпунов Прокопий Петрович // Советская историческая энциклопедия. М., 1965. Т. 8. Стб. 870—871; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. 1606—1607. Л., 1951. С. 164, 168, 171—172, 184, 192, 255—257, 260, 293—298, 302—303, 405—406, 439—440; Долинин Н. П. Подмосковные полки (казацкие «таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958. С. 5—78, 125—131; Будовниц. Словарь. С. 161, 247; Прокофьев Н. И. Видение как жанр в древнерусской литературе // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Т. 231: Вопросы стиля художественной литературы. 1964. С. 45—46; Солодкин Я. Г. К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Российском царстве» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 112—113.

Н. Ф. Дробленкова

М

Макарий (ум. 12.IX.1626) — митрополит новогородский и великолуцкий, автор грамот; ему неосновательно атрибутировалась первая «Риторика» на славянском языке. М. начал свою карьеру игуменом Тихвинского Успенского монастыря (1614—1617 гг.), затем был поставлен в архиепископы вологодские и великопермские (1617—1619 гг.), в 1619 г. возведен в митрополиты новгородские. В этом сане он скончался и «положен бысть у Софии в притворе» (ПСРЛ. СПб., 1841. Т. 3. С. 273). Высказывалось предположение, что М. и Макарий, бывший в 1602—1608 гг. настоятелем Клопского Троицкого монастыря (Строев. Списки... Стб. 69), — одно лицо (см.: Азбучный указатель имен русских деятелей. СПб., 1888. Ч. 2. С. 690. (Сб. имп. Русского исторического общества. Т. 62)). М. принимал активное участие в политической жизни страны: будучи игуменом Тихвинского монастыря, он провожал царских послов, ехавших для заключения Столбовского мира (ПСРЛ. Т. 3. С. 304), в 1619 г. присутствовал на торжественной встрече возвращавшегося из польского плена митрополита *Филарета* (ПСРЛ. М., 1965. Т. 14. С. 148) и участвовал в чине возведения его в патриархи всероссийские (ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. С. 209—221).

Памятником административной распорядительности М. являются составленные в его канцелярии документы — приказ о взыскании с Софийских крестьян недоплаченных ими денег и хлеба от марта 1617 г. (Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии. Коллегия П. И. Савваитова // ЛЗАК за 1914 год. Пг., 1915. Вып. 27. С. 9—10) и многочисленные жалованные грамоты 1619—1626 гг. (Греков Б. Д. Описание актовых книг, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии // ЛЗАК за 1915 год. Пг., 1916. Вып. 28. С. 120—122, 124—128, 156, 158). В благословенной грамоте диакону Андронику от 8 апреля 1617 г. и ставленой грамоте диакону Онисифору от 25 января 1618 г. сохранились автографы М. (Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. № 390, II. С. 414—415; Курдюмов М. Г. Описание актов, хранящихся в архиве имп. Археографической комиссии // ЛЗАК за 1904 год. СПб., 1907. Вып. 17. С. 386). Более литературно обработаны следующие послания иерарха: отписка Белозерскому воеводе П. И. Чихачеву о присылке пороха и свинца в связи с ожидаемой осадой Тихвинского монастыря (1614 г.), грамота в Корелу к православному духовенству, оказавшемуся на шведской территории (август 1619 г.), окружная грамота игумену Тихвинского монастыря Вассиану в связи с бракосочетанием царя

Михаила Феодоровича и *Евдокии Стрешневой* (5 февраля 1626 г.). Правда, нельзя наверняка утверждать, что эти послания написаны самим М., а не секретарями от его имени. Известно, кроме того, письмо М. князю Дмитрию Матрюковичу от июня 1618 г. (напечатано в сборнике: «Грамотки...»).

О том, что автору этих посланий не чужды были литературные интересы, свидетельствует написанное по его благословению *Житие Артемия Веркольского* (по наблюдениям Л. А. Дмитриева, вскоре после 1618 г.). По-видимому, находясь в Вологде, М. пытался как-то контролировать летописание своей епархии; во всяком случае, обрыв повествования на 1619 г. в Вычегодско-Вымской летописи мотивирован тем, что «владыко Макарий вологоцкий великопермский писати не велел малым попам и причтовым людем ни по что» (Документы по истории коми: Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 271).

Д. С. Бабкин атрибутировал М. первое русское пособие по теории красноречия («Книги суть риторики двои потонку в вопросех списаны...»), и эта атрибуция до недавнего времени не подвергалась сомнению. Основанием для нее послужила запись в одном из ранних списков памятника: «Написася в лето 7131-го февраля в 8 день с книги пресвященного митрополита Макария богоспасаемых градов Великаго Новаграда и Великих Лук» (ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 874, л. 45 об.). Эта запись — единственный достоверный факт, связывающий М. с судьбой первой «Риторики». Все остальные аргументы Д. С. Бабкина в пользу М. как ее автора оказываются несостоятельными: 1) доказывая интерес М. к теории красноречия, исследователь спутал его с другим *Макарием*, вологодским епископом 2-й пол. XVI в., которому и принадлежит упоминаемый Д. С. Бабкиным Устав о соборной службе; к последнему Макарию не имеет отношения «перевод» головщика Кирилло-Белозерского монастыря старца Ефрема, «как он сам статью чел и людие учил», а этот «перевод», вопреки Д. С. Бабкину, не связан с риторическим учением; 2) не вполне точным является утверждение исследователя о связи старших списков «Риторики» с Новгородом: к созданию самого раннего списка 1620 г. ГИМ, Синод. собр., № 933, как выяснилось, не был причастен новгородец *Иван Козырев*, а приписка «Новгородский мещанин Феодор Васильев господин Фирсов» в списке 1622 г. ГИМ, собр. Щукина № 941 — поздняя; 3) текстологический анализ показал, что списки 1620, 1622 и 1623 гг. (с именем М.) не могут восходить к одной «книге» М., потому что каждый из них содержит новую редакцию «Риторики». Наконец, сопоставление почерков в ранних списках памятника с почерками писцов макариевской канцелярии и автографами самого митрополита не позволяет говорить о каком-либо сходстве.

О происхождении «Риторики», приписываемой М., высказывались противоречивые суждения. Мнение Д. С. Бабкина о том, что это оригинальное русское сочинение, не подтвердилось. Более распространена была другая версия (А. Х. Востоков, А. Г. Филонов, В. П. Вомперский, Р. Лахманн), согласно которой памятник восходит к польской риторике, а та, в свою очередь, основана на латинском сочинении; однако предполагаемый польский оригинал так и не был обнаружен. Между тем отыскался латинский источник «Риторики» псевдо-М., который делает излишней гипотезу о польском переводе-посреднике. Источником оказался один из вариантов учебника по риторике Филиппа Меланхтона («Elementorum rhetorices libri duo» — 1531 г.) в обработке его ревностного последователя Луки Лоссия. Последние исследователи «Риторики» (Г. Штайнкюлер, В. И. Аннушкин, Т. В. Буланина) считают ее прямым переводом с латинского; когда-то эту мысль высказывал А. И. Соболевский. Следует, впрочем, сказать, что в учебнике Луки Лоссия отсутствуют некоторые разделы славянского памятника (в начальной части «Риторики»). Кроме того, переводчик старался по-возможности приблизить текст к понятиям своих современников, вставляя в него имена православного именослова, заменяя «консула» на «думного» и т. д.

О времени и месте перевода «Риторики» существует в настоящее время две точки зрения. В. И. Аннушкин склонен думать, что перевод ее — московского происхождения, а время перевода не склонен относить далеко от даты старшего списка. Он не исключает, что автор «*Сказания о седми свободных мудростех*» (по В. И. Аннушкину, это — оригинальное русское сочинение), переводчик «Риторики» и создатель ее 2-й пространной редакции (1622 г.) — одно лицо. По-другому рассуждает Т. В. Буланина, полагающая, что «Риторика» псевдо-М. появилась в конце XVI в. в одной из западнорусских школ. Именно в Западной Руси, считает она, ощущалась острая потребность в учебнике по теории красноречия, написанном на родном языке; напротив, в Московском государстве преподавание словесных наук наладилось только к концу XVII в. В «порядке» Львовской братской школы 1586 г. определенно называется славянское пособие по риторике («которые науки по словенску переведенные вынайдено в школе львовской руским языком списано»). Предположение о западнорусском происхождении «Риторики» объясняет многочисленные полонизмы перевода, на которые давно обратили внимание исследователи.

«Риторика» состоит из двух книг («О изобретении дел», «О украшении слова») и содержит разветвленную и сложную систему терминов и практические рекомендации к построению различных речей. Подавляющее большинство терминов с этим памятником впервые вошло в русскую филологическую науку. Значение перевода определяется и тем, что он оставался единственным в Московском государстве

пособием по теории красноречия вплоть до конца XVII в., когда появились риторики *Яна Белобоцкого, Софрония Лихуда* и др. Однако каких-либо сведений об использовании первой русской риторики в учебной практике Великороссии раньше конца XVII в. до нас не дошло. По-видимому она не воспринималась здесь как учебное пособие, соседствуя в сборниках с традиционными славянским текстами «филологического» профиля — «Диалектикой» Иоанна Дамаскина, Лаодикийским посланием и т. д.

Сейчас известно 36 списков произведения с 1620 г. и до Петровского времени. Местами их переписки и распространения являются Новгород, Ярославль, Соловецкий монастырь, Каргополь, Коряжемский монастырь. Сопоставление списков позволило выделить несколько редакций «Риторики». Начальная редакция сохранилась в единственном списке – Синодальном сборнике 1620 г. В пяти списках известна 1-я стилистическая редакция с правкой отдельных слов; она сделана до мая 1620 г. В большинстве списков читается 2-я пространная редакция, появившаяся в январе 1622 г. и поясняющая трудные статьи текста. Имеются два черновика этой редакции, выполненные, как видно, редактором, работавшим с коллективом писцов: вначале писцы по главам переписывали текст, редактор был рядом и делал пространные приписки на полях и в самом тексте (ГИМ, собр. Щукина, № 941), а затем составил конспект «Риторики», список переведенных греческих терминов и переписал ряд статей из первого черновика (ГПБ, Солов. собр., № 110/110, л. 350—368). Наконец, существует 3-я компилятивная редакция, создатель которой, сопоставив тексты 1-й и 2-й редакций, обнаружил отсутствие некоторых компонентов текста и свел обе редакции воедино; 3-я редакция относится ко времени не ранее 1680-х гг.

К тексту «Риторики» в процессе ее циркуляции были присоединены три предисловия. Первое из них — похвала риторике из «Сказания о седми свободных мудростех», ошибочно приписанная Д. С. Бабкиным Ивану Козыреву. Два других предисловия, написанные специально для данного сочинения, причем второе с рифмами в начальной части (нач.: «Аз есмь риторика доброглаголиваго и яснозрительнаго разумения...»), Д. С. Бабкин атрибутирует *Феодору Афанасьеву*, чье имя читается в трех списках памятника. Выявляется текстуальная связь первого предисловия-похвалы с начальными статьями «Риторики». Д. С. Бабкин, а вслед за ним и другие ученые, рассматривают в качестве переработки «Риторики» псевдо-М. другое пособие по красноречию, сохранившееся в списках конца XVII в. На основании писцовой записи в одном из рукописных экземпляров произведения его автором считают *Михаила Иоаннова Усачева.* Зависимость риторики Усачева от более древней поставил под сомнение Г. Штайнкюлер. «Риторика», ошибочно приписанная М., издана фотомеханически Р. Лахманн по рукописи В. М. Ундольского, № 874.

Изд.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. № 108, С. 147—149; № 169, С. 247—248; ДАИ. СПб., 1846. Т. 2. № 30, С. 55—56; Грамотки XVII—начала XVIII века. М., 1969. № 458, С. 283; Вомперский В. П. Стилистическое учение М. В. Ломоносова и теория трех стилей. М., 1970. С. 184—187 (отрывок); Die Makarij—Rhetorik («Knigi sut' ritoriki dvoi po tonku v voprosech spisanny...»). Von R. Lachmann. Köln; Wien, 1980. (Slavistische Forschungen, Bd. 27/1. Rhetorica slavica, Bd. 1) [рец: Буланина Т. В. Издание первой русской риторики // РЛ. 1981. № 4. С. 234—237; Lausberg H. // Die Welt der Slaven. 1982. Jhrg 27, H. 2 (N. F. Jhrg 6). S. 423—424]

Лит.: Востоков. Описание. С. 238—239; Филонов А. Г. Русские учебники по теории прозаических сочинений // ЖМНП. 1856. № 4. С. 9—24; Строев П. М. 1) Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 36, 63, 731; 2) Словарь. С. 301; Соболевский. Переводная литература. С. 118—120; Бабкин Д. С. Русская риторика начала XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1951. Т. 8. С. 326—353; История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1. С. 260; Будовниц. Словарь. С. 162; Вомперский В. П. 1) Русские риторики XVII века // Русская речь. 1969. № 2. С. 17—24; 2) Риторики XVII—начала XVIII в. и их роль в описании процессов развития русского литературного языка и русской литературы // Науч. докл. высш. шк. 1978. Филол. науки. № 5. С. 40, 42; 3) Восточнославянские риторики XVII—начала XVIII века // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. С. 91—93, 99; 4) Риторики в России XVII—XVIII вв. М., 1988. С. 12—21, 70—72; Судаков Г. В. Грамотность и книжная культура вологжан в XVII в. // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Вологда, 1973. С. 221. (Северный археографический сборник. Вып. 3); Дмитриев Л. А. Житийные повести Русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973. С. 250—251; Возникновение русской науки о литературе. М., 1975. С. 29; Виноградов В. В. Избранные труды: История русского литературного языка. М., 1978. С. 140—141; Николаев П. А., Курилов А. С., Гришунин А. Л. История русского литературоведения. М., 1980. С. 14—15; Курилов А. С. Литературоведение в России XVIII века. М., 1981. С. 48—51; Kraus J. Rétorika v dějinach jazykové komunikace. Praha, 1981. S. 124; Понырко Н. В. Учебные риторики на Выгу // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 157; Аннушкин В. И. 1) О словесных разночтениях в ранних списках «Риторики» начала XVII века // Роль слова в стихе и прозе: (Материалы конференции). М., 1983. С. 8—9; 2) Композиция и терминология первой русской «Риторики» // Риторика и стиль. М., 1984. С. 42—68; 3) Редакции «Риторики» начала XVII в. // Древнерусская литература: Источниковедение. Л., 1984. С. 234—248; 4) Первая русская «Риторика» начала XVII века. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1985; 5) История текста «Риторики» начала XVII в.: (Археографические наблюдения) // АЕ за 1985 г. М., 1986. С. 75—85; 6) Первая русская «Риторика»: (Из истории риторической мысли). М., 1989. («Лекторское мастерство». 1989. № 8); Steinkühler H. Die Theorie der Rede in Russland zu Beginn des 17. Jahrhunderts. Die Makarij-Rhetorik im europäischen Kontext // Slavische Barockliteratur II. Gedenkschrift für D. Tschižewskij (1894—1977). München, 1983. S. 153—177; Мечковская Н. Б. Ранние восточнославянские грамматики. Минск, 1984. С. 8; Буланина Т. В. 1) Риторика в Древней Руси. Сведения о теории красноречия в русской письменности XI—XVI веков. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1985. С. 16—19; 2) Ранние списки «Риторики» псевдо-Макария и проблема ее датировки // Археография и изучение духовной культуры: III Уральские археографические чтения. Тезисы докладов. Свердловск, 1987. С. 9—10; 3) К вопросу о датировке первой русской «Риторики» // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 36—57; Елеонская А. С. 1) Новые тенденции в развитии ораторской прозы // Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII—начала XVIII в. М., 1989. С. 114; 2) Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. С. 25—36; Лахманн Р. Два этапа риторики «приличия» (decorum) — риторика Макария и «Искусство риторики» Феофана Прокоповича // Развитие барокко... С. 149—169.

В. И. Аннушкин, Т. В. Буланина

21 Заказ 3003

Макарий (кон. XVII—нач. XVIII в.) — монах Анзерского скита, автор предисловий к описным книгам, предполагаемый автор *Жития Елеазара Анзерского*, написанного около 1700 г. Эта точка зрения принадлежит первым исследователям Жития В. О. Ключевскому и И. Яхонтову, которые отождествили дважды упомянутого в тексте монаха М. как его «списателя» с учеником Иова Распятского (Иисуса Голгофского), составителем Вкладной книги Анзерского скита 1710 г. (ГПБ, Солов. Анзер. собр., № 2/1370). Во Вкладной книге М. пишет, что он постриженик Анзерского скита, ученик Иисуса Голгофского, но о своем участии в составлении Жития не сообщает. Деятельность как автора Жития, так и составителя Вкладной книги по сбору легендарных и биографических сведений о первом строителе Анзерского скита *Елеазаре* и обнаруженное в анзерских документах его имя — М. позволяют присоединиться к мнению прежних исследователей.

Впервые монах М. упоминается в грамоте 1694 г. *Афанасия Холмогорского* соловецкому архимандриту Фирсу (копия XVIII в. в копийной книге: Отдел рукописных, печатных и графических фондов государственных музеев Московского Кремля (далее ОРПГФ ГММК), рук. 1408, л. 6 об.—9). Согласно грамоте, около 1694 г. анзерский строитель Товия принял в скит и постриг «в монашеский чин» с именем М. «без братскаго совету белца пришлого, неведомого человека», что вызвало возмущение анзерского чернеца Сираха, отправившегося с донесением об этом событии в Архангельск к архиепископу Афанасию. Товия с М. тоже последовали к Афанасию, но для посвящения нового монаха в иеромонаха. В беседе с архиепископом М. рассказал, что он родом «москвитин», «дворянской породы»; дело кончилось тем, что как неискусный в монашеском житии М. был отправлен на Соловки без посвящения. Имя монаха М. появляется в описной книге Анзерского скита 1701 г. (ОРПГФ ГММК, рук. 1403, л. 33 об.) при перечислении скитской братии.

С 1704 г. М. при строителе Иове Распятском занимается составлением скитских отводных книг. Ему принадлежат три отводные: 11 сентября 1704 г. (ОРПГФ ГММК, рук. 1405, 2-я тетрадь), 13 февраля 1707 г. (ОРПГФ ГММК, рук. 1405, 1-я тетрадь), 16 июля 1710 г. (ОРПГФ ГММК, рук. 1406). Описные М. снабдил подробными оглавлениями, в которых расписал главы и подглавки с указанием листов; в описании книг прежнее деление книг на печатные — рукописные и по размеру дополнилось делением их на новоисправные и старой печати, четьи и богослужебные. В главах о книгохранительнице М. использовал новый принцип описания книг — по месту их расположения, по тому порядку, как они хранились на полках, что теперь дает возможность восстановить принципы хранения и классификации книг в скитской библиотеке в начале XVIII в. Описные 1704 г. и 1710 г. открываются обширными предисловиями, написанными

силлабическими виршами о пользе книжного учения, в них прославляется «соборная апостольская церковь», раскрывается важность и назначение каждой церковной утвари. Отводные превращаются из сухого перечисления скитского имущества в подробное описание ценностей скита, с указанием пользы каждой вещи. В отводной 1710 г. есть «Предисловие благоразумному настоятелю и еже по приказу его отводному старцу...», в котором даются подробные инструкции «благоразумного» составления отводных книг. Отводная 1710 г. разбита на четыре части — каждая посвящена определенной теме. Первая «убо церковная книга», вторая — «в ней же описуется святая книгохранительница», третья — «в ней же описуется священническая ризница», четвертая — «скитская». М. фиксирует каждую вещь и приводит имеющиеся на них записи. Он описывает каждую постройку, икону, книгу и проч. — все, что сохранялось в ските от первого строителя Елеазара до Иова Распятского. Поэтому эта описная отличается от других большей подробностью в изложении. М. составляет алфавитный список книг Анзерской библиотеки, дополняя его таким же списком книг Соловецкой библиотеки, которых нет в Анзерах, чтобы каждый скитянин мог прочесть их «душевного ради спасения».

Во Вкладной книге скита 1710 г. М. объединил известные ему и бытующие на Соловках и Русском Севере легенды о Елеазаре Анзерском с подлинными биографическими подробностями из скитского архива, попытался восстановить библиотеку скита и имущество пустыни по сохранившимся на книгах и вещах вкладным записям. Следующее упоминание о М. датировано 1712 г., когда в среду 18 июня Богородица с Елеазаром Анзерским явились Иову Распятскому и предсказали ему основание на горе Голгофе скита с двумя его учениками — иеросхимонахом Матфеем и монахом М. (ГПБ, Солов. Анзер. собр., № 75/1441). В июне 1713 г. Иов Распятский с М. отправился к преосвященному архиепископу Холмогорскому и Важескому Варнаве с просьбой поставить на Голгофе две церкви: на горе — во имя Распятия Господня, под горой, где явилась Богородица Иову, — во имя ее Успения (ГПБ, Солов. Анзерск. собр., № 75/1441, л. 73 об.—75).

Монах М. часто фигурирует в приходо-расходных книгах Анзерского скита 1710—1714 гг. (ЦГАДА, ф. 1201, оп. 1, № 990). С 1714 г. имя М. в анзерских документах не упоминается.

Библиографию см. в статье «Житие Елеазара».

С. К. Севастьянова

Макаров Козьма Васильевич см. *Описание Триумфальных ворот.*

Максим (во иночестве Моисей) (1-я пол. XVII в.) — протопоп Благовещенского Кремлевского собора (1618—1635 гг.), архиепископ Рязанский (10.I.1638—15.II.1651 гг.), автор «росписи» новгородским

святым. Будучи духовником царя *Михаила Феодоровича*, М. венчал его первым и вторым браком в Успенском соборе и был за свадебным столом. Крестил царевну Ирину Михайловну и царевича *Алексея Михайловича*. В 1635 г. постригся в монахи, состоял иеромонахом Троице-Сергиева монастыря, впоследствии занял Рязанскую архиепископскую кафедру. Принимал участие в обряде венчания на царство царя Алексея Михайловича. М. как старший член причта Благовещенского собора пользовался доходами с вотчин, пожалованных собору царской грамотой; получал ценные подарки и деньги от царя и царицы за причащения, молебны, исповеди, славословия. Подарки и денежное содержание получали и члены его семьи. Два его сына находились на царской службе.

Перед пострижением в монахи, в 1634 г., М. удалился в Новгород, куда царица послала ему жалованье — «зуф (восточную шерстяную материю) маков цвет мерою девятнадцать аршин без чети». В своем письме, посланном 26 февраля 1634 г., царица *Евдокия Лукьяновна* просит М. «отписать подлинно», «сколько в Новеграде и в новгородских местех чудотворных мест и в коем месте который чудотворец какими чудесы от Бога просвещен». Вероятно, между царицей и М. и прежде происходила переписка, т. к. ее несколько этикетное уверение в том, что царь никакого гнева на М. не держит, могло основываться на каком-то сомнении, высказанном ранее ее адресатом: «А что ты сумняешся об государской милости. . .». Требуемую справку в Москву привез сын М. Ананий 23 мая 1634 г. вместе с отпиской М., в которой он благодарит царицу за жалованье, выражает радость по поводу государской милости и свое желание поклониться московским чудотворцам, получить прощение у гроба патриарха *Филарета* и «ваши б государские пресветлые очи видети». («Отписка, писанная столбцем на 3 листках, быв свернута пакетом, имеет на обороте надпись: „Благоверной и христолюбивой государыне царице и великой княгине Евдокии Лукьяновне“ и помету — „142 маия в 23 день привез протопопа Максима сын Онанья. Вклеить в столп“». Забелин, опубликовавший в 1862 г. тексты и материалы, не указывает ни хранилища, ни шифра. Извеков, повторивший издание письма царицы и «отписки» М. в 1906 г., ссылается на Опись столбцов XVII в., хранящихся в Московском отделении Общего архива Министерства императорского Двора, — Опись, Т. 25. Г. 142 № ст. 2-го раз. 208.)

Составляя свою «роспись» новгородских святынь («Писано столбцем на 8 листках»), М. прежде всего говорит о необходимости обратиться к литературному источнику — житиям святых: «и... те чудеса их подлинно объявлены в писании жития их. И будет, государыня, повелишь списати тех чудотворцов жития с чудесами их подлинно, и яз, государыня, тотчас велю списати с житиями и чудеса тех новгородских чудотворцев, которым житья и чудес у вас, государей, не сыщутца».

Более или менее подробно описывая в своей «росписи» погребения двадцати одного новгородского святого, в том числе неканонизированных исторических деятелей, М. сопровождает каждое описание исторической или житийной справкой. В некоторых случаях это действительно краткое упоминание каких-то эпизодов жития (например, об архиепископе *Иоанне* — «его ж молитвою избавила пречистая Богородица Знамение древле град», или об Антонии Римском — «прииде Божиим мановением из Риму на камени по водам»). Обращался М. не только к житиям, но и к повестям: описывая гроб князя Мстислава Ростиславича, М. ссылается на то, что «глаголют его в повестех велми храбра на бранех и ходяща в Рим браниею», или в связи с именем архиепископа *Василия* М. вспоминает легенду о белом клобуке. Иногда М. сообщает дату празднования святого, но есть случаи, когда по «росписи» можно судить о процессе канонизации, так, об Арсении сказано: «А тропарь и кондак ему составлен, а празднества еще не установлено».

М. не был одинок в составлении подобных «росписей». Обширная Новгородская епархия, охватывавшая земли от Соловков до Вологды и Свири, включала в себя большое количество знаменитых монастырей. В самом Новгороде и его пригородах святыни были расположены довольно тесно. *В Летописях Новгородской IV* и *Софийской I* под 1386 г. перечислены 24 монастыря в окрестностях Новгорода, сожженные новгородцами в целях обороны перед готовящимся походом Дмитрия Донского на Новгород (ПСРЛ. 2-е изд. Л., 1925. Т. 4, ч. 1, вып. 2. С. 346; СПб., 1851. Т. 5. С. 241). В XVI в. при архиепископе Александре (1572—1589 гг.) была составлена запись о ружных (получающих царское жалованье) монастырях и церквах в Новгороде и новгородских пятинах (ВОИДР. 1856. Кн. 24. Смесь. С. 25—40; не было ли вызвано составление этого документа разгромом и грабежом монастырского имущества и церковной казны, учиненными *Иваном IV* в походе 1570 г.?).

Особое внимание к описанию новгородских святынь было проявлено в связи с оккупацией Новгорода в 1611—1617 гг. войсками Якова Делагарди. Публикуя документ под названием «Роспись, сколько в Великом Новегороде на Софийской и на Торговой стороне градских и около градских монастырей, местных храмов и приделов, учиненная в 1615 году, после опустошений, произведенных в Новегороде шведскими войсками...», Евгений Болховитинов замечает, что «большая часть сих монастырей и церквей шведами во время пребывания в Новгороде ограблены, разрушены, сожжены. В подлиннике, откуда списана сия роспись, перечислены и все разоренные монастыри и церкви около Ильменя озера и по всему Новгородскому уезду, а сверх того примолвлено, что кроме перечисленных разорено шведами еще 170 монастырей и множество церквей около Орешка, Ладоги, Ямбурга, Копорья, Ивана-города, Гдова, Порхова, а также в Заолонецких пого-

стах». Еще раз Новгород был полностью описан после заключения 23 февраля 1617 г. Столбовского мира, возвращавшего Новгород России. Князь Д. И. Мезецкий с дьяками занимались описанием с марта по август 1617 г. Среди прочего были описаны Софийский собор с приделами, церкви Владычного двора, храмы Софийской и Торговой стороны, городские и окрестные монастыри. Запустение Софийской стороны продолжалось много лет, вплоть до 30-х гг. XVII в. Интерес к новгородским храмам проявился и в изобразительном искусстве: на омофоре, который хранился в ризнице новгородской Софии (Л. А. Мацулевич датирует его первой половиной-серединой XVII в.), был вышит план Детинца с церквами.

«Росписи» М. предшествует близкая ей роспись 1626—1634 гг., составленная, вероятно, еще при патриархе Филарете и сохранившаяся в сборнике XVII в. Синодальной библиотеки под названием «О святей соборней церкви Софии премудрости Божии, иже в Велицем Новгороде и о новгородских чудотворцех, идеже коиждо лежит» (опубликована А. Никольским). Не исключено, что интерес царицы Евдокии Лукьяновны к новгородским святыням вызван был влиянием Филарета. Отличие «росписи» М. от предшествующих — в ее бóльшей ориентации на литературные источники, в то время как другие были скорее документальными реестрами церковных реликвий.

Изд.: Забелин И в. Описание Новгородских святынь в 1634 г. // ЧОИДР. 1862 Кн. 4. Отд. 5. Смесь. С. 50—56; Извеков Н. Д. Московские кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII веке. М., 1906. С. 22—23, 84, 98—99. 141—145, 154, 155, 157, 225—228, 230—232. (Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. Т. 2); Янин В. Л. Некрополь Новгородского Софийского собора: Церковная традиция и историческая критика. М., 1989. Приложение 5. С. 217, 221—224.

Лит.: [Болховитинов Е.]. Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода. М., 1808. Прибавление 2. С. 81—88 (перепечатано: Павлов А. М. Историческое описание святыни Новгорода. СПб., 1848. С. 54—68); Ровинский Д. Русские народные картинки. Кн. 2. Листы исторические, календари и буквари. СПб., 1881. С. 300—304 (№ 619. Вид Новгорода и приписанных к нему монастырей). Никольский А. Описание святой Софии в Новгороде и святыни древней Велико-Новгородской области (до 1654 года) // ВАИ. 1901. Вып. 14. С. 219—226; Мацулевич Л. А. Храмы Детинца на неизданном плане Новгорода XVII века // Сборник Новгородского общества любителей древности. 1910. Вып. 3. С. 1—11; Очерки истории СССР: Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в. М., 1955. С. 572—576. 599—602; Опись Новгорода 1617 года. М., 1984. Ч. 1. С. 16; Ч. 2. С. 322—330. (Памятники отечественной истории. Вып. 3).

М. Д. Каган

«Малая прохладная комедия об Иосифе» — пьеса придворного театра царя *Алексея Михайловича*, поставленная в ноябре 1676 г. Это было время наибольшей активности театрального предприятия, когда шло шесть пьес (кроме М. п. к. *Артаксерксово действо*, *«Иудифь»*, *«Комедия о Товии младшем»*, *«Темир-Аксаково действо»*,

«*Комедия о чуде святого Георгия*»). М. п. к. разучивалась в Мещанской слободе с 8 октября по 6 ноября под наблюдением бакалавра Ивашки Федорова Волошенинова. В это же время актеры, из которых нам известны имена мещанского сына Ивашки Иванова и подьячего Посольского приказа Михаила Белянинова, были пожалованы деньгами для поденного корма.

Автором М. п. к. был пастор *Иоганн Грегори*, хотя постановку осуществили уже его помощники во главе с *Юрием Гивнером*, т. к. в феврале 1675 г. Грегори умер. Пьеса была написана на немецком языке, а затем переведена на русский. Грегори, создавая комедию, пользовался немецкой Библией 1641—1643, или 1654 гг. Оттуда было заимствовано имя жены Пентефрия — Вильга (в славянской Библии она имени не имеет). Кроме канонического библейского текста Грегори были известы апокрифические *Заветы двенадцати патриархов*, текст которых послужил литературным источником для выразительных диалогов Иосифа и Вильги. Из апокрифа взято и имя египтянина, хозяина Иосифа — Пентефрий (в Библии — Потифар) (Тихонравов Н. С. Памятники отреченной русской литературы. СПб., 1863. Т. 1. С. 213—225). Библейский сюжет об Иосифе Прекрасном (Бытие, гл. 37, 39—45) — один из самых популярных в европейской драматургии и искусстве. Поскольку страданиям Иосифа в Евангелии соответствовали страдания Христа, инсценировка библейских глав об Иосифе включалась в мистерии страданий Христа и в спектакли школьных театров. Средневековые драматурги сочетали библейский источник с апокрифическим.

Пьеса Грегори написана как светское произведение. В ней нет аллегорий и параллелей с Евангелием. История Иосифа трактуется им как житейская. Динамично развивающееся действие, резкая смена счастливых и горестных ситуаций, трагические переживания персонажей (Иосифа, сначала брошенного в ров, а затем проданного в рабство, старого отца, оплакивающего Иосифа и падающего в обморок, — ремарка «зде старый отец обмирает», брата Рувима, не нашедшего Иосифа во рве, — ремарка «растерзает ризы своя», и пр.) — все эти экспрессивные приемы были рассчитаны на эмоциональную реакцию зрителей. Не менее драматургически сильны и сцены обольщения Иосифа Вильгой. Грегори сознательно вывел эти действия перед зрителями, в то время как в некоторых европейских постановках (в пьесах Ле Же, Бидермана) обольщение происходит за сценой. Для русского зрителя показ земной любви был нововведением, способным сделать зрелище особенно увлекательным, трагедийно насыщенным и поучительным — чистота и благочестие Иосифа становятся особенно яркими на фоне страстных речей Вильги (Перетц В. Н. Театр в Московской России 250 лет тому назад // Старинный театр в России. Пб., 1923. С. 49—51). С другой стороны, в поведении Вильги зритель мог усмотреть хорошо знакомое ему проявление характера «злой

жены», недаром Иосиф награждает ее эпитетами «нечестивая» и «окаянная».

Другой особенностью русской пьесы явилось ее приближение к московскому быту XVII в. «Авторы уже не мыслили своих героев вне интересов «службы». Библейские персонажи в русских драматических... произведениях обычно служили царю или какому-либо господину... Так, библейский Пентефрия... распространяется не перед кем иным, как перед приказными людьми: „Вси мои приказные люди, и писцы, и служилые! Вся яже Иосиф моим именем Пентефриевым вам повелит, аки от меня самого слышали, исполняйте!“» (Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. М., 1977. С. 105). Персонажи Ветхого завета приобретали черты москвичей XVII в. (ср. с обращением к царю Алексею Михайловичу и прославлением Москвы в «Артаксерксовом действе»).

М. п. к. обрывается на оклеветании Иосифа Вильгою. Однако есть основания считать, что в пьесе Грегори была представлена вся история Иосифа. В документах по истории театра, собранных Богоявленским, наряду с описанием костюмов «сынов Израилевых» — 12 киндячных платьев и 12 шляп, расписанных золотом, говорится и о 25 аршинах холста на мешки, «во что у Иосифа хлеб сыпать». М. п. к. дошла до нас в двух списках, одинаково неполных. По-видимому, оба они восходят к общему дефектному протографу. Список XVII в. находится в Швеции, в собрании гимназии г. Вестероса, он принадлежал шведскому ученому *И. Спарвенфельду*, посетившему Москву в 1684—1687 гг. (Ad 10; описание см.: Черепнин Л. В. Материалы по истории русской культуры и русско-шведских культурных связей XVII в. в архивах Швеции // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 472—477); список опубликован в кн.: «Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в.» Второй список XVIII в. хранится в ГПБ, собр. Сухтелена, F.XIV.6 По этому списку комедию опубликовал Н. С. Тихонравов. В этих же рукописях и также без последних сцен переписана *Жалобная комедия об Адаме и Еве*. О существовании еще одного, возможно старшего, списка сообщается в материалах Богоявленского: «В нынешнем, во 184 (1675) году по указу великого государя... переплетал в Посолской приказ иноземец Яган Элкур... 3 книги в пеструю бумагу, а в них писаны комедии: Артаксесова, Юдифина, Темир-Аксакова, Георгиева, Иосифова, Адамова действа».

Изд.: Тихонравов Н. С. Русские драматические произведения 1672—1725 годов. СПб., 1874. Т. 1. С. XIII, XLVIII, 270—295; Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972. С. 14—23, 93—114, 296—309 (вступ. ст. и коммент. О. А. Державиной; подгот. текста О. А. Державиной и А. С. Демина).

Лит.: Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 169—172; Богоявленский С. К. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914. С. XI—XIII, 61—62, 66, 69; Щеглова С. Актеры и зрители светского театра XVII—XVIII вв. // Старинный спектакль в России. Л., 1928.

С. 213—217, 223, 225; Носкова О. Московский светский театр на рубеже XVII—XVIII вв. // Там же. С. 275, 280, 283, 290; Еремин И. П. Московский театр XVII в. // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2. ч. 2. С. 363—373; Кудрявцев И. А. «Артаксерксово действо» — первая пьеса русского театра XVII в. // Артаксерксово действо. М.; Л., 1957. С. 27—28; Мазон А. «Артаксерксово действо» и репертуар пастора Грегори // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 361—363; Державина О. А., Демин А. С., Робинсон А. Н. Появление театра и драматургии в России в XVII в. // Первые пьесы русского театра. М., 1972. С. 15, 20—22, 24—25, 34—36, 95—98.

М. Д. Каган

Малевинский Арефа (2-я пол. XVII в.) — подьячий тотемской приказной съезжей избы, автор любовных писем (сохранилось тринадцать) 1686 г. к девице Аннице, сестре тотемского дьякона церкви Воскресения Михаила Федоровича Федотова. Автографы писем сохранились в составе судного дела (ГПБ, ф. 299, собр. Зинченко, № 981). Об ответчике по этому делу известно лишь, что он был коренным тотемцем (его брат Дмитрий был священником тотемской Петропавловской церкви) и вдовцом (в письмах упоминается сын М.).

Обстоятельства судного дела в изложении М. выглядят следующим образом. 14 августа 1676 г. дьякон Михаил Федотов зазвал М. в гости и в клети своего дома «для смертной устрастки» вынудил его написать сговорную запись о женитьбе на дьяконовой сестре Аннице. Свадьбе надлежало быть в первое воскресенье после Крещенья 1687 г., а за неисполнение обещания предусматривалась неустойка в пятьдесят рублей. В тот же день М. подал жалобу на дьякона и потребовал дезавуировать сговорную запись.

Михаил Федотов, со своей стороны, объяснил дело следующим образом. В гости он М. не звал, «пришел де он, Аревка, в ночи к сестре ево... в клеть, а она де... Анница в клете спала с сестрой своей с девкой Федоркой». Федорка выбежала из клети, заперла ее, разбудила в избе дьякона с дьяконицей: «Пришел де приказные избы подьячей Арефа Малевинской в клить к сестре моей... и сестру мою в клите изнасиловал». Дьяконов брат Ивашка залез на крышу, чтобы перенять М., а дьяконица позвала соседей. Вместе с ними дьякон вошел в клеть, М. стал им кланяться и попросил чернил да бумагу «и стал писать на себя полюбовную запись». Соседи показали, что «устрастки и побоев» не было.

Дьякон требовал очной ставки с М., но тот сбежал в Москву. В конце концов архиепископ Великоустюжский и Тотемский Александр приказал разобрать дело, когда М. вернулся домой. 13 декабря 1686 г. архимандрит Спасо-Суморина монастыря Игнатий «с товарищами» свел на тотемском архиепископском дворе истца и ответчика. Из судоговорения ясно, что встретились два плута. М. стоял на том, что «мучил де он, дьякон, ево, Аревку, в клите, хотел убить», причем ни Анницы, ни вообще посторонних людей при этом не было. Дьякон

возражал; М. доказывал свою правоту тем, что сговорную запись не скрепили послухи, и тем также, что не было росписи о приданом. М. обвинял дьякона в клевете. Тот представил 13 «советных писем» (это русский синоним «billets doux»: ср. «совет да любовь»), «а сказал, те де письма ево Аревкина рука».

В судном деле (39 составов) много автографов М. Он писал четкой и красивой приказной скорописью. Что до вклеенных в дело писем, то они написаны примитивным поздним полууставом. Нельзя полагать, что этот почерк рассчитан на «полуграмотную» Анницу. Из опроса свидетелей выяснилось следующее: посредником между М. и Анницей Федотовой был «тотемець посадской детина Лазарко Викторов» (а также Стенька Прокопьев сын Кузнецов). Лазарко показал: «В розных месяцех и числех носил он... от Арефы Малевинского многие грамотки в дом воскресенского диакона... к сестре его девке Аннице, а что де в тех грамотках было писано, того он... не ведает. А многие грамотки он, Арефа, к нему, Лазарку, на дом приносил и на площеди ему... давал, и те де грамотки велел относить... Аннице. А она... к... Арефе от себя писала напротиво грамотки ж. И те де ее девкины грамотки к... Арефе относил он же, Лазарко».

М. запирался: «те де писма рука не ево», чьи они и к кому писаны, он не знает, «потому что они писаны гладью и имян никаких в тех писмах не написано, и гладью писать он, Аревка, не умеет, а знатно де, что те писма воровские, потому что он де, дьякон, под многие писма рукою своею подписывался». Очевидно, что М. заранее старался избежать последствий своих домогательств. Действительно, в 13 письмах нет ни обращения, ни подписей.

М., искушенный в приказном крючкотворстве ярыжка, всячески пытался опорочить истца. Он обвинил дьякона в том, что и покойный отец его поп Федор, и сам он подделывали почерки тотемских подьячих ради выгоды. Дьякон отрицал это, и тогда М. обрушил на него множество «укоризн». У одного жителя Тотьмы Михаил Федотов якобы украл гуся; дьякон недостоин «у престола божия предстояти, потому что... у прежняго воеводы у Ивана Мичюрина украл борана, и того борана своими руками убил, а овчину с того борана сам ли снимал или нет, того он, Аревка, не ведает. И того же дни он, дьякон, литоргию божию служил». Истец опровергал обвинения, но их было слишком много: «и двух баранов у воеводы украл», и воеводские слуги взяли их из дьяконовой бани; «своровал, в хмельнике четырех баранов убил»; унес у кого-то «овин соломы овсяные из гумна»; «переносил воровски изо взорода рождественское сено» и т. д.

На оправдания дьякона у М. был заранее приготовлен список с челобитной некоего свидетеля-устюжанина. Там были эти и новые улики, вплоть до того, что дьякон «ко Кручинихе ходит». М., в соответствии с приемом argumentum ad personam, пытался так или иначе опорочить противника. Дьякон дрогнул, когда противник на-

помнил ему о распрях с воскресенским причтом, с попом Иаковом и пономарем Ивашкой: они обижают Михаила Федотова и в церковных доходах, и в сенных покосах; когда дьякон приходит «к попу на благословение с стихарем и орарем, и он де поп Иаков на благословение к себе... не пущает, только де посылает с стихарем и орарем к нечистому духу». Наконец, и дьякон ответил М. тем же, заявив, что брат ответчика «до поповства изнасиловал у тотемца у Федора Дюпина дочь его девку Федосьицу», а у другой девки «добыл робенка». Вся эта перебранка заняла целый день. Впрочем, М. не расположил судей в свою пользу. Хотя конец судного дела и не сохранился, ясно, что М. ожидало наказание.

Любовные («советные») письма М. — не исключение в эпистолярном наследии 80-х гг. XVII в. (ср. письма царевны *Софии Алексеевны* князю *В. В. Голицыну*). Историко-литературная их ценность — вовсе не в «простонародности», потому что в то время в любовной переписке «социальные диалекты» еще не существовали. Тяжба тотемского подьячего и воскресенского дьякона — это тяжба двух плутов. М. наперед боялся осложнений (поэтому он писал «гладью» и «без имян»); Анница Федотова тоже действовала с задней мыслью, иначе она не сохранила бы записки своего соблазнителя и не передала бы их брату. Ничего романтического в отношениях М. и Анницы не было. «Советные письма» М. красноречиво характеризуют русский провинциальный быт конца XVII в.

Изд.: Гейман В. Г. «Billets doux» подьячего приказной избы гор. Тотьмы Арефы Малевинского к сестре тотемского дьякона девке Аннице, писанные в 1686 году // Начала. Журнал истории литературы и истории общественности. Пг., 1921. № 1. С. 204—207; Панкратова Н. П. Любовные письма подьячего Арефы Малевинского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 364—369.

А. М. Панченко

Мардарий (1-я пол. XVII в.) — автор стихотворного послания. Биографических сведений о М. не сохранилось. Послание М. входит в состав компилятивного памятника, озаглавленного «Послания многоразлична, а в них описует имена отлична» и состоящего из четырех частей, каждая из которых содержит акростих: «Нафанаил», «Мартирии», «Мардарии» и «Алешка Романчуков» (ГБЛ, ф. 299, собр. Тихонравова, № 380, л. 108—109; ф. 726, № 2; БАН, Арх. собр., Д. 527, л. 91—94; С. 210, л. 67 об.—68 об.); А. М. Панченко считает, что это имена не адресатов, а авторов — *Нафанаила*, *Мартирия*, М. и *Алексея Саввича Романчукова.* Подбор имен, по мнению исследователя, позволяет опознать в первых трех духовных лиц, скорее всего монахов.

Послание М., как и другие послания в составе компиляции, написаны в традициях виршевой поэзии приказной школы 30—40-х гг.

XVII в. Эпистолии приказных поэтов часто не несли никакой информации, а являлись лишь упражнениями в составлении рифмованного акростиха. Для облегчения этой задачи существовал *Алфавит краестрочный* — набор предложений, пригодных для сочинения эпистолий или других стихов и расположенных в азбучном порядке. Возможно, некоторые из посланий, входящих в компиляцию, составлены с применением такого пособия. Компиляция «Послания многоразлична...» издана целиком в кн. А. М. Панченко и по частям в кн. «Виршевая поэзия».

Изд.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 38, 47, 242—243; Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М., 1989. С. 217—219, 436.

Е. Н. Матвеева

Мардарий Хоныков (Хоников) (2-я пол. XVII в.) — монах, служащий Печатного двора в последней четверти XVII в., поэт. Он принадлежал к кругу хорошо образованной служилой московской интеллигенции, знал латынь и греческий, входил в корпорацию поэтов-профессионалов конца XVII в., отличительной особенностью которых является, как правило, монашеский чин, личные, родственные или служебные связи, близость ко двору. Происхождение М. нам неизвестно, связи его со смоленским дворянским родом Ханыковых (Хоныковых) не прослеживаются; возможно, он, как и многие его сослуживцы, выходец из низов. По указу царя *Феодора Алексеевича* и патриарха *Иоакима* он 11 декабря 1676 г. значится чтецом Печатного двора и книгохранителем библиотеки с окладом в 4 рубля, который в 1679 г. был повышен до 10 рублей. Это, вероятно, связано с постройкой в 1679 г. для Типографской библиотеки нового здания, куда было перемещено все книжное собрание Печатного двора. При этом книгохранитель М. проделал большую работу по приведению библиотеки в порядок: скопированы опись 1677 г. и старые отчеты, изготовлены и наклеены на корешки ярлыки с названием рукописей и печатных изданий, книги закреплены за Типографской библиотекой пометой «Казенная». В сентябре 1680 г. М. назначен справщиком с окладом в 35 рублей, за ним сохраняется и должность библиотекаря с окладом в 6 руб. С 1682 по 1684 г. он только справщик и получает 40 рублей. В 1684 г. М. вместе с *Сильвестром Медведевым* и *Карионом Истоминым* был в числе справщиков, не допущенных к подготовке издания 12-томных служебных миней, а занимающихся текущей работой. В 1685 г. имя М. исчезает из документов.

М. — автор силлабических стихов на библейские сюжеты. Стихи написаны для гравюр Библии Николая Пискатора, известной на Руси в издании 1650 г., но особенно распространенной в издании 1674 г.

Частично это перевод латинских стихов, сопровождавших гравюры, частично собственное сочинение М. Так, нет латинских стихов к картинкам Апокалипсиса и ко многим сюжетам Нового завета; в этих случаях М. составлял вирши сам. Имя автора стихов и время их сочинения известны из обращения к читателю, содержащего акростих: «Монах Мардарий Хоников Трудился», откуда почерпнуто было прозвище «Хоников» вместо «Хоныков» — в акростихе невозможно было начать строфу с буквы «Ы». В этом же обращении говорится, что «понудил» М. к работе Афанасий Иванович Федосеев, учитель царевича Федора Алексеевича, и окончена она была в 7187 (1679) г. Грандиозный труд М. состоит из 3824 одиннадцатисложных стихотворных строк, рифмованных попарно и, как правило, имеющих глагольную рифму. Под каждой картинкой помещено разное количество строк, от четырех до двадцати.

Произведение М. относится к культуре московского барокко. Особенность стихов в их тесной связи с иллюстрациями, довольно сложные сюжеты которых они разъясняют и истолковывают. Гравюры Библии Пискатора, созданные по картинам фламандских и голландских мастеров XVI в. в стиле итальянского ренессанса и готического барокко, были новым художественным явлением для русских книжников и тем не менее оказали большое влияние на последующее развитие иллюстрации и фресковой живописи. Заглавие Библии Пискатора, начинающееся словами «Theatrum Biblicum, hoc est historiae veteris et novi testamenti tabulis aeneis expressae», в русских рукописях переведено как «Зрелище сие есть книг божественных, ветхих и новых повестей священных». Произведение М. перекликается с целым рядом памятников 70—80-х гг. XVII в. — книгами стихов *Симеона Полоцкого* с их «театром вещей», «Зрелищем жития человеческого» — баснями Эзопа, переведенными *А. Виниусом* с иллюстрированного пражского издания «Theatrum morum». Гравюры Библии со стихами М. можно поставить рядом с пышно иллюстрированными книгами, созданными в Посольском приказе, — *«Титулярником»*, «Книгой об избрании на царство Михаила Федоровича», «Василиологионом», «Хрисмологионом», «Книгой о сивиллах», «Книгой избраной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» (см. *Николай Спафарий*). Все эти книги объединяет их зрелищность, они рассчитаны на зрительное восприятие, что отражается в иллюстрациях, в тексте, в шрифтовом орнаменте. С другой стороны, познавательно-дидактическая роль стихов предопределяла их конкретность, простоту, приводила к тому, что автор не применял отвлеченных понятий, не пользовался высокопарными оборотами.

Рукописей со стихами М. насчитывается не более десятка. Они существуют как подписи под гравюрами Библии Пискатора или собраны в сборники без иллюстраций. М. Соколов, первый исследователь стихов М., знал рукопись, ныне утраченную, Петровского времени из частного собрания И. Н. Михайловского в Нежине. По-видимому, стихи М. в

Библии Пискатора Устюжского собрания видел И. А. Шляпкин (Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени // ПДП. 1898. Т. 128. С. 1). А. И. Успенский опубликовал стихи М. по рукописи псковского происхождения из Рижского церковно-археологического музея. Списки стихов М. в Библии Пискатора см.: ГБЛ, собр. Тр.-Серг. лавры, доп. собр., № 370 (K_9) (экземпляр, принадлежавший патриарху *Адриану*); Гос. Публичная историческая библиотека, ОРК, № 178 (стихи к Ветхому завету); БАН, собр. Никольского, № 350, 351; Библиотека Академии художеств (С.-Петербург), Д. 607, 608 (стихи к Апокалипсису). Сборники без иллюстраций см.: БАН, 25.7.13; ГПБ, Q.XVII.210; ЛГУ, ОРК MsE II 67 — все начала XVIII в. См. также: ГБЛ, Муз. собр., № 705.

Возможно, М. переводил фрашки Яна Кохановского.

Изд.: Успенский А. И. Царские иконописцы и живописцы XVII в. М., 1913. Т. 1. С. 276—280; Прил., с. 1—51; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. 2-е изд. Л., 1970. С. 22, 179—183, 378; Белоброва О. А. Вирши Мардария Хоныкова к гравюрам Библии Пискатора // ТОДРЛ. СПб., 1993. Т. 46. С. 334—435.

Лит.: Ровинский Д. Русские народные картинки. СПб., 1881. Кн. 3. С. 259—268, 277—281, 307—310, 319—323, 340, 353—355, 388—389, 527, № 811, 819, 840, 861, 876, 912, 996, 1317—1320; Мансветов И. Как у нас правились церковные книги: Материал для истории книжной справы в XVII столетии. (По бумагам архива Типографской библиотеки в Москве). М., 1883. С. 28; Соколов М. Славянские стихи монаха Мардария Хоникова к лицевой Библии Пискатора // Археологические известия и заметки. 1895. № 9—10 (отд. оттиск: М., 1895); Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. С. 157, примеч. 2; С. 163—165, примеч. 2; Успенский А. И. «Страсти Христовы» — иконы из иконостаса Смоленского собора Новодевичьего монастыря // Московские церковные ведомости. 1901. № 36. С. 416—418; Браиловский С. Н. Один из «пестрых» XVII столетия. СПб., 1902. Ч. 1. С. 30, 32, 33, 35; Тарабрин И. М. 1) Протоколы 89-го заседания Славянской комиссии имп. Московского Археологического общества 24 октября 1906 г. // Древности. Труды Славянской комиссии имп. Московского археологического общества. М., 1907. Т. 4, вып. 1. Протоколы. С. 61—62; 2) Библия Пискатора в истории русской письменности и искусства // Известия 15-го Археологического съезда в Новгороде. М., 1911. № 9. С. 99—101; Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916. С. 16; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2. Ч. 2. С. 361; Артаксерксово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. / Подгот. текста, ст. и коммент. И. М. Кудрявцева. М.; Л., 1957. С. 36—38; Панченко А. М. 1) О русском литературном быте рубежа XVII—XVIII вв. // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 267—271; 2) Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 116, 121—122, 138, 146, 150; Мартынов И. Ф., Кукушкина Е. Д. Забытые тексты русской силлабической поэзии XVII в. // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975 г. М., 1976. С. 44—47; Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 166—174; Белоброва О. А. 1) К истории библиотеки патриарха Адриана // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 411—412; 2) О древнерусских подписях к некоторым нидерландским цельногравированным изданиям XVII в. // Там же. Л., 1990. Т. 43. С. 70—81; Николаев С. И. Три фрашки Яна Кохановского в переводе XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1988. Т. 41. С. 293—295, 299—300; Илюшин А. А. Из наблюдений над текстами силлабических стихотворений XVII—нач. XVIII в. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сб. 2 (XVI—начало XVIII вв.). С. 256—262.

Г. А. Богуславский, М. Д. Каган

Марина (в миру Марфа Лукина) (1-я пол. XVIII в.) — старица, выговская старообрядка, автор силлабического плача на смерть *Андрея Денисова.* О старице М. имеются сведения в «Истории Выговской пустыни» *Ивана Филиппова.* М. играла одну из видных ролей в Выго-Лексинском монастыре, куда, по словам Ивана Филиппова, «еще в первых летех приидe». Она была келейницей Андрея Денисова. После смерти Андрея Денисова, во время правительственного следствия над Выговской пустынью по доносу Круглого (1738—1744 гг.), М. ездила в Петербург с челобитьем от выговцев к императрице. Это путешествие она предприняла по собственной инициативе, вопреки решению руководителей общежительства, колебавшихся, как поступить в этом случае. Старица «уехала из монастыря тайно, и в погоню были за ей посланы, чтоб уговаривать». «История пострадавших отец Филиппа и Терентия» (повествующая о событиях 1737—1742 гг. — об отделении от Выговского общежительства толка филипповцев и самосожжении их во главе со старцем Филиппом) называет М. «старицей-большухой».

Плач М. известен в двух вариантах — пространном и кратком. Краткий вариант образует акростих «Печаль сокрушает мя». Пространный добавляет к краткому еще 40 строк, но не продолжает акростиха, он снабжен в разных списках разными вариантами заглавия: «Стих печаль поет постница Марина, отцеви плачь глашает зде едина», «Стих печальный поет постница Марина в печали», «Стих плачевный по Андрее Дионисиевиче». Перечень списков плача дан в книге В. Г. Дружинина.

Изд.: Понырко Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 278, 282—283.

Лит.: История Выговской старообрядческой пустыни / Изд. по рукописи Ивана Филиппова. СПб., 1862. С. 359, 386—388; Яковлев Г. Извещение праведное о расколе беспоповщины // Братское слово. 1888. № 7. С. 473; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 131—132; Демкова Н. С., Ярошенко Л. В. Малоизвестное старообрядческое сочинение середины XVIII в. «История пострадавших отец Филиппа и Терентия» // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 182.

Н. В. Понырко

Маркелл (ум. 1698) — чернец, писец Посольского приказа; в 1672 г. переписывал подносные экземпляры сочинений *Николая Спафария* и *Петра Долгова*: «Книга избраная вкратце о девятих мусах и седмих свободных художествах» (ГИМ, Синод. собр., № 527) и «Хрисмологион» (ГПБ, Эрмитаж. собр., № 27). По мнению И. А. Шляпкина и К. В. Харламповича, тот же М. в 1679—1680 гг. являлся архимандритом Свенского Успенского монастыря, в 1680—1681 гг. — епископом суздальским, с 1681 г. — митрополитом псковским, с 1690 г. — митрополитом казанским.

М. был хорошо образован, он знал латинский, французский, итальянский языки. К нему был расположен Петр I, который даже пытался выдвинуть в патриархи в 1690 г. не *Адриана*, а М. Противодействие этому оказал *Игнатий*, архимандрит Московского Новоспасского монастыря, обвинивший М. в ереси.

Лит.: ДАИ. СПб., 1857. Т. 6. С. 190—199; Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 287, 384, 656, 907; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.). СПб., 1891 С. 167—168, 170, 270; Харлампович К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. Ч. 1. С. 255—256, 433—434; Артаксерксово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. / Подгот. текста, ст. и коммент. И. М. Кудрявцева. М.; Л., 1957. С. 96—97, рис. 4; Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исслед. и мат. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244.

О. А. Белоброви

Маркелл Колчин (2-я пол. XVI в.—1635) — диакон, ризничий Троице-Сергиева монастыря, автор «писания» об осаде этой обители тушинцами, в переработанном виде включенного в «Историю» *Авраамия Палицына*. Биографические сведения о М. немногочисленны. По мнению Арсения, он попал в Троице-Сергиев монастырь в 1609 г., когда в качестве вклада внес туда 50 руб. Впрочем, М. мог находиться в Троице к началу тушинской осады (23 сентября 1608 г.). Вскоре после 7 марта 1611 г. в сане диакона вместе с троицким житником Гурием Шишкиным подписал отписку ярославцев в Казань, призывающую к борьбе против польско-литовских интервентов (ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. С. 323). Видимо, по решению монастырских властей М. был послан в Ярославль для формирования отрядов ополчения. С 1617 г. и до конца жизни он — ризничий «дома Сергия чюдотворца». На церковном соборе, рассматривавшем внесенные в Требник исправления (июль 1618 г.), обвинял в ереси *Дионисия Зобниновского* (Скворцов Д. И. Дионисий Зобниновский, архимандрит Троицкого Сергиева монастыря (ныне Лавры). Тверь, 1890. С. 255 и др.). 20 августа 1635 г., очевидно, сразу после смерти М., в качестве его вклада в монастырскую казну поступили 10 руб.; такую же сумму он «дал» в Троицу в 1631 г. по своем племяннике иноке Филарете. Имя М. внесено в синодик Сергиевой обители (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / Изд. подгот. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева. М., 1987. С. 194; ГБЛ, ф. 304, № 41, л. 34 об.). В этом монастыре он и похоронен.

По словам Авраамия Палицына, М. принес ему «писание» о видениях, бывших в период осады монастыря (1608—1610 гг.) архимандриту Иоасафу, священноинокам Геннадию, Гурию, Киприану и другим чернецам, умершим к тому времени, а также мирянам — участникам обороны Троицы. Автор «Истории» вкратце, «исправив сие

новелех написати» (Сказание Авраамия Палицына. М.; Л., 1955. С. 152), т. е. внести в свою «книгу». Вероятно, М. записал рассказы о «знамениях» периода тушинской осады по собственным воспоминаниям и передал их Палицыну уже тогда, когда «Сказание» «келаря Аврамея» об осаде было в основном создано (по-видимому, не ранее 1617 г.). Троицкий ризничий мог сделать это по просьбе Авраамия (Плюханова М. Б. Риторический стиль Авраамия Палицына: (Символизация грамматических категорий) // Символ в системе культуры. Тарту, 1987. С. 53 (Труды по знаковым системам. Вып. 21)). Представляется необоснованной мысль М. Н. Бережкова о том, что М. являлся одним из составителей «монастырской истории», которая якобы писалась в Троице после осады и редактировалась Палицыным (Бережков М. Н. Троицкая Сергиева лавра в смутное время Московского Государства начала XVII-го века. Киев, 1893. С. 26—27). Но вряд ли вслед за Л. Е. Морозовой можно думать, будто М. лишь передал «старцу Аврамею» ранние записи об осаде, авторы которых скончались во время первого «обстояния» монастыря (Морозова Л. Е. Вопросы авторства и датировки первых шести глав «Сказания» Авраамия Палицына // АЕ за 1983 г. М., 1985. С. 83). (Заметим, что относительно Иоасафа это фактически неверно: он пережил троицкую осаду).

М. был владельцем нескольких рукописей. Ему принадлежали Канонник, Стихирарь крюковой и, по свидетельству троицкого ризничего Макария, Кормчая (Арсений и Иларий. Описание славянских рукописей библиотеки Свято-Троицкой Сергиевой лавры. М., 1878. Ч. 1. С. 339; Ч. 2. С. 47, 144).

Лит.: Арсений. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Свято-Троицкой Лавры. СПб., 1868. С. 47; [Вирхов Г.]. Список погребенных в Троицкой Сергиевой лавре, от основания оной до 1880 года. М., 1880. С. 79.

Я. Г. Солодкин

Мартирий (1-я пол. XVII в.) — автор стихотворного послания, входящего в компиляцию «Послания многоразлична, а в них описует имена отлична». О компиляции см. статью «Мардарий».

Марфа (в миру Ксения Ивановна Шестова) (ум. 27.I.1631) — инокиня, жена боярина Федора Никитича Романова из рода Захарьиных-Юрьевых, постриженного в монашество под именем *Филарета* по приказу *Бориса Годунова* и возведенного Лжедмитрием II в сан русского патриарха, мать царя *Михаила Феодоровича*, автор писем. М. принадлежала к семье Шестовых, восходящей к Мише Прушанину, участнику Невской битвы, общему предку фамилий Салтыковых, Морозовых, Шеиных, Шестовых. Замужество приобщило ее к царствующему дому последних Рюриковичей. В первые годы царствования

Бориса Годунова семья М. сохраняла свое высокое положение при дворе. Затем последовала опала Годунова на Романовых, опасных для него из-за их возможных притязаний на престол. В 1601 г. Федор Никитич, постриженный в монахи под именем Филарета, был сослан в Антониево-Сийский монастырь, жена его, постриженная под именем М., — в Заонежье, в Егорьевский погост Толвуйской волости. Супруги были искренне привязаны друг к другу; судя по доносам пристава царю Борису, Филарет во время ссылки тревожился о жене и детях: «Милые мои детки! Маленьки бедные остались. Кому их кормить и поить? Мне же что надобно? Лихо на меня жена и дети, как их помянешь, ино што рогатиной в сердце толкнет»; «Где они, милые мои? Кому их кормить и поить? Жена моя бедная на удачу уже жива ли? Чаю, она где близко таково же замчена, где и слух не зайдет». В 1605 г. М. смогла переехать в Клин, где жили ее дети Михаил и Татьяна (двое оставшиеся в живых, из шести, ею рожденных).

После воцарения Лжедмитрия (*Григория Отрепьева*) семья Романовых вернулась в Москву, где была встречена с почетом. Филарет получил сан ростовского митрополита, 12-летний Михаил — чин стольника. М. была свидетельницей московских событий — встречи Марфы Нагой с Лжедмитрием и признания в нем своего сына, венчания на царство Марины Мнишек, гибели Лжедмитрия, воцарения Шуйского, к семье которого была близка. После занятия войсками Лжедмитрия II Ростова Филарет в 1608 г. переехал в Тушино, где был объявлен патриархом, а в 1610 г. отправлен в Польшу с посольством для приглашения на русский престол королевича Владислава. Там он, задержанный Сигизмундом III в качестве пленника, оставался до 1619 г. М. с сыном до 1612 г. находилась в Москве в Кремле, где пережила борьбу москвичей с поляками, осаду Москвы. После освобождения столицы она уехала в Кострому, в Ипатьевский монастырь. Роль М. в государственных делах до возвращения из Польши Филарета довольно значительна. К ней обращается московское великое посольство в феврале 1613 г., «чтобы государыня пожаловала, благословила сына на царство». Дав согласие на венчание Михаила, она становится «государыней великой старицей инокой Марфой Ивановной». Поселившись в Кремле в Вознесенском монастыре, в бывших хоромах Марфы Нагой, она держит в руках дворцовое хозяйство, ее имя ставится в государственных грамотах, от ее имени идут пожалования монастырям и приближенным лицам. У нее свой двор с целым штатом светских прислужниц и стариц-инокинь. М. окружена царской роскошью, в ее хоромы отпускаются из царской казны деньги, драгоценности, ткани, церковная утварь, книги.

После возвращения Филарета влияние М. ограничивается семейным кругом. Она сопровождает сына в его поездках на богомолье, в пеших хождениях к Троице. М. не потеряла своего авторитета и после женитьбы Михаила на *Евдокии Лукьяновне Стрешневой*. Умерла М.,

возможно, скоропостижно, погребена в Новоспасском монастыре в усыпальнице рода Романовых.

В 1619—1628 гг. во время поездок по монастырям М. писала Филарету письма. Опубликовано 47 писем: 1619 г. — 14, 1620 г. — 11, 1621 г. — 2, 1622 г. — 4, 1623 г. — 3, 1624 г. — 1, 1627 г. — 5, 1628 г. — 7. Первые 14 писем были написаны в августе—октябре 1619 г., во время путешествия М. с сыном под Кострому на поклонение Макарию Желтоводскому в основанный им Унженский монастырь, где незадолго до того были открыты его мощи. Поездка совершалась по обету в благодарность за возвращение в июле 1619 г. из польского плена Филарета. Путешествие было тяжелым, в дороге М. болела. Обратный путь пришелся на глубокую осень, в непогоду, о чем Михаил сообщал отцу в письме 24 октября 1619 г.: «для великого непогодья и грязей произволили в Ростове дневати». «А из Ростова... пошли есмя октября в 24 день, в неделю, а идем, государь, мешкотно для того, что дозжи и снеги идут беспрестанно и грязи немерные, поспешить никоими мерами нелзе». Одно из писем, написанное М. 8 мая 1620 г., сообщает о прибытии ее и Михаила в Угрешский Николаевский монастырь, находящийся в 15 верстах от Москвы. Все остальные письма связаны с посещением дважды в год, весной и осенью, Троице-Сергиева монастыря; в 1627 г. М. путешествует с сыном, невесткой Евдокией и внучкой Ириной; в 1628 г. еще и с внучкой Пелагеей. В 1629 г. М. идет в монастырь с сыном, невесткой, внуком *Алексеем Михайловичем* и внучкой Ириной; хотя она упоминается в письмах Евдокии и Михаила Филарету от 17 июня, но сама письма не посылает, что специально отмечено в помете после письма Евдокии: «137 июня в 17 день ис походу идучи к Троице ис села Тонинского послана з жилцом с Сергеем Хоненевым. А от великие государыни иноки Марфы Ивановны грамоты не было». В последующих письмах царя и царицы, прибывших в Троицу 28 июня, М. не упоминается.

Письма М. невелики по объему и лаконичны. Первые письма отличаются эмоциональным, варьирующимся от письма к письму обращением к Филарету. Например: «Всесвятейшему и великому во архиереях, богодуховному в человецех, крайнему святителю, неблазнену во Христе страдальцу»; звучала в них и личная нота — «преж убо по сочетанию законного брака свету очию моею государю и супругу, ныне же по призванию ни от человек, ни человеки, но Богом и отцем и господом Исус Христом государю и отцу Филарету Никитичю Божиею милостию патриарху Московскому и всеа Русии. . .» (23 августа 1619 г.); «. . .по сочетанию хрестьянского закона прежебывшая супруга, ныне же духовная ваша дщерь. . .» (26 вгуста 1619 г.). В других письмах М. называет Филарета «кормчим Христова корабля», «столпом терпения», обращается к нему: «человеку естеством и в подвизех ангелу произволением», «вышеестественному в подвизех»,

«учителю православных». По мере продолжения переписки вырабатывался стереотип как в обращении, так и в форме сообщений о здоровье, прибытии, отъезде, надежде на благополучное возвращение. Последующие письма обычно начинались: «Вышеестественному в подвизех и равноангелному изволением, изрядному во архиереях, богодохновенну в человецех, великому государю и владыце моему, святейшему Филарету Никитичу, Божиею милостию патриарху Московскому и всеа Русии старица Марфа вашему святительству челом бьет», и кончались: «Молимся человеколюбию Божию, яко да сподобит нас всесильный Бог царствующаго града Москвы достигнути здраво, и равноангелное ваше лице видети и стопам вашим поклонитися и челом ударити».

Очень редко этот стереотип нарушался чисто житейскими событиями, вроде посылки Филарету калачей: «Да челом бьем тебе, государю, пятнадцать калачиков, и тебе б, государю, милость показати, велети приняти и кушать на здравие. . .» (23 августа 1619 г.); или сообщением о болезни самой М. или царя Михаила: «. . .и по греху, государь, моему, припомянулася мне прежняя болезнь портежная (от порчи. — *М. К.*) и для того в Великом селе позамешкали. . .» (22 октября 1619 г.); «. . .Государь и свет очию моею пресветлый царь и великий князь Михайло Федорович. . . понемог. . . и тое, государь, ночи не опочивал, маленько к свету поутишился и почало облехчевать; а помянулся прежней конской убой. . .» (2 июня 1620 г.). Но при известии о болезни Филарета в письмах М. появляется пафос «плача»: «. . .и сын наш и мы, слыша о твоей государеве болезни, плачевне скорбим и сердечною жалостию объяты есмя. . .», «. . .сугубо скорбию уязвляюся и в плачь низвожуся и свою скорбь (свою болезнь. — *М. К.*) забыв, и яко не имев, о тебе, свете и государе нашем, конечно скорбию сокрушаюся. . .» (29 октября 1619 г.).

Письма инокини М. опубликованы вместе с письмами Михаила и Филарета, написанными в то же время. Вся переписка относится к жанру деловой письменности. Но в отличие от писем царя и патриарха в посланиях М. не находят себе места вопросы государственного значения — дипломатия, строительство в Коломне после большого пожара, устройство в Москве; они ограничены выражением почтения и пожеланием здоровья. Написанные в правилах придворного этикета письма не лишены эмоционально-экспрессивного тона и представляют собой документы человеческого общения; иногда они отступают от произведений делового жанра и подчиняются больше эпистолярно-литературным канонам.

В сборнике конца XVII в., содержащем *Космографию* (ГПБ, F.IV.147, л. 263—267), читается обширное послание «государыни-иноки» М. в Соловецкий монастырь игумену Иринарху (1614—1626 гг.). Написано оно в 1620-х гг., либо перед 1624 г., либо перед 1626 г., т. к. в нем содержится просьба к соловецким монахам молиться

на то, «чтобы Господь Бог. . . подал ему, государю, спешное и незамедленное благосочетание законнаго брака». Первым браком царь Михаил женился в 1624 г., вторым — в 1626 г. В Послании М. упрекает монахов в нарушении святости прославленного монастыря «многокозненным питием». Действительно, присутствие в Соловецком монастыре более 1000 воинских людей и мирян, необходимых в крепости, какой был в то время Соловецкий монастырь, расшатывало строгие правила монастырского быта.

Изд.: Письма русских государей и других особ царского семейства / Изд. Археографической комиссии. М., 1848. Т. 1. № 8, 10, 12, 16, 20, 24, 28, 31, 37, 43, 46, 51, 56, 60, 63, 71, 74, 76, 79, 82, 88, 91, 96, 99, 103, 124, 127, 134, 137, 140, 143, 146, 150, 163, 175, 187, 191, 196, 202, 208, 215, 221, 229, 236, 242, 248, 254; Примечания, с. 309, 311.

Лит.: Хрущов И. Ксения Ивановна Романова // Древняя и Новая Россия. 1876. Т. 3, № 12. С. 317—343; Михаил Федорович // Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. 38. С. 482; Назаревский А. А. О литературной стороне грамот и других документов Московской Руси начала XVII века. Киев, 1961. С. 44—46; Breloer M. Zur Geschichte des russischen Privatbriefes in der ersten Hälfte des 17. Jahrhunderts. Bonn, 1964. S. 8—9, 18—20, 37—39, 50, Anm. 4, 61—67.

М. Д. Каган

Матвеев Артемон Сергеевич (1625—1682) — государственный деятель, дипломат, меценат и библиофил, один из организаторов первой аптеки и придворного театра в Москве, заказчик ряда официозных литературных произведений. В справочной литературе М. ошибочно приписывается авторство двух, а то и трех книг, на самом деле лишь составлявшихся по его указанию в Посольском приказе (см. *Николай Спафарий*), к числу которых относятся «*Титулярник*», «Книга избрания и венчания на царство Михаила Федоровича» и др. Их автором считали М. А. Ф. Малиновский (в 1837 г.), митрополит Евгений Болховитинов (Словарь. Т. 2. С. 49—52), П. М. Строев (Словарь. С. 209), это мнение было так распространено, что И. С. Тургенев в 1878 г. противопоставлял живой язык *Аввакума* «книжному языку» М. (Луканина А. Мое знакомство с И. С. Тургеневым // И. С. Тургенев в воспоминаниях современников. М., 1983. Т. 2. С. 200). Признание М. автором литературных произведений проникло и в советские справочные издания (Энциклопедический словарь русского библиографического института Гранат. М., 1933. Т. 128. С. 314—315; Будовниц. Словарь. С. 165). В некоторых списках «Титулярника» и «Книги избрания и венчания на царство Михаила Федоровича», относящихся к XVIII в., имеются приписки: «Сочинение А. С. Матвеева».

Современники отмечали ум и деловитость М.: «. . .бе человек остр в разуме и гражданским делом искусен зело» (Сильвестра Медведева

Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве. С предисловием и примечаниями А. А. Прозоровского // ЧОИДР. М., 1894. Кн. 4. Отд. 2. С. 54).

М. был сыном дьяка, участника нескольких посольств в иностранные государства (Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 324). Начало службы М. проходило в стрелецких полках на Украине; он участвовал в войнах с Польшей. М. входил в состав русской делегации на Переяславской раде (1654 г.), а в 1656—1657 гг. — в состав посольства московского правительства в Польшу. Сохранились статейные списки, составленные с участием М. (1653 г. июня 5— июля 6. Из статейного списка А. Матвеева и И. Фомина к гетману Богдану Хмельницкому. . . // Воссоединение Украины с Россией: Док. и мат. М., 1953. Т. 3. № 166, с. 287—317; 1657 г. Статейный список полковника и стрелецкого головы Артемона Матвеева и дьяка Перфилья Оловянникова, посыланных к писарю Ивану Выговскому и войску запорожскому. . . // Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. СПб., 1863. Т. 4. 1657—1659. № 15. С. 20—26).

М. участвовал в подавлении Московского восстания 1662 г. С 1669 г. он возглавлял Малороссийский приказ, а с 1671 г. руководил также и Посольским приказом. Выдвижению М. способствовал брак царя *Алексея Михайловича* с воспитанницей М. Натальей Кирилловной Нарышкиной, а также его незаурядные организаторские способности и европейская образованность. Сохранившиеся описи имущества и библиотеки М. обнаруживают в нем «западника», собиравшего редкие издания и украшавшего свои покои светской живописью («персоны», «12 сивилл. . . письма старого»), чертежами, невиданными оптическими приборами («труба зрителная большая»), моделями кораблей, клетками с попугаями — наряду с обычными на Руси сундучками, ларцами, шкатулками, поставцами и шкафами, содержавшими рукописи и книги. Из дворовых людей М. была создана театральная труппа, которая играла при царском дворе, причем в первой пьесе, *Артаксерксовом действе*, были прозрачные аллюзии на особую роль М. при царе. И. М. Кудрявцев показал инициирующую роль М. в так называемой «книгоиздательской» деятельности Посольского приказа (1671—1676 гг.). В те же годы М. сблизился с Николаем Спафарием, которому он поручал выполнять переводы и компиляции, а также вести обучение своего малолетнего сына Андрея («по-гречески и по латыни литерам малой части»). О своем воспитаннике — будущем дипломате — Спафарий вспоминал в письме к М., написанном из Енисейска, по пути в Китай, в июле 1675 г. (Письмо Николая Спафария к боярину А. С. Матвееву // Русский архив. 1881. № 1. С. 52—57). После смерти царя в 1676 г. М. с семьей был выслан из Москвы на Север (его обвиняли, в частности, в «чернокнижии»); он провел 7 лет в Пустозерске, куда привез часть книг и рукописей из своего собрания (некоторые из них хранятся в современном Вологодском собрании

ГБЛ). В этот период М. обращался с челобитными и письмами к царю *Феодору Алексеевичу* и др. лицам, тексты их включены в «Историю о невинном заточении. . . А. С. Матвеева». После избрания на царство Петра I М. был возвращен в Москву, но через несколько дней он стал одной из первых жертв восстания стрельцов 1682 г. — был убит в Кремле. Портрет М. кисти голландского художника И. Воллевенса-старшего (1700 г.) ныне хранится в ГИМ, ранее был в МГАМИД (Новицкий А. Парсунное письмо в Московской Руси // Старые годы. 1909. Июнь—сентябрь. С. 401).

Лит.: Объявление о возвращении из заточения ближнего боярина Артемона Сергеевича Матвеева и *о кончине его* // *История о невинном заточении ближнего боярина* Артемона Сергеевича Матвеева / Изд. Н. Новиковым. 2-е изд. М., 1785. С. 367—427; Малиновский А. Ф. Боярин, дворецкий и наместник Серпуховский Артемон Сергеевич Матвеев // Труды и летописи ОИДР. М., 1837. Ч. 7. С. 57—67; *Боярин* Матвеев // Сахаров И. П. Записки русских людей. СПб., 1841; Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. С. 69—74; Опись имущества боярина Артемона Сергеевича Матвеева. Сообщил Г. Писаревский // ЧОИДР. 1900. Кн. 2. Отд. 5. Смесь. С. 7—21; Щепотьев Л. Ближний боярин А. С. Матвеев как культурный политический деятель XVII в. СПб., 1906; Старостина Т. В. Об опале А. С. Матвеева в связи с сыскным делом 1676—1677 гг. о хранении заговорных писем // Ученые записки Карело-Финского университета. Петрозаводск, 1948. Т. 2, вып. 1. С. 44—89; Кудрявцев И. М. 1) Артаксерксово действо: Первая пьеса русского театра XVII в. М.; Л., 1957. С. 6—17; 2) «Издательская» деятельность Посольского приказа. (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века). // Книга. Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970. С. 102—107; Демин А. С. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. М., 1977. С. 52, 102.

О. А. Белоброва

Матвей (2-я пол. XVII в.) — головщик Соловецкого монастыря, родом из Архангельска, где был дьячком у церкви Всемилостивого Спаса, автор несохранившегося сочинения об Антихристе и втором пришествии Христовом. В 1674 г. на него доносил покинувший осажденный Соловецкий монастырь старец Дионисий, называя М. среди оставшихся в монастыре иноков: «видел де он в монастыре у головщика Матвея письмо ево руки, написано: пришествие Христово будет в 199 году».

Лит.: АИ. СПб., 1842. Т. 4. С. 536; Материалы для истории раскола за первое время его существования / Под ред. Н. Субботина. М., 1878. Т. 3. С. 349; Смирнов П. С. Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. С. 47.

Н. В. Понырко

Матвей Андреев (конец XVII—1-я пол. XVIII в.) — старообрядец-поповец, автор полемических «бесед» и посланий против федосеевцев. Сын священника Андрея, он был крещен попом дониконовского по-

ставления. 21 ноября 1703 г. *Димитрий Ростовский* рукоположил М. А. в священники церкви Николая Чудотворца в селе Рамены Пошехонского уезда Ярославской губернии (ставленая грамота полностью приведена во 2-й «беседе»). Пробыв три года при церкви, М. А., «ревнуя по благочестии и по вере истинней», оставил дом и ушел в старообрядческие скиты на Керженце. Здесь поповский наставник инок-схимник Онуфрий, священник Досифей и схимник Арсений приняли его в 1708 г. в старообрядчество. В 1715 г. эти же старцы уже посылали М. А. на проповедь против беспоповцев-федосеевцев. В 10-е гг. XVIII в. старообрядцы-поповцы, жившие в новгородских и псковских пределах, были сильно обеспокоены успехом распространения недавно возникшего учения федосеевцев, отвергавших священство в скором ожидании второго пришествия. Не имея собственных сил для борьбы с федосеевскими проповедниками, они обратились за помощью на Керженец, в верховный центр поповского старообрядчества. В 1710 г. с Керженца было отправлено соборное послание «во Псков, и в уезды, и на Дерев, и за границу» в поддержку поповского старообрядчества. Но этого оказалось недостаточно, и в 1715 г. керженские старцы полемизировали с федосеевцами уже с помощью собственного проповедника — М. А.

Полемическая деятельность М. А. началась с того, что он послал 4 марта 1715 г. вопросы о вере федосеевцу *Игнатию Трофимову* в деревню Лыбовку, федосеевский центр в Псковском уезде, а 11 марта того же года были посланы вопросы к федосеевцам, проживавшим за границей. Не получив ответов на свои вопросы, М. А. сам отправился в Лыбовку и повел там спор лично. Первая «беседа» состоялась 17 января 1722 г., на ней от федосеевцев выступал Игнатий Трофимов. Вторая «беседа» происходила 13 марта 1722 г., ее вел Евстрат Федосеев. Третья «беседа» состоялась спустя 14 лет, 19 августа 1736 г. В первой «беседе» М. А. учил «о богоустановленном иерейском чине, яко есть вечен и непрелагаем». Вторая была главным образом посвящена обличению «обительных большаков и наставников самочинных». Запись третьей начинается с обращения к федосеевцам в 10 «главах», затем идет исповедание веры М. А. и копия с семи вопросов, поданных М. А. в 1726 г. Игнатию Трофимову, и, наконец, сто двадцать новых вопросов о вере. Кроме этих «бесед», написанных М. А., сохранились еще два антифедосеевских сочинения его: послание от 17 февраля 1733 г. Игнатию Трофимову и «Обличение о лжеучителях и прелестниках». Последнее ценно тем, что в нем обильно цитируются с конкретными ссылками сочинения протопопа *Аввакума* и дьякона *Феодора*. В первой четверти XVIII в. на Керженце особенно хорошо знали сочинения Аввакума и Феодора, это известно из истории старообрядческих споров по поводу догматических писем Аввакума. Сочинения М. А. дошли в рукописи XVIII в., хранящейся в БАН, собр. Дружинина, № 75 (стар. № 100).

Изд.: Дружинин В. Г. «Священноиерей» Матвей Андреев, его беседы с беспоповцами и послания к ним. СПб., 1908 (извлечение из журнала: Христ. чт. 1908. Май. С. 730—762; Июнь—июль. С. 969—1043; Август—сентябрь. С. 1195—1237; Октябрь. С. 1342—1364; Ноябрь. С. 1542—1557).

Лит.: Смирнов П. С. Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 131—132; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 49—50.

Н. В. Понырко

Матюшкин Афанасий Иванович (сер. XVII в.) — думный дворянин, стольник при дворе царя *Алексея Михайловича*, автор писем. В течение всей своей жизни М., ровесник и сверстник царя в юные годы, пользовался его доверием и выполнял его поручения, например ездил с уговорами и с «милостынею» к патриарху *Никону*, удалившемуся из Москвы в Воскресенский монастырь. Уличенный в 1660-е гг. во взяточничестве М. только на время был отстранен от службы. Сохранились письма царя Алексея Михайловича к М., написаные достаточно доверительно; одно, например, письмо-акростих (переиздано в кн.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 68—69) показывает, как скучал молодой царь без своего любимца; другое (датировано в кн.: Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. VI, т. 11—12. С. 615) описывает царскую забаву на Крещение, когда опоздавшие на смотр стольники подвергались купанию «ежеутрь в пруде»; наиболее известны однотипные письма царя, адресованные в 1650 г. М. и *В. Я. Голохвастову* (Сборник Муханова. М., 1836. № 149. С. 215; ААЭ. Т. 4. С. 140), когда М. вместе с В. Я. Голохвастовым участвовал в царской соколиной охоте в качестве ловчего. В ответ последовали пять писем М. и четыре — В. Я. Голохвастова. Целью этих писем было подробное описание состояния здоровья и поведения охотничьих птиц — кречетов, соколов, кобчиков, которых царь знал поименно и о которых строго спрашивал, предупреждая, что если его любимцы умрут, «и вы меня не встречайте; а сокольников всех велю кнутом перепороть. . .» Письма М. написаны в форме челобитных, с ссылкой на царскую «грамоту» о «государевых пьтицах». В одном из писем сообщается, что «на Москве. . . был дождь», что у кречета по кличке Малец Сибирской болезнь была вызвана ушибом неплотно закрытой «окончины»; за это пострадал сокольник — «и я ево бил батогами, чтоб вставливал окончину крепко». В другом описывается, как иные «пьтицы занемогли»; в третьем говорится о смерти пострадавшего «челика» (самца кречета). Сообщается и о пополнении количества соколов и об их обучении. Представляют интерес клички птиц: Боярин, Беляй, Булат, Ойдар, Мурат, Стреляй, Алай да Нечай, Нагай, Колмагор, Ковач, Сальян, Друг, Юдрун и др. Письма М. важны в историко-культурном отношении; они передают черты придворной забавы, сохраняют специфическую терминологию, сходную с использованной в близком

по времени литературном произведении — *Урядинке сокольничьего пути.*

Изд.: Пять писем стольника Аф. Ив. Матюшкина к царю Алексею Михайловичу / Сообщ. И. Е. Забелин // ЧОИДР. 1848. Год третий. № 5. Отд. IV. Смесь. С. 141—143.
Лит.: Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1840. С. 79 и сл.

О. А. Белоброва

Мелетий (в миру Максим Герасимович Смотрицкий) (1577—1633) — белорусско-украинский писатель-полемист, видный ученый, общественно-политический и религиозный деятель. Родился в семье каменецкого писаря, позднее ректора Острожской коллегии, писателя-полемиста Герасима Даниловича Смотрицкого в местечке Смотричь на Подолье. Первоначальное образование получил под непосредственным руководством отца и грека Кирилла Лукариса, впоследствии константинопольского патриарха. После смерти отца для продолжения образования был послан князем Константином Константиновичем Острожским на философский факультет Виленской иезуитской академии, где учился в 1594—1600 гг. (по другим данным — в 1601—1604 гг.). С 1601 г., после *Лаврентия Зизания*, становится духовным наставником молодого белорусского князя Богдана Богдановича Соломерецкого. Вместе с ним отправился в Западную Европу для усовершенствования в науках — в Лейпцигский и Виттенбергский университеты, где тогда господствовали идеи Лютера, Кальвина, Цвингли. Посетил также города Вроцлав, Вюрцбург и др. Вернувшись в 1607 г. на родину, М. некоторое время провел в имении Соломерецкого около Минска, где, как свидетельствует Якоб Суша, пользовался огромным авторитетом у простого народа, который «стекался к нему как к оракулу». Около 1608 г. М. отправился в виленское православное братство при монастыре Святой Троицы, где в то время находился один из центров православной оппозиции наступающей контрреформации. Здесь он познакомился с одним из выдающихся деятелей белорусской культуры — писателем-полемистом, позже архимандритом Виленского монастыря Святого Духа Леонтием Карповичем, стал его верным соратником.

О начале литературной деятельности М. достоверных сведений пока не найдено. Многие дореволюционные и некоторые советские исследователи относят его к концу 90-х гг. XVI в. Первым печатным произведением М., которое дошло до нашего времени, является «Антиграфи» (1608 г.; здесь и далее указываются даты издания сочинений М.) — сочинение, направленное главным образом против книг Ипатия Поцея «Еретизм» и «Гармония», в которых униатский митрополит доказывал необходимость объединения православной и католической церквей. Полемизируя с Ипатием Поцеем по вопросам теологии, М. одновременно обогатил проблематику и тематику цер-

ковно-полемической публицистики, поднял ее на качественно новый уровень.

Через два года под вымышленным именем Теофила Ортолога в братской типографии была напечатана еще одна книга М. — «Фринос» («Лямент»), т. е. «Плач восточной церкви». Появление книги, указывавшей на мрачные перспективы церковной унии для русского народа в тот момент, когда король Речи Посполитой Сигизмунд III Ваза добивался избрания на московский престол королевича Владислава, нанесло тяжелый удар по планам польской магнатерии. «Фринос» является одним из шедевров белорусско-украинской литературы барокко. М. от имени плачущей матери-церкви, символизирующей угнетенную родину, призывал к консолидации сил народов Белоруссии и Украины в борьбе с наступающим католицизмом. О высокой эрудиции М. свидетельствуют цитаты из Иеронима Пражского, Евфимия Флорского, Яна Жерсона, Себастьяна Мюнстера. М. показал себя отличным знатоком гуманистической литературы Западной Европы: во «Фриносе» широко цитируются произведения Петрарки, Монтуана, Гараизы. В сочинении М. имеются ссылки на 143 авторов. М. одним из первых перевел на польский язык сонет Петрарки «Папскому двору в Риме». Ответом на «Фринос» М. явились полемические произведения Петра Скарги («Предостережение на трены и плач Теофила Ортолога. . .», 1610 г.) и Ильи Мороховского («Парегория. . .», 1612 г.). Около 1615 г. М. написал на польском языке «Трактат об исхождении Святого Духа», а также «Палинодию». Оба произведения не были напечатаны, и до сих пор не известно, где находятся их рукописи.

Примерно с 1615 по 1617 г. М. находился в Киеве; в 1617 г. возвратился в Вильну, был учителем в местечке Еве (теперь Вевис) недалеко от Вильны, преподавал там «свободные науки» и славянский язык. В том же году М. был пострижен Леонтием Карповичем. С 1618 по 1620 г. он был ректором в Киевской братской школе. Итогом педагогической деятельности М. была напечатанная в 1619 г. в Еве «Грамматики славенския правилное синтагма». Эта книга обессмертила его имя как выдающегося ученого не только в славянском мире, но и во многих странах Западной Европы. М. впервые в истории славянской языковедческой науки дал исчерпывающие для того времени толкования основных четырех частей грамматики — орфографии, этимологии, синтаксиса и просодии. Созданием научно систематизированной грамматики М. нанес решительный удар по проводникам экспансионистских идей Ватикана, отрицавшим всякую возможность развития науки и литературы на славянском языке.

В писательской деятельности М. особенно плодотворными были годы 1620—1623. Во второй половине 1620 г. иерусалимский патриарх Феофан вновь учредил православную митрополию в Речи Посполитой. Православным митрополитом стал Иов Борецкий, а М. получил титул полоцкого архиепископа и епископа витебского и мстиславльского.

2 ноября 1620 г. М. произнес в Вильне поминальное слово при погребении Карповича, изданное под названием «Казанье на честный погреб... господина Леонтия Карповича» (1620 г.). Кроме «Казанья на честный погреб» и грамматики М. принадлежат эпиграмма на герб Соломерецких и предисловие к Евангелию учительному патриарха Каллиста (1616 г.). Остальные произведения М. написаны на польском языке, изданы готическим шрифтом и изобилуют макаронизмами. Дважды, в апреле и июне 1621 г., М. издал «Оправдание невинности...», на которое униатский митрополит Иосиф Вельямин Руцкий ответил «Двойною виною» с «Дополнением». В том же году М. написана и издана «Защита оправдания», на которую униаты тотчас же ответили «Испытанием защиты». Со стороны М. следует «Обличение» (1622 г.). А. Селява своим «Антиэленхусом» закончил литературную полемику между двумя оппозиционными партиями начала 20-х гг. XVII в.

Одновременно М. принимал активное участие в общественно-политической жизни страны. Его послания с призывами к защите веры, народности расходились по всей территории Великого княжества Литовского. Послания М. 1621—1622 гг. сыграли немаловажную роль в народных выступлениях в Витебске, Могилеве, Полоцке. М. является также автором «Юстификации» (1623 г.) и соавтором «Супликации» (1623 г.), адресованных сенату и королю, — обе они явились своеобразным продолжением известной речи на сейме 1620 г. Лаврентия Древинского в защиту православных Белоруссии и Украины.

12 ноября 1623 г., когда жители Витебска, доведенные до отчаяния античеловеческими действиями униатского архиепископа Иосафата Кунцевича, расправились с ним и бросили его тело в Двину, М. был объявлен главным виновником «пролитой крови Иосафата». Напуганный народными выступлениями, в конце 1623 г. он навсегда покинул Вильну.

С 1624 по 1625 г. М. находился на Ближнем Востоке. В 1627 г. он тайно перешел в униатство, подтвердив это письмом к Александру Заславскому и посланиями в Рим. В это же время М. работал над «Апологией» (1628 г.), где он не только отрекался от своих доуниатских произведений, но и осудил деятельность Стефана Зизания, Христофора Филалета, клирика Острожского и других православных писателей-полемистов. Кроме «Апологии» в униатский период деятельности М. созданы «Протестация» (1628 г.), «Паренезис» (1629 г.), «Экзетезис» (1629 г.). Православный мир с возмущением встретил униатские произведения М., осудил их не только в публичных ответах — «Аполлии апологии. . .» (1628 г.), «Антидотуме» Андрея Мужиловского (1629 г.), «Антапологии» Гелассия Дмплица (Евстафия Киселя, 1631 г.) и др., но и в личной переписке.

Человек «барочного» типа мышления, М. многое сделал для становления и развития барокко в литературе Белоруссии и Украины. Его произведения, их стиль стали примером для Леонтия Карповича, За-

харии Копыстенского, Андрея Мужиловского и других писателей-полемистов. Творения М. цитировались, как самые авторитетные, наряду с произведениями Иоанна Златоуста. Более двух столетий «Грамматика» М. была одним из самых авторитетных учебников по славянскому языкознанию, с некоторыми изменениями она дважды (1648, 1721 гг.) издавалась в Москве. В Голландии Илья Копиевич издал выдержки из «Грамматики» М. под названием «Руковедение в грамматику во славяно-российскую» (1706 г.). «Грамматика» М. оказала значительное влияние на грамматики Г.-В. Луддольфа (1696 г.), Ф. Максимовича (1723 г.), В. Адодурова (1731 г.). В XVIII—первой половине XIX в. «Грамматика» М. служила образцом для создания сербской, хорватской, румынской и болгарской грамматик. По преданию, М. В. Ломоносов назвал «Грамматику» М., наряду с «Арифметикой» Леонтия Магницкого, «вратами своей учености» (об этом сообщает первый биографический очерк Ломоносова, написанный, в том числе по личным воспоминаниям, его младшим современником М. И. Веревкиным: Веревкин М. И. Жизнь покойного Михайла Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя // Полн. собр. соч. Михайла Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя... СПб., 1784. Ч. 1. С. IV, примеч. В; переиздано в кн.: Михаил Васильевич Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. М.; Л., 1962. № 15).

Изд.: Ἀντιγραφὴ abo Odpowiedź na script uszczypliwy... któremu tituł Heresiae, Ignoranciae... Tak też y na książke... Harmonia... W Wilnie, 1608 (перепечатано: РИБ. Пг., 1903. Т. 19, кн. 3. Стб. 1149—1300); Θρῆνος to iest Lament iedyney ś. Powszechney Apostolskiey Wschodniey Cerkwie, z obiaśnieniem dogmat wiary. Pierwiey z greckiego na słowienski, a teraz z słowienskiego na polski przełożony przez Theophila Orthologa... W Wilnie, 1610; Грамматики славенския правилное синтагма... Еве, 1619 (переиздания: Wilno, 1629; М., 1648, 1721; Rymnik, 1755; Мелетій Смотрицький. Граматика / Від. В. В. Німчук. Київ, 1979 (с фототипическим воспроизведением издания 1619 г.)); Казанье на честный погреб... отца Леонтия Карповича... Вильно, 1620; Verificatia niewinności y omylnych po wszytkiey Litwie y Białey Rusi rozśianych, żywot y uczćiwecnego narodu ruskiego o upad przyprawić zrządzonych nowin... Wilno, 1621 (перепечатано: Архив Юго-Западной России. Киев, 1887. Ч. 1, т. 7. С. 279—334); Obrona Verificaciey od obrazy maiestatu krola iego miłosci... W Wilnie, 1621 (перепечатано: Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 7. С. 345—442); Elenchus pism vszczypliwych... W Wilnie, 1622 (здесь же: Appendix na Examen Obrony Veryficaciey; перепечатано: Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 7. С. 511—532); Iustificacia niewinności... [Kiiew], 1623 (перепечатано: Архив Юго-Западной России. Ч. 1, т. 7. С. 511—532); Supplicacia do przeoswieconego y iasnie wielmożnego... senatu... [S. l.], 1623; Protestatia przeciwo soborowi w tym roku 1628... w Kiiowie... obchodzonemu... Lwów, 1628; Apologia peregrinatiey do kraiow wschodnych... Wo Lwowie, 1628 (перевод в кн.: Кирилло-Мефодиевский сборник. Leipzig; Paris, 1863. Вып. 1); Paraenesis, abo Napomnienie, od w Bogu wielebnego Meletiusza Smotryskiego... W Krakowie, 1629; Exethesis abo Expostulatia, to iest rosprawa miadzy Apologią y Antidotem o ostanek błędow haereziy y klamstw Zyzaniowych, Philaletowych, Orthologowych y Klerykowych uczyniona. Wo Lwowie, 1629.

Лит.: Kortiscius-Widok W. Potyczki wygraney zawodu dopedzonego wiary dotzymaney od przewielebnego w Christusie iego mośći oyca Meletiusa Smotryckiego. Wilna, 1634; Susza J. Saulus et Paulus Ruthenae unionis sanguine beate Josaphat transformatus,

sive Meletius Smotriscius. Romae, 1666; Bruxelles, 1864; Еленевский К. Мелетий Смотрицкий // ПО. 1864. № 6—8. С. 111—150, 272—298, 422—454; Филарет. Обзор. С. 184—186; Голубев С. Киевский митрополит Петр Могила и его сподвижники. Киев, 1883. Т. 1. С. 80—240; Засадкевич Н. Мелетий Смотрицкий как филолог. Одесса, 1883; Осинский А. С. Мелетий Смотрицкий, архиепископ полоцкий. Киев, 1912; Прокошина Е. С. Мелетий Смотрицкий. Минск, 1966; Короткий В. Г. 1) Агляд літаратуры пра Мялеція Сматрыцкага // Книга в Белоруссии. Книговедение, источники, библиография. Минск, 1981; 2) К биографии Мелетия Смотрицкого // РЛ. 1982. № 2; 3) Мялецій Сматрыцкі ў дакументах яго часу (да 350-годдзя з дня смерці) // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. 1983. № 5. С. 111—117; 4) Творчество Мелетия Смотрицкого. Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Минск, 1984; 5) Творческий путь Мелетия Смотрицкого. Минск, 1987; Яременко П. К. Мелетій Смотрицький: Життя і творчість. Київ, 1986.

В. Г. Короткий.

Микулин Григорий Иванович (ум. ок. 1608) — посланник Московского правительства в Англии в 1600—1601 гг., дворянин, составитель (совместно с подьячим Иваном Зиновьевым) статейного списка. М. состоял в Опричном дворе *Ивана Грозного*, после смерти *Бориса Годунова* М. служил стрелецким головой, был активным приверженцем Лжедмитрия I (*Григория Отрепьева*); он упоминается в *Летописце Новом.* В статейном списке наряду с записями о деловых переговорах и встречах имеется ряд сведений о Лондоне и его достопримечательностях: упоминается мост через Темзу с каменными домами и лавками, каменная стена, Вышгород; описывается рыцарский турнир («королевина потеха») и другие приметы «обрядовой» стороны жизни у иноземцев, с их выездами и выходами, приемами, титулами, приглашениями на королевскую охоту, органной музыкой и т. п. М. отметил произошедшее при нем восстание графа Эссекса (13 февраля 1601 г.) и сообщил о казни графа (24 февраля). Позднее, в 1604 г. английский посол Томас Смит, по известиям современников, останавливался на пути из Архангельска в Москву в доме М., в Ярославле, поблизости от которого жили английские эмигранты. Сохранился живописный портрет М. работы неизвестного английского художника (хранится в ГИМ), опубликован в кн.: Путешествия русских послов XVI—XVII вв.: Статейные списки. М.; Л. 1954. Вкл. к с. 160; Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.—начало XVII в. М., 1955. С. 325; Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи: (XVIII век—первая половина XIX века). М., 1982. С. 83.

Изд.: Чарыков Н. В. Посольство в Англии дворянина Григория Микулина // Древняя и Новая Россия. 1876. № 8. С. 361—375; Отправление в Англию посла Григория Ивановича Микулина в мае 1600 г // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. СПб., 1883. С. 278—363. (Сб. имп. Русского исторического общества. Т. 38); Путешествия русских послов XVI—XVII вв. Статейные списки. М.; Л., 1954. С. 156—205, 330—331, 352—355, 402—417.

Лит.: Гамель И. Х. Англичане в России в XVI—XVII вв. СПб., 1865—1869. Дракохруст Е. И. Иконографические источники, освещающие польскую интер

ицию XVII века // Сборник по истории СССР XVI—XVIII вв. М., 1941. С. 66—71. (Тр. ГИМ. Вып. 14); Алексеев М. П. Англия и англичане в памятниках московской письменности XVI—XVII вв // Учен. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. Л., 1947. Вып. 15. С. 44—49.

О. А. Белоброва

Митрофан (1-я пол.—сер. XVII в.) — поэт приказной школы. Никакими биографическими сведениями о М. мы не располагаем. Самое имя этого стихотворца известно из акростиха — единственного до разысканного произведения. Это сохранившаяся в одном списке эпистолия, состоящая из восьми «относительно силлабических» стихов с парной рифмой, сплошь грамматической. Первые буквы стихов и образуют имя автора МИТРОФАН.

Причислить М. к приказной школе позволяет не только метрика и рифмовая техника, характерная как для него, так и для продукции этой школы вообще, но и поэтическая фразеология эпистолии М. Он, по всей видимости, знал *Алфавит краестрочный* и пользовался этим пособием при сочинении эпистолии, подбирая на отдельные буквы «образцовые» фразы и затем связывая эти фразы концевыми созвучиями. К приказной школе отсылают также использованные М. стереотипы: «Море мысленное всегда волнуется» или «Огнены столп пути к себе не являет, / Фараону подобно яко в мори потопляет». Следует также учесть, что жанр коротких посланий, в которых число стихов равно числу букв в имени автора, а имя сообщается в акростихе, был в большом ходу среди приказных поэтов (см., например: *Мардарий, Мартирий, Нафанаил*).

Однако в ряду произведений этого жанра текст М. стоит особняком. Если другие приказные авторы сочиняли послания к друзьям, ученикам, покровителям, недругам, то М. написал любовную эпистолию. Это самое старшее из известных до сей поры любовных стихотворений, и поэтому короткий текст М. может считаться вехой в истории русской поэзии. Эмоции эпистолии М. типичны для всякого влюбленного: это скорбь в разлуке и просьба о свидании. Но М. пришлось выразить эти эмоции в рифмованных строках, к тому же акростишных. Он не мог опереться на традицию, не мог подражать какому-либо из русских поэтов, своих предшественников или современников. На долю поэта М. выпала нелегкая роль первооткрывателя любовной темы, основателя новой традиции. Это отразилось в том, что стиль эпистолии, в особенности библейские реминисценции, находится в известном противоречии с ее эмоциями. Но два последних стиха уже свободны от этого «противоречия»:

Аще не придеши ко мне в приятности,
не могу стерпети великия печалности.

Здесь М. как бы прокладывает путь той любовной лирике, которая расцвела в Петровскую эпоху. Сочинение М. сохранилось в ркп. ГПБ, собр. Титова, № 1121, л. 303.

Изд.: Лихачев Д. С. Любовное письмо XVII века // Ученые записки ЛГПИ. 1948. Т. 67 (Кафедра русской литературы). С. 38 (перепечатано в кн.: Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 389—390).

Лит.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973 С. 195.

А. М. Панченко

Митрофан (сер. XVII в.) — архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря, автор Жития Иродиона Илоезерского. Скудные биографические сведения о М. сохранились главным образом в его Предисловии к Житию. М. был архимандритом Кирилло-Белозерского монастыря с 1652 по 1660 г. 10 мая 1653 г. он был направлен патриархом *Никоном* для проведения церковного следствия (как он пишет «большаго свидетельства статным свидетельством») о жизни и посмертных чудесах от мощей местночтимого вологодского святого Иродиона Илоезерского. «Свидетельствовал» он вместе со священником церкви Рождества пресвятой Богородицы, некогда созданной самим Иродионом, с Василием Герасимовым, но о результатах писал один. Краткая запись по материалам обследования, по существу представляющая краткий текст Жития Иродиона Илоезерского, была составлена М., очевидно, в том же 1653 г. Характеризуя содержание и значение своего труда в Предисловии, М. пишет, что он работал, «испытуя о пришествии, и о житии, и о пощении» Иродиона, «и по преставлении его о чюдесех от гроба святаго его, и в кои времена, кто такою скорбию одержим бываху, паче же свидетельствах со священником Василием Герасимовым... о чудесах и исцелениих, бываемых от святаго гроба его», и все это «им, ахимандритом Митрофаном, зде вкратце изобразися».

Иродион Илоезерский — ученик *Корнилия Комельского*, был основателем Илоезерской-Иродионовой-Озадской-Родионовской мужской пустыни (впоследствии известной как Родионовский погост, Родионовское), располагавшейся в Междуозерье Новгородской губернии, Белозерского уезда, в 42 верстах к югу от Белозерска, на острове Илозера, в 2 верстах южнее Озадского озера. Иродион, скончавшийся 28 сентября 1541 г., был похоронен в основанном им монастыре. К середине XVII в. почитание мощей местного вологодского святого стало настолько популярным, что привлекло внимание официальных церковных кругов и завершилось созданием краткого текста Жития Иродиона Илоезерского и службы ему. Память его, ежегодно отмечавшаяся в течение более двухсот лет в день его смерти, была упразднена в 1764 г., по-видимому, после рассмотрения составленного

М. краткого Жития Иродиона Илоезерского на Святейшем Правительственном Синоде, куда, судя по приписке XVIII в., копия рукописи была отправлена 23 марта 1745 г. священником Михаилом Косминым.

События Жития Иродиона Илоезерского, включая рассказы о чудесах, охватывают промежуток времени, начиная с 1537 г. (года смерти Корнилия Комельского) и кончая 1653 г. Рассказ о жизни подвижника начинается с ухода Иродиона после смерти Корнилия из Комельского монастыря сначала на Белоозеро, «в весь, нарицаемую Илоские, на Уго озеро», а затем «на остров, иже есть на Иле озере», который он купил «у некоего боголюбивого мужа Анисима» и где поставил церковь Рождества Богородицы, вокруг которой вскоре возник погост (Рождественский) и возле которой Иродион был похоронен.

Житие Иродиона Илоезерского содержит 21 посмертное чудо об исцелениях от разных болезней и от «хмельного пития», о спасении утопающих, заблудившихся в лесу, о каре, постигшей иноземных захватчиков («иновернии языцы») за ограбление храмов. Действующими лицами в чудесах являются главным образом местные вологодские жители, в числе которых воевода Белозерска Иоанн Артемьев, игумен Новоезерского монастыря Филарет, инок Вассион, ехавший в лодке по Озацкому озеру, иерей Евфимий, провалившийся под лед на Иле озере, некий заблудившийся в лесу Антоний, а также некая «рабыня... царедворца» Матрона и Григорий Золотилов с сестрой, родом из детей боярских, приехавшие, по-видимому, издалека.

Текст Жития Иродиона Илоезерского изучению не подвергался и научной публикации не имеет. В конце XIX в., при разборке библиотеки и архива Междуозерской церкви Рождества Богородицы, священник этой церкви Павел Смирнов обнаружил список Жития Иродиона, составленный М. (оригинал или копию?) и опубликовал его под заглавием «Сказание и повесть...» Однако сам текст Жития (после Предисловия М.) имеет другое название: «Житие, и жизнь, и подвизи преподобного о. н. Иродиона, новаго Илоезерскаго чудотворца, еже есть в Межъзерье. Благослови, отче, прочести» и начинается словами: «Не во многа времена и в наша лета содеяся, Божием изволением, преподобному и богоносному отцу нашему Корнилию игумену к Господу отшедшу».

В. О. Ключевскому и Н. П. Барсукову Житие было известно в трех списках: Археографической комиссии (XVIII в.), в Поморском сборнике из собрания В. О. Ключевского и в рукописи 1746 г. ГПБ, собр. Погодина, № 726. В списке Археографической комиссии текст Жития завершается службой Иродиону Илоезерскому (Тропарем и Кондаком), которая отсутствует в списке, опубликованном П. Смирновым.

Изд.: Смирнов П. Сказание и повесть о чюдесех преподобнаго и богоноснаго о. н. Иродиона чудотворца Божиею благодатию просиявшаго в Белозерских пределах,

в веси Междуозерье, иже на Иле озере // Новгородские епархиальные ведомости. 189[?]. № 14—15 (август). С. 882—893.

Лит.: Ключевский. Древнерусские жития. С. 337; Барсуков Н. П. 1) Источники агиографии. Стб. 225—226; 2) Рукописи Археографической комиссии. СПб., 1882. № 6. С. 2; Будовниц. Словарь. С. 100, 168.

Н. Ф. Дробленкова

Митрофан (в миру Михаил, в схиме Макарий) (1623—23.XI.1703) — автор Духовного завещания. Родился близ г. Владимира. До 40 лет был светским человеком и семьянином; овдовев, постригся в 1663 г. в Успенском монастыре Золотниковской пустыни. В 1665—1675 гг. М. был игуменом Яхромского Косьминского монастыря, в 1675—1682 гг. — игуменом Макариева Желтоводского Унженского монастыря, а в 1682 г. назначен патриархом *Иоакимом* епископом во вновь основанную Воронежскую епархию (Строев П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 687, 875, 837). Пребывание М. в Москве в связи с посвящением в епископский сан совпало с венчанием на царство Ивана и Петра. М. принимал участие в церемонии, подавал патриарху венец Петра. Он же присутствовал в Грановитой палате на прениях со старообрядцами *Никитой Добрыниным* (*Пустосвятом*), *Сергием* и *Савватием*.

Новой Воронежской епархии были переданы города и уезды из Рязанской епархии — Елец, Романов, Орлов, Усмань и др; из Белгородской епархии — Коротояк. Территориальное и материальное ущемление соседних епархий привело к ряду конфликтов. Однако, М. неизменно пользовался поддержкой патриарха и царского дома, связь с которым началась еще в бытность его игуменом Макариева Унженского монастыря. М. добивался увеличения богатств своей епархии, приписывания к ней новых монастырей, пожалования земель, слобод, мельниц. При нем в епархии насчитывалось 17 монастырей. В Воронеже М. начал строить в 1684—1699 гг. каменный собор (постройка оказалась неудачной и собор был завершен только в 1735 г.). М. поддерживал строительную деятельность Петра I. Обязанный участвовать в «кумпанствах», он финансировал постройку двух кораблей и вооружение трех галер. Кроме того, в 1700 и 1701 гг. он ссудил царю 4000 и 3000 рублей на строительство флота и ведение войны со шведами. После взятия в 1696 г. Азова М. стал по указу Петра называться епископом не только Воронежским, но и Азовским.

Особое место в деятельности М. занимала борьба с расколом. Еще в 1677 г. ему, игумену Макариева Унженского монастыря, патриарх приказал собрать в Галиче и Галичском уезде дониконовские служебники и прислать в Москву. После 1682 г. М. преследует старообрядцев на Дону. Арестованных пытали, били кнутом, жгли на огне. Вслед за патриархом Иоакимом М. отличался нетерпимостью по отношению к иностранцам. В 90-х гг. с учреждением в Воронеже кора-

ельной верфи и адмиралтейства в городе появилось большое количество иностранных рабочих и мастеров корабельного дела. Была построена немецкая слобода с двумя кирхами. М. опасался влияния иноземных обычаев, несоблюдения постов, непочитания Богоматери. Не обошлось без конфликта с самим царем. Существует легенда о том, как М., приглашенный к царю, отказался войти в его дом, увидев у входа обнаженные статуи античных богов — Венеры, Юпитера, Нептуна, Геркулеса и др., а затем ждал от разгневанного царя смертной казни. Легенда утверждает, что в конце-концов царь велел убрать «языческих идолов» и переложил гнев на милость.

М. скончался на 81-м году, приняв схиму в честь Макария Желтоводского. Погребение его состоялось 4 декабря. На похороны специально прибыл Петр со своими приближенными.

В 20—30 гг. XIX в. произошло обретение мощей М., и состоялась его канонизация. Были собраны сведения о его жизни, написаны портреты. Иеромонах Аникита (князь С. А. Ширинский-Шихматов) составил в 1834 г. и опубликовал в 1838 г. его житие. На Афоне в ските пророка Илии была построена церковь во имя святого М. В 1903 г. краеведческая и научная общественность Воронежа отметила 200-летие смерти М., издав большое количество специальных трудов и брошюр о его жизни и деятельности. 3-й том сборника «Воронежская старина» 1903 г. целиком посвящен М. и истории воронежской епархии. Все работы о М. учтены в библиографии, составленной Н. И. Поликарповым (Библиографический указатель печатной литературы о святителе Митрофане. Воронеж, 1903; то же в кн.: Воронежская старина. Воронеж, 1903. Т. 3).

С определенными оговорками М. можно атрибутировать Духовное завещание, написанное, по-видимому, в конце 1698—начале 1699 г. Оно сохранилось в подлиннике и скреплено по листам рукою М. (см.: Савва. Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1858. С. 211 — ГИМ, Синод. собр., № 669, 27 л., в четверку). Не исключено, однако, что подлинным автором Духовной был кто-либо из окружения епископа. Ведь И. И. Голиков, знавший М., писал о нем как о простодушном и неученом пастыре, хотя его «простые, но сильные» поучения способствовали успеху петровских начинаний в Воронеже. Духовное завещание М. соответствует традиционным образцам этого жанра, как он сложился к концу XVII в., и во многом, вплоть до текстуального заимствования отдельных фрагментов, ориентировано на Духовное завещание патриарха Иоакима, умершего в 1690 г. (ср.: Духовное завещание Иоакима / Изд. Н. Барсуков. СПб., 1879. С. 102—143. (Изд. ОЛДП. № 47)). С. Е. Зверев, исследовавший и издавший Духовное завещание М., отметил в нем цитаты из Священного писания (Евангелия, Псалтири, Пророков), сочинений Иоанна Златоуста и пр. Он также проанализировал композицию завещания, состоящего из

вступления, исповедания веры, поучения священникам, разделов о благочинии церковной службы, о безгрешности иереев, о воспитании иерейских чад и наказании рабов, о чтении молитв. В завещание включена биографическая часть, легшая в основу всех жизнеописаний М. После нее идут: обращение с просьбой о прощении, распоряжения о погребении, о службах по душе и поминовении, обращение к преемнику с наставлением о сохранении архиерейского имущества и казенных денег. Как и в завещании Иоакима, «высокие» темы сочетаются с сообщениями о делах житейских. В Духовное завещание попало и предостережение против иностранцев и иноверцев: «С еретиками и иноверцами — с латыни и лютеры, кальвины и злобожными татары... общения в содружество не творити». Среди наставлений приведены изречения мудрых людей (возможно, также заимствованные из завещания Иоакима): «Употребляй труд, храни мерность — богат будеши. Воздержано пий, мало яждь — здрав будеши. Твори благо, бегай злаго — спасен будеши».

Воронежские ученые приписывали М. предисловие к воронежскому соборному Синодику, содержащее рассуждения о смерти, и «Слово от архиерея, во епархию свою пришедшу, ко священником», переписанное в рукописи Синод. собр., № 699 вслед за Духовным завещанием. Но Зверев решительно отвергает авторство М., указывая на то, что Слово по своему высокому слогу резко отличается от «простых» поучений М., как о них вспоминает И. Голиков, и от «поучений к священному чину», читающихся в завещании М. Что касается предисловия к Синодику, то оно ничем не отличается от предисловия в других списках этого памятника.

Перу М. принадлежит ряд писем, посланных должностным лицам и игуменам монастырей. Так, 13 марта 1699 г., ожидая приезда в Воронеж царя, М. обращается к острогожскому полковнику Федору Ивановичу Куколю с просьбой прислать осетрины и белужины. В 1683 г. М. писал своему преемнику игумену Макариева Унженского монастыря Ионе, келарю старцу Феодосию и казначею старцу Трифону, прося их позаботиться о его сыне, который был предметом постоянной заботы отца. Из письма М. от 1700 г. архимандриту Николо-Шартомского монастыря Александру выясняется, что этого сына звали Иваном Михайловичем (отсюда нам известно и мирское имя М.) и что в это время он был подьячим Макариева Унженского монастыря. Сохранились также письма М. к архимандриту Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря Варлааму и другим лицам.

Изд.: Москвитянин. 1842. Ч. 5, № 9. С. 154—155; Москвитянин. 1843. Т. 1. С. 240—241; Сахаров Л. Историческое описание Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. 2-е изд. Владимир, 1878. С. 99—100; Воронежские епархиальные ведомости. 1886. Приложение к № 11; Памятная книжка Воронежской губернии на 1892 год (Письма святителя Митрофана) / Публ. С. Зверева. С. 33—44, 343—352; Зверев С. Е. Духовное завещание св. Митрофана, епископа воронежского по рукописи Московской

нодальной (Патриаршей) библиотеки. Сергиев Посад, 1897; Духовное завещание Митрофана, епископа воронежского / Текст памятника с палеографическим исанием его и с примечаниями Н. П. Попова // Воронежская старина. Воронеж, 03. Вып. 3. С. I—IV, а — кг; Поликарпов Н. Духовное завещание св. Митрофана, ископа воронежского // Там же. С. 188—219.

Лит.: Венчание на царство царей Иоанна и Петра Алексеевича // ДРВ. 2-е изд. ., 1788. Ч. 7. С. 413, 422, 446; Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра ликого. М., 1796. Т. 17. С. 65—66, 67—69 (ст. 18); Евгений Болховитинов. торическое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Вонеж, 1800. С. 48—49, 63—64, 169—170, 191—199; Исторические сведения о жизни итрофана, первого воронежского епископа. 2-е изд. СПб., 1832; [Аникита, иеронах (С. А. Ширинский-Шихматов)]. Житие, иже во святых отца нашего трофана в схимонасех Макария, первого епископа Воронежского и новоявленного дотворца. М., 1838; Филарет. Русские святые, чтимые всею церковью или местно. нтябрь—декабрь. 3-е изд. СПб., 1882. С. 406—424 (23 ноября); Склабовский Д. ятой Митрофан, первый епископ Воронежский и чудотворец. М., 1888; Путешествие ромонаха Аникиты (в мире кн. С. А. Ш.-Шихматова) ко святым местам Востока в 34—1836 годах // Христ. чт. 1891. 1891. № 1. С. 69—71, 91—95, 115; № 2. С. 531; рокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1896. Т. 19: кенен—Мифу-Баня. С. 472; Поликарпов Н. И. 1) Синодик святителя Митрофа: Описание Синодика с приложением извлечений. Воронеж, 1896; 2) Петр Великий святитель Митрофан Воронежский. СПб., 1899; 3) К вопросу о состоянии Воронежской архии при святителе Митрофане: книги переписные Воронежской епархии. . . 1705 да. Воронеж, 1902; 4) Слово от архиерея, во епархию свою пришедшу, ко свяенником // Воронежская старина. Воронеж, 1903. Вып. 3. С. 107—115; 5) Об отноениях святителя Митрофана к царю Петру Великому. Воронеж, 1904; Зверев С. Е. атериалы для жизнеописания св. Митрофана, первого епископа воронежского.Ворож, 1897. Вып. 1; Никольский П. В. Святитель Митрофан, первый епископ вонежский, как исторический деятель допетровской эпохи (вместо предисловия) // ронежская старина. Вып. 3. С. 1—12; Правдин А. М. 1) Игуменство св. Митрона в Макариевом Унженском монастыре // Там же. С. 22—46; 2) Летописи Воржской епархии за время управления ею св. Митрофана // Там же. С. 274—322; веденский С. Вопрос о разграничении Воронежской епархии от Рязанской при ятителе Митрофане // Там же. С. 73—93; Тардин И. «Святой» Митрофан, епископ онежский. Воронеж, 1926.

М. Д. Каган

Михаил Вышатин (ум. 1732) — старообрядец, бывший вязниковий подьячий, автор догматического трактата «Бисер драгоценный» 1729 г.), толкующего со старообрядческих позиций о кресте, сугубой лилуии, перстосложении для крестного знамения и т. д. Долгое ремя жил в одном из скитов Выговского общежительства. В самом ачале 30-х гг. в разгар старообрядческих поисков священства, по ициативе *Андрея Денисова* предпринял путешествие в Палестину поисках старообрядческого епископа. Жил некоторое время в Польше Молдавии, умер в Палестине.

Сочинение М. носит следы зависимости от «Книги о вере» (М., 648). Как и «Книга о вере», оно посвящено обрядово-догматическим опросам веры и борьбы с еретиками. М. ориентировался в целом на озицию «Книги о вере», а также на ее структуру и тексты. «Бисер драоценный» содержит обширное стихотворное (нервносложные силлаби-

ческие вирши) обращение к читателю, имеющее отдельные заимствования из стихотворного предисловия «Книги о вере». Кроме того, в «Бисере драгоценном» имеется еще одно стихотворное предисловие и одно стихотворное послесловие. Из сочинения М. изданы только стихотворные разделы.

Изд.: Понырко Н. В. Выговское силлабическое стихотворство // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 273—280, 287—290.

Лит.: Смирнов П. С. 1) Из истории раскола первой половины XVIII в. СПб., 1908. С. 13; 2) Споры и разделения в русском расколе в первой четверти XVIII века. СПб., 1909. С. 106; Дружинин. Писания старообрядцев. С. 79.

Н. В. Понырко

Михаил Григорьев Смольянинов см. *Житие Иоанна, московского юродивого, по прозвищу Большой Колпак.*

Михаил Феодорович (1596—1645) — первый царь из рода Романовых, автор писем. Избран на царство в 1613 г. В 1619 г. из польского плена в Москву возвратился отец М. Ф., митрополит *Филарет*, и был посвящен здесь во всероссийские патриархи. С этого времени до смерти патриарха Филарета в 1633 г. М. Ф. правил государством совместно с отцом, подчиняясь во всех вопросах влиянию патриарха («опытный и твердый Филарет имел очень большую долю в правлении при малоопытном, молодом и мягком Михаиле» — Соловьев. История России... Кн. 5. С. 214).

До нас дошла довольно обширная переписка М. Ф. с патриархом Филаретом и несколько писем царя к его матери, инокине *Марфе*. Это письма, которыми М. Ф. обменивался со своими родителями по время путешествий на богомолье в монастыри (в Макариевский на Унжу — в 1619 г., в Николо-Угрешский — в 1620 г., в Троице-Сергиев монастырь — в 1620—1624 и 1627—1629 гг., а также во время путешествий патриарха в Саввино-Сторожевский и Пафнутьево-Боровский монастыри и во Владимир в 1630 г.). Стиль писем М. Ф. подчинен торжественному чину, информативность их очень мала: большая часть писем не содержит в себе ничего, кроме приветственных выражений и извещений о здоровье и приезде в различные «станы» на пути к месту богомолья. Очевидно, такого сорта переписка подготавливалась дьяками по официальной форме. Но примечательна ее частота: буквально с каждого «стана» на недолгом пути к Троице-Сергиеву монастырю и обратно царь слал письма патриарху с уведомлением о здоровье и благополучии (и получал ответные). На этот факт следует обратить внимание. Здесь мы имеем дело с перепиской как элементом придворного этикета, это начало того пышного «урядства» и церемониальности, которые особенно разовьются при дворе сына М. Ф., *Алексея Михайловича* (см.: Робинсон А. Н. Борьба идей в русской

литературе XVII века. М., 1974. С. 94—194). Наряду с церемониальными посланиями есть в переписке М. Ф. сугубо деловые письма. Они касаются политических сношений с Крымом и Польшей, некоторых внутренних дел и т. п. Стиль этих посланий (отписок) позволяет отнести их к памятникам деловой письменности.

Изд.: Письма русских государей и других особ царского семейства, изданные археографическою комиссиею. М., 1848. Т. 1. № 7, 9, 11, 15, 17, 19, 23, 26, 27, 30, 36, 39, 40, 42, 45, 47, 50, 53, 54, 58, 59 (1619 г.); № 62, 64, 68, 70, 73, 75, 78, 81, 86, 87, 90, 94, 95, 98, 102 (1620 г.); № 104, 105, 107, 108, 110, 111, 115, 116, 118, 119, 123—126, 129 (1621 г.); № 133, 135, 136, 139, 142 (1622 г.); № 145, 149, 151, 155, 156, 159, 160, 165, 167, 168, 170, 172, 173 (1623 г.); № 174, 177, 178, 180 (1624 г.); № 182, 185, 189, 194, 199, 200, 205, 206, 210 (1627 г.); № 213, 219, 226, 227, 234, 240, 246, 252 (1628 г.); № 255, 261, 265, 267, 271, 276, 279, 283, 285, 287 (1629 г.); № 292, 296, 302, 310, 312, 314, 317, 319, 324, 330, 332, 349, 350, 351 (1651 г.).

Лит.: Забелин И. Домашний быт русских царей. СПб., 1862. Ч. 1; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Кн. 5, т. 9—10. С. 1—370; Ключевский В. О. Курс русской истории. М., 1908. Ч. 3. С. 74—139; Васенко П. Г. Бояре Романовы и воцарение Михаила Феодоровича. СПб., 1913; Платонов С. Ф. Вопрос об избрании М. Ф. Романова в русской исторической литературе. СПб., 1913.

Н. В. Понырко

Михаил Юрьев, один из переводчиков «Воинской книги» Л. Фронспергера, см. *Алманзенов Иван Фомин.*

Моисей (2-я пол. XVII в.) — монах Чудова монастыря, участвовал в 1670-е г. в переводе Нового завета с греческого на славянский язык под руководством *Епифания Славинецкого*, вместе с *Евфимием, Сергием, Никифором, Михаилом Родостамовым, Флором Герасимовым*. Вероятно, он же был справщиком Московского Печатного двора с 1683 г. (И. Мансветов отмечал, что «справщики. . . выбирались из монахов и вдового белого духовенства»).

Лит.: Мансветов И. Как у нас правились церковные книги. М., 1883. С. 3, 28, 29; Соболевский. Переводная литература. С. 290.

О. А. Белоброва

Морогин Евфимий (2-я пол. XVII—нач. XVIII в.) — с 1702 г. учитель русского языка («грамматики») в ростовской епархиальной школе *Димитрия Ростовского*, предполагаемый автор поставленной в 1704 г. в Ростове пьесы «Венец Димитрию». Биографических сведений о М. не сохранилось, если не считать упоминаний его имени среди учителей ростовской школы (Шляпкин. Св. Димитрий... С. 330). Если М. действительно написал «Венец Димитрию», то можно предположить, что он учился в уже преобразованной Славяно-греко-латинской академии, где хорошо усвоил школьную образованность

конца XVII—начала XVIII в.: античную мифологию, требования школьной пиитики, технику театральных пьес и постановок.

Пьеса «Венец Димитрию» (полное название: «Венец славно победоносный доброподвижнику храбреннику Христову святому великомученику Димитрию в день преславнаго праздника его торжественный от смиренных того именоносца преосвященнаго Димитрия митрополита Ростовскаго и Ярославскаго питомцов грамматики учащихся младенцев стихословие от дванадесятоцветов сплетенный в богоспасаемом граде Ростове лето от Рождества Христова 1704») сохранилась в двух списках второй половины XVIII в.: полный текст в рукописи ГИМ, Муз. собр., № 1199 и отрывок (программа и начало 1-го действия) в рукописи ГПБ, собр. Титова, № 1302. В сборнике ГИМ ее сопровождают тексты пьес Димитрия Ростовского (Туптало) — Успенская и Рождественская драмы. Последнему долгое время приписывался (под названием «Димитриевская комедия», «Димитриевская драма») и «Венец Димитрию» (Н. И. Новиков, А. А. Титов). Однако уже П. О. Морозов, Н. И. Петров, И. А. Шляпкин сомневались в атрибуции Димитрию, основанной лишь на том, что пьеса была поставлена в руководимой им школе, и предполагали, что она принадлежит перу кого-либо из школьных учителей (впрочем, Н. И. Петров думал, что пьеса создана «не без его (Димитрия. — *Е. Р.*) инициативы и указаний»). Эта мысль была развита П. Н. Берковым, который обратил внимание на стихотворное обращение участников спектакля в эпилоге к самому владыке с просьбой о прощении грехов и благословении. П. Н. Берков же выдвинул гипотезу, поддержанную Е. В. Колосовой, о принадлежности пьесы М. — учителю класса «грамматики», упоминаемой в заглавии («от смиренных... питомцов грамматики учащихся младенцов»). Основным доводом П. Н. Беркова служат особенности языка пьесы, чисто русского, свободного от украинизмов, какими пестрят сочинения как самого Димитрия Туптало, так и второго учителя его школы, украинца Ивана Мальцевича, преподававшего к тому же не грамматику, а латынь. М., насколько известно, был единственным русским учителем в этой школе.

Сюжет «Венца Димитрию» оригинален и не встречается в какихлибо других памятниках русской, украинской и польской школьной драмы. Основным его источником послужило Житие Димитрия Солунского (см. *Мучение Димитрия Солунского*). Автор сократил лишь первую часть (рассказ о родителях героя) и перечень посмертных чудес святого; все остальные эпизоды, дополненные бытовыми деталями и новыми действующими лицами, нашли свое место в пьесе, представляющей по построению и стилистике типичную школьную драму. «Венец Димитрию» состоит из пролога, антипролога, двух действий и эпилога, написан одиннадцати- и тринадцатисложным силлабическим стихом. Характерная для жанров школьной драмы «симметрия наблюдается в расстановке действующих лиц: в центре два контрастных образа — царя-деспота Максимиана... и стойкого, мужественного Димитрия... Во-

руг этих героев симметрично расположены второстепенные персонажи, в том числе обычные для школьных пьес аллегорические фигуры Многобожие — Православие, Тщеславие Максимианово — Слава Димитрия и т. д.). Новые, в отличие от жития, персонажи свидетельствуют о стремлении автора в какой-то степени отразить черты современной действительности: войт, бурмистр, пристав. Сцены с нищими содержат комедийные ситуации» (Пьесы... С. 607).

По своей идейной направленности «Венец Димитрию» примыкал антипетровским сочинениям. Еще П. О. Морозов отмечал в самой работке сюжета политический намек, хотя и слабо выраженный — прежде всего в вопросе героя («лучше ли бояться царя земного или небесного?») и в общем прославлении соименного Димитрию Солунскому ростовского митрополита, критически относившегося ко многим реформам Петра I. Эта мысль в наибольшей степени развита Е. В. Колосовой, которая подчеркивает, что на приведенный вопрос «всем содержанием пьесы дан недвусмысленный ответ в пользу церкви» (Пьесы... С. 607). Характеристикой гордого царя Максимиана и мотивом службы святого Димитрия нищим «Венец Димитрию» сближается с темами повестей о гордом царе, широко распространенных в русской литературе в последней четверти XVII—начале XVIII в. (см.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 236—238). П. Н. Берков предполагал, что «после казни царевича Алексея Петровича в сюжете Венца Димитрию» стали усматривать аналогию с историей отношений Петра и его сына, и это политическое истолкование пьесы сохранило интерес к ней вплоть до конца XVIII в.» (Вероятный источник... 312).

«Венец Димитрию», по мысли П. Н. Беркова, послужил наиболее вероятным источником народной драмы «О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе».

«Венец Димитрию» первоначально публиковался по дефектному списку ГПБ, собр. Титова, № 1302 (А. А. Титов, И. А. Шляпкин). Полный текст по рукописи ГИМ, Муз. собр., № 1199 впервые опубликован П. Н. Берковым и переиздан Е. В. Колосовой.

Изд.: Титов А. А. Новые данные о святителе Димитрии Ростовском. М., 1881. С. 14—21; Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время (1651—1709 г.). СПб., 1891. С. 330, 341—344, 347; Приложение, с. 59—70; Берков П. Н. Школьная драма «Венец Димитрию» (1704 г.) // ТОДРЛ. М.; Л., 1960. Т. 16. С. 323—357; Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. М., 1975. С. 49—92, 605—608 (подгот. текста и коммент. Е. В. Колосовой).

Лит.: Новиков Н. И. Опыт исторического словаря о российских писателях. СПб., 1772. С. 58 (то же: Ефремов П. А. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867. С. 32; Новиков Н. И. Избранные сочинения. М.; Л., 1951. С. 298); Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 339—340; Петров Н. И. Очерки из истории украинской литературы XVII и XVIII веков: Киевская искусственная литература XVII—XVIII вв., преимущественно дра-

матическая. Киев, 1911. С. 177—178; Резанов В. І. «Венец Димитрию». Ростовс... драма 1704 р.: (До історіи українськіх впливів на Московщіну) // Юбілейний збірн... на пошану акад. Д. І. Багалія. Київ, 1927; Берков П. Н. Вероятный источник на... родной пьесы «О царе Максимилиане и его непокорном сыне Адольфе» // ТОДРЛ. ... Л., 1957. Т. 13. С. 298—312; История русской драматургии. XVII—первая полов... XIX века. Л., 1982. С. 37.

Е. К. Ромодано...

Морозов Борис (Илья) Иванович (1590—1662) — боярин, сто... ник, с 1633 г. воспитатель, а затем и друг царя *Алексея Михайлович*а, автор писем, владелец книг. Свою карьеру он начал в 1620-е гг.; к 1660-м гг. он сумел значительно расширить свои земельные владения и наладить промышленное производство и торговлю хлебом к большой личной выгоде. В вотчинном хозяйстве М. применялось немало жестких мер по отношению к крестьянам. Рачительный хозяин, владелец заводов и вотчинных земель, М. утвердил свое положение при царском дворе, женившись на сестре царицы А. И. Милославской. Дядька молодого царя, не имевший достаточного образования, но обладавший организаторскими способностями, к 1645-му г. М. фактически управлял Большой казной, Стрелецким и Иноземным приказами и оказывал сильное влияние на Алексея Михайловича. Введенный в стране М. режим экономии, в том числе в содержании стрельцов, повышение налога на соль, денежная реформа и др. подобные меры имели целью пополнить царскую казну. Во время Московского восстания 1648 г. дом М. в Московском Кремле был разорен, а его ставленники Л. Плещеев и Траханиотов убиты. Благодаря личному покровительству царя М. был под охраной отослан в Кирилло-Белозерский монастырь, где он пробыл все лето 1648 г. Здесь вскоре было составлено «Слово на обретение мощей Кирилла Белозерского» (ГПБ, Кир.-Белоз. собр., № 13, л. 120—135, не издано), в память о спасении М. во время бури на Белом озере. Вернувшись в Москву в октябре 1648 г., М. больше не занимал прежних официальных постов, но остался достаточно влиятельным лицом. К нему, например, обращался с просьбой ходатайствовать перед царем гетман Богдан Хмельницкий в 1651 и в 1653 гг. Сохранилось письмо М. Богдану Хмельницкому от 25 марта 1654 г. о приеме в Москве его послов С. Богдановича и П. Тетери (напечатано в «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России»).

К концу жизни, когда М. много болел, относится его ценный вклад в Успенский собор Московского Кремля (1660 г.) — богато украшенное серебряное шестиярусное паникадило работы иностранных мастеров, весом в 66 пудов и 16 фунтов, т. е. более 1 тонны (вывезено из Москвы в 1812 г. французами). Известие об этом грандиозном вкладе читается в летописных текстах XVII—XVIII вв. (ср. Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М.,

1969. С. 422—423). Из числа принадлежавших М. книг известен список *Жития Зосимы и Савватия соловецких*, XVII в. (бывшее Выго-Лексинское собр., № 46). Сохранились сведения о покупке М. на Печатном дворе издания Миней служебных на сентябрь—январь, апрель и август (Читатели изданий Московской типографии в середине XVII в. Л., 1983. С. 121: 10.I.1651 г.), вероятно, для домовой церкви или вклада в одну из вотчин, «Учение и хитрости ратного строя» (там же. С. 130: 14.VIII.1650 г.). О причастности М. к кружку «западников» Ф. М. Ртищева в 1640-х гг. позволяют судить два литературных памятника: 1) послание архимандрита *Венедикта* к некоему Борису Ивановичу (толкование Апокалипсиса), известное в двух списках XVII в. (ГИМ, Синод. собр., № 484, л. 271—275 и ГПБ, Q.I.1010, л. 207—210); 2) предисловие неизвестного переводчика, обращенное к Илье Ивановичу Морозову, перед текстом книги Помпея Трога «Рассказы по всемирной истории», озаглавленной в переводе «Краткое пяти монархий древних описание» (БАН, 16.17.30, л. 3—116). У М. были контакты еще и с Виниусом-старшим по поводу горнорудного дела и производства поташа. Наличие у М. двух имен — Борис и Илья — привело к некоторой путанице в литературе (например, в кн.: Левинсон Н. Р. Подвесные осветительные приборы XVI—XVII вв. // Труды ГИМ. М., 1941. Вып. 13. С. 88 — автор сообщает о двух разных паникадилах, вкладах Б. И. и И. И. Морозовых; в кн.: Пушкарев Л. Н. Общественно-политическая мысль России. Вторая половина XVII века: Очерки истории. М., 1982. С. 220 — автор называет Бориса и Илью братьями). Автограф М. опубликован в кн.: Русский исторический альбом, изданный М. Погодиным. М., 1853. Лист 17, № 112. Отзывы о М. находим у Мейерберга и др. иностранных путешественников в России. Книги на латинском и немецком языках XV—XVII вв. с владельческими надписями М. хранятся в БАН СССР и в Иркутске (Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л. 1956. Вып. 1: XVIII век. С. 429—431; Боннер А. Г. Бесценные сокровища. Иркутск, 1979. С. 75—76).

Изд.: Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. М., 1878. Т. 10. № 8/XXIV. С. 513—514 (перепечатано в кн.: Воссоединение Украины с Россией: Док. и мат.: В 3 т. М., 1953. Т. 3. № 246, с. 565—566).

Лит.: Забелин И. Е. Большой боярин в своем вотчинном хозяйстве // ВЕ. 1871. Т. 1; Лобанов-Ростовский А. Русская родословная книга. СПб., 1875. Т. 2. С.128, № 101; Смирнов П. Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент, 1929; Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в. Л., 1933. Ч. 1—2; Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. М., 1940. Т. 1; М., 1945. Т. 2; Петрикеев Д. И. Земельные владения боярина Б. И. Морозова // ИЗ. М., 1947. Кн. 21. С. 51—104; Цеханович А. А. «Всемирная хроника» Шеделя // Книжные сокровища. К 275-летию Библиотеки АН СССР. Л., 1990. С. 236—238.

О. А. Белоброва

Морозова Феодосия Прокофьевна (в иночестве Феодора) (21.V.1632—2.XI.1675) — боярыня, активная деятельница раннего периода старообрядчества, автор писем. Основным источником сведений о ее жизни является *Повесть о боярыне Морозовой.* Родилась в Москве, в семье окольничего П. Ф. Соковнина, родственника М. И. Милославской, первой жены царя *Алексея Михайловича.* В 1649 г. выдана замуж за боярина Г. И. Морозова, брата царского воспитателя *Б. И. Морозова.* В 1650 г. родила сына Ивана Глебовича. Овдовела в 1662 г., предалась подвигам благочестия, носила власяницу, ее дом стал прибежищем сторонников старой веры. Вернувшийся из сибирской ссылки протопоп *Аввакум* с весны до 22 августа 1664 г. жил во дворе боярыни М., которая вместе с сестрой *Е. П. Урусовой* стала «духовной дочерью» протопопа: «Научена же бысть добродетельному житию и правым догматом... Аввакумом протопопом», — свидетельствует современник — биограф М. После отправки Аввакума в ссылку на Мезень начались открытые выступления М. в защиту старой веры. По поручению царя осенью 1664 г. боярыню М. уговаривали архимандрит Чудова монастыря *Иоаким* и Петр ключарь. Летом 1665 г. последовала отписка на царя половины вотчин М., которые по ходатайству царицы Марии Ильиничны 1 октября 1666 г. были возвращены прежней владелице, «опричь 20 дворов». В конце 1670 г. М. тайно постриг игумен Досифей. 22 января 1671 г. М. демонстративно отказалась присутствовать на свадьбе царя с Н. К. Нарышкиной, где ей предстояло «в первых стояти и титлу царскую говорити». В конце лета 1671 г. к М. был прислан с выговором от царя боярин Б. И. Троекуров, через месяц — князь П. С. Урусов. В ночь на 16 ноября 1671 г. М. была взята под стражу вместе с сестрой, княгиней Е. П. Урусовой. 18 ноября сестер допрашивали в Чудовом монастыре духовные «власти». М. и Урусова решительно отказались причащаться по Служебникам новой печати, назвав власть предержащих еретиками. М. отправили в заключение на бывшее подворье Псковского Печерского монастыря на Арбате, Урусову — в Алексеевский монастырь на Чертолье.

Вскоре умер сын М., стольник Иван Глебович, все имущество М. было распродано, вотчины розданы боярам. Братья М. в 1672 г. были высланы из Москвы — Федор в г. Чугуев на воеводство, Алексей — в г. Острогожск. Единомышленницу М., Марию Герасимовну Данилову, пытавшуюся бежать на Дон, после 22 апреля 1672 г. (ЦГАДА, Разрядный приказ, ф. 210, Белгородский стол, стб. 721, л. 396—396 об.) заключили в подвале Стрелецкого приказа. Зимой 1673 г. М., Урусову и Данилову подвергли жестоким пыткам. После смерти патриарха *Питирима* 19 апреля 1673 г. М. перевели в Новодевичий монастырь, затем в Хамовную слободу, во двор старосты. После безуспешной попытки заступничества царевны Ирины Михайловны царь приказал отправить трех узниц в г. Боровск в жестокое заточение. 10—12 янва-

ря 1675 г. боровских заключенных тайно навестили близкие М. люди, среди которых находился не известный по имени «большой брат», автор жизнеописания М. (По указу от 9 июля 1675 г. два стрелецких сотника, допустившие посетителей в острог, были сосланы солдатами в Белгород «на вечное житье»). После 10 апреля 1675 г. расследование «о приходе и о приношении» производил подьячий Стрелецкого приказа Павел Бессонов, отобравший у заключенных женщин книги, иконы, одежду и пищу. В конце июня 1675 г. по распоряжению дьяка Стрелецкого приказа Федора Кузмищева были сожжены 14 боровских тюремных «сидельцев», среди которых слуга М. Иван и ее соузница инокиня Иустина. В остроге «учинили» глубокую земляную тюрьму, куда перевели М., Урусову, а после смерти последней Данилову. Под страхом смертной казни охране запретили давать узницам пищу и питье. От голода М. умерла в ночь с 1-го на 2-е ноября. На могиле сестер после 1682 г. их братьями Федором и Алексеем Соковниными была положена надгробная плита (З а б е л и н И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетии. 3-е изд. М., 1901. С. 142—143).

На основании свидетельств современников можно судить о том, что боярыня М. была начитана в богословской литературе, находилась в гуще ожесточенных споров старообрядцев с никонианами. «Прилежаше бо Феодосья и книжному чтению и черплюще глубину разума от источника словес евангельских и апостальских», — писал протопоп Аввакум (Повесть о боярыне Морозовой. С. 211). По жизнеописанию М. известно, что с ней «на мног час» беседовал «духовныя словеса» ее деверь, видный государственный деятель XVII в. Б. И. Морозов. Из послания инока *Авраамия* «к некоей дщери Христове» явствует, что М., «сама исполнена благоразумия полезных словес», вопрошала Авраамия «о всяких тайнах», связанных со взглядами приверженцев старины (Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1887. Т. 8. С. 365—370). По свидетельству Аввакума, М. «прилежаше о благочестии... собираше бо други моя тайно в келью... и писавше выписки на ересь никонияискую... ожидающе собора праваго» (Повесть о боярыне Морозовой. С. 212). Неясно, какую конкретно роль при составлении «выписок» играла сама боярыня. В дошедших до нас письмах М. (два из них адресованы протопопу Аввакуму, а одно — его семье на Мезень) нет рассуждений по догматическим и вероисповедным вопросам. Это письма женщины, хозяйки, матери, сокрушающейся «в суетах мирских и душевных печалех». Из трех известных нам писем М. одно писано рукой боярыни, два других продиктованы ею («она прядет и приказывает как девице грамота... писать» — Повесть о боярыне Морозовой. С. 212). В этих письмах, написанных до ареста М., речь идет о ссоре М. с юродивым Федором («лука́в есть и зело злокознен»), о посылке боярыней денег, содержится просьба о благословении на возможную женитьбу сына.

Лексическая основа писем М. — просторечно-разговорная: «не диво», «уму не постижно», «на них не дивую», «чаела себе», «тому не ради», «мне говаривал», «все розна стали», «досадница». Церковнославянская, книжная лексика писем незначительна: «христолюбивой», «милосердие Божие», «высокоумие», «неизреченной», «благочестивому», «чадолюбивому». Для стиля писем М. характерна также близкая к разговорной форма построения предложений: «Ну да, чю, послушает ли тебя?», «Много было писать, да нельзя», «Люта мне, грешнице», использование пословичных выражений («сотана лют... а и горами качает») и фольклорно-просторечных обращений («батюшка, свет мой, свет душе моей»).

В типичной эпистолярной манере XVII в. выражены возвеличение адресата и крайнее самоуничижение пишущего: «Благочестивому и чадолюбивому моему и свету душе моей и радости моей неизреченной, батюшку Аввакуму Петровичю грешная твоя и недостойная, и ленивая, и во всех гресех живущая, и нетерпеливая всем человеком досадница и никому ничево добрава не сотворила»; «Христолюбивому и благочестивому великому отцу священноиерею, протопопу Аввакуму Петровичу многогрешная, недостойная и не могу нарещи имени своего за премногое недостоинство». Однако возвеличение адресата имеет у М. избирательный характер, о чем свидетельствует начало письма к семье протопопа Аввакума: «Благочестивой и христолюбивой рабе Христове Настасье Марковне з чады и с снохою и со внучкою».

В собственноручном письме М. ярко выражена особенность московского говора — «аканье», отразившееся в орфографии: «атец», «абманывать», «аставит», «Саздатель», «атстанут», «такава», «добрава», «поглатить», «добрай» (у Аввакумаа на обороте того же письма «доброй»). «Аканье», несомненно, отражает языковую практику самой М., т. к. в письмах, лишь продиктованных ею, это явление выражается значительно слабее. Скудость дошедшего до нас письменного материала не позволяет сделать более основательных заключений о писательской манере М.

Изд.: Барсков. Памятники. С. 35—42; ПЛДР. XVII век. М., 1988. Книга первая. С. 580—586.

Лит.: Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 40; Мазунин А. И. Заметки к биографии Ф. П. Морозовой (из реального комментария) // Маҷмӯаи мақолаҳои илмӣ (нашри XXIX—на обложке ошибочно XXVI), серияи филологӣ. Душанбе, 1969. С. 145—156; Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исслед. А. И. Мазунина. Л., 1979.

А. И. Мазунин

Моховиков Симеон Федорович (2-я пол. XVII—1-я четв. XVIII в.) — автор рассказа о чуде, совершенном иконой с изображением *Максима Грека*, возможный автор наиболее пространного из *Сказаний о Максиме*

Греке и собрания чудес преподобного, возможный автор Сказания о чудесах от икон Божьей матери (книга «Солнце пресветлое»). Скудные биографические сведения о М. содержатся в его «Чуде новейшем преподобнаго отца нашего Максима Грека», в котором повествуется о событиях 1720 г. Старообрядец М., уже немолодой человек, служил сторожем Благовещенского собора Московского Кремля и имел свою торговлю — лавку в Седельном ряду. Между тем выяснилось, что ревностный исполнитель петровского указа некий подьячий Михаил Морсочников похвалялся обрить героя или даже вырвать «щипками» его бороду. Надеясь на заступничество Максима Грека, М. заказал его икону изографу Евстафию. Но Евстафий изобразил Максима с благословляющей рукой, сложенной тремя перстами, за что был немедленно наказан преподобным: его рука покрылась нарывами и высохла. Слухи о чуде дошли до царя, который повелел схватить изографа и самого М.; оба спаслись бегством. О дальнейшей судьбе М. сведений нет.

«Чудо новейшее» сохранилось в единственном списке первой трети XVIII в. ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 338, где оно завершает целую серию чудес Максима Грека (первые шесть чудес заимствованы тут из Жития Дионисия Зобниновского). Чудеса, в свою очередь, примыкают к *Сказанию о Максиме Греке* («Сказание о житии и страдании преподобнаго отца нашего Максима Грека философа...») — наиболее обширному из жизнеописаний святогорского старца, составленному на основании более ранних сказаний, собственных сочинений грека, наконец, *Повести о втором браке Василия III*. Это Сказание, в котором рассказ о жизненном пути Максима приспособлен к агиографическому канону и украшен некоторыми легендарными подробностями (например, афонский старец называется архимандритом Ватопедского монастыря), также неизвестно в других списках. Кроме Сказания и собрания чудес в рукописи В. М. Ундольского помещено особое собрание сочинений Максима Грека — Архивное 2 (его описание см. в работах Д. М. Буланина). Поскольку сборник переписан рукой М. (запись на л. 244 об.), С. А. Белокуров высказал резонное предположение, что герой «Чуда новейшего» является автором и Сказания о Максиме, и всего собрания чудес. М. известен также как владелец *«Лествицы» Иоанна Синайского* в списке 1499 г. (ЦГАДА, ф. 181, собр. МГАМИД, № 411).

В 1971 г. археографическая экспедиция МГУ привезла сборник с владельческой записью М., содержащий рассказы о чудотворных иконах и чудесах святых (Научная библиотека МГУ, № 10535-22-71). Исследовавшая сборник И. В. Поздеева доказывает, что сборник был составлен в Москве в старообрядческой среде. Она утверждает, что состав сборника был установлен до начала переписки (на это указывает внутреннее единство книги), а составителем его был М. Датируется сборник 1714—1716 гг. — первая дата определяется собором, предавшим проклятию последователей ереси Димитрия Тверитинова

(«пяточисленные еретицы» сборника М.), вторая названа на л. 538 об. рукописи. И. В. Поздеева атрибутирует М. читающееся в рукописи «Сказание известно вкратце» (книга «Солнце пресветлое») о богородичных иконах, которое украшено гравюрами, по большей части резанными Г. П. Тепчегорским в 1713 и 1714 гг. Авторство сторожа Благовещенского собора обличает свойственный Сказанию интерес к Максиму Греку, причем, как и в Сказании о Максиме Греке, он называется архимандритом.

Книга в целом и входящее в нее составной частью Сказание составлены для борьбы с «иконоборческой ересью» Тверитинова. Автор Сказания проявил исключительную начитанность, использовав материал почти пятидесяти произведений, оригинальных и переводных. Помимо рукописных изданий и повестей об иконах он пользовался «Небом Новым» Иоанникия Галятовского (Львов, 1663) и, вероятно, печатным Прологом. Структура Сказания (краткие повести о чудесах богородичных икон с полемическим обращением к еретикам-иконоборцам в конце каждой из них) и само заглавие «Солнце пресветлое» указывает на образец и одновременно источник произведения — сборник *«Звезда Пресветлая»*, широко распространившийся в русской книжности к нач. XVIII в. Ряд повестей в составе «Солнца пресветлого» — это особые сокращенные редакции соответствующих сюжетов, причем акцент делается на одном или нескольких чудесах, особенно важных, по мнению составителя, для обличения ереси. Существует еще одна рукопись (ГИМ, Муз. собр., № 47), современная сборнику МГУ (датируется по водяным знакам 1710-ми гг.), написанная похожим почерком и также украшенная гравюрами, преимущественно из листов Г. П. Тепчегорского. В отличие от сборника МГУ, Музейская рукопись содержит только текст «Солнца пресветлого» и не имеет владельческих записей. Взаимоотношение списков нуждается в специальном исследовании.

Изд.: Белокуров С. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898. Приложения. С. XLIII—CXXV; Russische Heiligenlegenden. Herausgeg. von E. Benz. Zürich, 1953. S. 366—412 (перевод на нем. яз.).

Лит.: Klostermann R. A. Maxim Grek in der Legende // Zeitschrift für Kirchengeschichte. 1934. Bd. 53, 3. Folge 4. S. 206—227; Denissoff E. Maxime le Grec et ses vicissitudes au sein de l'église russe // Revue des études slaves. 1954. T. 31. P. 16—17; Поздеева И. В. 1) Археографические работы Московского университета в районе древней Ветки и Стародуба (1970—1972 гг.) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1975 г. М., 1976. С. 57—58; 2) Вновь найденный сборник Симеона Моховикова с гравюрами Г. П. Тепчегорского // Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. М., 1976. С. 175—198; 3) Запланированное чудо поиска (о Житии Иова Льговского) // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 176—183; Буланин Д. М. 1) Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 34. С. 275—279; 2) Переводы и послания Максима Грека: Неизданные тексты. Л., 1984. С. 236—238.

Д. М. Буланин, А. А. Турилов

Н

«Написание» казаков о походе Ермака — не дошедший до нас ıмятник казачьего творчества кон. XVI—нач. XVII в., послуживший точником ряда произведений сибирской литературы XVII в. О существовании Н. и его содержании известно лишь из сообщения Есиповой летописи (1636 г.). Как пишет *Савва Есипов*, первый тобольский хиепископ *Киприан*, устанавливая «во второе лето престольства оего», т. е. в 1622 г., церковное поминание Ермака и его дружины, ювеле разпросити ермаковъских казаков, како они приидоша в ібирь», после чего «казаки ж принесоша к нему написание, како иидоша в Сибирь и где у них с погаными бои были, и где казаков какова у них имянем убили» (ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 70). На основе юго Н., как сообщает Есипов, Киприан приказал записать имена итых в соборный синодик и поминать в неделю православия. тсутствие текста Н. и краткость известия о нем в Есиповской етописи вызывают споры между исследователями о датировке этого мятника, его характере и роли в истории сибирского летописания.

Впервые пространную его характеристику дал С. В. Бахрушин. лоставив тексты Летописи Есиповской и *Летописи Строгановской* Синодика ермаковым казакам, он пришел к выводу, что в основе ех этих произведений «лежит один и тот же первоисточник, то „аписание“, которое принесли казаки преосв. Киприану» (Очерки... 30). Учитывая, что в трех названных древнейших памятниках бирской истории, имевших общий источник, из государей упоминается только *Иван Грозный* и Феодор Иоаннович, а среди сибирских юдов — только Тобольск, Верхотурье и Тюмень (все основаны в I в.), С. В. Бахрушин высказывает гипотезу о раннем происхожнии Н.: «Если высказанные соображения верны, то „Написание“ эдует отнести к эпохе не позднее царствования Бориса Годунова» черки... С. 30), или «не позднее конца XVI в.» (там же).

На основании анализа тех же трех ранних памятников С. В. Бахшин попытался «восстановить в общих чертах» содержание и литетурные особенности Н.: «Это было сравнительно краткое произвение, но не без литературных достоинств»; «первоначальное произвение, бывшее значительно короче позднейших его переделок, „нечто стесняемо речью“, как выражается Есипов, однако, не было лишено тературной обработки: высокопарное введение, речи, влагаемые в та Ермака и Кучума, отдельные образы и метафоры, заключительная атья о торжестве христианства в Сибирской земле — показывают, о мы имеем дело не с простою записью фактов, а с произведением ящной словесности. Что касается содержания, то в основу рассказа

были положены, по-видимому, сведения, добытые от участников похода Ермака; наряду с этим есть прямые ссылки на татарские предания из татарских источников... почерпнута, в частности, генеалогия сибирских царей» (Очерки... С. 30).

Д. С. Лихачев считает, что казачье Н. существовало «еще 20-х годов XVII в.» (Русские летописи... С. 394) и «было, по существу, произведением народной, демократической литературы» (Повести о покорении... С. 90). По его мнению, Н. наложило «прочный отпечаток на все последующее сибирское летописание» (Русские летописи... С. 394); оно послужило непосредственным основанием для Синодика ермаковым казакам и не дошедшей до нас Киприановской летописи, через посредство которой Н. отразилось в Есиповской, Строгановской летописях и сибирской части *Летописца Нового* (там же. С. 398). Но самое главное — это внутренняя связь Н. с широко развитой в Сибири XVII в. традицией казачьего демократического летописания, в значительной мере опирающейся на фольклор о Ермаке. По мысли Д. С. Лихачева, о характере Н. можно приблизительно судить «по отрывкам Кунгурской летописи, сохранившим несомненные признаки древности» (там же. С. 411).

Гипотезу С. В. Бахрушина и Д. С. Лихачева о литературном характере Н. попытался опровергнуть Р. Г. Скрынников. Под есиповским термином «написание» он подразумевает «списки», составленные по воспоминаниям «тобольских ветеранов»: «Они, по точному указанию источника, содержали прежде всего имена ермаковцев, погибших во время сибирского похода. Отсюда следует, что казаки составили Написание по заказу Киприана, распорядившегося составить поминальный список ермаковцев. Иначе говоря, запись „речей“ ветеранов была осуществлена не в конце XVI в., а в начале 20-х гг. XVII в.» (Скрынников. Сибирская экспедиция... 1982. С. 31). Не отрицая вывода С. В. Бахрушина о наличии общего протографа для Есиповской и Строгановской летописей, Р. Г. Скрынников видит его не в Н., а в гипотетической Тобольской летописи, составленной при Киприане и до нас не дошедшей; Н. же послужило основанием лишь для Синодика (там же. С. 32).

С гипотезой Р. Г. Скрынникова трудно согласиться прежде всего потому, что его характеристика содержания Н. не соответствует «точному указанию источника» — Есиповской летописи, где в пересказе Н. имена казаков стоят на последнем месте после упоминания о приходе в Сибирь и о боях «с погаными»; без этих сведений в Н. непонятно их появление в Синодике ермаковым казакам, который «сам по себе представлял собой краткую летопись — сжатый конспект событий похода Ермака» (Лихачев. Русские летописи... С. 394). Помимо того, не ясно, почему употребленный в летописи термин «написание» (варианты в других списках дают только «писание» — ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 70) заменяются у Р. Г. Скрынникова словом

«списки»; такая подмена сглаживает нарративный характер памятника, подчеркнутый термином.

Е. К. Ромодановская впервые попыталась связать казачье Н. с конкретным, известным в настоящее время текстом. По ее мнению, Н., созданное около 1600—1601 гг., послужило непосредственным протографом так называемого Погодинского летописца («Повесть летописная, откуду начяся царство бисерменское в Сибири...»), сохранившегося в единственном списке ГПБ, собр. Погодина, № 1604, посл. четв. XVII в. (см.: ПСРЛ. Т. 36, ч. 1. С. 19, 129—137; Сибирские летописи. СПб., 1907. С. XXVIII, 271—295). Такой гипотезе не противоречит специфика этого памятника: многочисленные оригинальные известия, которые могли быть сообщены лишь очевидцем событий, первичность текста по отношению к Синодику и Есиповской летописи, хронологический охват событий, ограниченный 1601 г., связь редактора-переписчика в 1621—1622 гг. со Знаменским монастырем, где Киприан искал свидетелей похода Ермака. Протограф Погодинского летописца представляет собой «запись современника событий о том, что он видел и знал; запись эта строится по законам письменного исторического сочинения... с использованием разнообразных литературных источников. Вместе с тем автор ее, будучи довольно образованным человеком, не отличается опытностью в литературном творчестве. Он не сумел справиться с противоречиями и повторами в своем сочинении или же, начав обработку его, не довел ее до конца» (Ромодановская. Погодинский летописец. С. 56). Возможно, именно неоконченность работы над текстом вызвала к жизни такой странный термин — «написание», не имеющий соотнесенности с определенной жанровой структурой. Высказана гипотеза и о возможном авторе Н. — им, скорее всего, был Черкас Александров, участник похода Ермака и окончательного разгрома Кучума в 1598 г., долго служивший в Тобольске атаманом служилых конных татар. Вероятно, он был «официальным историком» дружины Ермака.

Лит.: Лихачев Д. С. 1) Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 393—417; 2) Повести о покорении Сибири // История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 89—93; Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 19—31; Дворецкая Н. А. Официальная и фольклорная оценка похода Ермака в XVII в. // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 330—334; Дергачева-Скоп Е. И. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965; Ромодановская Е. К. Погодинский летописец. (К вопросу о начале сибирского летописания) // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 18—58; Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982; 2-е изд. Новосибирск, 1986; ПСРЛ. М., 1987. Т. 36, ч. 1.

Е. К. Ромодановская

Написание о Соловецкой обители («Написание сицево изложено бысть вкратце о святой и великой обители сей Соловецкой, иже есть во отоце сущем во окиянстем море, на полунощной стране како стоит и о чине церковнем, и о устроении монастырьском, иже в нем есть», нач.: «Стоит остров Соловецкий во отоце сиречь посреде губы...») — сочинение, относящееся к типу повестей о монастырях. Созданное, вероятно, кем-то из соловецких монахов, Н. рассказывает о жизни монастыря как бы изнутри, совершенно не касаясь его истории и связанных с ним политических событий, не называя ни одного конкретного имени. Детально описывается каждодневная жизнь и устройство крупной обители начала XVII в. Это как бы иллюстрация к монастырскому уставу. Начинается произведение с поэтизированного географического описания Соловецкого архипелага и Белого моря; далее подробно рассказывается о приготовлении пищи и трапезе в монастыре (перечисляются при этом различные категории монахов, трудников и гостей, занятых в монастырском хозяйстве — всего около 30 наименований), об организации стражи и процедуре приема гостей и паломников, об устройстве хозяйственных служб — мельницах, кирпичных печах, ирригации и т. п., о порядке церковных богослужений и келейном монашеском правиле, о чине погребения монахов и мирских людей. Заканчивается Н. словами: «В лето 7126-го дал Бог еще благо, а впредь чаю по благословению началников наших умолит духовная любы. Но да буди в том воля Божия...» (ГБЛ, ф. 722, № 254, л. 168). На основании этого можно предположить, что Н. было составлено в 1618 г. (этой дате не противоречат и упоминающиеся в тексте постройки).

Н. известно в трех списках старообрядческого содержания, но переписанных, скорее всего, не в старообрядческой среде, сер. — 2-й пол. XVIII в. (ГБЛ, ф. 722, № 254; ф. 218, № 675; ГПБ, Q.I.1038). Состав сборников одинаков и восходит к одному протографу, сложившемуся не ранее 1710-х гг. (повторены многие ошибки писцов), причем список ГБЛ, ф. 218, № 675, скорее всего, сделан непосредственно со списка ГБЛ, ф. 722, № 254. Состав их таков: 1) Н.; 2) «*Сказание о Филиппове строении*» (по классификации Г. Г. Латышевой его следует отнести ко второй редакции — см. ниже); 3) «История о отцах и страдальцах Соловецких» (см. *Семен Денисов*); 4) Соловецкая челобитная. Еще один список Н. без старообрядческого «конвоя» дошел в составе сборника повестей и поучений XVII в. из библиотеки Кириллова Новоезерского монастыря: Новгородский музей-заповедник, № 120 (460) (Викторов А. Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах Северной России. СПб., 1890. С. 167; Тихомиров М. Н. Рукописи Новгородского музея // Новгородский исторический сборник. Новгород, 1939. Кн. 5. С. 31).

Н. обнаруживает текстологические совпадения со «Сказанием о Филиппове строении», которое, в свою очередь, текстологически очень

близко *Сказанию о Соловецком монастыре.* Эти три произведения, бытовавшие примерно в одно время в одном месте и посвященные одной теме — устройству Соловецкого монастыря и его постройкам, тесно связаны между собой и, естественно, должны были подвергаться взаимовлияниям в процессе переписки. Г. Г. Латышева, рассматривавшая их в связи с изучением *Жития Филиппа митрополита*, предложила следующую схему их взаимоотношения: Сказание о Соловецком монастыре послужило источником для «Сказания о Филиппове строении»; с другой стороны, Н. легло в основу второй редакции «Сказания о Филиппове строении». Однако эта схема нуждается в корректировании, поскольку Латышевой не были известны многие списки сочинений, дающие разные чтения спорных мест. Скорее всего, в тексты обоих Сказаний в разное время вносились изменения, влиявшие одно на другое; хронологический порядок заимствований установить трудно.

Мнение Г. Г. Латышевой о заимствованиях второй редакции «Сказания о Филиппове строении» из Н. основано на отсутствии в первой редакции рассказа о постройке мельниц и других служб, текстологически близкого Н. Но не исключена и вероятность обратной связи: составитель Н. мог пользоваться второй редакцией «Сказания о Филиппове строении». На это может указывать деталь, не замеченная Г. Г. Латышевой: фраза Н. «и всех престолов в Соловецком монастыре 12, а храмы все каменные» (ГБЛ, ф. 722, № 254, л. 170) дословно присутствует во всех списках «Сказания о Филиппове строении» (а также «Сказания о Соловецкой обители»). Как бы ни решался вопрос о взаимоотношениях со «Сказанием о Филиппове строении», Н. является совершенно самостоятельным и независимым текстом, хотя в нем присутствуют некоторые литературные клише, общие трем вышеназванным сочинениям. Если учитывать названную в Н. дату — 1618 г. (что также не было учтено Г. Г. Латышевой), представляется более вероятным, что «Сказание о Филипповом строении» было создано раньше Н.

Изд.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1890 год. СПб., 1893. С. 20—26 (отрывки).

Лит.: Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1859—1860; Латышева Г. Г. Публицистический источник по истории опричнины (К вопросу о датировании) // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. Сборник трудов МГПИ им. В. И. Ленина, Кафедра истории СССР. М., 1974. С. 41—43; Юхименко Е. М. Повесть об осаде Соловецкого монастыря Семена Денисова — памятник выговской литературной школы первой половины XVIII в. / Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1991. С. 5.

Р. П. Дмитриева, Н. А. Охотина

Нафанаил (1-я пол. XVII в.) — автор стихотворного послания, входящего в компиляцию «Послания многоразлична, а в них описует имена отлична». О компиляции см. статью «Мардарий».

Нектарий (в миру Николай Павлович Телящин) (1586—1667) — архиепископ сибирский и тобольский, автор поучений и послания, библиофил. Н. происходил из крестьян Осташковского уезда. Семья его была тесно связана с духовенством этого края: почти все ее члены к старости уходили в монастырь, а брат Н. Лев до пострижения был священником Осташковской Воскресенской церкви (1642 г.), а затем протопопом соборной церкви г. Ржева (ок. 1638 г.). Н. пришел в Нилово-Столбенскую пустынь в 13-летнем возрасте (1599 г.) и был связан с ней всю свою жизнь. Здесь он получил духовное образование под руководством иеромонаха Германа, составившего первые записки о житии Нила Столбенского (Ключевский. Древнерусские жития. С. 313), а также, возможно, *Арсения Глухого*, жившего в Ниловой пустыни в начале XVII в.; здесь Н. выучил греческий и латинский языки, риторику, философию.

После смерти Германа (1641 г.) Н. сменил его на посту игумена и выполнял эти обязанности до 1663 г., прервав их лишь на четырехлетний срок своего пребывания на сибирской кафедре (1636—1640 гг.). Именно Н. укрепил экономическое и общественное положение монастыря, превратив его в одну из самых богатых общин середины XVII в. Им была фактически создана и библиотека Нилово-Столбенской пустыни (при Германе монастырь располагал лишь самой необходимой служебной литературой): по его распоряжению приобретаются Апостол и Пятикнижие Моисея, он собственноручно переписывает сочинения Симеона Нового Богослова, *«Паренесис» Ефрема Сирина*, Требник, Святцы и создает Синодик Нилово-Столбенской пустыни. После возвращения из Сибири в 1640-х гг. он заказывает переписать для монастыря комплект Четьих Миней. Несомненно, что и другие книги, появившиеся в монастыре в первой половине века, были приобретены с ведома, если не по прямому распоряжению, образованного игумена. В настоящее время известно около 30 четьих книг, определенно находившихся при Н. в монастырской библиотеке. Среди них памятники житийной литературы, а также сочинения видных духовных писателей — Никиты Стифата, Феодора Студита, Симеона Нового Богослова. Особое место занимает Житие Нила Столбенского (см. *Филофей Пирогов*), которое переписывается неоднократно, возможно на продажу: известно, что при Н. монастырь продавал богомольцам письменные каноны Нилу Столбенскому (Успенский. Историческое описание... С. 129). При жизни Н. и, возможно, при его участии создается новая редакция Жития Нила Столбенского, отличающаяся риторичностью и распространением за счет общих мест (Ключевский. Древнерусские жития. С. 314).

Положение Н. как главы известного монастыря ставит его в определенные отношения со многими видными деятелями общественной жизни и культуры XVII в. Существует легенда о том, что именно Н. предсказал *Михаилу Феодоровичу* рождение наследника, после чего был приглашен в крестные отцы будущего царя *Алексея Михайловича* и через некоторое время получил освободившуюся кафедру сибирского архиепископа (Абрамов. Нектарий... С. 69). Даже если эта легенда не имеет под собой оснований, можно утверждать, что Н. был довольно тесно связан с домом Романовых: среди покровителей и вкладчиков его монастыря были близкие родственники царя Михаила — бояре Иван Никитич Романов и Борис Михайлович Лыков, князь И. М. Катырев-Ростовский; определенные отношения существовали у Н. с монахами Троице-Сергиева монастыря, в частности с *Дионисием Зобниновским*, который вложил в Нилову пустынь книгу *Патерик Скитский*, «боевые» часы на колокольню и 17 икон деисуса (Успенский. 1) Преосвященный Нектарий... С. 13—24; 2) Историческое описание... С. 24). Ниловой пустыни покровительствовал патриарх *Никон*. Особое уважение к Н. проявилось при его погребении в январе 1667 г.: его отпевал патриарх антиохийский Макарий с собором русских и греческих святителей, а царь пешком провожал гроб за Москву. В период своего пребывания в Сибири Н. содействовал как экономическому, так и идеологическому укреплению недавно организованной кафедры. При нем было утверждено официальное церковное поминание Ермака и дружины, созданы первые сказания о местных святынях (Сказание о явлении и чудесах Абалацкой иконы Богородицы), начата летописная работа при Тобольском архиерейском доме (Есиповская летопись — см. *Есипов Савва*). В Тобольске Н. создает и собственноручно украшает Синодик Нилово-Столбенской пустыни, представляющий заметное явление в книжном искусстве первой половины XVII в.

Собственно литературное творчество Н. невелико по объему. До нас дошли два его поучения к братии Нилово-Столбенской пустыни («Увещание Нектария, архиепископа сибирского и тобольского, игумену Ниловой пустыни Дорофею и всей братии» — в составе переписанного им Синодика, а также «Заповедь архиепископа Нектария о трезвости и об общежитии, 7174 года апреля 2 дня») и послание «Великому господину Ивану Михайловичу» (адресат послания неизвестен, скорее всего им был князь И. М. Катырев-Ростовский). Все эти сочинения отличаются простотой содержания и языка. В поучениях братии речь идет об общих принципах монастырской жизни — о необходимости молитвы («Увещание») и запрещении пить вино («Заповедь»); здесь Н. лаконичен и директивен, давая четкие рецепты поведения, без каких-либо риторических украшений. Вне монастыря, по-видимому, эти поучения не распространялись — только «Увещание» помимо авторской рукописи сохранилось в позднейшей копии Синодика

(ИРЛИ, Причудское собр., № 66, 1887 г.); «Заповедь» известна лишь по публикации В. Успенского. В свою очередь, послание «господину Ивану Михайловичу», содержащее просьбу похлопотать о возвращении автора из Сибири в Нилову пустынь, рисует подчеркнуто мрачную и суровую картину жизни в монастыре, причем литературная гиперболизация сочетается с яркими картинами монастырского быта. Автор свободно переходит от бытовых картин к поучению и назиданию, умело строя обширные риторические периоды и подчиняя их законам ритмической прозы. Послание сохранилось в трех списках и представляло для современников, судя по конвою, не только деловой, но и чисто литературный интерес; текст послания был использован А. Н. Толстым в романе «Петр Первый» (Толстой А. Н. Полн. собр. соч. М., 1946. Т. 9. С. 380—381).

Изд.: Черты монастырского быта в XVII в.: Письмо архиепископа Сибирского Нектария и шутовская челобитная колязинских монахов // Русский архив. 1873. № 9. Стб. 1770—1782; Успенский В. Историческое описание Ниловой Столобенской пустыни, Тверской епархии, Осташковского уезда. Тверь, 1876. С. 148—149, 167—169; Ромодановская Е. К. Опись имущества сибирского архиепископа Макария (1636 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1988. С. 26—28.

Лит.: Абрамов Н. Нектарий, третий архиепископ сибирский и тобольский. 1636—1640 гг. // Странник. 1866. № 2. С. 65—87; Успенский В. Преосвященный Нектарий, второй настоятель Ниловой Столобенской пустыни, бывший архиепископ сибирский и тобольский. 1587—1667. Тверь, 1882; Буцинский П. Н. Сибирские архиепископы Макарий, Нектарий, Герасим (1625—1650 гг.). Харьков, 1891. С. 28—46; Ромодановская Е. К. 1) Сибирский архиепископ Нектарий и пропаганда православной идеологии // Изв. Сибирского отд. АН СССР. 1967. № 6. Сер. обществ. наук. Вып. 2. С. 99—105; 2) Русская литература в Сибири первой половины XVII в.: (Истоки русской сибирской литературы). Новосибирск, 1973. С. 55—65; Собрание Ниловой пустыни (ф. 200) // Рукописные собрания Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина: Указатель. М., 1986. Т. 1, вып. 2. С. 338—341.

Е. К. Ромодановская

Нечаев Матвей Гаврилович (посл. четв. XVII—1752) — ярославский купец, автор «Путешествия в Иерусалим». Сведений о жизни Н. сохранилось мало, основной источник информации — его путевые записки. Н. был состоятельным купцом-откупщиком, через греческих купцов-посредников вел заграничную торговлю, проживал в Толчковской слободе г. Ярославля. 26 августа 1721 г. он отправился через Новгород-Северский в Нежин, где присоединился к купеческому каравану, державшему путь в Константинополь. Оформив в Киеве проездные документы, 23 сентября Н. выехал через Польшу, Валахию и Болгарию в Адрианополь, а оттуда в Константинополь, куда прибыл 8 ноября. В турецкой столице Н. пробыл месяц, осмотрел христианские церкви, мечеть Айя-София, константинопольские столпы, султанский дворец, источник Балуклия, крепостные стены и башни города. 9 декабря паломник отправился на корабле в Иоппию, посещая по пути

острова Эгейского, Мраморного и Средиземного морей. Из Иоппии Н. верхом «на осляти» добрался до Рамли, а оттуда до Иерусалима, куда прибыл 4 марта 1722 г. Здесь паломник побывал в Воскресенском соборе, доме царя Давида, монастыре Иакова, брата Божия, и других святых местах. В мае, после празднования Пасхи, Н. отправился из Иерусалима на родину. 25 октября 1722 г. он уже выступал в ярославском суде в качестве свидетеля по делу о взыскании с крестьян с. Мышкина денег за недопоставку провианта (Описание документов и дел, хранящихся в архиве святейшего правительствующего Синода. СПб., 1878. Т. 2, ч. 2. С. 401).

Списки произведения Н. содержат разную датировку путешествия: 1719—1720 и 1721—1722 гг. Анализ исторических реалий путевых записок позволяет считать верной вторую датировку, ибо Н. встречался в Константинополе с послом И. И. Неплюевым, который прибыл туда из России в 1721 г. Непосредственная работа над книгой велась после возвращения из путешествия. Об этом свидетельствуют следующие факты: в описании Константинополя отразились впечатления паломника о городе по пути в Иерусалим и обратно, из двух встреч с русским послом ему больше запомнилась вторая. Работа над произведением была завершена до лета 1726 г., так как о Георгии Дашкове в нем говорится как о епископе ростовском и ярославском. 12 июля 1726 г. епископ Георгий был произведен в архиепископы, что учел бы благочестивый паломник. Таким образом, произведение было написано между 1722 и 1726 гг.

Основу текста «Путешествия» Н. составляют светские описания, лишь одна треть произведения посвящена рассказу о святынях Иерусалима. Исторический интерес представляют, несмотря на краткость, записки паломника о греческих торговых колониях в России, системе налогов в Турции, чуме 1721 г. в Константинополе, бунтах арабов в районе Иерусалима, действиях мальтийского флота в Средиземном море, положении русских невольников в Турции. В произведении Н. содержатся сведения о константинопольском патриархе Иеремии III, иерусалимском патриархе Хрисанфе, андрианопольском митрополите Афанасии, архимандрите Иоанникии Сенютовиче, после М. Б. Шереметеве, генерале П. А. Голицыне, ярославском купце А. О. Боронине. В путевых записках Н. излагается история ареста и заключения в тюрьму на о. Кипр украинского паломника и писателя Варлаама Леницкого, совершившего в 1712—1714 гг. путешествие в Иерусалим. Произведение Н. представляет большой литературный интерес как переходное явление от средневековых паломнических хождений к светским путевым запискам. Путевые записки Н. развивают традицию средневековых купеческих хождений *Василия* (*Гостя*), *Афанасия Никитина, Василия Гагары*. Светский характер «Путешествия» Н. проявляется в объектах описания, принципах отбора реалий, в новом типе героя-паломника, интересе не к легендарно-историческому миру

христианского Востока, а к современным событиям и лицам. В стиле произведения преобладают две тенденции: краткость и фактографичность путевой части и торжественная пышность барочных описаний. Н. — непревзойденный мастер бытовых жанровых сцен, которые усиливают занимательность «Путешествия».

К настоящему времени выявлено два списка «Путешествия» Н.: ГПБ, Q.IV.244 (опубликован Н. П. Барсовым); ГБЛ, ф. 722, собр. единичных поступлений книг древней традиции, № 127, л. 108 (отрывок). Неизвестно местонахождение списка произведения, опубликованного в Ярославле в середине XIX в. и перепечатанного в «Ярославских губернских ведомостях».

Изд.: Путешествие в 1721 и 1722 годах ярославского жителя Матвея Гавриловича Нечаева ко святым местам палестинским // Ярославский литературный сборник на 1849 год. Ярославль, 1849. С. 127—181; Путешествие ярославца Матвея Гавриловича Нечаева в Палестину // Ярославские губернские ведомости. 1871. Отд. неофиц. № 14. С. 35—36; № 15. С. 37—38; № 16. С. 39—40; № 17. С. 43—44; № 18. С. 45—46; № 19. С. 50; Барсов Н. П. Путешествие посадского человека Матвея Гавриловича Нечаева в Иерусалим // Варшавские университетские известия. 1875. № 1. Отд. неофиц. С. 1—34 (Отд. отт. — Варшава, 1875).

Лит.: Пономарев С. И. Иерусалим и Палестина в русской литературе, науке, живописи и переводах. СПб., 1877. С. 12, № 52; Сборник имп. Русского исторического общества. СПб., 1888. Т. 62. С. 70; Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, кн. 2. С. 1897—1898; Геннади Г. Н. Справочный словарь о русских писателях и ученых. М., 1908. Т. 3. С. 31; РБС. СПб., 1914. Нааке — Николай Николаевич. С. 261; Венгеров С. А. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Пг., 1918. Т. 2, вып. 4—5. С. 166; Данциг Б. М. Ближний Восток в русской науке и литературе. М., 1973. С. 54—55; Seemann K.-D. Die altrussische Wallfahrtsliteratur. München, 1976. S. 396—401; Травников С. Н. 1) Путевые записки Петровского времени: (Проблема историзма). М., 1987. С. 50—53; 2) Писатели Петровского времени: Литературно-исторические взгляды. Путевые записки. М., 1989.

Л. А. Ольшевская, С. Н. Травников

Нечаев Стефан Трофимович (ум. 13.V.1667) — галицкий юродивый, автор прощальных писем. Сын местного купца, рано умершего. В юности Н. ушел из дому, стал юродствовать, потом, пожалев мать, вернулся, женился и прижил ребенка. Но тяга к юродству оказалась столь сильной, что он бросил семью и опять «преложился в юродство», на этот раз до смерти. Н. удостоился пышных похорон в Богоявленской церкви Галича, на которых были архимандриты местных монастырей, протопоп соборного храма, галицкий воевода, дворяне и дети боярские. В Богоявленской церкви была местночтимая икона юродивого Н.

Сохранилось прощальное письмо Н., которое он, «как пошел юродствовати, оставили на утешение матери своей Евдокие да жене своей Акилине». Письмо входит в подборку документов, которую в списке второй половины XVIII в. обнаружила в 1974 г. Н. В. Понырко. Подборка кроме прощального письма содержит короткую записку Н. дяде

вриле Самсоновичу с просьбой не оставить осиротевшую семью и пись на «действительном образе» юродивого в Богоявленской кви. Составитель подборки, добавивший от себя несколько этикетх фраз, — без сомнения галичанин и младший современник Н. сьмо построено как диалог, в котором мать вопрошает своего сына, яет ему, что бросил семью, а тот объясняет свое решение: он ет юродствовать «не простоты ради», т. е. не от скудости ума, а презрения к мирским благам («аще бы люб мне мир сей, и аз двизахся бы о вещех его»). Уходя в юродство, человек одновременно одит из культуры, рвет с ней все связи. Письмо Н. — как бы ощальный завет умирающего (он настойчиво называет себя мертлом), а мать голосит над ним, как над покойником. Это письмо — инственный в своем роде текст. Однако можно допустить, что чинение «прощальных писем» перед уходом в юродство было этикетм моментом: о таком же письме матери и жене упоминается в *итии Арсения*, новгородского юродивого XVI в. (БАН, Устюжское бр., № 55, л. 12). Галицкая подборка текстов свидетельствует о м, что Н. рассчитывал не только на прямых адресатов, но и на ирокую читательскую аудиторию. В таком случае «прощальные исьма» юродивых суть не документы, но особый жанр древнерусской тературы.

Изд.: Лихачев Д. С., Панченко А. М. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 76. С. 183—191; Лихачев Д. С., Панченко А. М., Понырко Н. В. Смех в евней Руси. Л., 1984. С. 205—213.

А. М. Панченко

•

Никанор (2-я пол. XVII в.) — архимандрит Воскресенского Ноиерусалимского монастыря (в 1686—1698 гг.), автор монастырского тописца, написанного стихами. Текст летописца вырезан на каменых плитах при южных дверях Воскресенской церкви. Н. сообщает ак, когда и кем была основана Воскресенская обитель, воздает должное патриарху *Никону* — ее основателю. В летописце нашли отраение сведения, связанные с судьбой патриарха Никона: его вынужнный отъезд из Воскресенского монастыря, а впоследствии его погреение здесь. Заканчивается летописец сообщением об освящении в 685 г. Воскресенского каменного храма. Н. принадлежит также тихотворная надпись на каменной плите в церкви Всех Святых оскресенского монастыря над могилой архимандрита *Германа*.

Изд.: Леонид, архимандрит. Историческое описание ставропигиального Воскренского Новый Иерусалим именуемого монастыря // ЧОИДР. 1874. Кн. 3. С. 92—98, 1, 9; Кн. 4. С. 128—129.

Лит.: Филарет. Обзор. С. 256 (№ 239); Позднеев А. В. 1) Рукописные сенники XVII—XVIII веков: (Из истории песенной досиллабической поэзии) // Учен. п. Московского гос. заоч. пед. ин-та. М., 1958. Т. 1. С. 18; 2) Песни-акростихи

Германа // ТОДРЛ. М.; Л., 1958. Т. 14. С. 364; 3) Никоновская школа песенной поэзии // Там же. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 421—422; Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 113—114.

М. А. Салмина

Никита Константинов Добрынин (ум. 11.VII.1682) — суздальский священник, писатель-полемист, апологет староверия, известный больше как Никита Пустосвят (прозвище, идущее от церковных обличений 1680-х гг.). Впервые он заявил о себе в первой половине 1659 г., в бытность священником собора Рождества Богородицы в Суздале. Н. подал царю челобитную на суздальского архиепископа Стефана, брата его казначея старца Христофора, племянника его подьячего Василия, с приложением «росписи» их провинностей. Жаловались на архиерея и другие суздальцы, в частности архимандрит Спасо-Евфимиева монастыря Авраамий. Делу был дан законный ход, Стефана отозвали в Москву и заставили отвечать «против росписи». Посланный в Суздаль епископ *Александр Вятский* провел там «повальный обыск», опросив сотни мирян и духовных лиц. Между тем Н. подал царю два извета, требовал вызова новых свидетелей, сам был допрошен и т. д. В августе 1660 г. суд освященного собора, действовавший под сильным влиянием царя, отозвал Стефана с суздальской кафедры, учитывая, что тот «возненавиден того града людьми». Его «ради пропитания» определили архиерействовать в Архангельский кремлевский собор. Что до Н., то с ним поступили строже, запретив священнослужение «впредь до святительскова указу», которого он так и не дождался.

Первое выступление Н. не носило старообрядческой окраски. Правда, в челобитной есть пункты, которые характерны для обрядовой полемики «ревнителей древлего благочестия»: таково, например, отрицание святительского благословения, при котором архиерей держит в левой руке крест, а в правой — свечу. Но Н. обвинял Стефана и в таких проступках и словах, которые в 1653 г. вменялись в вину протопопу *Аввакуму* («бутто мочно в простой храмине обедню служить»). Челобитчик вовсе не озабочен расколом церкви, он стремится любой ценой дискредитировать суздальского архиепископа, подмечая каждое неосторожное слово и каждое опрометчивое деяние. Время для извета было выбрано удачно: Н. апеллировал к порвавшему с *Никоном* царю, а Стефан был ставленником поверженного патриарха (на суздальскую епархию Стефан попал из архимандритов Воскресенского Новоиерусалимского монастыря). Извет имел шансы на успех. Епископ Александр Вятский всегда противостоял людям из окружения Никона; царя настораживал тот пункт «росписи», в котором Стефан уличался в именовании «великим государем». Но Н. потерпел неудачу — видимо, по той причине, что власти распознали в нем мятежника по натуре.

Отголоском этой тяжбы было происшествие, случившееся в Суздале июля 1663 г. В этот день Н. не выпустил из Суздаля архиепископ-ого дьяка Бориса Васильева, «вышед на стречю с колом... и... учал о, Бориса, бить и охабень на нем драть». Н. объяснил, что дьяк отел вывезти из Суздаля выкраденную им из-под печати архиепископ-ую серебряную денежную казну. Как кончилось это дело, неизвестно. прочем, из него ясно, что Н. жил на свободе в своем суздальском эме и оставался в «сущем сане» (документ называет его «соборным попом»).

Все эти годы он посвятил составлению челобитной в защиту старой еры (дьякон *Феодор*, читавший ее в черновике, назвал челобитную еликой»: «двемя пядми объяти мочно»). Слух об этом в конце концов эшел до властей, и в декабре 1665 г. Н. был арестован в Суздале и ривезен в Москву. В феврале следующего года открылся освященный обор, на котором челобитная Н. разбиралась в конце апреля—начале мая. «Он же, окаянный, уподобися аспиду, затыкающему ушеса своя на глас обавающаго, не хоте и слушати архиерейских увещаний, но гор-достию диавольскою напыщен быв, глагола единаго себе искуснейша быти божественных писаний, неже вси архиереи». 10 мая 1666 г. Н. извергли из сана» и прокляли в Успенском соборе — за три дня до расстрижения Аввакума и дьякона Федора. Все трое были заключены в Никольском Угрешском монастыре. Там даже на Аввакума «нападе... ечаль»: он колебался, «не туне ли... бедное страдание». Дьякон Федор окаялся (хотя вскоре ужаснулся отступничеству и уже до конца жизни не изменял старой вере). В конце мая отрекся от своих убеждений и Н. Он подал несколько покаянных исповеданий. По случаю рождения ца-евича Ивана Алексеевича (27 августа) три узника были переведены в Москву. Н., по-видимому, получил относительную свободу. 15 ноября в патриаршей крестовой палате он «пред собором каялся и вину свою чел». Собор указал ему принародно обличать себя на паперти Успенско-э собора, «на Лобном месте и на Красной площади», причем не до-пустил к церковному общению. Это состоялось лишь 21 февраля 1667 г., когда иерархи «от проклятия ево разрешили», но не вернули священнического сана.

«Великая» челобитная Н. вызвала опровержения Паисия Лигарида *Симеона Полоцкого* (последний посвятил ей первую часть вышедшего 1667 г. «Жезла правления»). Оба упрекали Н. в невежестве, в том, что он не знает грамматики и философии. Но Н. изложил здесь древнерусскую литературную концепцию (разделение грамматических форм на «вечные» и «мимошедшие», субстанциональное понимание текста и т. д.) — концепцию, которая была непонятна барочным полигисторам (см.: Матхаузерова С. Древнерусские теории искус-ства слова. Praha, 1976. С. 20—22, 115—116).

В течение следующих 15 лет о Н. почти ничего не известно. При патриархе *Иоакиме* (т. е. после 1674 г.) он снова подвергся какому-то

церковному наказанию, а в 1681 г. подал освященному собору новое покаянное сочинение с просьбой «священническая действовати». Ему отказали, и Н. так и остался распопом.

«Звездный час» Н. наступил летом 1682 г., во время стрелецкого восстания. Органической и важнейшей его частью был мятеж старообрядцев, попытка заставить ослабленную власть вернуться к дониконовскому обряду. Уже 18 мая старообрядческие идеологи — любимый ученик Аввакума Семен Крашенинников, в иночестве *Сергий*, *Савва Романов* и др. задумали подать челобитную, чтобы «в царствующем граде Москве старую православную веру возобновити». Их возглавил оказавшийся в Москве и знакомый князю *И. А. Хованскому* Н. 23 июня он во главе «старцев» и стрелецких выборных явился во дворец и потребовал созвать собор для рассмотрения челобитной. Хованский отнес ее царевне *Софии Алексеевне* и патриарху, которым пришлось согласиться устроить публичный диспут. Он состоялся в Грановитой палате 5 июля, причем главным действующим лицом был Н. Власти были представлены патриархом и архиереями, а также тремя царевнами (Софьей и Марией Алексеевнами и Татьяной Михайловной) и вдовствующей царицей Натальей Кирилловной. Диспут проходил очень бурно. Н. врукопашную схватился с *Афанасием Холмогорским* (со словами: «Что ты, нога, выше главы ставишися, я не с тобою говорю, но с святейшим патриархом»). Софья резко возражала Н., но большинство собравшихся было на стороне последнего. После чтения челобитной собор был перенесен на 7 июля. Н. и его сподвижники торжествовали победу. Выйдя из Грановитовой палаты, они оповестили народ: «Победихом! Победихом! Тако слагайте персты! Веруйте, люди, по-нашему!» Но это была недолгая победа. Софье удалось задарить стрельцов, и они заняли позицию невмешательства. Н. заплатил за диспут жизнью: «Микитка Пустосвят... на Красной площади кажнен... отсечена голова, июля в 11-м числе в другом часу дни».

Хотя Н. остался в истории как одна из символических фигур, на деле он мало участвовал в старообрядческом движении. Показательно, что Аввакум нигде о нем не упоминает: видимо, его отречение в 1666 и 1681 гг. создало ему дурную репутацию. Показательно также, что никто из участвовавших в диспуте расколоучителей, включая Сергия (Крашенинникова), до мая 1682 г. не знал Н. Он попал в «Виноград Российский», старообрядческий мартиролог, но с оговоркой, которая не характерна для этого сборника:

Аще и поползнеся прежде сих Никита,
но омывся кровию, яко цвет Дафнита.
Дивно в рай с Савватием страдальца взыдоста,
сладости безсмертныя тако почерпоста.

Изд.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Изд. ред. Н. Субботина. М., 1874. Т. 1, ч. 1. С. 375—393; М., 1878. Т. 4, ч. 1. 1—178; 1667. Челобитная расколоучителя Суздальского попа Никиты // ЧОИДР. 32. Кн 2 Отд. IV. С. 34—35; Румянцев И. Никита Константинов Добрынин Пустосвят»). Сергиев Посад, 1916. Приложения. С. 3—385.

Лит.: Симеон Полоцкий. Жезл правления. М., 1667; Б.[ровкович] Александр. Описание некоторых сочинений, написанных русскими раскольниками в пользу раскола. СПб, 1861. Ч. 2. С. 73—84; Майков Л. Симеон Полоцкий: Историко-литературный очерк // Древняя и Новая Россия. 1875. Сентябрь. С. 17, 22; Документы о лицах, судившихся на соборе 1666—1667 гг. // Братское слово. 1875. Кн. 4. С. 553—7; Добротворский Н. А. Место погребения Никиты Пустосвята // ИВ. 1887. 1. С. 231; Паисий Лигарид. Опровержение челобитной попа Никиты // Материалы для истории раскола за первое время его существования / Изд. под ред. Субботина. М., 1895. Т. 9. Ч. 1. С. 13—265; Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 21. С. 75; Смирнов П. С. 1) Первые годы жизни раскола вне церкви // Христ. чт. 1898. Ч. 1. С. 945—946; 2) Внутренние вопросы в расколе в XVII веке. СПб., 1898. Приложения. С. 051—052; 3) Полемика о перстосложении в первое время существования раскола // Христ. чт. 1904. Ч. 2. 55—57; Виноград российский, или Описание пострадавших в России за древлецерковное благочестие, написанный Симеоном Дионисиевичем (княз. Мышецким). М., 1906. Л. 42—43 об.

А. М. Панченко

Никифор, старообрядец, см. *Послание из Москвы на Дон.*

Никифор Евдокимов (2-я пол. XVII в.) — мастер книгопечатного дела, работавший в типографии Валдайского Иверского Богородицкого монастыря. Типография была вывезена на Валдай из Кутеина по распоряжению патриарха *Никона*, переведшего в основанную им в Новгородских пределах обитель и всю братию Кутеинского Богоявленского монастыря. Прибывшая на место назначения к лету 1656 г. типография начала функционировать при участии белорусских мастеров, к числу которых, надо полагать, относился и Н. Е. Современным библиографам известно три книги, напечатанные в Иверском монастыре, — Часослов 1658 г. с анонимным предисловием, «Рай мысленный» 1658—1659 гг. и «Брашно духовное» 1661 г., предисловия к которым подписаны архимандритом *Филофеем* «з братиею». Однако этими изданиями продукция монастырской типографии не исчерпывалась — известно, что в 1665 г. Иверский монастырь по указу Никона напечатал царскую жалованную грамоту (текст издания воспроизведен в кн.: Амфилохий, архимандрит. История российской иерархии. М., 1812. Ч. 4. С. 222—239) и «Круг часам дневным и нощным» (Акты Иверского Святоозерского монастыря (1582—1706), собранные ю. архимандритом Леонидом. Пб., 1878 (РИБ. Т. 5). Стб. 533—535, № 198); высказывались предположения, что из-под монастырского стана вышли в свет и другие книги: Сахаров И. Иверская типография // Северная пчела. 1842. 17 июля, № 157. С. 627—628 (признается неосновательность предположений об издании каких-либо

книг сверх «Рая мысленного», «Брашна духовного» и царской грамоты); Леонид, архимандрит. Материалы для истории книгопечатания в России: Типография Оршинского Кутеинского и Иверского Валдайского монастырей (с 1630 по 1665 год) // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее. 1876. № 11—12. С. 92—95. Мы не располагаем сведениями, все ли эти издания, продолжавшие традиции белорусского книгопечатания, готовил Н. Е., были ли у него помощники, принимал ли он участие в редактировании текста. Известно только, что «друкарь» Н. Е. с соборным иеромонахом Феодосием сопровождали обоз с типографским оборудованием в Воскресенский Новоиерусалимский монастырь, куда патриарх приказал доставить стан и другие материалы в 1665 г. Известно также, что Н. Е. не остался на Истре, но выехал назад, причем в Москве Феодосий купил своему спутнику очки «хрустальны».

Лит.: Сидоров А. А. Древнерусская книжная гравюра. М.; Л., 1951. С. 203—206; Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв.: Сводный каталог. М., 1958. С. 138—139, приложение IIВ, № 1—3; Голенченко Г. Я. Белорусы в русском книгопечатании // Книга: Исслед. и мат. М., 1966. Сб. 13. С. 99—106; Белоненко В. С. 1) Из истории книгопечатания Иверского Валдайского монастыря // Исследования памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг ГПБ. Л., 1988. С. 67—76; 2) Из истории книжности Иверского Успенского монастыря на Валдайском озере в XVII в. // Литература Древней Руси: Источниковедение. Л., 1988. С. 197—206.

Д. М. Буланин

Никифор Симеонов (ум. 17.III.1686) — справщик Печатного двора, переводчик, библиофил. Биография его почти не известна. При описании рукописей Синодального собрания он иногда называется ярославцем (Горский и Невоструев. Описание... Т. 4. С. 772). В отличие от других деятелей Печатного двора, Н. С. не принимал монашества: он был «иерей, то есть священник так называемого „белого" духовенства (не чернorизец) до конца жизни» (Безсонов. Католический священник... С. 145). Вдовым священником (т. е. достаточно взрослым человеком, не юношей) Н. С. был назначен чтецом Печатного двора, а позднее переведен в справщики. И. Мансветов относит к 173 (1664/1665) г. патриарший указ Н. С. «быть у своего государева книгопечатного дела у книжной справы в справщиках» (Как у нас правились... С. 27). Однако на рукописи ГИМ, Синод. собр., № 729 сохранилась запись 1657 г., где упоминается «справщик иерей Никифор Симеонов» (Гудзий. К вопросу... С. 34). Следовательно, справщиком он стал уже к 1657 г., если только на Печатном дворе не было двух деятелей с одинаковым именем и чином. Возможно, что Н. С. по каким-то причинам прерывал свою деятельность по книжной справе, как это произошло позднее, на рубеже 1680-х гг. С 1665 г. он службу не оставлял и в 1679 г. получал самый высокий должностной оклад — в 60 руб-

ей; в 1680 г. на его место был назначен справщиком *Мардарий Хоныв* (Прозоровский. Сильвестр Медведев. С. 167; Браиловский. Один из «пестрых»... С. 32). 25 февраля 1684 г. специальным указом патриарха *Иоакима* Н. С. вновь привлечен к книжной справе (Браиловский. Один из «пестрых»... С. 33).

Н. С., по мысли П. Безсонова, был одним из видных деятелей кружка, сложившегося вокруг начальника Типографии митрополита Крутицкого *Павла*. В этот кружок входил *Епифаний Славинецкий*, чудовские монахи *Евфимий* и иеродиакон *Моисей*, игумен Путивльской Молченской пустыни *Сергий* и др. Впрочем, неизвестно, существовал ли «кружок»: легко заметить, что перечень его членов П. Безсонова совпадает с составом комиссии, подобранной Епифанием Славинецким для нового перевода Библии в соответствии с решением Собора 1674 г.; к названным лицам нужно добавить лишь книгописцев *Михаила Родостамова* и *Флора Герасимова* (Соболевский. Переводная литература. С. 290—291). Деятельность этой комиссии, в результате которой к концу 1676 г. был подготовлен перевод всех книг Нового Завета, «точию начисто не прочтеся», известна по «исторической записке» Евфимия, составленной как предисловие к тексту нового перевода в рукописи ГБЛ, собр. Ундольского, № 1291 (там же. С. 289). Эта «записка» частично опубликована Евгением (Болховитиновым) в статье о Епифании Славинецком и использовалась во всех позднейших исследованиях (см.: Певницкий В. Епифаний Славинецкий, один из главных деятелей русской духовной литературы XVII в. // Труды Киевской духовной академии. 1861. № 8. С. 409, 425—429; Соловьев С. М. История России. М., 1962. Кн. 7. С. 147; Сменцовский. Братья Лихуды. С. 392—393; Ротар И. Епифаний Славинецкий, литературный деятель XVII в. // Киевская старина. 1900. № 12. С. 390—395). Приняв за основу франкфуртское издание Библии 1597 г., переводчики пользовались лондонскими изданиями 1587 и 1600 гг., греческой рукописной Библией из типографской библиотеки, славянским переводом Нового Завета руки митрополита *Алексея*, а также сочинениями *Максима Грека*, Иоанна Златоуста, Григория Богослова, Василия Великого, Афанасия Великого, Иоанна Дамаскина, преимущественно в переводах Епифания Славинецкого (Сменцовский. Братья Лихуды. С. 392—393). В подобной работе Н. С. был незаменим: он владел греческим, латинским, польским, украинским, белорусским языками, был чрезвычайно начитан и образован. Эти его знания использовались и в дальнейшем.

В ноябре 1678 г. по указу патриарха Иоакима Н. С. совместно с *Сильвестром Медведевым* и Иосифом Белым начинает работу по сверке текста Апостола «с древними Апостолы рукописанными и харатейными славянскими, с киевскими, кутеинскими, виленскими, с беседами апостольскими и со иными переводы, и ту книгу Апостол в нужных местех править» (см.: Шляпкин И. А. Св. Димитрий

Ростовский и его время (1651—1709 г.). СПб., 1891. С. 125; Сменцовский. Братья Лихуды. С. 393). К сверке привлекались и не упоминавшиеся в патриаршей инструкции греческие тексты, без которых многие исправления, судя по сохранившемуся «кавычному» экземпляру Апостола 1671 г., были бы невозможны (см.: Румянцев В. Е. Сборник памятников, до книгопечатания в России относящихся. М., 1872. Вып. 1. Приложение). Наблюдал за работой главы Печатного двора Симеон, архиепископ сибирский и тобольский. Сверка была окончена в мае 1679 г., и после рассмотрения патриархом и духовными властями новоисправленный Апостол был выпущен из типографии 25 сентября 1679 г. (Прозоровский. Сильвестр Медведев. С. 180—182; Сменцовский. Братья Лихуды. С. 394).

Возвращение Н. С. на Печатный двор в 1684 г. связано с намерением патриарха Иоакима подготовить 12 томов служебных Миней. В образованную для этого группу также были приглашены уже не работавшие на Печатном дворе бывший игумен Путивльской Молченской пустыни Сергий и бывший уставщик Чудова монастыря старец Моисей; из сотрудников Печатного Двора к ним был причислен книжный писец Флор Герасимов (Браиловский. Один из «пестрых»... С. 34—35). Существенно, что все они ранее трудились под руководством Епифания Славинецкого над переводом Библии. По замечанию А. М. Панченко, «это нельзя считать простым совпадением»: скорее всего, патриарх Иоаким, подобно Епифанию Славинецкому, который не принял к исправлению Библии «латинствующего» *Симеона Полоцкого* («зане аще и учен бе, и знаяше нечто, но латински точию, гречески же ниже малейше что-то знаяше» — Евгений (Болховитинов). Словарь... С. 180), не допустил к Минеям «латинствующих» Сильвестра Медведева и Мардария Хоныкова, а также «пестрого» *Кариона Истомина* (Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973. С. 121—122).

Н. С. обладал огромной библиотекой, насчитывавшей не менее 300 рукописных и печатных фолиантов на разных языках; по мнению П. Безсонова, «это образец лучшей библиотеки местной, московской» (Католический священник... С. 146). Книги из нее широко привлекались как для собственных трудов Н. С., так и для нужд патриархов — и Иоакима, и *Адриана*. После смерти Н. С. книги в большинстве своем были переданы в Патриаршую (Синодальную) библиотеку, а частично — в типографскую. Многие из них сохранились до нашего времени. Краткий перечень книг из библиотеки Н. С. был опубликован П. Безсоновым. Многие его рукописи описаны в составе Синодального собрания ГИМ А. В. Горским и К. И. Невоструевым. Это позволяет уже теперь заметить некоторые особенности знаменитого книжного собрания.

Большое место в библиотеке Н. С. занимают печатные издания разных типографий. Он имел все острожские издания, начиная с Библии, все книги Симеона Полоцкого, вышедшие в Верхней типо-

графии, экземпляры служебников «со 110-го (1602) по 175-й (1667) год» (Безсонов. Католический священник... С. 147). а также Скрижаль (М., 1655), Кормчую (М., 1653), многие виленские и киевские издания. По-видимому, такого рода книги требовались ему для работы по справе. Для тех же целей подбирались тексты Священного писания на греческом, латинском, церковнославянском языках, в первую очередь печатные. Кроме того, отмечены издания Библии на чешском и польском («Вуйкова») языках, «Псалтырь на еврейском языке в четверть», «Евангелие арапское с латинским», «Исаии пророка на еврейском, греческом и латинском языках, в полдесть» (там же. С. 147). К ним примыкают и «письменные» книги, отразившие работу по их подготовке в печать: «Ирмологий кавычной письменной, да тут же тетрати черныя из Скрижали, и вопросы Афанасия Александрийского»; «Книга, а в ней Октоих, и на весь год опись о ирмосех, и иные многие разности, писаная, в начале писано рукою подьячего Михаила Родостамова» — по мнению П. Безсонова, это следы подготовки к печати нотных изданий (там же. С. 145). Среди принадлежавших Н. С. слявянских рукописей многие представляли большую ценность. Так, ему принадлежал пергаменный кодекс (XIV в.) 16 слов Григория Богослова с толкованиями (Горский и Невоструев. Описание... Т. 3. С. 68), Пандекты Никона Черногорца, XVI в. (там же. Т. 4. № 228 (197)), Пчела в списке XV—XVII в. (там же. № 313 (944)), «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского, XVII в. (там же. Т. 2. С. 42—43) — «знаменитая» книга, по замечанию П. Безсонова (Католический священник... С. 146), и др.

Большое место в библиотеке занимали сочинения Максима Грека; П. Безсонов называет «Псалтири толковой» 5 кафизм, «Толкование разных псалмов» (ср. Горский и Невоструев. Описание... Т. 2. С. 88 — рукопись ранее принадлежала справщику *Шестаку Мартемьянову*), «Изложение правил, перевод с греческих рукописных книг, разных толковников, тщанием Максима Грека в лето 7929-е», «О иконе Владимирской, а потом разныя словеса Максима Грека» (Безсонов. Католический священник... С. 146). Последняя книга (ГИМ, Синод. собр., № 157) представляет собой список краткого вида Иоасафовского собрания сочинений Максима Грека (см.: Синицына Н. В. Максим Грек в России. М., 1977. С. 229); по этой рукописи было опубликовано «Сказание известно о приходе на Русь Максима Грека...» (см.: Белокуров С. А. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1899. Приложения. С. XVII—XXVIII). Среди исторических сочинений, принадлежавших Н. С., особое место занимает список летописи XVI в., названной по его имени *Летописью Симеоновской*. П. Безсонов отмечает также какое-то сочинение «О Печорском монастыре Псковском», «Патерик Печерской письменой в полдесть», какой-то «патерик, древняя, в малую десть, с жуки медными... изрядная» (Безсонов. Католический священник... С. 146).

Н. С. явно не чужд интереса к современным ему сочинениям. Помимо уже упомянутых книг Симеона Полоцкого, встречаются названия нескольких творений, появившихся в кругах, близких Патриаршему двору: письменное «Поставление Филарета патриарха» — по-видимому, *Сказание о поставлении на патриаршество Филарета Никитича*; это упоминание чрезвычайно важно, т. к. списки Сказания редки и исследователи оперируют лишь официальными текстами в Кормчей (М., 1653) и в ДАИ (СПб., 1846. Т. 2. № 76). Под названием «О ризе Господни, начало писано золотом» должно разуметь скорее всего «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса, созданное в кругах, близких патриарху *Филарету* (см.: Гухман С. Н. «Документальное» сказание о даре шаха Аббаса России // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 28. С. 256—270). Наконец, под названием «Изложение на люторския ереси и на иконоборцы» имеется в виду, скорее всего, сочинение *Иоанна Васильевича Наседки* «Изложение на люторы и на вся злыя ереси» (Безсонов. Католический священник... С. 146). Н. С. принадлежало несколько прижизненных списков сочинения *Юрия Крижанича* (Безсонов. Католический священник... С. 147—152), выборки из *Великого зерцала* на украинском языке, гораздо более ранние, чем русские переводы (ГИМ, Синод. собр., № 729; Гудзий. К вопросу... С. 34—58), список *«Звезды Пресветлой»* (ГИМ, Синод. собр., № 757 — по картотеке Н. К. Никольского).

Только в сборнике из библиотеки Н. С. сохранился список сказания о начале книгопечатания на Руси — *Сказание известно о воображении книг печатного дела*. Как пишет Е. Л. Немировский, «было бы очень соблазнительно приписать Н. С. авторство» этого сказания; однако для этого нет оснований, т. к. переписано оно другой рукой и не несет следов авторского или редакторского творчества. Важно и то, что весь сборник в 1682 г. был продан (Н. С.?) неким Стефаном Федоровым. Вместе с тем, по наблюдениям Е. Л. Немировского, многие тексты сборника ГИМ, Синод. собр., № 850 «обнаруживают специфические интересы справщика. Это и „Предисловие книзе, глаголемой грамматице, паче же показание ко учению...", переписанное, по-видимому, из „Грамматики" Мелетия Смотрицкого, и сравнительные выписки из печатных триодей — „последних московских" и „львовской", и „Молитва на совершение книги", и „Канон святоучителю словенскому языку Кирилу философу и брату его... Мефодию", это, наконец, своеобразный „справочный" материал: выписки из летописи „О князех русских"... списки патриархов и др.» (Немировский. Историографические заметки... С. 253). Интересы справщика проявились, по-видимому, и в обширной подборке грамматик на разных языках и словарей: «Словарь Калепина» (несколько экземпляров), «Лексикон Скапуля греко-латинский», «Дикционариуш на четырех языках, на латинском, на немецком, на польском, на грецком, в полдесть», книга «греко-латинская о разности речений греческих, в

четверть», «Силвы (Silva) речений и фразис языков латинского, греческого, еврейского и французского» (Безсонов. Католический священник... С. 147).

Большое место в библиотеке Н. С. занимают книги греческие (печатные и письменные), латинские (печатные), а также «греколатинские» т. е. «с латинским переводом или объяснением, печатные» (Безсонов. Католический священник... С. 147). До нашего времени сохранилось «5 греческих рукописей и не менее 41 греческих и греко-латинских печатных книг XVI—XVII вв.», помеченных именем Н. С. (Фонкич. Греческо-русские культурные связи... С. 137). Среди них сочинения Аристотеля, Демосфена, Плутарха, Платона, Ксенофонта, несколько разных экземпляров «Омира» (Гомера), Лексикон Свиды. Особый интерес представляет редчайшая для Руси XVII в. рукопись речей Диона Хрисостома, которая ранее в описи книг, отобранных дьяком Иваном Щепоткиным и *Арсением Греком* для Печатного двора (1658 г.), определена как «Книга, како подобает быти царю, в десть» (Фонкич. Греческо-русские культурные связи... С. 138, 161). Эта рукопись, как и сборник, включающий греческий хронограф, жития святых и др., была привезена в Москву с Афона *Арсением Сухановым*. Все остальные греческие книги оказались в Москве помимо Суханова, а рукописи — позже его поездки на Афон. Упомянутая греческая рукопись с хронографом, которая в описи 1658 г. названа «Книга Летописная царства греческого до царства Мануила Комнина, в полдесть», в 50—60-х гг. XVII в. привлекалась для работы над русским переводом *Хроники Дорофея Монемвасийского*, который готовили к изданию Арсений Грек и *Дионисий Грек* (см.: Лебедева И. Н. Поздние греческие хроники и их русские и восточные переводы. Л., 1968. С. 86—87). О книге «в полдесть Омирова» П. Безсонов замечает: «знаменитая, где Маттеи после нашел впервые гимн Деметре» (Католический священник... С. 147), однако эта рукопись принадлежала иеромонаху Дионисию из Янины и попала в Москву не ранее 1690 г. (Фонкич. Греческо-русские культурные связи... С. 190).

Некоторые книги Н. С. переписывал собственноручно. П. Безсонов отмечает три подобные рукописи: «Георгия Писида и иная разность..., перевод Дмитрия Зографа»; «Евангелие письменное, чином собранное»; «О справах книжных и силах». Последнее сочинение «близко известно по имени Щербака из Ниловой пустыни: это сборник законов, отчасти переводных, тогдашнего правописания, словоупотребления, слога и грамматики; Щербак переписал, с него другие, а в конце Н. дополнил рукопись собственною рукою» (Безсонов. Католический священник... С. 148). А. В. Горский и К. И. Невоструев (Описание... Т. 4. № 336 (921)) отмечают автограф Н. С. в рукописи, которая включает, в частности, Слово о пьянстве *Антония Подольского* — по мнению Б. А. Ларина, «список очень ценный, так как написан гра-

мотно и просвещенным лицом, как можно видеть по переменам в тексте, со списка раннего, первоначального» (см.: Перетц В. Н. Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Москву 1—12 февраля 1912 г. Киев, 1912. С. 82). В одном из сборников, принадлежавших Н. С., его рукой переписана басня об обезьяне и дровосеке из *Стефанита и Ихнилата* (Лихачева О. П. «Стефанит и Ихнилат» в русской рукописной традиции // Стефанит и Ихнилат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков. Л., 1969. С. 198).

Рукой Н. С. в сборнике ГИМ, Синод. собр., № 294 переписано несколько повестей из «*Римских Деяний*», а также *Повесть о царе Аггее*. Последний памятник представляет особую редакцию, не известную по другим спискам, что позволяет предположить авторскую работу самого Н. С. Симеоновская редакция Повести, испытавшая влияние Приклада о гордом цесаре Иовениане из «Римских Деяний», отличается беллетризацией сюжета, яркостью бытовых сцен, тонким чувством слова у ее создателя — ценность, которая определена единым авторским замыслом (Ромодановская. Повести о гордом царе... С. 195—198). Особую редакцию в той же рукописи представляют и тексты прикладов из «Римских Деяний». Среди них Приклад о цесаре Иовениане испытал влияние Повести о царе Аггее; сходный текст также нигде больше не встречается и может быть отнесен к личному творчеству Н. С. Остальные приклады («о преступлении душевном и о язвах, душу уязвляющих», «о совершенстве» и «о памяти смертной, да не согрешает человек»), переработанные по сравнению с первоначальным переводом (ср.: Римские Деяния. СПб., 1878. Вып. 1—2) и полностью освобожденные от полонизмов, такой же подборкой и в том же варианте встречаются в конце XVII в. в числе дополнений к «Великому зерцалу» (ГПБ, собр. Погодина, № 1384; ГПНТБ, собр. Тихомирова, № 316). Возможно, подготовленная Н. С. обработка была использована русскими книжниками для оформления русифицированного сборника переводных повестей (см.: Ромодановская Е. К. Проблемы русификации переводных сборников в конце XVII в. (на примере Римских Деяний) // Проблемы изучения и издания памятников славяно-русской письменности позднего средневековья. Свердловск, 1991).

Некоторые исследователи атрибутируют Н. С. известный библиографический труд XVII в. — «Оглавление книг, кто их сложил» (Безсонов. Католический священник... С. 148; Здобнов Н. В. История русской библиографии до начала XX в. М., 1951. С. 31; Немировский. Историографические заметки... С. 253), но эта атрибуция мало обоснована.

Изд.: Ромодановская Е. К. Повести о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 193—198, 273, 311—314; ПЛДР. М., 1988.

XVII век. Кн. 1. С. 267—269, 639—640; Русская бытовая повесть: XV—XVII вв. М., 1991. С. 279—282, 419.

Лит.: Евгений (Болховитинов). Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви. 2-е изд. СПб., 1827. Т. 1. С. 177—183; Горский А. В. и Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной (Патриаршей) библиотеки. М., 1855—1869. Т. 1—5; Безсонов П. Католический священник серб (хорват) Юрий Крижанич, Неблюшский, Явканица, ревнитель воссоединения церквей и всего славянства в XVII веке: (По вновь открытым сведениям о нем) // ПО. 1870. № 1. С. 129—159; Мансветов И. Как у нас правились церковные книги: (Материал для истории книжной справы в XVII столетии). М., 1883. С. 3, 10, 20, 21, 27, 59; Прозоровский А. Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). М., 1896. С. 167, 169, 175, 179—182, 396; Сменцовский М. Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899. С. 104, 392—394; Браиловский С. Н. Один из «пестрых» XVII-го столетия. СПб., 1902. С. 30, 32—35, 42; Соболевский. Переводная литература. С. 289—291; Покровский А. А. 1) Библиотека Московской Синодальной типографии. Ч. 2, вып. 2: Иностранные книги XVI в. (1539—1570 гг.). М., 1912. С. VII—VIII, 13, 26, 57—59, 64—65, 116—117, 125—126; 2) Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916. С. 126, 162; Гудзий Н. К. К вопросу о переводах из «Великого Зерцала» в Юго-Западной Руси // ЧИОНЛ. Киев, 1913. Кн. 23, вып. 2. С. 34—58; Немировский Е. Л. Историографические заметки к вопросу о начале книгопечатания на Руси // Книга: Исслед. и мат. М., 1962. Сб. 7. С. 252—253; Фонкич Б. Л. Греческо-русские культурные связи в XV—XVII вв.: (Греческие рукописи в России). М., 1977. С. 105, 137—139, 142, 160, 161, 185, 189.

Е. К. Ромодановская

Никодим (2-я пол. XVII—1-я четв. XVIII в.) — архимандрит Антониево-Сийского монастыря (1692—1721 гг.), составитель Жития игумена *Феодосия* и Сийского иконописного толкового подлинника (см. *Подлинник иконописный*), заказчик, вкладчик и писец рукописей, владелец келейной библиотеки, иконописец. Н. был уроженцем Русского Севера, в детстве обучен грамоте, постригся в монахи в Антониево-Сийском монастыре, был на Москве «в строителех», затем назначен (против воли *Афанасия Холмогорского*) казначеем Антониево-Сийского монастыря и, наконец, его архимандритом.

Житие Феодосия известно в одном списке (БАН, Арх. собр., Д. 408, л. 235—269; не опубликовано). Здесь раскрыта интеллектуальная жизнь монастырских властей (Антониево-Сийского и Кожеозерского монастырей), сочетавших хозяйственные заботы с чтением, перепиской и украшением рукописных книг. В Житии фигурируют ученики Феодосия — реальные исторические лица, известные вкладами книг (старец Паисий, казначей московского патриарха и др.), имеются видения и чудеса, в том числе о счастливом улове и т. п.

Толковый иконописный подлинник (БАН, Арх. собр., С. 205) и сопровождавший его альбом прорисей икон и западноевропейских гравюр (ГПБ, собр. ОЛДП, F. 88) позволяют представить высокий эстетический уровень интересов Н. Перед нами образец целенаправленного собирательства, в чем-то подобного коллекции гравюр и рисун-

ков *Андрея Виниуса* («Книга Виниуса»). Среди персонажей Сийского иконописного подлинника выделяются Дионисий Ареопагит, *Максим Грек*; многие прориси имеют подписи, указывающие на авторство иконописцев-знаменщиков — *Симона Ушакова*, Василия Кондакова и др. Этот памятник определенно имеет общерусское значение.

По мнению М. В. Кукушкиной, Н. принадлежит авторство «Алфавита духовного слагательного» (БАН, Арх. собр., Д. 527, л. 182—194; не опубликован). М. В. Кукушкина исследовала состав келейной библиотеки Н., выделила рукописи, переписанные им самим и отметила его вклады.

Лит.: Строев. Словарь. С. 216; Верюжский В. Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования. СПб., 1908. С. 309 и сл.; Кукушкина М. В. Монастырские библиотеки Русского Севера. Л., 1977.

О. А. Белоброва

Никодим, уставщик Соловецкого монастыря, см. *Житие Анны Кашинской, «Повесть душеполезна Никодима типикариса Соловецкого о некоем брате»*.

Николай Гаврилович Спафарий (Милеску) (1636—1708) — писатель и переводчик, живший в России с 1671 г. Н. Г. — уроженец Молдавии, округа Васлуй; его отец, молдавский боярин, возможно, происходил из греков. Свое разностороннее образование Н. Г. получил в Константинополе в патриаршей высшей школе (1645—1650 гг.) и, возможно, в Италии. За время обучения Н. Г. приобрел обширные познания в области богословия, литературы, истории, философии, овладел несколькими европейскими и восточными языками и приобрел интерес к естественным и точным наукам. По возвращении в Молдавию Н. Г. служил при господаре. За участие в политическом заговоре (по одним данным — против господаря Стефаницы, по другим — против Александра Ильяша) Н. Г. был как будто подвергнут унизительному телесному наказанию (ему «урезали» нос) и вынужден был искать новую службу за пределами молдавской земли при господаре Валахии. Отсюда его вскоре послали в Константинополь. После 1664 г. Н. Г. вынужден был переселиться в Бранденбург, затем в Померанию; в конце 1660-х г. он совершает деловые поездки в Стокгольм и Париж. С 1671 г. Н. Г. перешел на службу к московскому царю. Здесь он становится до конца жизни переводчиком «еллинского и греческого, и латинского, и волоского языков» в Посольском приказе. В 1675—1678 гг. Н. Г. участвует в посольстве от московского царя в Китай.

Еще на родине Н. Г. приобрел литературно-переводческий опыт. Так, в 1660-е гг. Н. Г. завершает перевод на румынский язык Библии (напечатана в 1688 г. в Бухаресте, в научной литературе получила

название Библии Шербана, по имени господаря Валахии). Известен также богословский трактат Н. Г., написанный им в 1667 г. на греческом и латинском языках в защиту таинства пресуществления даров и его истолкования Кириллом Лукарисом против кальвиниста Клода. На трактат Н. Г. опирался французский посол в Швеции А. де Помпон, отмечавший, что полемика по этому вопросу велась не только в Западной Европе, но и в Москве. Сочинение Н. Г. («Enchiridion, sive Stella orientalis occidentali splendens, hoc est sensus Ecclesiae orientalis, scilicet graecae, de transubstantiatione corporis Domini alisque controversiis a Nicolao Spatario Moldovolacone, Barone et olim generali Walachiae conscriptum Holmide, anno 1667, mens febr.») было опубликовано (только по латыни) в Париже в 1669 г. в приложении к книге «La Perpetuité de la Foy», выдержавшей несколько изданий. Принадлежность ему трактата оспаривается Г. Ф. Богачем. В румынской историографии дебатируется вопрос о принадлежности Н. Г. других переводов (см. труды В. Кынди и др.), в том числе румынского перевода «Истории» Геродота.

Определение Н. Г. по приезде в Москву в 1671 г. на службу в Посольский приказ в значительной степени зависело от высоких рекомендаций, в частности со стороны иерусалимского патриарха Досифея, который знал писателя еще по Константинополю. Несомненную поддержку Н. Г. оказал в Москве газский митрополит Паисий Лигарид, который ввел его в круг ученого монашества и в литературную среду столицы. Сохранилась запись «нечаянной беседы», которую вели с ним в ноябре 1671 г. Паисий Лигарид, *Епифаний Славинецкий* и *Симеон Полоцкий* (опубликована И. Ф. Голубевым). Одно из первых поручений, выполненных Н. Г., уже переводчиком Посольского приказа (он был назначен им с 14 декабря 1671 г.), был перевод латинской надвратной надписи Спасской башни Московского Кремля, который подписан именем Н. Г. в непривычной транскрипции (Микалос Спотали), характерной лишь для первых месяцев его пребывания на Руси. Списки этого перевода получили распространение и сохранились в рукописных сборниках конца XVII—нач. XVIII в., однако его принадлежность Н. Г., отмеченная еще в 1895 г. И. Н. Михайловским, оставалась по существу неизвестной.

Приезд Н. Г. в Москву совпал с началом «строения» книг светского содержания по инициативе главы Посольского приказа боярина *А. С. Матвеева*. Книги эти предназначались для царского дома, но фактически вышли за рамки придворной литературы. Именно в этот период Н. Г. выработал свой метод работы, который заключался в компилировании источников, в чем переводчику помогал подьячий *Петр Долгов* («А слагал те книги и сбирал из различных книг Посолского приказу еллино-греческаго языку переводчик Николай Спафарий, да подьячей Петр Долгово» — так сообщалось в документах). Среди книг, созданных Н. Г. между 1672—1674 гг., — «*Титу-*

лярник» (1672 г., три подносных списка), «Хрисмологион» (1672 г.), «Книга избраная вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» (1672 г., два подносных списка), «Книга о сивиллах» (1672—1673 гг.), «Василиологион» (1673—1674 гг.). Возможно, что Н. Г. и П. Долгово принадлежит также перевод книги Лаврентия Хурелича «Родословная великих князей и царей российских», выполненный в 1674 г. по экземпляру, доставленному из Вены. Н. Г. и П. Долгово составляли и «Книгу об избрании на превысочайший престол великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича». Между 1672—1674 гг. Н. Г. сверх официальных заказов составил обширную «Арифмологию» (по И. Альштеду), предисловие и первую главу «Книги иероглифийской», описание святой Софии Константинопольской (по Дорофею Монемвасийскому) и выполнил несколько переводов, в частности «Перевод с речи, какову при великом государе царе и великом князе Алексие Михайловиче... говорил посланник полской Самойло Венцславской... во 183-м году» и «География в форме колоды карт». По утверждению Д. М. Урсула, Н. Г. тогда же написана «Книга глаголемая естествословная». И. Н. Михайловский приписывал ему авторство еще нескольких сочинений, известных по единичным спискам («Довод вкратце, яко учение и язык еллино-греческий наипаче нужно потребный, нежели латинский язык...», «Предисловие» к русской истории, «Предисловие ко пречестнейшему князю П. М. Черкасскому, в чину ученичества возлежащему»). Именно в эти 1670-е гг. Н. Г. учит греческому и латинскому языку сына А. С. Матвеева Андрея, будущего дипломата XVIII в. и молодого князя П. М. Черкасского.

Избранные сочинения и переводы Н. Г. Спафария «докитайского» периода вошли в состав шести прижизненных рукописных сборников, один из которых, самый полный, принадлежал либо самому писателю, либо А. С. Матвееву (ГБЛ, Вологод. собр., № 170), другой сохранился в Сибири (Научная библиотека Иркутского гос. ун-та, № 140) и до последнего времени не был известен; владельцем третьего сборника, наиболее парадного, был *В. В. Голицын*, сменивший А. С. Матвеева на посту главы Посольского приказа (БАН, Арх. собр., С. 129); четвертый, неполный, в составе сборной рукописи (БАН, Арх. собр., Д. 429), переписан на Севере с голицынского экземпляра, сопровождавшего опального владельца в ссылке. Известны еще два сборника, один в ГИМ, другой затерялся в г. Кирове. Кроме того, отдельные сочинения Н. Г., составленные для нужд Посольского приказа и «в поднос царю», переписывались еще при жизни писателя и распространялись по Москве и за ее пределами.

Энергичная литературно-переводческая деятельность Н. Г. в Москве, поощрявшаяся наградами, была прервана в 1675 г., когда он был назначен посланником в Китай. Для подготовки к возложенной на Н. Г. миссии ему были выданы «две книги Китайского государства

описание», очевидно, иностранные. Выезд из Москвы состоялся 3 марта 1675 г. 30 марта Н. Г. добрался до Тобольска, где старательно готовился к предстоящей поездке и встречался с *Юрием Крижаничем*. По Сибири Н. Г. ехал речными путями (Иртыш, Обь, Кеть, Енисей, Тунгуска, Ангара), переправился через Байкал, достиг устья Селенги и сухим путем дошел до Нерчинска, откуда направился к китайской границе при реке Науне. Здесь он пробыл около трех месяцев, пока ему разрешили следовать далее. С 15 мая по 1 сентября 1676 г. Н. Г. пробыл в Пекине, порученные ему переговоры не имели здесь успеха. Затем со всем посольством он пустился в обратный путь, причем уже в дороге испытал изменение обстановки в правящих кругах Москвы (воцарение *Феодора Алексеевича*, ссылка покровителя Н. Г. боярина А. С. Матвеева и др.). В Нерчинске участников посольства грубо обыскивали и задержали. В Москву Н. Г. вернулся 5 января 1678 г. Он представил обширный статейный список посольства в Китай, Дневник путешествия по Сибири и Описание Китайского государства (или Китайская книжица) с добавлением к нему вольного перевода сочинения Мартини «De Bello Tartarico Historia», названного «Татарской книжицей», и «Описанием великия реки Амура».

Путешественник был подвергнут строгим и длительным «рóспросам» в Сибирском приказе. Только с сентября 1679 г. он был вновь зачислен в переводчики Посольского приказа. С этого времени до самой смерти в 1708 г. Н. Г. занят преимущественно переводом деловых документов, связанных с приездом иностранцев в Москву, попутно исполняя обязанности экзаменатора по проверке знания иностранных языков у претендентов на должность переводчиков и толмачей Посольского приказа. Из литературных трудов Н. Г. этого периода известен завершенный к 1697 г. перевод с греческого «Двоесловной беседы на ереси Симеона Фессалоникийского», — пространного сочинения, к которому уже обращался *Евфимий Чудовский* и др. В 1685 г. Н. Г. присутствовал на диспуте *Яна Белобоцкого* с братьями *Иоанникием* и *Софронием Лихудами*. С участием писателя проходили в Москве переговоры с посольством Швеции (1684 г.), в котором находился *Иоганн Спарвенфельд*. В 1689 г. Н. Г. был «в приставах» у французского посланника при московском дворе де Невилля, который через 10 лет издал в Гааге и Париже его труды о Китае на французском языке. Известно также, что к Н. Г. как к влиятельному чиновнику обращались за помощью имущественного и денежного характера приезжие из Молдавии, Валахии, Армении (сохранились челобитные и другие документы, частично опубликованные И. Н. Михайловским, Ю. В. Арсеньевым и др.).

От «китайского» периода сохранилось несколько писем Н. Г.; имеются также письма начала XVIII в., написанные им новому главе Посольского приказа — президенту посольских дел Ф. А. Головину. Кроме того, Н. Г. по-гречески переписывался с Досифеем, патриархом иерусалимским, и его племянником Хрисанфом.

Большинство сочинений Н. Г. компилятивно. Составленные им труды изобилуют ссылками на историков античной древности, на мудрецов средневековой поры, на библейские тексты и восходят к самым различным источникам. Нередко Н. Г. цитирует стихи известных поэтов, проявляя себя при переводе опытным версификатором. Язык его трактатов — книжный, сложный, с приметами зависимости от переводного оригинала (а чаще — нескольких оригиналов). В Московской Руси последней четверти XVII в. Н. Г. первым выступил в жанре светской научно-просветительской литературы. Необычное прославление искусств и наук содержит, например, «Книга избраная вкратце о десятих мусах и о седмих свободных художествах». Здесь перед читателем возникает тема «поэт и муза»; искусства, науки и ремесла получают вполне определенное назначение в обществе.

Особенно отличаются от обычного на Руси хронографического жанра исторические сочинения Н. Г. Поиски идеального монарха, в духе просветительских идей XVII в., пронизывают, например, его «Василиологион», состоящий из биографий 18 государей (Нина, Семирамиды, Навуходоносора, Давида, Соломона, Кира, Александра Великого, Юлия Цезаря, Октавиана Августа, Константина Великого, Феодосия Великого, *Владимира Мономаха*, Александра Невского, Дмитрия Донского и царей *Ивана IV Васильевича*, Федора Ивановича, *Михаила Феодоровича* и *Алексея Михайловича*). В «Хрисмологионе», созданном с учетом одноименного труда Паисия Лигарида (1656 г.), Н. Г. стремится раскрыть понятия лучшего правителя и лучшей монархии в двух пространных предисловиях и в изложении из 12 глав, содержащем толкования на книгу пророка Даниила. В конце дается обзор государей халдейских, персидских, греческих, римских кесарей, императоров «благочестиво-греческих» и «римляно-немецких». Задуманное как четырехчастное, это сочинение было выполнено автором в виде только первой, «особной» книги. И хотя продолжения не последовало, «Хрисмологион» более всех других трудов Н. Г. имел успех и распространение еще при жизни писателя (в настоящее время известно более 40 списков, близких к времени написания книги). В ряду подобных сочинений находится и «Титулярник».

Многоплановостью и энциклопедичностью наделена и другая группа сочинений Н. Г., которую представляют «Книга о сивиллах», «Арифмология» и незавершенная автором «Книга иероглифийская». Эти произведения толкуют о тайном и символическом значении пророчеств и «предречений» чисел и знаков. В сущности, уже в «Хрисмологионе» Н. Г. излагает свою историческую концепцию на материале библейского пророчества Даниила на сон царя Навуходоносора, а в «Книге избраной вкратце о девятих мусах и о седмих свободных художествах» знакомит читателей с аллегориями наук, искусств и прикладных ремесел, в том числе с помощью их изображений. «Книга о сивиллах» разделена на 12 глав, по числу пророчиц; ее подносной

экземпляр также украшен изображениями сивилл, выполненными с необычных для книжной иллюстрации западноевропейских образцов станкового типа и в непривычной технике масляной живописи. Автор, как в «Василиологионе» и в «Хрисмологионе», находит возможным использовать древние пророчества сивилл для обоснования прав российского царствующего дома.

Свободны от официальной направленности два других труда Н. Г.: переводная «Арифмология» (по Альштеду) и «Книга иероглифийская». Писатель составил их то ли для учебно-справочных целей, то ли просто для себя, как это делали многие из его современников. «Арифмология», вслед за оригиналом И. Альштеда, состоит из трех частей. В первых двух частях после перечня образцовых числовых выражений (типа «девять чинов ангельских», «девять муз», «семь свободных художеств», «семь планет», «четыре стихии или элемента») следует «увещание» этического порядка, особенно ясно раскрываемое во второй части — «Арифмологии нравов от различных творцов». Здесь читатель может почерпнуть рекомендации, не всегда согласуемые между собой, но зависимые от числовой их функции (например, «ко четырем спешити вредит»). Сюда же включены не связанные с числами сведения, например, «странам неким и родом свойство» — о национальном характере народов. В третьей части «Арифмологии» уже давно усмотрели зависимость от книги: Nicolai Reusneri Leorini... Symbolorum imperatorium... Francofurti, 1613, — раскрывающей «ифику, сиречь нравы царственныя», т. е. последовательный перечень императорских девизов или афоризмов. «Арифмология», имевшая некоторое распространение при жизни Н. Г., в 1743 г. получила новую редакционную переработку на Выгу. В этой второй редакции сочинение переписывалось на протяжении целого столетия. По поводу первой редакции «Арифмологии» Н. Кедров высказал мнение о зависимости этого сочинения от китайского протографа, но эта точка зрения не была принята в науке.

«Книга иероглифийская» и ее источники специально не изучались. Дошедшая в нескольких списках, она представлена обширным предисловием и только в двух случаях дополняется главой 1. Зависимость этого сочинения от развитой западноевропейской эмблематики барокко с ее христианскими и языческими образами очевидна. «Иероглификон» толкуется как «священноваянное»; мир в его многообразии познается через притчи. Среди толкуемых в «Книге иероглифийской» образов — бог (воплощенный у древних египтян, затем у христиан), вселенная (космос — Пан), солнце и феникс, век, или василиск. Незавершенность этого труда обычно объясняется отправкой Н. Г. в Китай в 1674 г.

Н. Г. фигурирует в качестве литературного героя в исторических романах (Базилевич К. В. В гостях у богдыхана. Л., 1927; Кунгуров Г. Ф. Путешествие в Китай. Иркутск, 1940).

Изд.: Книга, а в ней собрание, как в прошлых годех Великие Государи Цари и Великие князи Российские... Михайло Феодорович... и сын его... Алексей Михайлович... писал в грамотах ко окрестным Великим Государем Христианским и к Мусульманским по 180 год... // ДРВ. М., 1791. Ч. 16. С. 86—251; Чиновник Российских государей. СПб., 1792; Посвящение царю Алексею Михайловичу книги Хрисмологион переведенной Николаем Спафарием в 1673 году // Русский Вестник. СПб. 1841. Т. 2, кн. 5. С. 383—400; Предисловие ко пречестнейшему князю Петру Михайловичу Черкасскому, в чине ученичества возлежащему // ЧОИДР. 1861. Кн. 3. С. 33—53; [Бартенев П.] Письмо Спафария к боярину Головину // Русский архив. 1867. № 2. С. 308—309; Предисловие к исторической книге, составленной по повелению царя Феодора Алексеевича // Замысловский Е. Е. Царствование Феодора Алексеевича. СПб., 1871. Ч. 1. Приложение. С. 35—42 (2-й пагинации); Dapontès C.'Ιστορικὸς κατάλογος ἀνδρῶν ἐπιστημῶν (1700—1784) // Bibliotheca graeca Medii Aevi nunc primum ed. C. Sathas. Paris, 1872. Vol. 3. P. 92—95; О девяти музах и о семи свободных художествах. О разуме. О мысли: (Из диалектики Иоанна Дамаскина) // ПДПИ. СПб., 1881. Вып. 23а. С. 9—31; Арсеньев Ю. В. 1) Письмо Николая Спафария к боярину Артемону Сергеевичу Матвееву (июль 1675 г.) // Русский архив. 1881. № 1. С. 52—57; 2) Статейный список посольства Н. Г. Спафария в Китай (1675—1678 гг.) // ВАИ. СПб., 1906. Вып. 17. С. 162—339; Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 г.: Дорожный дневник с введением и примечаниями Ю. В. Арсеньева // Записки имп. Русского Географического общества по отд. этнографии. СПб., 1882. Т. 10. Вып. 1; Сказание о великой реке Амуре // Известия имп. Русского Географического общества. СПб., 1882. Вып. 4. С. 245—254; Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 г. СПб., 1903; Н. Г. Спафарий. Описание первыя части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции. С биографией Спафария, составленной А. И. Яцимирским, с предисловием и указаниями Н. Ф. Катанова и А. И. Александрова. Казань, 1910; Милеску Спэтарул Николай. Сиберия ши Кина. Кишинэу, 1956; Milescu N. Jurnalui de Călătorie in Chinei. Bucuresti, 1959; Милеску Спафарий Н. Г. Сибирь и Китай. Кишинев, 1960; Письмо Николая Милеску-Спафария Ф. А. Головину о приезде из Валахии корабельных мастеров // Исторические связи народов СССР и Румынии в XV—начале XVIII в. Док. и мат.: В 3 т. М., 1970. Т. 3. 1673—1711. С. 223—224. № 66; Николай Спафарий. Эстетические трактаты / Подгот. текстов и вступ. ст. О. А. Белобровой. Л., 1978; Milescu Micolae. Aritmologia, Etica si originalele lor latime. Ediţie critica, studiu monografie, traducere, note et indici de P. Olteanu. Bucuresti, 1982; Лупан С. Г. «Хрисмологион» — взгляд из средневековья // Николае Милеску Спафарий и проблемы культуры Молдовы. Кишинев, 1991. С. 85—130 (издание с купюрами).

Лит.: Зубарев Д. О посольстве в Китай Николая Спафария с дворянами, подьячими, гречанами и иноземцами // ВЕ. 1827. Декабрь. № 23 и 24. С. 161—195; Кедров Н. Николай Спафарий и его Арифмология // ЖМНП. 1876. Ч. 33, январь. С. 1—33; Строев. Словарь. С. 262—265; Picöt E. 1) Notice biographique et bibliographique sur N. Spathar Milescu... Paris, 1883; 2) Spathar (Nicolas) // Legrand E. Bibliographie Hellénique ou description raisonnée des ouvrages publiées par des grecs au dix-septième sfecle. T. 4: Notices biographiques. Paris, 1896. P. 62—104; Сырку П. А. Николай Спафарий до его приезда в Россию // Записки восточного отд. Российского археологического общества. СПб., 1889. Т. 3. Вып. 3. С. 183—196; Михайловский И. Н. 1) Очерк жизни и службы Николая Спафария в России. Киев, 1895; 2) Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677). Киев, 1897; Арсеньев Ю. В. Новые данные о службе Николая Спафария в России (1671—1708) // ЧОИДР. 1900. Кн. 4. С. 1—63; Соболевский. Переводная литература. С. 166—171, 169—170, 178—183; Яцимирский А. И. Николай Милеску Спафарий: Страница из истории русско-румынских сношений в XVII в. Казань, 1908; Фурсенко В. Спафари Милеску Николай Гаврилович // РБС. СПб., 1909. Смеловский—Суворина. С. 183—190; Iorga N. 1) In legătura cu Biblia de la 1667 a lui Nicolae Milescu // Analele Academiei Romane. Bucuresti, 1915—1916. Seria 2. Memoriile Sectunii istorice. T. 38. P. 37—54;

2) Oeuvres inédites de Nicolas Milescu // Academie Roumaine. Études et Recherches. Bucarest, 1929; Panaitescu P. P. Nicolas Spathar Milescu. (1636—1708) // Melanges de l'école roumaine en France. Paris, 1925. Partie 1. P. 35—181; Лебедев Д. М. География в России XVII века (допетровской эпохи): Очерки по истории географических знаний. М.; Л., 1949. С. 127—164; История Молдавии. Кишинев, 1951. Т. 1. С. 250—252; Tappe E. O. An English contribution to the Biography of Nicolae Milescu // Revue des études Roumaines. Paris, 1953. T. 1. P. 152—160; Урсул Д. М. 1) Философские и общественно-политические взгляды Н. Г. Милеску Спафария. Кишинев, 1955; 2) Николай Гаврилович Милеску Спафарий. М., 1980; Мохов Н. Очерки истории молдавско-русско-украинских связей. Кишинев, 1961; Кудрявцев И. М. «Издательская» деятельность Посольского приказа: (К истории русской рукописной книги во второй половине XVII века) // Книга: Исслед. и мат. М., 1963. Сб. 8. С. 179—244; Юстратова Н. В. Язык сочинений Н. Милеску Спафария: (Извлечение из анализа грамматических особенностей) // Учен. зап. Кишиневского ун-та. 1967. Т. 84 (филологический). С. 121—126; Момина М. А. 1) Текстологическое сопоставление «Описания первыя части вселенныя, иже именуемой Азия» Н. Г. Спафария (Милеску) и «Atlas Sinensis» М. Мартини // Вопросы теории и истории языка: Сб. статей, посвященный памяти Б. А. Ларина. Л., 1969. С. 70—74; 2) «Татарская книжица» Н. Г. Милеску Спафария // Н. Г. Милеску Спафарий — ученый, мыслитель, государственный деятель. Кишинев, 1989. С. 79—84; 3) О переводе «Речи философа» на греческий язык в конце XVII в. // Николае Милеску Спафарий и проблемы культуры Молдовы (материалы 2-х Спафариевых чтений). Кишинев, 1991. С. 75—84; Полевой Б. П. 1) Географические чертежи посольства Н. Г. Спафария // Изв. АН СССР. Сер. географическая. 1969. Вып. 1. С. 116—117; 2) Новое о происхождении «Сказания о великой реке Амуре» // Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 271—279; Двойченко-Маркова Е. М. Из истории русско-румынских культурных взаимосвязей XVII века // Русская литература на рубеже двух эпох: (XVII—начало XVIII в.). М., 1971. С. 264—276; Голубев И. Ф. Встреча Симеона Полоцкого, Епифания Славинецкого и Паисия Лигарида с Николаем Спафарием и их беседа // ТОДРЛ. Л., 1971. Т. 26. С. 294—301; Белоброва О. А. 1) К изучению «Книги избраной вкратце о девятих мусах и седмих свободных художествах» Николая Спафария // ТОДРЛ. Л., 1976. Т. 30. С. 307—317; 2) Аллегории наук в лицевых списках «Книги избраной вкратце...» Николая Спафария // Там же. Л., 1977. Т. 32. С. 107—120; 3) О прижизненных сборниках сочинений и переводов Николая Спафария // Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. Л., 1978. С. 129—137; 4) География в виде колоды карт: Из переводческой деятельности в Москве Николая Спафария // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 108—126; 5) Об источниках «Арифмологии» Николая Спафария // РЛ. 1980. № 2. С. 131—134; 6) Об автографах Николая Спафария // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 258—265; 7) Богдан Салтанов и Николай Спафарий // Русская и армянская средневековые литературы. Л., 1982. С. 358—374; 8) Из литературной истории некоторых сочинений Николая Спафария // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 73—78; 9) Николай Спафарий (1636—1708) // Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 250—254; 10) Описание Софийского собора в Константинополе Николая Спафария // Древлехранилище Пушкинского Дома: Мат. и исслед. Л., 1990. С. 54—72; 11) О рукописной традиции произведений Николая Спафария // Николае Милеску Спафарий и проблемы культуры Молдовы. Кишинев, 1991. С. 56—74; 12) Об источниках миниатюр к сочинениям Николая Спафария // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 414—434; Olteanu P. «Арифмология и этика» Спатария Николая Милеску в свете текстологии // Доклады и сообщения, представленные на VIII Международном съезде славистов. Загреб—Любляна: 3—9 сентября 1978. С. 131—140 (Analele Universitatii Bucureşti. Limbi şi literaturi străine. Anul 26. 1977); Candea V. Nicolae Milescu şi inceputurile traducerilor umaniste in limba romana // Candea V. Raţiunea dominanta. Contributii istoria umanismului romanesc. Cluj; Napoca, 1979. P. 79—223; Onu V., Sapcalui L. Commentarii // Herodoti Istorii. Bucureşti, 1984; Богач Г. Алте пажинь

де историографие литерарэ. Кишинев, 1984. С. 59—65; Mihail Z. 1) La diffusion des écrits «orientaux» de Nicolas le Spathair (Milescu) // Revue des études sud-est européennes. Bucureşti. 1985. T. 23. Partie 2. P. 117—129; 2) Nicolae Milescu Spatarul. «Călătoria» unui Jurnal de călătorie // Manuscriptum. Bucureşti, 1987. N 2 (67), Anul 18. P. 59—64; Н. Г. Милеску Спафарий — ученый, мыслитель, государственный деятель. Сб. статей. Кишинев, 1989; Турилова С. А. Мемуары русского разночинца первой половины XVIII в.: («Скаски» переводчика и архивариуса Коллегии иностранных дел Моисея Арсеньева) // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1989 г. М., 1990. С. 10—15; Nicolae Milescu Spătarul şi problemele culturii Moldovei / Николае Милеску Спафарий и проблемы культуры Молдовы (материалы 2-х Спафариевых чтений): Сб. статей. Кишинев, 1991.

О. А. Белоброва

Никон (в миру Никита Минов) (V.1605—17.VIII.1681) — патриарх Московский и всея Руси, автор Слова о создании Валдайского Иверского монастыря, «Ответа» на вопросо-ответы Стрешнева—Лигарида, посланий, составитель сборника «Скрижаль», книголюб. Н. родился в с. Вельдеманово Нижегородского уезда в крестьянской семье. Учился грамоте у местного грамотея, юношей ушел на учебу в Макарьев Желтоводский монастырь. Вернувшись домой, женился и в 1625 г. был рукоположен священником церкви одного из соседних сел, вскоре на некоторое время переселился в Москву. В 1630 г. Н., уговорив жену принять постриг в Московском Алексеевском Девичьем монастыре, ушел на Север, где принял монашеский обет в Анзерском скиту, руководимом суровым отшельником *Елеазаром Анзерским*. Вместе с анзерским игуменом иеромонах Н. ездил в столицу за «милостыней», предназначавшейся на постройку каменного храма на Анзерах, а также занимался перепиской книг. Вскоре между ним и Елеазаром возникли трения, и Н. в 1634 г. вынужден был покинуть скит и перейти на жительство в Кожеозерский монастырь; в 1643 г. был рукоположен в игумены.

В 1646 г., во время поездки в Москву по делам монастыря, Н. был представлен молодому царю *Алексею Михайловичу*. По желанию царя Н. был оставлен в Москве, получив место архимандрита Новоспасского монастыря, где находилась родовая усыпальница рода Романовых. Именно в этот период Н. сблизился с членами просветительского кружка «ревнителей древлецерковного благочестия», в состав которого входили Ф. М. Ртищев, царский духовник *Стефан Вонифатьев*, протопоп Казанского собора *Иоанн Неронов* и другие представители столичного и провинциального духовенства, искавшие пути духовного обновления русской общественной и церковной жизни на пути церковных реформ.

В 1648 г. Н. был поставлен на новгородскую митрополичью кафедру. На этом посту он проявил незаурядные организаторские способности, твердый и решительный характер. В 1650 г. он сумел без кровопролития усмирить восстание новгородцев, вызванное голодом,

за что получил благодарность от царя. В Новгороде Н. впервые осуществил некоторые из задуманных им нововведений в церковной богослужебной практике: единогласное чтение в церкви и пение греческим и киевским роспевами. Введение единогласия во всей стране было санкционировано церковным собором, состоявшимся в феврале 1651 г. На следующий год Н. отправился в Соловецкий монастырь за мощами митрополита *Филиппа II* (убитого по приказанию *Ивана IV Грозного*), которые было решено перевезти в Москву. Причисление Филиппа к лику святых было политическим актом, символизировавшим покаяние царской власти перед церковной, а также их примирение для будущего тесного сотрудничества. По кончине патриарха *Иосифа*, Н., возвратившийся из Соловков, был «без жребия» избран на патриарший престол (25 июля 1652 г.).

С весны 1653 г. Н., при поддержке царя, начал проведение в жизнь задуманных им церковных реформ, которые внешне состояли в унификации русских церковных обрядов с греческими. По своему внутреннему смыслу эти реформы преследовали цель придать определенное единство церковным обрядам. Организаторы реформ стремились закрепить феодально-иерархическое положение князей церкви и повысить ее роль в целом как государственного учреждения. Реформы Н. проходили под знаком откровенного «грекофильства», которым увлечены были в то время царь и патриарх. Исправление книг и обрядов по новогреческим образцам, принятым также в южнославянских странах, служило укреплению церковно-политических связей России с этими странами и соответствовало честолюбивым планам Н. стать фактическим главой вселенской православной церкви. Однако эти реформы были враждебно встречены частью русского духовенства, выступившего против нововведений, зачастую насаждавшихся на местах крутыми волевыми методами. По словам А. М. Панченко, церковная реформа 1653—1658 гг. «перевела с обиходного на событийный уровень культуры весь реформированный церковный обряд, церковные и монашеские одежды, музыку, живопись, закрепленные авторитетом церкви обычаи и традиции, богослужебные книги. В силу этого спор об исторической правоте традиционалистов и реформаторов-никониан был неожиданно перенесен на самую болезненную для средневекового сознания идеологическую почву церковной догматики и принял четкие формы борьбы никониан-реформаторов с защитниками старой веры». Так в русской церкви возник раскол, после чего светские и церковные власти начали жестоко преследовать старообрядцев-традиционалистов, среди которых было много бывших друзей и единомышленников патриарха по кружку «ревнителей благочестия».

Н. активно участвовал в решении политических вопросов государственной жизни. Рост недовольства в придворных кругах властностью Н. способствовал охлаждению к нему царя. Разрыв был вызван и разным подходом царя и патриарха к оценке взаимоотношений церкви

и государства. В 1658 г. Н. демонстративно покинул патриарший престол и уехал в построенный им Воскресенский Новоиерусалимский монастырь. Опальный патриарх надеялся, что царь одумается и вернет его в Москву; однако этого не произошло. Когда Н. в 1664 г. самовольно приехал в столицу и попытался вновь занять патриаршее место, его выслали обратно. Церковный собор 1666—1667 гг., проходивший при участии греческих патриархов, подтвердил правильность обрядовых реформ, проведенных Н., однако снял с него сан патриарха. Н. был сослан как простой чернец в Ферапонтов, а затем переведен в Кирилло-Белозерский монастырь. В 1681 г. царь *Феодор Алексеевич* разрешил бывшему патриарху вернуться из ссылки и поселиться вновь в Новоиерусалимском монастыре. По дороге из ссылки Н. умер и был похоронен в вышеназванном монастыре по патриаршему чину.

Образованный для своего времени, Н. понимал значение просвещения и книгопечатания в России. Есть сведения о попытке Н. организовать типографию при Хутынском монастыре еще в бытность его на новгородской митрополии (Н. А. Гиббенет). Позднее, уже в период патриаршества, Н. перевел типографию белорусского Кутеинского монастыря в один из основанных им — Иверский Валдайский монастырь (братия Кутеинского монастыря переселилась в Московское государство). Здесь были напечатаны три книги: Часослов (1658 г.), «Рай мысленный» (1658—1659 г.) и «Брашно духовное» (1661 г.). В сборнике «Рай мысленный» помещено собственное сочинение Н. — «Слово благополезное о создании монастыря пресвятыя Богородицы Иверския». Еще два сочинения Н. вышли ранее в Москве особыми изданиями. Это Грамота об основании Крестнаго Кийского монастыря на Белом море (1656 г.) и Поучение о моровой язве (1656 г.). Несомненно участие Н. в составлении и редактировании обширного полемического сборника «Скрижаль» (М., 1655—1656), составленного из большого количества оригинальных и переводных сочинений и материалов. При Н. оживилась деятельность Московского Печатного двора, на котором коллегия справщиков (*Епифаний Славинецкий*, *Евфимий Чудовский* и др.) вела большую работу по подготовке к печати и сверке переводов церковных книг.

Н. принадлежит значительное число писем, посланий, грамот, челобитных, написанных им с 1652 по 1681 г. и адресованных разным лицам. Часть из этого эпистолярного наследия издана в приложениях к книгам Аполлоса, Н. А. Гиббенета, С. М. Соловьева и в «Деле о патриархе Никоне», изданном Археографической комиссией. Некоторые из этих писем и посланий имеют публицистический характер. Таковы письма Н. к царю Алексею Михайловичу, Паисию Лигариду, к восточным патриархам Нектарию и Дионисию, «Возражение» или «Ответ» на вопросы боярина Радиона Стрешнева к Паисию Лигариду и ответы на них последнего (Гиббенет. Историческое исследование... Т. 2.С. 176—249 — пересказ).

Особенно велика роль Н., бывшего большим книголюбом, в организации библиотечного дела и сосредоточении в Москве и в Воскресенском Новоиерусалимском монастыре древних рукописей. Поиск древних книг отчасти был связан с нуждами проводимой патриархом церковной реформы. Н. были затребованы старинные книги из 39 русских монастырей, которым в Москве была сделана опись (см.: Савва. Указатель... С. 100—102). В 1653 г. по инициативе Н. была организована поездка на православный Восток ученого монаха *Арсения Суханова* за греческими и древними славянскими рукописями. Собранные книги легли в основу двух крупнейших русских национальных библиотек — Патриаршей и Типографской. Имел Н. и личную библиотеку. По подсчетам С. П. Луппова, в нее входило 156 книг на русском и иностранных языках. Сведения об этой библиотеке можно почерпнуть из «Переписной книги» домовой казны патриарха, составленной в 1658 г. Много книг Н. пожертвовал в основанные им монастыри: Воскресенский Новоиерусалимский, Богородицкий Иверский и Крестный Кийский. Большая часть книг из библиотеки Н. хранится ныне в Синодальном и Воскресенском собраниях ГИМ, отдельные же из них находятся в других книгохранилищах Москвы и Ленинграда. Выявление и описание книг этой библиотеки — задача будущего.

Почерк патриарха Н. воспроизведен в книгах Аполлоса и А. Чирецкого. В книге Аполлоса воспроизведен также «герб Н.», взятый из книги «Рай мысленный», и патриаршая печать. Митрополит Платон (Левшин) писал, что «патриарх Никон был просветителем выше своего века, что он, как пастырь, был ревностный и попечительный, и как человек — доброй и верной души, но своенравен и горяч даже до излишества, неуступчив даже до упрямства, пышен по внешности, даже до возбуждения зависти других» (цит. по кн.: Гиббенет. Историческое исследование... т. 2. С. 464).

Изд.: Аполлос. Начертание жития и деяний Никона, патриарха Московского и всея России. 4-е изд. М., 1845; Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1961. Т. 11. Примечания; Palmer W. The Patriarch and the Tsar. London, 1871—1876. Т. 1—6; Гиббенет Н. А. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1882—1884. Ч. 1—2; Дело о патриархе Никоне / Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897; ПЛДР. XVII век. Книга первая. М., 1988. С. 514—522.

Лит: Иоанн Шушерин. Житие святейшего патриарха Никона, писанное неким бывшем при нем клириком / Изд. О. П. Козодавлева. СПб., 1784; 2-е изд. СПб., 1817; Иоанн Шушерин. Известие о рождении и воспитании и о житии святейшего Никона патриарха Московского и всея России (с печатного издания 1817 года, сличенного с тремя древнейшими списками). М., 1906; 2-е изд. М., 1908; Платон, митрополит (Левшин). Краткая российская церковная история. 2-е изд. СПб., 1822. Т. 2; Переписная книга домовой казны патриарха Никона: (О составе библиотеки патриарха Никона по описи 1658 г.) // ВОИДР. 1852. Кн. 15. С. 8—15; Савва, архимандрит (Тихомиров). Указатель для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) ризницы и библиотеки. М., 1855; Арсений Грек при патриархе Никоне // ПС. 1858. Ч. 3. С. 328—353; Субботин Н. И. 1) Дело патриарха Никона: (Историческое иссле-

вание по поводу 11 тома «Истории России» проф. Соловьева). М., 1862; 2) Рассказ Петра Великого о Никоне патриархе // Русский вестник. 1864. Т. 49; 3) Московский собор 1654 г. М., 1873; Леонид, архимандрит. Типография Оршенского Кутеинского и Иверского Валдайского монастырей // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском Публичном и Румянцовском музее. 1874—1876. М., 1876; Михайловский С. 1) Жизнь св. Никона, патриарха Всероссийского. С 9 рис. М., 1878; 2) Святейший Никон, патриарх Всероссийский. [Б. м., б. г.] (с портретом Никона и факсимиле его почерка); К — в В. Взгляд Никона на значение патриаршей власти. СПб., 1880; Макарий, митрополит. 1) Патриарх Никон в деле исправления церковных книг и обрядов. М., 1881; 2) История русской церкви. СПб., 1883. Т. 12; Колосов В. Старец Арсений Грек // ЖМНП. 1881. Сентябрь. С. 77—93; Каптерев Н. Ф. 1) Следственное дело об Арсении Греке // ЧОЛДП. 1881. Июль. С. 70—96; 2) Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. М., 1885; 2-е изд. Сергиев Посад, 1914; 3) Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887; 4) Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909—1912. Т. 1—2; Николаевский П. Ф. 1) Обстоятельства и причины удаления патриарха Никона. СПб., 1882; 2) Жизнь патриарха Никона в ссылке. СПб., 1886; 3) Патриаршая область и русские епархии в XVII в. СПб., 1888; 4) Московский Печатный Двор при патриархе Никоне // Христ. чт. 1891. Ч. 1—2. С. 1—50; Иконников В. С. Новые материалы и труды о патриархе Никоне. Киев, 1888; Жизневский А. К. Поход великого государя святейшего Никона... в 1656 г. в Тверь, Вязьму и Иверский монастырь. Тверь, 1889; Быков А. А. Патриарх Никон: Биографический очерк. СПб., 1891; Четыркин Ф. В. Жизнеописание святейших патриархов московских и всея России (1589—1700 г.) с изображением их. СПб., 1893. С. 57—77; Бриллиантов Н. И. Патриарх Никон в заточении на Белоозере: Исторический очерк. СПб., 1899; Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. СПб., 1900. Т. 1; Гейден А. Из истории возникновения раскола при патриархе Никоне. Жизнь патриарха Никона / Изд. Воскресенского монастыря. [Б. г.]; Матвеевский П. Святейший Никон, патриарх всероссийский. [Б. м., б. г.]; Чирецкий Ан. Патриарх Никон, его жизнь и деятельность: Биографический очерк. СПб., 1908; Барсков. Памятники; Никольский Н. М. История русской церкви. 2-е изд. М.; Л., 1931; Зызыкин Н. В. Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи. Варшава, 1931—1939. Ч. 1—3; Устюгов Н. В., Чаев Н. С. Русская церковь в XVII в. // Русское государство в XVII в. М., 1961; Луппов С. П. Книга в России в XVII веке. Л., 1970; Рогов А. И. Народные массы и религиозные движения в России 2-й пол. XVII в. // ВИ. 1973. № 4; Козлов О. Ф. Дело Никона // ВИ. 1976. № 1; Панченко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984; Гунн Г. П. Патриарх Никон и Елеазар Анзерский // Древнерусская книжность: По материалам Пушкинского Дома. Л., 1985. С. 230—242.

Н. Ю. Бубнов

«Новая повесть о преславном Российском царстве и великом государстве Московском» — повесть, оформленная как агитационно-патриотическое воззвание кануна создания Первого народного ополчения 1611 г., разоблачающее предательскую политику боярского правительства («семибоярщины») и призывающее москвичей к восстанию против польских интервентов. Памятник этот открыт и введен в научный оборот С. И. Кедровым (Кедров С. И. Авраамий Палицын // ЧОИДР. 1880. Кн. 4. С. 62). Создан он в Москве очевидцем событий («у нас зде, в великом граде»), написан в основном от имени автора и содержит описания ряда уникальных подробностей общественной жизни столицы периода ее оккупации отрядами польских

интервентов. Встречающийся в произведении оборот «у нас в Троице» представляет собой не случайную оговорку позднего троицкого переписчика (как считает А. А. Назаревский), а свидетельствует о каких-то личных связях автора с Троице-Сергиевым монастырем.

По традиции, восходящей к С. Ф. Платонову, Н. п. обычно датируется концом декабря 1610 (после гибели Лжедмитрия 14 декабря 1610 г., о котором в повести уже не упоминается) — началом января 1611 г. (поскольку автор еще умалчивает о народно-освободительном движении русских городов). С. Ф. Платонов высказывал также предположение, что она как «подметное» письмо могла быть написана в конце декабря 1610 г., «к святкам», когда ее удобнее всего было подбросить в толпу для прочтения. Однако Н. п. «подметным» письмом не является, она предназначалась для передачи из рук в руки и только среди патриотов. Народно-освободительное движение широко развернулось уже в последние два месяца 1610 г.; автор же об этом не сообщает, как умалчивает он и о рассылке патриархом *Гермогеном* агитационных грамот. Если учесть это, а также идейно-тематическую и стилистическую близость Н. п. и агитационно-патриотических грамот-воззваний января-февраля 1611 г., и принять во внимание, что некоторые источники датируют казнь поляка Блинского, стрелявшего в икону (о которой упоминает автор Н. п.), концом января—первыми числами февраля 1611 г., то датировку памятника можно соответственно изменить и крайний срок ее создания отодвинуть до начала февраля 1611 г. Я. Г. Солодкин привлекает против датировки С. Ф. Платонова новые архивные данные, на основании которых сдвигает время создания Н. п. к еще более позднему времени, ограничивая его «московским разорением» 19 марта 1611 г.

Тематически Н. п. близка современным ей агитационным патриотическим грамотам-воззваниям и «отпискам» периода формирования Первого народного ополчения 1611 г. Она направлена против польской интервенции Сигизмунда III, против его коварной политики ложного обещания прислать на московский престол королевича Владислава, против изменившего родине правительства «семибоярщины», которым автор повести противопоставляет таких стойких патриотов, как патриарх Гермоген и два «вящих самых» члена посольства, направленного к Сигизмунду III под Смоленск, т. е. В. В. Голицына и митрополита *Филарета*. Образцом героического сопротивления врагам в повести представлен осаждаемый, но не сдающийся интервентам город Смоленск.

По своим общественно-политическим взглядам автор Н. п. ближе всего к двум «вящим» членам посольства и Гермогену. С горечью он признает необходимость призвания на царский престол иноземца: «не восхотеша многи от християньска рода царя изобрати и ему служити, но изволиша от иноверных и от безбожных царя изыскати и ему служити». Владислава он признает лишь в случае его крещения в

православную веру и при условии высылки из пределов Руси всех интервентов. Однако, резко осуждая семибоярское правительство за откровенное предательство и защиту интересов Сигизмунда III, автор с почтением относится к «боярским чинам» и весьма «реально» и не без опасения ощущает весомое значение разбушевавшегося народного «моря» — в современных ему и грядущих событиях. Для своих агитационных целей автор использует почти все те же факты, что и современные ему агитационные патриотические грамоты, однако изображая патриарха Гермогена стойким патриотом, крепким, как «адамант», «столпом», он в основном ограничивается риторическими тирадами и лишь намеками говорит о его патриотической деятельности, замалчивая факт рассылки Гермогеном воззваний. И если это можно объяснить неосведомленностью автора, то такого объяснения нельзя дать замалчиванию им зарождающегося народно-освободительного движения городов: о сопротивляющихся Сигизмунду III городах, подобных Смоленску, он лишь глухо упоминает — «и иных и всех градов наших, не хотящих за него». По-видимому, причину этого явления следует искать в каких-то внутренних соображениях автора, из предосторожности решившего не раскрывать всех тайн подпольного патриотического движения.

Пóзднее заглавие памятника не отражает его жанрового определения. Большинство исследователей, начиная с С. Ф. Платонова, называют его «подметным письмом», «посланием», «воззванием». В действительности Н. п. — литературная повесть, оформленная как грамота-воззвание. Кроме сходства с памятниками деловой письменности в композиции, оформлении, самом описании бытовых сцен, использовании русской народной речи, Н. п. обладает всеми признаками развитого литературно изощренного повествования, обнаруживающего в авторе искуснейшего книжника, свободно владеющего и риторическим стилем «плетения словес», использующего книжные образы (*Стефанит и Ихнилат*) и традиционные сравнения (враги-«волки», Гермоген — «пастырь», «учитель», «столп»), ритмическую и рифмованную речь и одновременно создающего образы, близкие народному пониманию, такие как образ города-героя Смоленска в виде «прехраброго воина», держащего за узду «неукротимого жребца», или Сигизмунда в образе нетерпеливого жениха-насильника и Руси в образе «благоверной» и богатой невесты.

Хотя и анонимная, Н. п. отличается наличием авторской характеристики-автобиографии, из которой следует, что автор «прилепился» к врагам ради «тленнаго богатества» и ими «зело пожалован», что он боится раскрыть кому бы то ни было свое имя, так как не хочет осиротить или отдать на позор своих жену и детей. Авторская исповедь в данном случае оправдана требованиями формы, которая была придана Н. п.: в городских грамотах-воззваниях и «отписках» должен быть точно указан адрес, от кого и к кому они направлялись; роль этих

необходимых реалий и должна была выполнить автобиография писателя. С. Ф. Платонов пришел к выводу, что автор Н. п. — из «служилых», «был простым дворянином или сыном боярским или же приказным дьяком» (Древнерусские сказания... С. 112). Сомнения исследователей вызывали лишь попытки раскрыть конкретное авторское имя. Бездоказательной, например, была предложенная М. Н. Покровским атрибуция Н. п. *Авраамию Палицыну* (Покровский М. Н. Избранные произведения. М., 1966. Кн. 1. С. 351, 398). С. Ф. Платонов предполагал, что автором Н. п. мог быть скорее всего «дьяк Новгородской чети Григорий Елизаров, ушедший из Москвы от поляков в Троицкий монастырь» (Очерки... С. 480—481, 632—633, примеч. 200). Это мнение поддержали А. А. Назаревский (Очерки... С. 40—41, 149) и П. А. Садиков (Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950. С. 412).

Предположение об авторстве Григория Елизарова подвергает сомнению Я. Г. Солодкин, указывая на расхождения биографических сведений о Елизарове и того, что мы знаем об авторе повести. Исследователь предполагает, что автором Н. п. был другой приказный дьяк — Марк Иванович Поздеев, подтверждая свою гипотезу новыми актовыми материалами о его биографии. Опираясь на акростишие, принадлежащее одному из приказных поэтов 30—40-х годов XVII столетия — *Ермолаю Азанчееву*, Я. Г. Солодкин делает предположение о причастности М. И. Поздеева к литературной деятельности той поры. Акростих Азанчеева образует фразу, в которой упоминается «Марк Иванович» («Господарю Марку Ивановичю Ермолка Азанчеев челом биет»), а иного приказного дьяка этого времени с подобным именем и отчеством, кроме Поздеева, мы не знаем. Сопоставляя данные об авторе Н. п. с фактами биографии М. И. Поздеева, Я. Г. Солодкин приходит к заключению о возможном тождестве этих лиц.

Н. п. сохранилась в единственном списке ГБЛ, собр. МДА, № 10 (175), представляющем собой копию, содержащую ошибки; она находится в составе сборника XVII в., собранного, очевидно, в Троице-Сергиевом монастыре; текст повести неоднократно издавался, в том числе с разбивкой на ритмические строки.

Изд.: РИБ. 2-е изд. СПб., 1909. Т. 13. С. 187—218 (1-е изд. — СПб., 1892; 3-е изд., испр. по рукописи — Л., 1925); Тотубалин Н. И. Новая повесть о преславном Росийском царстве // Русская повесть XVII века. Л., 1954. С. 9—28, 169—189, 329—343; Назаревский А. А. Очерки из области русской исторической повести начала XVII века. Киев, 1958. С. 21—89, 158—183; Дробленкова Н. Ф. Новая повесть о преславном Росийском царстве и современная ей агитационная патриотическая письменность. М.; Л., 1960; ПЛДР. Конец XVI—начало XVII веков. М., 1987. С. 24—57, 546—553 (подгот. текста, пер. и коммент. Н. Ф. Дробленковой).

Лит.: Платонов С. Ф. 1) Новая повесть о Смутном времени XVII века // ЖМНП. 1886. Ч. 243 (январь). С. 50—67; 2) Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII вв.: (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений

в Смутное время). СПб., 1899. С. 480—481, 632—633, примеч. 200; 3) О двух грамотах 1611 года // Платонов С. Ф. Статьи по русской истории. СПб., 1903. С. 193—198 (то же: Платонов С. Ф. Соч. 2-е изд. СПб., 1912. Т. 1); 4) Древнерусские сказания и повести о Смутном времени как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 109—130, 446 (то же: Платонов С. Ф. Соч. 2-е изд. СПб., 1913. Т. 2); Любомиров П. Г. Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939. С. 265—267; Лихачев Д. С. Национальное самосознание Древней Руси: Очерки из области русской литературы XI—XVII вв. М.; Л., 1945. С. 116—119; Долинин Н. П. Развитие национально-политической мысли в условиях крестьянской войны и иностранной интервенции в начале XVII века // Науч. зап. Днепропетровского гос. ун-та. Т. 40. Сб. работ исторического ф-та, вып. 1. 1951. С. 119—122; Адрианова-Перетц В. П. Литература 1580—1610-х годов: Возникновение и расцвет историко-публицистической повести // История русской литературы. М.; Л., 1958. Т. 1: Литература X—XVIII веков. С. 268—270; Солодкин Я. Г. К датировке и атрибуции «Новой повести о преславном Российском царстве» // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 103—113.

Н. Ф. Дробленкова

Нормантский (Нармацкий) Федор Кириллович (2-я пол. XVII в.) — предполагаемый составитель Летописца. И. Д. Беляев, издавший текст Летописца Н., установил по официальным боярским книгам (более точного указания на источники Беляев не дал), что «Федор Кириллович Н. в 1676 г. был пожалован по Московскому списку (т. е. из жильцов повышен в Московские дворяне), а в 1678 г. по помете на челобитной думного дьяка Василия Семенова учинен ему оклад вновь поместной 500 чети денег двадцать два рубля». В других официальных записях и в *Летописи Никоновской* встречаются представители служилого рода Ярцевых—Нормантских; во времена *Ивана IV Грозного* Семен Степанович Ярцев — воевода первых лет Ливонской войны, участник различных посольств. Беляев называет и других представителей этого рода: Игнатий Нормантский — воевода в Шатском (1563 г.), Шарап — в Москве осадный голова (1578 г.), дьяк Иван — встречал Кызылбашского посла (1616 г.), дьяк Иван Алексеевич (вероятно, он же) — встречал Цесарского посла (1619 г.).

Рукопись Летописца Н. 2-й пол. XVII в., в 4°, 152 л. была найдена учителем Звенигородского училища Г. А. Громовым в Клинском уезде в каком-то селе в доме священника на чердаке среди старых бумаг и тетрадей и доставлена в редакцию ВОИДР. Находится в ГБЛ в собрании ОИДР (Соколов Е. И. Библиотека Общества истории и древностей Российских. М., 1905. Вып. 2: Описание рукописей и бумаг, поступивших с 1846 по 1902 г. вкл. С. 111—112, № 357). Возможно, Н. был не составителем Летописца, а всего лишь владельцем его списка. Летописец Н. не имеет ни начала, ни конца, открывается известием о походе *Ивана III* на Новгород в 1471 г., заканчивается 1560 г. Беляев считал, что первая часть Летописца ближе к Никоновской летописи, а вторая — к *Летописи Львовской*. Кроме того, как летописец фамильный и родовой, он пополнен записями из разрядов в интересах фамилии Н. Беляев ошибочно полагал, что в Летописце Н.

сть известия, отсутствующие в Никоновской и Львовской летописях. На эти ошибки указал А. Н. Ясинский.

Характеристику Летописца Н. уточнил А. А. Шахматов, установив, что он ближе к Карамзинскому списку *Летописи Воскресенской* (ГПБ, F.IV.601, список сер. XVII в.), или к его протографу: «Если допусить, что последние два известия, где вопреки другим летописям говорится о Семене Степановиче Норматцком, участнике Ливонского похода, прибавлены впоследствии, то окажется, что Летопись Нормантского пользовалась летописным сводом, оканчивавшимся там же, где Карамзинский список, т. е. известием о прибытии в Москву от Литовского короля гонца Андрея Ивановича в декабре 1560 (сент.) года». Шахматов считал, что в Летописце Н. нет ничего, или почти ничего такого, чего не было бы в Карамзинском списке Воскресенской летописи.

Вывод Шахматова о близости Летописца Н. к летописи типа Карамзинского списка Воскресенской летописи повторил А. Н. Насонов. Он отметил, что значение, которое придавал в середине прошлого века Беляев «фамильным или частным» летописцам, преувеличено. На примере Летописца Н. Насонов показал, «что по своему составу такие „частные“ своды оказываются обычно не самостоятельными, а представляют собой копии каких-либо известных летописных сводов, но лишь с небольшими вставками, сделанными в интересах данного „частного“ лица — феодала или его рода».

Изд.: Книга, глаголемая летописец Федора Кирилловича Норъмантъскаго с предисловием И. Д. Беляева // ВОИДР. 1850. Кн. 5. Отд. 2. С. I—IV, 1—148.

Лит.: Беляев И. Д. О разных видах русских летописей // ВОИДР. 1850. Кн. 5. С. 5, 8, 10, 14—15; Сын отечества. 1850. Кн. 10. Отд. 4: (Критика и библиография). С. 22—23; Ясинский А. Н. Сочинения князя Курбского как исторический материал // Университетские известия. Киев, 1889. № 10. Ч. 2 (отд. отт.: Киев, 1889. С. 10—12); Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 21: Нибелунги--Нэффцер. С. 374; Шахматов А. А. [Рец. на кн.: Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. I—III. СПб., 1899] // ИОРЯС. 1899. Т. 4, кн. 4. С. 1475, 1479, 1480—1481; Насонов А. Н. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969. С. 360; Левина С. А. Списки Воскресенской летописи // Летописи и хроники: Сб. статей. 1984 г. М., 1984. С. 54—55.

М. Д. Каган

О

«О изведении царского семени, и о смятении земли, и о прелести некотораго растриги черньца, еретика и богоотметника православныя веры християнскыя, отступника ангельскаго образа, Гришки Богда-

нова сына Отрепьева, галиченина родом, а в мире имя ему Георгей» (далее: «О изведении. . .») — произведение, посвященное событиям Смутного времени, опубликованное в 1895 г. С. Ф. Платоновым по единственному известному списку из сборника первой половины XVII в. ГБЛ, Муз. собр., № 12 (3141). Определить точное время создания памятника сложно. Трудности вызваны не только тем, что в самом тексте нет сведений об авторе, месте и времени появления произведения, но и тем, что утеряно его окончание. «О изведении...» обрывается начальными словами заключающего его, как считал С. Ф. Платонов, рассказа о перенесении мощей царевича Димитрия в Москву. Произведение могло появиться и по окончании Смуты, и сразу после описанных в нем событий. Последнее предположение возникает в связи с тем, что это произведение написано на основе *«Повести, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов...»* и *«Сказания и повести, еже содеяся в царствующем граде Москве, и о разстриге Гришке Отрепьеве...»*. «О изведении...» построено по схеме этих памятников, но дает краткое освещение только основных моментов первого этапа Смуты — захвата престола *Борисом Годуновым*, появления и царствования *Григория Отрепьева* (Лжедмитрия I), его свадьбы и восстания в Москве против него и поляков. Зависимость сказания «О изведении...» от указанных источников проявляется и в конкретных деталях. Так, например, в рассказе о поведении в Москве Лжедмитрия и поляков имеются текстуальные заимствования из «Сказания и повести...». Описание «ада» — «гуляй-города», изготовленного самозванцу для «потехи», очень близко подобному описанию в «Повести, како восхити...».

С. Ф. Платонов считал, что «легендарным характером в сказании отличается только одна подробность». Он имел в виду рассказ о том, что во время восстания москвичей поляки совсем не оказали сопротивления: «сущим безоружным, точию з дрекольем и камением их побиваху, а урешающе они воинскую свою збрую сами на себя руками подаваху». Но автор в данном случае проявил самостоятельность только в том, что постарался изобразить эту картину как можно нагляднее. Сама «неумелая гипербола», как определил С. Ф. Платонов искажение действительных обстоятельств победы москвичей, заимствована автором из «Повести, како восхити...». Произведение следует источникам и в трактовке действий Лжедмитрия. Неоднократно подчеркивается единственная, по мнению автора, цель самозванца — «разорити православную християнскую веру, в люторскую веру превратити». Разрушение этого замысла Лжедмитрия, папы римского и польского короля определяет идейное содержание текста.

При всей зависимости от источников «О изведении...» является произведением несомненно оригинальным. Своеобразие ему придает авторская самостоятельность в суждениях о людях и событиях, характер отбора материала и форма его изложения. Автор совсем не

придерживается идейной направленности источников, в которых ставилась задача агитации за непопулярного царя Василия Шуйского. Он вообще обходит вопрос об избрании царей, считая появление на русском троне разных людей результатом их собственных усилий. Не в пример источникам, где подробно и в похвальном тоне повествуется о роли Василия Шуйского в подготовке и осуществлении восстания 17 мая 1606 г. и об избрании его царем, «О изведении...» упоминает его лишь один раз и притом скороговоркой: «И потом бысть в Московском государстве в Российской земли християнские веры царьскаго корени остался сродич, государь царь и великий князь Василий Иванович, всеа Русии самодержец». Такое отношение к Василию Шуйскому свидетельствует о том, что автор не был его сторонником.

С другой стороны, в произведении проявилась важнейшая особенность литературных произведений конца Смутного времени. Если авторы «Повести, како восхити...» и «Сказания и повести...» делят людей только на хороших и плохих, то здесь обнаруживаются зачатки представления о человеческом характере, объединяющем противоречивые качества. Автор пытается обрисовать Бориса Годунова с различных сторон. При общей негативной характеристике человека, который обвиняется в преступном осуществлении замысла «царское семя извести», автор нашел нужным отметить в его характере и положительную черту. Возможность для этого давали активные попытки Бориса Годунова помочь населению Москвы во время трехлетнего голода: «та же три лета он, царь Борис, показа милостыню велию... и много гладных прокормил».

Особенностью сказания «О изведении...» является стремление его автора к большей, чем в источниках, точности и конкретности. Он тщательно, иногда с точностью до часа, датирует события, старательно отмечает длительность царствования всех царей после *Ивана IV Грозного.*

Бóльшая, по сравнению с другими произведениями, конкретность достигается в произведении за счет повышенного внимания к бытовым подробностям, к топографии Москвы и ее окрестностей. Здесь старательно отмечаются детали, которые другим авторам представлялись либо незначительными, либо общеизвестными. Во многих произведениях тот факт, что Лжедмитрий поселился в царских палатах, вообще не упоминается. Здесь же даются указания, какие именно помещения занял самозванец: «И постави себе хоромы и многия светлицы велми красны на набережных полатах и терем основал». Для писателей, рассказывавших о восстании против Лжедмитрия, обычно было достаточно сообщения об убийстве его в кремлевских палатах. Сказание «О изведении...» указывает место более определенно: «И сего окаянного еретика и богоотступника Гришку Отрепьева убили вверху, в палате крайней от Боровицких ворот». Место сожжения

тела Лжедмитрия в других источниках обозначено точно — «на месте нарицаемом Котле»; но сказание «О изведении...» и здесь содержит уточнения: «тело его предали огню на реке на Котле промеж курганов».

Благодаря умению автора видеть происходящее своими глазами, мы лучше представляем себе «ад» — «гуляй-город». Устрашающее оформление «ада» использовалось, видимо, не только в военных целях, но и в мирных развлечениях, которые имели характер театрализованных действ, хотя и с религиозным значением: «И выйдут из него люди в личинах, дияволом претворени, наметкы у них черныя, что у черниц, и почнут смолою и дехтем людей мазать и шелепугами почнут бить, да в деготь омачивая, а иные изо ада водолейками прыскаху воду з дехтем на мир».

Стиль произведения заметно отличается от стиля его источников. Здесь почти нет обычной для всех произведений Смутного времени риторики и цитат из Писания. «О изведении...» содержит всего два кратких риторических обращения автора к читателям и лишь одну, опять же краткую, цитату из Псалтири. В отличие от других, современных ему литературных памятников, в сказании «О изведении...» меньше ощущается влияние книжного языка. В некоторых местах наблюдается воздействие разговорной речи. Особенно это заметно в описании «ада». По содержанию оно ничем не отличается от аналогичного рассказа «Повести, како восхити...»: «Егда же разверзет челюсти своя, и изовну его яко пламя предстоящим ту являетца, и велие бряцание исходит из гортани его... и изо ушию яко же пламяни распалившуся» (РИБ. СПб., 1891. Т. 13. Стб. 164). Контраст заключается в том, что вместо языка церковной и агиографической литературы «О изведении...» использует язык фольклорных произведений, русской сказки: «Как станет зевать и глазы мигать, и колокольцы шумят, изо рта огнем пашет, из ушей дым идет». В произведении отсутствуют обычные для литературы начала XVII в. элементы стиля «плетения словес» и сложные синтаксические конструкции. Все это объясняется, вероятнее всего, не сознательным выбором стилистических средств, а меньшей по сравнению с другими писателями образованностью автора. Отсюда и неудачные в грамматическом смысле выражения, иногда затемняющие смысл сказанного. Например, в произведении говорится, что венчался Лжедмитрий с Мариной Мнишек «в четверг на третьей недели по Пасце, канон великаго чюдотворца Николы». Смысл этой фразы раскрывается при обращении к «Повести, како восхити...»: «в четверг... против пятка и против памяти чюдотворца Николы».

Автор плохо представляет себе разницу между вероисповеданием и национальностью иностранцев. Следуя за источниками, он повторяет их ошибку и еще больше усугубляет ее, расширив перечень различных, по его мнению, вероисповеданий: «И введе с нею в церковь многих поганых всяких вер людей, лютарей, ляхов, латынь, колвенцов, немец».

Одна из главных особенностей произведения — в объяснении причин Смуты. Все без исключения литературные памятники о Смутном времени объясняют и общие, и частные причины социально-политического кризиса Божьим наказанием за грехи русского народа. Здесь эта тема заметно ослаблена: «И в та же времени Божиим попущением и нашего ради согрешения... воздвижеся... некто еретик... Гришка Отрепьев». Эти слова сказаны мимоходом, как формула, необходимая по общепринятым правилам, когда речь идет о первом самозванце. Они связываются только с появлением Лжедмитрия, причем он послан в наказание не народу, а Борису Годунову. Все остальные события объясняются сознательными действиями людей. В совокупности отличительные признаки произведения заставляют исключить его автора из числа писателей аристократического происхождения и духовного звания. Он, безусловно, москвич и, вероятно, выходец из среды мелких служилых людей. Литературные занятия не были, видимо, для него привычным делом.

Изд.: Платонов С. Ф. Сказание о самозванце по списку Московского Публичного музея № 341 // ПДП. СПб., 1895. Вып. 109. С. 3—14.

Лит.: Отчет Московского публичного и Румянцевского музеев за 1889—1891 г. М., 1892. С. 53—57.

Г. П. Енин

«О Навходоносоре царе, о теле злате и о триех отроцех, в пещи не сожженных» см. *Симеон Полоцкий*.

О причинах гибели царств — трактат на политическую тему, носящий в списках пространное заглавие: «Описание вин или причин, которыми к погибели и к разоренью всякие царства приходят, и которыми делами в целости и в покою содержатца и строятца». Это памятник исторической мысли, содержащий попытку осмыслить судьбы государств и причины, приводящие их к неустройству и гибели. В нем ставятся вопросы о причинах возникающих смут и мятежей, и на первый план выдвигается вопрос о царской власти, о необходимых для «хорошего царя» качествах, а также о поведении «начальников», подчиненных царя. Историко-политические рассуждения в нем иллюстрируются конкретными примерами из античной истории, что придает памятнику литературный интерес. Трактат является, возможно, памятником неолатинской литературы, попавшим на Русь в XVII в. через польско-украинско-белорусское посредство. Некоторые списки сочинения содержат имя переводчика — Василия Садовулина (или Садовского). Декларируемая в издании 1989 г. принадлежность памятника *Николаю Спафарию* несостоятельна. Трактат переписывался вплоть до начала XVIII в. и имел хождение в старообрядческой среде; один из его списков находился в библиотеке Петра I. Древнерусский

текст трактата сложен по языку, изобилует громоздкими конструкциями. Списки памятника датируются XVII—началом XVIII в. Древнейшим является список ГПБ, Q.II.3, XVII в.

Изд.: Салмина М. А. «О причинах гибели царств», сочинение начала XVII века // ТОДРЛ. М.; Л., 1954. Т. 10. С. 332—352; ПЛДР. Конец XVI—начало XVII веков. М., 1987. С. 464—491, 605—607 (подгот. текста и коммент. М. А. Салминой, пер. О. В. Творогова); Н. Г. Милеску Спафарий — ученый, мыслитель, государственный деятель. Кишинев, 1989. С. 101—132.

Лит.: Материалы для истории раскола за первое время его существования / Изд. под ред. Н. И. Субботина. М., 1875. Т. 1. С. 323—339; Соболевский. Переводная литература. С. 165; Ромодановская Е. К. Повесть о гордом царе в рукописной традиции XVII—XIX веков. Новосибирск, 1985. С. 92—93.

М. А. Салмина

«О рожении воеводы князя Михаила Васильевича Шуйского Скопина» (далее «О рожении. . .») — повесть, известная в единственном списке, по которому она была опубликована П. Г. Васенко. Она находится в той же рукописи ГПБ, собр. ОЛДП, F.12, в которой содержится единственный список «*Писания о преставлении и о погребении князя Михаила Васильевича Шуйского, рекомаго Скопина*», и расположена непосредственно перед ним. Повесть «О рожении...» была написана не раннее 1620 г. Основным датирующим признаком служит рассказ о Калязинском сражении, заимствованный из «Сказания» *Авраамия Палицына*, которое было закончено в 1620 г. Повесть состоит из трех разнородных частей. Основная, самая обширная часть содержит самостоятельно написанный автором рассказ о Скопине от рождения князя до начала похода во главе русско-шведских войск из Новгорода на освобождение Москвы. Вторая часть представлена отрывком из «Сказания» Авраамия Палицына. Заключает текст небольшое летописное сообщение о поражении русских войск под Клушиным и захвате Новгорода шведами.

Повесть «О рожении...», хотя и охватывает всю жизнь Скопина, бедна содержанием. Написанная с целью дополнить «Писание», т. е. рассказ только о смерти и погребении Скопина, повествованием о его жизненном пути и подвигах, она представляет собой, в сущности, житие князя. Основная идея произведения состоит в том, чтобы представить Скопина в ином, по сравнению с «Писанием» качестве — не столько князем-воином, сколько примерным христианином, выдающимся защитником православия, который призывает прежде всего «крепко по христианской вере стояти и страдати, и за нея умирати». Примечательно, что автор отказывается дать Скопину собственную характеристику как воину и полководцу, предпочитая заимствовать ее у Авраамия Палицына. Так же он поступает при описании бедствий, последовавших за неожиданной смертью Скопина, единственного во-

еводы, способного побеждать врагов. Для этого он воспользовался записями из какой-то летописи.

Компилятивный характер повести обусловил ее стилистическую неоднородность. Ее определяющим стилистическим слоем является агиографический. Он обнаруживается с самого начала повести в обычном для житий рассказе о младенческих и отроческих годах Скопина, когда он проявляет примерное послушание, скромность, незаурядные способности к книжному учению. В соответствии с правилами агиографического жанра усиленное внимание уделяется изображению Скопина как благочестивого князя на протяжении всей его жизни. Достигается это путем неоднократных упоминаний о его благочестии и уподобления ученикам и сподвижникам Христа. Действия князя во время собирания сил для освобождения страны сравниваются с деятельностью апостолов.

Основная часть произведения написана церковно-книжным языком, для нее характерны многочисленные цитаты из ветхозаветных книг и Евангелия. Полностью заимствованный из «Сказания» Авраамия Палицына рассказ о Калязинской битве вносит в повесть типичные формулы воинских повестей. Заключает эту картину стилистической пестроты лаконичное, но насыщенное фактами летописное сообщение под 118 (1610) г. о Клушинском сражении, измене «немцев»-шведов и овладении ими Новгородом.

Повесть «О рожении...» полностью вошла в состав компилятивной повести о Скопине-Шуйском, опубликованной А. Н. Поповым.

Изд.: Попов А. Н. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 379—388; Васенко П. Г. Повести о князе Михаиле Васильевиче Скопине-Шуйском // Отчеты о заседаниях ОЛДП в 1903—1904 году. СПб., 1904. С. 10—30.

Лит.: Платонов С. Ф. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник. 2-е изд. СПб., 1913. С. 348—351; Ржига В. Ф. Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском // ИпоРЯС. 1928. Т. 1, кн. 1. С. 91—107; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 44.

Г. П. Енин

«О чарках, сколько надобно кому пить» — анонимное стихотворное произведение конца XVII в., близкое к пословичному фольклору. В рукописи начала XVIII в., откуда этот текст был извлечен, он примыкал к *«Истории о дву товарищах, имеющих между собою разговоры, ис которых един любил пить вино, а другой не любил»*. Изложенное раешным стихом поучение «О чарках...» отвечает повсеместно распространенному в культуре XVII—начала XVIII в. представлению, согласно которому всякое действие стремится к превращению в свою противоположность («Первую пить — здраву быть ⟨...⟩ Как выпить чарок десять, так и по неволи забесит»).

Изд.: Петухов Е. В. Материалы и заметки из истории древней русской письменности // ИОРЯС. 1904. Т. 9, кн. 4. С. 169—170.

И. П. Смирнов

Одоевский Никита Иванович (ок. 1601—1689) — князь, глава Комиссии по составлению Уложения 1649 г., автор писем. По жене своей, Евдокии Федоровне, урожденной Шереметевой, приходился родственником царю *Алексею Михайловичу* (Евдокия Федоровна была внутчатой сестрой царя, см.: Долгоруков П. В. Русский родословный сборник. СПб., 1840. Кн. 1. С. 21, 25). С раннего возраста О. подвизался на царской службе; в 1618 г. был в звании стольника, боярский сан получил в 1640 г. при царе *Михаиле Феодоровиче*; в день венчания Алексея Михайловича на царство был пожалован в ближние бояре.

Один из первых бояр по местническому старшинству (на соборе 1682 г., собранном по поводу уничтожения местничества, О. занимал первое место), он участвовал почти во всех важных делах своего времени: приводил к присяге новому царю Алексею Михайловичу боярскую думу и жителей Москвы, занимался составлением Уложения 1649 г., выступал в роли воеводы и дипломата во время войны с Польшей, участвовал в соборе 1666 г., низложившем патриарха *Никона*. Несколько раз О. исполнял должность воеводы — в Ржеве (1633 г.), Астрахани (1640—1643 гг.), Ливнах (1646—1647 гг.), Казани (1651—1653 гг.), имел звание астраханского (1655 г.) и владимирского (1677 г.) наместника, был первым судьей в Казанском и Сибирском приказах (с 1643 г.), стоял во главе приказов Большой казны, Земского, Рейтарского (с 1688 г.), Аптекарского (1676 г.), Судного (1681 г.), Разрядной палаты (ок. 1681 г.). Во время поездок царя Алексея Михайловича по монастырям и подмосковным селам управлял Москвой. (Библиографию источников, в которых упоминается О., см. в статье Е. Лихача: РБС. СПб., 1905. Обезьянников—Очкин. С. 167).

Дипломатическая деятельность О. началась в 1644 г., когда он вместе с князем Ю. А. Сицким вел переговоры с приехавшим в Москву датским королевичем Вальдемаром относительно свадебного договора королевича с царевной Ириной Михайловной. Затем он вел дипломатические переговоры в Москве с польским посланником Альбрехтом Пражмовским (1650 г.) и шведскими послами (1655—1656 гг.). Летом 1656 г. О. занимался дипломатическими переговорами в Вильне, целью которых было избрание на польский престол царя Алексея Михайловича. В 1658, 1660, 1662, 1664 гг. возглавлял посольства в Литву, в 1674 г. вел переговоры с польскими представителями в Андрусово.

Иностранцы ценили образованность и дипломатический талант О. Один из поляков, живший в Москве по какому-то дипломатическому

поручению и оставивший описание характеров вельмож и знатных людей царствования Алексея Михайловича, охарактеризовал О. так: «...он имеет основательные познания в славянском языке и некоторые сведения из истории польской... Одного Одоевского можно полагать основателем тридцатилетнего мира» (см.: Северный архив. 1825. № 20, ч. 17. С. 296).

В 1648 г. О. был поставлен царем во главе Комиссии по составлению проекта Уложения 1649 г., важнейшего законодательного памятника России, служившего в течение почти 200 лет в качестве действующего законодательства. Члены Комиссии (кроме О. в нее входили князья С. В. Прозоровский и *Ф. Ф. Волконский*, дьяки Гаврила Леонтьев и *Федор Грибоедов*) обнаружили большие знания в византийско-русской правовой литературе, были хорошо знакомы, с одной стороны, со Священным писанием, с другой — с приказной практикой. В качестве источников Уложения ими использованы: Кормчая книга, Литовский статут, русские судебники, указы царей и великих князей, боярские приговоры. Для характеристики высокой эрудиции Комиссии важно обратить внимание на то, что проект обширного законодательного памятника был подготовлен за два с половиной месяца (в дальнейшем в составлении Уложения, кроме комиссии, принимали немалое участие и члены земского собора). В сравнении с прежними русскими законодательными памятниками Уложение значительно систематичнее их, а содержание его гораздо полнее.

В деле патриарха Никона О. играл особую роль. Когда в 1663 г. в Воскресенский монастырь, избранный удалившимся с патриаршества Никоном своей резиденцией, была послана царем особая комиссия, во главе нее был поставлен О. О. имел врага в лице Никона со времени создания Уложения, запретившего духовенству приобретать вотчины и утвердившего новый, Монастырский приказ, сильно ограничивший судебные привилегии духовенства. Сохранилось написанное Никоном «Возражение... против вопросов боярина Симеона Стрешнева», в котором Никон подверг разбору Уложение. Ополчаясь против ненавистного ему Монастырского приказа, Никон адресовался не к царю, не к Стрешневу, не к Паисию Лигариду, но к О. как создателю Уложения, обзывая его «богоборцем», «окаянным», «суемудрым» (см.: Мнения патриарха Никона об Уложении и проч.: (Из ответов боярину Стрешневу) // Записки Отделения русской и славянской археологии имп. Русского археологического общества. СПб., 1861. Т. 2. С. 423—498; Ундольский В. М. Отзыв патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича // Русский архив. 1886. Кн. 2, № 8. С. 605—620). Назначенный в следственную комиссию, О. вел следствие с враждебностью к Никону и донес в Москву, что Никон ожидает только собора и вселенских патриархов, чтобы «отчесть от христианства великого государя» (см. отписку из Воскресенского монастыря царю Алексею Михайловичу боярина князя О., окольничего

Родиона Стрешнева и дьяка Алмаза Иванова). И в дальнейшей своей деятельности О. представлял враждебную Никону сторону. В декабре 1664 г., когда Никон внезапно явился в Москву, О. был послан к нему для переговоров и настоятельно требовал, чтобы он снова удалился в Воскресенский монастырь. На соборе 1666 г. он требовал низложения Никона и присутствовал при обряде совлачения с него сана. При дворе царя *Феодора Алексеевича* и в правление царевны *Софии Алексеевны* О. сохранял почетное положение, но был уже стар и не оказывал заметного влияния на ход дел. Петр I, будучи ребенком, называл его своим дядюшкой (Долгоруков П. В. Русский родословный сборник. Кн. 1. С. 25). Погребен О. в Троице-Сергиевой лавре, под западным притвором Троицкого собора (см.: Николаева Т. В. Надгробные плиты под западным притвором Троицкого собора // Сообщения Загорского гос. историко-художественного музея-заповедника. Загорск, 1958. Т. 2. С. 101).

Связь О. если не с литературой, то с письменностью обусловлена как его работой в Комиссии по составлению Уложения и дошедшей до нас коллективной отпиской о следствии над Никоном в Воскресенском монастыре (издана в СГГД), так и двумя сохранившимися письмами царю Алексею Михайловичу. Царь Алексей Михайлович, без сомнения, вел с О. большую переписку, из которой уцелело 2 письма, писанные оба в Казань, где О. в 1651—1653 гг. нес воеводскую службу (письма царя Алексея Михайловича к О. опубликованы: Собрание писем царя Алексея Михайловича / Изд. П. Бартенева. М., 1856. С. 217—237; Переписка царя Алексея Михайловича... С. 199—202; Письмо царя Алексея Михайловича князю Н. И. Одоевскому по поводу смерти его сына князя Федора Никитича / Изд. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1902. Кн. 2. Смесь. С. 33—34). Оба ответных письма О. на послания царя также сохранились. Первое из них писано в ответ на извещение о перенесении в Москву мощей митрополита *Филиппа*, второе — на утешение в горе, вызванном смертью старшего сына О., комнатного стольника, князя Михаила; ответные послания представляют собой выражение благодарности за царское милостивое слово.

В письмах О. уживаются рядом традиционный для жанра посланий русских подданых к своему царю уничижительный, намеренно сниженный стиль («А сынишку, государь, моего Мишку, велел погресть у старого моего дворишка... до меня, холопа твоего») и образцы высокого книжного красноречия («О благочестивые и великие государи цари, отец и сын! Се вам, государям, похвала и слава не от человек, но от Бога. Понеже славящих его прославляет вас, великих государей, и обогатил паче онех царей земных. Сие, государь, богатство паче злата, топазия. Где, государь, слышать, не во мнимых христианских государствах, чтоб слепые воочесились, хромые ходили и болящие различными недуги исцелялись? Токмо вам, благочестивым государем, подаровал Бог сию славу, честь!»). Это письма интеллигентного и

образованного боярина, вполне владевшего эпистолярным жанром и хорошо знакомого с высокой книжностью.

Кроме писем к царю до нас дошла переписка О. с Галицкой вотчиной. Здесь мы имеем дело с образцами жанра сугубо деловой письменности (см. книгу Ю. Арсеньева). Как человека, связанного с литературной средой своего времени, характеризует О. то, что один из первых авторов нарождавшейся в России стихотворной школы силлабиков, *Савватий*, был принят в его доме в качестве приходящего учителя юного князя Михаила Никитича. Именно к отроку Михаилу Никитичу Одоевскому обращены два стихотворных наставления Савватия: «Прещение вкратце о лености и нерадении всякому, бываемому во учении» (с акростихом «Князю Михаилу Никитичю чернец Савватии радоватися») и «Азбука отпускная тебе, моему ученику» (см.: Панченко А. М. Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973. С. 64). Поэты приказной школы искали себе покровителей, одним из них был боярин О.

Сохранилась рукопись (ГПБ, F.I.100, сборник XVI в., содержащий Устав лавры св. Саввы, Устав иерусалимский, Типикон, чины разных церковных обрядов), данная О. в его вотчину, со следующей записью: «В 26 день дал сию книгу, глаголемую Устав, в вотчину свою в Бежецкой верх, в село Сулегу боярин князь Никита Иванович Одоевской во веки неподвижно» (в рукописи есть также скрепа князя Ивана Никитича Одоевского Меньшого). В ГИМ хранится живописный портрет О. XVII в., опубликован в кн.: Очерки истории СССР: XVII в. М., 1955. С. 349; Государственный исторический музей: Путеводитель по экспозиции. М., 1964. С. 46.

Изд.: СГГД. М., 1828. Т. 4, № 35. С. 126—131; Переписка царя Алексея Михайловича с боярином князем Никитою Ивановичем Одоевским // Москвитянин. 1851. Кн. 2, № 2. С. 202—204; № 14. С. 146—151.

Лит.: Берх В. Царствование царя Алексея Михайловича. СПб., 1831. Ч. 1. С. 31, 40, 45, 58, 209—210, 257; Строев В. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году. СПб., 1833. С. 14—15. 18—20, 122—123; Малиновский А. Ф. Исторические доказательства о древнем желании польского народа присоединиться к России // Труды и летописи Общества истории и древностей российских. М., 1833. Ч. 6. С. 63—70, 245—253; Субботин Н. Дело патриарха Никона. М., 1862. С. 59—67; Загоскин Н. П. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и земский собор 1648—1649 года. Казань, 1879. С. 16, 28—52, 74—75; Гиббенет Н. Историческое исследование дела патриарха Никона. СПб., 1884. Ч. 2. С. 57—80, 366, 609—635; Зерцалов А. Н. Новые данные о земском соборе 1648—1649 гг. // ЧОИДР. 1887. Кн. 3. Отд. 4. С. 9, 59—61; Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России. М., 1894. Ч. 1. С. 23; М., 1897. Ч. 3. С. 7, 130, 133, 134, 136, 138, 147, 152, 314, 315; Арсеньев Ю. Ближний боярин князь Никита Иванович Одоевский и его переписка с Галицкой вотчиной. М., 1903; Смирнов П. П. 1) О начале Уложения и земского собора 1648—1649 гг. // ЖМНП. 1913. Сентябрь. С. 36—66; 2) Несколько документов к истории соборного Уложения и земского собора 1648—1649 гг. М., 1913. С. 1—7.

Н. В. Понырко

Онуфриев Алексей Захарьевич (сер. XVII в.) — стихотворец. Из семьи служилых людей, очевидно, москвич. Отец О. в 1647 г. был пожалован из торговых людей в дьяки и назначен в Казенный приказ, где служил до 1654 г. Сам О. был подьячим приказа Большого дворца (сведения о нем извлечены из акростиха).

Перу О. принадлежат три стихотворения (всего 123 стиха), которые сохранились в единственном списке (ГПБ, Q.XVII.227, л. 23—27). В них идет речь о «животворящем кресте Господне», что видно из заглавий: «Стихи кресту Господню похвални двоестрочни», и «Ини стихи всечестному и животворящему кресту Господню». Анализ стихотворений и сопоставление их с «Грамотой о Крестном монастыре» (М., ок. 1656) патриарха *Никона* и со «Сказанием о святем и животворящем кресте в Крестном монастыре на острове Кие» (ГПБ, собр. Погодина, № 1583, л. 4—31 об.) позволяет предположить, что небольшой стихотворный цикл О. был написан после основания Крестного монастыря в 1656 г. Эта датировка подтверждается идейной и иногда текстуальной зависимостью стихотворений от «Сказания» и «Грамоты». Отразившийся в стихотворениях панправославный экспансионизм патриарха Никона позволяет думать, что они были написаны до 1658 г., когда Никон оставил патриарший престол.

Первое стихотворение называется «Стихи двоестрочни о книзе сей, образу Спасову благодарни и Богородице молебни». Судя по всему, цикл предназначался в качестве предисловия для какого-то неосуществленного издания, посвященного Крестному монастырю. Участие О. в таком издании вполне возможно, так как Печатный двор был тесно связан с приказом Большого дворца, где служил О.

Техника стихосложения (неравносложные вирши) и жанр (стихотворное предисловие с акростихом) свидетельствуют о том, что О. был знаком с поэтической деятельностью поэтов приказной школы, которая в середине XVII в. уже прекратила свое существование.

Изд.: Отчет имп. Публичной библиотеки за 1897 год. СПб., 1900. С. 151—153 (отрывки); Николаев С. И. Два стихотворца XVII века // ТОДРЛ. Л., 1985. Т. 39. С. 371—376; Виршевая поэзия: (Первая половина XVII в.). М., 1989. С. 268—271, 448—449.

С. И. Николаев

«Описание о поставлении городов и острогов в Сибири по взятии ее» — под этим названием в рукописной традиции и научной литературе известен составленный во второй половине XVII в. в Тобольске *Летописный свод Сибирский*. Центральное место в нем занимает роспись воевод, дьяков, подьячих и письменных голов как Тобольска, так и других сибирских городов. Изложение событий сибирской истории ведется по годам правления тобольских (главных для Сибири) воевод. О., возникнув в 80-х гг. XVII в., пополняется новыми сведениями

вплоть до 1730-х гг. В зависимости от хронологического и территориального охвата событий, характера источников и особенностей их обработки, в настоящее время выделяются пять редакций и один вид свода (см. кн. Н. А. Дворецкой). Ранние редакции — Книга записная (1687 г.) и Головинская (1689 г.) — сохранили сведения традиционного характера из не дошедшей до нас тобольской летописи: о поставлении архиепископов и митрополитов, постройке церквей и монастырей, пожарах и строительстве Тобольска. В позднейших редакциях подобные реальные и бытовые черты опускаются, текст стандартизируется, превращаясь в официальный исторический справочник, дающий сведения прежде всего о сибирской бюрократии.

Начиная с Головинской редакции, создание летописи несомненно переносится из архиерейского дома, главного центра литературной деятельности в Тобольске первой половины XVII в., в воеводскую избу. С этого времени в летописной работе участвуют как воеводы, так и тобольские (позднее и томские) подьячие. Их интересы получают наибольшее отражение в О. Тогда же весь памятник окончательно оформляется как летописный свод: первая часть его, повествующая о ранней истории Сибири, заменяется Есиповской летописью (см.: *Есипов Савва*) в особой редакции, получившей в науке название Распространенной. Она отличается большей многословностью, стилистическим распространением текста Основной редакции, а также добавлением сведений о разбое казаков на Волге и включением рассказа о посылке Кучумом разведчика к спящему отряду перед гибелью Ермака (эти вставки по содержанию близки статьям о взятии Сибири в *Летописце Новом*). Кроме того, в главе об основании Тюмени к именам воевод В. Сукина и И. Мясного добавлено имя письменного головы Д. Чулкова. Все эти дополнения разрушают идейную направленность Основной редакции и сближают летопись с официальным московским летописанием.

Есиповская летопись Распространенной редакции традиционно рассматривалась как самостоятельный текст (см.: Сибирские летописи. С. XXII—XXVI). Однако она, как правило, в рукописях продолжена О., т. е. не встречается вне свода; редкое исключение представляют списки, содержащие только Есиповскую летопись, возможно, просто изъятую из сборников (см.: ПСРЛ. Т. 36, ч. I. С. 26—27). Кроме того, как установлено Н. А. Дворецкой, особые виды есиповской Распространенной летописи всегда читаются в соответствующих редакциях свода: по-видимому, одновременно пререрабатывались обе его части. Вместе с тем вторая часть свода в рукописях всегда сохраняет свою «отделенность» и особое заглавие.

Самая ранняя (1687 г.) редакция О. представлена в так называемой Книге записной (см.: Дворецкая. Сибирский летописный свод... С. 19—38). Она содержит многие реальные, бытовые подробности сибирской жизни. Ее составитель использовал не дошедшие до нас

источники или устные рассказы о доермаковских походах русских в Сибирь, а также памятники московского летописания, включив наряду с сибирскими целый ряд московских («общегосударственных») известий. Эта редакция сохранилась в одном списке конца XVIII в., происходящем из Тобольского Софийского собора (в настоящее время хранится в Отделе рукописей Научной библиотеки Томского университета). Особый вид той же редакции, испытавший влияние более поздней Нарышкинской, был по не дошедшей до нас рукописи опубликован Н. И. Новиковым в ДРВ. Благодаря этой публикации редакция Книги записной привлекала наибольшее внимание исследователей (Е. Замысловский, И. И. Тыжнов, А. И. Андреев).

Головинская редакция (1689 г.) создана при тобольском воеводе боярине А. П. Головине (1686—1689 гг.) (Дворецкая. Сибирский летописный свод... С. 39—73). Ее особенностью является наличие сведений о воеводстве А. П. Головина, в частности описание строительства земляного вала в Тобольске (1688 г.). В создании этой редакции, а также комплекса сибирских сочинений, образующих ее постоянный конвой в рукописях (см.: ПСРЛ. Т. 36, ч. I. С. 21—23), участвовал тобольский подьячий М. Г. Романов (см.: דергачева-Скоп. Автограф М. Г. Романова... С. 93—101). Тот же М. Г. Романов, возможно, имел отношение к созданию еще одной редакции свода — Нарышкинской (1694 г.) (Дворецкая. Изменения... С. 50—52). Эта редакция, наиболее распространенная в рукописной традиции, характеризуется окончательной стабилизацией и стандартизацией текста. Наиболее подробны сведения о воеводстве А. Ф. Нарышкина (1693—1694 гг.). Во всех списках текст стабилен до 1694 г., но нередко продолжен событиями начала XVIII в. (Дворецкая. Сибирский летописный свод... С. 74—104). На основе Нарышкинской редакции при томских воеводах Григории Михайловиче и Лаврентии Григорьевиче Петрово-Соловово (1699—1707 гг.) возник Томский вид сибирского летописного свода (1707 г.) (Дворецкая. Сибирский летописный свод... С. 94—99). Этот вид характеризуется особым вниманием к воеводам Томска, сокращением ряда тобольских известий, переработкой окончания (с 1694 по 1707 г.) и общей стилистической правкой. Все шесть известных в настоящее время списков Томского вида ведут начало от текста, сохранившегося в семейной рукописи Петрово-Соловово (ГПБ, собр. Погодина, № 1491). В XVIII в. появились еще две радакции О. — Шлецеровская и Академическая.

Шлецеровская редакция (Дворецкая. Сибирский летописный свод... С. 105—109) создана на основе Нарышкинской и содержит описание только тобольской администрации и тобольских известий до 1730 г. Есиповская летопись в Шлецеровском своде оторвана от О. вставкой статьи *«Краткое описание о Сибирстей земли и о похождении атамана Ермака»*. Академическая редакция характеризуется отбором сведений только по г. Тобольску до 1742 г. и включением известий

о поставлении городов в Сибири, в чем сходна с Книгой записной (Дворецкая. Сибирский летописный свод... С. 109—112).

Изд.: Записки, к сибирской истории служащие, или описание, сколько в Сибири, в Тобольске и во всех сибирских городах и острогах с начала взятия оной атаманом Ермаком Тимофеевым, в котором году и кто имяны бояр, и окольничих, и стольников, и дворян, и стряпчих на воеводствах бывали; и дьяков, и писмянных голов, и с приписью подьячих, и кто которой город ставил, и в котором году, и от которого государя царя кто был, и в кая лета устроися в Сибири престол архиерейский, и кто были архиереи // ДРВ. М., 1788. Ч. 3. С. 104—288; Сибирские летописи. СПб., 1907. С. XXII—XXVI, 171—240; Книга записная. Томск, 1973; ПСРЛ. М., 1987. Т. 36. Ч. 1.

Лит.: Замысловский Е. Царствование Федора Алексеевича. СПб., 1871. Ч. 1: Введение. Обзор источников. С. 1—3; Ионин А. А. 1) Новые данные к истории Восточной Сибири XVII в. Иркутск, 1875. С. 54; 2) Критико-библиографический обзор неизданной летописи сибирской «Описание о поставлени городов и острогов в Сибири» // Сибирский архив. Иркутск, 1913. № 9—11. С. 424—502; Тыжнов И. И. Заметки о городских летописях Сибири. Ч. 1. Летописи города Тобольска. СПб., 1898; Новомбергский Н. В поисках за материалами по истории Сибири. СПб., 1906; Иконников. Опыт по историографии. Киев, 1908. Т. 2, ч. 2. С. 1451, 1461, 1486—1487; Андреев А. И. 1) Этнографические труды Семена Ремезова о Сибири XVII в. // Советский север. 1938. № 1. С. 38—42; 2) Очерки по источниковедению Сибири: XVII век. 2-е изд. М.; Л., 1960; Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 1. С. 51; Дворецкая Н. А. 1) Археографический обзор списков повестей о походе Ермака // ТОДРЛ. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 467—482; 2) Из истории позднего сибирского летописания // Там же. М.; Л., 1969. Т. 24. С. 239—241; 3) Спорный вопрос позднего сибирского летописания // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 408—412; 4) Изменения в официальном сибирском летописании на рубеже XVII—XVIII вв.: (Анализ погодинского списка Сибирской летописи) // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 47—57; 5) Сибирский летописный свод (вторая половина XVII в.). Новосибирск, 1984; Дергачева-Скоп Е. И. 1) Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск, 1965. С. 143; 2) Автограф М. Г. Романова — одного из составителей Сибирского летописного свода // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 79—102; Резун Д. Я. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI—первой половины XVIII века. Новосибирск, 1982; Очерки русской литературы Сибири. Новосибирск, 1982. Т. 1. С. 85—89.

Е. К. Ромодановская

Описание о Сибирской земле см. *Есипов Савва.*

«Описание Российского царствия и окрестных государств и земель гербам» — сочинение политико-географического характера. Описание герба России соответствует здесь титулу царя *Алексея Михайловича*, называющему пределы 32 земель и княжеств: Московского, Киевского, Владимирского, Новгородского, Казанского, Астраханского, Сибирского, Псковского, Литовского, Смоленского, Тверского, Волынского, Подольского, Югорского, Пермского, Вятского, Болгарского, «Новагорода Низовские земли» (Нижегородского), Черниговского, Рязанского, Полоцкого, Ростовского, Ярославского, Белоозерского, Удорского и Обдорского, Кондийского, Витебского и Мстиславского, Северных стран,

Иверские земли, Карталинских и грузинских царей, Кабардинские земли, Черкасских и черских князей. Далее следует описание гербов 16 иноземных государств и земель (Цесарской, Гишпанской, Француженской, Аглинской, Датской, Коруны Польской, Великого княжества Литовского, Свейской, Флоренской, Галанской, князя Оранского, Бранденбурской, Курлянской, Амбурской, Любской, Турской).

Описание каждого герба кратко, например «Киевский — ангел с мечем и з щитом», «Казанский — змей с крылами, на главе венец», «Псковский — рысь, да из облака рука», «Амбурской — в карбасе два человека с веслы», «Турской — в красном поле полмесяца да звезда». Описание гербов («печатей») 11 земель и княжеств, входящих в титул царя Алексея Михайловича, встречается ранее в царском указе 1666 г. об изготовлении знамени (см. Опись Московской Оружейной палаты. Часть 3-я. Знамена, грамоты, значки, флаги и штандарты. М., 1884. С. 47—49), но не связано с рассматриваемой статьей (ср. «Печать Псковская; на ней Рысь бежащая», «Печать Казанская, на ней в каруне Василиск, крылье золото, конец хвоста золот»). По составу статьи — перечню всех 48 гербов — О. соответствует подбору иллюстраций к «*Титулярнику*», или «Большой государственной книге», подготовленной в 1672 г. в московском Посольском приказе (см.: *А. С. Матвеев*, *Николай Спафарий*; миниатюры с изображением гербов опубликованы в кн.: Портреты, гербы и печати Большой Государственной книги 1672 г. СПб., 1903). О., возможно, и было подготовлено для художников, украшавших подносные экземпляры «Титулярника»: лаконизм свидетельствует о чисто прикладном его назначении, далеком от воспевания и прославления гербов, свойственного, например, русским геральдическим виршам конца XVII в., обнаруженным в Швеции (см. Nilsson N. Russian Heraldic Virši from the 17-th Century. Stockholm, 1964). В О. встречаются отдельные полонизмы: «Коруна», «крыж», «пазнокти»; общий характер изложения отмечен ясно выраженной зрительной, в том числе цветовой характеристикой: «Свейской — семь львов под венцы, да в белом поле звезда, в лазоревом поле шесть корун». О., известное в двух списках (ГПБ, Эрмитаж. собр., № 456, л. 11—18 и F.XVII.54, л. 107—108 об.), не привлекалось А. В. Арциховским в работе: Древнерусские областные гербы // Учен. зап. МГУ. 1946. Вып. 93. История. Кн. 1. С. 43—67. О. не издано.

Лит.: Альшиц Д. Н. Историческая коллекция Эрмитажного собрания рукописей: Памятники XI—XVII вв. М., 1968. С. 79; Белоброва О. А. 1) Из литературной истории некоторых сочинений Николая Спафария // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 77—78; 2) Географические сочинения в России XVII в. // Барокко в славянских культурах. М., 1982. С. 316—325.

О. А. Белоброва

Описание Триумфальных ворот — рассказ о воротах, сооруженных в сентябре 1697 г. в Москве по поводу взятия Петром I в 1696 г. Азова. Это событие в политической жизни России было весьма значительным и кроме Триумфальных ворот было отмечено Похвалой Петру I *Иоанникия Лихуда*, виршами Ильи Копиевского, изданными в 1700 г. с портретом Петра I и изображением взятия Азова, гравюрой «Взятие Азова» Адриана Шхонебека 1699 г. В основе текстов, описывающих Триумфальные ворота, лежат не просто свидетельства современников, но документы, регламентирующие как саму постройку, символические фигуры, надписи, украшения, так и порядок прохождения войск. Инициатором сооружения Триумфальных ворот и торжественного прохождения через них вернувшихся из Азова войск был сам Петр, писавший 20 августа 1696 г. из Черкасска *Андрею Виниусу*: «Еще о некотором деле предлагаю. Понеже писано есть „достоин есть делатель мзды своея“, того и мню, яко удобно к восприятию господина генералисима и протчих господ... триумфальными враты почтити; место же мню к сему удобнее на мосту чрез Москву реку устроенном, или где лутче» (Письма и бумаги имп. Петра Великого. СПб., 1887. Т. 1. (1688—1701). С. 109—110, № 122). Исполнителем был А. А. Виниус, привлекший к работе мастеров и среди них известного живописца Оружейной палаты Богдана Салтанова, написавшего для Триумфальных ворот две грандиозные картины, изображавшие победы русских на суше и на море. Главными героями торжества были воевода Шеин и адмирал Лефорт, которых Виниус приветствовал с ворот хвалебными виршами. Сам Петр шел среди офицеров перед бомбардирской ротой.

Триумфальные ворота описаны в двух изданиях XVIII в. — Василия Рубана (Поход боярина и большого полку воеводы Алексея Семеновича Шеина к Азову... СПб., 1773. С. 178—205) и Ивана Голикова (Дополнения к Деяниям Петра Великого. М., 1790. Т. 4. С. 192—206). Кроме того, до нас дошел текст О., совпадающий в основных чертах с рубановским и голиковским, но отличающийся в некоторых деталях и дополнительных фрагментах. Он опубликован в Прибавлениях к Московским губернским ведомостям, куда был прислан М. Н. Макаровым, сославшимся на записки своего предка оберкригс- и статс-комиссара бригадирского ранга Козьмы Васильевича Макарова. Поэтому в «Словаре» С. Венгерова (Источники словаря русских писателей. Пг., 1917. Т. 4), а вслед за ним и в «Словаре» И. У. Будовница Козьма Васильевич Макаров назван автором заметок о событиях 1697 г.

Текстуальная близость текста, опубликованного в Московских губернских ведомостях, с публикациями XVIII в. указывает на то, что в их основе лежит один и тот же документ. Однако особенностью текста Ведомостей являются авторские комментарии и отступления, позволяющие судить о том, что перед нами две стадии существования памятника: текст Ведомостей отражает предысторию создания ворот, тексты XVIII в составлены после самого события. Так, после сооб-

щения о приходе 28 сентября 1697 г. войск к Коломне в авторском отступлении сообщается, что «уставщиком и грамотным людям для всего дела указали быть туда же... и на то дело такову светлицу нам отвели. И сам тут у нас изволил быть не однажды («сам» — скорее всего, А. А. Виниус.— *М. К.*), и опись требовал, и читал я ту опись самому». В другом отступлении названо и имя автора этих фрагментов: «А мне показано: „Василий, запиши-де все как должно, чтоб в память было“». М. Н. Макаров считал, что Василий — это полковник Василий Кошелев, командовавший одним из московских полков, встречавших боярина Шеина, и фигурирующий в этой описи. Однако само положение автора — уставщика, приказного человека, чиновника, участвовавшего в составлении документа, не совпадает с ролью полковника, участвовавшего в церемониале.

О. в записке Василия предшествовало входу войск в Москву. В отличие от текстов Рубана и Голикова, у него нет упоминания о телеге с виселицей, на которой везли изменника Якушку (Якоба Янсена, перешедшего на сторону турок еще во время первого похода Петра на Азов). В записках современников, содержащих самые краткие сведения о торжествах 1697 г., эта телега с приговоренным к казни изменником присутствует неизменно (см., например: Желябужский И. А. Дневные записки... 2-е изд. // Русский архив. 1910. Кн. 3, № 9. С. 49—50; Tagebuch des Generals Patrick Gordon. СПб., 1852. § 74—75). Нет у Василия и виршей, которые Виниус читал через трубу Шеину и Лефорту. Часть рекомендаций О. дана в будущем времени: «на самом же спуске кзымса (карниза на воротах) выписали человека с крылами... под тем крылатым мужем приписать „Делатель достоин мзды своея“» (кстати, фраза из письма Петра Виниусу); «а за кзымсом поставить (у Рубана «поставлено было») четыре палаша, восемь протазанов...» и т. д. В записке Василия говорится, что велено было «к тем полкам допускать смотреть малолеток дворянских» в сопровождении отцов или матерей, чего нет в публикациях XVIII в.

К некоторым местам О. Василий делал свои примечания, наглядно рисующие простонародное отношение к незнакомому еще на Руси предприятию, например при упоминании нагих татар он прибавлял: «в чем мать родила», изображение гения с крыльями пояснял: «как бы некую птаху», а про Нептуна с острогою и веслом на картине Богдана Салтанова спрашивал: «как бы рыбак он какой на китобое?» К подписи «Азовского паши голова» добавлял свой вариант: «Для народа же хорошо бы примолвить: Каленых отведала, сунулась в воду, не спросясь броду».

Триумфальные ворота 1697 г. характерны для петровского официального искусства: это памятник прикладного характера, сочетающий архитектуру, скульптуру, живопись, литературу и музыку. В Москве они были первыми. Петр хотел поразить соотечественников небывалым зрелищем. Впоследствии это станет традицией: взятие в

1703 г. Шлотебурга, Ямбурга, Копорья, в 1704 г. — Нарвы и Дерпта, Полтавская победа будут отмечены еще более пышно. Символика Триумфальных ворот будет все усложняться, так что для разъяснения ее будут издаваться по западноевропейскому образцу брошюры-либретто. О. 1697 г., ближе стоящее по своему жанру к деловой письменности, явилось как бы прообразом появившихся затем специфических для Петровского времени книг.

Изд.: Прибавление к Московским губернским ведомостям. 1843. 12 июня, № 24. С. 311—315.

Лит.: Голиков И. Историческое изображение жизни и всех дел славного женевца Франца Яковлевича Лефорта. М., 1800. С. 104; Богословский М. М. Петр I: Материалы для библиографии. М., 1940. С. 340—350; Ильин М. А. Московские триумфальные ворота рубежа XVII—XVIII вв. // Материалы по истории и теории искусства. М., 1956; Быкова Т. А. Книгоиздательская деятельность Ильи Копиевского и Яна Тессинга // Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 / Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.; Л., 1958. Приложение I. С. 289, № 14; Приложение IV. С. 326, 341; Пигарев К. В. Русская литература и изобразительное искусство (XVIII—первая четверть XIX века): Очерки. М., 1966. С. 49—70; Григорьян К. Н. Об одной из последних работ Богдана Салтанова // ТОДРЛ. Л., 1969. Т. 24. С. 305—308.

М. Д. Каган

Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич (во иночестве Антоний) (1605/1606—1680) — государственный деятель, дипломат, составитель «записок», «наказов» внешнеполитического и экономического характера, автор писем. О.-Н. происходил из семьи неродовитых псковских дворян, он был образованным человеком, знакомым с правилами риторики; с юности владел латинским и польским языками, позднее выучил немецкий и молдавский языки. В 1630-е гг. О.-Н. служил в псковской администрации; с 1642 г. вступил на дипломатическое поприще, приняв участие в пограничных переговорах со шведами (продолжены в 1652 г.) и посетив Молдавскую, а затем и Польскую земли с целью выяснения обстановки (1644 и 1645 гг.). О.-Н. был последовательным сторонником выхода Руси к Балтийскому морю и возвращения ей земель, захваченных Швецией. О.-Н. добился в 1658 г. Валиесарского перемирия со Швецией, а в 1667 г. участвовал в выработке и подписании условий Андрусовского перемирия с Польшей. С 1667 по 1671 г. О.-Н. возглавлял Посольский приказ. Наряду с дипломатической деятельностью О.-Н. привлекался и к административной службе, он назначался воеводой пограничных городов, а в 1664—1665 гг. — воеводой Пскова, где попытался провести реформы в области городского самоуправления, с ограничением торговых привилегий иноземных купцов и др. К 1667 г. О.-Н. подготовил Новоторговый устав, в 94 статьи, покровительствующий отечественной торговле, заключил договор с армянской компанией о торговле шелком-сырцом. В это же время по инициативе О.-Н. создана была корабельная верфь на Оке в селе

Дединове — прообраз будущего петровского флота (сожжена во время крестьянской войны Степана Разина). В целях обеспечения регулярного обмена корреспонденцией О.-Н. наладил почтовую связь между Москвой, Ригой и Вильной, а в Посольском приказе установил регулярный перевод иностранных газет — выпуск «Курантов». Активная, энергичная натура О.-Н. сказалась на деятельности всего Посольского приказа, расширившего при нем связи как с Востоком так и с Западом. Независимость и категоричность в суждениях и ряд тактических просчетов, связанных с руководством Малороссийским приказом, привели О.-Н. к опале и отставке в 1671 г. Еще раньше, в 1660 г. О.-Н. сам просил об отставке из-за сына Воина, бежавшего в Польшу к королю Яну Казимиру, но царь *Алексей Михайлович*, высоко ценивший дипломата, ответил ему «утешительным» письмом и отставку не принял (Письмо царя Алексея Михайловича А. Л. Ордину-Нащокину / Подгот. текста и примеч. А. М. Панченко // «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 573—575, 776).

В 1672 г. О.-Н. постригся в монахи в Крыпецком монастыре под Псковом. Сюда О.-Н. перевез обширный архив, включавший списки грамот, копии писем и др. Эти документы послужили владельцу при составлении челобитной, адресованной царю *Феодору Алексеевичу* в 1676 г., автобиографической записки «Ведомство желательным людем» (1678—1679 гг.) и еще одного сочинения под названием «Извещение истинное о начале войны, о Киеве с Украиной и царства Московского с королевством Польским миру совершение быти крепко» (известно в нескольких редакциях). В 1679 г. О.-Н. был вызван в Москву для участия в русско-польских переговорах (для чего он снял даже монашескую одежду), но его предложения не были приняты; О.-Н. был возвращен в Крыпецкий монастырь, где вскоре и скончался. Темперамент полемиста проявился в письмах, челобитных, заметках и докладах О.-Н. По царскому распоряжению бумаги из архива О.-Н. были после его смерти привезены в Москву, в Посольский приказ. Из современников О.-Н. его характеристику оставил в своих записках придворный врач царя Алексея Михайловича, англичанин С. Коллинс (ум. до 1671 г.). В ГИМ хранится живописный портрет О.-Н. 30-х гг. XVIII в., опубликован в кн.: Московский главный архив Министерства Иностранных дел. Портреты и картины, хранящиеся в нем. М., 1898. С. 19; Галактионов, Чистякова. А. Л. Ордин-Нащокин. . . С. 31.

Изд.: Торговый устав... 1667 г. // СГГД. М., 1828. Т. 4. № 55, С. 189—204; ДАИ. СПб., 1853. Т. 5. С. 1—37; Копреева Т. Н. 1) Неизвестная записка А. Л. Ордина-Нащокина о русско-польских отношениях второй половины XVII в. // ПИ. М., 1961. Вып. 9. С. 195—220; 2) «Ведомство желательным людем»: (Из автобиографических материалов А. Л. Ордина-Нащокина) // АЕ за 1964 г. М., 1965. С. 343—349.

Лит.: Соловьев С. М. А. Л. Ордин-Нащокин // Санкт-Петербургские ведомости. 1870. № 70; Иконников В. С. Ближний боярин А. Л. Ордин-Нащокин // РС. 1883. Т. 40. Октябрь. С. 18—66; Ноябрь. С. 273—308; Эйнгорн В. О. Отставка

А. Л. Ордина-Нащокина и его отношение к малороссийскому вопросу // ЖМНП. 1897. Ноябрь. Ч. 314. С. 92—176; Ключевский В. О. А. Л. Ордин-Нащокин — московский государственный человек XVII в. // Научное слово. 1904. Вып. 3; Лихач Е. Ордин-Нащокин // РБС. СПб., 1905. Обезьянинов — Очкин. С. 282—303; Фейгина С. А. Первый русский канцлер А. Л. Ордин-Нащокин // Исторический журнал. 1941. № 5. С. 35—46; Чистякова Е. В. Социально-экономические взгляды А. Л. Ордина-Нащокина // Труды Воронежского гос. ун-та. 1950. Т. 20. С. 3—57; Галактионов И., Чистякова Е. А. Л. Ордин-Нащокин, русский дипломат XVII в. М., 1961. (Выдающиеся дипломаты нашей родины).

О. А. Белоброва

«Орфей» — балет, поставленный в придворном театре царя *Алексея Михайловича* в 1673 г. Спектакль был создан на основе немецкого балета «Орфей и Эвридика», исполнявшегося в 1638 г. в Дрездене на слова Августа Бюхнера и музыку Генриха Шютца. Вероятно в русской постановке музыка была другая. За неимением профессионального балетмейстера танцы ставил инженер Николай Лим. Текст русского спектакля не сохранился. О постановке известно из сочинения курляндца Якова Рейтенфельса, гостившего в Москве в 1671—1673 гг. и напечатавшего в 1680 г. в Падуе книгу «О делах Московитов» (De rebus Moscoviticis). В немецкой постановке хор пастухов и нимф пел приветствие принцу и его супруге. В московском балете приветствие царю пел сам Орфей, перед тем как начать пляску. Рейтенфельс приводит немецкие стихи, которые были переведены царю. Постановка музыкального спектакля явилась для русского театра событием замечательным, ибо царь Алексей Михайлович не любил светской музыки и поначалу противился ее введению в спектакли. Однако ему пришлось признать необходимость музыки в театральном деле. О. — один из немногих спектаклей в репертуаре театра царя Алексея Михайловича, авторы которого обратились к сюжету античной мифологии (ср. с «*Комедией о Бахусе с Венусом*»).

Лит.: Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 189—190; Щеглова С. Актеры и зрители светского театра XVII—нач. XVIII вв. // Старинный спектакль в России. Л., 1928. С. 261; Державина О. А., Демин А. С., Робинсон А. Н. Появление театра и драматургии в России в XVII в. // Первые пьесы русского театра. М., 1972. С. 56. Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972. С. 32, 311—312 (ст. и коммент. О. А. Державиной); Робинсон А. Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974. С. 120—121.

М. Д. Каган

Осорьин Каллистрат (Дружина) Георгиевич (по М. Г. Кротову, ок. 1574—ок. 1645) — городовой дворянин из детей боярских, в 1610—1640 гг. — муромский губной староста, автор Повести о Ульянии Осорьиной. В справочно-биографической литературе XIX—нач. XX в. О. без какой-либо аргументации и ссылок на источники приписывалась *Повесть о Марфе и Марии*, а иногда также *Повесть о чудесах*

Виленского креста и, предположительно, «Служба святой праведной Улиянии». Т. А. Брун, исследовавшая Повесть о Марфе и Марии, пришла к выводу о невозможности атрибутировать это произведение О. Обоснованная ею же датировка Повести о чудесах Виленского креста (не ранее 1699 г.) исключает принадлежность и этого памятника перу О.

С уверенностью О. атрибутируется лишь Повесть о Ульянии Осорьиной (в рукописях: «Месяца генваря в 2 день успение святыя праведныя Улиянеи, муромскиа чюдотворицы»; «Житие и преставление святыя и преподобныя и праведныя матере нашея Иулиании Лазаревския. Списано многогрешным Калистратом, пореклу Дружино Осорьиным, сыном ея, что в Муромских пределех. Благослови, отче»; «Месяца генуария в 2 день житие и пощение и еже отзде преставление святыя праведныя матере нашея Иулиании, еже от Божия благодати новыя мироточицы, от града Мурома, яко звезду пресветло чудесми и доблъствием детелным восиявшую»). Ульяния Устиновна Осорьина — реальное лицо, муромская помещица, жившая в XVI в. (ум. 2 января 1604 г.); с XVII в. почиталась как местночтимая святая г. Мурома, получив по месту погребения в селе Лазареве Муромского уезда имя Иулиании Лазаревской (или Муромской). Нет сведений о том, была ли Ульяния канонизирована. С 1801 г. ее чествование (служение молебнов) было приостановлено владимирскими духовными властями и возобновлено в 1867—1868 гг. (см. подробнее: Е в г е н и й, епископ. О церковном прославлении...). Причины такого поворота в отношениях церкви к своей угоднице остались невыясненными. Можно предположить, что одной из них было несоответствие жизнеописания муромской «болярыни», написанного ее сыном, общепринятым представлениям о жизни подвижников благочестия: Повесть о Ульянии Осорьиной соединяет в себе черты агиографического произведения и светской биографии. Из заключающего Повесть фрагмента следует, что она была написана не ранее 1615 г. (по некоторым спискам — 1614 г.), когда во время погребения сына Ульянии Георгия был обретен гроб с нетленными мощами его матери, «полн мира благовонна», от которого многие болящие «облехчение от различных недуг приимаху». По мнению М. О. Скрипиля, время создания Повести следует определять 20—30-ми гг. XVII в.

Вероятно, поводом для написания Повести о Ульянии Осорьиной послужил традиционный для создания агиографического произведения мотив: чудеса и исцеления у гроба считались показателем и доказательством святости умершего и часто становились толчком к написанию жития нового чудотворца или чудотворицы. Тяготение к агиографическому канону отчетливо прослеживается в композиционной структуре памятника. Повествование ведется по традиционной житийной канве: рождение героини от благочестивых родителей, ее стремление к аскезе с детских лет («от смеха и всякия игры отгребашеся»), смирение и

послушание, прилежание в посте и молитвах; добродетельное житие венчают честное преставление и исцеления у гроба новой муромской чудотворицы. Однако старая житийная схема наполняется здесь принципиально новым содержанием: происходит «взрыв жанра изнутри» (Л. Боева). Ореолом святости наделяется обычная женщина, мирянка (Ульяния даже перед смертью не приняла пострига). Идеализация образа осуществляется наперекор традициям житийного канона; героиня не возносится над бытом, а, напротив, погружается в него, изображается в обыденных делах и ситуациях: в ведении «домовного хозяйства», в отношениях с мужем и его родителями, чадами и домочадцами. Главные добродетели Ульянии, которые постоянно подчеркиваются автором и расцениваются им как подвиги благочестия, — это трудолюбие («по вся нощи без сна пребываше, в молбах, и в рукоделии, и в прядиве, и в пяличном деле») и сострадание, готовность к помощи («вдовами и сиротами, аки истовая мати, печешеся»). Суть подвижничества Ульянии заключается в той «любви нелицемерной» к ближнему, которую она проповедовала и «делом исполняла» всю жизнь.

Искреннее сыновнее чувство и реальные жизненные впечатления помогли О. создать живой и притягательный, психологически достоверный женский образ. Традиционно-житийные ситуации под пером очевидца получают порой идущие вразрез с этикетными нормами реалистические толкования. Так, в описании первой сцены борьбы с бесами Ульяния ведет себя отнюдь не в соответствии с агиографическим каноном: «Во едину же нощь, востав на молитву по обычаю, без мужа. Беси же страх и ужас напущаху ей велик; она же, млада еще и неискусна, тому убояся и ляже спати на постели и усну крепко». Наблюдательность и личный характер воспоминаний автора обогатили Повесть элементами психологизма и художественными деталями. Написанная на конкретном историко-бытовом материале сыном о матери, Повесть о Ульянии Осорьиной запечатлела исторические реалии жизни русского поместного дворянства второй половины XVI в. В ней названы имена реальных исторических лиц: венчавшего Ульянию священника Потапия, позднее — архимандрита Муромского Спасского монастыря (монашеское имя — Пимен), предков Ульянии и ее родственников-современников — Недюревых, Лукиных, Дубенских, Осорьиных, Араповых. В Повести нашли отражение современные автору социально-экономические явления (отношения между родителями и детьми, челядью и землевладельцами) и исторические события эпохи («великий голод» в период правления *Бориса Годунова* и др.). Обращение к новому герою, частному лицу, необычному именно своей «обычностью», — характерная черта литературного развития XVII в., важнейшим достижением которого явилось, по определению Д. С. Лихачева, «открытие характера». В Повести о Ульянии Осорьиной нашел отражение процесс эмансипации литературного

произведения от служебного канона. Художественным особенностям Повести посвящена неопубликованная диссертация М. И. Мягковой: Дружина Осорьин — писатель XVII в.: («Житие Юлиании Лазаревской» как звено в развитии реализма древнерусской литературы). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1948, 280 с.

О популярности Повести в читательских кругах свидетельствует широкое распространение ее в рукописях: в настоящее время известно более 50 списков произведения XVII—XIX вв. и одна выписка из него. Существует 3 редакции Повести: Краткая, Пространная, которая представлена двумя вариантами, и Сводная (известна в одном списке — рукопись Тобольского филиала Государственного архива Тюменской области, № 262, л. 467—489). Краткая редакция, являющаяся, по мнению М. О. Скрипиля и Т. Р. Руди, первоначальной, сопровождается описанием посмертных чудес и исцелений у гроба Ульянии. Число чудес в списках вариативно (6, 18, 21), что отражает, по-видимому, живой процесс их записи, — возможно, разными лицами. В рукописи ГПБ, Q.I.355 содержится единственный список Повести, включающий 21 чудо; три последних из них — датированы, причем последнее относится к 7157 (1649) г. Пространная редакция Повести снабжена риторическим вступлением (или послесловием — во 2-м варианте) и распространена в основном цитатами из Священного писания и святоотеческой литературы. В ней особенно акцентирована идея возможности «спасения в миру» — в семье и деятельной любви. Сводная редакция, выделенная Т. Р. Руди, имеет в основе текст Краткой, но расширена переработанными вставками из Пространной редакции и особым вступлением, не встречающимся в других списках памятника.

Изд.: ПЛ. СПб., 1860. Вып. 1. С. 63—67; Евгений, епископ. Житие св. праведной Иулиании Лазаревской (в двух редакциях) и служба ей. СПб., 1910; Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII вв. / Сост. Н. К. Гудзий. М., 1935. С. 245—250; Скрипиль М. О. Повесть об Ульянии Осорьиной: (Исторические комментарии и тексты) // ТОДРЛ. М.; Л., 1948. Т. 6. С. 256—323; Русская повесть XVII века / Сост. М. О. Скрипиль. М., 1954, С. 39—47, 200—208, 350—358 (подгот. текста, статья и примеч. М. О. Скрипиля, перевод Ю. С. Сорокина и Т. А. Ивановой); «Изборник»: (Сборник произведений литературы Древней Руси). М., 1969. С. 542—550, 771—772 (подгот. текста и примеч. Р. П. Дмитриевой); Повесть об Ульянии Осорьиной // ПЛДР. XVII в. Книга первая. М., 1988. С. 98—104; 612—615 (подгот. текста и коммент. Т. Р. Руди).

Лит.: ААЭ. СПб., 1836. Т. 3. С. 230, 308, 437, 438; Тихонравов К. Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии и археологии Владимирской губернии. М., 1857. С. 147; Муравьев А. Жития святых российской церкви. Также иверских и славянских и местночтимых подвижников благочестия. Месяц январь. СПб., 1857. С. 3—18; Буслаев Ф. И. Идеальные женские характеры Древней Руси // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. СПб., 1861. Т. 2. С. 238—268 (*то же*: *Русский* вестник. 1858. Т. 17. С. 417—440); Филарет, архиепископ Черниговский. Русские святые, чтимые всею церковию или местно. Изд. 2-е, отд. I. Чернигов, 1865. С. 2—10; Толстой М. В. Юлиания Иустиновна Осоргина, благочестивая и праведная помещица XVI века // Русские подвижники. М., 1868. С. 67—78 (то же: Душеполезное чтение. 1869. Ч. 1.

С. 3—17); Ключевский В. О. 1) Древнерусские жития. С. 322—323; 2) Добрые люди древней Руси. М., 1896. С. 9—16; Барсуков. Источники агиографии. Стб. 282—283; Строев. Словарь. С. 220—221; Леонид, архимандрит (Кавелин). Святая Русь, или сведения о всех святых и подвижниках благочестия на Руси (до XVIII века) обще и местно чтимых. СПб., 1891. С. 180—181; Сторожев В. Н. Десятни XVI в. М., 1891. С. 73; Лихачев Н. П. Грамоты рода Осоргиных // Известия русского генеалогического общества. СПб., 1900. Вып. 1; Титов А. А. Историческое обозрение города Мурома // Труды Владимирской ученой архивной комиссии. 1902. Кн. 4. С. 45; Шилов А. Осорьин, Каллистрат Георгиевич, по прозвищу Дружина // РБС. СПб., 1905. [Т. 12]. С. 394—395; Попов Н. П. Рукописи Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. Вып. 2. Симоновское собрание. М., 1905—1910. С. 170—174; Курдюмов М. Г. Описание рукописей Археографической комиссии. СПб., 1910. С. 183; Алферов А., Грузинский А. Допетровская литература и народная поэзия. М., 1907. С. 141—150; Евгений, епископ. О церковном прославлении и почитании св. праведной Иулиании Лазаревской: (Исторический очерк). Муром, 1910; Богатов И. П. Владимирские святые и их чудеса. Владимир, 1929. С. 26—28; История русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 2, ч. 2. С. 95—100; Лихачев Д. С. Кризис средневековой идеализации человека в житийном жанре // Лихачев Д. С. Человек в литературе Древней Руси. М.; Л., 1958. С. 115—118; Воробьев В. П. Дательный самостоятельный в русских оригинальных повестях XVII века // Уч. записки Саратовского пед. ин-та. 1958. Вып. 30. С. 231—232, 235—236; Тагунова В. И. Муромские списки «Повести об Иулиании Лазаревской» // ТОДРЛ. М.; Л., 1961. Т. 17. С. 414—418; Будовниц. Словарь. С. 202; Анпилогов Г. Н. Нижегородские документы XVI века. М., 1977. С. 232; Брун Т. А. К вопросу о возникновении Сказания об Унженском кресте (Повести о Марфе и Марии) // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 220—221; История русской литературы. Т. 1. Древнерусская литература. Литература XVIII века. Л., 1980. С. 306—311; История русской литературы X—XVII веков / Под ред. Д. С. Лихачева. М., 1980. С. 351—354; Боева Л. Вопросы древнерусской литературы. София, 1982. С. 260; Greenan T. A. Julianiya Lazarevskaya // Oxford Slavonic Papers. 1982. Vol. 15; Alissandratos J. New Approaches to the Life of Julijana Lazarevskaja // Cyrillomethodianum. Thessaloniki, 1983. Vol. 7. P. 235—244; Демин А. С. Писатель и общество в России XVI—XVII веков. М., 1985. С. 54—60; Кротов М. Г. Новое об авторе «Жития Улиянии Лазаревской» // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. 1985 г. М., 1987. С. 16—18; Руди Т. Р. 1) Об одной реалии в «Повести об Ульянии Осорьиной» // Литература Древней Руси. Источниковедение. Л., 1988. С. 177—179; 2) Повесть об Ульянии Осорьиной (литературная история произведения): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1989; 3) «Повесть об Ульянии Осорьиной» и нижегородские земли // В памяти Отечества: Материалы научных чтений. Горький, 31 мая—5 июня 1987 г. Горький, 1989. С. 81—87.

Т. Р. Руди, Л. В. Соколова

28 Заказ 3003

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ДОПОЛНЕНИЯ К СТАТЬЯМ, ПОМЕЩЕННЫМ В «СЛОВАРЕ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ» (ВЫП. 3, ЧАСТИ 1—2)

Авраамий (с. 31). *Изд.*: ПЛДР. XVII век. М., 1989. Книга 2. С. 503—522 (подгот. текстов и комм. Н. В. Шухтиной).

Азбука о голом и небогатом человеке (с. 51). *Изд.*: ПЛДР. XVII век. М., 1989. Книга 2. С. 185—186 (подгот. текста и комм. Н. С. Демковой).

Алексей Михайлович (с. 70). *Лит.*: Кротов М. Г. Послание царя Алексея Михайловича о смерти патриарха Иосифа (Этюд из исторической психологии) // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. XVI—начало XVIII веков. М., 1989. С. 149—178.

Арсеньев Моисей Иванович (с. 112). *Лит.*: Фонкич Б. Л. Моисей Арсеньев (К истории изучения греческих документов в Москве в первой трети XVIII в.) // Архив русской истории. М., 1992. Вып. 1. С. 142—148.

Белобоцкий Ян (с. 128). *Лит.*: Вомперский В. П. Риторики в России XVII—XVIII вв. М., 1988. С. 38—53.

Беседа отца с сыном о женской злобе (с. 137). *Изд.*: ПЛДР. XVII век. М., 1988. Книга 1. С. 487—498 (подгот. текста и комм. Л. В. Титовой).

Горчак Стефан Стефанович (с. 219). *Изд.*: Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М., 1989. С. 119—138.

Грибоедов Федор Акимович (с. 230). *Лит.*: Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» М., 1988. С. 37—40.

Евфимий (с. 287). *Лит.*: Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. С. 148—164.

Епифаний Славинецкий (с. 309). *Лит.*: Елеонская А. С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990. С. 55—86.

Житие Иоанна (Григория) Неронова (с. 359). *Лит.*: Alissandratos J. Narrative Patterning in the Seventeenth-Century Old Believer Lives of Bojarynja Morozova and Gregory Neronov // Gattung und Narration in den älteren slavischen Literaturen (Zweite Berliner Fachtagung 1984). Wiesbaden, 1987. P. 29—46. (Slavistische Veröffentlichungen. Bd 64).

Злобин Михаил (с. 401). *Изд.*: Виршевая поэзия (первая половина XVII века). М., 1989. С. 220—227.

Иван Тимофеев сын Семенов (с. 14). *Лит.*: Варенцов В. А., Коваленко Г. М. Хроника «бунташного» века: Очерки истории Новгорода XVII века. Л., 1991. С. 33, 117—118; Солодкин Я. Г. 1) О происхождении и спорных вопросах биографии Ивана Тимофеева // Чтения памяти В. Б. Кобрина «Проблемы отечественной истории и культуры периода феодализма». Тез. докладов и сообщений. М., 1992. С. 166—167; 2) К определению источников формирования общественно-политических взглядов Ивана Тимофеева // Спорные проблемы истории русской общественной мысли (до начала XIX века). Научная *конференция*. Тез. докладов. М., 1992. С. 56—60.

северных стран патриарша престола приключшихся дел в разные времена и лета» (с. 37). *Изд.*: Архив Юго-Западной России. Киев, 1872. Ч. 1, т. 5.

Иннокентий Гизель (с. 43). *Лит.*: Чистякова Е. В., Богданов А. П. «Да будет потомкам явлено...» М., 1988. С. 223—225.

Иоаким (с. 53). *Изд.*: Переписка патриарха Иоакима с воеводами, бывшими в Крымских походах 1687—1689 гг. С портретом. Симферополь, 1906. Отд. отт. из «Известий Таврической Археологической комиссии». Вып. 40.

Иоанн (с. 61). *Лит.*: Извеков Н. Д. Московские кремлевские дворцовые церкви и служившие при них лица в XVII веке. М., 1906. С. 89. (Труды Комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины г. Москвы и Московской епархии. Т. 2).

Иоанн Васильевич Шевелев Наседка (с. 63). *Лит.*: Карташев А. В. Очерки по истории русской церкви. М., 1991. Т. 2. С. 88—96 (репринтное воспроизведение).

Иоасаф II (с. 80). *Лит.*: Буланин Д. М. Каталог книг кирилловской печати XVI—XVII веков Музея истории религии и атеизма в Ленинграде // Научно-атеистические исследования в музеях. Л., 1987. С. 40. № 185.2.

История о Мелюзине (с. 127). *Лит.*: Małek E. Narracje staropolskie w Rosji XVII i XVIII w. Łódź, 1988. S. 54—63.

Калязинская челобитная (с. 139). *Изд.*: ПЛДР. XVII век. М., 1989. Книга 2. С. 211—214 (подгот. текста и комм. Н. В. Понырко).

Кириллова книга (с. 163). *Лит.*: Опарина Т. А. 1) Археографическое описание списков Просветителя Литовского (вид Унд. 426) // Публицистика и исторические сочинения периода феодализма. Новосибирск, 1989. С. 158—170; 2) Сибирский список «Просветителя Литовского» и его место в становлении «Кирилловой книги» // Вторые Макушинские чтения (23—24 мая 1991 г., г. Томск). Томск, 1991. С. 158—160; 3) Влияние произведений украинско-белорусских полемистов конца XVI—начала XVII вв. на борьбу идей в России XVII в. («Кириллова книга» и «Книга о вере»). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1993.

«Комедия о Давыде с Голиадом» (с. 176). *Лит.*: Морозов П. О. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889. С. 190—191; Софронова Л. А. Поэтика славянского театра XVII—первой половины XVIII в. М., 1981. С. 227.

Коробовский Алексей (с. 184). *Лит.*: Сазонова Л. И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII—начало XVIII в.). М., 1991. С. 183—184.

Легендарная переписка Ивана Грозного, с турецким султаном (с. 218). *Изд.*: ПЛДР. XVII век. М., 1989. Книга 2. С. 16—21, 587—590 (подгот. текста и комм. М. Д. Каган-Тарковской).

Легендарная переписка турецкого султана с цесарем Леопольдом (с. 221). *Изд.*: ПЛДР. XVII век. М., 1989. Книга 2. С. 22—24, 590—592 (подгот. текста и комм. М. Д. Каган-Тарковской).

Легендарная переписка турецкого султана с чигиринскими казаками (с. 224). *Изд.*: ПЛДР. XVII век. М., 1989. Книга 2. С. 25, 592—593 (подгот. текста и комм. М. Д. Каган-Тарковской).

Летопись Новгородская Уваровская (с. 292). *Лит.*: Яковлев В. В. О малоизученном списке Новгородской Уваровской летописи // Прошлое Новгорода и новгородской земли. Тез. докладов Новгородской научной конференции. Новгород, 1992. С. 47—49.

Лечебник на иноземцев (с. 296). *Изд.*: ПЛДР. XVII век. М., 1989. Книга 2. С. 227—228 (подгот. текста и комм. Н. В. Понырко).

Лихуды Иоанникий и Софроний (с. 301). *Лит.*: Зубов В. П. 1) «Физика» Аристотеля в древнерусской книжности // Изв. АН СССР. VII серия, Отд. общ. наук. 1934. № 8. С. 635—652; 2) Аристотель. М., 1963. С. 346—348.

Малевинский Арефа (с. 329). *Лит.*: Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991. С. 214. (Slavistische Beiträge. Bd 274).

Матвеев Артемон Сергеевич (с. 341). *Лит.*: Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века / Публикация документов и исследование С. П. Луппова. Л., 1983. С. 127.

Матюшкин Афанасий Иванович (с. 345). *Лит.*: Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века / Публикация документов и исследование С. П. Луппова. Л., 1983. С. 139.

Митрофан (с. 351). *Лит.*: Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991. С. 214—215. (Slavistische Beiträge. Bd 274).

Морозов Борис (Илья) Иванович (с. 362). *Лит.*: Читатели изданий Московской типографии в середине XVII века / Публикация документов и исследование С. П. Луппова. Л., 1983. С. 41, 82, 139, 161.

Николай Гаврилович Спафарий (Милеску) (с. 392). *Изд.*: ПЛДР. XVII век. М., 1989. Книга 2. С. 535—549 (подгот. текста и комм. О. А. Белобровой).

«О чарках, сколько надобно кому пить» (с. 415). *Изд.*: Титова Л. В. «Разговоры между двумя товарищами, ис которых один зело любил пить вино, а другой не любил» — стихотворный памятник первой трети XVIII в. // Источники по истории общественного сознания и литературы периода феодализма. Новосибирск, 1991. С. 216, примеч. 6.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ*

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Академии наук. СПб., 1836. Т. 1—4.

Адрианова-Перетц и Покровская. Древнерусская повесть — *Адрианова-Перетц В. П.* и *Покровская В. Ф.* Древнерусская повесть. М.; Л., 1940. Вып. 1.

АЕ — Археографический ежегодник.

АЗР — Акты, относящиеся к истории Западной России. СПб., 1846—1853. Т. 1—5.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841—1842. Т. 1—5.

БАН — Библиотека Российской Академии наук (С.-Петербург).

Барсков. Памятники — *Барсков Я. Л.* Памятники первых лет русского старообрядчества. СПб., 1912.

Барсуков. Источники агиографии — *Барсуков Н. П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882.

БВ — Богословский вестник, издаваемый Московской Духовной академией.

Будовниц. Монастыри на Руси — *Будовниц И. У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках (по житиям святых). М., 1966.

Будовниц. Словарь — *Будовниц И. У.* Словарь русской, украинской, белорусской письменности и литературы до XVIII века. М., 1962.

Буслаев. Историческая христоматия — *Буслаев Ф. И.* Историческая христоматия церковнославянского и русского языков. М., 1861.

ВАИ — Вестник археологии и истории, издаваемый Археологическим институтом.

ВВ — Византийский временник.

ВЕ — Вестник Европы.

ВИ — Вопросы истории.

ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины.

ВИРА — Вопросы истории религии и атеизма.

ВЛ — Вопросы литературы.

Владимиров. Обзор памятников — *Владимиров П. В.* Обзор южнорусских и западнорусских памятников письменности от XI до XVII столетия. Киев, 1890.

ВМЧ — Великие Минеи Четии.

ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских. М., 1849—1857. Т. 1—25.

Востоков. Описание. — Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музеума, составленное Александром Востоковым. СПб., 1842.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).

ГИМ — Государственный Исторический музей (Москва).

Голубинский. История церкви — *Голубинский Е.* История русской церкви. М., 1900—1917. Т. 1—2.

Голубинский. История канонизации — *Голубинский Е.* История канонизации святых в русской церкви. М., 1903.

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (С.-Петербург).

ГПНТБ — Государственная Публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск).

ГТГ — Государственная Третьяковская галерея (Москва).

---

* *Примечание редколлегии.* Чтобы соблюсти единообразие в оформлении статей «Словаря книжников и книжности Древней Руси», в «Списке сокращений» не учитываются новые названия, присвоенные за последние годы ряду учреждений бывшего Советского Союза.

ДАИ — Дополнения к актам Историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1846—1875. Т. 1—12.
ДРВ — *Древняя российская вифлиофика*. 2-е изд. Н. И. Новикова. М., 1788—1791. Ч. 1—20.
Древности — Древности: Труды Московского Археологического общества. М., 1865—1904. Т. 1—20.
Дружинин. Писания старообрядцев — *Дружинин В. Г.* Писания русских старообрядцев. СПб., 1912.
Евгений. Словарь — *Евгений (Болховитинов).* Словарь русских светских писателей, соотечественников и иностранцев, писавших в России. М., 1845. Т. 1—2.
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1834—1917.
ЗНТШ — Записки Наукового товариства ім. Шевченка (Львов).
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1884—1919. Т. 1—33.
ИА — Исторический архив. Сборник (с 1936 по 1954); журнал (с 1954 по 1962).
ИВ — Исторический вестник.
ИЗ — Исторические записки.
ИИФиФ — Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения Российской Академии наук (Новосибирск).
Иконников. Опыт по историографии — *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1892—1908. Т. 1—2.
ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской Академии наук (Москва).
ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Российской Академии наук.
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии наук.
ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности имп. Академии наук.
ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук. (С.-Петербург).
КДА — Киевская духовная академия.
Ключевский. Древнерусские жития — *Ключевский В. О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
ЛГПИ — Ленинградский Государственный педагогический институт им. А. И. Герцена.
ЛГУ — Ленинградский Государственный университет.
Летописи Тихонравова — Летописи русской литературы и древностий, издаваемые Николаем Тихонравовым. М., 1859—1863. Т. 1—5.
ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии. СПб.; Пг.; Л., 1862—1929. Т. 1—35.
ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Российской Академии наук.
МГАМИД — Московский главный архив Министерства иностранных дел.
МГПИ им. В. И. Ленина — Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина.
МГПИ им. В. П. Потемкина — Московский городской педагогический институт им. В. П. Потемкина.
МГУ — Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.
МДА — Московская Духовная академия.
Назаревский. Библиография — *Назаревский А.* Библиография древнерусской повести. М.; Л., 1955.
Никольский. Рукописная книжность — *Никольский Н. К.* Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.). Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. Вып. 1. А—Б. (Изд. ОЛДП. № 132).
НІЛ, НІІЛ, НІІІЛ, НIVЛ, НVЛ — Новгородская первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
ОИДР — Общество истории и древностей российских.
ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
ПБЭ — Православная богословская энциклопедия. СПб., 1900—1911. Т. 1—12.

ПВЛ — Повесть временных лет.
ПДА — Петербургская Духовная академия.
ПДП — Памятники древней письменности.
ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
ПДС — Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными. СПб., 1851—1871. Т. 1—10.
ПІЛ, ПІІЛ, ПІІІЛ — Псковская первая, вторая и третья летописи.
ПИ — Проблемы источниковедения.
ПЛ — Памятники старинной русской литературы, издаваемые графом Григорием Кушелевым-Безбородко. СПб., 1860—1862. Вып. 1—4.
ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси.
ПО — Православное обозрение.
Порфирьев. Апокрифы ветхозаветные — *Порфирьев И.* Апокрифические сказания о ветхозаветных лицах и событиях. СПб., 1877.
Порфирьев. Апокрифы новозаветные — *Порфирьев И.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях. СПб., 1890.
ППС — Православный палестинский сборник.
ПС — Православный собеседник, издаваемый при Казанской Духовной академии.
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
РБС — Русский биографический словарь. СПб., 1896—1913. Т. 1—25.
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
РЛ — Русская литература.
РО — Рукописный отдел.
РС — Русская старина. Исторический журнал.
РФВ — Русский филологический вестник.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров. М., 1813—1894. Ч. 1—5.
Серебрянский. Княжеские жития — *Серебрянский Н.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915.
Соболевский. Переводная литература — *Соболевский А. И.* Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903.
СОРЯС — Сборник Отделения Русского языка и словесности имп. Академии наук.
СІЛ, СІІЛ — Софийские первая и вторая летописи.
Строев. Словарь — *Строев П. М.* Библиологический словарь и черновые к нему материалы / Приведен в порядок и издан под ред. А. Ф. Бычкова. СПб., 1882.
Тихонравов. Памятники — Памятники отреченной русской литературы / Собраны и изданы Н. Тихонравовым. М., 1863. Т. 1—2; СОРЯС. СПб., 1894. Т. 58, № 4. Т. 3.
ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук.
Українські письменники — Українські письменники: Біо-бібліографічний словник. Т. 1. Давня українська література (XI—XVIII ст.) / Уклав Л. Е. Махновець. Київ, 1960.
Филарет. Обзор — *Филарет (Гумилевский).* Обзор русской духовной литературы. 3-е изд. СПб., 1884.
Франко. Апокрифы — Апокріфи і легени з українських рукописів / Збирав, упорядкував и пояснив Ів. Франко. Львів, 1896—1910. Т. 1—5.
Христ. чт. — Христианское чтение.
ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (Москва).
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив (С.-Петербург).
ЦНБ АН УССР — Центральная научная библиотека АН УССР (Киев).
ЧИОНЛ — Чтения в историческом обществе Нестора летописца.
ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.
ЧОЛДП — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения.
Яцимирский. Библиографический обзор — *Яцимирский А. И.* Библиографический обзор апокрифов в южнославянской и русской письменности (Списки памятников). Вып. 1. Апокрифы ветхозаветные. Пг., 1921.

Научное издание

СЛОВАРЬ КНИЖНИКОВ И КНИЖНОСТИ ДРЕВНЕЙ РУСИ
ВЫП. 3 (XVII в.)
Часть 2
И—О

Утверждено к печати
Институтом русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской Академии наук

Редактор издательства *И. И. Шефановская*
Художник *Л. А. Яценко*
Корректор *Д. М. Буланин*

Изготовление оригинал-макета ГП «Слово»
Компьютерная верстка *С. П. Павловой*
199034, Санкт-Петербург, 9-я линия, д. 12
Тел.: (812) 213-35-59

Сдано в набор 14.01.93.
Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура таймс. Усл. печ. л. 30. Печ. л. 28. Тираж 6000 экз.
Цена договорная.
Зак. 3003

Издательство «Дмитрий Буланин»

ЛР № 061824 от 23 ноября 1992 г.
Санкт-Петербургская типография № 1 ВО «Наука» РАН
199034, С.-Петербург, 9 линия, д. 12

Distributed by Kubon & Sagner
Buchexport—Import GmbH (München)